

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД «КАВКАЗ – НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ И ПАМЯТИ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ: СОБЫТИЯ, УЧАСТНИКИ, СИМВОЛЫ

**Материалы III Всероссийской научной конференции
(г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.)**

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2022

УДК 94(47)07/08(470.6)(063)

B27

Издается при финансовой поддержке гуманитарного фонда
«Кавказ – новые горизонты»

Редакционная коллегия:

академик *Г.Г. Матишов* (отв. редактор),
д.и.н. *Е.Ф. Кринко* (зам. отв. редактора), *В.И. Афанасенко*,
к.филол.н. *Н.А. Власкина*, к.филол.н. *Т.Е. Грещова*,
к.и.н. *М.В. Медведев*, *Р.Г. Михалюк*

**Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга
В27 России: события, участники, символы: материалы III Всероссийской
научной конференции** (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.) / [отв. ред.
акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. – 600 с. –
ISBN 978-5-4358-0234-4.

В сборник материалов III Всероссийской научной конференции «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы» вошли статьи, в которых рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с историей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на юге РСФСР/СССР. Особое внимание уделено вкладу народов СССР в победу, специфике боевых действий на южном фланге советско-германского противостояния в 1941–1944 гг., преступлениям нацистов и коллаборационистов на оккупированных территориях и их последствиям, проблемам развития отношений власти и общества, развитию экономики и культуры в 1941–1945 гг., повседневной жизни на фронте, в тылу и в оккупации, а также отражению данных вопросов в мемориальной культуре и памяти советской и постсоветской России и стран ближнего зарубежья.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47)07/08(470.6)(063)

Утверждено на заседании Ученого совета ЮНЦ РАН № 4 от 24.12.2021.

ISBN 978-5-4358-0234-4

© ЮНЦ РАН, 2022

FEDERAL RESEARCH CENTRE
THE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
THE HUMANITIES FOUNDATION 'THE CAUCASUS – NEW HORIZONS'

**THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN THE HISTORY AND MEMORY OF THE PEOPLES
OF THE SOUTH OF RUSSIA:
EVENTS, PARTICIPANTS, AND SYMBOLS**

**Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific Conference
(Rostov-on-Don, 30 June – 1 July 2022)**

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2022

UDC 94(47)07/08(470.6)(063)

M39

Published with the financial support from the Humanities Foundation
‘The Caucasus – New Horizons’

Editorial Board:

Academician RAS *G.G. Matishov* (Managing Editor),
Dr (History) *E.F. Krinko* (Deputy Managing Editor),
V.I. Afanasenko, PhD *N.A. Vlaskina*, PhD *T.E. Grevtsova*,
PhD *M.V. Medvedev*, *R.G. Mikhalyuk*

M39 Matishov, G.G. and E.F. Krinko (Eds.) (2022). The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, and Symbols. Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, 30 June – 1 July 2022). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 600 p. (in Russian). ISBN 978-5-4358-0234-4.

The proceedings of the 3rd All-Russian Scientific Conference ‘The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, and Symbols’ include articles covering a wide range of issues connected with the history of the Great Patriotic War of 1941–1945 in the South of the RSFSR/USSR. The authors paid particular attention to the contribution of the peoples of the USSR to the victory, the specifics of hostilities on the southern flank of the Soviet-German confrontation in 1941–1944, the crimes by the Nazi and collaborationists in the occupied territories and their consequences, the issues of relations development between the authorities and the society, development of the economy and culture in 1941–1945, the everyday life at the front, behind the front lines and in the rear, and under the occupation, as well as the reflection of these issues in the memoirs and memorial culture of the Soviet and post-Soviet Russia and of the countries of the near abroad.

The publication is intended for researchers, teachers, graduate and undergraduate students, as well as readers interested in the considered subject.

UDC 94(47)07/08(470.6)(063)

Approved for publishing at Meeting No. 4 of 24 December 2021 of the Academic Council of SSC RAS.

ISBN 978-5-4358-0234-4

© SSC RAS (2022)

Предисловие

77 лет назад Победой завершилась Великая Отечественная война Советского Союза. В этом году также исполняется 80 лет с момента начала кровопролитных боев на Дону, Волге и Кавказе, охвативших территории современных Ростовской, Волгоградской, Воронежской и Астраханской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, республик Адыгеи, Ингушетии, Калмыкии, Северной Осетии – Алании, а также Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской и Чеченской республик. Эти бои унесли сотни тысяч жизней советских военнослужащих, а в результате нацистской оккупации существенно пострадало население и хозяйство всех без исключения захваченных противником регионов юга страны. И все же эти бои стали началом коренного перелома в Великой Отечественной войне. Они позволили советскому командованию овладеть стратегической инициативой и переломить ход не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Почти четыре года люди всего мира наблюдали за тем, какую борьбу вел Советский Союз за спасение земного шара от нацистской «коричневой чумы», и советский народ оправдал возлагавшиеся на него надежды.

После Победы постепенно восстанавливались разрушенные в годы войны города и села, сменялись поколения людей, а в начале 1990-х гг. после распада СССР образовались новые государства. В новых условиях произошла трансформация оценок многих событий прошлого, в том числе и Великой Отечественной войны, а ее итоги, к сожалению, все чаще подвергаются политизации во всем мире. Однако народная память по-прежнему бережно относится к героическому и трагическому прошлому нашего общества. Не случайно в современных реалиях российское научное сообщество осознает ответственность за сохранение знаний о войне и ее результатах, противодействуя искажению исторических фактов.

Обращение к данной теме обусловлено тем, что она на протяжении длительного времени остается главным местом памяти советского и постсоветских обществ, неотъемлемым фактором формирования национальной идентичности и народного менталитета.

В данный сборник вошли доклады, представленные на 3-й Всероссийской научной конференции с международным участием «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга

России: события, участники, символы». География участников охватывает несколько десятков субъектов Российской Федерации и зарубежных стран. Обращает на себя внимание и широта профессиональных интересов участников конференции, среди которых представлены не только историки, но и политологи, философ, социологи, юристы и другие специалисты из десятков научно-исследовательских учреждений, вузов, музеев, общественных организаций.

В стенах ЮИЦ РАН уже не первый год проводятся подобные мероприятия. За двадцатилетнюю историю нашего центра состоялось несколько десятков научных конференций и круглых столов, среди которых немало мероприятий было посвящено проблемам военной истории Юга России, специфике военных операций и мемориальным аспектам данных событий.

Благодаря современным подходам и источникам представленные в сборнике материалы дают возможность комплексно рассмотреть особенности советско-германского противостояния на юге страны в период с 1941 по 1943 г., детально исследовать вклад народов СССР в Победу, военную повседневность и практики выживания человека на фронте и в советском тылу, отражение событий и участников войны в исторической памяти России и стран ближнего зарубежья. Особое внимание уделяется нацистской оккупации и ее последствиям, включая людские потери и материальный ущерб, сопротивлению жителей оккупантам, военным преступлениям нацистов и коллаборационистов на захваченной советской территории. Не случайно уже несколько лет реализуется крупный федеральный проект «Без срока давности», открываются новые факты и проблемы, которые требуют тщательного и систематического исторического расследования.

В условиях новых геополитических вызовов крайне важно выбрать правильный вектор интерпретации нашего героического и трагического прошлого. Особой задачей становится сохранение знаний и памяти об итогах и последствиях Великой Отечественной войны, значимости нашей общей Победы, которая была достигнута совместными усилиями народов СССР на полях сражений и в коллективном труде в тылу.

Академик Г.Г. Матишов

Раздел 1

Вклад народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне¹

Л.И. Бородкин, Е.Ф. Кринко, Н.И. Леонтьева

НАРОДЫ СССР НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ И ВОЕННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ²

Участие представителей народов СССР в боевых действиях во время Великой Отечественной войны относится к активно разрабатываемым проблемам. Однако в советской исторической науке главное место отводилось роли коммунистической партии в мобилизации усилий советского народа для достижения победы в войне, а ее этническому компоненту не всегда уделялось должное внимание. В последние годы история отдельных народов в годы Великой Отечественной войны вызывает широкий интерес, но в новых публикациях нередко преобладает героический или трагический подход. Существуют определенные противоречия и в формировании образов Великой Отечественной войны в исторической памяти современной России и постсоветских государств. История войны всё чаще превращается

¹ Раздел подготовлен в рамках проекта РФФИ № 21-09-4311 «Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование».

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43112 «Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование».

в центральное место «боев за историю» на межгосударственном, а то и межэтническом уровне, и главными нередко оказываются вопросы участия отдельных народов СССР в Великой Отечественной войне. Мемориализация отдельных событий и участников войны, равно как и их забвение, превращаются в важнейшие направления политики памяти, закрепляя стремление тех или иных политических сил навязать свою интерпретацию прошлого, сформировать новую национальную идентичность.

Поэтому анализ роли народов СССР в действующей армии в годы Великой Отечественной войны, а также отражение данных вопросов в пространстве исторической памяти России сохраняют свою актуальность. Определенные возможности в решении данных вопросов связаны с использованием статистических и историко-антропологических методов исследования.

Пожалуй, единственной серьезной попыткой статистического анализа участия народов СССР в Великой Отечественной войне в советской историографии стала небольшая по объему монография А.П. Артемьева [1], выполненная на ограниченной источниковой базе, включавшей материалы около 200 стрелковых дивизий, что сузило исследовательские возможности автора и степень достоверности полученных им выводов. Среди современных исследований выделяется работа А.Ю. Безугольного, который рассмотрел национальный состав Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в контексте более широких этнонациональных процессов в советском военном строительстве на основе широкого круга источников, в том числе и учетно-статистических документов [2].

Немало количественных данных приведено в работах, посвященных участию отдельных народов и регионов СССР в Великой Отечественной войне, но, как правило, они разрозненные и фрагментарные. Одним из немногих примеров добросовестного и глубокого изучения статистических данных на материалах конкретного региона и отдельного этноса являются исследования К.Н. Максимова [8] и У.Б. Очинова [10; 11; 16 и др.], посвященные участию калмыков в Великой Отечественной войне, в которых обобщены и систематизированы данные о проведении мобилизации и награждения участников войны. Сведения об участии представителей различных народов СССР

в Великой Отечественной войне собирали и другие исследователи. Так, Х.Д. Ошаев на протяжении нескольких десятилетий на основе опросов, публикаций в печати, писем и довоенных фотографий собирал сведения о призывниках из Чечено-Ингушской АССР – участниках обороны Брестской крепости [12]. В настоящее время работу по установлению неизвестных судеб чеченцев – участников войны продолжает И.А. Сардалов [15]. Немало сведений об участии карачаевцев в Великой Отечественной войне привел в своих работах А.Д. Койчуев [7 и др.].

Неоднократно издавались справочные и обобщающие труды о Героях Советского Союза – уроженцах и/или жителях конкретных регионов страны. Но при обобщении этих данных неизбежна «двойная арифметика», поскольку многие советские граждане родились в смешанных браках и/или были призваны из населенных пунктов за пределами национально-государственных образований (в которых относились к титульным национальностям) и в результате нередко учитываются по двум современным субъектам РФ. Так, шапсут, Герой Советского Союза гвардии рядовой А.А. Ачмизов (1912–1942), заряжающий орудия 2-го гвардейского отдельного конного артиллерийского дивизиона 10-й гвардейской казачьей кавалерийской дивизии 4-го Кубанского гвардейского казачьего кавалерийского корпуса, родился в ауле Большой Кичмай (в настоящее время – в составе Лазаревского района г. Сочи Краснодарского края). Чеченец, Герой Советского Союза пулеметчик Х.Н. Нурадилов (1920–1942) родился в с. Ярыксу-Аух (Чаравали) (в настоящее время – в составе Новолакского района Республики Дагестан). Дважды Героя Советского Союза, военного летчика-аса С. Амет-хана (1920–1971) считают своим национальным героем по его родителям не только крымские татары, но и лакцы в Дагестане. Представители репрессированных народов СССР после принудительного выселения порой указывали другую национальность для продолжения службы в рядах действующей армии.

Обобщающие данные о погибших, умерших от ран и болезней, пропавших без вести жителях отдельных национально-государственных и административно-территориальных образований СССР в годы Великой Отечественной войны были установлены благодаря подготовке и изданию Книг Памяти. Списки составлялись на основе изучения

документов и материалов военкоматов, архивов и музеев, отделений ВООПИК, советов ветеранов войны и труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. Однако сравнение приводимых данных со сведениями о призыве в действующую армию, представленными в документах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), позволяет выявить существенные противоречия, что объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, сведения о призыве не учитывают тех, кто проходил воинскую службу в Красной армии и Военно-морском флоте к началу Великой Отечественной войны. Во-вторых, существует специфика учета жителей, которые проходили воинскую службу в рядах командно-начальствующего состава, а также в воинских формированиях, не относившихся к Наркомату обороны СССР, – в войсках Наркомата внутренних дел СССР, пограничных войсках и в добровольческих формированиях (частях народного ополчения, истребительных батальонах, местной противовоздушной обороны). Следует учитывать и то, что часть бывших советских военнослужащих, попав в плен, перешла на сторону противника и оказалась в частях и соединениях вермахта и СС. Значительная часть документов военкоматов, осуществлявших призыв, не сохранилась. Нередко составители Книг Памяти в отдельных регионах использовали различную административно-территориальную структуру, а то и этнический принцип наряду с территориальным [3: 540–541; 10: 53].

Существенный шаг вперед в систематизации сведений об участниках Великой Отечественной войны был сделан с созданием цифровых ресурсов Министерства обороны РФ. В 2007 г. был создан Обобщенный банк данных (ОБД) «Мемориал», в котором содержатся сведения о защитниках Отечества, погибших, умерших и пропавших без вести во время Великой Отечественной войны и послевоенный период. В настоящее время ОБД «Мемориал» содержит почти 17 млн цифровых копий документов о безвозвратных потерях и 20 млн именных записей о потерях Красной армии в Великой Отечественной войне. Обнародованы первичные места захоронений более чем 5 млн солдат и офицеров. Продолжается оцифровка списков и картотек ранений, дел санчастей и медсанбатов, работа по установлению имен военнослужащих, находившихся в плену [9]. Позже были созданы сайт

«Подвиг народа», наполняемый имеющимися в военных архивах документами о ходе и итогах основных боевых операций, подвигах и наградах участников Великой Отечественной войны, интернет-портал «Память народа», в базе которого содержатся данные о 30 млн награжденных периода боевых действий Великой Отечественной войны и другие сведения, извлеченные из 200 тыс. архивных дел общим объемом около 100 млн листов [13].

Реализация ряда исследовательских, научно-образовательных и просветительских проектов сопровождается созданием собственных баз данных, интерактивных карт и других цифровых ресурсов, посвященных участию в Великой Отечественной войне представителей различных народов и групп населения СССР. Однако получение принципиально новых научных результатов во многом зависит от использования соответствующих методов анализа собранных и систематизированных данных. Возможные варианты решения указанных задач предлагаются в рамках исследовательского проекта «Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование», реализуемого в ЮНЦ РАН при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

В рамках реализации проекта в ЦАМО РФ был выявлен значительный массив статистических данных о личном составе РККА. В первую очередь это документы из фондов Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Красной армии, Главного политического управления, Главного управления кадров, Главного управления укомплектования и формирования войск Красной армии. В Российском государственном военном архиве собрана учетно-статистическая информация о РККА предвоенного периода в фондах Главного управления, Главного управления кадров, Административно-мобилизационного управления РККА. Среди указанного комплекса источников особый интерес вызывают сводные альбомы социально-демографических данных списочного состава РККА. Они содержат сведения, отражающие национальные характеристики различных категорий военнослужащих: командно-начальствующего (с 1943 г. – офицерского), младшего начальствующего (с 1943 г. – сержантского), рядового, курсантского составов. Изучение этих уникальных

материалов позволяет сделать выводы о национальном представительстве народов СССР в РККА в годы войны и его динамике.

Перспективной представляется обработка собранных данных при помощи современных методов многомерного статистического анализа, в первую очередь кластерного анализа, реализованного с помощью пакета STATISTICA. Последовательно использовались агломеративно-иерархический метод и метод *k*-средних. На первом этапе проводилась иерархическая кластеризация, позволяющая визуализировать структуру типологии. На втором этапе проводилась кластеризация с помощью метода *k*-средних для двух типологических групп (кластеров), при этом каждому кластеру давалось статистическое описание. Каждый из построенных кластеров включает национальности, характеризующиеся близкой структурой распределения по четырем воинским категориям.

Использование данных методов, в частности, позволило выявить, что за два с половиной года войны произошли значительные изменения в национальном составе офицеров и рядовых РККА. Доля русских среди рядовых уменьшилась с 68,3% до 58,4%, в то время как доля украинцев в этой категории выросла более чем в два раза – с 10,7% до 21,7%, а доля белорусов – в три раза. В то же время доля всех трех славянских народов среди офицеров почти не изменилась. Заметно снизилась в составе рядовых доля казахов, узбеков, армян, грузин, татар (в полтора – три раза); исключение составили молдаване, чья доля в составе рядовых выросла с 0,06% до 2,55%. Обращает на себя внимание относительно высокая доля евреев в офицерском составе (5,4% и 5,3% соответственно; по этому показателю впереди были только русские и украинцы).

Наряду со статистическими методами широкое распространение в современной историографии получают и историко-антропологические методы исследования. В 2000-е гг. значительно выросло количество работ, посвященных «человеческому измерению» Великой Отечественной и других войн и вооруженных конфликтов. Ключевыми задачами конкретно-исторических исследований в рамках нового направления считаются: определение того общего и особенного, что влияет на психологию социума и армии в конкретной войне; изучение взаимовлияния идеологии и психологии вооруженных конфликтов,

в том числе механизмов формирования героических символов, а также диалектики соотношения образа войны в массовом сознании и сознании ее участников; анализ психологии боя и солдатского фатализма, проявлений религиозности и атеизма, особенностей самоощущения человека в боевой обстановке и других проблем [14: 13–14]. В первую очередь, реализация данных исследовательских задач осуществляется на основе изучения источников личного происхождения – писем, дневников и воспоминаний участников войны, а также материалов опросов очевидцев [4: 11–12].

В рамках настоящего исследования планируется продолжение работы с записанными ранее интервью с участниками Великой Отечественной войны, а также с воспоминаниями из фондов и коллекций участников войны федеральных и региональных архивов, электронных архивов и баз данных (в том числе материалов сайтов «Прожито», «Я помню / I remember» и др.), а также опубликованными в отдельных изданиях и сборниках. Предполагается качественный и количественный анализ меморатов, использование наряду с традиционным историковедческим анализом метода контент-анализа, позволяющего рассчитывать на преодоление фрагментарности и субъективности в их интерпретациях [5]. В качестве перспективного аналитического программного обеспечения рассматривается программный пакет MAXQDA.

Для современной историографической и общественно-политической ситуации важно не только оценить при помощи современных методов и доступных источников, каким был вклад конкретных советских этносов в победу в войне, но и понять, как он представлен в современной системе профессиональных знаний, политике памяти, мемориальной культуре и коммеморативных практиках. За почти тридцатилетнее существование современной российской государственности бытовавшая ранее общая советская практика выстраивания коммеморативного пространства обросла множеством локальных особенностей, которые определяются в том числе степенью участия населения разных регионов в Великой Отечественной войне. Анализ общей совокупности установленных в современной России памятников, посвященных участникам Великой Отечественной войны, воевавшим и погибшим на фронте, вернувшимся с победой, находившимся

в плену, а также отражения их судеб в профессиональной историографии и широкого комплекса ее взаимосвязей с коммеморативными практиками позволит учесть влияние этнических, территориальных, политических факторов в формировании и структурировании мемориального пространства.

При изучении вопросов сохранения памяти об участии народов СССР в Великой Отечественной войне разработана структура базы данных мемориальных объектов на территории юга РФ. Структура базы данных включает в себя основную таблицу, в столбцах которой отражены следующие характеристики мемориальных объектов: название; вид памятника; год установки; автор; вооруженный конфликт (для совмещенных объектов); внешнее описание; техническое состояние; место нахождения; актуальность и востребованность; проведение реставрационных работ; инициатор установки; источник финансирования; изображение объекта и др. Кроме этого, база содержит дополнительные таблицы по фактам вандализма, мнемоническим акторам, мемориальным конфликтам, лицам, принимавшим участие в создании объектов, и т.п. Основой для заполнения базы стали сведения о памятниках, находящихся на государственном учете, полученные от государственных органов субъектов РФ, отвечающих за охрану культурного наследия, обработанные с помощью частотного анализа и сгруппированные по проблемно-хронологическому принципу, что позволило сделать ряд ключевых выводов. Только по девяти субъектам РФ на Северном Кавказе (в Краснодарском и Ставропольском краях, республиках Адыгее, Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии – Алании, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Чеченской) в единый государственный реестр внесены 2518 объектов культурного наследия (далее – ОКН) (на июль 2021 г.), посвященных участникам и событиям Великой Отечественной войны. Наиболее распространенным типом данных памятников выступают захоронения (более 55%). При этом большинству памятников статус ОКН государственного/федерального значения был присвоен в советский период. Напротив, из ОКН регионального значения 65% получили свой статус в постсоветский период, в том числе 97,5% из них в первые 20 лет XXI в. [6].

Использование современных исследовательских подходов, сочетание количественных и качественных методов позволяет рассчитывать на получение новых научных знаний об участии народов СССР в Великой Отечественной войне. Обработка большого массива статистической информации о военнослужащих РККА позволит выйти на макроуровень в обобщающих выводах об участии народов СССР в Великой Отечественной войне. В то же время использование разнообразных источников личного происхождения позволит раскрыть вопросы истории отдельных формирований и представителей разных народов на микроисторическом уровне.

Источники и литература

1. *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975.
2. *Безугольный А.Ю.* Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование. М., 2021.
3. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: историко-антропологические очерки. Ростов н/Д., 2019.
4. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М., 2019.
5. *Гарскова И.М., Симонженкова Е.М.* О формализованной методике анализа комплексов мемуарных источников // Историческая информатика. 2019. № 1 (27). С. 169–188.
6. *Дмитриева Н.В., Кринко Е.Ф.* Великая Отечественная война в мемориальном пространстве Северного Кавказа: опыт статистического изучения объектов культурного наследия // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Мат-лы VIII Междунар. форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.): в 2 ч. Ч. 2. Ростов н/Д., 2021. С. 130–139.
7. *Койчурев А.Д.* Славные сыны Карачая. Карачаевск, 1998.
8. *Максимов К.Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Изд. 2-е, доп. М., 2010.
9. Обобщенный банк данных «Мемориал». О проекте. URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (дата обращения: 27.04.2022).
10. *Очиров У.Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: события, люди, история. Сб. науч. ст. Элиста, 2001. С. 45–64.

11. *Очиров У.Б.* Жители Калмыкии – кавалеры «полководческих» орденов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11. № 5. С. 27–47.
12. *Ошаев Х.Д.* Слово о полку Чечено-Ингушском: сб. документально-художественных произв. Нальчик, 2004.
13. Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. URL: <https://pamyat-naroda.su/> (дата обращения: 27.04.2022).
14. *Сеняевская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник (2002). Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 5–22.
15. Судьба отважного комполка. Исследования, воспоминания, документы. Кн. 1 / сост. И.А. Сардалов. Грозный, 2021.
16. *Ochirov U.B.* Database of the Kalmyk Cavaliers of the Order of Glory: Compilation Experience and Statistical Analysis // *Russkaya Starina*. 2016. Vol. (19). Iss. 3. P. 218–239.

У.Б. Очиров

**КОМАНДИРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАВАЛЕРИЙСКИХ ДИВИЗИЙ
КРАСНОЙ АРМИИ (1941–1945 гг.):
ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹**

В Победу в Великой Отечественной войне свой вклад внесли все рода войск Вооруженных сил СССР, в том числе и кавалерия. Основным тактическим соединением кавалерии РККА являлась кавалерийская дивизия (далее – кд). К началу войны в Красной армии было 13 кд, но в 1941–1943 гг. было сформировано или началось формирование еще 91 кд. Большая часть этих соединений формировалась в 1941 г. в составе шести так называемых волн [5: 183]. Наши исследования обращены к истории национальных соединений в составе Вооруженных сил СССР, и особый интерес вызвала шестая волна, в которой формировались 20 национальных кд.

¹ Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Феномен национальных кавалерийских соединений в изначально интернациональной Красной армии возник еще с формированием первых кавдивизий. Однако в ходе «Большого террора», после разгрома национальных элит почти всех союзных и автономных республик, к таким воинским частям возникло недоверие. В 1938 г. руководство РККА отказалось от них и стало направлять призывников национальных регионов в другие военные округа [1: 67]. Единственным исключением стали армии стран Прибалтики, преобразованные после присоединения к СССР в 22, 24 и 29-й стрелковые корпуса. С началом войны национальные соединения по-прежнему не формировались, за исключением 201-й Латвийской стрелковой дивизии.

В августе 1941 г. по инициативе полковника В.А. Хомутникова, в 1919–1920 гг. командовавшего 1-м Калмыцким кавалерийским полком (далее – кп), началось формирование 189-го Калмыцкого кп. Полк был укомплектован отборными призывниками, уже имевшими опыт службы в РККА, и убыл на фронт в составе 70-й кд [5: 185]. Этот успех побудил руководителя инспекции кавалерии Красной армии генерал-полковника О.И. Городовикова повторить этот эксперимент в более широком масштабе. 13 ноября 1941 г. вышло постановление Государственного комитета обороны СССР № 894сс о формировании 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 стрелковых бригад в союзных и автономных республиках Средней Азии, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Приуралья [7]. Настоящая статья посвящена анализу подбора командиров для этих соединений.

Основной причиной для создания национальных соединений был языковой барьер между командно-начальствующим составом (в основном русскоязычным) и национальным рядовым составом, значительная часть которого плохо знала русский язык. Поэтому таких призывников старались концентрировать в национальных частях под руководством командно-начальствующего состава соответствующих национальностей. И только при нехватке национальных командных кадров их замещали славянами [7].

Однако во многих формируемых кд шестой волны не хватало офицеров титульных национальностей даже среднего начальствующего состава [2: 398–399], и это с учетом офицеров запаса и выпуска курсантов. По штату от 17 января 1942 г. в кд было почти

4,5 тыс. человек, в том числе 402 офицера [6: 146]. Труднее всего было заполнить самое высокое звено должностей – командиров кд. Приведем полный список командиров национальных кд 6-й волны, составленный по разным источникам [3, т. 1: 76–337; 3, т. 3: 131–132; 3, т. 4: 163–164, 189–191, 1091–1094; 3, т. 5: 1085–1087; 9: 196–218; 10: 191–199]. По всем кд будут последовательно приведены номера, места формирования, период службы и командиры с указанием периода руководства соединением.

- 96-я Казахская, г. Усть-Каменогорск, 01–03.1942, полковник (далее – п-к) В.Г. Баумштейн (01–03.1942).
- 97-я Туркменская, г. Мары, 11.1941–03.1943, врио п-к Т.П. Гайкозьян (11.1941–01.1942), п-к, генерал-майор (далее – ген.м-р) Я.К. Кулиев (01–08.1942), врио п-к М.В. Лаврентьев (08–09.1942), п-к И.И. Стеценко (09–10.1942), п-к В.А. Конинский (10.1942–03.1943).
- 98-я Туркменская, г. Чарджоу, 11.1941–03.1942, врио м-р Е.П. Шаповалов (11–12.1941), подполковник (далее – п/п-к) А.И. Иванченко (12.1941–03.1942).
- 99-я Узбекская, г. Ташкент, 11.1941–07.1942, п-к Д.Н. Павлов (12.1941–07.1942).
- 100-я Узбекская, г. Самарканд, 11.1941–03.1942, врио п/п-к Н.С. Арефьев (11.1941–01.1942), п-к А.В. Гладков (02–03.1942).
- 101-я Узбекская, г. Бухара, 11.1941–03.1942, м-р Д.С. Волков (12.1941–03.1942).
- 102-я Узбекская, г. Наманган, 11.1941–03.1942, ген.м-р А.И. Кирзимов (01–02.1942), врио м-р К.С. Мерлин (12.1941, 03–04.1942), п-к Т.П. Гайкозьян (04–06.1942)¹.
- 103-я Узбекская, г. Андижан, 11.1941–03.1942, п-к М.В. Лаврентьев (12.1941–03.1942).
- 104-я Таджикская, г. Сталинабад, 11.1941–07.1942, п-к Г.И. Шейпак (11.1941–07.1942).
- 105-я Казахская, г. Джамбул, 11.1941–07.1942, п-к В.И. Калашников (12.1941–02.1942), п-к Г.А. Белоусов (03–04.1942), ген.м-р А.И. Кирзимов (04–07.1942).

¹ В биографических словарях и ОБД «Память народа» указано, что Т.П. Гайкозьян командовал 102-й Узбекской кд с 03.04 по 10.06.1942, хотя она была расформирована еще 03.03.1942.

- 106-я Казахская, г. Акмолинск, 11.1941–03.1942, м-р Б.Н. Панков (12.1941–03.1942).
- 107-я¹ Киргизская, г. Фрунзе, 11.1941–08.1942, врио п-к Н.Е. Щербаков (11.1941–03.1942), п-к В.С. Аскалепов (04–08.1942).
- 108-я Киргизская, г. Токмак, 11.1941–03.1942, п-к В.С. Аскалепов (11.1941–04.1942).
- 109-я Киргизская, г. Ош, 11.1941–03.1942, п-к И.И. Стеценко (11.1941–03.1942).
- 110-я Калмыцкая, с. Малые Дербеты, 11.1941–02.1943, врио п-к В.А. Хомутников (12.41–01.1942), п-к В.П. Панин (01–08.1942), п-к А.И. Лисицын (18–27.08.1942), п-к В.А. Хомутников (08–09.1942), п-к И.В. Терентьев (18–29.09.1942), п-к В.А. Хомутников (09.1942–02.1943).
- 111-я Калмыцкая, г. Башанта, 11.1941–03.1942, п-к Г.А. Белоусов (11.1941–03.1942).
- 112-я Башкирская (с 02.1943 – 16-я гвардейская), р.п. Дёма, 11.1941–05.1945, п-к М.М. Шаймуратов (12.1941–02.1943), п-к, ген.м-р Г.А. Белов (02.1943–05.1945).
- 113-я Башкирская, пос. Благовещенский завод, 11.1941–03.1942, п-к В.П. Каруна (12.1941–03.1943).
- 114-я Чечено-Ингушская, г. Грозный, 11.1941–03.1942, п-к И.Т. Чаленко (30.12.1941–16.01.1942), п-к Артемьев (16–22.01.1942), врио п/п-к И.Х. Баев (22–25.01.1942), п-к Х.-У.Д. Мамсуров (01–03.1942).
- 115-я Кабардино-Балкарская, г. Нальчик, 11.1941–10.1942, п-к М.Л. Морковников (12.1941–03.1942), п-к А.Ф. Скороход (03–09.1942), врио п/п-к М.С. Эхохин (09–10.1942).

Формирование этих национальных соединений было возложено на ЦК и обкомы партии, Совнаркомы союзных и автономных республик, поэтому до прибытия командиров, назначенных наркоматом обороны, обязанности начдивов могли исполнять чиновники, назначенные местными органами власти. Например, первым и.о. командира 110-й кд являлся управляющий Сельхозбанком Калмыцкой АССР М.А. Онгульдушев, 111-й – начальник автоуправления Калмыцкой АССР старший политрук Н.И. Зимин, 114-й – председатель Совнаркома Чечено-Ингушской АССР батальонный комиссар С.К. Моллаев

¹ В начале апреля 1942 г. 107-я и 108-я Киргизские кд поменялись номерами.

[6: 117–118; 8: 159]. Такие назначения в анализе не учитываются. Таким образом, в 20 кд было 34 командира, включая временно исполняющих обязанности. В ходе поиска биографий не удалось найти сведений об Артемьеве и Морковникове. Артемьева без инициалов идентифицировать сложно, полковник М.Л. Морковников в базах данных отсутствует. Возможна, ошибка в документах. Эти два начдива из анализа исключены. На полковника В.И. Калашникова и майора И.Х. Баева все необходимые сведения выявить не удалось. Они включены в коллективный портрет, но анализируются не по всем категориям.

Первый анализ был осуществлен по таким категориям, как воинское звание в момент назначения, национальность, возраст и опыт службы к началу войны (в скобках приведен срок службы в кавалерии).

- Арефьев Николай Степанович, п/п-к, русский, 1897 г.р., опыт 25 лет (23).
Аскалепов Василий Семенович, п-к, русский, 1900 г.р., опыт 23 года (20).
Баев Идрис Харитонович, п/п-к, осетин, 1902 г.р., опыт 23 года (?).
Баумштейн Василий Григорьевич, п-к, русский, 1899 г.р., опыт 22 года (22).
Белов Григорий Андреевич, п-к, русский, 1901 г.р., опыт 21 год (21).
Белоусов Григорий Антонович, п-к, русский, 1896 г.р., опыт 26 лет (19).
Волков Дмитрий Сидорович, майор, русский, 1904 г.р., опыт 15 лет (15).
Гайкозьян Тархан Погосович, п-к, армянин, 1886 г.р., опыт 9 лет (9).
Гладков Александр Васильевич, п-к, русский, 1902 г.р., опыт 23¹ года (21).
Иванченко Алексей Иванович, п/п-к, русский, 1900 г.р., опыт 23 года (22,5).
Калашников Владимир Иванович, п-к, русский, 1898 г.р., опыт 23 года (?).
Каруна Василий Петрович, п-к, русский, 1899 г.р., опыт 23 года (21,5).
Кирзимов Александр Ильич, ген.м-р, татарин, 1897 г.р., опыт 26 лет (22,5).
Конинский Василий Алексеевич, п-к, русский, 1901 г.р., опыт 23 года (21).
Кулиев Якуб Кулиевич, п-к, лезгин, 1900 г.р., опыт 27 лет (27).
Лаврентьев Михаил Васильевич, п-к, русский, 1893 г.р., опыт 27 лет (27).
Лисицын Александр Иванович, п-к, русский, 1901 г.р., опыт 19 лет² (15).
Мамсуров Хаджи-Умар Джиорович, п-к, осетин, 1903 г.р., опыт 23 года (6).
Мерлин Константин Семенович, м-р, русский, 1905 г.р., опыт 18 лет (18).
Павлов Дмитрий Николаевич, п-к, русский, 1902 г.р., опыт 23 года (14).
Панин Василий Петрович, п-к, русский, 1896 г.р., опыт 27 лет (23).

¹ Период с 12.10.1937 по 27.05.1939, когда майор А.В. Гладков находился под следствием органов НКВД, исключен из общего срока службы.

² Период с 01.12.1937 по 29.01.1939, когда майор А.И. Лисицын был уволен из рядов РККА, исключен из общего срока службы.

Панков Борис Никифорович, м-р, русский, 1896 г.р., опыт 23 года (9).
Скорород Антон Филиппович, п-к, украинец, 1891 г.р., опыт 29 лет (29).
Стеценко Иван Иванович, п-к, украинец, 1893 г.р., опыт 30 лет (15).
Терентьев Иван Васильевич, п-к, русский, 1896 г.р., опыт 26 лет (26).
Хомутников Василий Алексеевич, п-к, калмык, 1891 г.р., опыт 21 год (17).
Чаленко Иван Терентьевич, п-к, украинец, 1896 г.р., опыт 26 лет (23).
Шаймуратов Минигали Мингазович, п-к, татарин, 1899 г.р., опыт 22 года (10).
Шаповалов Евгений Петрович, м-р, русский, 1904 г.р., опыт 20 лет (17).
Шейпак Геннадий Ильич, п-к, белорус, 1903 г.р., опыт 20 лет (17).
Щербаков Никодим Ефремович, п-к, русский, 1894 г.р., опыт 24¹ года (11).
Эхохин Михаил Сергеевич, п/п-к, русский, 1896 г.р., опыт 23² года (20).

Как видим, большинство командиров было в звании полковника (23 из 32). Из восьми подполковников и майоров пятеро были начдивами временно, а на самом деле являлись начальниками штабов указанных кд. Лишь подполковник А.И. Иванченко, майоры Д.С. Волков и Б.Н. Панков были сразу назначены на должности начдивов. Генерал-майор А.И. Кирзимов считался «проштрафившимся»: в августе 1941 г. его отстранили от командования 265-й дивизией на Ленинградском фронте, после чего понизили в должности, а затем и вовсе отозвали в Москву [3, т. 3: 190].

По национальности большинство начдивов были славянами (25 из 32). Представителем титульной национальности был лишь В.А. Хомутников, да и то изначально он занимал должность заместителя командира, возглавив 110-ю Калмыцкую кд в разгар боев на Кавказе. Формально к титульным национальностям относились еще два офицера: татарин М.М. Шаймуратов являлся уроженцем Башкирии, а лезгин Я.К. Кулиев еще младенцем вместе с семьей переехал в Туркмению и провел там большую часть жизни. На новой родине Кулиев пользовался особым авторитетом, его назначение командиром 97-й кд произошло по просьбе ЦК КП(б) Туркмении [3, т. 1: 188]. Неслучайно именно эти офицеры пользовались огромной популярностью среди бойцов национальных кд.

¹ Период с января 1928 г. по октябрь 1929 г., когда Н.Е. Щербаков находился в запасе после ранения, исключен из общего срока службы.

² Период с 20.08.1937 по 11.02.1940, когда майор М.С. Эхохин находился под следствием органов НКВД, исключен из общего срока службы.

Большинство начдивов (23 из 32) к началу войны были в возрасте от 40 до 50 лет, который для этой должности следует считать оптимальным. Еще восемь офицеров были в возрасте от 36 до 39 лет. Только 55-летний Т.П. Гайкозьян, призванный из запаса, явно выделялся из общей группы. Однако назначение начдивом бывшего комбрига времен Гражданской войны, бывшего замнаркома Туркменской ССР и директора совхоза [3, т. 1: 122] следует считать больше политическим решением, нежели военным.

26 начдивов из 32 имели срок выслуги от 21 до 30 лет. К этой группе следует причислить и полковника А.И. Лисицына, потерявшего два года выслуги в период «Большого террора». Полковник Г.И. Шейпак, майоры Е.П. Шаповалов, Д.С. Волков и К.С. Мерлин были молоды (1903–1905 г.р.) и не имели возможности для получения большого стажа службы. Т.П. Гайкозьян имел выслугу 9 лет. При этом 27 начдивов из 30 (по двум персоналиям эти сведения найти не удалось) почти всю или большую часть службы провели в кавалерии. Лишь три начдива до начала войны провели в кавалерии меньше половины службы: бывший пограничник Б.Н. Панков, разведчики Х.-У.Д. Мамсуров и М.М. Шаймуратов.

Анализ степени образованности к началу войны показал, что все начдивы окончили как минимум одну школу или курсы, то есть имели хоть какое-то военное образование. Некоторые даже учились в 5–6 учебных заведениях, что было весьма характерно для 1920–1930-х гг. Например, Я.К. Кулиев окончил в 1928 г. курсы мобработников (получив права окончившего «нормальную военную школу»), в 1929 и 1932 гг. – кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (далее – ККУКС), в 1936 г. – Военную академию им. Фрунзе (с дипломом 1-й степени), в 1939 г. – полугодовые курсы усовершенствования высшего командного состава при Академии Генштаба [3, т. 1: 187]. Х.-У.Д. Мамсуров окончил в 1923 г. Коммунистический университет тружеников Востока, в 1924 г. – военно-политическую школу, в 1931 г. сдал экзамены экстерном «за нормальную военную школу», в 1932 г. окончил курсы усовершенствования политического состава, в 1935 г. – разведывательные курсы, в 1941 г. – курсы усовершенствования высшего начальствующего состава [3, т. 1: 200–201]. С другой стороны, два молодых майора (К.С. Мерлин и Е.П. Шаповалов)

к 1942 г. прошли только одну кавалерийскую школу, а еще шесть начдивов окончили лишь по два образовательных учреждения, причем не всегда дававших статус «нормальной военной школы». Например, майор Д.С. Волков дважды окончил курсы инструкторов при ККУКС, полковник В.А. Хомутников – двухлетние ККУКС (одновременно с ним учились Г.К. Жуков и А.И. Еременко) и двухмесячные курсы «Выстрел». Конечно, качество образования было разным, но всё же 12 начдивов из 30 учились в военных академиях, причем пятеро окончило академию им. Фрунзе очно, четверо учились в ней заочно (правда, один из них учился только один курс), еще трое учились в других академиях (один убыл, не окончив первого курса).

Все начдивы имели боевой опыт, некоторые успели поучаствовать в четырех военных конфликтах. Правда, большинство офицеров имели явно устаревший опыт Первой мировой (12 чел.) и Гражданской (27 чел.) войн, приобретенный в должности рядового или командира взвода. Опыт командования хотя бы полком в Гражданской войне был только у Т.П. Гайкозьяна и В.А. Хомутникова. Тем не менее 23 офицера из 30 уже приняли участие в боях с вермахтом и имели первый опыт современной войны. 19 начдивов были отмечены 28 боевыми и трудовыми орденами, в том числе 7 – орденами Красного Знамени за отличия в боях 1941 г. [4].

Если анализировать командный опыт, то видно, что половина начдивов не командовала дивизиями (включая стрелковые и моторизованные) даже года, а другая половина вообще не имела такого опыта. Некоторым исключением можно считать В.П. Панина, 2 года командовавшего Бурят-Монгольской кавбригадой. С другой стороны, опыт командования в боевых условиях в несколько раз ценнее опыта мирного времени. В этом отношении лидером следует считать Я.К. Кулиева, командовавшего семь месяцев боев 21-й кд (в том числе в битве за Москву). Неслучайно именно эти два офицера из 30 получили в дальнейшем повышение. Был близок к ним по опыту Г.А. Белов, 2 года служивший инструктором 7-й кд Монгольской народно-революционной армии.

Если же оценивать командный опыт более низкого (полкового или бригадного) уровня, то он был почти у всех начдивов, кроме диверсанта Х.-У.Д. Мамсурова и «химика» Н.Е. Щербакова. Однако опыт

командования полком от 3 лет и выше (достаточного для освоения этого уровня) имели лишь 8 персоналий. Очевидно, что в условиях «Большого террора», когда офицеры быстро продвигались в должностях, большинство не успело освоить должность командира полка или бригады.

Однако главным экзаменатором для офицера является война, и его эффективность можно определить по его карьере к концу войны. Генерал-майор Кирзимов закончил войну в том же звании. Из 23 полковников к концу войны (или дню гибели) 13 стали генерал-майорами, из восьми подполковников и майоров пятеро стали полковниками. Майор Е.П. Шаповалов был произведен в подполковники, подполковник М.С. Эхохин погиб в 1943 г. в этом же звании, и лишь майор К.С. Мерлин всю войну провоевал в одном звании.

Восемь из 32 начдивов погибли в 1942–1945 гг. При этом двое (Я.К. Кулиев и В.П. Панин) являлись заместителями командира корпуса (были повышены в должности), четверо – командирами дивизии (остались в прежнем ранге). Н.Е. Щербаков, который был заместителем командира 107-й кд и руководил соединением временно, погиб в должности командира бригады, что можно считать равной должностью. В.А. Хомутников погиб в ранге заместителя командира стрелковой дивизии, но это понижение и отказ от повышения были связаны с его принадлежностью к репрессированной национальности. Понятно, что преждевременная гибель сузила возможности указанных командиров для отличий в боях и получения наград и повышений.

Что касается 24 выживших начдивов, то 11 из них закончили войну командирами дивизий (в том числе 6 командирами гв. кд), 2 – заместителями командиров дивизий, 1 – командиром бригады, 1 – командиром полка, 1 – представителем командующего кавалерией в кавкорпусе. Последние 3 (майоры Е.П. Шаповалов и К.С. Мерлин, подполковник И.Х. Баев) в 1941 г. являлись начальниками штабов 98, 102 и 114-й кд соответственно и дивизиями командовали временно, поэтому их можно считать оставшимися в прежнем ранге. Кроме того, А.И. Иванченко закончил войну начальником отдела штаба армии, что также является равной должностью. Шесть исследуемых персоналий получили назначения в тылу: 4 – на преподавательскую работу (в том числе 2 стали начальниками училищ), 1 стал начальником штаба запасной кавбригады (явное понижение), 1 возглавил военно-конный

завод. Наконец, Т.П. Гайкозьян – самый старший из начдивов шестой волны (в 1945 г. ему было 59 лет), имевший наименьший срок довоенной выслуги (9 лет) и слабый уровень военной подготовки (три курса переподготовки для офицеров запаса), – состоял в распоряжении военного совета тылового округа. Очевидно, что физическое состояние и уровень подготовки Гайкозьяна не позволяли нести службу, но из-за уважения к заслугам его оставили в армии до конца войны. Таким образом, из 32 начдивов 2 получили повышение (оба погибли), 20 получили равную должность (5 из них погибли), 3 были понижены до заместителя командира дивизии (1 погиб), 7 оказались на тыловых должностях, что не всегда можно расценивать как понижение.

Характерно, что 15 персоналий (в том числе все 6 Героев Советского Союза), закончивших войну на равных должностях, в 1943–1945 гг. были награждены 75 орденами (в том числе 3 – 7 орденами, а В.С. Аскалепов – 8 орденами). Даже если вычесть из этой цифры 10 орденов Ленина и 15 орденов Красного Знамени, полученных за выслугу лет, то оставшиеся 50 орденов (не считая иностранных), полученных к концу войны, свидетельствуют о высокой эффективности этих командиров.

Таким образом, почти все командиры шестой волны национальных кд не относились к титульным национальностям и были назначены ввиду отсутствия соответствующих кадров. У большинства изучаемых персоналий был значительный срок выслуги (причем большей частью в кавалерии) и неплохой уровень военного образования (включая академическое), но многие не имели необходимого опыта командования полком, не говоря уже о дивизии. Все начдивы имели боевой опыт, в том числе более двух третей – современный. Значительное сокращение кавалерии в 1942–1943 гг. сузило возможности для дальнейшего карьерного роста начдивов, поэтому большинство остались к моменту смерти или конца войны на равных должностях. Однако большое количество наград показывает их высокую боевую эффективность.

Источники и литература

1. *Безугольный А.Ю.* Национальные формирования РККА в 1930-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 27. № 5. С. 58–70.

2. Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование. М., 2021.
3. Великая Отечественная. Комдивы: военный биографический словарь. В 5 т. / под общ. ред. В.П. Горемыкина. М., 2011–2015.
4. ОБД «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 04.05.2022).
5. *Очиров У.Б.* Формирование национальных кавалерийских дивизий Красной армии в 1941–1942 гг.: замысел и реализация // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы II Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.). В 2 ч. Ч. 1. Ростов н/Д., 2021. С. 182–196.
6. *Очиров У.Б., Заярный С.А.* Клятве остались верны: история формирования и боевой путь 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Т. I. Элиста, 2018.
7. Постановление ГКО-894сс от 13 ноября 1941 г. URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/0894.html> (дата обращения: 04.05.2022).
8. «Пропавшая» дивизия // Архивный вестник Чеченской Республики. 2016. Вып. 3. С. 158–166.
9. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 43. Оп. 11547. Д. 30.
10. ЦАМО РФ. Ф. 43. Оп. 11547. Д. 32.

А.М. Литвин

ЖИТЕЛИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ – УЧАСТНИКИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ БЕЛАРУСИ

В годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси во вражеском тылу действовала армия белорусских партизан, насчитывавшая более 374 тыс. бойцов. В разное время они входили в состав 213 партизанских бригад (полков), объединявших 997 партизанских отрядов (батальонов), еще 258 отрядов действовали самостоятельно. Невооруженный партизанский резерв составлял более 400 тыс. человек. Следует отметить, что при взаимодействии с войсками Красной армии в период с сентября 1943 г. по июль 1944 г. в ее ряды влилось свыше 140 тыс. вооруженных бойцов [7: 16]. В архивных источниках

и в различных публикациях по истории партизанского движения встречаются сведения о том, что среди партизан и подпольщиков Беларуси были те, кто уже имел опыт участия в боевых действиях во время Первой мировой, Советско-польской, гражданских войн в России и Испании, военных конфликтах 1930-х гг. на Дальнем Востоке, а также Советско-финляндской войне.

Широкое развитие партизанского движения, увеличение количества и численности партизанских формирований потребовало осуществления деятельности партизанских сил по военному образцу: принятия партизанской присяги, установления и исполнения воинской дисциплины, внутреннего распорядка, организации службы охраны и снабжения, медицинской службы, военной подготовки молодого пополнения и др. Эти задачи, а также задачи по организации боевой и разведывательной деятельности, разработке и осуществлению планов боевых и диверсионных операций возлагались на командование и штабы партизанских формирований. Несомненно, боевой опыт, а также опыт кадровых военнослужащих и тех, кто прошел обязательную службу в армии, имел важное значение в организации и повышении эффективности партизанской борьбы в тылу врага. Об этом свидетельствует тот факт, что среди всех уровней командования партизанских сил (соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов), а также командиров рот и взводов преобладали лица, имевшие подобный опыт. К сожалению, мы пока не имеем возможности назвать их общее количество, а также их число среди командно-политического состава партизанских формирований. По нашим подсчетам, только в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. приняло участие более 100 тыс. белорусов и уроженцев Беларуси, а также воинов Белорусского особого военного округа (БОВО). Почти 10 тыс. из них погибли, пропали без вести, умерли от ран. Десятки тысяч получили ранения, обморожения разной степени, стали инвалидами и преждевременно ушли из жизни [5: 36–38, 91, 92].

Среди 99 чел. командования бригадного звена (командир, комиссар, нач. штаба) было 47 представителей различных национальностей РСФСР, 41 белорус, 5 украинцев и 1 грузин. Командирами бригад были 41 человек: 19 россиян, 16 белорусов, 5 украинцев и 1 грузин. Комиссарами бригад были 10 белорусов, 8 россиян и 1 украинец. Во главе

штабов бригад было 22 россиянина, 15 белорусов и 4 украинца. Среди 133 командиров отрядов было 72 россиянина, 44 белоруса, 15 украинцев, 1 азербайджанец и 1 литовец. Комиссарами отрядов были 18 россиян, 4 украинца и 1 казах. Начальниками штабов отрядов были 22 россиянина, 19 белорусов, 7 украинцев, 1 грузин и 1 молдаванин.

В данной статье мы расскажем о ростовчанах и других представителях народов Юга России – участниках «Зимней войны», занимавших командно-политические должности в партизанских формированиях, действовавших на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Основным источником исследования стали документы Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), опубликованные на сайте Partizan.by (наградные листы, личные листки по учету партизанских кадров, представления на присвоение очередных воинских званий), сведения из других документов НАРБ (служебные характеристики, списки личного состава, учетные карточки партизан); материалы документальных [3], энциклопедических [1; 2; 10] и справочных изданий [6], сведения из опубликованной литературы. В настоящее время нами выявлены сведения о 337 бойцах, из которых 99 человек входили в состав командования бригадного и 230 человек – отрядного звена, а также 8 человек из состава командования областных и зональных партизанских соединений.

Свое повествование мы начнем с рассказа о человеке, имя которого сначала носил партизанский отряд, а затем партизанская бригада. К сожалению, о нем имеются очень краткие сведения в белорусских энциклопедических изданиях. Так, в книге «Память» Толочинского района Витебской области, вышедшей в 1988 г., ему посвящены следующие строки: «Гудков Николай Петрович (р. 19.12.1912, хутор Соколово-Кундрюченский Ростовской области), один из руководителей партизанского движения в Витебской области. Член КПСС с 1941 г. С 1938 г. на советской работе. Участник сов.-финл. войны 1939–1940, обороны Витебска 1941. В партизанах с мая 1942 г. В 1942–1944 гг. командир партизанской бригады Н.П. Гудкова Толочинского района, одновременно член Толочинского подпольного РК КП(б)Б. В 1946–1962 на шахтах в Ростовской области. Награжден орденами и медалями. Живет в г. Новошахтинск Ростовской области» [4: 16]. Еще в более сокращенном варианте, без упоминания партийности

и наград, содержится информация в энциклопедических изданиях: «Белорусская ССР: Краткая энциклопедия. Биографический справочник» [2: 16], «Энциклопедия истории Беларуси» [10: 171], в энциклопедии «Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.». В последней уточнено его пребывание в партизанах: «с лета 1941 г.: командир группы, отряда, в августе 1942 – июне 1944 г. партизанской бригады Н.П. Гудкова» [1: 182].

Приведем выдержку из воспоминаний бывшего секретаря Толочинского подпольного РК КП(б) А.П. Пахомовича: «Организатором партизанского движения в нашем районе явились командир Красной армии коммунист Николай Петрович Гудков и его товарищи М.А. Грудинин, А. Соколов, Н.К. Кабанов, Ф.А. Баклыков. К ним присоединились местные патриоты Е.И. и Т.М. Пляц, Е.И. Сушко, А.П. Пляц, С.И. Подберезский, К.С. Хруцкий и другие, а затем – группа из двадцати человек во главе с А.А. Сергеевым и Н.А. Агапоненко. К июлю 1942 г. отряд насчитывал более 80 человек. Многие жители д. Прудец, в их числе и я, стали партизанами отряда Н.П. Гудкова, который в июне 1942 года направился за линию фронта. Отряд прошел Толочинский, Сенненский, Чашникский, Лепельский, Ушачский, Ветринский, Сиротинский, Городокский, Меховский районы и вышел на территорию, где действовала 4-я ударная армия советских войск» [9].

Витебский обком партии, находившийся в то время в д. Бор Смоленской области, принял решение отправить отряд обратно в тыл врага, включив в него диверсионную группу и пополнив отряд оружием, боеприпасами, минно-подрывными средствами с поручением командованию развернуть его в бригаду. После короткой передышки, почти тем же маршрутом, по пути громя волостные управы и мелкие гарнизоны противника, обогащенный опытом ведения боевых действий и совершения рейда в августе 1942 г., отряд вернулся на территорию района. Местом базирования отряда стала д. Узносное, что в 25 км от Толочина. В этом же месяце на базе отрядов ст. лейтенанта Н.П. Гудкова и батальонного комиссара В.С. Леонова была создана партизанская бригада, в составе которой к сентябрю 1942 г. насчитывалось шесть отрядов общей численностью 280 чел. В это же время на территории района также действовала бригада «Гроза» в составе четырех отрядов численностью 150 бойцов [3: 325].

В октябре 1942 г. партизаны вели тяжелые бои с карателями. Бригада Н.П. Гудкова вынуждена была действовать, разделившись на группы. Одна из групп во главе с комиссаром В.С. Леоновым вышла в Сенненский район, где на ее основе была создана новая бригада, получившая название Сенненская. Из оставшихся партизан и жителей Толочинского района в ноябре 1942 г. Н.П. Гудков вновь воссоздал свою бригаду. Она действовала в Толочинском, Сенненском, Чашникском, Лепельском районах Витебской, Холопеничском и Крупском районах Минской области, соединилась с Красной армией 26 июня 1944 г. в составе 7 отрядов общей численностью 632 партизана [7: 226, 285–286, 301].

После расформирования бригады Н.П. Гудков был оставлен для работы в БССР. В июле 1945 г. он занимал должность начальника транспортного отдела Наркомата гражданстроя БССР. Однако в 1946 г. он уехал из Беларуси. Возможно, это и явилось одной из причин того, что о нем мало известно в Беларуси. В определенной степени ситуацию с отъездом проясняет письмо, направленное 7 июля 1945 г. председателю СНК БССР П.К. Пономаренко, в котором он писал: «Я бывший командир партизанской бригады Гудков Н.П., сейчас начальник транспортного отдела Наркомата гражданстроя БССР. Обращаясь к Вам, хочу обжаловать следующее: будучи военнослужащим, кадровым офицером РККА, находился в 160-й стрелковой дивизии, которая в начале войны попала в окружение под Могилевом. С окружения выйти не удалось, пришлось остаться в тылу противника и заняться организацией партизанского движения, где мне удалось организовать партизанскую бригаду и стать командиром этой бригады. Ведя непрерывную борьбу в условиях тыла противника за освобождение нашего народа и более 2 лет командуя бригадой, отдавая все силы для пользы Родины, я победоносно вывел бригаду в июне 1944 г. и с малыми потерями соединился с частями Красной армии. После расформирования бригады я выяснил в БШПД, что за весь период войны БШПД ни один раз меня не повысил в звании. Кроме этого, за этот же период войны я был награжден орденом Красного Знамени и вторично представлен к ордену Ленина. Мой наградной лист также был отложен и не прошел в проект указа. Я обратился с письмом в Витебский обком КП(б)Б к тов. Иванову с вопросом сообщить, почему мой наградной лист отложен. Тов. Иванов сообщил: “потому что у нас прошел слух, якобы

ты что-то натворил, а потому отложили». Обращаясь к Вам с этим вопросом, прошу Вашего вмешательства и Вашей помощи». На письме штамп «Указом Президиума ВС СССР от 30.XII.1948 г. награжден орденом Отечественной войны I ст.» [8].

Как удалось выяснить, в июле 1944 г. Н.П. Гудков представлялся к награждению орденом Ленина (в наградном листе вместо зачеркнутого ордена Ленина вписано от руки «Отечественной войны I ст.»). Ранее в БШПД были направлены аттестационные документы на представление его к присвоению очередного воинского звания. Однако, судя по письму, им не был дан ход. Из документов НАРБ видно, что Н.П. Гудков в 1932 г. окончил автодорожный техникум в г. Шахты и был направлен на работу автомехаником в г. Борзя Читинской области, откуда в ноябре 1934 г. был призван на срочную службу в РККА. Служил в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии: один год курсантом, год начальником гаража, два года командиром взвода. Принимал участие в событиях на озере Хасан. С декабря 1938 по ноябрь 1939 г. работал заместителем директора по политчасти автодорожного техникума в г. Шахты. В ноябре 1939 г. призван на курсы усовершенствования командного состава, принимал участие в Советско-финляндской войне. С мая 1940 по июль 1941 г. – командир роты 266-го отдельного стрелкового батальона 160-й стрелковой дивизии, старший лейтенант. По данным на 1944 г., жена и двое сыновей (Евгений 7 лет и Юрий 4 лет) проживали в г. Балахна Горьковской области. Отец, будучи председателем Соколово-Кундрюченского сельсовета, был убит белогвардейцами в 1920 г. Мать проживала в х. Соколово-Кундрюченский.

Еще один житель Ростовской области И.Д. Буланов принимал активное участие в организации партизанского движения на территории Шкловского района Могилёвской области. Оказавшись в окружении в апреле 1942 г. в Сосеньевской даче Шкловского района, он организовал партизанский отряд. До апреля 1943 г. отряд назывался по фамилии командира. В конце мая 1942 г. на совещании отдельных отрядов Г.А. Кирпича и И.Д. Буланова было создано Объединение партизанских отрядов, которое в июле в 1942 г. по рекомендации уполномоченного ЦК КП(б) Я.И. Конькова было реорганизовано в бригаду «Чекист». Командиром бригады с мая 1942 г. по август 1943 г.

был Г.А. Кирпич. Начальником штаба бригады с мая 1942 г. по октябрь 1942 г. и с марта 1943 по август 1943 г. был И.Д. Буланов. В августе 1943 г. на базе расформированной бригады «Чекист», в соответствии с постановлением Могилевского подпольного обкома КП(б)Б и приказом Могилевской областной Военно-оперативной группы (ВОГ) была образована Шкловская ВОГ [7: 164, 564–566]. Иван Дмитриевич Буланов был назначен заместителем начальника штаба соединения по боепитанию и боевой подготовке. Он родился 27 сентября 1913 г. в станице Мелиховской Ростовской области. О своем жизненном пути кратко поведал в автобиографическом дополнении к личному листу в ноябре 1942 г.: «Отец до 1917 г. занимался крестьянством, погиб под Царицыном в 1918–1919 гг. Я остался с сестрой и матерью. Хозяйство было бедняцкое, занимались крестьянством до 1929 г. В 1929 г. вступили в колхоз. Я пошел работать на производство в гор. Шахты. Первое время работал чернорабочим... через пять месяцев меня перевели в бригаду слесарей подручным слесаря. С 1932 г. я стал работать самостоятельно слесарем и меня назначили машинистом при водопроводе в г. Шахты. В 1936 г. был призван в РККА. С 1936 г. служил рядовым и в 1938 г. был послан на курсы мл. лейтенантов и в 1939 г. окончил курсы мл. лейтенантов был назначен командиром взвода связи. Участвовал в Зап. Белоруссии и Финляндии, где был награжден медалью “За отвагу”. С момента объявления Отечественной войны участвовал в боях с немцами до окружения нашей дивизии. Остался в окружении и организовал партизанский отряд. В настоящее время работаю начальником штаба партизанской бригады “Чекист”» [8]. После соединения с частями РККА капитан И.Д. Буланов оставлен в резерве ЦК КП(б)Б для работы в БССР, с ноября 1944 г. по июнь работал уполномоченным по эвакуации в Белостокской области. Сведений о дальнейшей судьбе нами не выявлено. За боевые действия в тылу противника награжден орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» I ст.

Оказавшись на оккупированной территории, многие военнослужащие, особенно коммунисты, политработники, работники НКГБ–НКВД, евреи вынуждены были при возможности менять фамилии, приобретать подложные паспорта. Под этими фамилиями они продолжали действовать в подполье и в партизанских формированиях.

Казусы стали случаться позднее, когда надо было готовить представления на награждения. Тогда стали вписывать настоящие фамилии. Но были случаи, когда после смерти человек оставался в памяти под псевдонимом. Так случилось и с Петром Андреевичем Александровым, командиром партизанского отряда им. Ф.Э. Дзержинского, образованного в апреле 1942 г. на базе групп П.А. Александрова и П.П. Федосеева, жителей Слонимского района. Он командовал отрядом до своей гибели 1 мая 1944 г. Командование партизанской бригады им. К.Е. Ворошилова Барановичской области накануне представило его к награждению орденом Красного Знамени. В наградном листе за подписью начальника БШПД П.З. Калинина отмечалось: «Тов. Александров за время пребывания в партизанах проявил себя как боевой и хороший организатор отряда. В отряде насчитывалось 165 человек. Его отряд за всё время взорвал 17 эшелонов противника с живой силой и техникой, при этом разбито 17 паровозов и несколько десятков вагонов и платформ. При крушении после взрывов погибло 750 гитлеровцев. Путем минирования отряд уничтожил больше 10 автомашин противника. Участвовал в боях по разгрому немецких гарнизонов: Яворская Руда, Голынка, Сеньковщина и ряд других. Лично участвовал во взрыве нескольких железнодорожных эшелонов. Дисциплинированный, боевой и исполнительный. Достоин правительственной награды – ордена Красного Знамени» [8].

Из наградного листа видно, что старший лейтенант П.А. Александров родился в 1911 г., в с. Новоселовка Пролетарского района Ростовской области, русский. Принимал участие в боях с Финляндией и в Отечественной войне. В партизанском отряде с мая 1942 г., имел два ранения. Под этой фамилией он значится и в справочнике «Партизанские формирования...» [7: 22 ,49]. Оказалось, что его настоящая фамилия – Гайденко. Однако процесс установления затянулся на долгие три года. Поиском сына занималась его мать – Гайденко Александра Алексеевна, 1873 г.р. 11 марта 1946 г. она обратилась в отдел кадров БШПД с письмом, в котором писала, что 6 апреля 1944 г. получила от своего сына П.А. Гайденко, через его товарища, находившегося в госпитале в Москве, письмо, в котором он сообщил, что находится в партизанском отряде, а также указал свой адрес: «БССР, Барановичская область Щучинский межрайцентр, партизанская бригада

им. Ворошилова, отряд им. Дзержинского тов. Яши А.А. В этом же письме он сообщил, что изменил фамилию. После этого письма и до настоящего времени я никакого известия от сына не получила. В 1945 г. на мой запрос я получила из Москвы ответ, что розыск моего сына направлен на Ваш адрес, но до настоящего времени не получила от Вас никакого известия» [8].

Только после получения 18 июня 1947 г. группой по ведению дел БШПД письменного объяснения от бывшего командира отряда им. Ф.Э. Дзержинского Н.П. Белых: «На Ваш запрос от 18 ноября 1946 года № ОК/18011 сообщаю, что Александров Петр Андреевич урождения Поселкового совхоза № 8 Орловского района Ростовской области – фамилию Александров носил как псевдоним, а настоящая фамилия погибшего ком. отряда им. Дзержинского Гайденко Петр Андреевич. Поэтому фамилию Александров прошу заменить на настоящую фамилию Гайденко Петр Андреевич», – ситуация прояснилась, о чем свидетельствует резолюция: «Селицкой. Внести изменения» [8].

В сентябре 1947 г. в БШПД пришло письмо из отдела соцобеспечения Ростовской области: «В отдел социального обеспечения обратилась с заявлением мать погибшего командира партизанского движения Гайденко Петра Андреевича (партизанский псевдоним Александров Петр Андреевич) в том, что, согласно писем товарищей, с которыми находился старший лейтенант Гайденко, он имел правительственные награды, а также личные деньги в сумме 20 000 рублей, которые семья не получила, так как ранее семья проживала в Ростове, с вторжением немцев в Ростов семья эвакуировалась в Орловский овцесовхоз № 8, где находится и в настоящее время. А поэтому отдел соцобеспечения просит сообщить, в каком положении находятся награды и деньги старшего лейтенанта Гайденко-Александрова, командира партизанского отряда им. Ворошилова бригады Дзержинского, и как семья может получить, сообщите порядок» [8]. Из документов НАРБ следует, что у П.А. Гайденко было две дочери – Ксения 1931 г.р. и Валентина 1935 г.р., жену звали Ксения Ивановна (1911 г.р.). За боевые заслуги П.А. Александров был награжден орденом Красного Знамени (1944) и орденом Отечественной войны I степени (1948).

В апреле 1944 г. в партизанской бригаде им. Н.А. Щорса Барановичской области из партизан, выделенных отрядом им. Н.А. Щорса, был

образован партизанский отряд имени Кастуся Калиновского. На день соединения с частями Красной армии, 4 июля 1944 г., отряд насчитывал 97 партизан. Командиром отряда с апреля по июль 1944 г. был уроженец х. Весёлый Калмыцкого района Ростовской области старший сержант, бывший механик 122-го арtpолка Николай Антонович Крапивка. Он родился в 1917 г. в семье крестьян-украинцев, окончил школу ФЗО, с 1938 г. на службе в РККА. В наградных документах помечено: «участвовал в боях в Финляндии». В партизанском отряде с 20 мая 1943 г. Из наградного листа: «Тов. Крапивка в мае месяце 1943 года вступил в партизанский отряд им. Щорса и был в нем рядовым партизаном подрывной группы этого отряда. С января месяца 1944 года тов. Крапивка стал командиром подрывной группы отряда им. Щорса. С апреля месяца 1944 года и по настоящий день является командиром им организованного партизанского отряда им. Кастуся Калиновского, бригады им. Щорса. Будучи подрывником, тов. Крапивка организовал и лично сам участвовал в подрыве четырех вражеских эшелонов... уничтожении 27 автомашин, сожжении шести мостов... Он неоднократно участвовал в открытых боях и засадах с немцами и полицией» [8]. За боевые заслуги Н.А. Крапивка награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Уроженец с. Заветное Ремонтненского района Ростовской области старший сержант Алексей Яковлевич Жолобов (1915 г.р.) начало Великой Отечественной войны встретил в составе 85-го стрелкового полка 100-й стрелковой дивизии, принимал участие в польской кампании и Советско-финляндской войне. В оборонительных боях под Минском командовал взводом. В партизанах с 25 июня 1942 г. – партизан, командир роты 1-й роты 121-го отряда 6-й Могилевской бригады. С 15 ноября 1943 г. по июнь 1944 г. – командир 1-го батальона (отряда), организованного из партизан 1-й роты 121-го отряда, развернутого в ноябре 1943 г. в 121-й партизанский полк [7: 551].

Приведенные примеры говорят не только о вкладе жителей Ростовской области в организацию партизанского движения на территории Беларуси, но и об их боевой деятельности, мужестве и проявленном героизме в борьбе с врагом, о чем свидетельствуют их награды и занимаемые должности.

Источники и литература

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941–1945: энцыкл. / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. Мінск, 1990.
2. Белорусская ССР Краткая энциклопедия. В 5 т. Т. 5. Биографический справочник. Минск, 1981.
3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): док. и мат-лы. В 3 т. Т. 1. Минск, 1967.
4. Гудкоў Мікалай Пятровіч // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Талачынскага р-на. Мінск, 1988. С. 216.
5. *Литвин А.М.* На той войне незначимой: советско-финляндская война и Беларусь (1939–1940 гг.). Минск, 2010.
6. Навечно в сердце народном: справ. 3-е изд., доп. и испр. Минск, 1984.
7. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. Минск, 1983.
8. «Партизаны Беларуси». Специальный проект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Республики Беларусь. URL: <https://partizany.by/> (дата обращения: 05.03.2022).
9. *Пахомович А.П.* Под неослабным руководством. Воспоминания секретаря Толочинского подпольного РК КП(б)Б // Текущий архив Центра военной истории Института истории НАН Беларуси.
10. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 3. Мінск, 1996.

Н.А. Ломагин

О ПРОБЛЕМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941 г.

Через две недели после нападения на СССР немецкие войска вторглись в пределы Ленинградской области. К осени 1941 г. из 72 районов области они полностью заняли 51 район и 12 районов частично. Кроме Острова и Пскова, врагом были оккупированы Новгород, Луга, Гдов, Старая Русса, Порхов, Кингисепп, Красногвардейск (Гатчина), Пушкин, Слуцк (Павловск), Петергоф (Петродворец) и другие.

С первых дней войны советское руководство поставило задачу по организации борьбы в тылу немецких войск в захваченных районах страны, обязывало на оккупированной территории создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с противником, нарушать коммуникации, уничтожать склады и обозы. Важной задачей была также борьба с пособниками оккупантов.

Опыт Ленинграда считается одним из немногих успешных примеров межведомственной координации руководства партизанским движением в период войны. В литературе отмечается, что к моменту оккупации было создано 125 подпольных групп, насчитывавших 400 человек, а к концу июля их численность выросла до 639 работников, при этом на нелегальное положение перешли 32 райкома (РК) партии. В целом же летом 1941 г. в Ленинградской области действовало 6 партизанских бригад, 4 батальона и 200 отдельных отрядов.

В прифронтовой полосе УНКВД по Ленинградской области (УНКВД ЛО) создало 4 оперативные группы из работников разведотдела. Они были расположены вдоль линии фронта вблизи Кингисеппа, Луги, Шимска и Старой Руссы. В задачу этих опергрупп входило осуществление связи с партизанами и подпольщиками, сбор данных о положении в занятых противником районах области, выявление предателей и провокаторов из числа оставшегося населения.

Ленинградский обком (ОК) ВКП(б) еще до оккупации юго-западных районов области направил туда 3 млн листовок антифашистского содержания [3: 26]. Задачами первого периода партизанской борьбы в захваченных врагом районах Ленинградской области были: во-первых, мобилизация имеющихся ресурсов и перестройка всей работы применительно к нелегальным условиям; во-вторых, беспощадная борьба с трусами, дезертирами, паникерами; в-третьих, установление связи с народом, убеждение его в том, что СССР ведет справедливую освободительную войну и обязательно победит в ней; в-четвертых, повседневная терпеливая работа со всеми слоями населения, подготовка его к борьбе против немецких захватчиков [1: 290–291]. Руководивший созданием подполья секретарь Ленинградского ОК ВКП(б) Г.Х. Бумагин вспоминал, что каждому посылававшемуся в тыл врага подбиралась такая работа, на которой он мог оставаться незамеченным и вместе с тем мог бы поддерживать связь с ячейками [14: 3].

В целом, несмотря на значительную организационную работу ОК ВКП(б) и разведотдела Управления НКВД, достижения упомянутых оперативных групп по состоянию на 10 августа 1941 г. были весьма скромными. Немецкая служба безопасности в своих сводках о положении на захваченной советской территории на северо-западе почти не упоминает о какой-либо деятельности партизан и подпольщиков. В последующие две недели в Ленинграде были сформированы еще 19 партизанских отрядов численностью 650 человек. Они были вооружены, снабжены боеприпасами и продовольствием и заброшены в тыл противника в направлениях, указанных штабом Северного фронта. Попытки организовать подполье в пригородах Ленинграда не увенчались успехом вследствие постоянных проверок населения, которые проводились органами безопасности противника. В итоге не удалось создать подпольных ячеек в Пушкине, Петергофе, Кингисеппе, Любани, в Вырице, Сиверской, на ст. Мга [2: 526–527]. К началу блокады общая численность партизан достигла 5 тыс. человек, из них почти 2 тыс. были сформированы и направлены в тыл из Ленинграда [15: 410–411].

Отложившиеся в бывшем Ленинградском партийном архиве воспоминания активных участников партизанского движения проливают свет на многие трудности и проблемы, которые пришлось преодолевать партизанам и подпольщикам. Они существенно дополняют опубликованные материалы, касавшиеся проблем комплектования, вооружения, снабжения продуктами питания, обеспеченности средствами связи, а также характером боевой деятельности партизан, ограничивавшейся нападением на машины, гужевого транспорт и линии связи [15: 412–413].

Разворачивание партизанского движения происходило в очень сложных условиях: военные успехи немцев и антисоветские настроения части населения дополнялись просчетами местного руководства в организации сопротивления оккупантам. По признанию секретаря ОК ВКП(б) и начальника Ленинградского штаба партизанского движения М.Н. Никитина, «мы не рассчитывали на такую длительность военных действий на территории нашей области, а вследствие этого в первые месяцы войны, когда еще на оккупированной территории был относительно слабый административный режим, мы не приняли

мер к перестройке подпольной работы. Быстрое течение военных действий на территории области не позволило оснастить подпольные организации средствами связи (радио), специальными типографиями и множительными аппаратами, на оккупированной территории ощущался большой недостаток советских газет, листовок. Не были также предусмотрены все особенности подпольных организаций и групп в населенных пунктах, что нередко приводило к разрушению подпольных организаций и групп» [3: 220].

Говоря о настроениях населения пригородов Ленинграда в начале войны, первый секретарь Ораниенбаумского РК отмечал, что «тогда была известная недооценка противника... Народ был готов идти на фронт, но не представлял себе силы врага, недооценивал их. Было настроение какой-то самоуверенности, все смотрели... что разбить немцев будет легко... И со стороны парторганизации было такое же настроение» [11: 3].

Первый секретарь Пестовского РК ВКП(б) В.Р. Морозов вспоминал, что в первый день войны мнения по поводу перспектив войны в среде рабочих разделились: одни считали, что Красная армия разобьет вермахт в течение 2–3 месяцев («наконец, дождался Гитлер своей смерти»), а другие более трезво смотрели на вещи, отмечая, что «фашистская Германия – серьезный враг» [13: 1–5].

В начале июля 1941 г. через территорию области непрерывным потоком потянулись обозы беженцев, производившие на население тяжелое впечатление. Крестьяне хотели бросить работу в поле, не видя смысла отдавать все немцам [12: 6]. Ощущение бесперспективности возникло не только у простых колхозников, но и у бойцов и командиров Красной армии (РККА), отступавших в беспорядке и не знавших, где находится линия фронта. Командир спецотряда разведуправления фронта В.И. Силачев, заброшенный в конце июля 1941 г. в район Луги, следующим образом описывал настроение шедших на восток солдат: «Ужасно много тогда людей шло в плен. Растерянность была страшная. Около сотни красноармейцев-кадровиков в самом растерянном виде шли с заткнутыми за пояс шинелями и сапогами через плечо... Заявляли, что идут к немцам, они, мол, по домам распускают» [12: 3об.].

В докладе Политуправления Северного фронта «Об организации и действиях истребительных батальонов по Ленинградской области»

от 18 июля 1941 г. указывалось, что руководство Солецкого и Гдовского районов само эвакуировалось и ничего не сделало для организации истребительных батальонов, партизанских отрядов и групп самообороны. В Батецком, Мстинском, Боровичском, Валдайском районах руководство в связи с наступлением немцев растерялось и до приезда представителей Политуправления и ОК партии партизанские отряды не были созданы [5: 65–66].

Условия для ведения политической работы на оккупированной территории были неодинаковыми. В наиболее тяжелом положении оказались те, кому надлежало организовать подпольные группы в городах и населенных пунктах, где располагались немецкие гарнизоны, военные комендатуры, органы разведки, контрразведки, тайной полиции и СД.

В ряде районов области деятельность по организации партизанских отрядов и ведению политической работы среди населения затруднялась из-за значительного количества находившихся там предателей, сотрудничавших с немцами. По воспоминаниям ряда активных участников партизанского движения и сводкам Ленинградского штаба партизанского движения, по этой причине невыносимые условия для ведения подпольной работы были в Кингисеппском, Волосовском, Осьминском, Лядском, Красногвардейском, Слуцком, Тосненском, а также в Порховском и самом северном Карамышевском районах, где почти все население составляли дети репрессированных крестьян (кулаков) или же бывшие осужденные. Такое же тяжелое положение было в Псковском и Островском районах, в северной части Лужского района, а также на захваченной территории Ораниенбаумского района [2: 525].

Большие трудности при организации подпольной работы возникли также в Новоржевском районе, где по вине секретаря РК ВКП(б) список агентов НКВД попал в руки немцев [12: 28]. Руководители некоторых партизанских отрядов сообщали, что немецкая пропаганда имела успех в деревнях, где проживало преимущественно эстонское и финское население, а также лица, репрессированные в прошлом советской властью. Например, в деревне Оровка Осьминского района отряды, состоявшие из эстонцев, выслеживали партизан, а также сочувствовавших им. Маршрутная агентура НКВД и разведотдела

штаба Северного фронта 23 ноября 1941 г. сообщала, что в Кингисеппском районе и в некоторых участках Ораниенбаумского района часть населения активно помогала оккупантам путем предательства советского актива, выдачи партизан, ведения антисоветской пропаганды [6: 488]. Как вспоминал в 1944 г. заместитель командира 3-го полка 5-й Ленинградской партизанской бригады Герой Советского Союза Д.М. Соколов, немецкая служба безопасности создала на оккупированной территории широкую сеть осведомителей практически во всех населенных пунктах [9: 50б. – 60б.]. М.Г. Абрамов рассказывал: «...Для того, чтобы деревня была пронемецкой, достаточно было и двух вооруженных предателей» [10: 4]. Первый секретарь Ораниенбаумского РК ВКП(б) А.И. Климков отмечал, что «с самого начала войны были негативные факты... в тех сельсоветах, где было финское население, в полосе, прилегающей к Ораниенбауму и Петергофу, были большие трудности» [11: 2].

По свидетельству сотрудника абвера Д. Карова, в первый период войны органы немецкой разведки и контрразведки на оккупированной территории Ленинградской области обнаружили, что советского аппарата спецслужб там практически не существовало и только небольшая часть советской агентуры пыталась продолжать свою работу. В целом же в первый период войны советская агентура занималась «накапливанием материала» и впоследствии, хорошо изучив немцев, «доставила много хлопот немецкой контрразведке» [16: 6]. Истребительные отряды, о которых абвер услышал главным образом от местного населения, также никак себя не проявляли, хотя немцы их серьезно опасались. Работа советской разведки в тот период чувствовалась только вблизи фронта. «Это имело печальные последствия для немецкой контрразведки, которая стала слишком самоуверенной и недооценила всех возможностей советской разведки и контрразведки впоследствии» [16: 7].

29 августа 1941 г. начальник политуправления Северного фронта информировал Военный совет о том, что из-за отсутствия средств связи партизанские отряды и местное советское население с момента начала оккупации никакой информации о ходе военных действий и положении СССР не имели. В связи с этим немцы в оккупированных районах Ленобласти «безнаказанно вели свою демагогическую пропаганду» [8: 2].

Осенью 1941 г. начальник отдела политуправления по работе среди частей РККА и партизанских отрядов в тылу противника одним из важнейших направлений деятельности своего отдела назвал ведение контрпропаганды, особенно вокруг земельного вопроса [8: 19]. В политдонесении «О положении населения в районах, временно оккупированных немцами» (декабрь 1941 г.) политуправление Ленфронта указывало на слабую работу политорганов среди населения районов, подвергшихся оккупации. Проводимая партизанскими отрядами работа также была признана совершенно недостаточной для того, чтобы «противопоставить фашистской лживой пропаганде правдивую информацию о Великой Отечественной войне» [6: 491].

О действенности немецкой пропаганды говорилось и в специальном ее обзоре, подписанном начальником Политуправления Северо-Западного фронта А. Ковалевским. В нем указывалось на то, что «фашистская пропаганда достаточна изворотлива и коварна», что «она порядочно дезориентировала немалую часть населения оккупированных районов, добилась того, что население нередко теряло перспективу» [4: 96]. Например, колхозник Шибунев из деревни Мамонтовщина Молвотицкого района заявил в январе 1942 г., что «многие поверили немцам о том, что Красная армия разбита». Даже в селах, расположенных недалеко от линии фронта (Старорусский район), немцы уверяли, что они ведут бои не с регулярными частями РККА, а с коммунистами и партизанами, и многие колхозники этому верили [4: 96].

В.И. Силачев вспоминал, что первым вопросом, который ему задавали жители захваченных противником сел, был: «Взят Ленинград или нет?» Немецкая пропаганда пыталась заинтересовать население пригородов взятием вермахтом Ленинграда. Она утверждала, что все продовольствие покоренного города поступит в распоряжение голодающих жителей области, что после реконструкции и восстановления разрушенных предприятий все желающие смогут получить работу в Ленинграде и обеспеченное будущее [7: 88]. Активность немецкой пропаганды на оккупированной территории Ленинградской области в военные месяцы способствовала закреплению негативных для Ленинграда тенденций: население оккупированных районов практически не оказывало сопротивления противнику, более того, достаточно активно с ним сотрудничало. В своем дневнике Силачев писал, что

80 % советских людей во время оккупации так или иначе сотрудничали с немцами. В середине ноября 1941 г. немцы стали создавать полицейские отряды. «Входили в них обиженные советской властью, судимые, – вспоминал Силачев. – Немцы полицейским давали большие полномочия, поэтому народ в них шел очень охотно, прямо-таки пачками».

Из-за голода осенью 1941 г. распалась большая часть партизанских отрядов, которые были заброшены в немецкий тыл. На настроение партизан также большое влияние оказывало отсутствие информации о положении на фронтах, о судьбе Ленинграда. Все это обусловило разброд и шатания внутри самих партизан. Примечательный эпизод привел уже упоминавшийся В.И. Силачев. 25–26 октября 1941 г. в лесу близ дер. Фатьяново Новоржевского района на собрании спецотряда обсуждался вопрос о плане действий с целью подъема населения на борьбу с немцами. Председатель колхоза дер. Савино Кузнецов заявил, что «все равно после войны Сталин не будет занимать свое место», что в районе немцы не зверствуют, никого не повесили и т.д. В ответ на это Силачев пригрозил расстрелом тем военнообязанным, кто захочет выйти из отряда. Коммунисты поддержали его и пошли в отряд. Однако к числу продолжавших борьбу осенью – зимой 1941–1942 гг. относились главным образом партийный и советский актив, а также работники НКВД и разведуправления фронта [12: 5об. – 9].

С целью преодоления крайне нежелательной для советского режима тенденции предпринимались попытки спровоцировать немцев на жестокие действия по отношению к гражданскому населению. Примером такой деятельности был спецотряд В.И. Силачева, который 29 октября уничтожил несколько лиц, сотрудничавших с немцами. В ответ на это 5–6 ноября были расстреляны 15 человек из числа местного населения. «Тут уже население не стало говорить, что немцы не зверствуют, не расстреливают», – с удовлетворением отмечал Силачев [12: 9].

Помимо уничтожения пособников оккупационных органов, отряд Силачева фактически занимался устрашением населения, распространяя слухи о том, что ожидает пособника. После операции по уничтожению некоего кулака Матвея, оказывавшего содействие немцам в Славковском районе, «была создана такая легенда, что Матвей был рассечен на куски и что всех ожидает это, если они будут воевать против советской власти» [12: 10об.].

В конце ноября из-за голода и желания многих уйти в тыл в отряде Силачева осталась небольшая группа в составе 10 человек. В декабре 1941 г. слух о «Василии Ивановиче», который уничтожает предателей, распространился за пределы Славковского района. Однако население по-прежнему «хлебосольно», как пишет Силачев, относилось к немцам, охотно поставляя продукты – «мед, 2 тонны мяса, 180 овчин» – в немецкий госпиталь (деревня Рудино, Пушкинский район). При этом оно часто обращалось «за советом» к Силачеву, стремясь обезопасить себя от возмездия за помощь немцам [12: 13об. – 14об.].

По свидетельству противника, с конца 1941 г. советские спецслужбы наладили свою работу в оккупированных областях. Это было связано с существенными изменениями в настроениях разных категорий советского населения. Во-первых, под влиянием поражения немцев под Москвой, возвращения Тихвина, а также из-за нацистской политики на Востоке в целом период «морального шатания» советской агентуры закончился. Настроение стало меняться. Во-вторых, те, кто рассчитывал на скорое падение сталинского режима, пришли к выводу, что если немцам и удастся добиться победы, то это произойдет не скоро. Действия партизан и подпольщиков, несмотря на их весьма ограниченный характер, обеспечивали эффект присутствия советской власти и были призваны показать неотвратимость наказания за пособничество врагу. В-третьих, вследствие немецкой политики на Востоке у многих советских граждан развилось чувство русского патриотизма, особенно в городах, где оккупационный режим был намного жестче, чем в глубоком тылу. Показательные казни коммунистов и евреев в пригородах Ленинграда, прежде всего в Пушкине, открыли населению истинное лицо «освободителей». Наконец, голод и отсутствие работы в городах и населенных пунктах создавали объективные предпосылки для кардинального изменения настроений. Этому способствовала и советская пропаганда.

Источники и литература

1. В тылу врага. 1944 г. Л., 1958.
2. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 1. 2-е изд. СПб., 2004.
3. Петров Ю.П. Партизанское движение. Л., 1973.

4. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 11302. Д. 61.
5. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 13.
6. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 32.
7. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 44.
8. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 111.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 10. Д. 20.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 77.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 229.
12. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 373а.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 413.
14. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1248а.
15. *Чежуин С.А.* Действия партизанских соединений в тылу немецких войск, нацеленных на Ленинград // Ленинград. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования. СПб., 2019. С. 410–425.
16. *Karov D.* Nemetskaia kontrrazvedka v okkupirovannykh oblastiakh SSSR v voynu 1941–45 gg. Columbia University. Bakhmeteff Archives. Box 20.

Р.М. Султанбеков

МОБИЛИЗАЦИЯ СИЛ И СРЕДСТВ ДАГЕСТАНА НА РАЗГРОМ ВРАГА (1941–1943 гг.)

Освещению истории Великой Отечественной войны, ратного и трудового вклада народов Дагестана в победу над фашистской Германией посвящен ряд монографических исследований, сборников статей, воспоминаний участников, а также сборников биографических очерков о героях-воинах, тружениках тыла, множество журнальных и газетных статей. Однако остается еще немало вопросов истории войны, требующих специального исследования. Одной из таких актуальных проблем современной историографии являются темы мобилизации сил и средств на отпор врагу, создание Фонда обороны, формирование истребительных отрядов, строительство оборонительных сооружений.

На следующий день после начала войны в городском саду прошел многолюдный митинг жителей Махачкалы. Выступавшие с гневом

осудили вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз и выразили желание приложить все усилия для скорейшего разгрома немецко-фашистских захватчиков. В резолюции, принятой на собрании актива Махачкалинской партийной организации 23 июня 1941 г., говорилось: «Родина вступила в ответственный период. Настал час суровых испытаний для нашего народа. От каждого партийного и непартийного большевика требуется военная мобилизованность, проявление полнейшего спокойствия, повышение революционной бдительности, укрепление государственной дисциплины и самоотверженный труд на производстве.

Каждый коммунист должен считать себя мобилизованным и быть готовым по первому зову партии... грудью встать на защиту единственного в мире социалистического государства» [3: 22–23].

Выступая на общегородском митинге Буйнакска, комсомолка-стахановка трикотажница артели «Красная Звезда» Берестовская заявила: «Всем сердцем любим мы нашу Родину и пойдем на ее защиту с оружием в руках... Я уже подала заявление в военкомат, чтобы меня немедленно отправили на фронт, а за мной подали и ряд моих подруг по производству. Мы уверены, что наши подруги, оставшиеся на производстве, обеспечат наш тыл» [3: 29]. В первый же день войны поступило более 150 заявлений добровольцев на фронт, среди них было почти 50 % женщин.

Такие же митинги с осуждением вероломного нападения фашистской Германии прошли и в других городах и районах республики. Так, рабочие и служащие совхоза им. Карла Маркса Дербентского района на митинге, собравшемся по поводу нападения Германии на Советский Союз, постановили: «Коллектив совхоза К. Маркса как один обязуется по призыву партии и правительства идти на фронт, защитить свою Советскую Родину и уничтожить всех фашистов, которые хотят уничтожить нашу советскую власть» [9: 10]. Во всех организациях Дербента также прошли митинги и собрания на следующий день после начала войны. Все это являлось свидетельством полной поддержки народом руководства партии и страны, Красной армии (далее – РККА) в этот ответственный момент.

В первые же дни начала войны состоялся многолюдный митинг в районном центре в с. Уркарах. Выступившие на нем активисты

Хадижат Курбанова, Керим Шахбабаев, Захар Магомедов, Нухкади Мамедов, Вера Шуйтова и многие другие гневно осудили вероломное нападение фашистов на СССР, выразили готовность добровольно отправиться на фронт. Они писали: «Мы, колхозники и колхозницы, рабочие и служащие, будем работать на своих участках с удвоенной, с утроенной энергией. Поднимем революционную бдительность, укрепим трудовую дисциплину» [2: 130].

Участники митинга в первую очередь заявляли о готовности с оружием в руках защищать советскую Родину. В первые же дни войны в военкоматы республики поступило более 3,5 тыс. заявлений от добровольцев, в том числе 677 от женщин-горянок, с просьбой отправить их на фронт [1: 446]. На войну уходили целыми семьями. Так, А. Абдулгамидов из села Урхучимахи Акушинского района отправил на фронт 12 сыновей и внуков, Т. Таирова из селения Ахты – 7 сыновей; пятеро Эфендиевых из села Кумух, шестеро братьев из села Кака, четверо мужчин семьи Гаджиевых из селения Мегеб сражались на фронтах, защищая Родину [1: 447].

Трудящиеся Махачкалы на нападение фашистской Германии на Советский Союз ответили укреплением производственной дисциплины, самоотверженным трудом, выполнением и перевыполнением производственных планов, проявили инициативу и образцы стахановского труда. 22 июня 1941 г., в день объявления войны, в Махачкалинском порту бригада грузчиков Модзавецкого сменное задание выполнила на 131,4%; бригада Довженко – на 144,9%; Ахмедова – на 154,3%, Краснознаменная бригада Джалиева – на 172,5%. Коллектив Махачкалинского рыбоконсервного завода дал 79 300 банок консервов. Стахановцы завода им. Слепнева перевыполнили дневное задание: Бирюликина – на 117%, Кадиев – на 136%, Алхазов – на 124%. Коллектив хлебокомбината в этот день выполнил план на 110%, дав 11 т хлебных изделий [5: 1–5].

Большое внимание уделялось укреплению трудовой дисциплины. Если в первом квартале 1940 г. на Махачкалинском рыбоконсервном заводе был 101 прогул, то в первом полугодии 1941 г. – только 8 случаев нарушения трудовой дисциплины. После объявления войны многие рабочие приходили на завод раньше времени, стремясь дать стране больше продовольствия и консервов. Так, «работница консервного

цеха тов. Табачникова 23 июня 1941 г. выполнила норму на 450 %, тов. Бирюкова – на 250 %, бригада тов. Старовойтовой выполнила задание на 250 %» [5: 1–5].

Женщины становились за станки вместо мобилизованных в РККА мужчин. Так, ушедших на фронт грузчиков рыбоконсервного завода Бараева и Мефтахова заменили комсомолки Зинаида Белкина и Антонина Федченко. Судя по отзывам современников, они справлялись с этой тяжелой работой не хуже мужчин. Работницы завода Клавдия Левченко, Елена Задирнева, Екатерина Данилина проявили инициативу: работать, не считаясь со временем, столько, сколько нужно для обороны страны [5: 1–5]. Замена мужского труда женским не сказалась на темпах производства, наоборот, при правильной организации она давала еще больший эффект.

На особом контроле партийно-советских органов власти был вопрос организации замены инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих, ушедших на фронт. Махачкалинский горком ВКП(б) принял постановление от 9 июля 1941 г. «О замещении должностей в промышленных предприятиях города, вместо ушедших товарищей в РККА» [4: 10–12]. Однако проверка выполнения постановления показала, что «из трех обследованных предприятий: ремонтно-механический завод, фабрика им. III Интернационала, мебельная фабрика – не по всем партийным организациям имеются четкие решения с указанием конкретных мероприятий, направленных на выполнение постановления бюро ГК ВКП(б)» [3: 51]. Таким образом, по всем указанным предприятиям только 50 % количества работников, необходимых для замещения уходящих в РККА, прошли курсы повышения квалификации. По итогам проверки были даны рекомендации увеличить количество рабочих, подготавливаемых для замены отбывших на фронт, осуществить индивидуальное прикрепление малоквалифицированных к более квалифицированным рабочим, проводить техникуму в кружках и стахановских школах.

4 июля в городах и районах республики прошли митинги, посвященные выступлению по радио председателя Государственного комитета обороны (ГКО) СССР И.В. Сталина. Только в одной Махачкале в митингах приняли участие свыше 10 тыс. рабочих промышленных предприятий и транспорта. Коллективы предприятий, учреждений,

колхозов в своих решениях принимали обязательства по выполнению производственного плана, улучшению качества выпускаемой продукции, наведению порядка и чистоты на производстве, обеспечению светомаскировки заводов, повышению производительности труда [6: 1–8].

В Дагестане нашла широкую поддержку инициатива трудящихся страны по созданию Фонда обороны страны, опубликованная в газете «Правда» 29 июля 1941 г. Инициаторами создания Фонда обороны стали рабочие и служащие Дагконторы Главнефтебсыта Махачкалы. В своем выступлении Мухаммедов призвал всех работников коллектива отчислять начиная с августа 1941 г. до конца войны однодневный заработок. От имени партийной организации и местного комитета коллектива был послан призыв всем нефтебазам и другим предприятиям Главнефтебсыта о создании Фонда обороны. Инициативу нефтяников поддержали коллективы Дагпромсовета, Верховного суда, Дагпотребсоюза, Наркомздрава, Наркомпреда, НКВД, Наркомфина, Наркомюста, Водканалтреста [7: 38].

Создание Фонда обороны страны нашло широкую поддержку у трудящихся Дербента. На предприятиях, учреждениях и в колхозах состоялись многоярусные митинги. Кроме того что рабочие и служащие предприятий обязались перечислять ежемесячно однодневный заработок до конца войны, на 7 августа 1941 г. жители города внесли в Госбанк ценности и наличными 18 151 руб. 28 коп. Трудящиеся города внесли в сберкассе облигации на сумму в 35 845 руб. [3: 35].

На основании постановления ГКО от 22 октября 1941 г. «О создании Государственных комитетов обороны» 26 октября решением Дагестанского обкома партии был создан Махачкалинский комитет обороны под председательством первого секретаря обкома Н.И. Линкуна. Заместитель – председатель правительства А.Д. Даниялов [1: 446]. Он непосредственно руководил укреплением города и прилегающих районов, перестройкой народного хозяйства на военный лад, подготовкой военных и продовольственных ресурсов, проделал большую работу по мобилизации ресурсов республики на нужды фронта, укреплению дисциплины и порядка во всех звеньях народного хозяйства.

Однако в 1942 г. деятельность Махачкалинского комитета обороны была признана неудовлетворительной, что отразилось в докладе «Текущий момент и задачи Дагестанской партийной организации в связи

с решением ГКО». Он был прочитан первым секретарем Дагестанского обкома ВКП(б) А.М. Алиевым на собрании Махачкалинского городского партийного актива 1 октября 1942 г. [3: 42–43]. Доклад был посвящен практическому выполнению решения ГКО от 16 сентября 1942 г. и быстрой ликвидации вскрытых ошибок и недостатков по руководству жизнью республики, дальнейшему подъему мобилизационной готовности партийной организации и всего населения Дагестана по оказанию помощи РККА в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Вопрос о состоянии организационно-хозяйственной деятельности Махачкалинского ГКО стал предметом обсуждения на заседании ЦК ВКП(б). С докладом о состоянии дел и оргвыводах по работе Махачкалинского комитета обороны выступил заместитель начальника управления кадров ЦК ВКП(б) Киселев. Он отметил, что «хозяйственно-политические задачи в республике выполняются неудовлетворительно, плохо поставлена оборонная работа, неудовлетворительно идет строительство рубежей. Все установленные сроки прошли, а работ сделано на 50–60 %. Плохо поставлена работа в республике по созданию истребительных отрядов, особенно в Махачкале.

За четыре последних года общее колхозное поголовье в республике вместо роста сократилось на 170 тыс. голов и в 1942 г. продолжается снижение» [8: 126–127].

Все эти недостатки привели к провалу целого ряда политических мероприятий и, по существу, переросли в политические ошибки, так как своевременных мер не принималось. Это и потребовало от ЦК ВКП(б) принятия решения о снятии руководства, помощи республике продовольствием и сложении недоимок по налогам. Секретарем Дагестанского обкома ВКП(б) утвержден А. Алиев, работавший третьим секретарем ЦК КП(б) Азербайджана, депутат Верховного Совета СССР, награжденный орденом Ленина.

В связи со сложной ситуацией в республике Дагестанский ГКО принял постановление от 16 сентября 1942 г. о мерах помощи трудящимся Дагестана: «Утвердить следующее предложение т.т. Берии, Багирова и Тюленева:

1. Освободить колхозы и население высокогорных районов Дагестанской АССР, пострадавших от недорода и засухи, сельскохозяйственных поставок, от налогов за 1942 год и недоимок за прошлые годы.

2. Разрешить СНК Дагестанской АССР отпустить для нужд снабжения женского населения 150 тысяч метров бязи производства Махачкалинской текстильной фабрики. Использовать пять тысяч тонн зерна для снабжения населения высокогорных районов Дагестанской АССР» [8: 125].

Для поднятия боевого духа дагестанцев – бойцов Красной армии весной 1943 г. по инициативе партийных органов республики были написаны письма народов Дагестана фронтовикам-дагестанцам. Их обсуждение встретило горячий отклик в сердцах трудящихся Махачкалы и пригородных колхозов. В результате этой политической кампании внимание было привлечено к усилению политической и производственной активности трудящихся города и дальнейшей мобилизации их на выполнение планов промышленности, транспорта, сельского хозяйства, на усиление помощи фронту.

Таким образом, ежедневная работа партийно-советских органов по мобилизации сил и средств Дагестана на отпор врагу и для его скорейшего разгрома нашла выражение в разнообразных формах – от записи добровольцев, организации курсов по переподготовке специалистов и рабочих, мобилизации трудящихся на выполнение плана и трудовых норм до создания Фонда обороны, строительства оборонительных сооружений и т.д.

Источники и литература

1. История Дагестана: уч. пос. СПб., 2014.
2. Магомедов Р., Назаревич А. XXV лет Дагестанской АССР. Махачкала, 1945.
3. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы к 70-летию Победы. Т. 1. Махачкала, 2015.
4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 401.
5. ЦГА РД. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 410.
6. ЦГА РД. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 386.
7. ЦГА РД. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 389.
8. ЦГА РД. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 437.
9. ЦГА РД. Ф. 1475-п. Оп. 1. Д. 42.

И.З. Хатуев**ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЧЕЧНЕ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В период Великой Отечественной войны по всей стране отмечался патриотический подъем. Представители разных народов Советского Союза показывали решимость сражаться против немецко-фашистских войск, вероломно вторгшихся на территорию страны. Одним из ярких и показательных примеров решительного настроя на борьбу против внешнего агрессора явилось добровольческое движение. Со всех уголков страны на фронт отправлялись добровольцы [2: 241].

Этот героический почин периода Великой Отечественной войны был широко распространен и на территории Чечни. Жители автономной республики показывали высокий боевой дух, сражаясь на фронтах войны и самоотверженно трудясь в тылу, предоставляя воюющей Красной армии все необходимое для разгрома опасного врага [9: 12].

Как только стало известно о нападении нацистской Германии и ее союзников на СССР, по всей республике наблюдался высокий патриотический настрой. Житель города Гудермес Чечено-Ингушской АССР Джамудаев, провожая сына в армию, сказал: «Только победа может привести тебя в отчий дом. Твой отец стар, но знай, что каждый час я буду работать в родном колхозе, чтобы вам легче было воевать с врагом» [6: 3].

Желание добровольно отправиться на фронт высказывали не только взрослые, но даже подростки. В своих воспоминаниях Рамзан Хамидов, проживавший в чеченском селении Урус-Мартан, рассказывал о том, что в военкоматы наряду со взрослыми мужчинами приходили 14-летние подростки, прося отправить их на фронт, чтобы «разить врага». Такое явление наблюдалось с самых первых дней Великой Отечественной войны. Мальчики пытались добавить себе несколько лет, чтобы попасть в категорию призывного возраста.

Подобные явления были характерны практически для всех населенных пунктов республики. Например, из сравнительно небольшого селения Алхан-Юрт за годы войны на фронт по призыву и добровольно отправились более 460 человек. 124 из них погибли на полях сражений. Выходцы из данного населенного пункта в совокупности были

награждены сотнями орденов и медалей за подвиги, совершенные на фронтах войны (102 – орденами Красной Звезды, 164 – медалями «За боевые заслуги», 112 – медалями «За отвагу»).

Старинное чеченское селение Гойты дало фронту более 600 защитников Отечества, десятки из которых были добровольцами [13: 4]. Характерен пример небольшого чеченского села Илсхан-Юрт, из которого на фронт отправились почти 60 воинов и ни один из них не вернулся живым домой. Все они пали на полях сражений, защищая Отечество от иноземного врага [7: 2].

Горный аул Хильдехорой отправил на войну практически все взрослое мужское население. Половина из мужчин ушла на фронт по повесткам из военкомата, половина – добровольно. Не было ни одного случая дезертирства среди них. Совсем юный воин из этого села Байсар Чапанов погиб на фронте, как и другие его односельчане. Некоторые из них, пройдя долгий боевой путь, смогли вернуться к родным очагам. Среди них – Исмаил Газиев, Сайд-Ахмед Баххаев, Аюб Зайпулаев, Алхаст Париев [12: 3].

Историк и писатель Хож-Ахмед Берсанов сначала в своей исторической повести «Стальная искра», а затем и в солидном труде о Великой Отечественной войне писал о всадниках 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка, значительная часть которого была сформирована из добровольцев. Среди наиболее отличившихся, особенно в боях под Сталинградом в 1942–1943 гг., были: Салаудин Айсханов, Сулим Нухаев, Иса Чалаев, Ахмед Этиев, Хамид Денилов, Магомед Алиев, Умар Масхадов, Абу-Али Висаитов, Абдурахман Абубакаров, Ширвани Эдильханов, Абу Истамулов, Джунид Гайтукаев и другие [1: 97].

Из села Брагуны на фронт отправилось почти 300 человек, 49 из которых были добровольцами. 13 человек были награждены боевыми орденами, 15 – медалью «За отвагу» [4: 56].

С начала войны почти 100 воинов из села Центорой Ножай-Юртовского района подали заявления о добровольном уходе на фронт. Среди них Д. Сайханов, У. Мазаев, Х. Далаев, У. Исаев, Э. Хасмагомедов, Н. Абдулгануров, У. Абдул-Азизов, Ш. Сайханов и другие.

По словам участников Великой Отечественной войны В. Атарщикова и М. Совчука, из одного Наурского района республики на фронт

ушли почти 2 тыс. человек. Многие из них имели боевые ранения, немало погибло, сражаясь на фронтах [11: 2].

30 жителей Чечен-Аула ушли на войну добровольцами. Они сражались на самых разных фронтах и проявляли мужество и отвагу, защищая Родину от немецко-фашистских захватчиков (Ш. Дукаев, А. Демильханов, К. Асуханов, В. Алиев, А. Асхабов, У. Усманов, А. Вацаев, Б. Джанаралиев, А. Сулейманов, Х. Гудиев, С. Сапарбиев, А. Бероев, С-Х. Ваха Алиев, Л. Визашев, Ш. Сугаипов, С. Чимаев, Ш. Идрисов, М. Магомадов, М-Х. Джамуханов, Л. Ихаяев, М. Юсупов и другие) [4: 3].

Группа добровольцев из числа комсомольцев Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР в 1942 г. в своем обращении через местную печать призывала молодежь на мобилизацию всех сил в деле разгрома врага. «Доблестная Красная Армия, – писали они, – на всех решающих участках громит врага... Лучшие сыны чечено-ингушского народа рука об руку со всеми народами нашей страны героически сражаются с врагом на фронтах Великой Отечественной войны. Далеко за пределами нашей республики известны имена славных сынов Чечено-Ингушетии... Комсомольцы, молодежь Ачхой-Мартановского района единодушно решили добровольно идти в ряды смелых и отважных бойцов Красной Армии. Все, в ком бьется сердце, кому дороги воинственные и мужественные традиции наших предков, кто не хочет быть рабом немцев, – все вставайте на славную битву с врагом за наше правое дело. В бой за Родину, молодежь-джигиты Чечено-Ингушетии!» [5: 2].

Это обращение подписали 18 воинов-добровольцев из Ачхой-Мартана. Среди них был и Асхад Ойшаев, боевой путь которого пролегал через Сталинград и Белоруссию, где он получил тяжелое ранение. Он был награжден многими орденами и медалями.

Из горного Веденского района Чечено-Ингушетии еще до начала войны службу в рядах Красной армии проходили почти 300 человек. После июня 1941 г. и до 1943 г. к ним присоединились еще 1300 защитников Родины из этого района. Значительная часть из них были добровольцами. Среди них – С. Джабиров, Ш. Садулаев, Э. Махмудов, Ю. Бугаев, А. Абдулкадыров, К. Хакимов, А. Магомадов, И. Исмаилов, М. Усиев, И. Арсалиев, Д. Асаев, С. Гайсумов, А. Муцаев и другие.

Добровольцем на фронт ушел и бывший председатель колхоза из села Дарго Веденского района Лом-Али Тахаев, который служил в 255-м Чечено-Ингушском полку и пал смертью храбрых под Сталинградом. Приближая Победу, в боях за Родину отдали жизни более 950 солдат и офицеров из Веденского района республики [3: 2].

Из села Энгель-Юрт Гудермесского района Чечни на различных фронтах сражалось 104 воина Красной армии (А. Абдулаев, А. Арсаев, Д. Абдулмежидов, З. Айдамиров, Р. Абдулхаджиев, С. Алмирзаев, Х. Адамов, А. Абдуллаев, Ж. Абдулхаджиев, Т. Бигиев, П. Бантаев, Я. Буруев, И. Болотханов, З. Бураев, М. Болтаев, М. Вараев, Н. Гекиев, М. Гайтаханов, У. Геримханов, Х. Джабраилов, М. Дакаев, А. Дукаев, Г. Джамбулатов, С. Дениев, М. Дахаев, И. Дудуев, Я. Дениев, Г. Закуев, З. Закриев, В. Ибрагимов, М. Ильясов, И. Идиев, З. Исанхаджиев, А. Истамалов, Г. Какраев, А. Какиев, Т. Катаев, Д. Лепиев, М. Махтиев, В. Мурадов, Ш. Музаев, М. Мусаев, Х. Мацагов, У. Масхадов, А. Муцуев, Х. Оторчаев, В. Ракатянский, Т-А. Сусаркаев, А. Сараханов, З. Самбиев, П. Солталиев, А. Сайпураев, Б. Селимсултанов, Г. Сунгхаджиев, Э. Темирбулатов, А. Тамуев, К. Улбиев, Т. Умаров, А. Тайсумов, Х. Хусиханов, Т. Хайрулаев, П. Хаджимурадов, Г. Хасаев, С. Цуцуев, С. Цагараев, Х. Чадаханов, Г. Элиханов, О. Элтаев, Д. Родуев, У. Радуев, Д. Цехаев, А. Хусихаджиев, А. Нухаев, Ш. Бачанов, Д. Осмаев, Б. Тамбаев и другие) [13: 2].

Администрацией Итум-Калинского района Чеченской Республики на сегодняшний день установлены (совместно с райвоенкоматом и на основе архивных данных) 50 защитников Родины, воевавших в составе Красной армии в период Великой Отечественной войны. Из них 9 офицеров (М. Имадаев – комиссар полка; А. Имадаев – летчик, майор, имел 26 боевых наград; Н. Алисултанов – участник боев за Ленинград; У. Бибулатов – командир роты; Н. Уциев – политрук батальона, защитник Сталинграда; З. Ахметханов – политрук батальона, дошел с боями до Берлина; Б. Мусаев – командир роты; Р. Хаджиев – политрук полка, дошел до Берлина; М.-С. Бетигов); двое защитников Бреста – С.-А. Бацаиев и М. Узуев; 6 добровольцев – И. Адаев, Э. Бахаев, Т. Елсаев, М. Ражапов, А. Пискаев, Б. Исаев; четверо сражались, освобождая Украину (З. Ахматханов, И. Адоев, М. Эжаев и М. Юсупов); участники боев за освобождение Праги (М. Багукаев, Шаам Тусхароев, У. Рахмаев),

Венгрии (М. Арсанукаев – имел 6 боевых наград), Белоруссии (И. Газиев, И. Чинтаев), битвы за Кавказ (М. Мегиев, В. Ацаев, У. Абубакаров, С. Дадаев), сражения на Курской дуге (Д. Висаев), Сталинградской битвы (Д. Ситаев), штурм Берлина (А.-К. Джантемиров), движения Сопротивления во Франции (Г. Амаев) и другие [8: 3].

По неполным данным, из Шагоевского района республики на фронт ушли почти 200 человек (43 из села Шатой (Хаккой), 56 – с. Асланбек-Шерипова, 15 – с. Улус-Керт, 3 – с. Зоны, 48 – с. Малые Варанды, 12 – с. Вашендарой, 4 – с. Нуйя). Среди них офицеры РККА – 7 человек (М. Элембаев – командир взвода, Х. Бибулатов, М. Эльмурзаев, К. Давлетмирзаев, М. Адамов, М. Магомадов, А.-Х. Эскирханов), защитники Брестской крепости (Х. Накаев, И. Такаев, Л. Матаев и другие), участники боев за освобождение Украины (А. Бицаев, Х. Батаев, А. Ухаев и другие). На различных фронтах сражались: М. Мукаев, Х. Хачукаев, У-Х. Джанбеков, Д. Хасханов, М. Нурадинов, А. Астамиров, У. Мусаев, Б. Байсаев, Д. Ахмадов, А. Мальцагов, А. Сургаев, А. Баматгиреев, Р. Исламов, С. Дадаев, Д. Косумов, Х. Долтабаев, С. Ялбуздукаев, Ш. Расуев, А. Абдулаев, М. Булаев, Б. Джумаев, Х. Гайтукаев, А. Довдиев, А. Масаев, М. Газимагомадов, М. Демигов, Ш. Шемилев, А. Юрченко, Е. Коханов, Б. Салгириев, В. Кагерманов, А. Алханов, И. Абдулхаджиев, Б. Гайрбеков, А.-М. Цонцаев, Г. Арсамерзаев, А.-Х. Ножаев, А. Асхабов, М. Арсенгиреев, А. Нуралиев, Ш. Шавхалов, А. Расуев, Э. Говдарханов, Ю. Юнусов, С.-А. Чингисханов, А. Джамалдинов, К. Талхигов, С. Симаев, А. Сапаев, З. Исаев, А. Абдулазимов, А. Цагаров, А. Касумов, А.-Х. Байбураев, А. Оздиев, М. Байраков, Д. Шакаев, С.-А. Султанов, Б. Чадаев, М. Довлатбаев, С.-А. Сатабаев, М. Тимаров, Х. Бурсаков, М. Чимаев, А. Нинигов, Ю. Кубаев, А. Булагов, Ю. Мизаев, М. Пайзулаев, А. Шидаев, Паскош, С. Эпендиев, С.-А. Гелагаев, М. Бизаев, М. Джанаралиев, А. Мунгаев, М.-Э. Татарханов и другие [10: 2].

Похожая ситуация была и во всех без исключения остальных населенных пунктах республики.

Как известно, с весны 1942 г. по приказу Л. Берии чеченцев перестали призывать на фронт. По просьбе чеченских офицеров Красной армии в течение 1942–1943 гг. в республике было разрешено провести добровольческую кампанию, в которой жители Чечни приняли самое активное участие.

Всего добровольцами на фронт в период Великой Отечественной войны отправились более 12 тыс. человек (всего в боях против немецко-фашистских захватчиков приняли участие более 40 тыс. человек из Чечено-Ингушской АССР). Подавляющее большинство из них проявили мужество и героизм, сражаясь на фронтах войны. Кроме этого, тысячи жителей добровольно записывались в истребительные батальоны, создавали подпольные комитеты, организовывали партизанские отряды.

Добровольческое движение в период Великой Отечественной войны, в котором наряду со всеми другими народами СССР активное участие приняли и жители Чечни, явилось ярким проявлением патриотизма граждан, их стремлением защитить свою Родину от немецко-фашистских захватчиков.

Источники и литература

1. Берсанов Х.-А.А. Чеченцы и ингуши – участники Великой Отечественной войны. Грозный, 2010.
2. Брыксин И.И. Добровольческое движение в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ярославской области) // Научный диалог. 2015. № 12. С. 241–247.
3. Вести республики. 2005. 6 мая.
4. Вести республики. 2006. 10 марта.
5. Грозненский рабочий. 1943. 19 января.
6. Грозненский рабочий. 1943. 1 сентября.
7. Гумс. 2005. 22 января.
8. Гумс. 2005. 30 апреля.
9. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Правда об участии народов Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Грозный, 2006.
10. Ламанан Аз. 2005. 5 апреля.
11. Ламанан Аз. 2005. 20 апреля.
12. Маршо. 2005. 4 февраля.
13. Молодежная смена. 2006. 21 июня.
14. Терская правда. 2006. 8 мая.

А.Ю. Безугольный

**ПЛОДЫ «БОЛЬШОЙ РАБОТЫ»:
ВСЕАРМЕЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ АГИТАТОРОВ,
РАБОТАЮЩИХ С БОЙЦАМИ НЕРУССКИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
(июль – август 1943 г.)¹**

Военнослужащие неславянских национальностей в рядах Красной армии в годы Великой Отечественной войны составляли достаточно солидную прослойку, удельный вес которой менялся в течение всей войны и достиг наибольших значений во второй половине 1942 г. и в 1943 г. С учетом оккупации территорий Украины, Белоруссии и западных областей России в течение нескольких лет, опора при комплектовании войск на народы Кавказа, Средней Азии, Поволжско-Уральского региона и другие этносы имела большое значение.

Многие мобилизованные из всех уголков Советского Союза воины, не являвшиеся русскими по национальности, не имели опыта военной подготовки, не знали русского языка, были малограмотны или вовсе не грамотны. Это приводило к отчуждению и национальному размежеванию в воинском коллективе, а в среде командиров и политработников славянских национальностей нередко были националистические и шовинистические настроения. За первые два года войны был пройден сложный путь военной социализации нерусских военнослужащих, были отработаны подходы и методы воспитания, организации планомерной и кропотливой политико-воспитательной и просветительской работы с ними, были приняты меры по их бытовой и социальной адаптации. Особенно эта работа активизировалась после издания специальной директивы начальника Главного политического управления от 17 сентября 1942 г. № 012 [7: 172–173], выход которой был связан с наиболее острой фазой боев летне-осенней кампании, где активное участие принимали уроженцы Кавказа и Средней Азии.

В данной статье рассмотрен конкретный эпизод, ставший важной вехой и своего рода итогом напряженной работы с нерусскими

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43112 «Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование».

военнослужащими РККА. В июле – августе 1943 г. по инициативе начальника Главного политического управления РККА генерал-лейтенанта А.С. Щербакова в Москве состоялось 20-дневное совещание (сборы) фронтовых и окружных агитаторов, работавших с бойцами нерусских национальностей, организованное Главным политическим управлением (далее – ГлавПУ) РККА, чтобы политработники могли обменяться накопленным опытом в этой специфической сфере воспитательной деятельности. Подбор делегатов был осуществлен группами ГлавПУ на всех фронтах, кроме Ленинградского, Карельского и Волховского [3: 200]. В мероприятии участвовало 192 агитатора 24 национальностей; большинство участников представляли узбеков, казахов, таджиков, киргизов, туркмен, грузин, армян, азербайджанцев, татар, башкир. Все они являлись штатными работниками политорганов дивизий, армий и фронтов. Делегатами были выбраны хорошо образованные люди (половина агитаторов имела высшее и незаконченное высшее образование, еще 30 % – среднее). Все являлись фронтовиками, 67 человек имели ранения, 58 человек – награждены орденами и медалями [4: 3]. Представленный состав агитаторов представлял собой «лучшую часть нашей интеллигенции национальных республик» [4: 3].

Весьма плотная учебная и культурная программа совещания включала множество мероприятий. Агитаторам были прочитаны лекции на следующие темы: «Книга тов. Сталина “О Великой Отечественной войне Советского Союза”»; «Ленинско-Сталинская национальная политика и боевая дружба народов СССР в Отечественной войне»; «Роль русского народа как старшего брата в семье народов СССР»; «Героическое прошлое русского народа и братских народов СССР»; «Политическая агитация в Красной армии»; «Партийное строительство и задачи партийной работы в Красной армии»; «Военное дело». Также был прочитан цикл лекций на тему «Национальные республики в Великой Отечественной войне» [4: 3].

Лекторами выступили партийные и государственные деятели (Е.М. Ярославский, М.И. Калинин, Д.З. Мануильский и др.), ученые-историки (И.И. Минц, А.М. Панкратова и др.), руководители союзных и автономных республик и руководящий состав ГлавПУ РККА.

В целях обмена опытом делегаты написали отчеты о своей работе, которые обсуждались на совещании участников сбора 31 июля.

Кроме того, еще до начала сборов каждый из них получил опросный лист. Вопросы анкеты были нацелены на выявление в своеобразной фокус-группе политработников-националов характерных профессиональных проблем и особенностей работы. Одна из формулировок была такой: «Какие вопросы чаще всего задают вам на беседах?» Выяснилось, что бойцов больше всего интересуют вопросы о втором фронте, роспуске Коминтерна, германском пролетариате и т.д. Другой вопрос касался трудностей, с которыми сталкивались агитаторы. Эти трудности в основном сводились к недостатку литературы на родном языке, да и на русском тоже; малому количеству экземпляров газет на национальных языках, поступавших в роту, батарею. А в графе предложений чаще всего стояла просьба агитаторов: «Прислать национальные музыкальные инструменты и концертные бригады из республик Средней Азии и Закавказья». Как отмечал в своих воспоминаниях бывший заместитель начальника ГлавПУ РККА Н.В. Пупышев, «в то время анкетирование было делом необычным, новым. Некоторые наши товарищи высказывались отрицательно, считая его проявлением бюрократизма. Они говорили, что, кроме лишних бумаг и дополнительной “бухгалтерии”, анкеты ничего не дадут. Но Щербаков не разделял этой точки зрения» [3: 201]. Обобщение результатов анкетирования дало интересные результаты как для анализа уровня профессиональной подготовки специалистов, так и для выявления характерных трудностей в агитационной работе с бойцами на переднем крае [3: 202].

Для участников сбора был организован просмотр патриотических фильмов как на исторические, так и на актуальные темы. Все участники получили походную библиотечку для дальнейшей работы.

4 августа участников сбора принял председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин, который в своем выступлении поднял вопрос о языке. Признав, что «без русского языка в армии не обойдешься», он в то же время отметил, что это не снимает с политработника обязанности вести с бойцом работу на его родном языке: «Русский язык изучайте, но путь к сердцу бойца, особенно на первых порах, прокладывайте на родном языке... Родной язык дойдет до их сердца, передаст им все оттенки вашей мысли» [2: 82]. Аналогичную мысль высказал выступавший несколько ранее член ЦК ВКП(б)

и академик АН СССР Е.М. Ярославский: «Очень важно поставить хорошо агитацию на языке того народа... к которому обращаешься. Редко когда даже самый лучший перевод речи вполне соответствует сказанному на другом языке» [8: 17].

Программные занятия закончились 5 мая 1943 г., после чего в течение нескольких дней происходили неофициальные мероприятия, в рамках которых 7 мая перед делегатами выступил начальник ГлавПУ РККА генерал-лейтенант А.С. Щербаков. Для Щербакова начальником отдела агитации Управления агитации и пропаганды ГлавПУ РККА полковником Н.Л. Рубинштейном была подготовлена справка, содержащая краткие обобщенные данные о работе с нерусскими национальностями в Красной армии за прошедшие два года войны. Выступая перед агитаторами, А.С. Щербаков предлагал в дальнейшем развивать воспитательную работу с нерусскими военнослужащими не вширь, а вглубь, понимая под этим усиление гибкости и разнообразия методов и подходов. Он призывал довести эту работу до самых мелких подразделений и даже до единичных бойцов-националов в подразделениях. Причем Щербаков требовал распространить теперь эти особые воспитательные подходы и на национальности, представленные в армии в относительно незначительных количествах, – марийцев, мордвин, якутов, осетин и т.д. [5: 11–13]. Военнослужащие всех перечисленных национальностей в большинстве своем были хорошо встроены в русскоязычную социокультурную среду. Щербаков тем самым как бы объявлял следующий этап воспитательной работы, носивший уже не реактивный, а упреждающий и профилактический характер.

По итогам форума был издан приказ заместителя наркома обороны и начальника Главного управления укомплектования и формирования войск Красной армии генерал-полковника Е.А. Щаденко о подготовке кадров политсостава для работы среди красноармейцев кавказских и среднеазиатских национальностей, для чего с 1 октября 1943 г. надлежало провести месячные сборы политработников запаса, призванных по решению ЦК ВКП(б) на руководящую партийно-политическую работу в РККА, в количестве 160 человек [6: 306].

Важным итогом совещания должна была стать готовившаяся по его результатам директива начальника ГлавПУ РККА, которая бы подвела

итог работы с нерусскими военнослужащими, продолжавшейся почти год со дня издания директивы от 17 сентября 1942 г. № 012. Проект такого документа сохранился среди материалов совещания агитаторов в личном фонде А.С. Щербакова [3: 4–9]. Хотя директива и не была в конечном итоге принята, ее содержание интересно с точки зрения того, как руководство военно-политическими органами оценивало текущее состояние национального вопроса в армии, а также проблем реализации директивы № 012. В целом проект директивы был выдержан в мажорном тоне, что особенно бросается в глаза на фоне директивы годичной давности, где не нашлось места ни одному позитивному примеру, ни одному оптимистическому тезису, даже сугубо формальному.

В рассматриваемом же проекте констатировались важные позитивные изменения в работе с бойцами и командирами нерусских национальностей. Отмечалось, в частности, что за истекший период осуществлен подбор агитаторов и пропагандистов, активизирована массовая работа с нерусскими военнослужащими на их родных языках (митинги, читки газет, доклады и проч.), внедрены новые формы воспитательной работы. В целях директивной части документа прописано «закрепление имеющегося положительного опыта и поднятие этого опыта на высшую ступень». В проекте директивы также содержался разбор «существенных недостатков» в работе политорганов, которые, однако, едва ли можно было назвать непреодолимыми, роковыми. Среди них назывались отношение политработников к воспитательной работе с нерусскими бойцами как к «побочной» деятельности, особенно там, где они не составляют «компактной массы»; «огульный подход» к красноармейцам и младшим командирам нерусской национальности без учета их национальности, образовательного уровня, возраста, жизненного опыта бойцов; слабое выдвижение отличившихся бойцов на позиции младших и средних командиров и политработников. Отмечалось также следующее: недостатки работы по изучению русского языка («из рук вон плохо»); распределение печатной продукции, которое «зачастую происходит формально, без учета национального состава того или иного подразделения»; сохранение фактов «великодержавного шовинизма и нечуткого отношения к бойцам» [4: 5–6].

Сборы были высоко оценены их непосредственными участниками как редкая и крайне необходимая возможность для политработников с разных фронтов обменяться специфическим опытом работы с бойцами нерусских национальностей. По свидетельству одного из участников, это мероприятие «дало очень многое», поскольку «показало наличие многообразных форм и методов работы» [1: 9].

Материалы совещания в последующем широко распространялись среди политработников, имевших дело с нерусскими бойцами. В дальнейшем многие его участники командировались на различные фронты, где при содействии фронтовых политуправлений встречались с агитаторами, работавшими с нерусскими военнослужащими, знакомили их с итогами сборов, делились озвученным на форуме опытом, передовыми формами и методами работы.

Источники и литература

1. *Аманжолов С.А.* Опыт политико-воспитательной работы в действующей армии. Усть-Каменогорск, 2010.
2. *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975.
3. *Пупышев Н.В.* В памяти и в сердце. М., 1986.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 964.
5. РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 967.
6. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997.
7. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17 (6). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: документы и материалы. М., 1996.
8. *Ярославский Е.* Советы агитаторам. М., 1942.

И.А. Сардалов

М.А. ВИСАИТОВ: СУДЬБА ОТВАЖНОГО КОМАНДИРА ПОЛКА

Много говорят и пишут о судьбе Героя Советского Союза (посмертно) гвардии подполковника Мовлади Алероевича Висаитова.

Кто же этот герой и какова его судьба на самом деле? Процитируем биографические сведения о нем из архивных документов: «Мовлади Алероевич Висаитов родился 13 мая 1913 г. в семье крестьянина-бедняка Магомеда Висаитова, проживавшего в с. Нижний Наур Надтеречного района Чечено-Ингушской АССР» [1: 10]. Детство Мовлади было тяжелое: он трудился и помогал родителям по дому и хозяйству с малых лет, продолжая учиться в сельской неполной средней школе. В автобиографии он писал: «С 10 до 16 лет меня воспитывала Советская власть в детдоме и в школах» [1: 28]. В 1926 г. Висаитов был принят в детский городок в с. Асламбековском Новочеченского округа Чеченской автономной области, затем поступил в кооперативный техникум в г. Грозном. В 1931 г. после техникума был направлен на кооперативную работу в с. Нижний Наур Надтеречного района на должность заведующего магазином хлопкопроизводителей [1: 10].

В 1932 г. М.А. Висаитов добровольно вступил в Красную армию, став красноармейцем учебного эскадрона 30-го кавалерийского полка Краснознаменных курсов подготовки комсостава. А в феврале 1933 г. стал курсантом 1-го курса кавалерийской школы горских национальностей Северного Кавказа в Краснодаре. По ее окончании в 1935 г., получив звание лейтенанта, был направлен для прохождения дальнейшей службы на должность командира взвода 49-го кавалерийского полка 9-й кавалерийской дивизии, которая дислоцировалась в г. Тульчин Винницкой области УССР [1: 10, 35].

В сентябре 1938 г. М.А. Висаитова перевели в 34-й кавалерийский полк 3-й кавалерийской дивизии на должность помощника командира эскадрона, в июле 1939 г. назначили командиром эскадрона. В октябре 1940 г. М.А. Висаитову присвоили звание капитана [1: Учетно-послужная карта М.А. Висаитова (далее – УПК)].

22 июня 1941 г. Германия вероломно напала на Советский Союз, началась Великая Отечественная война. Кавалеристы 3-й кавалерийской дивизии в первые же часы начала войны вступили в бой с численно превосходившими их силами противника. Но вскоре были вынуждены отойти на запасной рубеж. 2-й эскадрон, которым командовал капитан Висаитов, оставили для обеспечения отхода основных сил дивизии. Однако, хорошо изучив местность в районе Ковеля,

тактически рассчитав все плюсы и минусы, М.А. Висаитов принимает неожиданное решение контратаковать противника. Такой дерзости враг не ожидал от спешно отступавших частей Красной армии. Расчет командира эскадрона полностью оправдал себя: противник, неся потери, оставил занятый им рубеж и отступил, бросив при этом на поле боя убитых солдат и офицеров, а также много оружия и боеприпасов. Но затем противник вызвал подкрепление и вынудил кавалеристов оставить отбитые у них позиции.

Смелых и расчетливых действий Висаитовым было предпринято много в ходе Великой Отечественной войны, в том числе в ее начальный период. В документах, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), сообщается: «21.7.41г. к 4.00 34[й] к[авалерийский] п[олк] 3[-й] к[авалерийской] д[ивизии] овладел северо-западной окраиной Тараща и подошел к пивоваренному заводу, войдя в локтевую связь с нашим 129[-м] к[авалерийским] п[полком], который правым флангом форсировал реку Котлуга. Противник, прикрываясь домами, отходит на северо-запад» [5: 40].

24 июля 1941 г. Висаитов получил ранение [1: УПК], но не покинул поле боя, а наоборот, вдохновляя личный состав эскадрона, принял решение в очередной раз контратаковать противника. За эти бои в первые месяцы войны М.А. Висаитов был награжден 29 декабря 1941 г. орденом Красного Знамени. Он стал его первой боевой наградой [3: 107–108].

С первых чисел августа и до середины сентября 1941 г. М.А. Висаитов находился на лечении в эвакуационном госпитале в городе Снежное Донецкой области [1: 35]. После лечения его направили на должность командира отдельного разведывательного батальона 206-й стрелковой дивизии. В составе 37-й армии она принимала участие в обороне Киева. В ходе оборонительных боев дивизия понесла огромные потери личного состава. Очередное ранение получил и М.А. Висаитов. На лечении он находился в госпитале Пятигорска. В апреле 1942 г., после выздоровления, Висаитова отозвали в формирующуюся 114-ю Чечено-Ингушскую кавалерийскую дивизию и назначили на должность начальника штаба 255-го Отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка [1: 10об.].

30 апреля 1942 г. приказом командующего Северо-Кавказским военным округом капитан М.А. Висаитов был назначен командиром 255-го Отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка, который к этому времени уже находился в составе 51-й армии сначала Южного, а затем Сталинградского фронта [4: 2]. В боях с захватчиками на Сталинградском направлении М.А. Висаитов проявил себя как тактически грамотный, мужественный, отважный командир. Приказом командующего Юго-Западным фронтом № 0294 от 4 октября 1942 г. ему было присвоено очередное воинское звание майора [1: УПК].

В противостоянии с несколько раз превосходившим его противником в течение августа – октября 1942 г. полк понес значительные потери личного состава. 2 ноября 1942 г. командование принимает решение о расформировании 255-го кавалерийского полка. После этого Висаитова назначили начальником кавалерийских курсов младших лейтенантов Южного фронта. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г. М.А. Висаитов был награжден медалью «За оборону Сталинграда».

Однако М.А. Висаитов просился в действующую армию. И вскоре его снова направили на фронт, назначив на должность помощника инспектора кавалерии Южного, а потом 4-го Украинского фронта. В этой должности Висаитов прослужил до мая 1944 г. Затем несколько месяцев находился в распоряжении Главного управления кадров Наркома обороны СССР. В сентябре 1944 г. подполковника М.А. Висаитова направили в 6-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. Командиром дивизии был бывший командир 34-го кавалерийского полка генерал-майор П.П. Бригель. Висаитова назначили на должность заместителя командира 23-го гвардейского полка [1: УПК]. Примерно месяц спустя по рекомендации командира дивизии Висаитов стал командиром 28-го гвардейского кавалерийского полка [1: 35].

Под командованием гвардии подполковника М.А. Висаитова 28-й гвардейский кавалерийский полк прошел с боями тысячи километров по Европе, освобождая от захватчиков сотни городов и сел в Польше, Восточной Пруссии и Германии. Поставленные задачи, приказы и распоряжения штабов дивизии и корпуса полк выполнял грамотно и в срок.

Чем ближе к Берлину оттесняли наступающие части Красной армии войска противника, тем яростнее оказывали они сопротивление. Но боевой дух и бесстрашие советского солдата, его желание отомстить за погубленные судьбы своих близких, разрушенные города и села, накопленный за более чем три года опыт ведения боевых действий сломили это сопротивление. Поэтому в последние дни войны, когда враг был практически разбит, его остатки стремились сдаться в плен не Красной армии, а ее союзникам – англо-американским войскам.

Только за период с 27 апреля по 3 мая 1945 г. полк под командованием М.А. Висайтова прошел с боями 160–170 км, разгромил до двух пехотных полков противника, овладел городом Райнсберг и 50 населенными пунктами. В плен были взяты 3,5 тыс. солдат и офицеров противника, убиты до 600 солдат и офицеров противника. В качестве трофеев захвачены 60 орудий, 15 бронетранспортеров, 5 зенитных орудий, 2 самоходных пушки, 40 пулеметов, 25 минометов, 450 автомашин, 200 мотоциклов, 7 железнодорожных эшелонов. Освобождено от немецкого рабства до 3 тыс. советских граждан, до 500 военнопленных [3: 20].

Вскоре частям Красной армии удалось соединиться с союзниками. В донесении № 0153 штаба 28-го гвардейского кавалерийского полка от 4 мая 1945 г. говорилось: «Полк 2.5.45 г. продолжил наступление по боевому приказу штаба дивизии. В 20.00 соединился с частями союзных войск американской армии и по заданию командира корпуса на западном берегу р. Эльба для встречи в качестве представителя был послан командир 1-го эскадрона Герой Советского Союза капитан Неумов Я.Н.». 4 мая 1945 г. на восточном берегу р. Эльбы командир 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Н.С. Осликовский и командир 6-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-лейтенант П.П. Бригель провели парад по случаю встречи с союзными войсками армии США. В почетном карауле 28-го гвардейского дважды Краснознаменного кавалерийского Дубнинского полка участвовали два сабельных эскадрона и артиллерийская батарея. Начальником караула был назначен по приказу командира корпуса гвардии подполковник М.А. Висайтов. После парада начальник почетного караула, командование корпуса и командование дивизии были приглашены на западный берег Эльбы в район расположения американских войск, где также состоялся парад американского гарнизона [6: 43].

Во время парада 4 мая 1945 г. командир 84-й американскойехотной дивизии генерал-лейтенант А. Боллинг наградил командира 28-го гвардейского кавалерийского полка гвардии подполковника М.А. Висаитова американским орденом «Легион почета».

За день до этого, 3 мая 1945 г., подводя итоги боевых действий против немецко-фашистских захватчиков, командир 6-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майор П.П. Бригель подготовил представление на присвоение М.А. Висаитову звания Героя Советского Союза. 6 мая представление подписал командир 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Н.С. Осликовский. Но 31 мая 1945 г. Военный совет 2-го Белорусского фронта дал заключение, подписанное командующим войсками 2-го Белорусского фронта Маршалом Советского Союза К.К. Рокоссовским и членом Военного совета 2-го Белорусского фронта Н.Е. Субботиным, о том, чтобы М.А. Висаитова наградить орденом Ленина [2: 20]. Ключевую роль при рассмотрении этого вопроса сыграла принадлежность М.А. Висаитова к чеченскому народу, который в период с 23 февраля по 9 марта 1944 г. был подвергнут депортации в Казахстан и республики Средней Азии.

Несправедливость продолжала преследовать Висаитова и после войны. В 1945 г. его направили на учебу в Военную академию имени Фрунзе, где он начал успешно учиться. Но как представитель репрессированного народа был исключен, а затем уволен в запас.

После отчисления М.А. Висаитов нашел своих высланных родных и выехал к месту их проживания. В Казахстане и Киргизии он работал на различных ответственных и руководящих должностях. А по возвращении на родину долгое время занимал должность заместителя министра внутренних дел Чечено-Ингушской АССР, пользовался большим авторитетом в республике. Он часто встречался со своими бывшими сослуживцами, с которыми не раз смотрел смерти в глаза. К нему приезжали его однополчане из других областей, краев и республик.

23 мая 1986 г. после непродолжительной болезни М.А. Висаитов скончался и был похоронен на кладбище в родном селе Надтеречном (Лаха-Невре, Нижний Наур).

Справедливость восторжествовала лишь 45 лет спустя. После ряда обращений официальных органов и общественности Чечено-

Ингушской АССР Указом Президента СССР М.С. Горбачева от 5 мая 1990 г. М.А. Висаитову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Именем Героя Советского Союза в ряде сел и городов республики названы улицы и школа, в которой он учился. Недавно, по предложению главы Чеченской Республики, Героя России Р.А. Кадырова, был проведен опрос населения Чеченской Республики, по итогам которого было принято решение о переименовании Старопромысловского района города Грозный в Висаитовский. В центре Грозного на аллее Славы установлен конный памятник М. Висаитову. Таким образом, в родной республике увековечена память об этом легендарном человеке и бесстрашном командире.

Источники и литература

1. ЦАМО РФ. Личное дело М.А. Висаитова.
2. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 40.
3. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 433.
4. ЦАМО РФ. Ф. 255. Оп. 915461. Д. 3.
5. ЦАМО РФ. Ф. 3539. Оп. 1. Д. 37.
6. ЦАМО РФ. Ф. 3539. Оп. 1. Д. 123.

С.А. Приходько

ВЕХИ ЖИЗНИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВИЧА ГОРДЕЕНКО (1895–1989), ВЫДАЮЩЕГОСЯ ОРГАНИЗАТОРА ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Многие авторы по субъективным причинам не уделяют внимания партизанскому движению в юго-западных районах Орловской области [7; 10], поэтому необходимо устранить настоящий пробел в истории Великой Отечественной войны. В ряды народных мстителей западных регионов РСФСР часто вливались талантливые люди, являвшиеся уроженцами этих мест. Одной из ключевых фигур сопротивления – Г.И. Гордеенко – посвящена данная статья. Жизненный путь героя воссоздается на основе документальных источников Новозыбковского краеведческого музея.

Георгий Иванович (Павлович) Гордеенко (Гордиенко) родился 2 (7) февраля 1895 г. в бедной семье в Российской империи, в Черниговской губернии, в Новозыбковском уезде, в Старой Рудне.

Г.И. Гордеенко хотел вырваться из беспросветной нищеты и периодически искал новую работу. Чтобы исправить материальное положение и помочь семье, жители Новозыбковского уезда покидали Российскую империю и трудились по вербовке в различных странах, даже за океаном. На рубеже 1900–1910-х гг. будущий партизанский вожак работал на различных заводах в США, изготавливал колеса для паровозов в Пенсильвании, в Питтсбурге. Через три года действие трудового договора закончилось. В 1913 г. пролетарий вернулся на родину.

Началась империалистическая война. Первый опыт борьбы с немецкими захватчиками Г.И. Гордеенко получил именно в период Первой мировой войны.

Жизнь Г.И. Гордеенко резко изменилась в октябре 1917 г., после свержения Временного правительства и победы большевиков. Отстаивая завоевания Великого Октября, Г.И. Гордеенко продолжил свой боевой путь.

Заклучив в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. мирный договор, Совет Народных Комиссаров (далее – СНК) приступил к восстановлению экономических связей в РСФСР, нарушенных империалистической войной. Передышка оказалась недолгой, поскольку центральные державы нарушили свои обязательства и снова атаковали молодую республику Советов.

В марте – апреле 1918 г. немецкие и украинские войска оккупировали значительные территории в западной части РСФСР. Под контролем захватчиков оказались некоторые уезды Черниговской губернии (приграничные районы современной Брянской области).

В Новозыбкове в течение пяти дней была проведена масштабная эвакуация. Удалось спасти важные документы и ценное имущество. 9 апреля 1918 г. в Новозыбков вступили части кайзера Вильгельма II и гетмана П.П. Скоропадского. Но фронт сильно растянулся, немецкие войска столкнулись с частыми перебоями в снабжении. В условиях нарастающего сопротивления красноармейцев и партизан наступательный порыв противника иссяк. Между Клинцами и Унечей пролегла демаркационная линия.

СНК РСФСР не собирался мириться с потерями населения и территории. В кратчайшие сроки большевики реорганизовали Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА) и перевели промышленность на военные рельсы. К ноябрю 1918 г. Вооруженные силы республики были реорганизованы в 17 армий [6: 190].

Осенью 1918 г. в Германии произошла революция. 9 ноября кайзер отрекся от престола. Сообщение о смене власти дезорганизовало немецких офицеров и солдат, а также их сторонников. 14 декабря П.П. Скоропадский отказался от власти. Оккупанты утратили веру в победу над большевиками и перешли к обороне. В этой ситуации В.И. Ленин аннулировал Брестский мир и отдал приказ освободить утраченные губернии и уезды.

1 декабря 1918 г. железные дороги РСФСР были переведены на военное положение [4: 142]. Их оборона и охрана стали приоритетами новой власти. Данные задачи выполняли специальные войска численностью свыше 50 тыс. штыков.

Узнав о приближении к Новозыбкову Богунского полка, который уже освободил Клинцы, иностранные интервенты бросили позиции на разделительной полосе. Одновременно успешное наступление развивал Таращанский полк, изгоняя незваных гостей из соседних уездов, расположенных восточнее линии Унеча – Клинцы – Новозыбков.

25 декабря 1918 г. советская власть была восстановлена в Новозыбкове. Красноармейцы сумели сохранить объект стратегической важности – Полесскую железную дорогу. В течение восьмимесячной оккупации немцы создали в Новозыбкове и других городах агентурную сеть, которая в 1941 г. оказала им неоценимое содействие. Возвращенные территории вошли в состав Гомельской губернии, впервые сформированной в составе Советской России весной 1919 г.

Г.И. Гордеенко служил командиром 2-й роты 2-го батальона в Богунском полку и внес свою лепту в освобождение родного города. Объединившись юго-западнее Новозыбкова, воины Богунского и Таращанского полков нанесли поражение украинским войскам и 6 февраля 1919 г. вошли в Киев.

В 1922 г. Г.И. Гордеенко демобилизовался. После этого он участвовал в разгроме антисоветских банд, затем стал первым председателем колхоза «Новый труд» в родном селе. Также Г.И. Гордеенко возглавлял

волостной исполнительный комитет в Ущерпье. Восстановление народного хозяйства проходило с огромным трудом. Три четверти имперской экономики были потеряны в результате гражданского противостояния.

Вскоре Г.И. Гордеенко переехал в Новозыбков, трудился в колхозах и в должности заведующего земельным отделом в Новозыбковском районном исполнительном комитете до августа 1941 г. По совместительству Г.И. Гордеенко работал председателем Внукевичского сельсовета, поскольку кулаки убили его главу Злобина. Бандиты обещали убивать и каждого следующего председателя. Но их угрозы не испугали Г.И. Гордеенко, который согласился заменить погибшего товарища. До нейтрализации контрреволюционных элементов и выборов председателя Совета Г.И. Гордеенко выполнял его обязанности, снискав авторитет у городских и сельских жителей. Доверие людей стало огромной ценностью в 1941–1942 гг., в процессе организации партизанского сопротивления. В 1939 г. Г.И. Гордеенко вступил в ВКП(б) и получил партийный билет № 2 142 725.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны в соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. в западных областях страны началось создание партизанских и подпольных структур [3]. В августе 1941 г. противник полностью оккупировал Гомельскую область и вторгся в Орловскую область.

По решению Орловского областного комитета ВКП(б) Г.И. Гордеенко, как и многие другие члены партии, был оставлен в Новозыбковском районе, в тылу врага, для организации партизанской борьбы. Ф.С. Бирюков и Г.И. Гордеенко неоднократно пересекали линию фронта, занимаясь эвакуацией партийных документов в Орёл. Через линию фронта партизаны вернулись с инструкциями Орловского обкома ВКП(б) для новозыбковских партизан.

1 августа 1941 г. на основе сформированного месяцем ранее истребительного батальона был создан Новозыбковский районный партизанский отряд имени Н.А. Щорса численностью в 180 человек. Командовал первым на Новозыбковской земле отрядом народных мстителей Николай Степанович Чернобаев, уроженец Стародуба, занимавший должность председателя Новозыбковского районного исполнительного комитета. В составе отряда удалось сформировать

группу всадников, преувеличенно называемую ротой в отдельных публикациях. Ее возглавил Алексей Никифорович Поддубина, деятельность которого оценивается неоднозначно. Взводом пешей разведки этой группы командовал Г.И. Гордеенко.

Просуществовал первый отряд в течение только одного месяца. Возникли трудности с обеспечением партизан боеприпасами, оружием и продовольствием. Из трех баз, которые были созданы до оккупации, две закладки достались фашистам вследствие помощи предателей. Круг людей, посвященных в тайну третьей базы, был наиболее ограниченным, поэтому ее удалось спасти.

26 августа 1941 г. вблизи Накота (в тот период – село в Новозыбковском районе) произошел первый бой с гитлеровцами, которые оставили поле боя [2: 112]. Обе стороны понесли потери. Для врага столкновение не имело никаких ощутимых последствий. А отряд Н.С. Чернобаева прекратил свое существование после боя в Накоте. Пришлось формировать партизанскую группу повторно. Создание нового отряда народных мстителей растянулось до весны 1942 г.

В октябре 1941 г. Г.И. Гордеенко вместе с М.А. Левченко организовал в софиевских лесах новую партизанскую группу. Даже простое присутствие Г.И. Гордеенко в отряде способствовало увеличению его численности, укрепляло боевой дух. Связь с «большой землей» осуществлялась по радио и через посыльных. 12 февраля 1942 г. советская авиация впервые осуществила сброс грузов для партизан, сосредоточенных в еленских лесах. Благодаря советским асам народные мстители получали карты и различных специалистов, включая мастеров минно-подрывного дела, без которых диверсии были бы невозможны.

Процесс централизации партизанского движения на оккупированных территориях СССР был связан с созданием местных руководящих органов и усилением контроля за всеми народными мстителями. 23 апреля 1942 г. Орловским областным комитетом было создано объединенное командование южной группировки партизанских сил – Штаб объединенных партизанских отрядов южных и юго-западных отрядов Орловской области [7: 164].

Временной столицей Орловской области стал Елец. Весной 1942 г. снабжение партизан улучшилось. Из восточных регионов СССР

регулярно доставлялись боеприпасы, оружие и продовольствие. Советские патриоты стали получать радиостанции и специалистов для работы с ними. Но многие трудности так и не удалось преодолеть в течение двухлетней борьбы с фашистскими захватчиками. К примеру, обмундирование поставлялось народным мстителям по остаточному принципу [5: 324].

30 мая 1942 г. при Ставке Верховного Главнокомандования Вооруженных сил СССР был сформирован Центральный штаб партизанского движения, который ускорил процесс сведения отрядов в крупные соединения [8: 11–12].

В середине 1942 г. приобрел статус особой группы партизанский отряд красноармейца Н.Г. Борисова, оставившего ценные заметки в формате малой тетради [1]. Специальной группе подчинялись и новозыбковские партизаны, которые были подготовлены профессиональными диверсантами к дальнейшей борьбе с фашизмом. Сотрудничество между партизанами Н.Г. Борисова и Г.И. Гордеенко было настолько тесным, что Г.И. Гордеенко лично встречал парашютистов, сохранились соответствующие фотографии. В конце 1942 г. ставший лейтенантом разведчик получил орден Красного Знамени. В середине 1944 г. уже старший лейтенант Н.Г. Борисов был удостоен ордена Отечественной войны II степени. После Победы советского народа в Великой Отечественной войне Н.Г. Борисов поддерживал связи со своими боевыми друзьями и посещал Новозыбков.

Хотя узел связи штаба партизанского движения Брянского фронта начал работу 15 сентября 1942 г., вплоть до расформирования некоторые отряды регулярной связью не располагали. Таким образом, роль связных партизан в Новозыбковском районе нельзя переоценить. Чтобы избежать разоблачения, мудрый наставник Г.И. Гордеенко запретил молодым бойцам использовать записки.

В самом городе действовали подпольщики, во многих случаях не координировавшие свои акции с партизанами. Г.И. Гордеенко вместе со своим другом Ф.С. Бирюковым многократно пересекал линию фронта, осуществляя доставку документов. Процессы далеко не всегда проходили успешно, поэтому периодически народные мстители были вынуждены закапывать документы (внутри сейфов) и составлять соответствующие акты.

31 мая 1943 г. встал вопрос о командире создаваемого в Рассадниках отряда имени Спартака. На пост командира партизанского отряда была предложена кандидатура Н.С. Орлова, но согласие он дал не сразу, выдвинув свое условие. Н.С. Орлов, родившийся в Смоленской губернии, не желал руководить отрядом без надежной опоры в лице местного патриота Г.И. Гордеенко, имевшего боевой опыт и снискавшего уважение жителей Новозыбкова и района. Комиссаром отряда был утвержден Г.И. Гордеенко. Назвать отряд именем легендарного Спартака предложил Н.С. Орлов, зачитывавшийся книгами по древнеримской истории. Подразделение вооружалось за счет трофеев и впоследствии увеличилось до 340 человек.

Став комиссаром, Г.И. Гордеенко одновременно был секретарем первичной партийной организации отряда. В конце периода второй немецкой оккупации он также стал секретарем подпольного Новозыбковского райкома ВКП(б) и членом бюро подпольного Новозыбковского окружкома ВКП(б) [2: 125–126]. Михаил Алексеевич Левченко был избран вторым секретарем Новозыбковского районного комитета ВКП(б).

3 августа 1943 г. на базе бригады имени Д.И. Пожарского был создан Новозыбковский нелегальный окружной комитет ВКП(б), который руководил действиями подпольщиков в юго-западных районах региона. Секретарем окружкома ВКП(б) стал Иван Кириллович Ефименко. Должность секретаря подпольного окружкома ВЛКСМ получил Фёдор Иванович Потёмкин. Районным комитетом ленинского комсомола руководил Сергей Фёдорович Поздняков. По рекомендации И.К. Ефименко в состав подпольного Орловского областного комитета ВКП(б) вошел Г.И. Гордеенко.

Г.И. Гордеенко проявлял мужество и отвагу в борьбе с гитлеровскими оккупантами, воодушевлял своим примером остальных бойцов отряда. О результатах его работы можно узнать благодаря докладной записке Орловскому обкому ВКП(б) о работе партийных организаций и состоянии партизанского движения в Новозыбковском районе от 15 октября 1943 г.

После освобождения Новозыбкова, в котором он принимал активное участие, Г.И. Гордеенко работал в качестве секретаря Новозыбковского районного комитета ВКП(б) по кадрам. В 1945–1947 гг. фронтовик руководил Новозыбковским районным исполнительным комитетом.

31 января 1975 г., накануне своего 80-летия, Г.И. Гордеенко получил медаль «Ветеран труда», а также почетные грамоты и приветственные адреса. 6 апреля 1985 г., в преддверии празднования 40-летия Великой Победы советского народа над фашистской Германией, партизан-архивист был удостоен ордена Отечественной войны I степени [9: 74].

Г.И. Гордеенко умер 4 февраля (4 сентября) 1989 г. в Новозыбкове. Похоронен на Красной улице.

Итак, процессы разъединения и слияния партизанских подразделений шли в Новозыбковском районе в течение всего оккупационного периода. В методах борьбы партизан и подпольщиков было много общего. Укрупнение подразделений народных мстителей увеличило потери, которые нес вермахт. Удары, полученные в тылу, сковывали возможности агрессора и приближали его полный разгром.

В здании правительства Брянской области 24 марта 2022 г. состоялось заседание комиссии по вопросу получения Новозыбковом почетного звания «Город партизанской славы». После доклада и презентации автора было принято решение наделить город долгожданным званием. Следует подчеркнуть, что данный статус является высшим знаком признания заслуг новозыбковских партизан и подпольщиков.

Источники и литература

1. *Борисов Н.Г.* Тетрадь для заметок. Гомель, 1942 // МБУК «Новозыбковский краеведческий музей». ДК № 3260.
2. *Горбков А.И., Кеслер И.Е., Колосов Ю.Б.* Новозыбков. Историко-экономический очерк. Тула, 1970.
3. *Еремин В.Г.* КПСС – организатор и руководитель борьбы Ленинского комсомола и молодежи в тылу врага в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) (на материалах деятельности партийных организаций центральных областей РСФСР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.
4. *Кляцкин С.М.* «От тайги до британских морей...»: почему Красная армия победила в Гражданской войне. М., 2018.
5. *Литвинова О.Н.* Субкультура партизанского движения на Брянщине в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 321–326.

6. *Масловский Л.П.* Невидимый палач. Кто на самом деле руководил Гражданской войной в России. М., 2018.
7. Партизаны Брянщины: сб. док. и мат-лов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны / сост. З.А. Петрова, А.И. Ткаченко, И.И. Фишман. Тула, 1970.
8. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 24.
9. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Юбилейная картотека награждений. Шк. 11. Ящ. 16.
10. *Шанцева Е.Н.* Генезис партизанского движения и коллаборационизма в Великую Отечественную войну (на примере оккупированной территории Брянского региона: август 1941 г. – сентябрь 1943 г.): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011.

В.Б. Бесолов

СУДЬБА ЛЕГЕНДАРНОЙ ПОДПОЛЬЩИЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ РАЗИАТ КАМБОЛОВНЫ КАРАЕВОЙ

Одной из самых драматических страниц в истории г. Алагир является немецко-фашистская оккупация, длившаяся 53 дня, с 1 ноября по 24 декабря 1942 г. В городе были расквартированы специальные подразделения СС, оперативные карательные отряды из служащих гестапо и полиции нацистской Германии. Их целью было выявление и ликвидация комсомольского и партийного актива; проведение розыскных мероприятий и арестов; уничтожение советских партийных работников, сотрудников НКВД, армейских политработников и офицеров, борьба с проявлениями антинемецкой деятельности; захват учреждений, имеющих картотеки и архивы и т.д. Они со зверской жестокостью и методично убивали своих политических врагов – советских комсомольских, партийных и государственных работников – на оккупированной территории Алагирского района Северной Осетии.

Гитлеровцы с помощью агентов гестапо выявляли и арестовывали граждан, настроенных против нацистского режима. Они допрашивали, пытали и казнили людей, смело выполнявших боевые задачи, ведущих партизанскую и подпольную деятельность. На протяжении 53 дней

Алагир стал центром карательных органов, действующих в самом городе и ближайших его окрестностях: поселке УЗК, а также в селениях Ход, Црау, Бирагзанг, Пригородное (ныне – Рамоново) и других. Центральная резиденция нацистов находилась в самом центре Алагира, где подвальные и полуподвальные помещения предназначались для военнопленных, большевиков и подозрительных лиц, задержанных немецкой полицией и карательными отрядами.

Немецко-фашистские захватчики в конце 1942 г. зверски прервали жизнь стойкой и смелой Разиат Камболовны Караевой (1887–1942). Умная и приятная женщина, осетинская горянка и подпольщица была уже зрелым человеком, общественным деятелем. Одновременно с такими гордыми и бесстрашными личностями, как Ч.М. Басиева, К.Н. Хацаева, Т.Ф. Цицилина и другие местные девушки, старшая из них, имевшая семью Р.К. Караева, как и ее сверстница С.К. Марзоева, вела подпольную деятельность в Алагире в период с 1 ноября по 20 декабря 1942 г., во время оккупации.

Разиат Камболовна Караева, в девичестве Баскаева (1887–1942), соратница Надежды Константиновны Крупской, родилась в осетинском селении Лаба (ныне – Коста Хетагурова) в Карачаево-Черкесской Республике. Красивую девушку приметил парень из Алагира (Салугардана) Караев Семён и вскоре женился на ней. Дружная семья жила в собственном доме в Алагире (современный адрес: ул. Караева, 6). В этом отцовском доме выросли и жили три брата Караевы: Симон (Семён), Аким, Дзаммарз. В начале XX в. средний сын и брат Аким с семьей переехал в Грозный с целью жить и работать на нефтеперегонном предприятии.

У старшего из братьев был один сын Александр Семёнович Караев и две дочери Люба и Маня. У среднего брата – единственный сын Александр Акимович Караев, 23 февраля 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». У младшего брата было три дочери: Зеко, Надя, Маня – и два сына: Хадахсико, Кубади (Константин). Кстати, именем летчика-истребителя, Героя Советского Союза, гвардии капитана Александра Акимовича Караева (1915–1984) названа одна из улиц Алагира, на которой в конце XIX в. старейшиной семьи Караевы возведен особняк – частный жилой дом № 6.

Прогрессивно мыслящей и революционно настроенной осетинке Р.К. Караевой по ходатайству Н.К. Крупской выделили в собственность квартиру в Петрограде для проживания и ведения социально-политической деятельности. Кстати, до самого начала Великой Отечественной войны в этой квартире жили Разиат Камболовна с обеими дочерьми – Любой и Маней, студентками ленинградских вузов. Однако дочери отказались вернуться с матерью в родной город Алагир, так как надеялись продолжать учебу. Люба и Маня умерли во время блокады Ленинграда.

По окончании войны в этой квартире остался жить ранее прописанный в ней сын Дзаммарза Караева, младшего из трех братьев, но уже с измененным отчеством Семёнович – по имени самого старшего родного брата отца, мужа Р.К. Караевой. Формально сын, а фактически племянник Константин Семёнович Караев, более известный по осетинскому имени Кубады, имел высшее образование и работал на текстильной фабрике в Ленинграде.

Родной сын Семёна Караева и Разиат Камболовны Караевой (в девичестве – Баскаевой) по имени Александр Семёнович Караев (в Осетии – Афсати, 1922–1978) в молодые годы заболел туберкулезом легких и поэтому ему было противопоказано жить в Ленинграде. Он умер дома и похоронен на кладбище, находящемся на северной окраине Алагира.

В первые годы советской власти одержимая социально-политическими процессами Р.К. Караева нередко просила мужа запрячь вола в повозку и доставить ее на станцию поселения Даргкох, чтобы добраться до Москвы или Петрограда, где она принимала участие в женских съездах.

Женские съезды и конференции были одним из новых механизмов вовлечения девушек и женщин в советское публичное пространство, реализации равноправия мужчин и женщин. Осенью 1920 г. состоялась первая конференция женщин Северной Осетии, в 1921 г. – первая окружная конференция женщин Карачая, в 1922 г. – первый окружной съезд женщин Адыгеи. Первый съезд трудовых женщин Горской республики (1921 г.) и Первый краевой съезд горянок (1922 г.) положили начало работе крупных межнациональных совещаний женщин Северного Кавказа. Повестка таких конференций и съездов

интересна сама по себе – женщинам читали доклады о юридическом и бытовом раскрепощении, перед делегатками выступали врачи, юристы, учителя. Выступления женщин на первом, втором и последующих съездах женщин-горянок Горской республики свидетельствовали об их решимости участвовать в формировании нового Советского государства.

Семейная пара – Семён и Разиат Караевы – воспитала двух дочерей и сына, которым в дошкольном и школьном возрасте иногда приходилось быть на попечении бабушки, матери отца, во время поездок Разиат. Александр Семёнович Караев (1922–1978) только после 30 лет женился на осетинской девушке Анне Николаевне Караевой (в девичестве – Габеевой, 1924–2020), почти своей ровеснице. В семье вскоре родились два мальчика: Казбек Александрович Караев (1957–2005), проживший всего 48 лет, и Заурбек Александрович Караев (1959–1981), проживший еще меньше, всего 22 года.

Представитель третьего поколения знаменитой Разиат Камболовны Караевой, ее внук Казбек Александрович Караев (1957–2005), женился на своей ровеснице Заире Аршаковне Караевой (урожденной Ваниевой, род. в 1957 г.). В семье было двое детей: рано умерший сын Заур Казбекович Караев (1985–2010) и славная дочь Виктория Казбековна Караева (род. в 1990 г.).

Настроенная вести подпольную разведку, Р.К. Караева до оккупации предполагала, что при вторжении в Алагир немецко-фашистские агрессоры ее арестуют. Поэтому она с мужем в первые дни оккупации города тайно закопали в огороде все свои ценности, в том числе письма и фотографии с Н.К. Крупской и другие материалы, свидетельствующие о ее активной общественной и политической деятельности. Все остальное – книги, фарфоровые изваяния, фотографии, документы на квартиру в Ленинграде – вскоре после окончания войны досталось Константину Семеновичу Караеву – законному хозяину собственной квартиры, ранее подаренной ему Р.К. Караевой для того, чтобы и впредь пользоваться ее льготами на все оплаты начислений по жилищно-коммунальному хозяйству (ЖКХ). Именно с этой целью ранее, по окончании Великой Отечественной войны, поменяли племяннику законное отчество Дзамарзович на Семёнович – имя дяди, старшего брата отца и мужа Разиат Камболовны.

«Караева Разиат Камболовна – член партии с 1918 года, коммунистка, активный участник партийно-подпольной деятельности.

Разиат Камболовна была первым избранным председателем Алагирского городского Совета, она уехала в Ленинград и проживала в городе на Неве, там же продолжала работать, занималась политической деятельностью. В самом начале Великой Отечественной войны была эвакуирована в город Алагир, где ее выдали сотрудникам гестапо, которые поместили ее в камере смертников. Разиат Камболовну часто вызывали на мучительные допросы, подолгу пытали ее с целью получить какую-либо информацию о сторонниках Отчизны, защитниках Родины. Она была недозволенными методами ими же по-зверски убита.

Разиат Камболовна похоронена в братской могиле, находящейся между городом Алагир и селением Црау, в нескольких десятках метров к северу от автомагистрали» [1: 5].

Баскаева Разиат Камболовна родилась в поселении Лаба (ныне – Коста Хетагурова), находящегося на северной окраине г. Карачаевска. С ранних детских лет она была аккуратной и трудолюбивой девушкой, наводила в доме уют, помогала родителям по хозяйству, являлась прилежной ученицей в школе, которую окончила вполне успешно. Затем она поступила на агрономическое отделение сельскохозяйственного факультета Владикавказского политехнического института, а после завершения учебы по распределению была направлена в Алагир. Здесь она начала трудиться в области развития сельского хозяйства. По возвращении из Ленинграда, накануне и в начале Великой Отечественной войны была парторгом колхоза «Коммунист».

С самого начала немецко-фашистской оккупации Алагира, т.е. с первых чисел ноября 1942 г., 55-летняя Разиат Камболовна Караева активно включилась в подпольную деятельность и всеми возможными способами добывала важные сведения о дислокации групп немецко-фашистских захватчиков на территории города и его окрестностей.

В один из декабрьских дней гестаповцы по доносу (возможно, ее соседа, который сотрудничал с немецко-фашистскими оккупантами) арестовали парторга Р.К. Караеву. Когда Разиат уводили из дома, она успела золовке Наде незаметно передать свой паспорт.

Разиат Камболовна Караева, как Ч.М. Басиева, К.Н. Хацаева, С.К. Марзоева и другие партизаны и подпольщики, была зверски

замучена гитлеровцами. Она не поддавалась никаким изощренным методам допроса, который вел фашистский офицер СС майор фон Кассен, вела себя бесстрашно и проявляла ненависть при каждой встрече с гитлеровскими карателями. Оккупантам так и не удалось заставить заговорить и переманить на свою сторону этих истинных патриотов.

«С Чабахан Михайловной Басиевой, Ксенией Николаевной Хацаевой и другими узниками камеры смертников была убита Караева Разиат Камболовна, бывшая первым председателем Алагирского городского Совета. Когда она освободилась от должности председателя, то переселилась в город Ленинград, где более двадцати лет проживала и работала. Накануне Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда – самой страшной и ужасной реальности минувшей войны, Разиат была эвакуирована в город Алагир, где по доносам была арестована сотрудниками гестапо» [1: 22–23].

Вопреки ожиданиям фашистов, Разиат ничего не выдала, никого не предала. Ее пытали и мучили, а затем ее тело бросили с другими трупами в яму и покрыли землей. Совместное захоронение, осуществленное гитлеровскими карателями между городом Алагир и селением Црау, к северу рядом с автомагистралью, обнаружили спустя 4 месяца. На месте захоронений в середине XX в. установили бетонный обелиск. Надгробная надпись на обелиске содержит крайне скудную информацию: «Здесь похоронены советские патриоты, зверски замученные немецко-фашистскими оккупантами в 1942 году: Басиева Т.Т. (1878–1942), Басиева Ч.М. (1914–1942), Басиев Т.М. (1920–1942), Марзоева С.К. (1888–1942), Караева Р.Г. (1888–1942), Асеев Н.С. (1899–1942), Карасаев М.К. (1919–1942), Хетагуров И.К. (1912–1942), Хацаева К.Н. (1912–1942)».

Автор этих строк убежден, что столь ярких представителей национальной интеллигенции, проявивших поистине неимоверный героизм, как смелая подпольщица Разиат Камболовна Караева и партизанка Ксения Николаевна Хацаева, следует представить на рассмотрение в соответствующие органы верховной власти Российской Федерации для присвоения каждой высокой военной награды (посмертно).

«Мне кажется, героями можно считать отнюдь не Чабахан Михайловну Басиеву, а того человека, кто ей предлагал совершить побег

со всеми людьми, содержащимися с ней в камере смертников, избавиться себя от фашистской смерти.

Вторым героем можно считать Ксению Николаевну Хацаеву, которая в таком жестоким режиме вела агитации о том, чтобы немецким гестапо ни в чем не сознаваться и не наговаривать друг на друга.

Третьим героем я бы назвал Разиат Камболовну Караеву, которая в Ленинграде не стала сотрудничать с немцами, эвакуировалась в город Алагир и приступила к активной подпольной деятельности» [1: 24–25].

Автор статьи выражает благодарность Заире Аршаковне Караевой (урожденной Ваниевой, род. 1957 г.), которая оказывала содействие в получении информации о личной жизни и подпольной деятельности Миры Лактемировны Таболовой (в девичестве Басаевой, род. 1951 г.), являвшейся бабушкой ее покойного мужа Александра Майрамовича, сына Надежды Дзаммарзовны Караевой, за помощь в подготовке статьи.

Источники и литература

1. Рукопись воспоминаний фактического командира Алагирского партизанского отряда, начальника Алагирского районного отделения НКВД майора Михаила Дрисовича Сопоева (1905–1991). Хранится в его личном архиве у дочери Тамары Михайловны Сопоевой, проживающей в г. Алагир.

М.Ю. Сорокина

ИЗ БЕЛЫХ В КРАСНЫЕ: ФЁДОР ВЫСТОРОПСКИЙ И СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ В ЮГОСЛАВИИ (1941–1944)

Современный российский академический нарратив о Великой Отечественной войне пока с трудом включает в свое пространство дискурс о русских белоэмигрантах – участниках антифашистского Сопротивления в Европе в годы Второй мировой войны. Это тем более обидно, что аналогичный советский нарратив начиная со второй половины 1950-х гг. активно впитывал весь доступный в то время массив сведений и документальных свидетельств о соотечественниках, принимавших активное участие в антифашистском движении,

не только перерабатывая и осмысляя его на уровне академической историографии, но и транслируя его в политическое, публичное, общественное и художественное пространство советского общества.

Взгляды, приоритеты и роль «белой» русской эмиграции во Второй мировой и Великой Отечественной войне всегда являлись и являются одной из наиболее дискуссионных проблем ее истории. Ставшее традиционным для историографии разделение постреволюционной эмиграции, большую часть которой составляли отнюдь не идейные борцы с большевизмом, а вынужденные гражданские беженцы, на «оборонцев» и «пораженцев» очень напоминает еще более хрестоматийное и далекое от исторической реальности деление на «красных» и «белых». Между тем за пределами этой черно-белой схемы остается бесконечное многообразие отношений, связей, союзов, непонимания, конфликтов, противостояний и других видов социального и микро-социального поведения, которые, собственно, и определяли атмосферу и характер взаимодействия в различных сегментах русского зарубежья. Пример российской диаспоры в Королевстве Югославия в межвоенный период XX в., где была сосредоточена самая значительная «вооруженная» и самая «казачья» часть русской белой эмиграции, большинство представителей которой были выходцами из южных губерний бывшей Российской империи, и в то же время на всем протяжении 1930-х гг., несмотря на отсутствие дипломатических отношений между СССР и Королевством, интенсивно и эффективно осуществлялась связь с Советской Россией, представляет собой весьма интересный случай для анализа.

Если о «белых» в Югославии существует большая литература, то о «красных», в том числе о Союзе советских патриотов (ССП), возникшем в Белграде в конце 1941 г. как прямая реакция части русских эмигрантов и на оккупацию Югославии нацистской Германией, и на начало Великой Отечественной войны, до недавнего времени было неизвестно практически ничего. Причиной тому, как считает профессор А. Тимофеев, впервые написавший об этой организации в 2000-е гг., был ее нелегальный характер, а также гибель двух из трех ее руководителей в 1944 г. Кроме того, репрессивная политика титовской Югославии в 1948–1953 гг. в отношении русских эмигрантов – неграждан Югославии привели к уничтожению и/или засекречиванию

сведений о деятельности Союза [8: 18]. Однако это объяснение не совсем помогает понять, почему в более благоприятные для советско-югославских политических отношений годы информация о существовании ССП так и не появилась ни на страницах периодической печати, ни в академических изданиях.

Это тем более удивительно, что большинство членов Союза приехали в СССР после 1955 г. и жили здесь, в столице и провинции, как минимум до конца XX в., а их многочисленные прямые родственники – дети, жены, внуки – продолжают и сегодня благополучно проживать в разных странах (Россия, Украина, Сербия, Словения и др.).

На наш взгляд, причиной такого положения в 1960–1990-е гг. стала низкая востребованность «героического» эмигрантского дискурса в СССР, с одной стороны, как следствие колебаний политической линии советской партийно-государственной власти в отношении различных европейских государств, а с другой – как отражение также разнонаправленного воздействия идеологической пропаганды на гуманитарные научные исследования. Несмотря на желание советского руководства воздействовать на европейское общественное мнение и русское зарубежье, «эмигрант» все-таки не мог быть полноценным советским «героем» и входить в формирувавшийся советский героический пантеон.

Левая идея, ассоциировавшаяся в то время только с советским коммунистическим содержанием, предлагала простые и прямые рецепты. Как следствие, в последние десятилетия в России фокус изучения практик русской эмиграции в Югославии периода Второй мировой войны по очевидным причинам сместился с анализа деятельности партизанских и прокоммунистических освободительных соединений на активности коллаборантов, в том числе чинов Русского охранного корпуса. Только в самые последние годы появились научные работы, которые на базе сочетания семейной истории с новыми архивными источниками разбивают многие стереотипы, внесенные в академический нарратив ситуативной пропагандой, и рассматривают мировоззрение, идеологию и разнообразные практики просоветски настроенной части русской эмиграции в межвоенной Югославии XX века [5; 6; 9; 10–14].

А часть эта была весьма значительна, а главное – молода. Русская эмигрантская молодежь, выросшая и получившая образование уже

в новой политической, культурной и языковой среде, приняла самое деятельное участие в движении Сопrotивления во многих странах Европы, в том числе в Югославии.

По своему возрастному составу Союз советских патриотов в Белграде был своего рода «Молодой гвардией» Краснодона, что отличает его от ССП во Франции и Болгарии, где наблюдается другой возрастной и профессиональный состав. Известный славист Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904–1969), живший в Югославии и бывший активным членом ССП, а в СССР ставший первым историографом Союза, вспоминал, что «в поисках “новых решений”... некоторые молодые эмигранты... воспринимали идеи социализма, записывались в рабочие синдикаты, читали советскую литературу без предубеждения...» [3: 6]. Оккупация Югославии стала триггером институционализации этих настроений. Член ССП архитектор П.В. Крат констатировал: «После оккупации появились и такие русские, которые не соглашались с психозом, обуявшим большинство русских эмигрантов, – в поддержку немцев. Эти русские не были связаны друг с другом, и их объединение шло довольно медленно, на основании предыдущего знакомства и личного доверия» [13: 17].

Интересно, что первоначально ССП назывался Союзом русских патриотов, но затем переименован в «советских патриотов» [4: 91об.], что, по-видимому, сужало его потенциальную социальную базу, но зато более четко определяло идейный профиль и ориентацию на поддержку СССР. ССП занимался антифашистской пропагандой, подготовкой побегов военнопленных Красной армии из лагерей и переброской их в партизанские отряды, оказанием разнообразной помощи партизанам, народно-освободительному движению Югославии и советской Красной армии. К концу 1943 г. он насчитывал около 150 человек, что было совсем не мало для русского эмигрантского Белграда.

Особенностью организации являлось и то, что ее руководящее ядро составляли выпускники 1-й Русско-сербской гимназии, а еще примерно 15 человек бывших гимназистов входили в состав Союза и являлись его наиболее активными членами. В составе ССП было немало и семейных пар, возникших незадолго до начала войны как развитие школьного романа между вчерашними учениками гимназии.

Формированием персонального состава ССП и организацией его практик занимался председатель общества выпускников 1-й Русско-сербской гимназии Фёдор Ефимович Высторопский, чья судьба до самого недавнего времени также оставалась почти неизвестной. Она представляет немалый интерес как пример радикальной трансформации белоэмигранта, участника Белого движения, в советского патриота.

Фёдор Высторопский родился 14/27 сентября 1903 г. на юге России – в селе Троицкое Павлоградского уезда Екатеринославской губернии, почти 80 % населения которого, по данным переписи 1897 г., составляли украинцы, а соответственно 14,4 % – русские, 2,9 % – евреи, 2,3 % – немцы. По рассказам родных, дед Фёдора был учителем, в семье были представители самых разных профессий – моряки, рабочие Харьковского тракторного завода, а впоследствии и инженеры-атомщики (интервью в архиве автора).

16-летним мальчишкой Фёдор оказался участником Гражданской войны и Белого движения, которые докатились до его родных мест к осени 1919 г. С октября он канонир (младший нижний чин рядового артиллерии) 3-й конно-артиллерийской бригады Добровольческой армии, затем служил в сводной батарее 2-го конно-горного артиллерийского дивизиона и в ее составе в октябре 1920 г. был эвакуирован в Галлиполи [7: 749]. В августе 1921 г. Высторопский прибыл в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС) и некоторое время служил в пограничной страже в городке Гусинье на границе с Албанией (сентябрь 1921 г. – октябрь 1922 г.).

Важнейший этап его эмигрантской жизни наступает с момента переезда в Белград в 1922 г. и поступления в 1-ю Русско-сербскую гимназию (окончил в 1926 г.). Лозунг ее первого директора Владимира Дмитриевича Плетнева (1877–1954) – «Думайте!» – стал важнейшим алгоритмом гимназической жизни, настраивавшим юношей и девушек на принятие самостоятельных решений. В такт этому лозунгу работали и образовательные программы. Так, по воспоминаниям Высторопского, «в историческом семинаре затрагивались и современные вопросы, как, например, евразийское понимание русской истории, украинский вопрос... Реферировались и новые книги... За докладами было не только научное значение, они важны были и как общественный фактор» [8: 37].

По-видимому, именно это последнее обстоятельство и привело Фёдора Высторопского, как и ряд других членов ССП, на историческое отделение философского факультета Белградского университета в 1931 г. «Русские мальчики» искали в истории ответы на актуальную повестку дня и пытались понять, почему они оказались в изгнании и что происходит на их родине.

Георгий Александрович Малахов (1905–2005), также русский эмигрант и активный член эмигрантской Трудовой крестьянской партии «Крестьянская Россия», с 1936 г. живший в Македонии, вспоминал через много лет в неопубликованных воспоминаниях, что Высторопский знакомил его с русской эмигрантской молодежью и с достопримечательностями Белграда [1]. После того как в разговорах обнаружилось сходство общественно-политических воззрений, Малахов предложил Высторопскому вступить в «Крестьянскую Россию». «Он согласился, и мы стали не только друзьями, но и однопартийцами» [1]. Еще один эмигрант-белградец Н. Шепченко утверждал, что Высторопский «всегда был убежденным коммунистом» [13]. Но это единственные известные на сегодняшний день свидетельства о принадлежности Фёдора Высторопского к какой-либо партии.

Но зато много больше документов и свидетельств подтверждают, что молодой историк стал библиотекарем в белградском представительстве Земгора (Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей), которое возглавлял уральский казак, бывший полковник, эсер и участник Белого движения Фёдор Евдокимович Махин (1882–1945), ставший впоследствии генерал-лейтенантом Народно-освободительной армии Югославии [2: 27–332]. Многие исследователи полагают, что Махин был связан с советской разведкой, однако документально это еще никем не подтверждено. Так или иначе, но библиотека Земгора действительно являлась знакомым местом в довоенном Белграде, которое посещали и работники находившейся тогда в подполье Югославской коммунистической партии, и журналисты, и даже сербские политики левого направления – здесь можно было познакомиться с советскими книгами и даже газетами, а Высторопский «был как бы живой связью между нами, посетителями библиотеки и далекой Родиной. Он снабжал нас советскими изданиями, помогал ориентироваться в советской литературе» [3].

Более того, в 1940 г. он вместе со своим бывшим гимназическим преподавателем русского языка и литературы Николаем Александровичем Чернышевым (1877–1947) начал выпускать учебное пособие в виде журнала «Учитесь русскому языку» («Учите руски»), в котором они широко использовали тексты из советской литературы и периодики.

Даже эти, пока немногочисленные, факты говорят о том, что Фёдор Высторопский, более чем кто бы то ни было, был подготовлен к роли организатора и лидера Союза советских патриотов. Уже известный нам П.В. Крат утверждал: «Нам не хватало только, чтобы кто-то из нас был настоящим коммунистом – членом партии, не хватало связи с движением, чтобы мы могли включиться в общую работу и знать, что и как нам делать. Мы приходили к Феде слушать по радио Москву и Лондон. Все, что я лично узнавал о последующей работе, – я узнавал, когда общался с Федей. Федя был моим другом и одноклассником по гимназии, мы жили вместе с ним в пансионе гимназии. Мы были близкими друзьями. Я был свидетелем на его свадьбе и крестил его ребенка...» [13: 18].

И.Н. Голенищев-Кутузов подтверждает, что формирование ССП происходило прежде всего через связи Ф.Е. Высторопского и даже собрания потенциальных членов ССП происходили на его квартире: «Однажды я встретился в маленьком кафе на окраине города с Высторопским, он предложил мне принять участие в работе подпольной организации Союза советских патриотов. Я тогда еще не знал, что он был генеральным секретарем этой организации. Вскоре мне пришлось взять на себя руководство одной из подпольных групп. Я был несколько раз у Фёдора на квартире. Там было два шкафа с собранным среди друзей штатским платьем, предназначенным для переодевания освобожденных советских военнопленных, которые затем переправлялись в партизанские отряды. У Высторопского хранились карты окрестностей Белграда, Воеводины и Сербии, карты бывшего югославского генерального штаба (вероятно из запасов Махина) для определения немецких опорных пунктов и дорог. Было и оружие...» [3].

Есть еще одно важное свидетельство, связанное с малороссийским происхождением Фёдора Высторопского, – после оккупации Югославии в 1941 г. он стал секретарем во Всеказачьем союзе и, пользуясь

тем, что «вольные казаки» жили по всей Сербии, мог перемещаться по Сербии и Банату и доставать удостоверения для партизан и красноармейцев [3; 14: 256].

Незадолго до освобождения Белграда Красной армией в октябре 1944 г. руководство ССП было арестовано гестапо. Об аресте Ф.Е. Высторопского сохранилось свидетельство, исходящее от Г.А. Малахова: «... он ехал через Белград на автомобиле. Об этом как-то узнали немцы. Кто-то, вероятно, донес. В автомобиль немцы стали стрелять со всех сторон. Вистеропский и его друзья отстреливались. Это произошло против главной почты. Всем удалось прорваться и бежать и немцы захватили одного Вистеропского, раненого в перестрелке...» [1].

Фёдор Высторопский был отправлен на принудительные работы в концентрационный лагерь Эбензее в Австрии, созданный СС в 1943 г. недалеко от Линца, который был частью сети концлагеря Матхаузена. Из-за нечеловеческих условий труда и жизни в этом лагере он считался одним из худших нацистских концентрационных лагерей по уровню смертности заключенных. За 16 месяцев его существования там погибли около 9 тыс. человек. Несмотря на тяжелейшие условия, в лагере Эбензее существовал подпольный международный комитет сопротивления; в частности, знаменитый советский разведчик Лев Ефимович Маневич (1898–1945), позднее удостоенный звания Героя Советского Союза, был одним из руководителей лагерного подполья.

Основатель и руководитель Союза советских патриотов в Белграде Фёдор Высторопский погиб в концентрационном лагере Эбензее 21 апреля 1945 г.

К сожалению, его имя так и не вошло в пантеон советских героев русского зарубежья. За последние годы о некоторых из них сняты художественные и документальные фильмы, написаны повести, публикуется эпистолярное наследие, однако в целом память о тысячах соотечественников – участниках европейского Сопротивления и сегодня остается не слишком востребованной. Их имена, дела и дни продолжают оставаться на периферии современного российского общественного сознания, а героический дискурс о русских белоэмигрантах – участниках антифашистского Сопротивления в Европе в годы Второй мировой войны так и не стал имманентной частью общенационального исторического нарратива.

Источники и литература

1. Архив ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына». Ф. 35. Оп. 1. Д. 29.
2. Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.
3. Голенищев-Кутузов И.Н. Подвиг Фёдора Высторопского // *Голос Родины* (Берлин). 1963. № 68 (769). С. 6.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 234.
5. Ёхина Н.А. «История русского Сопrotивления... еще не написана». К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына*. 2014/2015. М., 2015. С. 174–205.
6. Ёхина Н.А. «На чьей стороне ты будешь, когда разразится война»: к истории Союза советских патриотов в Белграде // *Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: междунар. науч. конф. (Москва, 14–15 мая 2015 г.)*. М., 2015. С. 203–237.
7. Общество галлиполийцев: именной список. Биографический справочник / сост. А.В. Ефимов. М., 2021.
8. I Русско-сербская гимназия. Памятка. Белград 1920–1944. Нью-Йорк; Вашингтон; Сан-Франциско; Каракас; Буэнос-Айрес, 1986.
9. Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: междунар. науч. конф. (Москва, 14–15 мая 2015 г.) / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015.
10. Русская эмиграция и движение Сопrotивления в годы Второй мировой войны / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2021.
11. Сорокина М.Ю. Антифашистское сопротивление на Балканах: к биографии поэта Алексея Дуракова // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына*. 2020. М., 2021. С. 61–78.
12. Сорокина М.Ю. Перед лицом истории: русские ученые-антифашисты Второй мировой // *Природа*. 2021. № 5. С. 39–51.
13. Тимофеев А.Ю. Союз советских патриотов в Сербии // *Родина*. 2012. № 11. С. 17–19.
14. Тимофеев А.Ю. Сопrotивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // *Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: междунар. науч. конф. (Москва, 14–15 мая 2015 г.)*. М., 2015. С. 238–272.

К.В. Шевченко**ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЯН НАЛЕПКА:
ОТ ОФИЦЕРА СЛОВАЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ АРМИИ
ДО ПАРТИЗАНСКОГО КОМАНДИРА**

Капитан словацкой армии Ян Налепка, перешедший с группой словацких офицеров-антифашистов на сторону белорусских советских партизан в мае 1943 г. и впоследствии успешно воевавший против немецких оккупантов в советских партизанских отрядах, героически погиб в бою за освобождение г. Овруч в ноябре 1943 г., получив за это звание Героя Советского Союза. Имя Яна Налепки – одного из первых иностранцев, удостоенных этого звания, – по праву является ярким символом как антифашистского сопротивления в Словакии, так и совместной борьбы народов Чехословакии и СССР против нацистской Германии и ее сателлитов.

Ян Налепка родился 20 сентября 1912 г. в небогатой крестьянской семье неподалеку от г. Спишска-Нова-Вес в Восточной Словакии. После окончания учительской семинарии Налепка несколько лет работал учителем в сельской школе и активно сотрудничал с чехословацкой «Учительской газетой», часто публикуя в ней свои статьи, в которых уже в это время в полной мере проявились его антифашистские и просоветские настроения [4: 23]. В 1934 г. молодого учителя призвали в чехословацкую армию, что было связано с резким ростом напряженности в Центральной Европе после прихода к власти в Германии национал-социалистов и обострением отношений между Чехословакией и Германией. После успешного окончания офицерской школы Налепка получил звание подпоручика чехословацкой армии.

Чехословацкий внутривосточный кризис 1938 г. и решения конференции в Мюнхене в сентябре 1938 г., когда лидеры Великобритании и Франции после переговоров с Гитлером согласились с германской оккупацией приграничной Судетской области Чехословакии, оказались шоком для Я. Налепки [4: 97]. Еще более травмирующим опытом для него была окончательная ликвидация Чехословакии в марте 1939 г., когда чешские земли и Моравия были оккупированы вермахтом и включены в состав Третьего рейха в качестве Протектората Богемия и Моравия, а Словакия под давлением Берлина провозгласила

фиктивную независимость. Будучи убежденным приверженцем идеи славянского братства и сторонником сохранения единого государства чехов, словаков и карпатских русинов, Налепка крайне болезненно воспринял распад Чехословакии и образование независимого Словацкого государства, которое сразу же превратилось в послушную марионетку Берлина [4: 97–98]. После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. Словакия в числе прочих сателлитов Третьего рейха присоединилась к агрессии Берлина, отправив свои воинские подразделения на Восточный фронт для поддержки вермахта.

Уже летом 1941 г. 2-я словацкая пехотная дивизия, в которой служил Налепка, оказалась на советско-германском фронте. Здесь, став свидетелем многочисленных нацистских зверств в отношении гражданского населения на оккупированной территории СССР, Налепка еще больше утвердился в своих антифашистских взглядах и в симпатиях к Советскому Союзу и советскому народу. Заняв весной 1942 г. должность начальника штаба 101-го пехотного полка словацкой Охранной дивизии, расквартированной в Южной Белоруссии для охраны местных коммуникаций, и выполняя по совместительству функции офицера разведки, он получил доступ к ценной информации военного характера, которую начал регулярно передавать партизанам через связных из местного населения. Как обоснованно полагает служивший под командованием Я. Налепки В. Шалгович, также перешедший впоследствии на сторону советских партизан и написавший после войны книгу о своем командире, Налепка сознательно добивался назначения на данные должности, чтобы получить доступ к интересующей партизан информации [4: 112].

Уже весной 1942 г. капитан Налепка, опираясь на тщательно подобранную им группу словацких офицеров-антифашистов, развернул активную подпольную деятельность на территории белорусского Полесья под псевдонимом «капитан Репкин». Установив связи с минскими и полесскими партизанами, Налепка выполнял их задания, часто рискуя при этом собственной жизнью. В частности, Налепка и руководимые им словацкие военнослужащие регулярно информировали партизанское командование о передвижении немецких воинских частей, о работе железнодорожного транспорта, а также о готовившихся карательных акциях немцев и полицаев против партизан и местного

населения [1: 125]. Также Налепка и другие словацкие офицеры-антифашисты оказывали помощь местному населению, снабжая его медикаментами, солью, сахаром и стараясь защищать от насилия и произвола со стороны полицаев и немецких солдат. Словацкие военнослужащие часто передавали партизанам оружие и боеприпасы через связных из числа местных жителей, с которыми у них быстро установились тесные дружеские отношения.

8 декабря 1942 г. группа словацких офицеров-антифашистов во главе с Налепкой встретила в лесу неподалеку от железнодорожной станции Копцевичи с руководителями партизанского движения в Белоруссии Р.Н. Мачульским и К.Т. Мазуровым. Как вспоминал впоследствии К.Т. Мазуров, в ходе этой встречи, которая велась на русском языке и проходила в доверительной атмосфере, Налепка прямо заявил о себе как о «друге советского народа», добавив, что хотя он не знает, как закончится война, он «готов бороться с немецкими фашистами» [2: 146]. Характеризуя ситуацию в словацкой Охранной дивизии, Налепка обратил внимание советских руководителей партизанского движения на то, что во главе его полка стоит немец и что среди личного состава дивизии «немало немецких агентов, поэтому надо проявлять осторожность» [2: 146]. Отметил Налепка и хорошие отношения между словацкими солдатами и местным населением, добавив при этом, что словацкие военнослужащие «преследуют и избивают полицейских, и те боятся встречаться со словаками» [2: 146].

На встрече была достигнута важная договоренность о том, что словацкая охрана железной дороги на участке Житковичи – Калинковичи на время покинет участок в районе моста через реку Бобрик, тем самым дав возможность партизанам заминировать и взорвать этот мост. В итоге партизанский отряд имени Н.Ф. Гастелло успешно провел операцию по взрыву моста, нарушив железнодорожное движение на данном участке на неделю. В ходе этой же операции на сторону партизан перешло 20 словацких военнослужащих во главе с сержантом Я. Микулой, которые сразу включились в активные боевые действия [2: 147].

В конце 1942 г. Налепка со своими единомышленниками из числа офицеров-антифашистов подготовил смелый план перехода на сторону партизан всего личного состава 101-го полка охранной дивизии.

Однако реализовать его не удалось, поскольку среди старших офицеров охранной дивизии было немало этнических немцев и убежденных словацких фашистов, давно подозревавших Налепку в связях с партизанами. В результате доноса за Налепкой было установлено наблюдение; часть его коллег-сослуживцев была переведена в другие подразделения. В итоге Налепке с группой словацких офицеров удалось перейти к партизанам значительно позже – ранним утром 15 мая 1943 г. у деревни Ремезы в белорусском Полесье [4: 158].

В составе партизанского соединения генерала А. Сабурова бывший учитель и капитан словацкой армии Ян Налепка был сразу же назначен командиром отдельного чехословацкого подразделения, образованного 18 мая 1943 г. [3: 120]. Первоначально данное подразделение состояло из 56 партизан, из них 48 человек были словаками, а остальные – русскими и белорусами. Помимо легкого стрелкового оружия, чехословацкое подразделение имело на вооружении один легкий и два тяжелых пулемета [3: 121]. По мере перехода к партизанам новых словацких военнослужащих численность подразделения Налепки постоянно росла. При этом сотни словацких антифашистов воевали в это время в других партизанских отрядах на территории Белоруссии и Украины. Главной задачей чехословацкого подразделения, по словам Налепки, была борьба с фашизмом как с «врагом демократии и свободы», а также с оккупационной деятельностью немцев и венгров, «главных врагов независимости чехословацкого народа» [3: 121].

На митинге в селе Чапаевка Ельского района Белоруссии в мае 1943 г. Налепка и его партизаны от имени чехословацкого народа дали клятву верности СССР и дружбы с советским народом. Капитан Налепка оказался строгим, взыскательным, но справедливым партизанским командиром, быстро установив в своем подразделении железную дисциплину. Большое внимание Налепка уделял не только боевой, но и политической подготовке личного состава, во многом взяв за образец деятельность комиссаров советских партизанских отрядов и работу комсомольских организаций.

Летом и осенью 1943 г. Налепка успешно руководил боевыми действиями своего отряда на территории украинского и белорусского Полесья, приняв активное участие в отражении карательных акций

немецких и венгерских войск против местных партизан. Так, 26 июня 1943 г. его подразделение и партизанский отряд имени С.М. Будённого организовали успешную засаду на автотрассе. В ходе ожесточенного боя была полностью разгромлена крупная немецкая автоколонна и уничтожено более 70 немецких солдат и офицеров и 5 грузовиков. Через два дня, 28 июня 1943 г., в ходе очередного боя партизаны Налепки уничтожили около 30 немцев и венгров, сумев избежать собственных потерь [4: 188]. На следующий день, 29 июня 1943 г., отряд Налепки совершил успешное нападение на моторизованную колонну немцев и венгров на трассе Боровое – Тонеж в белорусском Полесье, уничтожив 17 вражеских солдат и офицера и потеряв одного партизана – десятника Мажярика [4: 188].

16 ноября 1943 г. партизаны отряда Налепки во взаимодействии с другими партизанскими соединениями и войсками 1-го Украинского фронта участвовали в сражениях за освобождение г. Овруч Житомирской области Украины. В этот день в ожесточенном бою за здание городского железнодорожного вокзала, стремясь подавить огневую точку противника, отважный словацкий офицер погиб.

Вместе со своим соотечественником капитаном Отакаром Ярошем, уроженцем г. Сланы под Прагой, павшим смертью храбрых в бою с наступающими частями германской армии в марте 1943 г. у местечка Соколово под Харьковом, Ян Налепка вошел в число первых иностранцев, удостоенных звания Героя Советского Союза. В указе Президиума Верховного Совета СССР говорилось, что высокая награда присвоена ему за умелое командование партизанским отрядом и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Памятники Яну Налепке были установлены в г. Овруч и в его родном г. Спишска-Нова-Вес. За мужество, отвагу и образцовое выполнение боевых заданий командования, проявленные в борьбе с оккупантами в тылу, советскими орденами и медалями были награждены сотни словацких партизан, воевавших в белорусских и украинских партизанских отрядах.

Бывший солдат словацкий охранной дивизии Микулаш Ревилак, перешедший на сторону советских партизан, воевавший в белорусских партизанских отрядах и ставший впоследствии подполковником Чехословацкой народной армии, оставил следующие проникновенные

строки: «Партизанское братство никогда не забуду. О белорусском народе я сохранил самые лучшие воспоминания. Никогда не забуду всех, кто принял нас как братьев, с кем мы делили радости и печали, неудачи и успехи в борьбе против общего врага. Братская дружба белорусов и словаков, выкованная в партизанских боях против фашистских захватчиков, останется нерушима навеки» [1: 20].

К сожалению, в современной Словакии, политическая элита которой послушно выполняет указания своего евроатлантического начальства, заветы Ревилака и других словацких воинов-антифашистов преданы забвению. Ярким проявлением сервильности официальной Братиславы стало демонстративное наказание посла Словакии в Республике Беларусь Йозефа Мигаша. Вопреки категорическому запрету Евросоюза, посол Словакии (единственной из стран – членов ЕС) принял участие в торжествах по случаю Дня Победы в Минске 9 мая 2020 г., публично заявив, что как сын партизана и антифашиста он не может игнорировать этот священный праздник. Сразу после этого Мигаш был отозван с должности и уволен с дипломатической службы...

Все более агрессивная ревизия истории Второй мировой войны в странах Европы вызывает справедливое возмущение значительной части словацкой общественности, особенно людей среднего и старшего поколения, которые усматривают в этом не только беспардонную фальсификацию исторических реалий, но и откровенное надругательство над памятью об их соотечественниках – чехословацких антифашистах и воинах Красной армии, погибших за освобождение Чехословакии.

Источники и литература

1. *Ветров И.* Братья по оружию. Минск, 1965.
2. *Мазуров К.Т.* Незабываемое. Минск, 1987.
3. *Faltán S.* Slováci v partizánských bojoch v Sovietskom Sväze. Bratislava, 1957.
4. *Šalgovič V.* Kapitán Repkin odchádza. Ján Nálepka – učiteľ, partizán, hrdina. Bratislava, 1968.

В.Н. Воробьева

**БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ,
ПРИЗВАННЫХ ИЗ КАЛМЫЦКОЙ АССР В 1941–1945 гг.**

(по данным 3-го тома книги «Память. Санл»)¹

Статья посвящена статистическому анализу базы данных о военнослужащих Красной армии из Калмыцкой АССР, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. База составлена по сведениям 3-го тома книги «Память. Санл», изданного в 2005 г. [8] как дополнение к первым двум томам [6; 7]. Источниками для 3-го тома послужили данные из Центрального архива Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ), военкоматов, сведения об уроженцах Калмыкии, погибших в концлагерях (в том числе из «Национального музея истории Великой Отечественной войны»), заявления родных, списки участников войны, составленные односельчанами, дополняющие сведения из первых томов [8: 6]. Данная статья является продолжением исследований, начатых в 2021 г. [1; 2].

В ходе работы выяснилось, что многие сведения о наших земляках даны с искажениями, особенно имена собственные. Мало того, в документах в названиях географических объектов встречаются как современные, так и устаревшие наименования, поэтому мы осуществили их унификацию по данным на 22 июня 1941 г. При необходимости для уточнения данных использовались архивные документы из ОБД «Мемориал» [4].

Всего в 3-м томе книги «Память. Санл» числится 2027 персоналий. В ходе составления базы данных было обнаружено 20 повторов с совпадениями года и места рождения, места призыва и службы. 18 персоналий встречаются дважды: например, Булиев Маргша Церенович (есть вариант – Будиев Маркша Церенович) [8: 39], Цыганов (Цаганов) Борис [8: 133, 132], Годжигает (Гаджигает) Гаря Сангаджиевич [8: 46, 44], а еще один – трижды: Кикильдеев (Кекельдеев) Догда (Дугдан) Ташаевич (Дашевич) [8: 65]. Также в ходе анализа были выявлены 2 военнослужащих, погибших в боях

¹ Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

на Халхин-Голе. Из последующего анализа эти 22 персоналии были исключены.

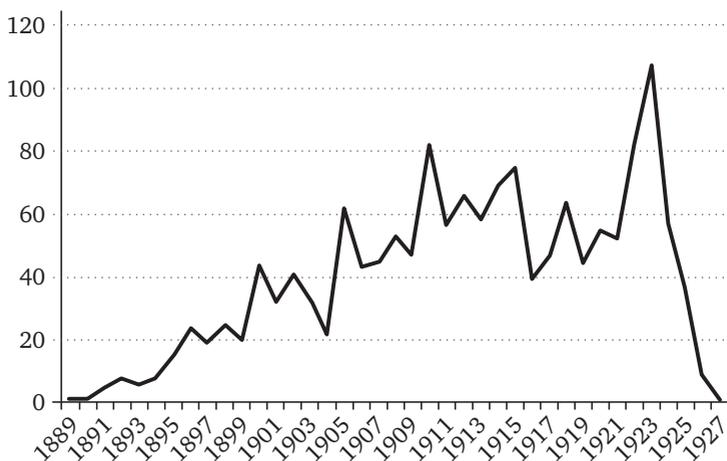
Поскольку в основную базу данных включались только призванные с территории Калмыцкой АССР, из нее были исключены сведения о 275 воинах, призванных из-за пределов республики. Приведем их распределение по месту призыва: Татарская АССР – 145, Ростовская область – 60, Архангельская область – 16, Орджоникидзевский край и Сталинградская область (с Астраханским округом) – по 14, Свердловская область – 5, Московская область – 3, Украинская ССР – 3, Башкирская АССР – 2, Казахская ССР – 2, Азербайджанская и Узбекская ССР, Бурятская, Коми и Удмуртская АССР, Карачаевская АО, Воронежская, Калининская, Ленинградская, Омская, Орловская области – по 1. Почти все призванные из Татарской АССР, Архангельской и Свердловской областей воевали в 28-й армии и погибли на территории Калмыкии. Большинство персоналий, призванных военкоматами Ростовской и Сталинградской областей, Орджоникидзевского края, являлись этническими калмыками, проживавшими в калмыцких селах соседних регионов либо обучавшимися в региональных вузах.

Таким образом, в основной базе данных оказалось 1730 персоналий, призванных из Калмыцкой АССР, которые распределились по районным военкоматам (далее – РВК) так: Западный – 200, Приютненский – 348, Элистинский ГВК – 115, Сарпинский – 145, Малодербетовский – 107, Черноземельский – 110, Приволжский – 105, Лаганский – 188, Долбанский – 143, не установленные районы – 10, не известно – 259. Сведения по Яшалтинскому улусу мы учли в Западном РВК, по Троицкому – в Приютненском РВК, по Кетченеровскому – в Сарпинском РВК, по Юстинскому – в Приволжском РВК, по Улан-Хольскому – в Лаганском РВК, поскольку в вышеуказанных улусах своих военкоматов не было. Из этого анализа видно, что показатель «место (военкомат) призыва» в 3-м томе «Память. Санл» достаточно репрезентативен – отражен у 85,1% персоналий.

Следующий этап анализ был связан с возрастом персоналий, из которых 176 человек сведений о годе рождения не имеют. Результаты анализа по оставшимся 89% приведены на диаграмме 1.

На диаграмме видно, что первый пик потерь призванных из Калмыцкой АССР связан с персоналиями 1905–1915 гг. рождения.

Диаграмма 1. Безвозвратные потери КалмСССР по году рождения

Это можно объяснить тем, что в 1941 г. эти возрасты относились к 1-му разряду призывников (до 35 лет), которые призывались в первую очередь в 1941 – начале 1942 г. и понесли наибольшие потери в годы войны. «Прогиб» на диаграмме у 1916–1921 гг. рождения вызван высокой смертностью и низкой рождаемостью населения Калмыкии в период Гражданской войны и голода в Поволжье 1921–1922 гг. Следующий пик связан с персоналиями 1922–1924 гг. рождения, которые впервые призывались на фронт в 1941 – начале 1942 г. Сокращение уровня потерь новобранцев 1926 г. рождения, призванных в 1943 г., связано с внедрением приказа о необходимости полугодового обучения новобранцев [5: 58–59]. Что касается военнослужащего 1927 г. рождения, погибшего в 1942 г. на «Невском пяточке», то он мог быть добровольцем, приписавшим себе 2 или 3 года.

Анализ был проведен и по месту (регионам) рождения военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР: Калмыцкая АССР – 845, Ростовская область – 59, Сталинградская область – 50, Орджоникидзевский край – 25, Украинская ССР – 21, Саратовская область – 9, Казахская ССР – 6, Воронежская область и Краснодарский край – по 4, Татарская АССР, Куйбышевская, Московская, Пензенская и Смоленская области – по 3, Белорусская и Киргизская ССР, Башкирская

АССР, Орловская область – по 2, Кабардино-Балкарская и Чувашская АССР, Красноярский и Хабаровский края, Архангельская, Калининская, Курская, Свердловская, Тамбовская, Тульская, Челябинская и Чкаловская обл. – по 1, нет данных – 672 (38,9%). Таким образом, среди оставшихся 61,1% большинство оказалось уроженцами Калмыцкой АССР (48,8% от всей базы), еще 134 персоналии – уроженцами приграничных с Калмыкией регионов (7,7% от всей базы), еще 79 персоналий – уроженцами не граничащих с Калмыкией регионов (4,5%). Среди уроженцев регионов, граничащих с Калмыкией, 44% оказались представителями Ростовской области. В основном это уроженцы граничащих с Калмыкией Ремонтненского и Заветинского районов, а также калмыцких станиц Зимовниковского и Калмыцкого районов. Среди уроженцев Сталинградской области заметно выделяются приграничные с Калмыкией Енотаевский, Икрянинский и Черноярский районы, а также г. Астрахань. Среди персоналий, являющихся уроженцами регионов, не граничащих с Калмыкией, выделяется Украинская ССР (26,5%), прежде всего из таких регионов, как Днепропетровская, Киевская и Николаевская области, по всей видимости, эвакуированных в 1941 г. и призванных на новом месте.

Следующий анализ был осуществлен по месту службы персоналий в момент их гибели или пропажи без вести. Серьезным препятствием для анализа в этой области стали ошибки и неточности в номерах частей и соединений. Например, Лавсун Катуневич Идрисов, призванный Лаганским РВК, был указан в книге рядовым 328-го стрелкового полка (далее – сп) 130-й стрелковой дивизии (далее – сд) [8: 59], но на самом деле в состав 130-й сд входил 528-й сп. Поэтому пришлось провести большой объем работ по проверке и исправлению номеров частей и соединений.

Первый анализ по месту службы осуществлялся по фронтам и приравненным к ним объединениям. В годы войны они неоднократно преобразовывались, расформировывались и объединялись, поэтому сведения по некоторым из них мы объединили исходя из принципа преемственности, в том числе территориальной. У 226 военнослужащих не было данных о месте службы и дате гибели, поэтому анализ проводился по 1504 персоналиям, распределенным по полугодиям. Результаты этого анализа приведены в таблице 1.

Таблица 1. Безвозвратные потери по месту службы

Название фронта	06-12.1941	01-06.1942	07-12.1942	01-06.1943	07-12.1943	01-06.1944	07-12.1944	01-09.1945	Итого по фронтам
КарФ (08.41-11.44)	1	-	1	1	-	1	-	-	4
СФ (06.41-08.41), ЛФ (08.41-05.45)	10	3	2	3	1	4	-	-	23
ВолхФ (12.41-02.44), 3 ПбФ (04.44-10.44)	-	-	2	3	1	-	1	-	7
СЗФ (06.41-11.43)	3	2	2	2	1	-	-	-	10
БрФ (08.41-10.43), 2 ПбФ (10.43-04.45)	1	6	12	10	5	3	-	2	39
КалФ (10.41-10.43), 1 ПбФ (10.43-02.45)	-	3	10	3	5	4	1	2	28
ЗФ (06.41-04.44), 3 БФ (04.44-05.45), МЗО (10.41-10.43)	4	7	7	4	9	1	5	2	39
2 БФ (02.44-05.45)	-	-	-	-	-	-	7	6	13
ЮЗФ 1 ф (06.41-07.42), СтФ 1 ф (07.42-09.42), ДонФ (09.42-02.43), ЦФ 2 ф (02.43-10.43), БФ (10.43-04.44), 1 БФ (02.44-05.45)	8	14	38	9	7	3	4	5	88
ВорФ (07.42-10.43), 1 УФ (10.43-05.45)	-	-	6	7	12	4	4	11	44
СтепФ (07.43-10.43), 2 УФ (10.43-05.45)	-	-	-	-	7	7	7	4	25
ЮЗФ 2 ф (10.42-10.43), 3 УФ (10.43-05.45)	-	-	19	5	10	6	1	8	49
ЮВФ (08.42-09.42), СтФ 2 ф (09.42-12.42), ЮФ 2 ф (01.43-10.43), 4 УФ (10.43-05.45)	-	-	46	35	50	2	2	3	138

Окончание таблицы 1

ЮФ 1 ф (06.41–07.42), 51-я отд. А (08–09.41)	13	7	3	–	–	–	–	–	23
КрымФ (01.42–05.42), СКФ 1 ф (05.42–09.42), ЗакФ 2 ф (05.42–01.43), СКФ 2 ф (01.43–11.43)	–	4	15	15	10	–	–	–	44
ДВФ (07.40–08.45)	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Войска ПВО	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Резерв ВГК	2	2	1	3	5	2	1	–	16
КБФл (06.41–05.45)	1	–	–	–	–	–	–	–	1
ЧФл (06.41–05.45)	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Внутренние округа	2	–	1	–	–	1	–	–	4
Итого по полугодиям	46	49	167	100	123	38	33	43	599
Нет данных	89	171	165	222	129	59	32	38	905
Всего	135	220	332	322	252	97	65	81	1504

Примечание к табл. 1: 1, 2, 3 БФ – соответственно 1, 2, 3-й Белорусский фронт; 1, 2, 3 ПбФ – соответственно 1, 2, 3-й Прибалтийский фронт; 1, 2, 3, 4 УФ – соответственно 1, 2, 3, 4-й Украинский фронт; А – армия; БрФ – Брянский фронт; БФ – Белорусский фронт; ВолхФ – Волховский фронт; ВорФ – Воронежский фронт; ДВФ – Дальневосточный фронт; ДонФ – Донской фронт; ЗакФ – Закавказский фронт; ЗФ – Западный фронт; КалФ – Калининский фронт; КарФ – Карельский фронт; КБФл – Краснознаменный Балтийский флот; КрымФ – Крымский фронт; ЛФ – Ленинградский фронт; МЗО – Московская зона обороны; Резерв ВГК – Резерв Верховного Главнокомандования; СЗФ – Северо-Западный фронт; СКФ – Северо-Кавказский фронт; СтепФ – Степной фронт; СтФ – Сталинградский фронт; СФ – Северный фронт; ЦФ – Центральный фронт; ЧФл – Черноморский флот; ЮВФ – Юго-Восточный фронт; ЮЗФ – Юго-Западный фронт; ЮФ – Южный фронт; 1 ф – 1-го формирования; 2 ф – 2-го формирования.

Как видно из таблицы 1, почти у 60,1 % персоналий нет сведений о месте службы в момент гибели или пропажи без вести либо их трудно соотносить с реальными соединениями Красной армии, но имеется информация о дате гибели. Если же прибегнуть к анализу по оставшимся персоналиям, то можно прийти к следующим выводам. В 1941 г. наибольшие потери военнослужащих из Калмыкии пришлось на Южный фронт (28,2 %), что неудивительно, так как большая часть призывников из Калмыкии служила именно в этом объединении ввиду

территориальной близости региона. В следующем полугодии по количеству потерь выделяется Юго-Западный фронт (28,5%), в составе которого сражалась 38-я кавалерийская дивизия (далее – кд), в значительной степени укомплектованная нашими земляками и принимавшая участие в неудачной Харьковской операции. Во втором полугодии 1942 г. количество потерь еще больше возросло, так как вермахт перешел в стратегическое наступление на южном фланге, началась Сталинградская битва. Наибольшие потери военнослужащих из Калмыкии мы фиксируем на Юго-Восточном (с сентября 1942 г. – Сталинградском 2-го формирования) фронте – 27,5%. При анализе потерь на уровне дивизий заметно выделяются 34-я гвардейская (далее – гв.) сд, сражавшаяся на территории Калмыкии и частично пополненная за счет местного населения, 14-я гв. сд, сражавшаяся под Сталинградом, и 110-я Калмыцкая кд, участвовавшая в боях на Дону и Битве за Кавказ.

В первом полугодии 1943 г. количество потерь наших земляков заметно снизилось. Среди известных потерь наибольшие показатели были на Южном фронте – 35%, в составе которого были 34-я гв. сд и 248-я сд, которые в составе 28-й армии сражались на территории Калмыкии и пополнялись местным населением. В следующем полугодии разгорелась Курская битва, завершившая коренной перелом в Великой Отечественной войне. Этот период характеризуется вторым по величине показателем потерь по полугодиям. По-прежнему самые крупные потери наших земляков были на Южном фронте – 40,6%. В 1944 г. уровень потерь воинов из Калмыкии заметно снизился. Наибольшие показатели известных потерь в первом и втором полугодии 1944 г. оказались у 2-го Украинского фронта – 18,4% и 21,2% соответственно. Численность военнослужащих из Калмыкии заметно уменьшилась, а их распределение по фронтам стало более равномерным. Вероятно, на это повлияло массовое снятие калмыков с фронтов в этот период. В 1945 г. наибольшие потери военнослужащих из Калмыкии приходятся на 1-й Украинский фронт – 25,5%. Это вполне объяснимо, так как это был важнейший и сильнейший фронт Красной армии в 1945 г., находившийся на направлении главного удара. Этот вывод вполне коррелируется с данными К.Н. Максимова о распределении призванных из Калмыкии по фронтам в 1945 г. [3: 345–346] и У.Б. Очирова о калмыках – кавалерах ордена Славы [9: 235].

Анализ распределения изучаемых персоналий по армиям показал, что они сражались и погибали в составе 83 армий, в том числе всех 11 гв. общевойсковых, 5 ударных и 3 танковых, во 2-й армии Войска Польского, а также 14 стрелковых (в том числе 5 гв.), 7 кавалерийских (6 гв.), 2 механизированных (1 гв.), 6 танковых (1 гв.) корпусах фронтового подчинения. Таким образом, можно сказать о том, что военнослужащие из Калмыкии в 1941–1945 гг. воевали практически во всех объединениях сухопутных войск действующей армии. Наибольшее представительство наших земляков было в 28-й (50 человек), 5-й ударной (27 человек), 21-й (26 человек) армиях. Следует отметить, что 28-я армия вела бои на территории Калмыкии и была частично укомплектована за счет местного населения. Что касается 5-й ударной армии, то весной 1943 г. в ее состав перешла уже упоминавшаяся 34-я гв. сд, потери которой отразились в статистике. В 21-ю армию летом 1942 г. входили 3-й гв. кавкорпус и 226-я сд, которые были доукомплектованы большим контингентом военнослужащих из 110-й и 111-й Калмыцких кд.

Анализ распределения изучаемых персоналий по соединениям показал, что наибольшее представительство потерь наших земляков было: в 34-й гв. сд (27 человек), 14-й гв. сд (20 человек), 110-й кд (13 человек), 3-м гв. кавкорпусе (12 человек), 248-й сд (12 человек), 38-й кд (10 человек). Распределение их потерь по полугодиям приведено выше в статистике по фронтам.

Подводя итоги статистического анализа списка безвозвратных потерь военнослужащих по данным 3-го тома книги «Память. Санл», мы приходим к выводу, что, несмотря на наличие значительного количества ошибок и неточностей в сведениях, составленная нами база данных содержит значительный массив статистических данных, обработка которых дает большие возможности для составления коллективного портрета военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Воробьева В.Н. Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны, по данным 1-го и 2-го томов книги «Память. Санл»:

- статистический анализ по времени, месту рождения и призыва // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 956–971.
2. *Воробьева В.Н.* Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны, по данным 1-го и 2-го томов книги «Память. Санл»: статистический анализ по месту службы и гибели // *Монголоведение*. 2021. Т. 13 (4). С. 713–729.
  3. *Максимов К.Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2010.
  4. Объединенная база данных «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html> (дата обращения: 22.02.2022).
  5. *Очиров У.Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д., 2013. С. 53–60.
  6. *Память. Санл. Т. I.* Элиста, 1995.
  7. *Память. Санл. Т. II.* Элиста, 1995.
  8. *Память. Санл. Т. III.* Элиста, 2005.
  9. *Ochirov U.B.* Database of the Kalmyk Cavaliers of the Order of Glory: Compilation Experience and Statistical Analysis // *Russkaya Starina*. 2016. Vol. (19). Iss. 3. P. 218–239.

Раздел 2

Боевые действия на южном фланге советско-германского противостояния в 1941–1943 гг.

А.В. Аверьянов

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1941–1942 гг.): ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

С началом войны наряду с трудностями на фронтах особую остроту приобрела проблема организации и обеспечения безопасности тыла. Решение данной задачи требовало сочетания усилий со стороны военных и гражданских структур, прежде всего государственных и партийных органов. С этой целью в первые дни войны стали создаваться истребительные батальоны. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 июня 1941 г., в число их главных задач входила борьба с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтной полосе [4].

Изучение различных аспектов создания и деятельности истребительных батальонов, в том числе на юге РСФСР, нашло отражение в работах современных исследователей. В диссертации Е.В. Никулиной опыт формирования и применения истребительных батальонов рассматривается на примере регионов Ставрополья и Кубани [3]. В статье В.А. Селюнина и Н.В. Селюниной анализируется опыт использования истребительных отрядов на Дону и Северном Кавказе в 1941–1944 гг., причем не только в тылу, но и на фронте [5]. Многие

аспекты формирования и деятельности истребительных батальонов на Дону по-прежнему остаются малоизученными, в том числе вопросы внутреннего устройства, снабжения, обучения и взаимодействия с другими военизированными и общественными структурами.

Формирование истребительных батальонов на Дону началось 25 июня 1941 г., после принятия постановления бюро Ростовского обкома ВКП(б) «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника на территории Ростовской области» [1: 24]. Курировал создание истребительных отрядов Народный комиссариат внутренних дел (далее – НКВД). С этой целью создавалась оперативная группа в составе ее начальника полковника Брагина, заместителей начальника группы: замначальника управления Народного комиссариата государственной безопасности по Ростовской области майора государственной безопасности Киселева, а также замначальника управления НКВД по Ростовской области капитана государственной безопасности Соболева. Согласно постановлению, во всех районах Ростовской области создавались истребительные батальоны численностью по 100–200 человек. Их командирами назначались работники НКВД и милиции. В ряды бойцов истребительных отрядов рекомендовалось отбирать наиболее «проверенных, смелых, самоотверженных коммунистов, комсомольцев, советских активистов, способных владеть оружием, без отрыва от их постоянной работы» [1: 24–25]. Ответственность за обеспечение истребительных батальонов кадрами и материальными ресурсами возлагалась на городские и районные комитеты партии и исполнительные комитеты Советов народных депутатов. Им вменялось в обязанность по первому требованию командиров обеспечить истребительные отряды всеми видами транспорта и связи – автомашинами, мотоциклами, велосипедами, лошадьми, подводами, а также телеграфом, телефоном, радио и т.д. [1: 25].

Вопросам материального и технического оснащения истребительных отрядов уделялось повышенное внимание. Это обуславливалось тем, что они создавались практически с нуля, не имели аналога в мирное время и, соответственно, не располагали какой-либо материальной базой; а также представляли добровольческие военизированные формирования со специфическими задачами и вытекавшими отсюда запросами. Бойцы истребительных батальонов совмещали

повседневную работу на промышленных предприятиях и в колхозах с несением военной службы, что также требовало высокого уровня взаимодействия между партийными, советскими, хозяйственными и общественными структурами.

Согласно принятому 7 июля 1941 г. постановлению бюро Ростовского обкома ВКП(б) «О мероприятиях по оснащению истребительных батальонов по борьбе с парашютными десантами и организации служб батальонов» в рамках обеспечения батальонов транспортом признавалось необходимым прикрепить к ним по 4–6 машин для оперативной «выброски вооруженных групп к месту приземления парашютистов» [1: 46].

В целях повышения оперативности истребительных батальонов в их составе выделялся дежурный взвод, который обеспечивался условиями для круглосуточного размещения, а также транспортом. К дежурному взводу прикреплялись две грузовые автомашины, которые поочередно выделялись городскими и сельскими хозяйствами районов. Большое значение придавалось оповещению истребительных батальонов по тревоге, для чего создавались специальные группы связи, в которых важную роль играли комсомольские и пионерские организации. Молодежь, а также женщины, должны были с мест информировать истребительные батальоны о текущей оперативной обстановке в отдельных местностях района и своевременно оповещать о случаях выброски вражеских десантов [1: 46].

В сжатые сроки истребительные отряды были созданы во всех районах Ростовской области. Так, в Волошинском районе истребительный батальон, по сведениям районной партийной организации, насчитывал 200 человек. 150 бойцов размещались в райцентре слободы Волошино, еще 50 человек – в слободе Нижненагольной в колхозе «Ленинский путь» [1: 58]. В Калмыцком районе истребительный батальон, сформированный по решению райкома партии 9 июля 1941 г., включал в себя 420 человек. Во всех 23 колхозах были созданы группы содействия [2: 530]. К 17 июля 1941 г. в Ростовской области было сформировано 77 истребительных батальонов общей численностью 16 тыс. человек, а также 2118 групп содействия. Общее количество бойцов истребительных отрядов и групп содействия составляло 23,5 тыс. человек [5: 48].

Однако практически сразу после начала создания истребительных батальонов стали вскрываться многие недостатки, связанные не только с вопросами материального и технического оснащения, но и с уровнем подготовки, а также качественным составом «истребителей». Во многих отрядах занятия по военной подготовке проводились нерегулярно и не охватывали основную массу личного состава. Например, Волошинский райком партии отмечал низкий уровень дисциплины в истребительном батальоне. В частности, констатировалось, что «командный состав взводов недостаточно требует от бойцов выполнения дисциплинарного устава Красной армии». С целью повышения уровня дисциплины и военной подготовки рекомендовалось проводить военные занятия не менее двух раз в пятидневку [1: 58].

В Багаевском районе наблюдалась высокая текучесть личного состава батальона, слабая боевая подготовка, неполный охват бойцов по изучению винтовки, пулеметов, тактики боя и т.д. Дежурный взвод был недоукомплектован, а дозорную службу несли не более 12–15 человек, что «не обеспечивало минимальную потребность боевой единицы на случай тревоги» [1: 84]. 21 августа 1941 г. Багаевский райком ВКП(б) констатировал, что «надлежащих результатов в организационном укреплении батальона как боевой единицы еще не достигнуто» [1: 83].

Большое внимание уделялось качеству личного состава истребительных отрядов, в которые привлекались в первую очередь наиболее сознательные партийцы, комсомольцы и советские работники. Особое значение придавалось политической подготовке: при каждом командире батальона находился заместитель по политической работе. На областном и районном уровнях признавалось необходимым провести тщательную проверку состава созданных отрядов, «исключающую всякую возможность проникновения в батальоны социально чуждых, враждебных белогвардейских контрреволюционных элементов» [1: 46]. Политрукам рот предписывалось проводить регулярные политзанятия с бойцами дежурных взводов [1: 84]. С целью повышения уровня мотивации рекомендовалось организовывать соцсоревнования среди личного состава между ротами, взводами, отделениями за лучшее овладение боевой и политической подготовкой [1: 58].

Нехватка личного состава в условиях всеобщей мобилизации компенсировалась за счет привлечения на службу в истребительные

батальоны представителей старших возрастов, а также комсомольцев [1: 83–84].

С целью повышения уровня мобильности истребительных батальонов в условиях нехватки автомобильной техники, в большинстве районов создавались кавалерийские взводы для «быстрейшего проведения операций при появлении парашютных десантов и диверсантов» [1: 58]. Например, в Дубовском районе в постановлении райкома ВКП(б) от 12 июля 1942 г. «О реорганизации истребительного батальона по борьбе с воздушным десантом» предписывалось восполнить его состав за счет формирования кавалерийского взвода, куда следовало «отобрать лучших колхозников, политически благонадежных людей, обеспечить лошадьми с седлами, фуражом, продуктами» [1: 60–61]. Из среды комсомольцев при истребительных батальонах выделялись связные, которые дежурили в группах по пять человек, два из которых должны были иметь при себе велосипеды [1: 84].

По мере приближения фронта истребительные отряды переводились на казарменное положение [1: 112]. Когда бои развернулись на территории Ростовской области, многие истребительные отряды сражались с немецко-фашистскими захватчиками на передовой. Так, истребители отличились при обороне Таганрога осенью 1941 г. Помимо этого бойцы истребительных батальонов следили за криминальной обстановкой в крупных городах, предотвращая панику, грабежи магазинов, например в Ростове-на-Дону [5: 49]. После первой оккупации Ростова истребительные отряды участвовали в борьбе с преступностью.

По итогам успешного контрнаступления под Ростовом в ноябре 1941 г. и освобождения части территории донского региона областное руководство инициировало реорганизацию истребительных батальонов с учетом понесенных потерь и допущенных ошибок. В числе прочего отмечался недостаточный уровень военной и политической подготовки, а также текучесть кадрового состава политических работников. Областное руководство констатировало, что в Кашарском, Вёшенском, Песчанокопском и других отрядах «произведена 3–4 раза смена комиссаров отряда, в результате чего политико-моральное состояние не изучено, а политико-воспитательная работа проводится от случая к случаю» [1: 146].

22 января 1942 г. Ростовский обком ВКП(б) в постановлении «Неправильное отношение к истребительным батальонам со стороны районного руководства» обязал председателей райисполкомов в декадный срок укомплектовать истребительные отряды до полного штата – 103 человека. Тем самым штатная численность истребительных батальонов по сравнению с первыми месяцами войны снижалась, что обуславливалось, по-видимому, нехваткой необходимого контингента. С этой целью укомплектование производилось за счет лиц 1924–1925 годов рождения, также лиц старших возрастов, не подлежащих призыву в РККА [1: 145].

К этому времени окончательно сложилась система материального обеспечения личного состава истребительных батальонов, в которых служили различные возрастные, социальные и профессиональные группы. В те дни (главным образом в первые месяцы войны), когда бойцы не были заняты на производстве, они получали заработную плату за счет тех организаций, где они работали [1: 146]. Так, в истребительном батальоне Багаевского района, согласно постановлению райкома партии от 25 июня 1941 г., бойцам начислялся «средний заработок примерно один трудоводень в сутки, командному составу (колхозникам) – 1,25 трудоводня. Рабочим и служащим – средний заработок по месту работы» [1: 212].

После перевода истребительных отрядов на казарменное положение и постоянное нахождение на службе личный состав обеспечивался денежным и материальным довольствием НКВД, причем лица, сверстники которых были мобилизованы в Красную армию, – по нормам, действующим в РККА; лица, не подлежавшие призыву, – по нормам, действующим для рядового и младшего начальствующего состава милиции [1: 184].

Обращает внимание также расширение функционала истребительных батальонов с учетом оборонительных боев в городах, прежде всего в Ростове-на-Дону. Помимо борьбы с парашютными десантами и диверсантами задачей истребителей провозглашалась борьба с танковыми рейдами противника [1: 146]. Расширился уровень взаимодействия истребительных отрядов с отрядами народного ополчения, общественными организациями, отвечавшими за подготовку военного резерва, прежде всего Обществом содействия обороне,

авиационному и химическому строительству. В постановлении бюро обкома партии от 12 мая 1942 г. отмечалась необходимость развернуть среди комсомольцев от 17 лет и старше, прошедших 110-часовую программу всеобуча, обучение отдельным военным специальностям в более широких масштабах – «подготовка снайперов, пулеметчиков, минометчиков, автоматчиков, истребителей танков» [1: 197].

10 апреля 1942 г. бюро Ростовского обкома ВКП(б) приняло решение о создании добровольческих отрядов самообороны вокруг Ростова-на-Дону. Особое внимание уделялось подготовке истребителей танков в условиях уличных боев [6: 78]. Истребительные отряды проявили себя также летом 1942 г. при второй обороне Ростова. 6 июня Ростовским городским комитетом обороны было принято решение о воссоздании истребительного батальона в донской столице. В итоге было сформировано два батальона численностью 240 человек, которые принимали участие в боях за Ростов перед второй оккупацией [5: 49–50].

Истребительные отряды продолжали существовать и выполнять свои функции после освобождения Ростова и Ростовской области.

Таким образом, истребительные батальоны стали важным звеном в системе добровольческих военизированных структур на начальном этапе Великой Отечественной войны. Их деятельность в тылу и на фронте обеспечивалась за счет слаженного взаимодействия партийных и государственных органов. С учетом высокой интенсивности боевых действий на Дону, в том числе в Ростове, в 1941–1942 гг., функционал истребительных батальонов выходил за рамки первоначальных задач по борьбе с парашютными десантами в тылу. Несмотря на трудности, связанные с комплектованием, военным обучением, боевым слаживанием, в целом истребительные отряды хорошо зарекомендовали себя как в борьбе против вражеских диверсантов, так и на передовой в ходе оборонительных боев на территории Ростовской области.

Источники и литература

1. И помнит мир спасенный... Сб. док. архивов Ростовской области / отв. сост. Л.В. Левендорская; ред. кол. С.Б. Бондарев [и др.]. Ростов н/Д.; Белгород, 2020.

2. Максимов К.Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д., 2016.
3. Никулина Е.В. Истребительные батальоны Ставрополя и Кубани в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пятигорск, 2005.
4. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. 24 июня 1941 г. URL: https://web.archive.org/web/20030930113034/http://warmech.narod.ru/smersh/nem_desant.html (дата обращения: 28.04.2022).
5. Селюнин В.А., Селюнина Н.В. Истребительные отряды на Юге России в 1941–1944 гг. // Научная мысль Кавказа. 2006. №2. С. 47–55.
6. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-13. Оп. 2. Д. 855.

А.Н. Заблотский, Р.И. Ларинцев

НА АЗОВСКОМ ЛЬДУ. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА АЗОВСКОМ МОРЕ ЗИМОЙ 1941–1942 гг.

Когда обсуждаются боевые действия в 1942 г. на Азовском море, обычно подразумевается, что речь идет только о периоде навигации. Однако и начало второго военного года на этом театре также было насыщено событиями. Обе стороны, пусть и с разной интенсивностью, использовали лед, покрывавший Азовское море, для выхода в тыл противника. И если сведения о диверсионных вылазках немцев единичны, то советские моряки и пехотинцы навещали занятый врагом северный берег достаточно регулярно.

Ледовый покров в восточной части моря в 1941 г. установился примерно в середине декабря. Следует отметить, что лед был крайне неустойчив. Так, 6 января при резком потеплении он остался только на пространстве от устья Дона до Миусского лимана. Далее на запад в нескольких километрах от берега образовалась огромная полынья.

18 декабря в «Дневнике боевых действий» немецкой 1-й танковой армии, отвечавшей за оборону северного побережья Таганрогского залива, появляется запись следующего содержания: «С наступлением зимнего периода и ледостава в полосе армии следует считаться

со следующими атаками русских: а) Против южного фланга 3-го тк через лед...» [8: 7246670].

Насколько серьезны были опасения немецкого командования относительно возможных советских ударов через лед, свидетельствует разговор начальника штаба 1-й танковой армии полковника К. Цейтцлера с А. Гитлером 4 января в ставке вермахта о ледовой обстановке на Азовском море и предпринятых мерах безопасности. Немецкое командование явно было под впечатлением Керченско-Феодосийской десантной операции и не исключало ее «ледового» варианта [8: 7246728].

1 января 1942 г. из г. Сталино в пос. Будённовка был перебазирован штаб 11-го армейского корпуса. В его задачи входила оборона северного берега Таганрогского залива от Мариуполя до р. Миус, а позднее и до Таганрога. Корпусу передавались в подчинение подразделения, находившиеся прежде в составе 301-го армейского артиллерийского командования. Всего на постоянной основе для охраны побережья были задействованы: 5-я румынская кавалерийская бригада, 616-й батальон противовоздушной обороны (без одной роты), одна 150-мм батарея 731-го артиллерийского дивизиона, 685-й батальон полевой жандармерии, 286-й охранный батальон и одна рота 45-го самокатного батальона. Кроме того, корпусу были подчинены сводные подразделения: саперный батальон и сводная зенитная группа (батареи 3./25, 4./25 и 5./4), а также часть артиллерийского дивизиона П./65. Левый – наиболее угрожаемый – участок обороны корпуса входил в зону ответственности 5-й кавбригады, а левый – 6-го корпусного артиллерийского командования. Предполагалось, что с аэродрома Мариуполь-Западный должны были перебросить на восточный участок восемь 60-см прожекторов. Также корпусу подчинялось довольно необычное подразделение – 11-й нефтяной батальон, дислоцированный в с. Осипенко. Несмотря на свое производственное наименование, батальон имел 250 бойцов, вооруженных винтовками и 25 ручными пулеметами [11: 0092]. Непосредственно за оборону Таганрога отвечал 4-й охранный полк, входивший в состав 3-го танкового корпуса.

Штабу корпуса разрешалось в экстренном случае привлекать для обороны побережья не только все размещенные в районе

Мариуполя части, но и любые другие, находящиеся здесь транзитом. Так, например, использовалась для охранной службы 73-я пехотная дивизия, которую перебросили из Крыма в первой половине января.

В двадцатых числах января на побережье Таганрогского залива передислоцировалась артиллерийская бригада 1-й румынской дивизии. Однако успешное наступление советских войск в полосе 17-й армии вынудило командование группы армий «Юг» перенаправить бригаду в район прорыва. Туда же 24 января отправился и штаб 11-го артиллерийского корпуса. За оборону побережья теперь отвечало 6-е корпусное артиллерийское командование. 29 января из Мариуполя в Сталино был переброшен артиллерийский дивизион П/65. Впрочем, процесс не был односторонним. 19 февраля в Мариуполь и Бердянск из полка 14-го танкового корпуса планировалось перебросить оставшиеся батареи 731-го тяжелого артиллерийского дивизиона.

При береговой обороне основное внимание уделялось наблюдению за действиями советских войск и вскрытию их намерений в любую погоду и в любое время суток. Для отражения рейдов на побережье планировалось осуществить масштабное минирование доступных для выхода на берег мест. В этих целях штабом танковой армии организовывалось изготовление мин из запасов трофейной взрывчатки. Мины ставились не только противопехотные, но и противотанковые. Дозоры, возглавляемые, как правило, офицерами, выдвигались на расстояние до 30 км от берега. При этом использовались и специфические средства передвижения по льду. Так, 30 декабря 1941 г. офицерская разведка из 4-го охранного полка на буерах приближалась к советскому берегу Таганрогского залива на 3 км. Одна такая вылазка, по нашим данным, окончилась для ее участников неудачно. 28 февраля в районе Семибалки буер был обстрелян береговой батареей № 661 Азовской военной флотилии, поврежден и оставлен немцами. Были захвачены пулемет и винтовка, но о людских потерях не сообщалось [6: 55]. Немецкие документы подтверждают факт ведения разведки на буере, но не сообщают о его потере. Похожий эпизод с захватом буера в журнале боевых действий 56-й армии отнесен ко 2 марта. Согласно записи в этом документе, буер был обстрелян группой наших бойцов, высланных на лед командиром одной из рот, охранявших побережье. Трофеи перечислены те же. Учитывая, что записи о делах флотилии

заносились в журнал с запозданием, вероятнее всего, речь идет об одном и том же эпизоде [3: 3].

Как было отмечено, диверсионные рейды с немецкой стороны были редкостью. И в наших, и в немецких документах отмечен только один такой эпизод. Рано утром 27 февраля группа противника атаковала пост Азовской военной флотилии (далее – АВФ) на косе Шабельской. По немецким данным, был заброшен гранатами дом, в котором забаррикадировались краснофлотцы. Документы АВФ утверждают, что нападавшие в числе 120 человек прибыли на восьми автомобилях. В результате боя, по нашим данным, потери противника составили два человека убитыми, десять ранеными. Немцами были оставлены три мины, десять гранат и пистолет. Потери флотилии составили два человека [6: 58].

Отмечен также случай подрыва на нашем берегу грузового автомобиля на mine. Подрыв произошел в районе Николаевки 8 марта [6: 56]. Предполагалось, что мина поставлена диверсионной группой противника. Однако в немецких документах фактов выхода диверсионных групп на берег не отмечается.

С советской стороны наибольшую активность проявляли бойцы морского батальона АВФ. Так, с 25 по 28 февраля была совершена 21 вылазка по льду Таганрогского залива, с 28 февраля по 5 марта – пять [6: 60].

Первый выход был совершен в ночь на 20 января, когда отряд численностью 62 человека пытался вести разведку в районе коса Кривая – Будённовка. Несмотря на мороз -20°C и сильный ветер, моряки достигли берега, но были обнаружены противником и после перестрелки вынуждены отойти [1: 21]. К счастью, потерь они не понесли. Этот эпизод нашел свое отражение и в документах немецкого 11-го артиллерийского корпуса. Согласно им, наш отряд в условиях плохой видимости из-за метели был обнаружен разведкой румын, занимавших оборону на косе, по звуку базлуков (род скобы с шипами, которую подвязывают под середину подошвы для хода по гладкому льду). Моряки смогли сблизиться с противником на бросок гранаты, вели огневой бой, но затем отошли. В качестве трофеев румынами были захвачены два маскхалата, один шлем, два пулеметных диска, две ручных гранаты и два взрывпакета. Потерь ни у нас, ни у румын не было [10: 109].

Применялись и довольно экзотические способы выявления огневой системы противника. 16 февраля разведывательной группой АВФ на льду были выставлены макеты лошадей и саней-розвальней. По нашим данным, противник в течение двух часов вел по макетам артиллерийско-минометный огонь. Это событие нашло отражение и в немецких документах [8: 7246824].

Участвовали в нападениях на вражеский берег и бойцы 56-й армии, фланг которой примыкал к Азовскому морю. Так, 5 января в рейд отправилась разведгруппа 347-й стрелковой дивизии численностью 54 человека. Правда, группа заблудилась во время пурги на льду Таганрогского залива и вернулась, не выполнив задание. К счастью, потерь разведчики не понесли.

Зачастую рейды на северный берег совершались совместно с моряками АВФ. В честь дня Красной армии командование 56-й армии решило провести крупную операцию по уничтожению гарнизонов противника на северном побережье Таганрогского залива. Нельзя сказать, что дата операции была выбрана удачно, – немцы ожидали наших активных действий в канун праздника. По этому поводу командование группы армий «Юг» даже выпустило специальный приказ. Однако на этот раз все сложилось для нас хорошо. Операция производилась под руководством командующего 56-й армией генерал-майора В.В. Цыганова, прибывшего для этой цели в Ейск [2: 14].

В ночь на 23 февраля 400 человек от 56-й армии и 75 бойцов АВФ отправились на операцию. В районе Кривая Коса – Обрыв были, по нашим данным, уничтожены 161 немец и румын, две 75-мм батареи, минометная батарея, противотанковое орудие, штаб батальона и радиостанция. Захвачено двое пленных, семь лошадей и пять винтовок. Потери отряда были минимальны: один человек убит, трое ранены [5: 27].

Пленные принадлежали: румын ко 2-му конноартиллерийскому полку, немец к дорожно-восстановительному отряду (вероятно подразделению RAD – Имперской службы труда) [4: 3–5].

В дневнике боевых действий 1-й танковой армии эти события были отражены таким образом: «На прибрежном участке группы Ферстер в течение ночи несколько ударных групп русских по льду достигли северного берега и совершили нападение на ряд населенных пунктов

и отдельных домов. Хотя благодаря немецким подразделениям русские были отброшены, потери противника были незначительны. Румынские подразделения, в задачу которых входила охрана побережья, присоединились к немецким контрмероприятиям с запозданием. Днем многочисленные офицерские разведывательные группы, как и вчера, прошли на расстояние 15 км от берега и во второй половине дня имели столкновение с разведгруппами противника» [8: 7247021]. Несмотря на оптимистичный тон записи, на следующий день в том же документе отмечается, что группе Ферстер было указано на необходимость усилить меры по охране побережья. Кроме того, вышел письменный запрет на расквартирование военнослужащих вермахта по отдельным домам, чтобы не допустить впредь захвата в плен спящих солдат, как это случилось в ночь на 23 февраля. К сожалению, по данному эпизоду не найдены первичные донесения подразделений, оборонявших побережье, и точные потери немецко-румынских войск нам не известны. Можно только сослаться на общие потери 5-й кавбригады румын с 16 по 23 февраля 1942 г., которые составили пять унтер-офицеров и рядовых убитыми, шесть ранеными и трое – пропавшими без вести [8: 7247021].

Совершали диверсионные рейды на северный берег и бойцы 89-го батальона НКВД, несшего охрану южного побережья Таганрогского залива. Так, 1 марта чекистами было установлено на берегу противника 20 мин.

Кроме моряков-азовцев, военнослужащих НКВД и 56-й армии, в рейдах на северное побережье Таганрогского залива участвовали и бойцы подразделения с громким названием – сводный батальон оперативной инженерной группы штаба инженерных войск Красной армии под командованием легендарного диверсанта И.Г. Старинова. К 31 января 1942 г. сводный батальон, закончивший работы по минированию танкоопасных направлений на северном побережье Таманского полуострова, приступил к рейдам через лед Таганрогского залива с целью минирования сухопутных коммуникаций противника. Согласно отчету Старинова, в тыл противника ежедневно высылались от четырех до восьми диверсионных групп по 6–8 человек каждая. Группа располагала 8–12 противотранспортными минами. Иногда диверсантам ставилась задача взять «языка».

Всего за февраль на вражеский берег было направлено 104 диверсионные группы. Из этого числа 43 группы выполнили задание, установив 216 мин. Как правило, мины устанавливались на прибрежной трассе, и только один раз была минирована железная дорога в 16–17 км севернее Мариуполя. Остальные рейды закончились безрезультатно. Причинами в семи случаях были непроходимые трещины льда, преградившие дальнейший путь к берегу, четыре группы 3 февраля были застигнуты на льду бурей. Остальные отказались от продолжения выполнения задания из-за раннего обнаружения их противником.

Несмотря на трудности перехода в зимних условиях, потери батальона были сравнительно небольшими. Пять человек подорвались на минах, установленных противником на берегу. 26 февраля диверсанты были застигнуты на льду двумя вражескими истребителями. В результате атаки было убито шесть лошадей, один человек убит и один ранен. Всего из состава батальона погибли три человека, пропало без вести шесть, еще девять было ранено [4: 11–14].

По итогам ледовых операций Старинов предложил создать специальную бригаду из двух батальонов минеров и дивизиона мелких судов, которая должна была летом высаживаться на северном берегу Азова и нарушать сухопутные коммуникации противника. Такая бригада не была создана.

К сожалению, не все наши рейды на оккупированное побережье заканчивались благополучно. В ночь с 13 на 14 марта два отряда АВФ общей численностью 248 человек вышли в район х. Рожок и пос. Розы Люксембург. Им были приданы два взвода подрывников батальона Старинова. Задачей группы было уничтожение гарнизона в указанных населенных пунктах и захват пленных. В 200–300 м от берега группы были освещены прожекторами и обстреляны противником. На берег смогли выйти около 20 человек, которые забросали гранатами огневую точку противника. Наши бойцы примерно час вели бой, но затем начали отходить мелкими группами. В результате отряды понесли большие потери, было убито 12, ранено 25 и пропало без вести 27 человек. По отчету АВФ, противник потерял 124 солдата и офицера, были уничтожены две пулеметные точки [4: 2].

А вот как выглядит это столкновение в документах противной стороны: «Нападение противника, произведенное между и в полосе

примерно 2 км по обеим сторонам хутора Рожок, было отражено в результате отличного взаимодействия 5-й батареи 4-го зенитного полка и 2-го эскадрона 7-го румынского кавалерийского полка. Следует особо отметить спокойное, уверенное командование обер-лейтенанта Кюль, командира батареи, и лихие действия ротмистра Паунеску, командира эскадрона, который лично вместе с лейтенантом Гретесу повел в атаку резервный взвод против пытавшегося обойти хутор противника. Ротмистр в этом бою получил легкое ранение гранатными осколками. Немецкие подразделения потерь не имели, у румын четыре человека убито, один офицер и трое рядовых ранены. До настоящего времени найдено 29 убитых русских, четверо раненых взяты в плен. По показаниям пленных, нападение было произведено отрядом из 450 морских пехотинцев и 150 саперов. На льду найдено большое количество ручных гранат, мин и взрывчатых веществ» [9: 7251593].

Этот эпизод попал даже в сводки Верховного главнокомандования вермахта: «450 морских пехотинцев и 150 саперов, выйдя из Шабельской, атаковали побережье в районе устья реки Миус. Нападение отражено с потерями для противника» [7: 236].

Несколько преувеличенные представления об эффективности нашей диверсионно-разведывательной деятельности на занятом противником северном берегу залива привели к появлению амбициозного плана использования батальона Старинова в операции по освобождению Таганрога, которая планировалась на 8 марта 1942 г. Сводный отряд из моряков АВФ и саперов инженерного батальона должен был форсировать залив, овладеть Беглицкой косой, а затем и переправами через Миусский лиман. В дальнейшем предполагалось наступать на Таганрог с запада. К счастью для бойцов Старинова, операция 56-й армии не заладилась с самого начала, и решение об использовании отряда так и не было принято [3: 6].

Ледовую дорогу через Таганрогский залив первой военной зимой активно использовали для выхода к своим советские военнослужащие, оказавшиеся в тылу противника в ходе боевых действий, а также гражданские лица, не желавшие оставаться в оккупации. Их число было весьма велико. Только с 1 января по 15 марта частями береговой обороны АВФ было отмечено 1023 военнослужащих Красной армии и 75 гражданских лиц, успешно вышедших из немецкого тыла [5: 38].

13 марта также отмечен случай перехода по льду немецкого воен-нослужащего Фридриха Пинкера из 298-й пехотной дивизии. Вместе с ним шел еще один немецкий солдат из 101-й легкопехотной дивизии, но он утонул в полынье. К сожалению, поток не был односторонним, перебежчики были и с нашего берега. Так, 14 и 15 января в занятую противником Будённовку по льду перешли два красноармейца.

Каковы же итоги рейдов советских подразделений на северный берег Таганрогского залива? О результатах крупных операций сказано выше. Итоги действий батальона Старинова приведены в его докладе: только на участке коса Кривая – коса Беглицкая на минах подорвались четыре автомашины и один танк, один румын взят в плен и несколько уничтожены, 25 февраля взорваны два мотобота, вмерзшие в лед. Неоднократно уничтожались воздушные линии связи.

По данным о потерях 1-й танковой армии, за вторую половину января 1942 г. 5-я румынская кавалерийская бригада потеряла шесть человек убитыми и столько же ранеными, за февраль – пять убитых, шесть раненых и трое пропавших без вести, за март – пять убитых и девять раненых, всего 16 убитых, 21 раненых и трое пропавших без вести. К сожалению, выделить потери немецких частей, охранявших побережье, не удалось [8: 7247002].

В целом материальный ущерб был невелик. Однако следует учитывать, что на прикрытие побережья противник вынужден был привлекать силы и средства, примерно эквивалентные двум бригадам.

Источники и литература

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 48.
2. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 49.
3. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 50.
4. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 0010303. Д. 001.
5. Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦВМА). Ф. 957. Оп. 35. Д. 9113.
6. ЦВМА. Ф. 957. Оп. 35. Д. 23 026.
7. Die Geheimen Tagesberichte der Deutsche Wehrmachtsfuhrung im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Bd. 4. Osnabruck, 1991.
8. National Archives and Records Administration (далее – NARA). Т. 313. R. 018.

9. NARA. Т. 313. R. 022.
10. NARA. Т. 313. R. 485.
11. NARA. Т. 314. R. 485.

Н.Г. Судоргин

ВОЙСКА ПВО В СРАЖЕНИЯХ ЗА РОСТОВСКОЕ НЕБО в 1941–1942 гг.

Тема участия артиллеристов-зенитчиков в сражениях за Ростов-на-Дону неоднократно поднималась в различных научных, публицистических, мемуарных и художественных публикациях и сообщениях. Существует также целый ряд памятников и информационных досок, посвященных различным этапам этих сражений, которые носили наиболее интенсивный характер в периоды непосредственной обороны города в октябре – ноябре 1941 г. и июле 1942 г. Появление в открытом доступе официальных архивных материалов о ходе боевых действий на уровне частей и подразделений противовоздушной обороны (далее – ПВО) позволяет лучше показать характер сражений, дополнив их важными деталями.

Ключевым предметом настоящего исследования являются записи журнала боевых действий 734-го зенитного артиллерийского полка (далее – зенап) ПВО [2], рассматриваемые в контексте с другими источниками, включая беседы с ветераном боевых действий на территории Ростова-на-Дону в 1941–1942 гг. командиром батареи 606-го зенап, дислоцировавшейся в районе станицы Гниловской, полковником Николаем Ивановичем Польшинским. Документы позволяют точно проследить развитие ситуации в воздухе и на части наземных объектов в критические периоды противостояния.

734-й зенап был в составе действующей армии с 15 августа 1941 г. по 8 мая 1945 г. С осени 1941 г. по июль 1942 г. полк входил в состав 56-й армии [1: 53, 58, 64, 130 и др.] и включал в себя батареи зенитных орудий калибра 85, 76 и 37 мм, классифицированные как зенитная и малая зенитная (далее – МЗА) артиллерия, а также зенитные пулеметы. Подразделения полка располагались на территории Железнодорожного района, и в качестве основных им ставились задачи по защите мостов, переправ, железнодорожных узлов и путей, аэродрома.

Множественно упоминалась и роль женщин в войсках ПВО. Массовое привлечение девушек к службе в войсках ПВО происходило в несколько этапов. Наиболее многочисленный набор – 100 тыс. девушек в возрасте от 19 до 25 лет – был произведен согласно постановлению Государственного комитета обороны СССР № ГОКО-1488сс от 25 марта 1942 г. [3]. Эти меры позволили решать задачу развертывания ПВО для прикрытия максимального числа объектов и территорий. Согласно свидетельству полковника (лейтенанта и командира батареи 606-го зенап в июле 1942 г.) Н.И. Польшинского, под его командованием служили в основном девушки.

Основной целью захвата Ростова в июле 1942 г. было овладение двумя железнодорожными узлами и переправой, соединяющей их, с последующим быстрым продвижением в Кавказском направлении. При этом решалась задача окружения защитников города и других войск Южного фронта с масштабным разрушением коммуникаций и инфраструктуры для создания сложностей в обороне и маневрировании войск. Примером роли авиации в этот период служит неудача операции механизированного соединения по деблокированию группы войск Юго-западного направления советских войск в районе Миллерово.

Памятник «Зенитчицам ростовского неба» в Железнодорожном районе отражает события лета 1942 г. по охране важнейших стратегических объектов в районе Ростова-на-Дону, в том числе мостов и переправ через Дон, железнодорожных узлов, аэродрома, для атаки которых немецкая авиация заходила через секторы батарей полка ПВО.

О многообразии функций частей ПВО свидетельствует и рассказ участника событий полковника Н.И. Польшинского об успешном использовании его батареи осенью 1941 г. в отражении наступления танков германской армии, выдвинувшихся в район поселка Крым со стороны станции Хапры.

Советское руководство, понимая значение ростовского транспортно-го узла и переправ через Дон, уделяло большое внимание их защите от воздушного нападения. Был создан дивизионный район ПВО, включавший несколько частей ПВО с размещением в различных частях города и пригородов, а также на бронепоездах. В районе станции Первомайской установлена памятная доска в честь одного из них.

Следует также отметить, что работа частей ПВО обеспечивала с учетом интенсивности налетов немецкой бомбардировочной авиации относительно эффективное прикрытие центра Ростова-на-Дону в этот период, что подтверждается данными немецкой аэрофото-съемки, предположительно датированной как утро 24 июля 1942 г. [4]. Видимо, не соответствует действительности информация о катастрофическом разрушении при бомбардировке здания, располагавшегося на месте сквера перед «Домом книги», у которого на тот момент сохранялась не только коробка, но и его крыша. Данный факт косвенно подтверждается современными ростовскими архитекторами, лично общавшимися с разработчиками и руководителями реконструкции Ростова-на-Дону.

Очевидно, что существенную роль подразделения ПВО сыграли и в предотвращении высадки воздушных десантов как методом парашютирования, так и посадки на аэродромы и другие крупные пространства, такие как ипподром.

Сведения журнала боевых действий в период, когда происходили наиболее интенсивные бои июля 1942 г., могут лучше прояснить ход событий во время битвы за Ростов-на-Дону. Согласно журналу, 22 июля 1942 г., накануне штурма города, авиация противника в течение суток производила непрерывные налеты и бомбежку объектов г. Ростова и Батайска группами от 3 до 30 самолетов. «В налете участвовало около 600 самолетов противника Ю-88, Ю-87, He-111, Me-109, Me-110» [2]. Основными их целями были переправы через Дон, железнодорожный мост, переправа на Зелёном острове, железнодорожный узел г. Батайска, мост по дамбе Ростов – Батайск. При этом, несмотря на то что «опорные пункты батарей были усеяны бомбами, батареи огня не прекращали» [2], ни одна из них не была выведена из строя. Переправы и мосты продолжали функционировать, и по ним из Ростова в Батайск непрерывно проходили войска. За сутки было израсходовано боеприпасов: 85 мм – 870, 76 мм – 956, 37 мм – 664 «артвыстрела», было сбито четыре самолета противника. В 22 ч 35 мин 22 июля 1942 г. «по распоряжению командующего РОР ПВО полковника т. Маркова КП полка в Ростове свернул работу и перешел в Батайск, совхоз “Красный сад”, продолжая руководить 1-м дивизионом и дивизионом МЗА и пультами с КП полка в гор. Ростове н/Д» [2].

23 июля 1942 г., в день штурма Ростова-на-Дону, события развивались следующим образом: налеты и бомбардировки стали интенсивнее, чем накануне. Бомбардировке подвергались переправы через р. Дон и железнодорожный мост, по которым непрерывно проходили танки и артиллерия. В свою очередь, зенитная артиллерия вела усиленный огонь, защищая переправы и другие объекты.

«В 8 ч 30 м 23.07.1942 по приказу командующего РОР ПВО 2-я батарея, находящаяся в В. Гниловской, снялась с ОП и в 9 ч 20 м переправилась через железнодорожный мост р. Дон. <...> В 9 ч 30 м по приказанию начальника артиллерии РОР ПВО с ОП снялась 3-я батарея и управление 1-го дивизиона и перебазировалась в Батайск» [2].

В 10 ч 40 мин с опорного пункта снялся и начал отходить «перекатами» в Батайск дивизион МЗА, ведя огонь для защиты отходящих по дамбе Ростов – Батайск колонн войск.

В 15 ч 40 мин все средства зенитной артиллерии отошли из Ростова-на-Дону – и авиацией противника были разрушены железнодорожный мост и переправа у Зеленого острова. Пулеметная рота на старом опорном пункте в ст. Верхнегниловской непрерывным огнем по наземным войскам противника прикрывала отход других частей, а через 40 мин по приказу командования полка она «перекатами, ведя непрерывный огонь» [2] отошла на северную окраину г. Батайска, 1-й дивизион занял опорный пункт в районе с. Койсуг. В это время все железнодорожные мосты и мост на втором километре дамбы были разрушены авиацией противника. Расход составил: 85 мм – 668, 76 мм – 456, 37 мм – 324 «артвыстрела».

Имеется и аналогичное свидетельство Н.И. Польшинского о перебазировании его батареи 606-го зенап из ст. Гниловской на левый берег Дона во время штурма города, начавшегося 23 июля 1942 г.

Представленные фрагменты журнала боевых действий 734-го зенап ПВО позволяют подтвердить сведения о высокой интенсивности и значительных масштабах боевых действий и их характере (битвы за мосты, переправы и транспортные узлы). В то же время из них следует, что отход этой части войск ПВО, дислоцированных в г. Ростове-на-Дону, производился планомерно, без признаков паники, с максимальным сохранением вооружений и по указанию лиц, наделенных соответствующими полномочиями. Данные обсуждаемого в статье

источника заметно расходятся и с ранее выдвигавшейся версией событий с участием подразделений этого полка [5].

Источники и литература

1. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945: краткая хроника. М., 1981.
2. Журнал боевых действий 734 зенап ПВО // Память народа 1941–1945. URL: https://pamyat-naroda.ru/warunit/id5238/?static_hash=732984064f68cfa6a028e1b004ea808cv3 (дата обращения: 18.04.2022).
3. *Иванов В.* Сто тысяч комсомолок по призыву // История.рф. Главный исторический портал страны. URL: <https://histrf.ru/read/articles/stotyisach-komsomolok-po-prizyvu> (дата обращения: 18.04.2022).
4. Немецкая аэрофотосъемка Ростова-на-Дону сразу после его захвата фашистами в июле 1942 года // ЭтоМесто. URL: http://www.etomesto.ru/map-gostov-na-donu_1942-aero (дата обращения: 18.04.2022).
5. Памяти зенитчиц 734-го ростовского полка ПВО // Своих на войне не бросаем. Записки поисковика. URL: <https://mius-front.livejournal.com/9979.html> (дата обращения: 18.04.2022).

Е.Л. Головина

РАБОТА ЭВАКОГОСПИТАЛЯ № 1959 В 1941–1942 гг. В АСТРАХАНИ

Великая Отечественная война стала беспрецедентным военным конфликтом, превосходящим по своим масштабам и сложности все предшествующие военные столкновения, включая Первую мировую войну. За годы войны Советская армия, по данным из донесений фронтов, флотов, отдельных армий и флотилий, понесла 18 344 148 человек санитарных потерь, из которых 15 205 592 – раненых, контуженных и обожженных, 3 047 675 заболевших и 90 881 обмороженный. Медицинской службой СССР была проделана колоссальная работа по лечению и восстановлению бойцов, 73 % из которых были возвращены в строй [6].

С начала войны перед медиками встала проблема создания системы, которая бы обеспечила единый и неразрывный процесс лечения

и эвакуации. С этой целью на территории Советского Союза формировалась обширная сеть эвакуационных госпиталей, где проходили лечение эвакуированные с фронта больные и раненые солдаты, офицеры и генералы. Основная работа по восстановлению здоровья бойцов и возвращению их в строй возлагалась на тыловые эвакогоспитали [4]. С первых месяцев 1942 г. началось создание специализированных эвакогоспиталей (нейрохирургические, челюстно-лицевые, торакальные, глазные, ушные). А согласно приказу Наркомздрава СССР от 6 марта 1942 г. стали формироваться сортировочные госпитали [3: 111]. До этого времени многие госпитали выполняли сразу несколько функций.

Эвакогоспиталь № 1959 был развернут летом 1941 г. в г. Херсоне как головной сортировочный эвакогоспиталь. За время работы в этом городе, с 15 июля по 15 августа 1941 г., по водным и железнодорожным путям в госпиталь было доставлено свыше 12 тыс. раненых [2: 97], которые после врачебной сортировки и предварительной обработки направлялись в другие госпитали Херсона или эвакуировались вглубь страны. Во многих случаях раненых привозили в госпиталь сразу с поля боя санитарными машинами. В этот период врачебный и другой медицинский персонал показал хорошие знания и организаторские способности, что было отмечено при обследовании госпиталя главным хирургом Южного фронта и рядом других комиссий.

В Астрахани первые госпитали начали появляться с 25 июня 1941 г. Обеспечение необходимых условий для развертывания на территории города новых лечебных учреждений было возложено на городские службы: городской коммунальный отдел занимался поставкой материалов для переоборудования зданий, горисполком находил необходимые для этого материалы в других организациях [5: 21]. Госпиталю отводились самые вместительные здания города – школы, общежития, гостиницы. Только небольшая часть госпитальных коек размещалась в зданиях больниц [5: 22].

В августе 1941 г., в связи с обострившейся обстановкой на фронте и наступлением немецко-фашистских войск на юге Украины, подходом врага к Херсону, по приказу местного эвакуационного пункта 86 и санитарного управления Южного фронта госпиталь был эвакуирован в Астрахань. На новое место дислокации он прибыл 29 августа [1: 211], а приступил к работе уже с 18 сентября 1941 г.

На новом месте госпиталь располагался в хорошо приспособленном здании школы № 61 на Цареве (по ул. Минской) [1: 211], что позволяло осуществлять работу всем отделениям и кабинетам медучреждения: хирургическому, главному, нейрохирургическому с уклоном на лечение черепно-мозговых травм и терапевтическому отделению. Изначально госпиталь был развернут на 400 коек, затем, к концу года, согласно директиве правительства, количество коек было увеличено до 560. При госпитале имелись хорошо оборудованные рентген-кабинет, физиотерапевтический кабинет, кабинет отоларинголога и лаборатория.

Комплектация высококвалифицированными кадрами врачебного и среднего медперсонала позволяла эвакогоспиталю занимать передовые позиции в постановке лечебного дела среди госпиталей г. Астрахани и Сталинградской (в настоящее время – Волгоградской) области. В процессе работы у госпиталя появился новый специализированный профиль – лечение тяжелораненых, требовавших высококвалифицированной хирургической помощи, длительного наблюдения и лечения. Это касалось черепно-мозговых и глазных травм, ранений с переломами конечностей [2: 97].

Госпиталь применял новейшие методы современной хирургии, использовал рационализаторские решения в лечебном деле. К примеру, доктором Волынским была предложена шина «висячая капля» для верхних конечностей. Вид бактерий «чудесная палочка», изучавшийся профессором Курочкиным, использовался при лечении гнойных ранений. Также широко применялась лечебная физкультура и физиотерапия.

Кроме непосредственно лечебной деятельности, госпиталь занимался и научной деятельностью. Врачи систематически разрабатывали и разбирали на конференциях госпитальный материал (за 1941–1942 гг. подобных конференций было 35). На одной из конференций были представлены модернизированная шина доктора Волынского, а также наработки доктора медицинских наук профессора Шварца – главы терапевтического отделения госпиталя.

Врачи эвакогоспиталя № 1959 работали консультантами и в других госпиталях. На базе самого медучреждения организовывались и проводились курсы повышения квалификации для среднего и младшего

медперсонала (военно-полевых хирургов, специалистов санхимзащиты, операционных сестер). Военно-полевой хирургии и санитарной защите обучались врачи других госпиталей [2: 97].

За первое полугодие 1942 г. общая загрузка госпиталя (с учетом увеличенного на 40 % коечного фонда – всего 560 коек) составляла 78,8%. В январе – марте количество раненых больных доходило до 620 человек. На одного больного в среднем приходилось по 21,8 койко-дня.

За это время из госпиталя было выписано 903 человека, из которых в части и батальоны выздоравливающих направились 411 бойцов. В процентном отношении 46 % излечившихся были возвращены в строй. С учетом того что госпиталь был ориентирован на прием тяжелораненых больных, такое количество восстановившихся людей считалось хорошим результатом [2: 98].

С января по июль 1942 г. в госпитале было проведено 402 операции, включая такие сложные вмешательства, как трепанации черепа, абсцессы мозга, кишечные непроходимости, удаление инородных тел из почек, аневризмы (в т.ч. две подколенные). Осуществлено 265 переливаний крови, при этом отмечалось, что в летние месяцы станция переливания крови давала материал только для экстренных случаев. Часть недостатка крови компенсировали за счет группы доноров из сотрудников госпиталя.

Активно работали всё это время вспомогательные кабинеты и службы: рентген-кабинетом было произведено 6200 исследований, 4560 анализов подготовила лаборатория госпиталя. Было выполнено 17 800 процедур лечебной физкультуры, 8796 массажей. С июня 1942 г. начал работу кабинет электролечебных процедур и до августа успел провести 1097 сеансов. Также в госпитале применялась парафинотерапия, работал зубной кабинет (принимал в день до 15 пациентов) [2: 98].

Работа госпиталя проходила в напряженных условиях приближающейся к Сталинградской области линии фронта. С началом Сталинградской битвы в стремительно меняющейся обстановке вокруг Астрахани в работу эвакуогоспиталя были внесены значительные изменения – опыт врачей этого медучреждения требовался ближе к передовой.

Летом 1942 г. городскими властями Астрахани был запланирован довольно значимый ремонт госпитальной базы эвакуогоспиталя

№ 1959, о чем свидетельствует смета Астраханского горисполкома на 13 тыс. рублей. Ремонту подлежали центральное водяное отопление, пищеблок, электропроводка, крыша и пол, водопровод и канализация, санузлы и водосточные трубы [1: 92]. Однако в сентябре пришло распоряжение санитарного управления Юго-Восточного фронта, по которому госпиталь № 1959 получил задание выехать в прифронтовую зону в распоряжение фронтового эвакуационного пункта 64. 8 сентября 1942 г. лечебное учреждение со всем имуществом и оборудованием отправилось в путь. Новым пунктом назначения стало село Старая Иванцовка Палласовского района Сталинградской области. В пути следования госпиталь понес существенные потери, как имущественные, так и людские, несколько раз попав под бомбардировку вражеских самолетов [2: 99]. До места размещения добрались только к 28 сентября, а работу госпиталь начал уже в новых условиях, без электричества и подготовленных помещений, с 30 сентября 1942 г. Но это был уже другой этап жизни данного учреждения.

Источники и литература

1. Астрахань прифронтовая. Госпитали. Астрахань, 2021.
2. Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 10.
3. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны: сб. док. и матлов. М., 1977.
4. История медицины. Эвакогоспитали в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://rgantd.ru/arh-docs/vov/evakogospitali-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (дата обращения: 28.03.2022).
5. *Кадырова И.Х., Пугачева Н.А., Шалацкая Е.П.* О развертывании эвакогоспиталей в Астраханском крае в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История и архивы. 2020. № 3. С. 19–41.
6. *Свинцова М.Н.* Основные задачи деятельности эвакогоспиталей в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (по итогам работы пленумов Госпитального совета Наркомата здравоохранения СССР) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 41–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-zadachi-deyatelnosti-evakogospitaley-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-goda-po-itogam-raboty-plenumov> (дата обращения: 28.03.2022).

В.И. Афанасенко**МОРСКИЕ БРИГАДЫ СРАЖАЛИСЬ НАСМЕРТЬ!
(К 80-летию битвы за Ростов-на-Дону в июле 1942 г.)**

Ростов-на-Дону – «ворота Кавказа», как и в 1941 г., стал главной целью немецкого наступления за нефтью и продовольствием летом 1942 г. 28 июня немецкие войска начали операцию «Блау» ударом на Воронеж и 6 июля захватили правобережную часть города. 7 июля немцы повернули войска 4-й танковой и 6-й полевой армий генералов Г. Гота и Ф. Паулюса на юг, вдоль правого берега р. Дон, с выходом на тылы десяти советских армий Юго-Западного и Южного фронтов (операция «Клаузевиц»). 13 июля Гитлер приказал генерал-полковнику Э. фон Клейсту повернуть корпуса его 1-й танковой армии на запад, навстречу дивизиям 17-й полевой армии генерал-полковника Р. Руофа, встречными ударами танковых и армейских корпусов окружить и уничтожить севернее Ростова главные силы шести советских армий Южного фронта. 56-я армия генерал-майора А.И. Рыжова получила приказ обеспечить отвод главных сил фронта (12, 18, 37-я армии) на левый берег Дона, удерживая внешний обвод Ростовского оборонительного района (РОРа). В строевых частях 56-й армии состояло на довольствии 73 542 человек, а с учетом инженерно-саперных войск, частей и подразделений обслуживания и боевого обеспечения – 112 209 [7: 268–278]. В течение 19–20 июля двумя ночными переходами четыре дивизии и пять бригад 56-й армии организованно отошли с рубежа р. Миус на внешний обвод «Г» РОРа. РОР занимал на правом берегу Дона участок в 155 км по фронту и от 20 до 30 км в глубину, опоясывая города Ростов-на-Дону и Новочеркасск четырьмя рубежами обороны – «Г», «А», «Тыловой» и «Городской», – и имел гарнизон из 70-го и 158-го укрепленных районов (всего 12 пулеметно-артиллерийских батальонов и 6 траншейно-огнеметных рот общей численностью в 8878 бойцов и командиров, которые занимали первые два рубежа обороны) [6: 40–41]. Части 9-й мотострелковой дивизии НКВД и 222-го стрелкового полка народного ополчения обороняли тыловой рубеж по западным, северным и восточным окраинам Ростова. Боевым распоряжением № 00274 от 20 июля 1942 г. штаб 56-й армии определил участки обороны всем соединениям и частям армии

и приказал занять эти рубежи обороны к шести часам утра 21 июля. Но одновременного занятия рубежей по внешнему обводу РОРа не получилось по многим причинам. К утру 21 июля оборону успели занять более легкие и мобильные соединения – 16-я курсантская, 68, 76, 81-я морские отдельные стрелковые бригады, а на правом фланге, у Новочеркаска, 347-я Краснодарская стрелковая дивизия. Пехоту огнем с закрытых позиций поддерживали пять артиллерийских полков Резерва Главного Командования (РГК) [6: 113]. Противотанковый резерв командующего артиллерией 56-й армии генерал-майора Г.С. Кариофилли составили: 756-й противотанковый артполк (20 орудий), 56-й батальон противотанковых ружей (ПТР), 4-я рота собак-истребителей танков (СИТ), саперная рота с запасом противотанковых мин на грузовиках [11: 11]. 30, 31, 339-я стрелковые дивизии вступали в бой с марша, что отрицательно влияло на устойчивость обороны.

21 июля передовые соединения 1-й танковой и 17-й полевой армий вермахта, преследуя арьергарды 18, 12 и 56-й армий Южного фронта, вышли к переднему краю РОРа. 16-я курсантская и 68-я морская стрелковые бригады 21 июля вели бои с передовыми частями 17-й полевой армии Р. Руоффа в западном секторе РОРа, в полосе Хапры, Чалтырь, Междорожный. В течение ночи с 21 на 22 июля командующий 56-й армии генерал А.И. Рыжов приказал сменить на внешнем оборонительном обводе «Г» 16, 68, 76 и 81-ю стрелковые бригады полками 30-й Иркутской, 339-й Ростовской и 31-й Сталинградской стрелковых дивизий, а бригады вывести на второй и третий рубежи обороны, увеличивая ее в глубину. 30-я полковника Б.Н. Аршинцева и 31-я генерал-майора М.И. Озимина дивизии за короткую июльскую ночь сменили 16, 68 и 81-ю бригады, а 339-я дивизия полковника П.И. Морозова из-за предательства двух командиров штаба этого не сделала. 76-я морская бригада осталась с тремя батальонами дожидаться смены. Вечером 21 июля немцы разбомбили в селе Большие Салы штаб бригады, погибло 32 человека, свыше 100 было ранено и контужено [9: 114]. Немецкие саперы всю ночь делали проходы в наших минных полях и противотанковых рвах, полевая артиллерия противника вела пристрелку, к передовой подтягивались танки и грузовики с пехотой.

22 июля 1942 г. в 6:00, после массированного огневого налета и ударов авиации, немецкие войска перешли в наступление по всему

фронту РОРа [8: 9]. В полосе обороны 68-й отдельной морской стрелковой бригады, занимавшей оборону в полосе 377-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона в 5 км северо-западнее села Чалтырь, атаковали до 40 танков и полк мотопехоты дивизии СС «Викинг». Огнем артиллерии было подбито несколько танков. Но 12 танкам удалось проутюжить батарею 45-мм противотанковых орудий, занявшую открытые огневые позиции. Остальные танки и бронетранспортеры с мотопехотой стали прорываться в глубину обороны моряков, угрожая штабу и тылам 68-й бригады. В этот критический момент полковник А.Е. Шаповалов приказал бросить в контратаку 3-ю роту СИТ, усилить огонь артиллерии, минометов, отсечь пехоту от танков пулеметами. Поле боя затянуло дымом горящей бронетехники противника. Собаки, на чьих спинах были закреплены заряды взрывчатки со штыревым взрывателем, бросались под танки. Было подорвано 11 боевых машин. Атака была отбита. Враг отступил и вызвал авиацию. «Мессершмитты» на предельно малых высотах поливали позиции моряков свинцом, бомбили мелкими бомбами огневые позиции артиллерии и минометов. К вечеру батальоны 68-й морской стрелковой бригады отошли к селам Чалтырь и Крым. В течение этого многочасового боя было уничтожено и подбито 23 танка, убито и ранено до тысячи солдат и офицеров противника. Бригада потеряла 50 % личного состава и 60 % артиллерии и минометов.

Главный удар 57-го танкового корпуса пришелся по позициям 373-го и 376-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов 158-го укрепленного района и четырех батальонов пехоты 30-й стрелковой дивизии и 76-й морской стрелковой бригады. В 6:50 до 100 танков 13-й дивизии Т. Герра преодолели на ряде участков противотанковый ров и атаковали передний край РОРа. Огнем всех средств эта атака была отбита. Было подожжено, подбито и подорвалось на минных полях 32 танка и 15 грузовиков с пехотой. Но 6 танкам удалось выйти в тыл третьему батальону морских пехотинцев и раздавить батарею 120-мм минометов у высоты 112,3. Расчеты ПТР сумели подбить два танка.

В 8:30, после налета пикирующих бомбардировщиков Ю-87, немцы повторили атаку на стыке 30-й стрелковой дивизии и 76-й бригады. Танки шли тремя волнами, за ними выдвигались автоматчики,

мотоциклы и грузовики с пехотой, на прицепе автомашин тащили минометы и противотанковые пушки. В 9:20 свыше 60 танков провались через позиции восьмой стрелковой роты моряков. Половина танков двинулась по дороге на село Султан-Салы, а около 30 боевых машин встали по гребню высот с отметками 112,3 и 58,6 и огнем танковых пушек расстреливали огневые точки 3-го батальона моряков и поддерживающий его 3-й дивизион 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка. В артиллерийской дуэли, подбив 16–18 танков, погибли расчеты гаубичного дивизиона [8: 23].

Уникальный результат показала рота СИТ капитана Иванча: 56 собак, обвешанных пакетами взрывчатки со штыревым взрывателем, в течение нескольких минут подорвали 24 немецких танка. За шестнадцать часов непрерывного боя 22 июля противник потерял в полосе 30-й стрелковой дивизии до 3500 солдат и офицеров, подбитыми и сгоревшими до 80 танков и самоходно-артиллерийских установок, 3 бронемшины, 4 автомашин, 4 мотоцикла с пулеметными колясками, 6 орудий, 7 минометов, 18 пулеметов, 3 боевых самолета [8: 9–10]. Отбросив к югу разрозненные части 339-й стрелковой дивизии, немцы после полудня навалились с фронта и тыла на морских пехотинцев 76-й бригады. В 14:00 свыше 60 танков, подавив минометную и артиллерийскую батареи 3-го батальона, несколько раз «проутюжили» траншеи и окопы стрелковых рот, нанеся морякам тяжелые потери. Остатки батальона к 17:00 с боем отошли на высоту 119,8, прикрывая с тыла 1-й и 2-й батальоны бригады. За день боя на участке 3-го батальона было убито более трехсот солдат и офицеров противника, подбито и сожжено 23 немецких танка [8: 23]. 22-я танковая дивизия (и.о. командира дивизии полковник К. Родт) бронированным клином прорвала оборону 81-й отдельной морской стрелковой бригады полковника П.К. Богдановича и продвинулась на юг на 8–10 км, выйдя к хуторам Щепкин и Красный. В бою моряки 81-й бригады уничтожили 6 танков, 8 автомашин, вывели из строя до тысячи вражеских солдат и офицеров. Пикирующие бомбардировщики Ю-87 группами до 30 машин в течение дня восемь раз наносили бомбо-штурмовые удары по боевым порядкам 81-й морской бригады южнее хуторов Каменный Брод и Будённый. Таким образом, в течение 22 июля немецким войскам удалось на двух участках прорвать главную полосу обороны

РОРа западнее села Красный Крым и нацелить второй танковый «кулак» от хутора Щепкин на Аксайскую переправу.

23 июля, когда еще не рассеялись предутренние сумерки, немецкие войска возобновили штурм Ростова-на-Дону. В 3:30 все орудия и минометы открыли массированный огонь по боевым порядкам 56-й армии, а через полчаса началась атака танков и мотопехоты [5: 24]. Главный удар наносил 57-й танковый корпус из района Султан-Салы на северную окраину города. Второй танковый «кулак» из 22-й танковой дивизии, усиленной 36-м танковым полком 14-й дивизии, бил вдоль дороги Каменный Брод – хутор Красный на Аксайскую переправу. Ожесточенные бои разгорелись по всему фронту. Наступление наземных войск активно поддерживала авиация 4-го воздушного флота, совершившая в этот день свыше тысячи боевых вылетов. Противодействия истребителей 4-й воздушной армии Южного фронта не было. До последнего патрона и гранаты держались в дотах воины 158-го укрепрайона [4: 186, 187]. Благодаря их стойкости поредевшая 30-я стрелковая дивизия в ночь на 24 июля с помощью речников Донского отряда судов Азовской флотилии переправилась через Дон.

Главные события происходили 23 июля в полосе 57-го танкового корпуса. В 5:40 13-я танковая дивизия двумя боевыми группами атаковала вдоль дороги Генеральское – Султан-Салы – Ростов-на-Дону. Не ввязываясь в бои по штурму многочисленных баррикад, мотоциклисты, танки и мотопехота 13-й танковой дивизии через боковые улочки и переулки прорывались к переправам через Дон в створе Будённого проспекта. К исходу 23 июля боевые группы Ольбриха и Кризолли вели бои уже в центре Ростова. Успешный прорыв противника через три оборонительных рубежа был в значительной мере обусловлен преступными действиями командования 9-й мотострелковой дивизии войск НКВД, которое в ночь на 23 июля, поддавшись паникерским слухам, отдало приказ об отводе частей с рубежа «В» и городского обвода на левый берег Дона. Из шести полков 9-й мотострелковой дивизии НКВД в Ростове-на-Дону в июле 1942 г. находились подразделения 19-го Краснознаменного, 21, 30, 267-го мотострелковых полков общей численностью в 5163 человека. Фактически весь их личный состав погиб или пропал без вести в уличных боях 23–24 июля 1942 г.

В северном секторе рубежа «Г» РОРа, в полосе обороны 76-й и 81-й морских отдельных стрелковых бригад, враг 23 июля наступал силами пяти дивизий, в том числе 14-й и 22-й танковыми, Словацкой моторизованной, 4-й горнопехотной и 198-й пехотной. Остатки 76-й морской стрелковой бригады до 15:00 вели неравный бой в балке Темерник и на высотах с отметками 119,5 и 111,4. Главные силы 22-й танковой дивизии вместе с действовавшей не ее левом фланге Словацкой «Быстрой» дивизией во второй половине дня прорвались в рабочие поселки Орджоникидзе, Фрунзе, проникая моторизованными группами в центральные кварталы Ростова-на-Дону. 36-й танковый полк 14-й танковой дивизии до 17:00 вел бои за Красный и Раковку, развернувшись фронтом на восток и юго-восток, нанося удар на Новочеркасск с запада. Комбриг 81-й бригады полковник П.К. Богданович силами 2-го батальона и бригадным резервом организовал отражение атаки 80 танков в хуторе Красный. В неравном бою было уничтожено 13 танков, 7 автомашин, 7 мотоциклов с пулеметными колясками, до роты мотопехоты. В бою отличились расчеты противотанковых орудий сержантов Шалимова и Некратова из батареи лейтенанта Глубоких, подбившие 5 танков и бронемашину. К 18:00 остатки 81-й бригады (без 1-го батальона и двух батарей артиллерии) отошли на рубеж высота 116,4 – Раковка, вдоль шоссе Ростов – Новочеркасск, где вели бой до 22:00 23 июля совместно с двумя батальонами 177-го стрелкового полка 31-й Сталинградской стрелковой дивизии.

Остатки 76-й морской стрелковой бригады вместе с расчетами 39-го гвардейского артиллерийского полка в течение трех часов сражались в окружении. К 15:30 массированными налетами авиации вся часть 39-го артполка была уничтожена, потери личного состава превысили 50%. На исходе были боеприпасы в подразделениях 76-й бригады. В этом огненном аду командир бригады полковник Д.Н. Долганов сумел организовать прорыв в направлении северо-восточной окраины Ростова. В 16:00 по балке Темерник сводная колонна моряков и артиллеристов 39-го полка пошла на прорыв. Пушки и станковые пулеметы катили вручную и на постромах. По приказу комбрига лошадей вели в поводу по флангам колонны, используя их как живой щит, частично прикрывавший от пуль и осколков. С боями остатки бригады к 20:00 пробились к поселку Мирный и заводу «Ростсельмаш».

При прорыве погиб военком бригады полковой комиссар С.А. Стогов, а начальник штаба бригады майор В.И. Худченко, которому очередью перебили ноги, не желая попасть в плен, застрелился [10: 26]. В момент прорыва колонны 76-й отдельной морской стрелковой бригады из балки Темерник в направлении северо-восточной окраины Ростова-на-Дону колонна танков и бронетранспортеров с мотопехотой двигалась по дороге к селу Мясникован, чтобы отрезать и уничтожить остатки 76-й бригады. Дорога шла вдоль северного берега Темерника, и вражеская колонна оказалась в «мертвой зоне»: направляющие реактивных снарядов боевых установок 14-го гвардейского минометного дивизиона моряков капитана 3-го ранга А.П. Москвина имели большой угол возвышения. Всё решали минуты. И тогда командир 1-й батареи старший лейтенант А. Бериашвили отдал приказ выдвинуть машины вперед, съехать по откосу берега так, чтобы направляющие стали горизонтально к воде, и произвести залп по окутанной клубами пыли колонне. Огненные клубки разрывов реактивных мин накрыли вражескую колонну. Когда дым и пыль немного рассеялись, гвардейцы Москвина увидели 11 пылающих танков, 8 машин и остатки колонны, поспешно уползающей в балку в районе нынешней улицы Беляева в микрорайоне Северный. Командующий армией генерал-майор А.И. Рыжов поздравил минометчиков с этой победой [5: 24].

Немецкое командование во второй половине дня 23 июля направило в Ростов части 73, 9, 125, 198-й пехотных дивизий для «защитки» кварталов. Город горел, среди домов, во дворах, на улицах и в переулках, на многочисленных баррикадах вспыхивали жестокие ближние бои. Пленных не брали ни наши, ни немцы. Бывший генерал вермахта А. Рейнгардт, в дни штурма донской столицы командовавший 421-м Швабским пехотным полком 125-й пехотной дивизии, свидетельствует: «Сражение за центр Ростова велось беспощадно. Защитники его не желали сдаваться в плен, они дрались до последнего дыхания и, если их обходили, не заметив, даже раненые, они вели огонь из укрытия до тех пор, пока не погибали» [2: 438]. Центр Ростова стал местом битвы штурмовых команд. Немцам приходилось отбивать у противника дом за домом, подобных сражений, вероятно, никто и никогда еще прежде не вел. Такие бои разгорелись бы, наверное, на улицах Москвы или Ленинграда, если бы немцам удалось войти

туда [2: 440]. В ночь с 23 на 24 июля приказом штаба армии остатки 76-й бригады были выведены на левый берег Дона через переправу на 29-й линии. В ходе боев 21–23 июля потери 76-й отдельной морской стрелковой бригады составили: 2915 бойцов и командиров, 15 пушек, 52 миномета, 19 ПТР, 52 автомашины и 872 лошади [9: 25–26].

24 июля стало завершающим днем боев за Ростов. Восемь дивизий врага беспощадно подавляли разрозненные очаги сопротивления. Штаб армии с 23 июля не имел устойчивой связи с войсками, а десятки делегатов связи, отправленные с приказаниями и распоряжениями в дивизии, бригады и полки, не возвращались. В 2:00 24 июля автоколонна штаба 56-й армии через еще действующую переправу на 29-й линии к рассвету добралась до станицы Ольгинской. К полудню 24 июля враг после суточного боя захватил здание управления НКВД и почтамт. К вечеру были захвачены Александровская и станица Аксайская. Не прекращались бои в районе переправ на Кировском проспекте, на 29-й линии, в Нахичевани. Лишь к 5:30 утра 25 июля штурмовые группы вермахта в черте Ростова-на-Дону вышли на берег Дона, затянутого дымом пожарищ. Сотни и тысячи мирных жителей, военнослужащих всех родов войск пытались вплавь, на подручных средствах перебраться на левый берег. Вода кипела от пуль и осколков, взрывалась фонтанами от взрывов снарядов и бомб. Течение несло разный мусор, вздувшиеся трупы людей, лошадей, овец и коров [1: 6].

24 июля стало последним днем боев за Новочеркасск. Мужественно сражались на западной окраине города моряки 1-го батальона капитана В.А. Мокиенко и политрука Н.Д. Моисеева из 81-й отдельной морской стрелковой бригады. Они отбили несколько атак 14-й танковой дивизии генерала Гейма, уничтожив до 500 гренадеров. Краснофлотец С.М. Мокшанов огнем из ручного пулемета скопил 70 немецких автоматчиков. При прорыве немецких танков через противотанковый ров у высоты 75,9 сержант Мишкулян бутылкой с горючей смесью сжег танк. Смелый поступок товарища поддержали два бронейщика, Коледа и Мисюра, метким огнем из ПТР они подбили 4 танка противника. За четверо суток сражения из 13 140 бойцов и командиров 68, 76 и 81-й морских отдельных стрелковых бригад уцелело соответственно 2800, 998 и 90 моряков. Суммарные потери 56-й армии в оборонительном сражении за Ростов в июле 1942 г. – свыше 100 тыс. советских воинов [3: 105].

Источники и литература

1. *Закруткин В.А.* Кавказские записки. Ростов н/Д., 1975.
2. *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на восток. М., 2003.
3. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 208. Оп. 701. Д. 1008.
4. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 47.
5. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 30.
6. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп.10 287. Д. 9.
7. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 15.
8. ЦАМО РФ. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 12.
9. ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 5.
10. ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 7.
11. ЦАМО РФ. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 2.

В.К. Щербанов

1942 ГОД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

1942 год называли по-разному: и трагическим, и фатальным, и проигранным, и учебным, и переломным... Это лишь еще раз говорит о том, что он был и остается для историков очень неоднозначным временем – годом тяжелых поражений Красной армии, жестких приказов Ставки Верховного Главнокомандования, введения в строй новых заводов, героизма защитников советской Родины, коренного перелома в Великой Отечественной войне. Попробуем еще раз посмотреть на драматичный и сложный 1942 г. и на его события глазами человека XXI в. А.А. Гречко, подводя итоги первого года войны, писал: «Успехи Советских Вооруженных Сил в зимней компании 1941/42 г. свидетельствовали о том, что в ходе войны произошли важные перемены... В ожесточенных боях советские воины возмужали, обогатились боевым опытом» [3: 177].

Увы, наш земляк и полководец Великой Отечественной войны несколько преувеличивал достижения Советского Союза в борьбе с фашистской Германией в этот период. События первой половины 1942 г. войны показали, что большинство советских командиров (от командиров дивизии и выше) все еще пребывали в иллюзиях, мыслили

довоенными стереотипами и грезили только наступлениями. Именно поэтому, не учитывая ни обстановку, ни доминирование противника в небе в самолетах и на земле в танках, они губили свои части и теряли территории.

Осенью 1941 г. в боях под Ленинградом командующий фронтом Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов лишней раз подтвердил свою личную храбрость, но при этом показал полное незнание и непонимание современной войны, был заменен на своем посту генералом армии Г.К. Жуковым и в дальнейшем к командованию фронтами не привлекался. Еще один советский маршал С.К. Тимошенко в 1940–1941 гг. был народным комиссаром обороны СССР. Оценки его личности остаются до сих пор неоднозначными. 23 июня 1941 г. Тимошенко был назначен председателем Ставки Главного командования. Однако занимал этот пост скорее номинально. После войны адмирал флота СССР Н.Г. Кузнецов вспоминал: «...нетрудно было заметить: нарком обороны не подготовлен к той должности, которую занимал. Да и члены Ставки тоже. Функции каждого были неясны – положения о Ставке не существовало. Люди, входившие в ее состав, совсем и не собирались подчиняться наркому обороны. Они требовали от него докладов, информации, даже отчета о его действиях» [4]. Осенью 1941 г. С.К. Тимошенко был назначен командующим Юго-Западным фронтом. Сосредоточившись на подготовке наступления, он выпустил из-под контроля боевые действия и допустил наступление неприятеля вдоль азовского побережья и первую оккупацию Ростова-на-Дону. И хотя всего через две недели он же руководил наступательной операцией, в результате которой была освобождена столица донского края, но факт остается фактом.

Несвоевременное наступление на Харьковском направлении с целью освобождения Харькова, Днепропетровска и Синельниково [2], не обеспеченное резервами, обернулось большой бедой. Тимошенко сняли с должности и на время перевели представителем Ставки на Северо-Западный фронт. После образования Сталинградского фронта Тимошенко был назначен его командующим, «уже через 20 дней, 23 июля 1942 года, Тимошенко на посту командующего фронтом сменил генерал-лейтенант Василий Гордов... Но и Гордов продержался на ответственной должности два месяца, допустив,

по мнению вышестоящего командования, ряд ошибок» [5], как и маршал С.К. Тимошенко до этого. В октябре 1942 г. Тимошенко был назначен командующим Северо-Западным фронтом. Ему была поручена реализация плана «Полярная звезда», «в рамках которого были осуществлены две наступательные операции – Демянская в феврале 1943 года и Старорусская в марте 1943 года. Итог их оказался неудовлетворительным – войска не смогли выйти на запланированные рубежи, понеся при этом большие потери» [8].

Осенью 1941 г. была сформирована 2-я ударная армия, которая уже в декабре была включена в Волховский фронт. Первым командующим армии был назначен генерал-лейтенант НКВД Г.Г. Соколов – человек, хорошо знавший это направление, но практически не имевший опыта управления боевыми частями во фронтовой обстановке. Он был быстро снят с должности по причине полной некомпетентности. Второй командарм – генерал-лейтенант Н.К. Клыков, получивший закалку и опыт еще в Первой мировой и в Гражданской войнах, – уже в конце зимы, когда наше наступление по прорыву блокады Ленинграда на Волховском фронте было остановлено подошедшими резервами немецких войск и зашло в тупик, предлагал перейти к жесткой обороне. Но его весомые аргументы в марте не были услышаны опытным военачальником – командующим Волховским фронтом генералом армии К.А. Мерецковым. Командующий фронтом, невзирая на сложившуюся опасную ситуацию и начавшуюся оттепель в болотистой местности, настаивал на продолжении наступления. А уже третий командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант А.А. Власов, казалось бы, человек и с опытом, и со знанием дела, особо не сопротивлялся и не возражал против настойчивых требований старшего командования продолжать ставшее особо опасным наступление, чем в конечном итоге привел армию к гибели, а сам в наиболее сложные минуты сдался в плен и стал служить врагу.

К счастью, к концу лета второго года войны в Красной армии уже были и другие командиры. Они даже после первых тяжелых поражений сумели честно проанализировать промахи, сделать выводы и выстроить командную работу с учетом трагического опыта. Среди них можно назвать не только генерала армии Г.К. Жукова, но и генерал-

лейтенанта И.С. Конева, генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова, генерал-майора К.К. Рокоссовского, командира 91-й, а позже 302-й стрелковых дивизий полковника Е.Ф. Макаrchука и многих других.

И все же в первой половине 1942 г. среди руководителей Красной армии было еще много командующих крупными соединениями, мыслящих догмами и опытом Гражданской войны. Неумение трезво и критически оценивать факты и обстоятельства сыграло с ними злую шутку даже после первого значимого успеха советских войск – разгрома немецких войск под Москвой. Многие из них, вкусив сладость победы, с энтузиазмом строили планы и пытались вести только наступления по всем фронтам. Начавшийся 1942 год продолжил проверять советское командование, армию и население на прочность. И, как уже было сказано, в первой половине второго года войны многие командиры в Ставке и на фронтах проявляли ограниченность восприятия современной войны, не скрывали свое неумение организовывать эшелонированную оборону. Все это, помноженное часто на эмоции и желания, продолжало приводить к трагедиям.

В марте 1942 г. провалились попытки неподготовленных и непродуманных наступлений на Южном фронте, в которых погибли и попали в плен десятки тысяч бойцов и командиров РККА. Игнорирование элементарных законов войны и требований обороны советским командованием на Крымском фронте в мае 1942 г. обернулось новой трагедией. Всего за 12 дней противник прорвал наш фронт в Крыму и уничтожил три(!) полнокровные армии. Части РККА, понеся серьезные потери, были вынуждены оставить Керченский полуостров. В плен попало до 100 тыс. советских солдат и командиров. Гибель Крымского фронта, в свою очередь, дала врагу возможность сконцентрировать освободившиеся силы и начать новый штурм Севастополя. 4 июля после 250-дневной героической обороны враг захватил город. В плен попало около 80 тыс. солдат и командиров РККА.

Еще более неудачным, в сравнении с Крымской операцией, стало непродуманное очередное наступление частей Красной армии в районе Харькова, предпринятое в середине мая на Юго-Западном фронте. Наступление не учитывало ни ситуацию на фронте в целом, ни состояние и количество войск противника и своих частей на конкретных участках, ни наличие или отсутствие резервов. В результате

наступление не удалось: войска попали в окружение, из которого не-многие части смогли вырваться. Только в плен попало около 160 тыс. наших солдат и командиров. Воспользовавшись просчетами советских руководителей, немецко-фашистские войска заняли Донбасс, вышли в большую излучину Дона и вновь овладели Ростовом-на-Дону. В рай-оне Миллерово в плен попало до 60 тыс. советских бойцов. Всего же только на юге советско-германского фронта начиная с первых чисел мая до конца июля 1942 г., по некоторым источникам, попало в плен около 450 тыс. человек. Точное число погибших защитников советской родины неизвестно до сих пор.

Гитлеровское наступление продолжалось, и теперь его целью был выход на Волгу и к нефтяным регионам Кавказа. Но победы «опьяняли» не только наших военачальников, но и «нордических арийцев». Летом 1942 г. немецкое командование решило вести одно-временно наступление сразу на двух направлениях – на Сталинград и на Кавказ. Но в такой масштабной и кровопролитной войне, каковой являлась Великая Отечественная, полгода имели большое значение. Вот и за первые шесть месяцев 1942 г. Советский Союз, помимо про-игранных сражений, помимо людских потерь и потерь территории, кое-что приобрел: развеялись некоторые иллюзии и заблуждения населения насчет захватчиков, возростала ненависть к оккупантам, расширялась борьба в тылу врага, росло умение бить противника вне зависимости от званий и должностей, что проявлялось в самоотвер-женности и массовом героизме.

К середине июля 1942 г. германские части прорвались в излучину Дона. 17 июля 1942 г. началась Сталинградская битва. Этот период был наиболее критическим. И нельзя не согласиться, что «летом и осенью 1942 г. как советское, так и немецкое руководство было вы-нуждено часто импровизировать, уточнять, и даже менять решения под давлением быстро меняющейся обстановки, что вносило эле-менты дополнительного напряжения и нервозности в высшем звене государственного и армейского руководства» [3: 122]. В тех сложных и часто меняющихся условиях второго года войны импровизировать в тактических вопросах командованию как одной, так и другой сто-роны было очень важно, поскольку им часто приходилось работать, как говорится, «с колес».

Может быть, по причине того, что 1942 год в целом и его лето в частности были насыщены масштабными и противоречивыми событиями, крупными операциями, трагическими эпизодами, важнейшими решениями правительств, некоторые эпизоды того времени до сих пор остаются в тени. Так, в истории военных событий 1942 г. имеется несколько моментов, которые почему-то исследователями практически не рассматриваются.

Так, в начале 1942 г. на стыке нынешних Ленинградской, Тверской, Псковской и Новгородской областей был образован партизанский край, в который входило около 30 населенных пунктов. Этот «край» охранялся партизанскими отрядами, там функционировали сельсоветы, колхозы, артели, как и в довоенное время. В партизанском краю был организован и 5 марта 1942 г. направлен обоз в осажденный Ленинград. Жители данного района, оккупированного и находящегося в тылу у гитлеровских войск, смогли собрать и отправить 223 подводы с продовольствием для жителей и частей Красной армии, блокированных противником. К этому же времени уже сформировались районы в Белоруссии, на Украине, в Крыму, которые контролировались партизанскими объединениями.

Данные факты говорят о том, что уже в начале 1942 г. появились первые признаки того, что гитлеровская Германия не могла должным образом контролировать работу оккупационного режима на всей захваченной территории. С продвижением немецких войск вглубь СССР расширялась площадь занятых территорий и все четче вырисовывалась данная проблема, что к концу лета 1942 г. стало очевидным даже в Берлине.

В первой половине 1942 г. Советский Союз еще не может преодолеть и полностью освободиться от старых болезней и ошибок своих полководцев, но и отлаженная военная машина Гитлера начинает давать сбои. Все более становится очевидным, что немецкое командование все чаще сталкивается с управленческими, логистическими, сырьевыми и организационными проблемами при большой протяженности фронта. И эта протяженность с учетом непомерных амбиций Гитлера только возрастала.

Если сравнить линии боев на юге советско-германского фронта на начало июля и на конец августа 1942 г., то несложно увидеть,

что линия фронта на данном участке за этот период увеличилась более чем в три раза. На начало июля 1942 г. линия фронта от Курска до Таганрога составляла около 600 км, а на 1 сентября фронт растянулся по линии Воронеж – Сталинград – Халхута – Малгобек – Туапсе и составил более 2000 км. А значит, концентрация немецких частей того «ударного кулака», которым они прорывали фронт летом, к началу осени была сильно прорежена, даже несмотря на постоянное пополнение новыми подразделениями, которые направляло немецкое командование на Сталинград и на Кавказ. Снижались прочность обороны противника и устойчивость самого фронта. Это наверняка понимали и советские военачальники, и сам И.В. Сталин. Именно это понимание вместе с происходившими событиями и стало основой родившейся стратегической операции.

Кроме этого, именно в августе 1942 г. в Советском Союзе происходит еще несколько событий, казалось бы, не связанных между собой, но имевших важное значение для хода войны. С 12 по 17 августа в столице СССР прошла пятая по счету и вторая Московская конференция стран антигитлеровской коалиции. На этой международной конференции, куда лично прилетел премьер-министр Великобритании У. Черчилль, советское правительство возлагало большие надежды на открытие «второго фронта». Однако «основной целью союзников на данной конференции было личное информирование Сталина о том, что “второй фронт” в 1942 году открыт не будет, с одновременным получением от него заверений в том, что СССР не будет заключать сепаратный мир с Германией» [1]. В ходе этих международных встреч стало окончательно ясно, что союзники не собираются оказывать кардинальную помощь в ближайшее время и надо надеяться только на себя. И нельзя исключать, что именно этот вывод подвиг командование Красной армии усиленно думать, как коренным образом изменить ситуацию на фронтах войны. И возможно, именно тогда сформировалась некоторая идея, как переломить сложную ситуацию в нашу пользу.

Поэтому в середине августа 1942 г., несмотря на то что танковые и пехотные соединения вермахта уже подошли к Сталинграду, Ставка потребовала прибыть в Москву всем командирам крупных партизанских соединений. В статье, посвященной партизанскому соединению

Сидора Ковпака, А. Сидорчик писал: «В августе 1942 года Ковпака вместе с командирами других партизанских соединений принимали в Кремле, где Сталин спрашивал о проблемах, нуждах. Были определены и новые боевые задачи» [7]. На совещании Верховный главнокомандующий перед всеми командирами крупных партизанских объединений поставил задачу повсеместно начать активную «рельсовую войну» на железнодорожных коммуникациях в тылу немецких войск, чтобы нарушить передвижения войск противника и затруднить переброску новых частей перед готовившемся крупным наступлением Красной армии: «Соединение Ковпака получило задание отправиться на Правобережную Украину с целью расширения зоны партизанских действий» [7].

В этот же день, 20 августа 1942 г., советское командование предприняло попытку, казалось бы, нелогичного наступления на всем протяжении от Воронежа до Серафимовича с целью форсировать Дон и захватить плацдармы на правом берегу реки. В первый день было захвачено несколько плацдармов. Но в результате ожесточенных контратак противника все захваченные частями РККА плацдармы, кроме Еланского, были ликвидированы: «Сохранение плацдарма на правом берегу Дона создало дополнительные возможности для успешных действий советских войск в ходе Сталинградской наступательной операции 19 ноября 1942 года» [6: 122]. В энциклопедии «Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943» имеется оценка значимости Еланского плацдарма, данная в своих мемуарах генералом И.А. Плиевым: «Этот плацдарм для наступления Юго-Западного фронта имел такое же важное значение, какое имел Мамаев Курган в самом Сталинграде» [9: 137].

Таким образом, можно предположить, что и неутешительные результаты переговоров с союзниками в Москве по «второму фронту», и задачи, сформулированные И.В. Сталиным командирам партизанских соединений, и неоднократные настойчивые попытки советского командования захватить плацдармы на правом берегу реки Дон в августе 1942 г. являются звеньями одной цепи. А «крупное контрнаступление» советских войск, о котором говорил Сталин командирам партизанских соединений, могло быть именно операцией под Сталинградом, что, несомненно, относится к стратегическому

планированию. В советской и российской историографии является устоявшимся фактом, что Сталинградская битва является началом, а Курское сражение – окончанием коренного перелома в Великой Отечественной войне. Возможно, дата начала коренного перелома нуждается в переосмыслении после сопоставления событий августа 1942 г.

Источники и литература

1. 12.08.42 – начало второй Московской конференции. URL: <https://wwii.srpsce/12-08-42-начало-второй-московской-конфере/> (дата обращения: 16.03.2022).
2. *Анухтин Ю.* Харьковское сражение. Май 1942 года. Барвенковский «котёл». URL: <https://topwar.ru/162801-harkovskoe-srazhenie-maj-1942-goda-barvenkovskij-kotel.html?ysclid=l20656s1u4> (дата обращения: 16.03.2022).
3. *Гречко А.А.* Годы войны. М., 1978.
4. *Кузнецов Н.Г.* Накануне. М., 1966. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/kuznetsov-1/index.html> (дата обращения: 16.03.2022).
5. *Полонский И.* Сталинград – последний рубеж. URL: <https://topwar.ru/135102-stalingrad-posledniy-rubezh.html?ysclid=l1xh1nh9z0> (дата обращения: 16.03.2022).
6. Ростовская область в Великой Отечественной войне: энциклопедический словарь-справочник / авт.-сост. В.К. Щербанов. Ростов н/Д., 2010.
7. *Сидорчик А.* Дед, которого боялся Гитлер. Как Сидор Ковпак создал партизанскую армию // Аргументы и факты. 07.06.2014. URL: https://aif.ru/society/history/ded_kotorogo_bojalsya_gitler_kak_sidor_kovpak_sozdal_partizanskuyu_armiyu (дата обращения: 16.03.2022).
8. *Сидорчик А.* Неудачник с орденом «Победа». Триумфы и катастрофы маршала Тимошенко // Аргументы и факты. 18.02.2015. URL: https://aif.ru/society/history/neudachnik_s_ordenom_pobeda_triumfy_i_katastrofy_marshalla_timoshenko?ysclid=l206r19h29 (дата обращения: 16.03.2022).
9. Сталинградская битва, июль 1942 – февраль 1943: энцикл. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград, 2012.

С.И. Линец, А.С. Линец**ТОПЛИВНЫЙ КРИЗИС В ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ
И ПЛАНЫ ПО ЗАХВАТУ ВЕРМАХТОМ КАВКАЗСКИХ НЕФТЯНЫХ
МЕСТОРОЖДЕНИЙ В ПЕРИОД БИТВЫ ЗА КАВКАЗ В 1942–1943 гг.**

Уже в годы Первой мировой войны воюющие государства впервые столкнулись с проблемой обеспечения своих армий различными видами нефтепродуктов. Только США, где добывалось 33 млн т нефти, и Россия (10,3 млн т нефти в год) не испытывали ее дефицита [13: 36]. Германия практически не имела на своей территории крупных нефтяных месторождений и поэтому в значительной степени зависела от импорта нефтепродуктов.

Не лучше обстояло дело с обеспечением нефтепродуктами военной промышленности и вооруженных сил и в гитлеровской Германии. Достаточно сказать, что в 1939 г., накануне Второй мировой войны, в Германии добывалось всего 885 тыс. т нефти в год, в то время как ее потребности во всех видах горючего составляли 6 млн т в год [8: 144]. Для решения глобальной задачи по завоеванию мирового господства такого количества топлива для нужд вооруженных сил Германии было явно недостаточно. Поэтому гитлеровское правительство активно вело поиск дополнительных возможностей для увеличения топливных ресурсов. В результате, во-первых, началось производство синтетического горючего, получаемого из угля. В 1939 г. на химических заводах Германии методом гидрогенизации угля под высоким давлением производилось в общей сложности 2,75 млн т бензина и дизельного топлива. Правда, этот способ оказался крайне дорогостоящим, требовавшим огромных финансовых и материальных затрат. Во-вторых, в народном хозяйстве Третьего рейха и в его вооруженных силах широко использовались различные альтернативные источники топлива, прежде всего спирт, бензол, сжиженный газ, деготь и др. К примеру, в 1940 г. выработка такого топлива составляла 1 млн баррелей в день, то есть почти 10 % от общей ежедневной выработки всех видов топлива [5: 558]. В-третьих, промышленность Германии, в том числе военная, была переведена на режим жесткой экономии всех видов топлива. В-четвертых, Королевская Румыния экспортировала в Германию ежегодно более 2,5 млн т нефти, что составляло около $\frac{1}{3}$ всего румынского экспорта.

Наконец, в-пятых, Советский Союз вплоть до 22 июня 1941 г. в рамках подписанного двумя странами торгового договора отправлял в Германию различные виды нефтепродуктов. Только с 11 февраля по 21 июня 1941 г. в общей сложности их объем составил 220,5 тыс. т [14: 300]. Небезынтересно отметить тот факт, что правительства Франции и Великобритании после подписания пакта о ненападении между СССР и Германией разработали совместную тайную операцию по уничтожению авиационными ударами советских нефтяных промыслов на Кавказе. Английский военный историк Л. Дейтон указывает в этой связи: «На заседании англо-французского верховного военного совета в конце 1939 года было решено просто нанести бомбовый удар по нефтяным месторождениям России (нейтральной), не заботясь о таких мелочах, как формальное объявление войны» [5: 556]. Главной причиной столь неожиданного решения было опасение, что СССР будет снабжать Германию нефтью для ведения ею войны против Франции и Великобритании. Однако этот план так и не был осуществлен.

Далее, в мае 1940 г., последовала агрессия нацистской Германии против соседних европейских государств, одной из причин которой было стремление Гитлера захватить в этих странах стратегические запасы нефти для преодоления топливного кризиса. В результате в 1940–1941 гг. (до нападения на СССР) Германия захватила только в оккупированных ею Франции, Голландии и Бельгии около 9 млн т различных видов нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов. На несколько месяцев эти запасы сняли остроту дефицита топлива в Германии.

Однако все вышеперечисленные источники все же не могли решить в полной мере проблему острого дефицита горюче-смазочных материалов. Достаточно сказать, что по состоянию на начало мая 1941 г. гитлеровской Германии и ее союзникам ежемесячно требовалось 1,15 млн т нефтепродуктов. После расходования имевшихся запасов дефицит нефтепродуктов мог быть покрыт только за счет нефтяных месторождений, захваченных в ходе «молниеносной войны» с СССР. На это прямо указывалось в немецком «Плане отдела обороны страны штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил по овладению кавказскими нефтеносными районами», утвержденном 4 мая 1941 г. [4: 126]. В этой связи интерес представляют аналитические

выводы германского руководства, основанные на разведывательных данных, о добыче нефти в европейской части СССР и наличии на этой территории главных нефтеносных районов. Всего таких районов было три. Первый – Западноукраинский, который вошел в состав СССР в сентябре 1939 г., где в 1940 г. было добыто 375 тыс. т нефти, что составило всего 1,2 % от общесоюзной его добычи. Далее по географическому принципу, по мере ожидаемого продвижения немецкой армии с запада на восток, шел Кавказский район, где на месторождениях Майкопа и Грозного в последний предвоенный год было получено более 4,6 млн т нефти, или 14,9 % от общей добычи в стране. Закавказский (Бакинский) район был основным по запасам нефти и ее добыче. Здесь в 1940 г. нефтяниками было добыто более 22,2 млн т нефти, что составило 71 % от суммарной ее добычи в СССР [8: 145].

При планировании «молниеносной войны» германское руководство делало ставку на последовательный захват каждого из этих нефтеносных районов, чтобы получить в свои руки почти 90 % всей добываемой нефти в СССР (в районе между Волгой и Уралом были открыты новые богатые месторождения нефти, в скором будущем ставшие «вторым Баку», но в предвоенные годы здесь добывалось всего 6 %, а в Сибири – 4 % нефти от общей добычи). По оценкам германской разведки, на Кавказе и в Закавказье добывалось ежемесячно 2,25 млн т нефти. Этого количества, даже при условии разрушения части месторождений отступавшими войсками Красной армии (далее – РККА), хватило бы в целом для оснащения всех видов вооруженных сил Третьего рейха во Второй мировой войне.

В директиве № 21, которая больше известна как план «Барбаросса», утвержденной Гитлером 18 декабря 1940 г., захват Северного Кавказа и Закавказья с их нефтеносными районами не упоминается. Подразумевалось, что в результате блицкрига осенью 1941 г. СССР окажется побежден, и вся его европейская часть, в том числе южный регион, будут захвачены и оккупированы вермахтом. Но уже в первые недели Великой Отечественной войны Гитлер приступил к разработке планов по захвату Кавказа. Так, в директиве № 33 от 22 июля 1941 г. и в плане «Операция из района Северного Кавказа через Кавказский хребет и Северо-Западный Иран с целью овладения перевалами Ревандуз и Ханаяган на иранско-иракской границе» отмечалось, что в период

с ноября 1941 г. по сентябрь 1942 г. вермахту необходимо овладеть всеми кавказскими нефтяными месторождениями, в том числе Бакинским. Вслед за этим Гитлер в своем приказе от 21 августа 1941 г. уточнил, что главной задачей кампании против СССР является даже не захват Москвы до декабря 1941 г., а овладение нефтеносными районами Кавказа [1: 13].

Однако претворить в жизнь план «молниеносной войны», как известно, Гитлеру не удалось. В сражении за советскую столицу вермахт потерпел поражение, и Германия теперь стояла перед тяжелой перспективой ведения затяжной войны. Для этого жизненно важно было получить солидные по своему объему и качеству нефтяные источники. Летняя кампания 1942 г. планировалась руководством нацистской Германии с учетом этого фактора. Захват Кавказа с его нефтяными месторождениями выдвинулся в качестве стратегической задачи на первый план. Неслучайным в этой связи является жесткое высказывание Гитлера на совещании в штабе группы армий «Юг», которое проходило в Полтаве 1 июня 1942 г.: «Если я не получу нефти Майкопа и Грозного, я должен покончить с этой войной» [9].

П. Карель в своей монографии отметил: «Магия нефти с самого начала предопределила поход на Восток, и летом 42-го та же магия соблазнила Гитлера на принятие решений, которые в итоге решили судьбу летней кампании 1942 г. и вообще весь ход войны» [7: 166].

Быстрое продвижение группы армий «А» генерала-фельдмаршала В. Листа на Кавказ должно было осуществляться согласно директиве № 41, известной как план «Блау». Гитлер подписал этот документ еще 5 апреля 1942 г. В нем в частности указывалось: «В первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет» [4: 425]. Следует обратить внимание на тот факт, что Гитлер намеревался после захвата нефтяных месторождений СССР на Кавказе продолжить наступление немецкой армии далее на Ближний Восток. Здесь планировалось также овладеть нефтеносными районами, одновременно лишить англичан нефти и заставить их уйти из стратегически важного региона. Для выполнения этой важной задачи было создано

специальное соединение «Ф», названное так по первой букве фамилии его командира генерала Г. Фельми, отличного знатока стран Ближнего и Среднего Востока [11: 174]. Однако из-за поражения вермахта в битве за Кавказ соединение «Ф» не только не выполнило свою главную задачу, но и было разгромлено советскими войсками в конце 1942 г. в полупустынной местности в прикаспийских Черных землях.

К началу битвы за Кавказ гитлеровским инженерам удалось на 50 % восстановить нефтяные промыслы и нефтеперерабатывающие заводы на территории Западной Украины у городов Дрогобыч и Станиславов. А к началу 1943 г. здесь был достигнут довоенный уровень добычи нефти, составивший 308 тыс. т в год. Однако такого количества нефти для ее переработки в горюче-смазочные материалы было явно недостаточно для полного снабжения немецкой армии. Достаточно сказать, что к лету 1942 г. в распоряжении вермахта имелось немногим более 2 млн т топлива, потребляемого в течение месяца всеми родами войск. А летом 1941 г., то есть в первые недели гитлеровского «блицкрига» против СССР, месячное потребление топлива составляло почти 2,4 млн т, уменьшившись на 400 тыс. т в месяц [8: 146–147]. Поэтому Кавказ по-прежнему оставался главной надеждой для Гитлера в деле ликвидации острого топливного кризиса в Германии и в ее вооруженных силах.

После захвата гитлеровскими войсками Краснодара и Майкопа, т.е. соответственно 9 и 10 августа 1942 г., «берлинское радио поспешило объявить, что отныне “черное золото” Кубани поставлено на службу Германского рейха» [12: 51–52]. Однако ведомство Геббельса поторопилось с оценкой произошедшего события. За несколько недель до вхождения передовых частей 1-й немецкой танковой армии в Майкоп по приказу Сталина советские специалисты-нефтяники во главе с наркомом нефтяной промышленности СССР Н.К. Байбаковым провели здесь совместно с военными саперами работу по консервации и выведению из строя нефтяных скважин. В частности, в трех трестах Майкопского нефтекомбината были выведены из строя 840 нефтяных скважин – 100 % от работавших здесь до лета 1942 г. [10: 98]. Причем сделано это было столь надежно, что немецкие специалисты, а их пришло сюда более 1000 человек, так и не смогли в течение почти шести

месяцев провести в полном объеме их расконсервацию. Кроме того, большая часть ценного оборудования с майкопских нефтепромыслов – 600 вагонов – была своевременно демонтирована и вывезена в безопасные тыловые районы СССР. В результате немецким специалистам удалось добыть здесь всего 10 тыс. т нефти, что составило 0,45 % от добычи в 1940 г. [8: 148]. Часть уже добытой гитлеровцами нефти была уничтожена в результате нападений партизан Краснодарского края на майкопские нефтепромыслы.

Немецкие войска добрались наконец до первого месторождения нефти на Кавказе и, казалось бы, получили долгожданное и столь дефицитное для них горючее. Но, как это с горечью отметил в своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер, «горькая ирония в том, что мы, приближаясь к нефти, испытывали всё больший ее дефицит» [11: 170]. Действительно, коммуникации немецкой группы армий «А», которая все дальше продвигались на юг, с каждым днем удлинялись на десятки километров, и поэтому горюче-смазочных материалов для танков и другой военной техники все чаще стало не хватать. Тыловые службы просто не успевали их вовремя подвозить к линии фронта. А надежда на майкопскую нефть обернулась горьким разочарованием.

Теперь все надежды немецкого командования были связаны с нефтяными месторождениями Грозного – Малгобека. В дневнике за 31 августа 1942 г. Ф. Гальдер оставил такую запись: «Главная задача 1-й танковой армии – уничтожение противника в излучине Терека. Все эти операции предпринимаются для перелома положения в пользу немецкой стороны и для того, чтобы наложить руку на районы нефтепромыслов вблизи от г. Грозный» [3: 77]. После прорыва немецких войск на Кавказ с территории Чечено-Ингушской АССР в августе – сентябре 1942 г. часть нефтяного оборудования, которое демонтировалось на работающих нефтепромыслах, было спешно эвакуировано в тыловые районы страны. В общей сложности удалось вывезти 4200 вагонов с таким ценным оборудованием. Но на оставшихся работать нефтепромыслах Грозненкомбината рабочие и служащие продолжали добычу нефти, из которой тут же на нефтеперегонных заводах вырабатывали горюче-смазочные материалы, направляемые на фронт [10: 99–100].

Следует отметить, что, в связи с прорывом немецких войск на Кавказ летом 1942 г. и, как следствие, потерей Майкопского нефтяного месторождения и сокращением добычи нефти на месторождении Грозного – Малгобека, значительно возросли также трудности СССР в снабжении войск горюче-смазочными материалами. Достаточно сказать, что в 1942 г. добыча нефти сократилась до 22 млн т, то есть на 33 % по сравнению с 1941 г. (и эта тенденция продолжилась в 1943 г. – до 18 млн т) [2: 124].

В Пятигорске 5 сентября 1942 г. командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал В. Лист провел совещание с руководством 1-й танковой армии и 49-го горнострелкового корпуса для уточнения задач по овладению нефтеносными районами и захвата ключевых перевалов Главного Кавказского хребта. Однако выполнение этих задач с каждым днем осложнялось усиливавшимся сопротивлением советских войск. Немецкое наступление выдыхалось. Раздраженный замедлением темпов наступления на Кавказе, Гитлер 9 сентября 1942 г. снял В. Листа с поста командующего группой армий «А» и временно сам занял этот пост. Однако и это не помогло немецким войскам добиться желаемой цели. Правда, в конце сентября 1942 г., как отмечает П. Карель, «боевая группа мотопехотного полка СС “Нордланд” с батальоном финских добровольцев в своем составе вышла к полю боя из лесных массивов Кавказа и смогла занять северную часть нефтеносного и нефтедобывающего района Грозного и заблокировать на двух участках Военно-Грузинскую дорогу» [7: 166]. Еще через месяц, в конце октября – начале ноября 1942 г., гитлеровцы подошли к столице Северной Осетии городу Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ), до которого оставалось всего 5 км. Отсюда должен был последовать последний бросок к вожденным нефтяным запасам на территории Чечено-Ингушетии. Однако упорное сопротивление советских войск и нехватка собственных сил сорвали и этот план немецкого командования.

Потеряв всякую надежду овладеть грозненской нефтью, немецкое командование приняло решение массированными авиационными налетами разрушить нефтепромыслы и нефтехранилища. В период с 10 по 12 октября 1942 г. гитлеровская авиация подвергла бомбардировкам Грозный, стремясь в первую очередь разрушить в городе и его

окрестностях все работавшие здесь нефтезаводы. В результате этих авиаударов были разрушены несколько нефтеперерабатывающих заводов, пожаром были охвачены резервуары с нефтью. Но уже 13 октября, благодаря самоотверженной работе пожарных частей и местного населения, пожары были потушены, и сразу же начались восстановительные работы на нефтепромыслах и на нефтеперерабатывающих заводах. За мужество, проявленное при ликвидации этих пожаров, 96 грозненцев указом Президиума Верховного Совета СССР были награждены орденами и медалями [6: 217].

После поражения немецких войск в районе Орджоникидзе и провала наступления на Грозный гитлеровское командование осознало тщетность своих попыток захватить основные месторождения кавказской нефти. А после окружения 6-й армии Паулюса под Сталинградом встал вопрос о скором начале отвода войск группы армий «А» с территории Северного Кавказа. Следовательно, для продолжения войны нацистскому руководству Германии теперь необходимо было искать новые источники для пополнения быстро истощавшихся запасов нефти и горюче-смазочных материалов. В этих целях, во-первых, на территории рейха и оккупированных европейских стран началось спешное строительство новых заводов по производству синтетического топлива. Во-вторых, в оккупированной советской Прибалтике гитлеровцы приступили к выработке топлива из имевшихся здесь горючих сланцев. В-третьих, на оккупированных территориях Украины и Белоруссии немецкие инженеры-химики перепрофилировали спиртоводочные заводы на выпуск горючего для самолетов, танков и автомобильного транспорта. На 1943 г. планировалось построить еще 94 спиртовых завода в Прибалтике [8: 148].

В заключение отметим, что руководству Германии так и не удалось в полной мере решить проблему с полным обеспечением своих вооруженных сил всеми видами горюче-смазочных материалов в первые два года Великой Отечественной войны. Попытки захватить кавказские нефтяные районы оказались тщетными вследствие героического сопротивления РККА наступавшим на юг немецким войскам. В распоряжении оккупантов оказалась лишь небольшая часть кавказской нефти, которая, конечно, не могла смягчить ее острый дефицит в Третьем рейхе. Последующие попытки немецкой топливной промышленности

заменить нефть различными синтетическими и другими материалами дали лишь кратковременный и незначительный по своему объему эффект. Таким образом, можно утверждать, что топливный кризис явился одной из главных причин поражения Германии во Второй мировой войне.

Источники и литература

1. Битва за Кавказ (1942–1943 гг.) / под ред. А.С. Дзасохова, А.В. Квашнина. М.; Владикавказ, 2002.
2. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 г.) / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Ростов н/Д., 2012.
3. *Гальдер Ф.* Военный дневник: в 3 т. Т. 3: в 2 кн. Кн. 2 (01.10.1941–24.09.1942). М., 1971.
4. *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933–1945: очерки, документы и материалы: в 4 т. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР. 1941–1943. М., 2005.
5. *Дейтон Л.* Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. М., 2000.
6. *Ибрагимов М.М., Хатуев И.З.* Подвиг во имя Родины (вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.). Грозный, 2015.
7. *Карель П.* Сталинград. Крах операции «Блау». М., 2005.
8. *Комаров Д.И.* Нефтяной дефицит и германские оккупанты // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 144–149.
9. *Ливнев А.* Нефть для Гитлера. URL: https://library.by/portalus/modules/history/readme.php?subaction=showfull&id=1409927724&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 27.03.2022).
10. *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июнь 1942 – октябрь 1943 г.). Ростов н/Д., 2003.
11. Тайны Великой Отечественной / сост. Н.Н. Непомнящий. М., 2005.
12. *Цкитишвили К.* 442 огненных дня. Батуми, 1986.
13. *Ширшов Г.М.* «Если у вас нет нефти... все ваши преимущества мало чего стоят» // Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 36–39.
14. Энергия Великой Победы / отв. ред. С.В. Абышев. М., 2015.

С.А. Киндяков**УЧАСТИЕ ОРЛОВСКОЙ (МАЙКОПСКОЙ)
ОТДЕЛЬНОЙ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ
В ТУАПСИНСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 1942 г.**

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению имеющихся документальных материалов, относящихся к действиям Майкопской танковой бригады, важно указать, что на сегодняшний день существует небольшое количество опубликованных изданий, рассматривающих историю данной воинской части. В нескольких работах ее деятельность анализирует И.В. Бормотов [1; 2]. Бригада была сформирована 25 июля 1942 г. на базе Орловского бронетанкового училища, эвакуированного в г. Майкоп в августе 1941 г. Боевое крещение танковая бригада приняла 29 июля 1942 г. в районе хутора Бирючьего. В августе 1942 г. бригада по распоряжению командующего Северо-Кавказским фронтом была передана в состав 17-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. Находясь в составе кавалерийского корпуса, бригада участвовала в боевых действиях в районе станции Кущёвской, после этого была отправлена в тыл в г. Майкоп. В период с 9 по 11 августа 1942 г. подразделения бригады принимали участие в оборонительных боях в районе населенных пунктов Грозный и Краснооктябрьский. 11 августа подразделения бригады отошли в район станции Апшеронской [2].

Информация о боевом пути бригады представлена в целом ряде документов, хранящихся в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Наиболее информативными из этих материалов являются журнал боевых действий 383-й стрелковой дивизии, а также приказы и распоряжения 17-го кавалерийского корпуса. Однако стоит отметить, что действия бригады в данных документах отражены достаточно подробно только за период с 13 по 16 августа 1942 г. Описание боевой работы танковой бригады в другие периоды в названных документах представлено крайне схематично либо полностью отсутствует. Причина подобного положения вещей в настоящее время не установлена.

В большинстве изученных документов, таких как наградные листы командного состава бригады, приказы, распоряжения, бригада

фигурирует под разными названиями и сокращениями. К примеру, в биографической справке о командире мотострелкового пулеметного батальона Казимире Казимировиче Федоровиче рассматриваемая воинская часть фигурирует под названием Орловская отдельная танковая бригада [4]. В документах 17-го кавалерийского корпуса она зачастую именуется как отдельная танковая бригада без использования имени собственного. Необходимо отметить, что нигде не указывается номер бригады, что существенно затрудняет поиск информации о ней в архивных фондах.

Отдельной проблемой, которая была выявлена на начальном этапе исследования, можно считать установление штатной и фактической численности личного состава рассматриваемого соединения. Ее решение находится в прямой зависимости от определения штатного норматива, который был принят в качестве основы в момент создания бригады. Здесь необходимо пояснить, что с 1941 по 1942 г. произошло несколько серьезных изменений в системе укомплектования танковых бригад. Данные изменения являлись результатом постоянного анализа эффективности применения данного вида механизированных частей в ходе боевых действий.

Результатом обозначенного процесса явилось то, что в период с лета 1941 по февраль 1942 г. штат танковой бригады и находившихся в ее составе подразделений изменялся три раза. 16 февраля 1942 г. в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны № ГОКО-1295сс был утвержден штат формирования танковой бригады № 010/345-010/352, который просуществовал до 31 июля 1942 г. Учитывая тот факт, что замена штата произошла после фактического завершения формирования Орловской (Майкопской) отдельной танковой бригады, можно сделать предположение, что данная воинская часть была создана в соответствии со штатом № 010/345-010/352. Однако к лету 1942 г. количественный и качественный состав подразделений бригады претерпел значительные изменения [3].

Бригада, укомплектованная по штату № 010/345-010/352, имела в своем составе два танковых и один мотострелковый батальон. На вооружении бригады состояло 46 танков различных типов, при этом общая численность танков Т-34 должна была составлять не менее 20 машин. Общая численность личного состава бригады, согласно

нормативным документам, устанавливалась на уровне 1051 человек [2]. На момент подготовки настоящей статьи информации, свидетельствующей о доведении воинской части до штатной численности, не найдено. Отсутствие точных данных о фактической численности, в свою очередь, не позволяет определить количество потерь, понесенных бригадой в ходе боевых действий. Однако такие информационные лакуны характерны еще для целого ряда частей и подразделений, участвовавших в Туапсинской оборонительной операции, и в этом отношении Орловская (Майкопская) отдельная танковая бригада не является исключением.

Перейдем к рассмотрению собранного на сегодняшний день корпуса архивных источников. После отхода подразделений бригады из района города Майкопа к 12 августа основная ее часть сосредоточилась в станице Кубанской. Об этом, в частности, говорит запись из журнала боевых действий 383-й стрелковой дивизии, согласно которой в районе этого населенного пункта совместно с подразделениями 368-го артиллерийского полка Резерва Главного Командования и отдельного гвардейского минометного дивизиона занял оборону мотострелковый батальон бригады [6: 1]. Хотя сведений о присутствии танковых батальонов бригады в районе обозначенной станицы в рассматриваемом документе нет, данную информацию можно найти в рапорте, направленном в адрес начальника штаба 17-го кавалерийского корпуса полковника Дуткина 16 августа 1942 г. [7: 257]. Кроме подтверждения наличия основных соединений бригады в районе станицы Кубанской рассматриваемый документ достаточно подробно описывает проведение штурмовой операции группой автоматчиков, сформированной из состава бригады и одного танка.

Представление о дальнейших маршрутах передвижения бригады и характере боевой работы можно составить на основании приказов и справок, подготовленных командованием 17-го корпуса в период с 7 по 16 августа 1942 г. [5: 59, 129], когда основные соединения корпуса в составе 116, 13 и 12-й кавалерийских дивизий находились в районах населенных пунктов Кубанская, Кубанская-2, Черниговская, Комсомольская. В результате негативного развития обстановки, ставшей следствием прорыва частей вермахта в направлении станицы Тверской, названные воинские соединения оказались в окружении.

В особенно тяжелое положение попали части, находившиеся в составе 12-й и 116-й кавалерийских дивизий. Данные части были изолированы друг от друга, в результате чего прорыв из окружения осуществлялся в разных направлениях.

Боевые действия в окружении и последующий прорыв достаточно хорошо описаны как в документах дивизий, так и в документах корпуса. При этом объем информации, содержащейся в документах 17-го кавалерийского корпуса в отношении танковой бригады в период с 14 по 15 августа и в последующие дни, сравнительно невелик. Однако составить общее представление о происходящем в полосу обороны бригады можно на основании приказов, поступавших от командования корпуса в адрес находящихся в его составе соединений.

Согласно приказу штаба корпуса, датированному 15 августа 1942 г., бригада наряду с другими соединениями должна была сосредоточиться в районе населенных пунктов Караванский и Караченцев, расположенных западнее и юго-западнее станицы Кубанской. Выполнение данного приказа вызывает целый ряд вопросов, поскольку большинство соединений корпуса к моменту его издания уже находились в окружении, следовательно, выполнить поставленную задачу не могли.

Приказ от 15 августа 1942 г. является заключительным документальным свидетельством в отношении Орловской (Майкопской) отдельной танковой бригады, обнаруженным на сегодняшний день на начальном этапе исследования боевого пути данной воинской части. Остальные сведения представляют собой набор слухов и не подтвержденной документами информации, в связи с чем ее использование в рамках данной статьи представляется нецелесообразным. Изучение данной темы в настоящее время продолжается, полученные результаты станут предметом дальнейших публикаций.

Источники и литература

1. *Бормотов И.* В боях под Майкопом. Майкоп, 2009.
2. *Бормотов И.* Майкопская танковая бригада // Майкопские новости. 2014. 2 сент. URL: <https://maykop-news.ru/page/majkopskaya-tankovaya-brigada/> (дата обращения: 06.04.2022).

3. Организация танковой бригады. URL: http://tankfront.ru/ussr/organisation/org_tbr.html (дата обращения: 06.04.2022).
4. Федорович Казимир Казимирович. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander22728/> (дата обращения: 06.04.2022).
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 276. Оп. 811. Д. 53.
6. ЦАМО РФ. Ф. 1704. Оп. 1. Д. 31.
7. ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 0000001. Д. 0021.

А.В. Карташев

АМЕРИКАНСКИЕ «БОСТОНЫ» В НЕБЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1942–1943 гг.

В последние годы в связи с попытками исказить правду о Второй мировой войне пристальное внимание российских историков обращено к изучению вопроса оказания помощи Красной армии (далее – РККА) союзниками в рамках ленд-лиза. Известно, что советская авиация широко использовала американские и английские боевые самолеты в годы войны, в том числе и в ходе битвы за Кавказ. Но каков был процент авиатехники США и Великобритании, когда она поступила на вооружение, как использовалась в ходе боевых действий против немецко-фашистских захватчиков на Северном Кавказе? Автору уже приходилось касаться боевой работы авиационных частей в небе Ставрополя, в том числе бомбардировочных [1: 93–95], однако специального исследования на представленную тему не проводилось. Статья посвящена анализу процесса оснащения частей советских Военно-воздушных сил (ВВС) в ходе битвы за Кавказ американскими бомбардировщиками «бостон» и их использования в ходе боевых действий. При проведении исследования использовались архивные материалы баз данных «Память народа» и «Подвиг народа».

К концу июля 1942 г. самолетный парк 4-й воздушной армии (ВА), которая принимала на себя удар 4-го воздушного флота люфтваффе на Кавказском направлении, составляли исключительно самолеты советского производства, их насчитывалось 196, в том числе 70 бомбардировщиков Пе-2, Су-2, СБ, Р-5 и У-2 [9: 335–336].

Американский Б-3 «Бостон» стал первым союзническим самолетом, который пришел на вооружение 4-й воздушной армии. Появление 56 самолетов этой модификации в ее боевом строю относится к августу 1942 г. При этом сразу доля ближних бомбардировщиков иностранного производства стала более весомой: в августе во всех частях 4-й ВА насчитывалось 34 средних бомбардировщика советских систем – это Пе-2, Су-2 и СБ, а также 36 легких бомбардировщиков типа У-2 и Р-5. Если считать по классу средних бомбардировщиков, то более 62 % этого авиапарка составляли самолеты Б-3. Даже с учетом легких самолетов У-2 и Р-5 процент «бостонов» в бомбардировочной авиации 4-й ВА составлял более 44. А в сентябре и октябре в состав 4-й ВА влились еще два полка на «бостомах» общей численностью 38 самолетов [9: 337–338]. Таким образом, в октябре из 60 средних бомбардировщиков 47 были американского производства – более 78 %.

О появлении в составе ВВС американских бомбардировщиков Б-3 «Бостон» и Б-25 «Митчел» заблаговременно сообщалось в соединения и части РККА. Личный состав ВВС фронтов, особенно истребительной авиации, зенитных частей и частей войск воздушного наблюдения, оповещения и связи, должен был изучить отличительные признаки новых самолетов. По частям, в том числе и стрелковым, рассылались их силуэты [11: 112].

Отдел противовоздушной обороны штаба 21-й армии (Сталинградский фронт) 26 июня 1942 г. разослал командирам частей и отдельных подразделений описание нового типа самолета. В нем сообщалось: самолет Б-3 «Бостон» – двухмоторный моноплан с верхним расположением крыльев. При наблюдении сверху – форма фюзеляжа характерна значительной выпуклостью книзу. Нос фюзеляжа, кабина летчиков и кабина стрелка застеклены, вертикальное хвостовое оперение имеет форму равнобедренного треугольника с закругленной вершиной. Моторы конусообразные с тупыми носами и расположены под крыльями. При наблюдении спереди – фюзеляж овальный, моторы круглые, хвостовое оперение однокилевое. Стабилизатор имеет резко очерченную форму буквы «В». При наблюдении снизу – плоскости треугольной формы с прямой передней кромкой. Стабилизатор эллипсоидный [12: 14].

Поставка американских бомбардировщиков по ленд-лизу через Иран началась в феврале 1942 г. В мае 1942 г. на территории Ирана в г. Абадан в англо-американском гарнизоне была сформирована советская авиационная база. Здесь осуществлялась приемка импортных самолетов и организовывалась их перегонка в СССР. Командовал базой полковник Иван Абрамович Образков. Под его руководством на базе проходило переучивание летного состава (перегонщиков) на все типы иностранных самолетов. Отлично организованная приемка не позволяла поставщикам передавать самолеты с дефектами, несмотря на то что с их стороны такие попытки предпринимались не раз. С американским и английским командованием И.А. Образков держался уверенно, тактично, с достоинством, чем обеспечивал хорошие деловые отношения с военными властями союзников [6: 239].

Перегонку самолетов осуществлял личный состав 11-го запасного авиационного полка (зап), располагавшегося в г. Кировабаде Азербайджанской ССР. В нем имелась перегоночная эскадрилья, летный состав которой с марта 1942 по июнь 1943 г. перегнал из Ирана в СССР 910 американских бомбардировщиков А-20 «Бостон» и Б-25 «Митчел» по воздушной трассе протяженностью 1460 км. Все самолеты были доставлены в исправном виде. Командовал эскадрилей майор Н.Ф. Лукин [5: 15].

Две бомбардировочные эскадрильи 11 зап обеспечивали переучивание строевых частей на Б-3, А-20 и Б-25, третья – предназначалась для освоения истребителей союзников. Полк входил в состав 4-й запасной авиационной бригады, штаб которой находился в Тбилиси.

Первым в состав 4-й ВА прибыл 859-й ближнебомбардировочный авиационный полк (ббап). 11 августа 1942 г. он вошел в состав 219-й бомбардировочной эскадрильи (бад). В боевом составе полка находилось 19 «бостонов» Б-3.

Уже к 25 августа полк произвел 302 боевых вылета, в том числе 97 – на разведку, при общем налете 557 ч 24 мин. В результате боевой работы на головы немецко-фашистских захватчиков было сброшено 83 тыс. кг бомб, израсходовано 7850 патронов, уничтожено и повреждено 312 автомашин противника с войсками и грузами, около 80 его танков, три цистерны с горючим, разрушено три переправы через р. Малка и Баксан. Подавлено три зенитные батареи, пять пулеметно-зенитных

точек, сбит один Ме-109ф, отмечено 14 крупных очагов пожаров. В отдельные дни экипажи полка делали по три – четыре боевых вылета в сутки. За этот период полк потерял шесть самолетов.

Командовал 859-м полком майор Анатолий Тихонович Орлов. К 25 августа он сам сделал пять боевых вылетов на Б-3 в качестве ведущего. Как летчик летал отлично и учил этому командиров подразделений и остальной личный состав [2: 129].

12 и 13 августа экипажи полка успешно совершили первые боевые вылеты на уничтожение мотомеханизированных колонн противника в районе Минеральных Вод, Пятигорска и Георгиевска [2: 55–85, 160–258]. Полеты в эти дни производились без прикрытия истребителей. 12 и 13 августа обошлось без происшествий. А 14 августа полк, сделав 69 самолетовылетов, потерял шесть «бостонов». Не вернулись с боевого задания четыре экипажа из районов сел Куба, Малка, Зольское. Причина невозвращения была неизвестна. Другое звено было атаковано девятью Ме-109 в районе 5–7 км западнее села Куба. Экипаж пилота С.М. Лукашевича загорелся и пошел к земле. Второй самолет старшины Г.Н. Брюханова задымился и тоже стал резко снижаться. Огнем экипажей бомбардировщиков был сбит один Ме-109, который упал в районе села Куба. После этого случая полеты «бостонов» стали производиться, как правило, в сопровождении истребителей. Инженеру по вооружению была поставлена задача: немедленно принять меры по перевооружению Б-3 советскими пулеметами и оснащению самолетов дополнительными замками для увеличения бомбовой нагрузки [8: 98–100].

Из шести пропавших самолетов экипаж Василия Милейко был спасен благодаря грамотным действиям пилота. В сложнейшей ситуации он старался сбить пламя с подожженного «бостона» и, резко снизившись, посадил горящий самолет без шасси [3: 304]. Посчастливилось выжить и экипажу Фёдора Кравцова, о чем свидетельствует его успешная боевая работа, отмеченная впоследствии многими наградами.

Также с 11 августа в состав 219-й бад вошел 244-й ббап. С 19 августа 1942 г. полк вел боевую работу в составе 219-й бад в районе Моздока. Командовал 244-м полком майор К.С. Киселев. Он участвовал в Великой Отечественной войне вместе с полком с октября 1941 г. На самолетах Пе-2 полк сражался под Москвой, а перевооружившись на «бостоны», в августе 1942 г. попал на Северный Кавказ. Командиры

полков летали нечасто. Так, на Б-3 майор Киселев произвел девять боевых вылетов в качестве ведущего группы [4: 44].

Из боевой характеристики 244-го ббап известно, что в апреле 1942 г. он находился в Кировабаде в 11-м зап Закавказского фронта, где переучивался на самолеты Б-3, а 17 августа 1942 г. в составе 20 экипажей прибыл в действующую армию. С 17 августа по 15 сентября с аэродромов Грозненского аэроузла полк действовал по танкам, артиллерии, живой силе и переправам противника в районе населенных пунктов Ищерская, Советская, Прохладный, Малка, Куба, Баксан. За этот период полк произвел 445 боевых вылетов. Общий налет составил 450 ч. При этом было израсходовано 184,2 т бомб и 17 140 патронов «виккерс» и «кольт-браунинг». Уничтожено и частично повреждено: танков – 50, автомашин с грузами – 200, орудий – 15, автоцистерн с горючим – до 20, складов с боеприпасами – 2, в воздушных боях сбито 3 самолета противника. Убито до 500 солдат и офицеров.

23 сентября 1942 г. полк, понеся потери в личном составе и материальной части, убыл в г. Кировабад для доукомплектования и получения материальной части. 22 марта 1943 г., закончив доукомплектование личным составом и переучившись на самолеты «Бостон» А-20Б, полк в составе 20 экипажей прибыл в действующую армию на Северо-Кавказский фронт и вновь вошел в состав 219-й бад. Всего за период боев на Северном Кавказе полк потерял 22 самолета Б-3 и семь А-20Б. На 1 августа 1943 г. на вооружении полка состояло 13 самолетов А-20Б и два Б-3 [10: 11–14].

17 сентября 1942 г. в состав 219-й бад из Кировабада прибыл 277-й ббап под командованием майора С.П. Кужелева в составе двух эскадрилий и 19 самолетов Б-3. Базируясь на Грозненском аэроузле, полк действовал по танкам, артиллерии и живой силе противника в районе населенных пунктов Ищерская, Моздок, Гизель, уничтожая врага на подступах к г. Грозный и Владикавказ. С начала наступления советских войск на Северном Кавказе полк 8 января 1943 г. перебазировался на аэродром Тулатово, но боевых действий не вел из-за плохих метеоусловий. Позже, базируясь на аэродромах населенных пунктов Солдатская, Минеральные Воды, Невинномысск, Армавир, Кропоткин и Восточная (50 км западнее Кропоткина), действовал по железнодорожному мосту через р. Кума у пос. Канглы и по перегонам на участке

Минеральные Воды – Невинномысск, по железнодорожным эшелонам на станции Кавказская, по скоплениям войск в районе населенных пунктов Темрюк, Коса Чушка, Славянская, Крымская, Абинская, Новороссийск. На 1 августа 1943 г. в боевом составе полка находилось 14 самолетов А-20Б и четыре бомбардировщика Б-3 [7: 15–18].

В октябре 1942 г. в составе 4-й ВА появился еще один полк, вооруженный 20 самолетами Б-3 и А-20А – 452-й бап. Командовал полком майор Михаил Дмитриевич Постнов. В составе полка, как и в других подобных частях, имелось две эскадрильи. 10 октября полк перелетел из Кировабада на аэродром Махачкалы, а 12 октября в составе 20 экипажей сосредоточился на аэродроме конного завода № 37, где вошел в состав 218-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии. Таким образом, этот полк стал первой на Северном Кавказе группой ночных бомбардировщиков «бостон».

Первая боевая задача полка состояла в нанесении бомбового удара по уничтожению самолетов противника на аэродроме ст. Солдатской в ночь с 15 на 16 октября. Один самолет А-20А поднялся в воздух, но поставленную задачу выполнить не смог. В силу плохих метеоусловий экипаж цель не отыскал, на запасную цель – переправу южнее Моздока – бомбы не сбросил. Причиной этого было незнание экипажем правил эксплуатации бомбардировочной аппаратуры. Остальные экипажи полка из-за плохой погоды на выполнение боевой задачи не вылетали. Первый массированный удар 452-й ночной ближнебомбардировочный авиационный полк (нббап) нанес вечером 19 октября. Десятью экипажами с высоты 4000–7500 футов последовательными ударами одиночных самолетов с интервалом 10–15 мин полк разрушал железнодорожный узел Прохладный, станцию Аполлонская и уничтожал железнодорожные эшелоны на них. Разрушал полотно и эшелоны от станции Прохладный до разъезда Зольская. За этот вылет по целям было сброшено 23 бомбы ФАБ-100, 42 ФАБ-50, 14 ЗАБ-50. На обстрелы целей было израсходовано 70 патронов калибра 12,7 мм и 320 калибра 7,62. Боевой налет составил более 16 ч. Потерь не было [15: 1об. – 4об.].

Особенностью полетов на американских и английских самолетах было то, что приборы отображали параметры полета в непривычных единицах измерения, в частности высота показывалась в футах.

В боекомплект включались как советские авиационные бомбы, так и американские, в документах они отмечались особо: «САБ американские» или «ФАБ-500 фунтов» (речь идет о светящихся и фугасных авиабомбах).

12 ноября 452-й нббап в количестве 17 самолетов перебазировался с аэродрома конного завода № 37 на аэродром Кумторкала, продолжая работать по объектам противника и коммуникациям в районе населенных пунктов Прохладный, Солдатская, Моздок. 14 декабря 452-й ббап перешел в подчинение 219-й бад и перебазировался на аэродром № 8 г. Грозный [15: 26об., 60об.].

Со второй половины декабря полку назначались цели и объекты разведки в районе населенных пунктов Георгиевск, Минеральные Воды, Невинномысск, Будёновск, Прохладный, Эдиссия, Советская. Однако ввиду плохих метеоусловий полк находился в готовности № 2 и боевых вылетов не совершал, а 8 января в составе 13 экипажей перебазировался на аэродром Тулатово. Боевая работа с нового места началась с 10 января. На фоне успешного выполнения поставленных боевых задач случались происшествия из-за отказа материальной части. Стрелок-бомбардир одного из Б-3 в ходе боевого вылета не смог выполнить поставленную задачу из-за отказа аккумулятора, самолет возвратился на аэродром с бомбами. На посадке ввиду отсутствия кабинного освещения командир того же экипажа Б-3 серьезно повредил самолет, посадив его на фюзеляж. По мере наступления советских войск объекты ударов стали назначаться в районе Ворошиловска, Армавира, Кавказской, а 18 января полк в составе 11 экипажей перебазировался на аэродром станицы Советской [15: 64об. – 74об.].

Потери в полку, надо сказать нечастые, все же случались. Так, вылетевший 20 января на разведку погоды экипаж командира звена лейтенанта А.С. Басова не вернулся на свой аэродром. Все четыре члена экипажа погибли северо-западнее Курсавки в районе хутора Пролетарский [15: 75об.].

22 января полк перебазировался с аэродрома Советской на аэродром с. Обильное, однако уже 24 января перелетел на аэродром Невинномысска для последующей боевой работы по железнодорожным станциям Кавказская, Тихорецк, Усть-Лабинск, Кущёвская и далее –

на Батайск. 31 января полк получил задачу перебазироваться на аэродром Армавира [15: 76об. – 90об.].

В период с ноября 1942 по февраль 1943 г. самолет Б-3 «Бостон» продолжал оставаться основным бомбардировщиком в 4-й воздушной армии. Так, в январе в ее составе насчитывалось 45 Б-3 и всего 11 Пе-2. Полки, переучившиеся на самолеты А-20, в состав армии стали поступать с марта. К слову, в марте в 4-й ВА появились истребители, поставленные союзниками по ленд-лизу: «аэрокобра», «китихаук», а с апреля и «спитфайр». Но в том же апреле 1943 г. свежие боевые части, прибывающие в состав Северной группы войск Закавказского фронта, имели на вооружении бомбардировщики Пе-2: в боевом составе 4-й ВА появилось 100 таких машин. Соотношение количества американских бомбардировщиков и аналогичных самолетов советского производства поменялось в пользу отечественных машин – 81 к 121, парк «бостонов» сократился до 40 % от общего количества бомбардировщиков.

В мае – июне 1943 г. в ходе воздушных сражений на Кубани появилось разделение бомбардировщиков на дневные и ночные. В строю в качестве дневных самолетов находилось 42 Б-20 и 118 Пе-2, в качестве ночных 27 Б-3, 4 ДБ-3 и 11 СБ [9: 338–345]. Как видно, в своем классе Б-3 продолжал занимать ведущее место, в то время как самолетов А-20 было почти втрое меньше, чем советских бомбардировщиков Пе-2.

В марте 1943 г. в составе 4-й ВА появился 48-й бап. С июля 1942 г. он находился в Кировабаде в 11-м зап, переучиваясь на новую материальную часть. Получив 20 самолетов А-20А, полк перелетел на аэродром Кропоткина и вошел в состав 219-й бад. К боевой работе приступил 10 марта 1943 г. Однако с 14 марта боевые вылеты не производились по погодным условиям. А 16 марта полк перелетел на аэродром Восточный. При взлете с аэродрома Кропоткин сгорел самолет старшего лейтенанта Зюзина, два члена экипажа, включая командира, погибли. Еще один экипаж вернулся на аэродром Кропоткин без самолета, который был посажен на фюзеляж в районе Котельниково Сталинградской области. 19 марта полк передал материальную часть в количестве 14 исправных самолетов 542-му и 277-му полкам и через несколько дней убыл для переучивания и получения новой авиационной техники – самолетов «Бостон» А-20Ж – в Ярославль [13: 41–49].

«Бостоны» состояли и на вооружении и 5-й ВА, которая действовала в составе Черноморской группы войск Закавказского фронта. С 23 октября 1942 г. в составе 132-й бад находился 63-й бап, имевший на вооружении 20 бомбардировщиков Б-3. Сначала полк вел боевые действия с аэродрома Кутаиси, а затем Чхениши, на территории Грузинской ССР, частью сил с ноября – с аэродрома Адлер. Объектами бомбовых ударов были войска и техника противника в поселках Гунайка, Шаумян, станице Апшеронская. В январе – феврале 1943 г. экипажи полка наносили удары по объектам противника в станице Белореченской, городах Армавир, Кропоткин, Краснодар, станице Крымской и др. В марте велась разведка наземных войск и сил флота противника в районе Тамани, Керчи, Феодосии. В двадцатых числах марта полк перебазировался с аэродрома Адлер на аэродром Майкоп. Отсюда экипажи «бостонов» летали на разведку Крымского полуострова, наносили удары по скоплениям войск в станицах Тамань и Варениковская, на косе Чушка. В ходе боев на «Голубой линии» полк действовал по укреплениям противника, а затем уничтожил его отступавшие войска на заключительном этапе битвы за Кавказ в октябре 1943 г. [14: 17об. – 48].

В составе ВВС Черноморского флота находился 36-й минноторпедный авиационный полк (мтап), также оснащенный самолетами Б-3. После переучивания с апреля по 6 августа 1943 г. полк произвел 495 успешных боевых вылетов с налетом 1252 часа, в том числе 100 вылетов ночью с налетом 254 часа. Командир полка Герой Советского Союза майор А.Я. Ефремов лично водил полк и дивизию на выполнение наиболее сложных боевых заданий. Благодаря умелому руководству подчиненными со стороны командования при переучивании и выполнении боевых задач потерь полк не имел. Получив молодое пополнение, командир непосредственно в полку обеспечил переучивание на Б-3 более 40 летчиков [17: 11].

За боевую работу в 36-м мтап в период битвы за Кавказ звания Героя Советского Союза был удостоен командир звена капитан А.Д. Рыхлов. Он прибыл в полк в январе 1943 г. и отлично освоил самолет «Бостон» Б-3. С 28 апреля по 1 октября 1943 г. произвел на нем 34 успешных боевых вылета, из них 12 ночью. Наносил бомбовые удары по сильно укрепленному порту Керчь и, преодолевая

противодействие до 20 батарей зенитной артиллерии и ночных истребителей, всегда поражал цель. В августе 1943 г. в сложных метеорологических условиях успешно произвел ночную минную постановку на реке Днепр. В сентябре с группой торпедоносцев потопил два транспорта противника водоизмещением 3 и 5 тыс. тонн, наносил удары по главной военно-морской базе Румынии – порту Констанца [16: 19].

Подводя итог, отметим, что американские бомбардировщики Б-3 и А-20 составляли основную ударную силу бомбардировочной авиации в битве за Кавказ. Наибольшее их число находилось в 4-й ВА. Доля этих машин в боевом составе этой армии росла до марта 1943 г. и достигла почти 90 %, но с поступлением в большом количестве советских Пе-2 в апреле снизилась до 40 %. В боевой работе американские машины стали принимать участие с первого месяца обороны Кавказа и продолжали использоваться до полного изгнания врага с Таманского полуострова. В ходе боевых вылетов выявились слабые места в системе вооружения, они исправлялись в ходе боевой работы. Американские самолеты были достаточно надежны. Неудобство в их летной эксплуатации выражалось в основном в том, что обозначение высот, скоростей полета, калибра американских бомб велось в английской системе мер, однако советские пилоты быстро привыкли к этому и успешно выполняли поставленные задачи. В целом помощь, оказанную США в поставке бомбардировщиков, следует считать весомой и своевременной. Она сыграла немаловажную роль в достижении успеха советскими ВВС в период коренного перелома во Второй мировой войне.

Источники и литература

1. *Карташев А.В.* Советская авиация в небе Ставрополя в августе 1942 года // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 89–98.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 616.
3. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 618.
4. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 554.
5. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 26.
6. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 39.

7. ЦАМО РФ. Ф. 51. Оп. 932. Д. 138.
8. ЦАМО РФ. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0038.
9. ЦАМО РФ. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053.
10. ЦАМО РФ. Ф. 513. Оп. 932. Д. 138.
11. ЦАМО РФ. Ф. 1819. Оп. 0000001. Д. 0007.
12. ЦАМО РФ. Ф. 6328. Оп. 0009769с. Д. 0005.
13. ЦАМО РФ. Ф. 22 122. Оп. 0396544с. Д. 0001.
14. ЦАМО РФ. Ф. 22 158. Оп. 0383386с. Д. 0001.
15. ЦАМО РФ. Ф. 22 708. Оп. 0273581с. Д. 0004.
16. Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦВМА РФ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 493.
17. ЦВМА ПФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 660.

Д.Н. Санин

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 28-й АРМИИ НА САЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В ЯНВАРЕ 1943 г. И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ

28-я армия РККА в январе 1943 г. вела боевые действия за освобождение территории Калмыкии и прорыв рубежа противника по р. Маныч, имевшего большое оперативное значение в последующем наступлении Южного фронта на Ростовском направлении с целью окружения отходящей кавказской группировки врага.

После окружения немецкой 6-й армии генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса под Сталинградом, к началу нового 1943 г., сложилась благоприятная обстановка для дальнейших действий советских войск на южном крыле. Отличительной чертой оперативно-стратегической обстановки на юге было занимаемое войсками Юго-Западного и Южного фронтов чрезвычайно выгодное оперативное положение, которое позволяло им развернуть наступление как на Ростовском направлении, так и в тыл всей группировки противника на Северном Кавказе с целью ее окружения [2: 193–194]. 1 января 1943 г. на основании приказа Ставки Верховного Главнокомандования № 170720 от 30 декабря 1942 г. Сталинградский фронт был ликвидирован и образован Южный фронт в составе 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армий [7: 7]. Перед наступающими армиями Южного фронта действовали сводная дивизия

из 2-й и 18-й пехотных дивизий румын, 4-я пехотная дивизия румын, 5-я и 8-я кавалерийские дивизии румын, 23-я и 17-я танковые дивизии, 16-я моторизованная дивизия и батальоны Туркестанско-магометанского легиона противника общей численностью 37,7 тыс. человек и 195 танков [7: 3].

На Сальском направлении Южного фронта к району р. Маныч отступающие части противника преследовала 28-я армия генерал-лейтенанта В.Ф. Герасименко. Значимость р. Маныч как водного рубежа определялась ее географическим и стратегическим положением, разделившим Сталинградский и Северо-Кавказский театры военных действий [5].

28-я армия, находившаяся на левом фланге армий Южного фронта, имела задачу сходу овладеть рубежом р. Маныч и в последующем выйти в направлении Азова с целью отрезать противнику пути отхода с Северного Кавказа на Ростов, содействуя войскам Закавказского фронта в окружении кавказской группировки противника. Также в задачу армии входило обеспечивать стык между Южным и Закавказским фронтами [9: 7]. На 2 января 1943 г. армия имела в своем составе 34-ю и 248-ю стрелковые дивизии, 52, 79, 98, 99, 152, 156, 159-ю отдельные стрелковые бригады, 6-ю гвардейскую танковую бригаду, 51-й танковый полк, 565-й танковый батальон и другие специальные подразделения. Всего насчитывалось 51 549 человек личного состава, 415 орудий различного калибра, 84 танка [7: 7]. Перед соединениями 28-й армии действовали части дивизии СС «Викинг», 23-я танковая дивизия в составе танкового полка, двух мотополков, 16-я моторизованная дивизия, Туркестанско-магометанский легион, калмыцкий полк, два батальона 46-го охранного полка с 15–20 танками обороняли переправу через р. Маныч в районе с. Дивное [9: 2]. Всего эта группировка насчитывала 11,7 тыс. человек, 65 орудий различного калибра, 80 танков. 16-я моторизованная дивизия имела в своем составе 6200 человек и 30 танков, 23-я танковая дивизия – 3 тыс. человек и 50 танков, Туркестано-магометанский легион насчитывал 2,5 тыс. человек. На начало 1943 г. противник имел заметное преимущество как в танках, так и в самолетах [7: 3].

Задача, которую Южный фронт поставил 28-й армии, заключалась в том, чтобы ударной подвижной группой – 6-й гвардейской танковой бригадой (командир – подполковник М.Н. Кричман) в составе

33 танков и частями 152-й отдельной стрелковой бригады (командир – подполковник В.И. Рогаткин), – преследуя противника, овладеть переправами через р. Маныч. Главная задача группы состояла в том, чтобы не дать отступающим немецким войскам закрепиться на этом водном рубеже. В дальнейшем – прижать противника к реке Маныч и уничтожить его соединения [1: 339].

Географические условия для ведения боевых действий наступающих частей армии были очень тяжелые. Широкие пространства, недостаток колодцев и засоленность многих водоемов, плохо оборудованные коммуникации, наличие песчаных пустынь в значительной степени отразились на системе снабжения и питания фронтовых частей, переброске резервов [4: 71]. Другой источник добавляет, что все мосты через реки были взорваны отходящим противником, чем также замедлялся темп наступления армии [9: 3].

Следует понимать, что наступающие войска армии столкнулись с противником, имевшим, за исключением Туркестанско-магометанского легиона, большой боевой опыт. Поэтому 28-й армии в ходе своего наступления практически постоянно пришлось вести тяжелые бои. Много хлопот доставляли и погодные условия: крепкие морозы резко сменила оттепель. После освобождения Элисты обутые в валенки бойцы шли по тающему снегу. Многие после этого, обморозив и растерев ноги, выбыли из строя [4: 81].

Немецкие войска всё яростнее сопротивлялись, используя естественные преграды, и в первую очередь такой водный рубеж, как Маныч. Фашистское командование понимало, что значил бы для них скорейший выход наших войск на Ростов, и поэтому задействовало все силы. К 11 января в район Маныча с Северного Кавказа были переброшены части 3-го (финского) батальона полка «Нордланд» дивизии СС «Викинг» [6: 225].

Для успешной операции охвата противника соединения 28-й армии разделились на две группы. Одна из них, состоявшая из 248-й стрелковой дивизии и 159-й отдельной стрелковой бригады, двинулась на Маныч, в направлении с. Дивное. Вторая группа войск – 34-я стрелковая дивизия, 152-я и 52-я отдельные стрелковые бригады и 6-я гвардейская танковая бригада – повернула на северо-запад вдоль северного берега Маныч.

Единственной танковой бригаде, в которой на 1 января 1943 г. насчитывалось 1162 человека, 33 танка в строю и шесть орудий различного калибра, было непросто маневрировать и отражать атаки противника на большом участке фронта [7: 7].

К 6 января 1943 г. части 28-й армии, преследуя противника, пройдя Сальские степи, подошла к рубежам р. Маныч: 248-я стрелковая дивизия – в район с. Дивное, подвижная группа (6-я гвардейская танковая бригада, 51-й танковый полк, 152-я отдельная стрелковая бригада) – в окрестности х. Красный Скотовод и совхоза им. Будённого Пролетарского района Ростовской области. В задачу подвижной группы входило следующее: к утру 7 января 1943 г. ударом подвижной группы в направлении Степной – Баранники во взаимодействии с частями 51-й армии, форсировав р. Маныч, овладеть Сальском. Цель 248-й стрелковой дивизии – овладеть Дивным [3].

На рассвете 6 января 1943 г. подвижная группа, имея в своем составе 10 танков, выдвинувшись в район х. Красный Скотовод, встретила сильный огонь 20 танков вермахта. В результате неравного боя группа потеряла четыре танка Т-34, два танка Т-70 и отошла на Николаевский 2-й [3]. Не смогла выполнить поставленной задачи и 248-я стрелковая дивизия, столкнувшись с хорошо организованным противником.

В последующие дни, с 7 по 10 января 1943 г., танковая бригада во взаимодействии с 34-й гвардейской стрелковой дивизией вели тяжелые бои с 23-й танковой дивизией противника за г. Ставрополь, пос. Степной, совхоз имени Будённого и лишь к 23:00 10 января овладели х. Красный Скотовод. К 10 января армия после тяжелых боев имела в своем составе 59 119 человек, 301 орудие и 10 танков. Потери составили 367 человек убитыми, 64 – пропавшими без вести, 863 – ранеными [7: 55]. Противник в составе 23-й танковой дивизии, которая имела 30 танков, а также 16-й моторизованной дивизии продолжал оказывать активное сопротивление частям 28-й армии.

Эти события нашли отражение и в журнале боевых действий Южного фронта, где указано, что с 10 по 14 января на Южном фронте наибольшую активность противник проявлял против частей 28-й армии. Танки и пехота немцев при поддержке авиации на Пролетарском направлении перешли в наступление в районе х. Красный Скотовод. На южном берегу р. Маныч, у х. Красный Октябрь

и с. Дивное, противник также оказывал упорное сопротивление. Немцы понимали, что плацдарм у ст. Пролетарской перекрывал важную для обеих сторон переправу через р. Маныч между Пролетарской и Сальском. Плацдарм мог быть трамплином для наступления и превратиться в барьер при обороне. На какое-то время он перекрывал продвижение советских войск [6: 231]. За этот период в непрерывных боях с танками, пехотой и авиацией противника 34-я стрелковая дивизия понесла тяжелые потери, потеряв убитыми 170 человек, ранеными до 100 человек. Всего в трех полках оставалось 1700 человек. 152-я отдельная стрелковая бригада потеряла убитыми 99 человек, ранеными 145 человек [8: 11].

Поскольку 28-я армия вследствие энергичной обороны противника оказалась не в состоянии прорвать оборону плацдарма у Пролетарской и 6-я гвардейская танковая бригада потеряла все танки, 16 января 1943 г. командующий генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко отдал приказ 99-й особой стрелковой бригаде перейти замерзший Маныч юго-восточнее Пролетарской, прорвать оборону через Екатериновку в направлении на Сальск.

Сальск являлся железнодорожным и шоссейным транспортным узлом. В городе базировалась авиагруппа 52-й истребительной авиаэскадрильи, которая снабжала сталинградскую группировку частей вермахта. С потерей Сальска прекращалось и снабжение группировки, что означало окончательную потерю Сталинграда [6: 234]. Противник, понимая, что при благоприятном исходе наступления 99-й отдельной стрелковой бригады для частей 17-й танковой дивизии возникала угроза отхода, подбросил подкрепление дивизии СС «Викинг». При поддержке танков, тяжелой артиллерии и авиации немцам удалось отбросить части 99-й отдельной стрелковой бригады. Потери 99-й отдельной стрелковой бригады составили 300 человек убитыми и 159 человек пленными [6: 237]. Большие потери понесла 98-я стрелковая бригада в результате налетов вражеской авиации и непрерывных контратак танков: убитыми – 1534 человек, ранеными – 655 человек. В батальонах оставалось по 110–190 активных штыков [8: 11]. Несмотря на большие потери, армия улучшила свои позиции. Противник мелкими мотоотрядами по 3–5 танков проводил диверсионные выходы в район севернее Екатериновки и на линии

Красный Октябрь – Баранники. В последующие дни, с 17 по 22 января, части 28-й армии, наступая в направлении Сальска, продолжали вести тяжелые бои в районе р. Маныч. Сильным атакам танковых частей и авиации вермахта подверглись колхоз имени Сталина, х. Красный Октябрь, с. Екатериновка, Ново-Маныч и Баранники. Лишь в ночь на 22 января 1943 г. войскам 28-й армии удалось сломить сопротивление противника и, развивая наступление, освободить Сальск.

Несмотря на все эти трудности, благодаря высокому политико-материальному состоянию и слаженности всех родов войск 28-й армии, ей удалось сковать и частично уничтожить части противника на своем фронте. Поставленная задача по форсированию водного рубежа р. Маныч и овладению г. Сальском была выполнена.

Однако при малом количестве танковых соединений, растянутости тылов и недостаточной поддержке наземных сил авиацией замысел 28-й армии ударом через Пролетарскую выйти в район Целины, соединившись с конно-механизированной группой Закавказского фронта, и замкнуть кольцо окружения отступающего противника не был осуществлен.

Источники и литература

1. Бочаров А.Н. Из истории сел наших. 2-е изд. Элиста, 2017.
2. Великая Отечественная война: краткий научно-популярный очерк / под общ. ред. П.А. Жилина. М., 1970.
3. Журнал боевых действий Южного фронта за январь 1943 года. URL: <http://don1942.ru/svedeniya-iz-arkhiva-oborony/item/zbd-uf> (дата обращения: 22.04.2022).
4. Очиров У.Б. Наступление 28-й армии и освобождение Калмыкии в ноябре 1942 г. – январе 1943 г. // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы: сб. науч. ст. Элиста, 2014. С. 68–83.
5. Санин Д.Н. Роль 6-й гвардейской танковой бригады в боях на Сальском направлении в январе 1943 г. // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники символы: мат-лы 2-й Всерос. науч. конф., приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (г. Ростов-на-Дону, 23–24 сент. 2021 г.). Ч. 1. Ростов н/Д., 2021. С. 160–165.

6. Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943 / пер. с нем. В.Д. Кайдалова. М., 2015.
7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 64. Оп. 505. Д. 91.
8. ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 220.
9. ЦАМО РФ. Ф. 442. Оп. 8465. Д. 65.

А.А. Дукин

УЧАСТИЕ 4-го ГВАРДЕЙСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО КОРПУСА В ОСВОБОЖДЕНИИ ДОНБАССА В 1943 г.

Великая Отечественная война считается последней войной кавалерии. Однако, несмотря на общий скептицизм в отношении применения кавалерии на поле боя, она активно и довольно успешно использовалась всеми враждующими сторонами во Второй мировой войне. Особенно удачно она применялась советскими войсками против германского вермахта.

Актуальность исследования выбранной проблемы обусловлена, в первую очередь, необходимостью полного и объективного освещения деятельности кавалерийских частей в годы Великой Отечественной войны на территории Донбасса. В данной работе автор на основе научной картотеки отдела научно-исследовательской и методической работы в сфере охраны объектов культурного наследия Донецкого республиканского краеведческого музея на примере 4-го гвардейского кавалерийского корпуса постарался дать объективную оценку использования кавалерии в исследуемый период.

Целью исследования является рассмотрение участия 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса в боевых операциях на территории южных и юго-восточных районов Донбасса в августе – сентябре 1943 г. Также автор считает необходимым привести сведения об увековечении памяти о воинских подвигах этого корпуса на территории Донецкой Народной Республики (ДНР).

Изучение роли кавалерии в Великой Отечественной войне началось еще в период самой войны, причем многие обобщающие работы были написаны командирами кавалерийских частей, непосредственными участниками событий, например, книга О.И. Городовикова [5].

Этой теме посвящены статья В.И. Афанасенко и Е.Ф. Кринко [2], диссертационное исследование А.Н. Голикова [4]. Тенденция к изданию фундаментальных трудов сохраняется и на современном этапе. В качестве примера можно назвать монографию Ю.А. Аквилянова [1]. Роль кавалерии непосредственно в Донбасской стратегической наступательной операции 1943 г. рассматривается в работе донецкого исследователя Д.А. Вязова [3].

В рассмотрении роли кавалерии в Великой Отечественной войне можно выделить две основные тенденции: объективное отражение либо некоторое преувеличение этой роли в трудах советского периода и тенденцию к ее принижению в 1990-е гг. Согласно взглядам отстаивающих последнюю точку зрения авторов, использование кавалерии в годы Великой Отечественной войны было крайне неэффективным и свидетельствовало лишь об отсталости Советского Союза и низком уровне советского командования. В электронных средствах массовой информации активно, опираясь на достаточно представительную базу данных, выступают авторы, настаивающие на более объективной оценке вклада советской кавалерии в Победу и ее важной роли вплоть до окончания Великой Отечественной войны, что будет рассмотрено в дальнейшем изложении.

Исходя из задач данной статьи – рассмотрения боевого пути отдельной кавалерийской части, 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, на территории бывшей Сталинской (Донецкой) области (ныне ДНР) и отражения в деятельности корпуса тенденций, свойственных последнему историческому периоду существования конницы, – автор считает необходимым проследить боевой путь кавалерийского корпуса, опираясь на исторические справки памятников братских могил, в которых покоятся солдаты кавалерийского корпуса.

Со второй половины 1930-х гг. общемировая и отечественная тенденция в вооруженных силах изменилась в сторону сокращения кавалерийских частей. В СССР они расформировывались либо перепрофилировались в бронетанковые или стрелковые моторизованные дивизии. Действия кавалерии в будущей войне были определены уставами Красной армии 1936 и 1939 гг. Ими предписывалось кавалерии действовать совместно с танковыми и мотопехотными

подразделениями и под прикрытием авиации впереди фронта при отсутствии соприкосновения с противником, в развитии прорыва его обороны, в рейдах в тылу и при преследовании, то есть преимущественно в маневренной войне. К началу войны кавалерийский полк и кавалерийская дивизия представляли собой вполне самостоятельные боевые подразделения, имевшие свои собственные бронетанковые и зенитные части. В кавалерийском полку числилась полковая артиллерия и зенитная батарея. Согласно штатному расписанию, указанные кавалерийские соединения были защищены от своих самых страшных врагов – авиации и артиллерии [11].

Начало Великой Отечественной войны продемонстрировало некоторое превосходство кавалерии над машинами, так как большая часть автомотопарка была уничтожена в первые месяцы войны, да и дороги продолжали оставаться в весьма плачевном состоянии. Конница достаточно эффективно провела всю войну, показав себя как в оборонительных, так и в наступательных операциях. В битве под Смоленском участвовало 5 конных дивизий, под Ельней конница задержала подход вражеских резервов, в декабре 1941 г. четвертую часть состава дивизий под Москвой составляла конница. Всего к 1943 г. в Красной армии насчитывалось 250 тыс. конников, воевавших в 26 дивизиях. В Донбассе в оборонительных боях октября 1941 г., в том числе в районе г. Сталино (Донецк), участвовали 38-я кавалерийская дивизия в составе 9-й армии Южного фронта, 30, 35 и 56-я кавалерийские дивизии. Они вели оборонительные действия на юге, юго-востоке и в центре Сталинской (Донецкой) области. Кавалерийские дивизии участвовали также в локальной Чистяковской наступательной операции в конце декабря 1941 г., где пытались расширить прорыв, созданный в немецкой обороне, но под танковым ударом немцев вынуждены были отойти [12].

Символично, что один из участников обороны Донбасса генерал-майор Н.Я. Кириченко возглавил 17-й кавалерийский казачий корпус, созданный на основе кубанского (12-я и 13-я Кубанские кавалерийские дивизии) и донского (15-я и 116-я Донские кавалерийские дивизии) казачьего ополчения. Впоследствии на его основе были созданы два гвардейских казачьих кавалерийских корпуса – 4-й Кубанский и 5-й Донской. Н.Я. Кириченко, которому было присвоено звание

генерал-лейтенанта, стал командиром 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского казачьего корпуса.

С марта 1943 г. корпус был передан в подчинение Южному фронту. Вместе с 4-м гвардейским Сталинградским механизированным корпусом 4-й гвардейский кубанский казачий корпус образовал Конномеханизированную группу (КМГ), активно участвовавшую в развитии успеха после прорыва обороны немцев на Миус-фронте. Начав наступление из района поселка Донецко-Амвросиевка (ныне г. Амвросиевка, ДНР) с 27 по 31 августа 1943 г., корпус окружил и уничтожил Таганрогскую группировку немецких войск (29-й армейский корпус 6-й немецкой армии). В дальнейшем корпус вел наступление на протяжении 330 км по территории южных районов Сталинской (Донецкой) области, после 22 сентября 1943 г. перенес боевые действия на территорию Запорожской области [12].

Воины 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса захоронены в братских могилах в местах боевых действий на юге и юго-востоке Донбасса, в частности на территории Амвросиевского и Тельмановского районов.

В Амвросиевском районе расположены следующие памятники.

1. Братская могила советских воинов и памятник односельчанам (охран. № 764). Находится в Новоивановской сельской администрации, пос. Ульяновское, ул. Ленина. Памятник установлен в 1962 г. Согласно исторической справке, 27 августа 1943 г. бойцы 30-й кавалерийской дивизии генерала В.С. Головского 4-го гвардейского кавалерийского корпуса во взаимодействии с 63-м гвардейским минометным дивизионом и танковым батальоном 134-го танкового полка вели наступление в направлении с. Ульяновка. Противник встретил наступающих огнем и контратаками пехоты и танков. Авангард дивизии был остановлен, но вскоре подоспели передовые части 4-го гвардейского механизированного корпуса и освободили Ульяновку [6].

2. Братская могила советских воинов (охран. № 765). Новоивановская сельская администрация, с. Ольгинское, ул. Заречная. Памятник установлен в 1975 г. После освобождения г. Амвросиевка 23 августа 1943 г. перед частями 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенанта Т.И. Танасчишина была поставлена задача прорвать оборону в период с 20 по 26 августа 1943 г. и к рассвету 27 августа

выйти в район Ново-Хаприво. 30-й кавалерийской дивизии генерала В.С. Головского совместно с 134-м танковым полком, 4-й артиллерийской бригадой и 63-м корпусным гвардейским минометным дивизионом было приказано двигаться по маршруту через Ново-Еланчик, Шапошниково, Ольгинское. В ночь на 27 августа было освобождено с. Ольгинское. В бою за село погибло 17 солдат и офицеров [7].

3. Братская могила советских воинов (охр. № 766). Новоивановская сельская администрация, с. Павловское, ул. Степная. Памятник установлен в 1964 г. 27 августа 1943 г. кавалеристы 30-й и 10-й гвардейской кавалерийских казачьих дивизий 4-го гвардейского кавалерийского корпуса после затяжного боя овладели с. Павловка. Особое участие приняла здесь 10-я гвардейская казачья кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора Б.С. Миллерова, которая двигалась за 30-й кавалерийской дивизией во втором эшелоне. Ночью, двигаясь по заданному маршруту, сводные полки 10-й и 9-й гвардейских и 30-й кавалерийских дивизий при подходе к рубежу Павловка – Новоивановка внезапно были встречены огнем артиллерии противника, занимавшего оборону по северным окраинам этих населенных пунктов и в промежутках между ними. Командир 30-й кавалерийской дивизии генерал-майор В.С. Головской принял решение не ввязываться в бой с противником. Выдвинув к Павловке небольшое прикрытие, он свернул вправо, обошел село с западного направления и продолжил движение по своему маршруту. Командир 10-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майор Б.С. Миллеров, получив при подходе к Павловке данные о том, что у Новоивановки ведут бой части 9-й гвардейской кавалерийской дивизии, развернул части своих сил и вступил в бой за с. Павловка. К утру 27 августа село было освобождено. В боях за село погибло 17 солдат, фамилии 14 воинов неизвестны [8].

4. Братская могила советских воинов и памятник односельчанам (охр. № 767). Новоивановская сельская администрация, с. Ленинское, ул. Клубная. Памятник установлен в 1958 г. 23 августа 1943 г. бойцы 151-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии генерал-лейтенанта Г.Ф. Захарова при взаимодействии с танкистами 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенанта Т.И. Танасчиши на начали бой за освобождение села Ленинское. 26 августа 1943 г.

подошедшая сюда 9-я гвардейская кавалерийская дивизия генерал-майора И.В. Тутаринова 4-го гвардейского кавалерийского казачьего корпуса, имея в авангарде 34-й гвардейский кавалерийский полк, усиленный танковым батальоном 6-й гвардейской танковой бригады и 1815-м гвардейским самоходно-артиллерийским полком, прорвали оборону противника и овладели селами Ленинское и Киселевка. В Великой Отечественной войне принимали участие 247 жителей села, 189 из них погибли [9].

На территории Тельмановского района расположен памятник воинам-освободителям (охран. № 2099), находящийся в с. Коньково, около трассы Донецк – Новоазовск. Памятник установлен в 1984 г. Согласно исторической справке данного памятника, в бою за с. Коньково 2–3 сентября 1943 г. отличились воины 128-го отдельного танкового полка, вошедшего накануне в состав 10-й гвардейской казачьей кавалерийской Кубанской Краснознаменной дивизии 4-го гвардейского казачьего кавалерийского Кубанского корпуса как штатная единица. 128-й отдельный танковый полк был сформирован в начале декабря 1942 г. в Тамбовской области. Полк участвовал в боях с начала второй декады января 1943 г. Командовал им полковник Михаил Васильевич Сазонов. Во взаимодействии с пехотинцами из частей 37-го стрелкового корпуса 28-й армии Южного фронта (командир корпуса генерал-майор С.Ф. Горохов) танкисты 128-го танкового полка в ожесточенном бою разгромили части 3-й горнострелковой дивизии гитлеровцев, отбросив ее остатки далеко на запад. Полк при этом потерял 62 человека личного состава и 12 танков. Погибшие похоронены в братской могиле в с. Коньково на развилке дорог, ведущих на Новоазовск и Тельманово. В день уважения своим освободителям и в связи с 40-летием освобождения села в 1984 г. благодарные жители установили памятник танкистам – танк ИС-2 [10].

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что действовавшие в Донбассе кавалерийские части применяли тактику, единственно возможную в условиях войн первой половины XX столетия, – действия на узком фронте в тесном сотрудничестве с другими частями и соединениями, танковыми и моторизованными, для глубокого проникновения в тыл противника и развития успеха этих частей. Кавалерия выдержала этот своеобразный экзамен «войны моторов». В 1945 г.

число танковых соединений в Красной армии было примерно равным числу кавалерийских частей – 6 танковых армий и 7 кавалерийских корпусов. В рассмотренных в данной статье памятниках увековечены подвиги солдат, принимавших участие в освобождении Донбасса, что является неопределимо важным, так как современные события тесно переплетены с изучаемым периодом.

Источники и литература

1. *Аквильянов Ю.А.* Кавалерия на службе Отечеству. От Первой московской кавдивизии до Президентского полка. М., 2014.
2. *Афанасенко В.И., Кричко Е.Ф.* «Все рвались в бой с противником...» Действия кавалерии РККА на Южном фронте в октябре – декабре 1941 г. // Военно-исторический журнал. 2012. № 1. С. 27–34.
3. *Вязов Д.А.* Советская кавалерия в боях за Донбасс. Август – сентябрь 1943 г. // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв. Вопросы изучения и музеефикации. Сб. мат-лов II Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2020. С. 125–131.
4. *Голиков А.Н.* Роль кавалерийских частей Красной армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: на материалах II-го гвардейского кавалерийского корпуса: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
5. *Городовиков О.И.* Конница Красной армии в Отечественной войне. М., 1942.
6. Паспорт памятника истории и культуры СССР. Братская могила советских воинов и памятник односельчанам. Охр. № 764 // Научная картотека отдела научно-исследовательской и методической работы в сфере охраны объектов культурного наследия ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей».
7. Паспорт памятника истории и культуры СССР. Братская могила советских воинов. Охр. № 765 // Научная картотека отдела научно-исследовательской и методической работы в сфере охраны объектов культурного наследия ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей».
8. Паспорт памятника истории и культуры СССР. Братская могила советских воинов. Охр. № 766 // Научная картотека отдела научно-исследовательской и методической работы в сфере охраны объектов культурного наследия ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей».

9. Паспорт памятника истории и культуры СССР. Братская могила советских воинов и памятник односельчанам. Охр. № 767 // Научная картотека отдела научно-исследовательской и методической работы в сфере охраны объектов культурного наследия ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей».
10. Паспорт памятника истории и культуры СССР. Памятник воинам-освободителям. Охр. № 2099 // Научная картотека отдела научно-исследовательской и методической работы в сфере охраны объектов культурного наследия ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей».
11. Полевой устав РККА (ПУ-39). М.: Гос. воен. изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1939.
12. Тюлин В.П. 30-я кавалерийская дивизия в боях за Донбасс. Ч. 1. Оборона Донбасса 1941–1942 гг. URL: <https://infodon.org.ua/stalino/30-ya-kavalerijskaya-diviziya-v-boyakh-za-donbass-1-oborona-1941-1942> (дата обращения: 05.01.2022).

П.А. Мухаметов

**УЧАСТИЕ 5-й ВОЗДУШНОЙ АРМИИ 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА
В БУДАПЕШТСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ
(29 октября 1944 г. – 13 февраля 1945 г.)**

На перекрестке главных дорог континента, в географическом центре Европы располагается государство Венгрия. В годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Венгрия, располагая крупнейшими месторождениями бокситов, ежегодно поставляла германской военной промышленности до одного миллиона тонн руды. После того как фашистская Германия потеряла румынскую нефть, венгерский нефтяной район Надьканижа стал для нее одним из последних источников получения горючего. Большое военно-политическое значение для гитлеровской Германии имело также сохранение Венгрии в качестве верного союзника в Европе. Восстановление южного крыла восточного фронта проводилось главным образом за счет ее людских резервов. Кроме того, потеря немцами венгерской территории открывала Красной армии путь в Австрию и Южную Германию. Поэтому фашистская Германия непрерывно наращивала в Венгрии свои силы.

Все это обусловило исключительно напряженный характер боевых действий.

Боевые действия советских войск по освобождению Венгрии вылились в четыре крупные, последовательно проведенные операции 2-м Украинским фронтом (командующий Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, члены военного совета генерал-полковник И.З. Сусайков и генерал-лейтенант М.М. Стахурский, начальник штаба генерал-полковник М.В. Захаров) и 3-м Украинским фронтом (командующий Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин, члены военного совета генерал-полковник А.С. Желтов и генерал-майор В.М. Лайок, начальник штаба генерал-полковник С.П. Иванов) [2: 65–66].

После завершения Дебреценской наступательной операции (6–28 октября 1944 г.) по приказу Ставки командование 2-го Украинского фронта решило без паузы начать Будапештскую наступательную операцию с целью овладения столицей Венгрии и вывода этой страны из войны против СССР. Утром 29 октября 1944 г. штурмовые авиакорпуса в соответствии с планом операции нанесли первые удары по вражеским войскам и опорным пунктам их обороны на Кечкеметско-Будапештском направлении и оказали существенную помощь 46-й армии, 2-му и 4-му гвардейским механизированным корпусам в прорыве обороны противника юго-восточнее Будапешта. За два дня наземные войска продвинулись вперед на 30–40 км, а соединения 7-й гвардейской армии форсировали Тису, захватили на правом берегу большой плацдарм, а вскоре заняли крупный венгерский город Сольнок [3: 211].

Боевая деятельность Красной армии протекала в весьма сложных условиях – распутицы на полях Венгерской низменности, частого выпадения осадков с чередованием дождя и снегопада, раскисания дорог и полей, низкой облачности и, наконец, сильно пересеченной местности водными рубежами и горно-лесистого рельефа.

Однако, несмотря на весьма сложные метеоусловия, Будапештская наступательная операция развивалась весьма успешно, и даже тогда и там, где немецкое командование предпринимало многочисленные контратаки крупных сил пехоты, танков и самоходных орудий.

Боевые действия войск 2-го Украинского фронта в ноябре – декабре 1944 г. проводились в масштабе фронтовой наступательной

операции, с последовательным и планомерным вводом всех родов войск и армий фронта, с нарастающей силой удара. Важная роль в решении боевой задачи была отведена военной авиации, а именно 5-й воздушной армии 2-го Украинского фронта. Боевой путь 5-й воздушной армии начался в июне 1942 г. С июля 1942 г. 5-й воздушной армией командовал С.К. Горюнов (1899–1967 гг.). В мае 1943 г. армия вошла в состав Степного военного округа (с октября 1943 г. – Степной, а затем 2-й Украинский фронт) [1: 371].

В дни проведения операции бои как на земле, так и в воздухе носили упорный и ожесточенный характер. 5-я воздушная армия, завоевав прочное господство в воздухе на Будапештском направлении, штурмовыми и бомбардировочными ударами оказывала существенную и эффективную помощь войскам 2-го Украинского фронта и правого крыла 3-го Украинского фронта, как по уничтожению окруженной в Будапеште группировки противника, так и по отражению контратак крупных сил противника в районах п. Шахы и г. Естергом. 5-я воздушная армия, в тесном взаимодействии с наземными войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, оказала значительное содействие их наземным армиям в успешном наступлении и особенно эффективную помощь оказала Красной армии при отражении всех контратак противника.

Вследствие неблагоприятных метеорологических условий в конце 1944 – начале 1945 г. боевая деятельность авиации была ограниченной. Так, например, за декабрь 1944 г. летных дней было всего 6, ограниченно летных – 14, летных ночей всего – 10, ограниченно летных – 14 [4: 20]. В связи с этим действия авиации в декабре 1944 г. осуществлялись в отдельные дни, в результате чего использование авиации происходило непланомерно. Все это сказалось на выполнении боевых задач, а также на нарушении согласованности действий авиации с наземными войсками.

Следующая проблема заключалась в том, что аэродромная сеть в Центральной и Западной Венгрии оказалась слишком незначительной. Отсутствие необходимого количества хороших полей в низменностях Венгрии для работы авиации вынуждало командование 5-й воздушной армии прибегать к изысканию и оборудованию новых аэродромов, что требовало больших затрат как по объему работы,

так и по времени. Вследствие заболоченности местности и наличия подпочвенных вод затруднялось и часто было невозможным оборудование найденных площадок и тем более их использование для работы боевой авиации. В то время как авиация противника базировалась в большинстве своем на стационарных и хорошо оборудованных еще в мирное время аэродромах, советская авиация при продвижении вперед занимала аэродромы, оставленные противником и приведенные в негодность.

Противник, несмотря на большие потери в самолетах, на протяжении всего декабря 1944 г. численно увеличивал свою авиацию и к концу месяца эту численность довел до 525 самолетов (в начале месяца насчитывалось всего 460 самолетов) [4: 12]. Самолетный парк 5-й воздушной армии к началу декабря 1944 г. состоял из 846 исправных боевых самолетов, из них: 85 бомбардировщиков; 263 штурмовиков Ил-2; 403 истребителей Як и Ла-5; 57 ночных бомбардировщиков По-2; 21 самолетов-разведчиков Пе-2 и 13 корректировщиков Ил-2 [4: 24].

В первой половине декабря 1944 г. авиация противника особой активности не проявляла, а ее действия носили главным образом оборонительный характер. По мере того как советские наземные войска сжимали кольцо окружения вокруг группировки противника и г. Будапешт, его авиация проявила значительную активность как при действиях по боевым порядкам наших войск, так и в проведенных воздушных боях. Особо высокую активность авиация противника проявила в дни и периоды контратак и контрнаступления его наземных войск. В декабре 1944 г. было отмечено всего 1638 самолетов противника, из них ночью 111 самолетопрелетов. Из общего числа самолетопрелетов 50 % составили вражеские истребители [4: 12].

Основной ударной силой авиации противника в дни Будапештской наступательной операции являлись самолеты типа ФВ-190 и МЕ-109.

За декабрь 1944 г. 5-я воздушная армия произвела 8245 самолетовылетов. Следовательно, по напряжению боевой работы преимущество оставалось за советской авиацией в пропорции 5 : 1.

За декабрь 1944 г. советской военной авиацией было проведено 144 воздушных боя, в которых было сбито 158 самолетов противника при собственных потерях всего в 24 самолета. Соотношение потерь в воздушных боях составило 6,5 : 1 в пользу советской авиации.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что на всем протяжении Будапештской наступательной операции советская авиация безраздельно удерживала господство в воздухе, несмотря на проявленную активность авиации противника и более выгодные для нее условия (большинство воздушных боев происходило на вражеской территории).

Интенсивность боевых действий наземных войск и высокая динамичность боев, проведенных войсками 2-го Украинского фронта в декабре 1944 г., значительно усложнили обстановку, как наземную, так и воздушную. Следовательно, к советской авиации в дни проведения операции были предъявлены жесткие требования по качеству и точности выполнения боевых задач на поле боя.

26 декабря 1944 г. в результате двухстороннего мощного наступления войск 2-го и 3-го Украинских фронтов была полностью окружена вся Будапештская группа сил противника, стоящая на защите венгерской столицы. После отклонения предложенного ей 29 декабря 1944 г. советским командованием ультиматума капитулировать Будапештская группировка противника была обречена на уничтожение. В котле окружения оказалось 160 тыс. солдат и офицеров противника [5: 39].

Войска 2-го Украинского фронта после продолжительных упорных боев и при эффективном содействии 5-й воздушной армии ворвались в г. Будапешт и к 13 января 1945 г. овладели крупными узлами сопротивления противника, которые прикрывали центральную часть г. Пешт (восточная часть г. Будапешт).

13 января 1945 г. после перегруппировки своих соединений войска 2-го Украинского фронта в составе 8 стрелковых дивизий, вместе с приданными соединениями артиллерии всех калибров, саперными, огнеметными и подрывными частями, при мощном содействии всех родов авиации 5-й воздушной армии с севера, юга и востока приступили к штурму центральной части города Будапешт.

Бои носили ожесточенный характер на протяжении всего времени штурма. Противник, будучи уже обречен, оказывал отчаянное сопротивление и с упорством продолжал защищаться. Благодаря непрерывному воздействию советской авиации с воздуха и противодействию транспортной авиации противника в доставке боеприпасов и продовольствия осажденным войскам противника воздушным

путем, положение противника с каждым днем ухудшалось. Особенно ожесточенные бои были в районах Северного и Восточного вокзалов. Штурм центральной части города длился шесть дней. В ожесточенных боях советскими войсками была разгромлена группировка противника в восточной части города. Только пленными было взято свыше 60 тыс. солдат и офицеров противника [5: 45]. 18 января 1945 г. советские войска на всем протяжении города вышли на восточный берег р. Дунай. Тем самым войска 2-го Украинского фронта, при эффективном содействии 5-й воздушной армии, полностью выполнили поставленные перед ними боевые задачи.

Тем временем противник сосредоточил перед войсками 2-го Украинского фронта до 40 дивизий, из них 7 танковых и 3 мотомеханизированных и в течение января 1945 г. предпринял три крупных контрнаступления. В результате третьего контрнаступления крупными силами пехоты, самоходной артиллерии и танков (до 180 ед.) противнику удалось осуществить прорыв и подвижными частями к 24 января 1945 г. выйти к р. Дунай. Таким образом, обстановка, и без того сложная, стала критичной для войск 3-го Украинского фронта. Однако благодаря мужеству и стойкости наземных войск 3-го Украинского фронта и эффективной поддержке авиации двух фронтов (5-й и 17-й воздушных армий) контрнаступление дальнейшего успеха не имело [5: 8–9].

В январе 1945 г., так же как и в декабре 1944 г., воздушная обстановка для 5-й воздушной армии была весьма сложной. Боевая деятельность протекала одновременно на двух и более оперативных направлениях в силу того, что этого требовала наземная обстановка и интересы наземных войск. Несмотря на это координированные действия воздушных армий обеспечили успешное выполнение боевых задач авиации и тем самым оказали значительное содействие войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов как при отражении контрнаступления противника, так и по уничтожению войск и техники окруженной Будапештской группировки противника.

Дислокация частей 5-й воздушной армии полностью обеспечила выполнение поставленных боевых задач, несмотря на то, что в течение января 1945 г. частям приходилось действовать по отражению контрнаступления противника как на северном участке 2-го Украин-

ского фронта, так и на участке 3-го Украинского фронта. Для более эффективного и непрерывного воздействия на противника в г. Будапешт штурмовые и истребительные авиачасти были приближены к линии фронта до 3–8 км (на окраины города), что значительно повысило напряжение на каждый самолет и предоставило возможность выполнять боевые задачи даже при самых сложных метеорологических условиях, так как цель была на расстоянии до 10 км от аэродромов. Близкое базирование взаимодействующих авиационных и наземных частей в данной обстановке представляло возможность летному составу изучать цели личным визуальным осмотром, что значительно повышало эффективность и облегчало выполнение самого боевого задания.

За январь 1945 г. 5-я воздушная армия произвела всего 10 706 боевых самолетовылетов. Летным составом армии было проведено 120 воздушных боев, в результате которых было сбито 128 самолетов противника при собственных потерях в воздушных боях в 20 самолетов, что составляет соотношение потерь 6,4 : 1 по-прежнему в пользу советских авиачастей.

Самолетный парк 5-й воздушной армии на завершающем этапе операции к концу января 1945 г. численно уменьшился с 949 самолетов до 787. Уменьшение самолетного парка объясняется в первую очередь боевыми потерями, которые к концу операции составили 50 самолетов. Во-вторых, значительными оказались небоевые потери – 26 самолетов (и это только за декабрь 1944 г.). В-третьих, неудовлетворительной оказалась работа ремонтных органов, которые за ноябрь и декабрь 1944 г. приняли в ремонт 74 самолета, а выпустили из ремонта за этот же период только 12 самолетов. Еще 96 самолетов были переданы в другие части [4: 28–29].

Всего же за период Будапештской наступательной операции поступило на ремонт 240 самолетов, а было отремонтировано всего 13, что составило 5% [5: 36]. Работа ремонтных органов командованием воздушной армии была признана неудовлетворительной.

13 февраля 1945 г. почти двухмесячные бои по ликвидации окруженной в районе Будапешта 188-тысячной группировки противника завершились. В этой операции были уничтожены значительные оперативные резервы гитлеровцев, созданы благоприятные

условия для дальнейшего продвижения советской армии в Австрию, а через нее – в южную Германию.

Таким образом, Будапештская наступательная операция (с 29 октября 1944 г. по 13 февраля 1945 г.) стала одной из самых продолжительных наступательных операций в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В результате предпринятой операции войска 2-го Украинского фронта, при эффективной поддержке 5-й воздушной армии, полностью освободили северную часть Венгрии, вышли на территорию Чехословакии, где успешно очистили ряд провинций и городов от фашистских войск. В результате операции войска 2-го и 3-го Украинских фронтов соединились в районе г. Естергом и тем самым прочно закрыли двери к Будапештской группировке противника, а с другой стороны, был взят «ключ от ворот Черного хода» в Германию [4: 5].

За умелое командование армией, личное мужество и героизм в боях командующему 5-й воздушной армии 2-го Украинского фронта генерал-полковнику авиации С.К. Горюнову 28 апреля 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза [1: 371–372].

В битве за г. Будапешт 5-я воздушная армия накопила богатый опыт ведения боевых действий при прорыве войсками фронта мощных оборонительных рубежей, отражении контратак больших группировок танков и мотопехоты, а также в организации взаимодействия авиации с наземными войсками в период уличных боев в крупных населенных пунктах.

Всего за годы войны 5-я воздушная армия совершила около 180 тыс. самолетовылетов. За боевые отличия 26 частей и соединений преобразованы в гвардейские, многие награждены орденами и удостоены почетных наименований. Свыше 16 тыс. воинов армии награждены орденами и медалями, 139 летчикам и штурманам присвоено звание Героя Советского Союза, а Н.Д. Гулаев, К.А. Евстигнеев, С.Д. Луганский, Г.А. Речкалов удостоены этого звания дважды.

Источники и литература

1. Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. М.; Жуковский, 2005.

2. Гуркин В.В. Освобождение Венгрии // Военно-исторический журнал. 1981. № 4. С. 65–71.
3. Давтян С.М. Пятая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 5-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1990.
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 327. Оп. 4999. Д. 171.
5. ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 275.

Н.И. Медвенский

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ ГОСПИТАЛЕЙ
НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 гг.**

В ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на территории Абхазской АССР функционировало 46 госпиталей различного профиля и ведомственной принадлежности [18: 5]. Характерной особенностью организации сети данных медицинских учреждений в республике стало то, что большинство из них было развернуто на базе переоборудованных санаторно-курортных учреждений – пансионатов, санаториев, домов отдыха. Абхазия стала крупной госпитальной базой юга СССР, через которую за четыре военных года прошло до 200 тыс. советских солдат и офицеров. Неудивительно, что она получила широкую известность как республика-здравница, где приближали победу, возвращая в строй раненых бойцов Красной армии и Военно-морского флота.

К сожалению, деятельность госпиталей на территории Абхазской АССР в ходе войны до настоящего времени не стала объектом отдельного исследования. В общих чертах данная проблема была затронута в работах И.Г. Ростюцкого [19] и М.К. Кузьмина [13], а также ряде других исследований, посвященных организации медицины в советском военном тылу [15; 20]. Вклад республик Закавказья в восстановление здоровья советских воинов показан в книге С.Г. Мушкина [14], содержащей отдельные материалы и по Абхазии. Более объемно деятельность Грузинской ССР (в состав которой в рассматриваемый период входила и Абхазская АССР) в данном направлении освещается

в работах Н.Р. Шашикашвили [21] и Т.Ч. Георгадзе [8]. Последние, однако, были написаны на основе ограниченного круга источников по истории эвакуационных госпиталей, при этом по Абхазской АССР рассматривается лишь госпиталь 2456. В абхазской советской историографии проблематика помощи раненым и больным советским воинам получила отражение в работах Ш.Д. Гогохия [9] и Л.М. Прицкера [17; 18].

Представляется, что исследование истории военных госпиталей, функционировавших на территории Абхазской АССР в 1941–1945 гг., позволило бы более полно раскрыть вклад этой закавказской республики в Великую Победу.

После нападения Германии на СССР в Абхазии началась перестройка народного хозяйства на военный лад. 30 июня 1941 г. Совет народных комиссаров (далее – Совнарком) Абхазской АССР дал указание Народному комиссариату здравоохранения (далее – Наркомздрав) автономной республики в кратчайшие сроки законсервировать все санаторно-курортные учреждения. Многие из них переоборудовались в госпитали. Одновременно с этим важной задачей, стоящей перед Наркомздравом и Главным курортным управлением (далее – Главкуртур) Абхазской АССР, являлось сохранение санаториев, пансионатов и домов отдыха и их оборудования, основных квалифицированных кадров, перестройка работы подсобных хозяйств на обслуживание госпиталей.

Циркуляром от 19 июля 1941 г. Наркомздрав СССР и санитарное управление РККА установили, что госпитали, развертываемые Наркомздравом союзных республик, в своей лечебной и административно-хозяйственной деятельности будут подчиняться органам здравоохранения на местах, в оперативном же отношении (использование коечного фонда, прием и выписка больных, перевод из госпиталя в госпиталь) – эвакуационному пункту, к которому приписаны [11: 34]. Однако принадлежность госпиталей трем различным ведомствам – Наркомздраву, Наркомату обороны и ВЦСПС – затрудняла эффективное руководство ими, поэтому Государственный комитет обороны СССР в своем постановлении от 22 сентября 1941 г. определил порядок взаимоотношений между ними. Все госпитали, включенные в состав госпитальных баз тыла, передавались в ведение Наркомздрова СССР [15: 202]. 28 сентября 1941 г. Совнарком Абхазской АССР и Абхазский

обком КП(б) Грузинской ССР приняли постановление о создании при Наркомздраве Абхазской АССР отдела по руководству эвакуогоспиталями. Начальником отдела был назначен заместитель наркома здравоохранения автономной республики А.Д. Шония [1: 210]. Для руководства лечебной деятельностью госпиталей была введена должность хирурга-консультанта, на которую назначили опытного хирурга кандидата медицинских наук В.А. Шервашидзе [11: 37].

12 августа 1941 г. Совнарком Грузинской ССР принял постановление о создании на базе туберкулезного санатория им. В.И. Ленина в поселке Гульрипш, расположенном в 15 км от Сухуми, эвакуогоспиталя (далее – ЭГ) 2456 на 1200 коек (начальник – военврач 2-го ранга М.С. Вартанов). Развертывание госпиталя на 400 коек (т.е. на $\frac{1}{3}$ от изначально запланированного числа) завершилось 19 августа [5: 176].

В этом же месяце в поселке Агудзера на базе профсоюзной туберкулезной здравницы был создан ЭГ 2457. В начальный период деятельности оба вышеуказанных госпиталя обслуживали инфекционных больных из частей и соединений 46-й армии Закавказского фронта, а также из числа советских военнослужащих, участвовавших в Иранской экспедиции. К концу года в ЭГ 2457 было развернуто 372 койки, а на излечении находились 369 человек.

Летом 1941 г. в зданиях дома отдыха Черноморского флота разместились базовый лазарет (далее – БЛ ЧФ) 57 [15: 396]. Кроме того, в сентябре 1941 г. здание железнодорожной больницы в Сухуми было предоставлено инфекционному госпиталю (далее – ИГ) 2280.

Особое значение в налаживании работы эвакуогоспиталей сыграло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 октября 1941 г. «Об организации Всесоюзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии». Местные органы данного комитета формировались из представителей партийных, комсомольских, профсоюзных и общественных организаций. В постановлении определялись задачи комитетов: организация широкой общественной помощи органам здравоохранения в деле обслуживания раненых и больных воинов, повседневный контроль и наблюдение за работой госпиталей, организация шефства предприятий и учреждений над ними, помощь в хозяйственном содержании и оборудовании помещений, приеме и распределении подарков для раненых и больных,

помощь в приеме и транспортировке раненых, прибывающих в тыловые госпитали, помощь в проведении культурно-политической работы среди раненых [12: 311]. 10 октября 1941 г. во исполнение вышеуказанного постановления при Абхазском обкоме ЦК ВКП(б) ГССР был создан Комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии под председательством второго секретаря обкома А.И. Мирцхулава [1: 268].

По мере продвижения немецких войск вглубь СССР неблагоприятно складывающаяся обстановка на фронте повлекла за собой отправку ряда эвакуогоспиталей из прифронтовой полосы в тыл. Так, 11 ноября 1941 г. из Мариуполя в Сухуми прибыл ЭГ 3445 (начальник – военврач 3-го ранга С.Я. Гурфинкель). 22 ноября госпиталь, развернутый в доме отдыха «Синоп», был готов к приему раненых. В тот же день его командование получило задание в срочном порядке увеличить число коек на 20 %, что и было выполнено. Именно в ЭГ 3445 были размещены первые раненые, доставленные в Абхазию морем с Крымского фронта через Сухумский порт в конце ноября. В этом же месяце в Гудауту прибыл эвакуированный также из Мариуполя ЭГ ЦК Союза угольщиков Донбасса 1335, рассчитанный на 400 коек и развернутый на базе профсоюзных домов отдыха «Волга» и «Скороход». Тогда же Совнарком Абхазской АССР и Абхазский обком КП(б) ГССР передали во временное пользование военному ведомству дом отдыха ЦК рабочих Военпрома в Гагре для размещения эпидемиологического госпиталя, вскоре передислоцированного за пределы республики.

10 января 1942 г. Совнарком Абхазской АССР и бюро Абхазского обкома КП(б) ГССР приняли постановление, согласно которому для размещения эвакуированных в Абхазию госпиталей отводились помещения санатория им. И.В. Сталина в г. Гагра (300 коек), помещение санатория «Абхазия» в пос. Новый Афон (200 коек), помещение фельдшерской школы в г. Сухуми (200 коек). Одновременно с этим Совнарком Грузинской ССР был поставлен в известность, что ЭГ 2456 в пос. Гульрипш может быть расширен еще на 200 коек. На обустройство данных помещений Наркомздравом Грузинской ССР было ассигновано 45 тыс. рублей.

20 января 1942 г. в Гагре в здании санатория им. героев-летчиков и челюскинцев приказом Управления госпиталей ВЦСПС по Грузин-

ской ССР был открыт филиал Главного военно-морского госпиталя Черноморского флота. В мае 1942 г. он перешел в ведение местного эвакуационного пункта МЭП-104 в качестве ЭГ 4153 [10: 3]. Кроме того, в 1941–1943 гг. в Очамчире функционировал БЛ ЧФ 53 [15: 396].

Во второй половине 1942 г., когда немецко-фашистские войска подошли к территории Абхазии, а затем через перевалы Главного Кавказского хребта вторглись в ее пределы, значительно возросло число дислоцированных здесь госпиталей разного профиля. В Сухуми функционировали 57 БЛ ЧФ, 127-й эвакуприемник, полевые передвижные госпитали (далее – ППГ) 212, 2138, 4320, 4322, 5201, в Гагре – ИГ 2280, ЭГ 1719, 3201, 3206, в Гудауте – ЭГ 2343. Поступление и эвакуация раненых регулировались сначала полевым эвакуопунктом ПЭП-5 Черноморского флота, затем головным эвакуопунктом ГПЭП-127, а впоследствии местным эвакуопунктом МЭП-101 [6: 134об.].

В ходе боевых действий вблизи территории Абхазии и в ее пределах, с целью рационального распределения раненых и больных, было создано два сортировочных эвакуогоспиталя (далее – СЭГ). С 9 августа 1942 г. ЭГ 2456, ранее выполнявший функции передового полевого госпиталя, был реорганизован в сортировочный. Поток раненых стремительно увеличивался, что создавало трудности, вызванные недостаточной емкостью сортировочного отделения, недоукомплектованностью штата, а также тем, что персонал госпиталя не успел довести число коек до предусмотренных 1200. Положение улучшилось, когда в состав ЭГ 2456 был влит медперсонал и имущество ЭГ 3445, расформированного решением Совнаркома Абхазской АССР и Абхазского обкома КП(б) ГССР от 3 сентября 1942 г.

Другой сортировочный эвакуогоспиталь СЭГ 3201 был передислоцирован в Абхазию из ст. Белореченской и начал функционировать в Гагре 28 августа 1942 г. Он работал как перевалочный – в стационаре оставались лишь тяжелораненые, нуждающиеся в операционном вмешательстве. После приведения их в транспортабельное состояние они отправлялись в г. Сухуми. Эвакуация осуществлялась всеми доступными видами транспорта. Большинство ходячих раненых отправлялось автомашинами, тяжелораненые – исключительно самолетами, а легкораненые со сроком лечения до 30 дней отбирались для перевода в развернутый в Гагре для них же госпиталь

для легкораненых 1818 [4: 37]. Он находился в Абхазии в период с 20 декабря 1942 г. по 8 апреля 1943 г.

Немногим более месяца, с 16 августа по 20 сентября 1942 г., в Гагре находился ЭГ 1779. Там же с 14 августа по 10 сентября функционировал ЭГ 3206, впоследствии передислоцированный в Сочи. В октябре 1942 г. временно был свернут ЭГ 4153. С 15 августа до 1 сентября 1942 г. в Гудауте функционировал ЭГ 2343, а на завершающем этапе войны – БЛ ЧФ 124.

7 сентября 1942 г. в Сухуми прибыл полевой передвижной госпиталь 4320, переданный в распоряжение 46-й армии Закавказского фронта. Он был направлен в с. Адзюбжа, где развернут в здании местной школы и рассчитан на 100 коек. Госпиталь находился в Адзюбже до 20 декабря, а затем был переведен в здание 2-й Сухумской городской больницы. 10 сентября 1942 г. в Сухуми также прибыл эвакуационник 127, функционировавший там с 25 сентября до 10 июня 1943 г. [2: 1].

15 сентября 1942 г. в распоряжение санитарного отдела 46-й армии прибыл хирургический ППГ 212 (начальник – Шукин, комиссар – Смирнов), развернутый в с. Дранда. Госпиталь принимал исключительно тяжелораненых с передовых позиций в горах и доставленных морем из Новороссийска. По прибытии в госпиталь раненые получали санитарную и хирургическую обработку, приводились в транспортабельное состояние и подготавливались для дальнейшей эвакуации. За полтора месяца через госпиталь прошло до 1800 человек. 1 ноября ППГ 212 был передислоцирован в Сухуми, где проработал почти до конца года, и 21 декабря отбыл на станцию Лазаревское [3: 23].

Несмотря на то что в середине января 1943 г. немецкие войска отступили с перевалов Главного Кавказского хребта и боевые действия на территории Абхазии прекратились, в республику продолжало прибывать большое количество раненых. В СЭГ 3201 в Гагре, где на лечении находилось 435 раненых, в течение месяца поступило еще 7385 человек. Во второй половине января здание санатория им. героев-летчиков и челюскинцев уже не вмещало возросшее количество раненых, поэтому госпиталю было отведено здание средней школы с отделением на 1000 ходячих раненых. В феврале через СЭГ 3201 прошло 4720 советских солдат и офицеров [4: 20]. 10 марта госпиталь был передислоцирован в Сочи.

На смену СЭГ 3201 прибыло головное отделение полевого эвакуационного пункта ГОПЭП-49, принявшее находившихся на излечении в здании санатория им. героев-летчиков и челюскинцев 200 нетранспортабельных больных. 20 мая ГОПЭП-49 был передан в подчинение Северо-Кавказского фронта и переброшен в г. Краснодар.

В апреле 1943 г. в Гагре вновь был развернут ЭГ 4153 (начальник – В.Ф. Гуния). 27 апреля начался прием имущества от ГОПЭП-49, а в мае был объявлен набор сотрудников, часть из которых перешла в ЭГ 4153 из эвакуационного пункта.

В 1943 г. лечебные учреждения Сухумской базы госпиталей работали в авральном режиме. Так, в ППГ 4320, расположившемся в здании 2-й Сухумской городской больницы, в феврале число раненых и больных возросло вдвое. Госпиталь получил указание ближе подтянуться к линии фронта и 30 апреля был передислоцирован в г. Сочи.

К середине 1943 г. в ЭГ 2456 было развернуто до 1000 коек на 1200 штатных. Увеличилось количество терапевтических больных, что было связано с передислокацией ряда госпиталей, расположенных в Сухуми, и переводом их больных в Гульрипш. Всё больше больных выписывалось непосредственно в воинские части.

В период битвы за Кавказ через госпитали, находящиеся на территории Абхазии, прошло более 150 000 раненых и больных советских воинов. Раненые поступали в основном из Крыма, Северного Кавказа, с Кубани, а во время боев на абхазских перевалах – непосредственно с гор. Работа госпиталей явилась одной из слагаемых помощи, которые трудящиеся республики оказали фронту.

После окончания войны госпитали, дислоцированные на территории Абхазии, стали сворачивать работу. 9 августа 1945 г. Наркомздрав Грузинской ССР принял решение о расформировании ЭГ 2456, однако по ряду обстоятельств это произошло 15 февраля 1946 г. В августе 1945 г. Управление госпиталей ВЦСПС по Грузинской ССР дало указание о сокращении штата ЭГ 4153 в Гагре до уровня санаторного. В сентябре 1945 г. санитарное управление Закавказского фронта направило в госпиталь первых отдыхающих – офицеров и членов их семей. Последние раненые покинули Гагру 10 октября 1945 г., после чего госпиталь был расформирован [7: 92].

Заслуги работников госпиталей были высоко оценены властями. Еще в 1942 г. начальник ЭГ 2456 военврач 3-го ранга Н.И. Шубладзе был награжден медалью «За трудовую доблесть», а в 1946 г. – почетной грамотой Наркомздрава ССР. Аналогичные грамоты получили еще ряд врачей. Значительное число сотрудников госпиталей были награждены медалью «За оборону Кавказа», а несколько – значками «Отличник здравоохранения». Это явилось данью уважения и благодарности самоотверженному труду работавших в Абхазии советских врачей и медицинских работников, в годы войны спасших свыше двух сотен тысяч человеческих жизней и тем внесших вклад в Великую Победу.

Источники и литература

1. Абхазия в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.): сб. док. / гл. ред. Г.А. Дзидзария. Сухуми, 1978.
2. Архив военно-медицинских документов (далее – АВМД). Ф. 408. Оп. 48163. Д. 1.
3. АВМД. Ф. 3036. Оп. 13411. Д. 1.
4. АВМД. Ф. 6217. Оп. 70056. Д. 2.
5. АВМД. Ф. 6697. Оп. 31032. Д. 19.
6. АВМД. Ф. 6697. Оп. 71032. Д. 7.
7. АВМД. Ф. 8022. Оп. 69121. Д. 34.
8. *Георгадзе Т.Ч.* Эвакогоспитали Грузии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Тбилиси, 1985.
9. *Гогохия Ш.Д.* Здравоохранение в Абхазии. Сухуми, 1966.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2481. Оп. 41072. Д. 105.
11. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: сб. док. и мат-лов / отв. сост. Л.И. Завалищенко. М., 1973.
12. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: документы 1917–1968. М., 1969.
13. *Кузьмин М.К.* Советская медицина в годы Великой Отечественной войне: очерки. М., 1979.
14. *Мушкин С.Г.* Всенародная помощь раненым воинам в годы Великой Отечественной войны. Тбилиси, 1971.
15. Очерки истории советской военной медицины / под ред. Д.Д. Кувшинского, А.С. Георгиевского. Л., 1968.

16. *Пачулия В.М.* Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сухум, 2015.
17. *Прицкер Л.М.* Курорты Абхазии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 8713 от 12.II.81.
18. *Прицкер Л.М.* Курорты Абхазии в военные годы // Советское здравоохранение. 1985. № 2. С. 47–48.
19. *Ростоцкий И.Б.* Тыловые эвакуогоспитали: очерки по организации лечения больных и раненых воинов Советской Армии в тыловых эвакуогоспиталях Нар. ком. здравоохранения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1967.
20. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. С.К. Куркоткина. М., 1977.
21. *Шашикашвили Н.Р.* Этапы развития здравоохранения в Грузии. Тбилиси, 1973.

Раздел 3

Без срока давности: преступления нацистов и коллаборационистов на оккупированных территориях и их последствия¹

С.А. Кропачев

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ХОЛОКОСТА В СССР: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Изучение истории Холокоста на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны стало одним из быстро развивающихся направлений в современной российской историографии [2; 8; 9; 16]. В то же время многие вопросы данной темы сохраняют дискуссионный характер. Особенно это касается установления численности еврейских жертв нацизма, от которой нередко зависит общая оценка Холокоста.

Первая общая оценка жертв Холокоста в Европе – 6 млн человек – была названа на Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками и закреплена в его приговоре в 1946 г. Судьи опирались при этом на показания самих обвиняемых и их собственные подсчеты численности уничтоженных ими евреев. Однако нацисты к концу войны стремились стереть все следы своих преступлений, вывозя или уничтожая останки казненных и замученных людей. Поскольку еврейские общины во многих населенных пунктах полностью погибли, не осталось и живых свидетелей, которые могли сообщить имена погибших. Случайно выжившие евреи нередко

---

¹ Раздел подготовлен в рамках проекта № 21-1-019631 «Без срока давности» Фонда президентских грантов.

ничего не знали о судьбе своих родственников и не указывали их в числе погибших, надеясь на то, что те остались живы.

Наиболее полные персональные сведения содержатся в Центральной базе данных имен жертв Холокоста, созданной в Мемориальном комплексе катастрофы и героизма еврейского народа «Яд Вашем» в Израиле. Впервые она появилась в свободном доступе в 2004 г. и содержала тогда данные примерно о 3 млн евреев. В настоящее время в ней приводятся персональные данные о 4,7 млн человек [17].

М.И. Семиряга считал, что за годы Второй мировой войны и оккупации, по неполным данным, погибло более 7 млн евреев, в том числе в странах Центральной и Восточной Европы – 5,7 млн человек, на Балканах – 0,5 млн человек, в странах Западной и Северной Европы – 0,3 млн человек [13: 574]. Многие российские и зарубежные исследователи Холокоста определяют численность его жертв в диапазоне от 5 до 6 млн человек, хотя существуют и другие мнения по данному вопросу.

Определенные расхождения вызывает и численность жертв Холокоста в СССР. Изучение рассматриваемой проблемы в определенной степени ограничивается возможностями имеющихся в распоряжении исследователей источников. Главными источниками выступают акты и иные документы (свидетельские показания, протоколы допросов, заявления, итоговые списки, справки и др.), собранные и составленные Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) и региональными комиссиями содействия ЧГК.

Однако в актах ЧГК, особенно составленных на территории оккупированных областей и краев РСФСР, не всегда приводилась национальность жертв нацистского террора, нередко в них фигурировали «мирные граждане» без указания национальной принадлежности. Нередко члены ЧГК действительно не могли установить личность и национальность погибших, немало жертв при эксгумации остались неопознанными. Современные исследователи отмечают трудности в работе комиссий различного уровня, грубые ошибки при подсчетах [15: 111], а также воздействие политики при подведении итогов:

«национальный и прежде всего еврейский фактор намеренно затушевывался в сводных документах» [16: 1061].

Другие источники – отчетные и делопроизводственные документы немецких и местных оккупационных органов власти – также содержат неполные сведения. К тому же к части документов, в основном хранящихся в региональных архивах, доступ исследователей остается ограниченным [10: 218–220], а часть документов, которые могли бы пролить свет на рассматриваемые вопросы, вообще не найдены. Например, в Ростове-на-Дону не обнаружены книги регистрации евреев перед их уничтожением в августе 1942 г. [11: 147].

Поэтому исследователи при выяснении масштабов Холокоста обращаются к данным текущей и итоговой статистики, прежде всего к переписям населения 1939 г. и 1959 г., позволяющим определить численность евреев в СССР накануне и после войны. В то же время в историографии отмечалась фальсификация итоговых данных Всесоюзной переписи населения 1939 г. [7] (напротив, перепись 1959 г. отличалась более высокой степенью достоверности). При определении разницы между показателями двух переписей необходимо учитывать влияние естественного прироста и естественной смертности, внешних миграций и ассимиляционных процессов на динамику численности еврейского населения. Не в полной мере статистические данные раскрывают и изменения в его численности, происходившие непосредственно в годы Великой Отечественной войны вследствие миграций, эвакуации, мобилизации на фронт и других обстоятельств.

Трудности в подсчетах обуславливают целесообразность отдельного учета погибших евреев – советских граждан и беженцев из других стран. Исследователи также разделяют погибших по видам потерь: на жертв массовых расстрелов, погромов, лагерей уничтожения и нацистских рабочих лагерей, а также погибших в гетто от «естественных причин» (голода и болезней); по времени их гибели и другим критериям, – однако произвести точные подсчеты не всегда возможно.

Вызывают дискуссию вопросы о том, кого считать или не считать жертвами Холокоста: в зависимости от его решения можно говорить о более «широком» или «узком» понимании рассматриваемой проблемы. Например, отдельные исследователи причисляют к жертвам Холокоста цыган, считая, что политика нацистов по отношению

к ним строилась на тех же принципах, что и в отношении евреев, и была направлена на их полное уничтожение. Другие авторы, полагая, что политика нацистов по отношению к цыганам имела определенные отличия, выступают против того, чтобы считать их жертвами Холокоста. Тем не менее в энциклопедии Холокоста на территории СССР представлена отдельная статья о цыганах. Здесь отмечается, что всего на оккупированной территории СССР, по предварительным данным, погибло от 30 до 50 тыс. цыган [16: 1047–1056]. Всего же, по мнению М.И. Семиряги, от гитлеровского геноцида, по неполным данным, погибло около 500 тыс. цыган из многих стран Европы. На основании этого он делал вывод о том, что «масштабы физического истребления еврейского населения в Европе... отходят на задний план в сравнении с массовым геноцидом цыган» [13: 574–575].

Дискуссию порождают и казненные (в основном в первый год войны) советские военнопленные, не являвшиеся евреями, но принятые за них по внешним признакам и особенностям речи (кавказцы, крымские татары и др.) или даже сходству фамилий (например, немцы Поволжья). Такие же вопросы связаны с погибшими вместе с евреями членами их семей, имевшими иную национальность (женами, мужьями, вместе с их собственными детьми от других браков и пр.). Ряд авторов предлагает считать их жертвами Холокоста нееврейского происхождения.

Споры идут о погибших евреях-военнопленных: считать их жертвами преступлений нацистов против евреев или против советских военнопленных, судьба которых также была чрезвычайно трагична? Часть авторов сходится в том, что они одновременно испытывали преследования и как евреи, и как красноармейцы. Количество погибших евреев-военнопленных определяется в диапазоне от 55–70 до 80 тыс. человек из их общей численности в 60–85 тыс. человек, при этом отмечается, что вторая оценка, «соответствующая 94 % смертности евреев в немецком плену», представляется более реалистичной [16: 168, 170]. В то же время жертвами Холокоста не являются еврей-военнослужащие действующей армии, погибшие в ходе боевых действий в 1941–1945 гг., что порождает необходимость вычитать их из общего количества потерь еврейского населения в годы Великой Отечественной войны.

В советской историографии данные об общем количестве жертв Холокоста принижались, во многом для того чтобы не давать новых поводов нацистской пропаганде. Поэтому при подсчетах рассматривалась советская территория в границах 1939 г., не учитывались евреи, проживавшие на территориях Западной Белоруссии и Западной Украины, Прибалтики и Молдавии, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. (около 2 млн человек). Общие потери еврейского населения в период нацистской оккупации в советской историографии определялись в 0,5–0,8 млн человек [3: 20].

В современной историографии получены более полные и достоверные сведения о масштабе Холокоста в СССР. В частности, установлено количество гетто на оккупированной советской территории. И.А. Альтман в своей монографии указал, что на оккупированной советской территории было создано свыше 800 гетто [1: 104]. В энциклопедии по истории Холокоста в СССР названа 1 тысяча мест временного содержания евреев. В данной связи ее авторами отмечается: «Такого числа гетто не было ни в одном из оккупированных нацистами европейских государств» [16: 7].

В обобщающем труде по истории Великой Отечественной войны численность погибших евреев определена в 1,05 млн человек [5: 123]. Однако эта цифра исследователями Холокоста подвергается резкой критике как явно заниженная [1: 15]. В «Российской еврейской энциклопедии» говорится, что на оккупированной советской территории оставалось до 3 млн евреев, а погибло около 2 млн человек [12: 20]. Б.В. Соколов считает, что на советской территории было уничтожено от 2 до 3 млн евреев, включая 0,5 млн иностранных граждан [14: 117].

И.А. Альтман на основе анализа советской и нацистской статистики и региональных исследований проблемы определил общую численность жертв Холокоста в СССР в 2805–2838 тыс. человек. При этом он выделил три этапа уничтожения еврейского населения: 1) с начала войны до конца января 1942 г. (времени проведения Ванзейской конференции) – 1242–1270 тыс. человек; 2) с февраля 1942 г. по октябрь 1943 г., когда была завершена ликвидация гетто, – 1512–1517 тыс. человек; 3) с ноября 1943 г. до конца войны – 51 тыс. человек [1: 303–304]. Суммировав данные о гибели евреев в Ставропольском и Краснодарском краях, Курской, Ростовской, Московской, Тульской,

Тверской, Смоленской, Орловской, Волгоградской и других областях, он также впервые назвал обобщающую цифру жертв Холокоста в границах современной России: от 119 210 до 140 350 человек. При этом И.А. Альтман не учитывает данные, приводившиеся краеведами Смоленска и Ростова-на-Дону, по которым погибло еще свыше 50 тыс. евреев, поскольку они не имели достаточных документальных подтверждений [1: 286].

Согласно уточненным данным, полученным М.С. Куповецким при помощи метода этнодемографического баланса в сочетании с использованием ведомственной статистики и других источников, численность непосредственных жертв Холокоста на оккупированной территории СССР составила 2351 тыс. человек. В результате сравнения численности евреев до и после войны он установил, что 2656 тыс. человек – потери населения в довоенных границах СССР. Из этой цифры вычитаются 160 тыс. человек – фактические безвозвратные потери евреев-военнослужащих, ополченцев, партизан и подпольщиков, 50 тыс. человек – потери мирного еврейского населения в прифронтовой полосе, 80 тыс. человек – избыточная смертность еврейского населения в советском тылу, 15 тыс. человек – смертность евреев – узников ГУЛАГа. Разница между оценками М.С. Куповецкого и И.А. Альтмана, опирающегося на документальные источники, составляет 454–487 тыс. человек. Сам М.С. Куповецкий объясняет ее как разницу между теми жертвами, которые фигурировали в официальной статистике как евреи, и непосредственными жертвами Холокоста, включавшими лиц еврейского и частично еврейского происхождения. Они не рассматривались в официальной статистике как евреи, но попали под действие нацистских расистских законов об уничтожении. Кроме того, в нацистской и советской статистике учитывались еврей-беженцы из нацистской зоны оккупации Польши и Румынии. Между тем из 280–435 тыс. евреев-беженцев немногим более 200 тыс. человек репатриировались после войны из СССР в Польшу и Румынию. Не учитываются также жертвы среди евреев – иностранных граждан, привезенных нацистами и их союзниками из Германии и оккупированных стран Европы в Белоруссию и Украину и там уничтоженных (не менее 80–100 тыс. человек). В целом, согласно данным

подсчетам, на евреев приходится более 10 % от 26,6 млн человек – всех потерь советского населения в период Великой Отечественной войны, – в то время как они составляли только 2,5 % населения СССР до войны [16: 780–786].

В последнее время вышли новые исследования, посвященные демографическим последствиям Великой Отечественной войны для отдельных регионов, РСФСР и СССР в целом. В частности, в обобщающем исследовании, подготовленном в Южном научном центре РАН, приводятся обобщающие данные по жертвам нацистской оккупации в южных регионах СССР. Жертвы среди гражданского населения определены в 1 091 404 человека, в том числе 316 773 человека, погибших в южных регионах РСФСР. Значительную часть из них – не менее 138 тыс. человек – по мнению авторов, составляли евреи [6: 549–550].

Новым шагом в развитии источниковой базы стало издание в 2020 г. в рамках федерального проекта «Без срока давности» 23 томов документов, извлеченных из фондов федеральных и региональных архивов [4]. В основном они включали материалы ЧГК и ее региональных комиссий содействия. Всего за год в научный оборот введены несколько тысяч документов, позволяющих существенно расширить представления о событиях нацистской оккупации и ее трагических последствиях.

Перспективной задачей российских исследователей остается дальнейшая разработка вопросов уничтожения еврейского населения на оккупированной территории РСФСР, выявление степени ответственности за это различных карательных структур, административных и полицейских органов, коллаборационистов, роли местного населения в гибели и спасении евреев. Решение указанных задач требует использования различных способов анализа и сопоставления данных разных источников: статистики, немецких и советских документов, личных свидетельств.

Источники и литература

1. *Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002.*

2. *Альтман И.А.* Историография и источники о Холокосте на территории СССР // Холокост – Сопротивление – Возрождение. Еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период (1939–1949). М., 2000. С. 297–323.
3. *Альтман И.А.* Отрицание Холокоста в России // Историческая память. Противодействие отрицанию Холокоста. М., 2010. С. 13–23.
4. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. док. В 23 т. М., 2020.
5. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 4: Народ и война. М., 1999.
6. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М., 2019.
7. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. М., 2001.
8. *Иоффе Э.Г.* Катастрофа белорусского еврейства в отечественной историографии // Евреи Белоруссии. История и культура. Сб. ст. Вып. 2. Минск, 1998. С. 99–106.
9. *Кринко Е.Ф., Кропачев С.А.* Отечественная историография Холокоста о численности его жертв // Российская история. 2013. № 4. С. 136–151.
10. *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д., 2009.
11. *Мовшиович Е.В.* Очерки истории евреев на Дону. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д., 2011.
12. Российская еврейская энциклопедия. М., 2000. Т. 4.
13. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
14. *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2002.
15. *Степаненко С.Г.* Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010.
16. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2009.
17. Центральная база данных имен жертв Шоа. URL: <https://yvng.yadvashem.org/index.html?language=ru> (дата обращения 27.02.2022).

Л.А. Терушкин**СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НАЦИЗМА
В ТЫЛОВОЙ И ФРОНТОВОЙ ПЕРЕПИСКЕ 1941–1945 гг.**

Исследование преступлений нацистской Германии, ее союзников и коллаборационистов на оккупированных территориях СССР и Европы традиционно основывалось на документах официального происхождения из советских, германских, польских и других архивов. Разумеется, изучение документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), фонд Р-7021), документов местных комиссий – предшественников ЧГК, начавших свою деятельность в конце 1941 г. после освобождения ряда районов Московской, Тульской, Рязанской областей, будет продолжаться.

Уже 10 лет доступны документы Главного политического управления Красной армии (ГлавПУР РККА), сформированные в «Акты о зверствах фашистских захватчиков». Они сосредоточены в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ, фонд 32, опись 11302) и насчитывают около 200 дел объемом до 4000 листов. Среди них есть документы личного происхождения (письма и дневники евреев с оккупированных территорий), найденные после освобождения. Самый массовый вид источников, которые отложились в ЦАМО РФ, – это акты о зверствах нацистов. Они появляются уже в первые месяцы после начала войны. Их ценность состоит в том, что они опередили создание аналогичных актов ЧГК более чем на 1,5 года, что позволяло армейским политработникам и юристам опрашивать тех очевидцев и участников событий, которых уже не было в данном населенном пункте в 1943–1944 гг., когда здесь же создавались акты ЧГК, появившиеся в марте 1943 г. [1: 88–89].

Среди этих документов ЦАМО РФ встречаются письма, а порой даже предсмертные записки узников гетто. Именно на страницах Спецбюллетеня отдела информации 7-го управления ГлавПУР РККА от 20 сентября 1944 г. нашлось место переведенному с немецкого

письму (фактически небольшому дневнику) узницы гетто Тернополя Саломеи Окс, адресованному родным в Палестину [1: 90]. Письмо было написано в апреле 1943 г., накануне казни узников гетто. Оно сохранилось, было отправлено по указанному адресу в Тель-Авив и получено родственниками погибшей.

Поиск и изучение писем, дневников и других документов личного происхождения периода 1939–1945 гг. составляют одно из главных направлений деятельности архива российского Научно-просветительского центра (НПЦ) «Холокост», особенно последние 15–20 лет. Документы поступают в архив НПЦ как в составе личных фондов, комплексов семейной переписки (предвоенные письма, письма с фронта, из эвакуации, из тыловых, оккупированных и освобожденных районов), так и отдельными, порой чудом сохранившимися экземплярами.

Прежде всего интересна переписка воинов-евреев с их родными и товарищами по оружию. Это основной массив сохранившихся в семейных и личных архивах писем. Увы, лучше всего хранились письма тех, кто с войны не вернулся. Во многих письмах есть строки о судьбе еврейского населения оккупированных территорий (не только о родственниках). Впрочем, о преступлениях нацизма писали представители разных национальностей. Одни из них упоминали о жертвах среди «советских граждан» или «местных жителей», другие прямо писали, что «убивали евреев». Ведь ассимиляция советских евреев привела к появлению все большего количества смешанных семей. Многие советские солдаты и офицеры (русские, украинцы, белорусы и представители других национальностей) имели еврейских родственников, друзей, соседей, однополчан. А нацисты на оккупированной территории СССР уничтожали и полукровок, только несколько позднее, во вторую очередь. Поэтому особое отношение нацистов к евреям ни для кого не было секретом, но вызывало порой особую ненависть к оккупантам. «Особенно я боюсь за жену и детей. Если они не эвакуировались при приближении немцев, то я считаю их погибшими от рук фашистов, поголовно уничтожавших людей еврейского происхождения», – писал уже летом 1945 г. вернувшийся из плена красноармеец Иван Полуянов из Белгорода [7: 265]. К счастью, его жена и дети спаслись.

Можно попробовать классифицировать письма-свидетельства о Холокосте и преступлениях нацистов.

Первую группу составляют письма фронтовиков. Некоторые из них узнали о массовых казнях евреев уже в начале осени 1941 г. Но тогда информации было еще очень мало. Подробности гибели родных красноармейцы смогли узнать в ходе войны, посетив вскоре после освобождения родные места. Как правило, они проводили там несколько дней, стараясь выяснить все подробности гибели близких. Из письма старшего лейтенанта Анатолия (Нафтали) Фарбера сестре Ольге от 4 июня 1944 г.: «В Уваровичах находились в “гетто”. Сперва было спокойно, люди стали понемногу устраиваться как на продолжительное время. Точно дату не удалось установить. Примерно в декабре 1941-го или в январе [19]42-го г. оцепили “гетто”, загнали всех в колхозный сарай. Оттуда выводили группами по пять человек к цементированным силосным ямам и пристреливали из автоматов. В ямы бросали также раненых и живых детей. Всех расстреляли в тот день – 260 человек. Две ямы до утра оставались открытыми, стоял стон, но никого близко не подпускали. Фаню Карасик помнишь? Рассказывают, как она перед смертью прощалась с матерью, и сама пошла к яме. Председатель Липского с/с – ее родственник – просил, чтобы его первого пристрелили. Но его заставили смотреть на расстрелы до конца... Трудно передать, что я переживал, пока был там, слушал рассказы людей» [8: 120]. Именно в Уваровичах Гомельской области Белоруссии погибли все родные А. Фарбера. В его письме отмечены встречи с земляками, их рассказы с важными деталями о разном отношении соседей к судьбе евреев, включая попытки сельского учителя спасти одного из детей и действия старосты, старавшегося сохранить жизнь евреям под предлогом необходимости использования их на сельхозработах в бывшем еврейском колхозе. Анатолий Фарбер встречался с очевидцами, фиксируя их рассказы по свежим следам. В письме зафиксированы данные о повседневной жизни евреев в рабочем лагере и гетто в сельской местности, достаточно редко встречающиеся не только в официальных документах расследований преступлений оккупантов, но и в воспоминаниях уцелевших. А. Фарберу удалось установить обстоятельства гибели своих родных и число казненных земляков (эти сведения не были зафиксированы в других документах). Можно сказать, что А. Фарбер самостоятельно проводил первое расследование обстоятельств трагедии.

Из письма лейтенанта Якова Бранопольского родным в эвакуацию от 29 марта 1944 г.: «Находился я в Новогеоргиевске 3 дня. Каждый встречающий[ся] житель города, знающий меня, со слезами на глазах разговаривал со мной с тяжелым сожалением о наших родителях. За нашего папу три деревни (крестьяне) ходили к старосте города просить, чтобы сохранить жизнь, и в результате чего ему было разрешено выехать в д. Чернечево, но через некоторое время он был вызван оттуда, и совместно с мамашей и всеми остальными евреями города [они] машинами были вывезены за город и расстреляны 9-го января 1942 года. Папин “приятель”, который жил напротив... Степан Шевченко, оказался на стороне немцев и всячески старался своими гнусными действиями изжить наших родителей, забрать их имущество и занять дом. Но с ним расправились партизаны, однако и я бы ему пощады не дал и расстрелял бы как собаку. <...> Не могу всего описать, что здесь происходило. Поле Слуцкой полицейский Кабачок выбил золотые зубы изо рта и забрал, после чего она сошла с ума. Над Лизонькой было вообще невиданное в мире издевательство. К ней домой приходил немецкий офицер и делал с ней, что ему хотелось. А когда ее забрали на расстрел, то ее заставили раздеться. Она разделась, причесала свои волосы и подошла к этому офицеру, и говорит ему, что я хочу, чтобы ты меня застрелил, и он без жалости расстрелял ее и отнес в овраг. Всех зверств не описать» [8: 305–306].

К этому письму Я. Бранопольский приложил рисунок – «Схему места расстрела наших родителей немецкими варварами». Этот рисунок тем более ценен, что г. Новогеоргиевска в Кировоградской области Украины давно уже нет, он был затоплен в 1961 г. при строительстве Кременчугской ГЭС. Как видим, здесь автор письма приводит имена местных коллаборационистов – участников расправ над евреями. Именно личные впечатления евреев-фронтовиков, посетивших места казни либо получивших сведения от уцелевших соседей и родственников, а затем пересказавших их в своих письмах, – одна из важнейших характерных черт переписки периода Великой Отечественной войны как источника о Холокосте.

В письмах 1943–1945 гг. информации о событиях Холокоста, о преступлениях нацистов постепенно становится все больше и больше – Красная армия освобождает территорию СССР и Европы. Солдаты

и офицеры Красной армии, евреи по национальности, особенно интересовались судьбами своих соплеменников. Евреи в Польше, Литве, Румынии, не знавшие русского языка, только с красноармейцами-евреями могли беседовать на идише. Выжившие евреи, да и не только евреи, молчать не могли, они «должны были рассказать». Запись от 30 января 1945 г. в дневнике военного врача, главного токсиколога 60-й армии И.Б. Фридлянда после посещения Аушвица: «Меня окружают несколько бывших заключенных и один из них – Гордон, еврей, врач из Белоруссии, находившийся в лагере несколько лет, говорит: “Я сюда был доставлен с отцом, матерью, сестрой, женой и ребенком. При сортировке прибывши, меня направили на работы, а моих близких на сжигание. Они все были сожжены, но до сих пор меня мучает одна мысль – как погибла моя дочурка. Дело в том, что в составе зондеркоманды был один садист, который бросал детей живыми в раскаленную печь. Меня все время мучает мысль, не оказалась ли моя девочка среди сожженных заживо”» [3: 75].

У воинов-евреев, разумеется, был особый счет к немцам (их отождествляли с нацистами), но в их письмах за строками о ненависти к врагу буквально проступали слезы и кровь многих жертв. Из фронтовых писем лейтенанта Григория Давидовича Рудина своей жене С.И. Рудиной в г. Кунгур (ныне в Пермском крае): «15 октября 1944 г. (окраины Риги). Третий день не покидает меня видение кошмарной картины – тела невинных советских людей, злодейски умерщвленных немецкими извергами в лесу вблизи города. И вот здесь, в уютной комнатке на втором этаже, не могу отвязаться от этого вида. 13 трупов, из них 3 – с желтыми шестиконечными звездами, с надписями по латыни и по-еврейски “еврей” во рву, наполненном сожженными телами (об этом говорят кости, пепел и т.п.), изуродованные, а потом расстрелянные зовут к мщению. Сердце пылает ненавистью к немцу. Временами трудно верится, что человеческая рука могла подняться на эту седую голову старухи, на всех других. Нет, не люди, а изверги, душегубы способны на такие поступки. Мне очень тяжело писать об этом и вообще... Но я хочу, чтобы вы знали еще раз о том, кто такие немцы, кто наш враг – враг всего человечества. Наш долг, наша святая обязанность убивать каждого немца, иначе он нас убьет» [4: 1].

Скорее всего (это подтверждается цитатой из другого письма), речь идет о Румбульском лесе, где в ноябре – декабре 1941 г. были уничтожены почти все евреи рижского гетто: «Апрель 1945 г. Читала ли ты в “Правде” за 5.04.45 г. сообщение Чрезвычайной комиссии о преступлениях немцев в Латвии? Вкратце о них я писал еще в октябре. В этом самом лагере Саласпилс мне довелось побывать, как и в Румбульском лесу, где мы наткнулись на свежие могилы с трупами. Как реликвию держу в кармане желтую звезду, снятую с убитой старенькой, как моя мать, женщины. Ведь я из Харькова получил письмо о судьбе близких родственников, не успевших эвакуироваться. Их судьба также печальна, как многих рижан» [5: 2].

Вторую группу свидетельств о Холокосте составляют письма евреев, скрывавшихся на оккупированной территории, посетивших вскоре после освобождения родные места, а также переписка родственников, часто разбросанных войной по всему СССР. Семейная история была едва ли не единственным источником фиксации памяти о массовых уничтожениях евреев в годы войны. Уцелевшие евреи разыскивали своих родных, пытались узнать об их судьбе, о месте гибели и захоронения.

Ф.Я Тарло, родственник погибших в г. Бар Винницкой области Украины, эвакуировался в Кузбасс и приезжал в родной город после освобождения. В июле 1944 г. он сообщал о гибели земляков сестрам Эсфири и Фаине Пивенштейн, эвакуированным на Урал. Их родители были расстреляны оккупантами в Баре 19 августа 1942 г. Важно, что в письме говорится о судьбе многих родственников и соседей, погибших в период оккупации [8: 321–322].

Но реальная угроза жизни была и для детей-полукровок, и даже для нееврейских родственников. Некоторые письма почти дословно передают последние слова и мысли жертв. Анна Сегеда из поселка Корюковка Черниговской области Украины в письме от 2 января 1944 г. с небывалым драматизмом передает сцену ареста трех еврейских детей – своих двоюродных сестер и брата: «Этой минуты никогда, никогда нам не забыть. Невинных малюток вели под конвоем, точно разбойников! Как они плакали, кричали: “Тётя Шура, спасите нас! Нас расстреляют!” <...> Их заперли в камере и продержали там 3 дня, а на 4-й день всех собрали (тогда забрали всех детей в Корюковке

от еврейских матерей или отцов), их стали выводить и усаживать в машину, огороженную колючей проволокой» [8: 300]. В Кoryюковке в 1941–1942 гг. последовательно были уничтожены сначала евреи, потом дети от смешанных браков, а 1–2 марта 1943 г. оккупанты сожгли почти всю Кoryюковку (1390 домов) и уничтожили несколько тысяч жителей.

Письмо Зинаиды Серпик (Куклиной) написано 14 марта 1943 г., ровно через месяц после освобождения Ростова-на-Дону от германских войск. Письмо адресовано семье брата мужа-фронтовика, инженер-майора Исаака Михайловича Серпика: «Все евреи, начиная с только что рожденного и кончая глубоким стариком, и все русские жены евреев и их дети расстреляны. Русских людей расстреляно не меньше. Расстреляны: армяне, греки, грузины, калмыки и много людей других национальностей, которыми изобилует наша родина. У немцев логика короткая, как у грабителя и убийцы. Убить и ограбить» [8: 271].

Разумеется, в тот период З. Серпик не могла точно знать ни количество жертв, ни их национальный состав, ведь расследование преступлений оккупантов только начиналось. Сообщая о казни родственников, З. Серпик пишет: «...Описать все ужасы, весь кошмар, пока здесь были немцы, в одном письме невозможно. Скажу только, что я и дочь моя были бы расстреляны тоже, как и все, если бы попались им в лапы. В течение семи месяцев, каждый час, и днем, и ночью, я ждала, что вот придут и расстреляют, и это было бы, если бы они оставались здесь дольше» [8: 271].

Все подробности и масштаб уничтожения евреев были еще неизвестны многим фронтовикам. Об этом они тоже часто узнавали из писем родных и друзей. Из письма А. Левина из Москвы своему сыну в армию в мае 1945 г.: «У нас погибли родственники в Минске и такой лютой смертью, что сердце обливается кровью... Расстреляли и почти живых бросили в яму. Жену дяди Абрама-Хаима и всех детей убили. В общем, из наших родных почти все погибли. Остались Миша... офицер Красной Армии, орденосец, танкист... все время на фронте в Восточной Пруссии. Брал Кенигсберг и рассчитался с людоедами за папу, маму, брата и сестру» [6: 274].

Особая группа писем – сообщения соседей, друзей о гибели евреев, членов их семей на фронте или на оккупированной территории,

о местах захоронений. Родственники погибших писали с фронта, из эвакуации. Им отвечали порой на обороте писем-запросов – бумаги не хватало. Некоторые соседи в своих письмах пытались как-то утешить тех, кому сообщали о гибели близких, выразить сочувствие: «Открытку вашу получили. Очень тяжело сообщать вам эту тяжелую весть. Стариков Иоффе немцы расстреляли в их дворе в конце августа [19]42 г. Это мы узнали из рассказа Бондаревского Петра Федоровича... Он нам сказал, что трупы находятся в щели во дворе, мы хотели их обнаружить, но нам это не удалось, т.к. очень много снега. Если только мы обнаружим трупы, то вам сразу сообщим» [8: 273]. Это письмо от 18 марта 1943 г. из г. Воронежа. Кстати, именно показания этих очевидцев о гибели семьи Иоффе вошли позже в официальные акты ЧГК. Поток писем такого характера начинается с весны – лета 1943 г., когда были освобождены многие районы СССР и начала восстанавливаться почтовая связь.

Вот письмо в Москву от 18 апреля 1944 г. (орфография и стиль автора сохранены): «Здравствуй дорогая фея гелерова. Отвечаю я Вам на Ваше письмо и на Ваше прозьбу. Вот Вам Напишу судьбу Вашей семьи... мы не успели эвакуироваться и мы остались и вот все евреи погибли от немецкой варварской руки. Вот Соломон в РККА – пока ничего не слышно. Сима не известна или жива. Зяма убит 26 октября 1941 г. Соня погибла, тоже расстреляли. Отец Ваш умер. Всех Ваших племянников и маму убили 29 мая в 1942 г. Вот Вам и судьба вашей семьи. Это вам пишет жена бухгалтера Монины Аня Борисовна тоже пострадала всей семья. Вся моя семья убита. До свидание привет всем. Извените за такое Печальное письмо. это я не виновата» [2: 1].

Надежда Бормотова, жительница Симферополя в 1941–1942 гг., была свидетельницей уничтожения евреев города. После освобождения Крыма в мае – июне 1944 г. она вела переписку с Евгенией Аркадьевной (Айзиковной) Мерзон (Канишиковой) о судьбе ее близких – младшей сестры Ривы, ее сына Жени 1941 г.р. и мужа, известного филолога, преподавателя Крымского государственного педагогического института им. М.В. Фрунзе (КГПИ, ныне – Таврический национальный университет им. В.В. Вернадского) Петра Михайлова: «Пишу, как очевидец: Рива, Женечка и Пётр Митр[офанович] – все погибли одновременно, через месяц после того, как она была “помолована”

как жена русского... Тот ужас, который нам пришлось пережить в связи с чудовищной казнью евреев, навсегда останется в памяти». Евреи Симферополя были расстреляны 9–13 декабря 1941 г. Рива Канищикова получила «отсрочку». Но в феврале 1942 г. П.М. Михайлов «пошел со всей семьей и больше никто не возвратился» [8: 317–318].

Четвертая группа свидетельств о Холокосте – официальные письма или записки сотрудников советских учреждений, восстановленных после освобождения. Эти люди, как правило, местные жители, многие в период оккупации были в партизанских отрядах, в подполье. Они хорошо знали, что, где и когда совершили немцы и коллаборационисты в этих краях. Представители органов советской власти знали погибших, их родных и близких. Письмо секретаря горсовета Стародуба (ныне – Брянской области) М.Я. Паскову о гибели родных от 10 декабря 1943 г.: «Горсовет сообщает, что Ваши родители Пасковы, а также брат с женой и детьми погибли от рук немецких палачей 1 марта [19]42 г., а девочка Вашего брата убита бомбой при бомбежке. Та же участь постигла и Леванта, и Блюмкиных. Все они не эвакуировались и были сосланы в лагерь немцами, а потом расстреляны. Блюмкиных один сын был в военном училище, и тот в Стародубе не находился, погиб сын Александр, отец и мать. Вот всё, что мы можем Вам сообщить. Секретарь Горсовет[а] [Подпись]» [8: 124].

Эти сведения являются часто единственным источником о судьбе жертв. Сегодня они еще хранятся в семейных архивах как реликвии. Эти свидетельства всегда предшествовали расследованиям ЧГК и армейских политотделов. Кстати, многими мелкими населенными пунктами ЧГК просто не могла заниматься. Поиск и изучение писем важны не только в научных и образовательных целях, но и для увековечивания памяти о героях и жертвах. Переписка военных лет является практически единственным историческим источником, в наименьшей степени подверженным влиянию субъективных факторов. Авторы-фронтовики осознавали, что каждая строчка может стать последней, что следующего письма может уже не быть. И именно в переписке, созданной «здесь и сейчас», по горячим, порой кровавым следам, отражены факты, подробности и чувства очевидцев и участников событий, которые в дальнейшем выпали из памяти, трансформировались под влиянием времени, коллективной памяти,

идеологических установок. И темы Холокоста, преступлений нацизма, повседневной жизни на фронте, в тылу и на оккупированной территории, которые изучаются весьма интенсивно на постсоветском пространстве, сегодня подвергаются мифологизации, атакам как сознательных ревизионистов, так и просто малообразованных лиц. Свидетельства о преступлениях нацизма, об уничтожении еврейского населения, запечатленные в письмах и дневниках, являются одним из самых убедительных аргументов в противостоянии со сторонниками отрицания Холокоста, реабилитации нацистских преступников.

Источники и литература

1. *Альтман И.А.* Красная армия и Холокост: к постановке проблемы // Холокост на территории СССР. Мат-лы XIX Междунар. ежегод. конф. по иудаике. Т. I. М., 2012. С. 86–93.
2. Архив НПЦ «Холокост» (АНПЦХ). Коллекция «Холокост на территории СССР». Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 207.
3. АНПЦХ. Личный фонд Фридлянда И.Б. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 8.
4. АНПЦХ. Личный фонд Рудина Г.Д. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 38.
5. АНПЦХ. Личный фонд Рудина Г.Д. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 49.
6. «Сохрани мои письма...» Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин. М., 2007.
7. «Сохрани мои письма...» Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин. Вып. 4. М., 2016.
8. «Сохрани мои письма...» Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост. Р.Е. Жигун, Л.А. Тёрушкин. Вып. 5. М., 2019.

А.В. Броварь, Ю.А. Ревизская

ГЕНОЦИД НАРОДА СССР НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1943 гг.)

С нападением нацистской Германии на Союз Советских Социалистических Республик 22 июня 1941 г. оборвалась мирная жизнь советских людей.

С первой и до последней минуты войны действия Германии и ее союзников классифицируются как тяжелейшие военные преступления. Некоторые из них совершались в истории человечества в таком масштабе впервые.

Занятие 21 октября 1941 г. г. Сталино (современный г. Донецк, ДНР), а также городов и районов Сталинской области и пребывание в них немецко-фашистских войск и властей сопровождалось жесточайшим террором, массовыми убийствами коммунистов, членов ВЛКСМ, советского актива, военнопленных, жен начальствующего состава Красной армии и коммунистов, мирных жителей городов, сел и деревень [6: 1]. Немецкие военные преступники уничтожали целые семьи, не щадя стариков, женщин, малолетних детей и инвалидов, что подтверждается показаниями и заявлениями жителей, а также другими документами.

Форма военного оккупационного режима в районах СССР, подлежащих завоеванию, была определена нацистской Германией еще до войны [7: 46–50].

С началом оккупации г. Сталино немцы организовали в нескольких местах лагеря для военнопленных бойцов и командиров Красной армии. На протяжении 1941–1943 гг. немецкими палачами на их территории были замучены десятки тысяч военнопленных.

Один из таких чудовищных лагерей (комендантом лагеря был немец Шмидт) в годы Великой Отечественной войны находился на территории клуба имени В.И. Ленина и центральной поликлиники, которые расположены рядом, по диагонали друг от друга, через перекресток проспекта имени Ленина. В период оккупации на территории этого лагеря были захоронены десятки тысяч расстрелянных, замученных и умерших от холода и голода военнопленных бойцов

и командиров Красной армии, общее количество жертв злодеяний немецкого оккупационного режима в этом лагере достигло 50 тыс. человек [1: 43а].

Данные подтверждаются свидетельскими показаниями граждан, проживавших вблизи лагерей [2: 33]. Так, допрошенный по указанным злодеяниям немецких оккупантов Иван Иванович Стригунов, проживавший в годы Великой Отечественной войны по адресу: г. Сталино, Центральная поликлиника, дом № 2, – показал: «Как только город Сталино заняли немецкие оккупанты в 1941 году, они организовали при клубе им. Ленина и Центральной поликлиники лагеря военнопленных. Первые 40 дней¹, пленным совершенно хлеба не давали. Вся пища сводилась к тому что раз в сутки давали сваренной воды и просо. Самое лучшее питание было, когда выдавали 100 грамм хлеба и пол литра воды с просом» [1: 43а].

Пленных держали под открытым небом, за проволокой. Посылали на самые тяжелые работы, военнопленных изнуряли непосильным трудом.

«Непосильный труд и плохое питание доводило военнопленных до смерти. Каждый день умирало до 70 человек. Трупы хоронились тут же, на территории лагеря... На территории клуба им. Ленина и центральной поликлиники производились расстрелы военнопленных бойцов и командиров. Я был очевидцем, как военнопленных выносили живых и предавали земле. Могилы зарытых военнопленных я могу показать» [1: 43б].

Еще одно показание очевидца чудовищных преступлений немецкой оккупационной власти в лагерях военнопленных, находившихся на территории клуба им. Ленина и центральной поликлиники, – дезинфектора лагеря военнопленных Василия Трофимовича Морозова:

«Я работал в начале банщиком, а затем дезинфектором при бане лагерей военнопленных на территории клуба им. Ленина и центральной поликлиники.

В сильные морозы, доходившие до 30 градусов, военнопленные весь день находились под открытым небом, на ночь их загоняли в не топленное помещение. Спали на голой земле. Кормили вначале

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены.

один раз в сутки – давали воду и просо, а потом выдавали пищу два раза в день – просо с буряковым наваром. От такой пищи военнопленные болели дизентерией и умирали сотнями.

Во время мытья в бане, в особенности евреев, мыли их железной щеткой до крови, а затем увозили на шахту на Калиновку и бросали в шурф.

За все время, с января месяца 1942 года до последнего времени, вывезли из лагеря евреев до 2 тысяч человек. Я прожил 62 года, но такого зверства не видел.

Я видел, как ежедневно в зимнее время 1942 года в часовне складывали до 100 трупов за сутки. Я знаю все ямы зарытых военнопленных.

На территории лагеря военнопленных при клубе им. Ленина и центральной поликлинике похоронено до 40 тысяч человек» [1: 436].

Такие же зверства по отношению к военнопленным немецко-фашистской армией совершались в лагере при заводе № 144 (комендант лагеря фельдфебель Аинс), который находился в районе пос. Пески [1: 43в]. Допрошенный по этому делу Алексей Герасимович Бездетко, 1916 года рождения, проживавший в г. Сталино, завод № 144, 1-я железнодорожная площадка, барак № 39, показал: «Военнопленных почти ничем не кормили. Если давали – когда-либо хлеба, буряков, отрубей или просо, и то периодически. Военнопленные от голода и истощения падали и умирали.

В августе месяце 1943 года в совхозе “Пески” пала лошадь, рабочие совхоза зарыли ее в яму, но через несколько дней немецкое командование заставило откопать лошадь и отправить на кухню военнопленных.

Этот лагерь действовал около двух лет. За все это время военнопленные умирали сотнями, а обессиленных расстреливали немцы.

Я лично сам видел, как на территории завода № 144 охранявший военнопленных немец начал расстреливать их ради развлечения, таким образом он при мне расстрелял 10 человек.

Умерших и расстрелянных красноармейцев зимой собирали в сарай и вывозили в яму. Я знаю ямы зарытых, умерших и убитых красноармейцев: 1-я находится возле школы завода, зарыто до 2 тысяч человек, 2-я – на футбольной площадке завода, зарыто не менее 2 тысяч человек, 3-я – на конном заводе завода № 144, зарыто не менее 4 тысяч человек, 5-я – на переезде завода № 144, будка “Г”, где в 3 больших ямах зарыто до тысячи человек».

Аналогичные показания дали граждане Иван Павлович Руч 1896 года рождения и Фекла Игнатьевна Сидакова 1913 года рождения, проживавшие в г. Сталино на территории завода № 144 [1: 43в].

Всех без исключения арестованных немецкие палачи на допросах подвергали зверским истязаниям и пыткам. Массовые аресты советских людей, расстрелы, удушение газом в «душегубках» производились палачами изо дня в день на протяжении всего периода оккупации.

Захваченный в плен немецкий офицер, один из тех, кто уничтожал в г. Сталино советских людей, рассказывал следующее о застенках СД: «Следствие по делам арестованных командой “СД” советских людей было коротким и зависело от того, как долго тот или иной арестованный мог выдержать пытки и истязания во время допросов. Эти допросы заключались в том, что всех без исключения арестованных следователи “СД” подвергали избиениям, истязаниям и пыткам с той целью, чтобы независимо от того, виновен человек или не виновен, заставить “сознаться” в преступлениях против фашистского строя или порядков, установленных на оккупированной территории, а затем расстрелять». Целый день из разных концов гостиницы «Донбасс», где размещалось СД, раздавались душераздирающие крики, плач и стоны истязаемых [4: 43].

Во время нацистской оккупации Донбасса шахты стали местами массового истребления советских людей. На их территориях проводились казни: гитлеровские убийцы расстреливали и сбрасывали людей живыми в шурфы. Такие злодеяния оккупационная немецкая власть проводила на шахтах № 4-4 бис, № 1, 7, 8, 10 и других, где десятки тысяч мирных жителей г. Сталино погибли от зверств немецких оккупантов. Рабочие (коммунисты) шахт № 7, 8 – Иван Михайлович Кощев, Клавдия Андреевна Хмырева, Николай Федорович Санжаревский, Иван Титович Клименко, Михаил Петрович Белоконь, Петр Панченко – расстреляны и сброшены в шурф. Василий Собецим живым брошен в шурф [1: 44].

В шахту № 4-4 бис было сброшено свыше 75 тыс. человек. При извлечении из шахты 150 трупов некоторые из них удалось опознать родственникам, остальные опознать не удалось ввиду того, что немцы боялись ответственности и, чтобы полностью скрыть следы своих

зверских расправ, бросали в шахту каустическую соду, которая ускорила процесс разложения трупов [3: 45].

По данной шахте важные показания дал свидетель Александр Данилович Положенцев, которого живым бросили в шахту № 4-4 бис. Только благодаря счастливому стечению обстоятельств ему удалось спастись. Он был очевидцем страшных картин глумления, издевательств немцев и их пособников над советскими людьми. Вот только краткие выдержки из его показаний на судебном процессе: «...меня стащили с машины и избивая прикладами повели к зданию шахты... ударом приклада свалили с ног... я почувствовал, что схватили за ноги и поволокли. Еще через несколько мгновений я очутился в воздухе, летя вниз по стволу шахты, увидел канат. Инстинктивно схватился за него и заскользил вниз. Канат-тросс раскачивался вместе со мной, касался стенок ствола, что помогло мне уцепиться рукой за выступ и попасть в боковой штрек... Через некоторое время к шахте подъехал автомобиль. Начали раздаваться выстрелы и шум пролетающих мимо отверстия бокового штока трупов расстрелянных... насчитал 50.

Надо выбираться отсюда. Ощупью добрался назад до обрыва бокового штока шахты. Заглянул вниз – глубоко! Посмотрел вверх – далеко! Мне казалось, что я нахожусь примерно на глубине 50–60 метров». Подъем на поверхность для Александра Даниловича был достаточно сложен: основную часть пути он двигался по тросу, несмотря на то что одна рука у него практически не действовала после побоев в фашистской тюрьме. Последние несколько метров до поверхности продвигался по наклонным трубам, которые шли вдоль ствола шахты, при этом одно неверное движение привело бы к падению и неминуемой гибели [4: 44–46].

Проверкой также было установлено, что немецко-фашистские войска расстреливали военнопленных красноармейцев на глазах у мирных жителей во время конвоирования. В январе 1941 г. при конвоировании военнопленных со станции Сталино до г. Сталино на маршруте протяженностью 8 км было расстреляно 57 красноармейцев. В феврале 1942 г. во время конвоирования военнопленных по тому же маршруту расстреляно 6 красноармейцев [1: 44].

В период оккупации зафиксировано множество случаев насилия над женщинами, девушками и девочками со стороны немцев и их

пособников. Только несколько зафиксированных фактов за последние дни оккупации: на шахте № 10 в августе 1943 г. немцем А. Штегером была изнасилована 12-летняя девочка, дочь работницы Поляковой; 6 сентября 1943 г. пьяная банда немцев ворвалась в квартиру семьи коммуниста Мальшева и изнасиловала его жену; 7 сентября 1943 г. немецкими полицейскими изнасилована гражданка Межанова в своей квартире в присутствии матери [1: 44].

7 сентября 1943 г., за день до своего бегства из г. Сталино, немцы уничтожили преподавателей Донецкого индустриального института (сейчас Донецкий национальный технический университет), проживавших в доме профессуры (ныне ул. Университетская, 51). Около 150 человек было сожжено в сарае во дворе дома. Спастись удалось только троим детям, которых бабушка Яковенко протиснула через окно сарая, сама она при этом погибла [4: 48–50].

Чудовищный оккупационный след оставлен нацистскими преступниками на всей территории Сталинской области, не осталось ни одного населенного пункта, где бы кровь невинных жертв не пропитала донецкую землю.

Так, согласно акту от 10 января 1944 г., составленному районными, городской и экспертной комиссиями при участии инспектора Чрезвычайной комиссии товарища Трубникова после освобождения г. Мариуполя от немецких варваров, было установлено следующее.

1. В 7 км от г. Мариуполя, в районе совхоза имени Петровского (Агробаза) в противотанковых рвах на протяжении 2 км зарыты трупы зверски замученных и расстрелянных граждан Мариупольского района. Уничтожение и расстрелы мирных граждан проводились немцами с 18 октября 1941 г. по 6 сентября 1943 г. включительно. Раскопки, проведенные экспертной комиссией в сентябре 1943 г., подтверждают, что уничтожение немцами советских граждан производилось путем расстрелов на близком расстоянии выстрелами в затылок.

2. На территории Ильичевского района было расположено два лагеря, где содержались военнопленные и советские граждане. В районе этих лагерей обнаружено три кладбища, состоящих из 120 могил размером 50 м в длину и 5 м в ширину каждая, в которых похоронено до 36 тыс. военнослужащих и советских мирных граждан.

3. Наряду с вышеуказанными могилами в различных местах Мариуполя, включая Портовский, Орджоникидзевский и Ильичевский районы, обнаружены могилы замученных и расстрелянных советских граждан. Учет жертв в этих местах произвести не представляется возможным.

4. В январе 1942 г. из лагеря военнопленных Ильичевского района было погружено 18 товарных вагонов больных военнопленных, которые были вывезены на станцию Сартана с надписями: «К вагонам подходить строго воспрещается – заразные больные». Вагоны были наглухо забиты, в них заморожено 1500 человек.

Таким образом, по предварительным данным, за период немецкой оккупации в Мариупольском районе было уничтожено свыше 50 тыс. мирных советских граждан и военнопленных [2: 9; 4: 61; 5: 116].

Чудовищные зверства немецко-фашистские захватчики совершили над тысячами мирных жителей г. Артёмовска в камере № 46 шахты Артёмовского алебастрового комбината.

После разбора кирпичной стены, замаскированной снаружи бетонным слоем, были обнаружены замурованные немецко-фашистскими палачами трупы свыше 3 тыс. мужчин, детей, женщин, которые были расположены плотным слоем на полу камеры площадью несколько тысяч квадратных метров. По характеру расположения трупов и по наличию трупов маленьких детей вместе с трупами матерей можно сделать вывод об исключительной жестокости, с которой были убиты эти 3 тыс. человек. Ни в чем не повинные люди были погребены заживо – замурованы в камере № 46.

Судя по тому, что трупы были одеты в зимнюю одежду и обувь, имели повязку на рукаве, а также по состоянию их мумификации можно заключить, что в этой камере уничтожено в основном еврейское население г. Артёмовска и прилегающих к нему населенных пунктов. По приказу немецкого военного коменданта майора фон Цобель в период с 9 января по 15 февраля 1942 г. жителей сгоняли в городской сад и помещали в подвал городской управы, откуда они затем бесследно исчезли [1: 44в].

В Чистяковском районе до оккупации немцами захватчиками насчитывалось около 120 тыс. жителей. После освобождения, по неполным данным, осталось 50 тыс. человек. Резкое сокращение населения

района подтверждается документами, изъятыми в паспортном столе и статистическом отделе после ухода немцев.

В г. Славянске до немецкой оккупации проживало 98 тыс. человек, после освобождения осталось не более 10 тыс. человек [1: 3а]. Часть населения выжила благодаря тому, что пряталась в лесах, подвалах, а небольшой процент бежал по пути следования при отправке в Германию.

В феврале 1943 г. в лагере военнопленных г. Харцызска находилось 300 больных бойцов и командиров Красной армии, которых немцы согнали в один барак, наглухо забили в нем двери и окна, а затем подожгли. Таким образом, 300 военнопленных были сожжены заживо, что подтверждает находившийся в лагере военнопленных Иван Васильевич Алексеев.

По показаниям граждан с. Зуевка Харцызского района Василия Яковлевича Ермакова и Самуила Ефимовича Попкова, в ноябре 1942 г. при наступлении холодов в лагере военнопленных с. Зуевка 150 раздетых и умирающих от голода пленных загнали в яму, вырытую возле овчарни, и заморозили [1: 4а].

За 22 месяца немецкой оккупации в Сталинской области зверски истреблено 279 тыс. человек [4: 66]. Всего, согласно сводке, в Сталинской области жертвами установленных преступлений немецко-фашистских захватчиков и их сообщников стали 462 114 человек, которые подверглись насилию, издевательствам и пыткам, были расстреляны, повешены, убиты или увезены в германское рабство [1: 83].

Таковы итоги злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками на территории Сталинской области в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 1.
2. ГА ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 8.
3. ГА ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 12.
4. ГА ДНР. Ф. П-5000. Оп. 1. Д. 1.
5. ГА ДНР. Ф. П-5000. Оп. 1. Д. 2.
6. ГА ДНР. Ф. П-5000. Оп. 1. Д. 347.

7. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док.: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. А.В. Юрасов; отв. сост. Я.М. Златкис. М., 2020.

Вик.Ю. Мартыненко

**«ПО НЕМЕЦКОМУ ВРЕМЕНИ...»: ПОЛИТИКА ОККУПАНТОВ
НА ЗАХВАЧЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(по документам оккупационных властей)**

80 лет минуло с того страшного дня, когда фашисты появились на родной земле. И если мы не хотим, чтобы наши потомки когда-нибудь испытали ужасы войны, нам нельзя вычеркнуть из народной памяти тяжелые воспоминания о жутких днях «нового порядка» – кратковременной фашистской оккупации наших городов и районов.

Гитлер указывал на то, что необходимо сохранять имеющееся сельское хозяйство и промышленность и, по возможности, жителей как дешевую рабочую силу. Оккупированные территории должны были служить сырьевой и продовольственной базой фашистов, к тому же существующие хозяйства и предприятия представляли экономический интерес. Но немцы понимали, что завоевание территорий вовсе не означает послушание их жителей. Они принимали различные меры по обеспечению порядка и дисциплины. В городах образовывались управы во главе с городским головой. В районах и волостях создавались специальные комендатуры, имевшие военизированную охрану и полицейские управления. В волостях назначались старшины (бургомистры), в деревнях – старосты [14: 6].

На видных местах запестрели приказы представителей оккупационных властей, в которых жителям запрещалось иметь в доме оружие [12: 15], выезжать за пределы города или района без предварительного уведомления и выписки у старосты или городского головы [12: 7], ходить по улицам в определенное время суток. Так, например, в приказе № 3 ортскомендатуры поселка Глубокий сообщалось: «Нахождение гражданского населения вне домов с 18 часов вечера до 5 часов утра воспрещается под угрозой наказания» [19: 7].

Указы немецких военных начальников гласили, что послушания необходимо добиваться путем запугивания и не бояться прибегать к самым крайним и жестоким мерам. Оккупанты вели строгий учет местного населения (все жители должны были зарегистрироваться в полиции). В распоряжении № 78 бургомистра Таганрога содержится приказ зарегистрироваться казакам и казачкам в возрасте от 14 лет и выше в срок с 5 по 8 сентября 1942 г. [2: 53], в обращении главы Глубокинской районной сельскохозяйственной управы ко всем сельским старостам говорится о проведении полной переписи населения в течение 3 дней [11: 41]. Старшина Тарасовской районной управы в своем приказе старосте Прогнойского сельского совета указывал на то, что необходимо обязательно иметь два списка всего зарегистрированного населения в возрасте от 15 лет [17: 154]. Заместитель шефа полиции Раздорского района в приказе № 37 требовал подавать ему информацию об имевшемся населении на каждое первое число месяца по установленной им форме, в которой предполагалась полная информация на мужчин, женщин, детей (до и после 7 лет) [10: 4]. Морозовский районный голова потребовал пройти регистрацию всем бывшим офицерам царской армии [12: 1].

В первые дни оккупации были зарегистрированы евреи, которых обязали носить на верхней одежде «звезду Давида» и нарукавные повязки с унижительной надписью «иуда» [4: 2]. Ни в одно учреждение они не допускались. После этого за евреями началась настоящая охота: их без всякого суда и следствия расстреливали. Так, за месяцы хозяйничанья немецких оккупантов в г. Шахты было истреблено все еврейское население, а все имущество евреев свезено в гестапо и военную комендатуру [6: 48–54, 106, 112].

Жителям области надлежало строго соблюдать все постановления немецкой стороны; любое нарушение могло повлечь за собой повешение или расстрел. Однако указанные документы не описывали всех запретов, которые налагались на местных жителей. К примеру, расстрелять могли любого, кто осмелился подойти к колодцу или озерку (например, Лисичкино озеро в г. Шахты), из которого пили воду немцы. Был отдан приказ расстреливать переодетых солдат, которых якобы можно узнать по специфической короткой стрижке. Без предупреждения стреляли в любого, кто шел к передовой

линии, за подозрение в шпионаже или партизанстве наказанием был расстрел.

В июле – августе 1942 г. с помощью старост и полицейских стали ежедневно выгонять трудоспособное население городов и районов на работы. В приказе городского головы по г. Морозовску от 22 июля 1942 г. говорилось: «Все организации на территории города Морозовска должны немедленно приступить к работам в полном их объеме. В случае, если лицо, возглавляющее какое-либо учреждение, скрылось, предлагаю впредь до назначения нового произвести выборы заведующего из состава своих сотрудников. Предупреждаю, что коммунистов, кандидатов в коммунистическую партию и евреев ни в одном учреждении не должно быть. Работы в колхозах должны продолжаться в полном объеме» [12: 2].

В Шахтах жителей выгнали на строительство военного аэродрома (за бывшей шахтой «Нежданная») и на восстановление участка железной дороги Каменоломни – Горная. Уже в середине августа аэродром принял первые военные самолеты, а в сентябре пошли первые грузовые поезда до Красного Сулина.

Фашисты, насаждая «новый порядок», требовали от населения участия в работах по месту жительства или с выездом в Германию. Жители пытались уклоняться от работы, но это оказалось делом нелегким: приказ коменданта обязывал все трудоспособное население города зарегистрироваться на бирже труда [7: 1–1об.]. Но были и те, кто собственноручно писал заявления об отъезде на работы в Германию. Старостам всех сельских управ были направлены объявления о добровольной поездке в Германию на работу и обращения к рабочим и работницам, в которых говорилось о том, что германские вооруженные силы освободили население от жидо-большевистского террора и хотят, чтобы оно ни в чем не нуждалось: «Ваши учреждения большевики бессмысленно уничтожили. По этой причине можно устроить в местных учреждениях и у германских вооруженных сил пока только часть рабочей силы. Мы не хотим вас оставить в нужде. Имейте доверие к тому, что предпринимает германское командование» [15: 2].

После того, как немцы обманом угнали в Германию первую партию жителей Дона, люди поняли, чем это им грозит, и стали уклоняться от регистрации на бирже. Подделывали в паспорте год рождения,

сдирали кожу и смачивали уксусом и керосином, чтобы вызвать язвы, давали взятки за освобождение от угона в Германию. Коменданту г. Шахты лейтенанту Кремеру требовалась рабочая сила на восстановление шахт, для отправки здоровых и сильных людей в Германию, а у ворот биржи труда толпилось не так уж много людей, да и те вместо паспортов несли справки об инвалидности, о наличии грудных детей, о всяческих болезнях. Выходило, что Шахты заселены только инвалидами, малолетками, дряхлыми стариками, немощными и туберкулезными.

Оккупанты рассчитывали быстро восстановить угольную промышленность в городе Шахты. Но их расчеты провалились. Фашисты насильно сгоняли на работу оставшихся в городе шахтеров, угрожали им смертью. Но шахтеры делали все, чтобы сорвать планы гитлеровцев. За семь месяцев оккупации фашистским властям удалось пустить в эксплуатацию только несколько мелких шахт, которые давали всего лишь около 200 т ежесуточной добычи угля. Но даже из того мизерного количества угля им доставалось не все. Добытый уголь горел, поезда с ним шли под откос.

Отдельные указания давались старостам Глубокинского, Тарасовского, Каменск-Северного (так в документе) районов, где в сельском хозяйстве работали военнопленные. Три группы военнопленных были выделены особо: работающие в сельском хозяйстве (агрономы, землемеры, трактористы, ветеринары), работающие в немецких воинских частях или учреждениях, работающие по новому разделу земель на руководящих постах [15: 1].

В начале оккупации во многих захваченных областях немцы сохранили колхозы, что позволяло им централизованно отбирать произведенную сельхозпродукцию для нужд вермахта. Крестьяне должны были работать на рейх под надзором прибывших из Германии сельскохозяйственных руководителей до тех пор, пока принадлежавшие им сельскохозяйственные угодья не будут после разгрома СССР переданы в собственность германских поселенцев. Немецкая пропаганда объявляла, что целью «новой аграрной политики» на захваченных территориях является замена колхозов на частнособственнические хозяйства. Но такой переход должен был осуществляться постепенно, путем замены колхоза на общинное хозяйство [5: 285–286]. Некоторые

крестьяне поначалу поверили этим демагогическим заявлениям, чему во многом способствовало недовольство методами проведения коллективизации, больно ударившими по благосостоянию и психологии людей, добросовестно трудившихся на земле. Однако и после прихода немцев большинство крестьян (за исключением тех, кто пошел на открытое сотрудничество с противником и помогал оккупантам в борьбе с партизанами, а также бывших репрессированных кулаков) индивидуальных земельных наделов не получили. Они были обязаны обрабатывать земли общинного хозяйства под надзором управляющего, а весь урожай отдавать в распоряжение оккупационных властей. Плата за такую работу была мизерной, и единственной формой выживания для многих людей становился личный приусадебный участок.

В декларации германского правительства о частной собственности крестьян на землю говорилось о том, что «германское правительство поощряет и защищает крестьянскую земельную собственность. Поэтому во всех освобожденных от большевиков областях вводится частная собственность на земли для трудового крестьянства» [3: 21]. В обращении германского правительства к крестьянам звучали призывы: «Работай вместе с нами! Чем лучше ты будешь работать, тем лучше будешь жить! Трудолюбивому хозяину – своя земля! Новый порядок землепользования явится основой вашего будущего, заключающегося в единоличном пользовании землей. Срок, в который эта цель будет достигнута, зависит теперь всецело от вашего труда и вашей воли» [8: 32].

В соответствии с приказом городского головы г. Морозовска «все граждане, проживающие в сельской местности, в возрасте от 18 до 45 лет (женщины) и от 18 до 50 лет (мужчины), обязаны были отработать в год 6 дней, а также отработать и коллективное тягло, как-то: лошади, волы по 6 дней в год на строительстве дорог. Из общего числа человеко-дней и коно-дней произвести денежное отчисление 30 процентов на счет Доротдела на содержание аппарата и приобретение строительного материала. Взыскать недоимки прошлых лет с колхозов за не отработку человеко-дней и коно-дней 50 %, то есть 47 223 руб. Срок уплаты взноса установить к 1 сентября 1942 г.» [12: 3].

Как только оккупанты установили свою власть, полным ходом заработали карательные органы, которые в документах нередко называются гестапо. Первой акцией германского командования

в городах и районах были расстрелы советских служащих, активистов, военнопленных. Этим занимались военная комендатура, гестапо и его вспомогательный отряд, жандармерия и полиция. Находились и те, кто содействовал гитлеровцам. Из их числа и формировались районные полиции. Полицаями становились в основном представители местного населения, «обиженные» советской властью, бывшие белогвардейцы, кулаки, уголовники. Однако случалось и так, что в полицаи шли случайные люди по причине безысходности и в целях получения продуктов питания. Большинство документов периода временной оккупации Ростовской области составлено на русском языке и пестрит не столько немецкими, сколько русскими фамилиями [13: 8].

Жители были опутаны паутиной бесчисленных приказов, распоряжениями военных и местных властей, различными видами налогов, платежей и обязательств. Так, старостам хуторских общин Глубокинского района было приказано довести до сведения владельцев индивидуальных хозяйств, что с сентября 1942 г. они должны сдавать по 15 кур с каждого лица [9: 66], у них же (с каждого) потребовали по 25 кг продовольственного зерна (главным образом кукурузы, ячменя, гречихи) и картофеля [9: 154об.], каждая крестьянская усадьба, независимо от того, был или не был урожай, должна была сдать в Госсефонд по 50 г семян группы А (чеснок, сельдерей, пастернак), по 100 г семян группы Б (укроп, редиска, салат, шпинат, редька), по 400 г семян группы С (бобовые, свекла), по 200 г семян группы Д (лук-севок); запрещен вывоз продуктов из районов [9: 154], населению приказано сдать до 20 августа 1942 г. в немецкую комендатуру имеющиеся газовые бутылки, резиновые покрышки и посуду для бензина [12: 15]. Старосте Прогнойского сельского совета комендантом Тарасовского района приказано «немедленно довести задание по сдаче птицы колхозам и частным лицам по месяцам» для целей фронта [15: 143].

На оккупированных территориях в 1941 г. школьный учебный год не начался, немцы не рассчитывали на то, что их победа еще так далеко, но осенью 1942 г. уже был издан указ, согласно которому дети от 8 до 12 лет должны были ходить в школу. Главной же целью учебного заведения было повышение дисциплины, а вернее сказать – послушания. Гитлер был уверен, что русским достаточно уметь читать и писать, а думать и изобретать не обязательно, на это есть арийцы. Со стен школ

сняли портреты Сталина (их заменили на изображения фюрера), детей учили песням и стихам про «немецких орлов», перед которыми стоит склонить головы. Ребята постарше изучали антисемитизм, школьники должны были сами редактировать советские учебники, по которым они и учились, убирая оттуда слишком патриотичные отрывки. Вместе с тем в программе за пятый и шестой класс по литературе значатся произведения русского народного творчества, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Толстого, Кольцова, Тютчева, Тургенева, Некрасова, Чехова [18: 86]. Достаточно много часов отведено изучению русского языка: 128 часов в пятом классе [18: 84–85] и 160 часов в шестом [18: 70–75].

Старались фашисты привлечь и учителей для работы в обновленных школах, которые теперь стали главным источником вражеской пропаганды. Конечно, в основном работников заманивали материальными стимулами: высокой зарплатой в марках [16: 8], хлебным пайком, а также земельным участком.

В начале декабря 1942 г. через города и районы Ростовской области один за другим потянулись бесконечные обозы гитлеровцев, разбитых под Сталинградом. Грязные и оборванные, замотанные в какое-то тряпье, они совсем не походили на тех самоуверенных, храбрых вояк, какими промчались здесь несколько месяцев назад. Десятки санитарных машин доставляли раненых. Госпитали были забиты ими. Комендатуры задыхались от работы. В помещениях было холодно, угля и постельных принадлежностей не хватало. Действуя через бургомистра, военная власть обязала население сдать «все пожертвованное имущество для военнопленных и для армии» [10: 28]. Начальники полиции приказывали предоставлять квартиры эвакуированным из Сталинградской области [15: 101]. Под предлогом проверки исполнения приказов военного коменданта полицейские врываются в дома жителей. Они не только грабили, но и унижали человеческое достоинство.

Особо активно зверствовали оккупанты перед своим бегством. Свидетель Феодосия Ивановна Чернова (г. Шахты) сообщала: «В последние дни перед своим бегством из города Шахты гестаповцы привозили на расстрел по две-три машины людей. В эти дни они возили исключительно женщин и детей. Машины были открыты. Всех женщин и детей бросали в ствол шахты [им. Красина]. Узнать фамилии

этих женщин не было возможности, так как в эти дни была особенно усиленная охрана и никого близко не подпускали» [1: 245].

Перед тем как приговоренных к расстрелу доставить к месту казни, фашистские варвары производили медицинский осмотр и у всех физически здоровых выкачивали кровь для своих госпиталей. Перед приведением приговора в исполнение всех приговоренных раздевали. Всю снятую одежду раздавали предателям из числа полицейских, последние сбывали ее на рынке [1: 245–247об.].

Несмотря на репрессии, немцы постоянно наталкивались на пассивное и активное сопротивление со стороны местных рабочих и крестьян. Большинство советских людей, несмотря на вражескую пропаганду, знало, что час расплаты нацистов за их злодеяния близок. Под угрозой расстрела они читали и распространяли листовки подпольных организаций с информацией о положении на фронтах и успехах Красной армии. Приход советских войск означал для них долгожданное освобождение от невыносимого фашистского рабства.

Источники и литература

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Ростовской области (УФСБ РО). Ф. УКГБ СССР. Оп. 4. Д. 1. Т. 1.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 14.
3. ГАРО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 32.
4. Мы им этого не простим! // Красный шахтер. 1943. № 1. С. 2.
5. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1968.
6. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 9.
7. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 9-а.
8. Центр хранения архивных документов в г. Шахты (далее – ЦХАД). Ф. Р-636. Оп. 1. Д. 1.
9. ЦХАД. Ф. Р-636. Оп. 1. Д. 2.
10. ЦХАД. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 1.
11. ЦХАД. Ф. Р-696. Оп. 1. Д. 2.
12. ЦХАД. Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 3.

13. ЦХАД. Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 8.
14. ЦХАД. Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 13.
15. ЦХАД. Ф. Р-796. Оп. 1. Д. 2.
16. ЦХАД. Ф. Р-796. Оп. 1. Д. 8.
17. ЦХАД. Ф. Р-796. Оп. 1. Д. 13.
18. ЦХАД. Ф. Р-796. Оп. 1. Д. 16.
19. ЦХАД. Ф. Р-796. Оп. 1. Д. 18.

К.В. Воронин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКИХ ЖАНДАРМОВ НА ВОСТОКЕ ДОНБАССА И В ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Основные положения карательной политики в отношении населения захваченных территорий Советского Союза были определены нацистской верхушкой еще до начала Великой Отечественной войны. Они нашли свое выражение в разработанных перед нападением на СССР захватнических планах. Согласно этим планам, районы Восточного Донбасса и южные районы РСФСР должны были войти в так и не созданный рейхскомиссариат «Дон – Волга». Другими планами нацистского руководства было присоединение этих территорий к рейхскомиссариату «Украина», с последующим расширением его на генеральные комиссариаты: “Donland” с центром в г. Ростове-на-Дону и “Wolgaland-Sud” с центром в г. Сталинграде [2: 376].

Необходимо сказать, что система террора на оккупированных территориях была сформирована и опробована на заре захватнической политики нацистского Рейха. Во время присоединения Австрии и оккупации Чехословакии были созданы айнзатцгруппы и айнзатцкоманды, подчинявшиеся имперской полиции безопасности Германии. Личный состав айнзатцгрупп подбирался из сотрудников гестапо, криминальной полиции, полиции порядка, жандармерии и войск СС. Их задачами было выявление, арест и ликвидация противников нацистского режима из числа мирных граждан, подлежащих физическому уничтожению.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2022 г., проект «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)» (№ госрегистрации 122020100347-2).

Накануне Великой Отечественной войны, в мае 1941 г., было создано четыре айнзатцгруппы, разделившие между собой фронт по географическому принципу: группа «А» – страны Прибалтики; группа «В» – Смоленск, Москва; группа «С» – район Киева; группа «D» – южная часть Украины. Группы были разделены на айнзатцкоманды и зондеркоманды, имевшие в своем составе от 120 до 170 человек, из которых: 10–15 человек – офицеры, 40–50 – унтер-офицеры и 50–80 рядовых. Айнзатцкоманды были предназначены для действий в тылу, в то время как возле линии фронта действовали зондеркоманды [6].

Перед этими группами и командами ставились следующие задачи:

- захват и обыск помещений советских партийных, правоохранительных органов и штабов воинских частей;
- захват учреждений, имеющих архивы и картотеки;
- проведение розыскных мероприятий, арестов и уничтожение советских партийных работников, сотрудников НКВД, армейских политработников, офицеров;
- выявление и ликвидация местного партийного и комсомольского актива, общественников, советской агентуры, евреев;
- ведение борьбы в тыловых районах со всеми проявлениями анти-немецкой деятельности;
- информирование командующих тылами немецких армий о положении в подведомственных им районах [6].

Все эти задачи выполнялись айнзатцкомандами и айнзатцгруппами по мере продвижения вермахта вглубь СССР с немецкой педантичностью и максимальной жестокостью.

Бои за Донбасс начались в октябре 1941 г., с момента занятия районного центра Мангуш и крупного портового и промышленного города Мариуполь. В конце октября 1941 г. после ожесточенного сопротивления советские войска оставили города Сталино (Донецк), Макеевку, Горловку, Красноармейск, Славянск. К началу ноября 1941 г. противник, развивая наступление, занял центральную и юго-восточную часть Донбасса, выйдя к рекам Северский Донец и Миус. В ноябре 1941 г. линия фронта стабилизировалась в границах Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области, а в конце ноября – начале декабря 1941 г. советские войска в ходе успешного контр наступления освободили город Ростов-на-Дону и отбросили

немецких захватчиков на рубеж реки Миус. До конца весны 1942 г. на этих рубежах шли ожесточенные позиционные бои. В июне 1942 г. немецкие войска в ходе успешного наступления прорвали советский фронт и устремились на Кавказ. 22 июля 1942 г. советские войска оставили последний районный центр Ворошиловградской области – город Свердловск. Вся территория Донбасса и южного Примиусья оставалась оккупированной до февраля – августа 1943 г. и была включена в так называемую прифронтовую зону, подчиняющуюся непосредственно военному командованию.

Система карательного режима на оккупированных территориях СССР состояла из трех практически автономных и взаимопересекающихся (территориально и административно) ветвей власти: гражданской администрации, представленной органами Министерства по делам оккупированных восточных областей, различных военных оккупационных инстанций и аппарата полиции и СС [5]. Однако на Донбассе и в южных примиусских районах подобную жизнеспособную структуру немцам удалось создать лишь частично. Причинами этого стала нестабильная линия фронта, принятые советским руководством меры по эвакуации производственных мощностей и материальных ценностей, значительные разрушения оккупированных территорий боевыми действиями и, наконец, героическое сопротивление населения этих областей и районов оккупационному режиму [4].

Экономическая значимость и большая площадь захваченных территорий, частая «подвижность» фронта, а также нарастающее антифашистское сопротивление вынудили немецкое командование сосредоточить здесь значительное количество карательных органов и подразделений.

Административное управление осуществлялось полевыми и местными комендатурами, находившимися в подчинении командиров подразделений группы армий «Юг». Для наведения «нового порядка» в регион в разное время прибыли представители подразделений айнзатцгрупп «С» и «D», СД и полевой жандармерии. Начальником СД являлся оберштурмбанфюрер СС Кёртинг, руководителем всех полицейских формирований, включая жандармерию, был бригадефюрер СС и генерал полиции Деринг. Центром их размещения стал город

Сталино. Фактически карательная политика в регионе координировалась и осуществлялась двумя этими структурами.

С осени 1941 г. до лета 1942 г. карательную политику в регионе проводили подразделения айнзатцгрупп «С» и «D», входящие в них зондергруппы с привлечением различных, зачастую случайных подразделений вермахта и СС, а также небольшое количество местных коллаборационистов.

В июне 1942 г. в г. Сталино начала прибывать специально созданная для карательной работы на Донбассе жандармская команда. Эта команда формировалась с мая по июль 1942 г. в г. Магдебург (Германия), состояла из 500 человек, набранных из 100 жандармов со всей Германии и 400 полицейских, находившихся в резерве. Командиром этого подразделения был назначен подполковник жандармерии Ханцог, его помощником – капитан жандармерии Галонска. Во время сбора и формирования в Германии личный состав жандармской команды проходил обучение, при котором особое внимание уделялось обращению с оружием для борьбы с партизанами и парашютистами. Со всем личным составом еженедельно проводились обязательные занятия по национал-социалистическому воспитанию. Вся команда была поделена на три отдельных взвода, оснащенных легким пехотным вооружением. В каждом взводе имелась полевая радиостанция [1: 4].

По окончании Великой Отечественной войны в 1949 г. на территории Германии органами государственной безопасности СССР был разыскан и арестован гауптман Эрнст-Эмиль Ренатус, с июня 1942 г. по февраль 1943 г. бывший начальником окружной жандармерии Восточного Донбасса и Примиусья. Материалы признательных показаний из уголовного дела Ренатуса раскрывают те преступные цели и задачи нацистского руководства в отношении захваченного региона, бесчеловечного исполнения которых была призвана добиваться жандармская команда под его командованием.

Первым в г. Сталино в конце июня 1942 г. прибыл предварительный жандармский отряд в количестве 100 человек под командованием капитана жандармерии Хольма [1: 8]. Остальные подразделения команды прибывали на Донбасс с конца июля до начала августа 1942 г. Необходимо сказать, что еще до отправки на территорию СССР команда была разделена на 3 жандармских отряда (гауптманшафта)

и 20 жандармских взводов. Эти отряды заранее были распределены по крупнейшим городам региона – Сталино, Славянск и Ворошиловград (Луганск), причем на момент распределения жандармских отрядов Ворошиловград еще не был оккупирован нацистами [1: 3]. Для обеспечения безопасности внутри г. Сталино, превращенного нацистами в административно-оккупационный центр Восточного Донбасса и южного Примиусья, в начале августа 1942 г. из Германии дополнительно был прислан специальный жандармский отряд под руководством подполковника полиции Лозе [1: 9].

Прибыв на Донбасс, жандармские команды активно включились в борьбу с патриотами и наведению «нового порядка». Жандармы из предварительной команды с июня по август 1942 г. ежедневно по 30 человек привлекались для расстрелов коммунистов и евреев, вследствие чего у многих из них появились нервные заболевания и их откомандировали обратно в Германию. До прибытия основной части команды ими было расстреляно около 500 человек [1: 8, 63]. Перед жандармской командой были поставлены следующие задачи:

1. Формирование украинской полиции из ранее созданной самим населением милиции.

2. «Усмирение» области путем уничтожения евреев, а также всех антигерманских элементов, в особенности коммунистов.

3. Осуществление судопроизводства жандармскими окружными руководителями (командирами взводов).

4. Организация учета населения.

5. Организация концлагерей для антифашистских элементов и преступников согласно германским уголовным законам.

6. Уничтожение партизан и парашютистов (последних по возможности необходимо было задерживать и передавать для допроса в армию).

7. Охрана урожая и сельскохозяйственных продуктов.

8. Охрана промышленных объектов, используемых в интересах Германии [1: 4].

Задача по созданию украинской полиции стала одной из важнейших для жандармского руководства. До прибытия жандармов на Донбассе формирования коллаборационистов назывались милицией и координировались гестапо [1: 33–35]. С августа 1942 г. разрозненные

группы коллаборантов-«милиционеров» были объединены в украинскую полицию под управлением жандармерии, их переформирование было закончено к 1 ноября 1942 г. [1: 10–18]. Во всех районных центрах Восточного Донбасса были организованы районные комендатуры украинской полиции во главе с районным комендантом из числа местных коллаборантов.

К концу августа 1942 г. жандармская команда была повзводно распределена по 5 населенным пунктам региона: Ворошиловградский район (без Ворошиловграда), города Ровеньки, Красный Луч, Серго и Чистяково. Эти территории вместе с прилегающими к ним территориями стали называться жандармскими округами, а командиры взводов – окружными жандармскими руководителями. В более мелких населенных пунктах находились жандармские посты численностью до 8–10 жандармов, усиленные украинской полицией [1: 30–31]. Все эти жандармские подразделения с июня по февраль 1943 г. отметились многочисленными преступлениями в отношении советских граждан – военнослужащих и гражданских лиц.

Так, в последних числах сентября 1942 г. сотрудники жандармской команды расстреляли 11 коммунистов в саду горкомхоза города Красный Луч [3]. В селе Успенка Ростовской области находился жандармский пост, подчинявшийся гауптманшафту города Красный Луч. При отступлении из села в начале февраля 1943 г. жандармами этого поста под руководством гауптвахмистра Яго были расстреляны 8 коммунистов, заключенных в местной тюрьме [1: 38–39].

Но самым известным преступлением этой жандармской команды стал арест, пытки и казнь членов подпольной молодежной коммунистической организации «Молодая гвардия» в городах Краснодар и Ровеньки. Следствие и допросы по делу «Молодой гвардии» проводил руководитель жандармского поста в городе Краснодоне гауптвахмистр Зонс при активной помощи начальника городской полиции Саликовского. Расстрелом руководителей «Молодой гвардии» Кошевого и Шевцовой в городе Ровеньки командовал начальник Краснодонского гауптманшафта лейтенант Виннер, а исполнителями были жандармы его отряда и украинская полиция [1: 23].

Несмотря на жесточайшие репрессивно-карательные меры на оккупированных территориях Восточного Донбасса и южного

Примиусья, важнейшую стратегическую задачу по принудительному восстановлению работоспособности тяжелой промышленности региона и возобновлению добычи полезных ископаемых в интересах Германии немецкой карательной системе выполнить не удалось. Благодаря отработанной полицейской системе и профессиональному кадровому составу нацистским спецслужбам удалось в значительной степени нейтрализовать партизанское и подпольное движение в регионе, но полностью искоренить его не получилось. Применяемые бесчеловечные карательные акции, рабская эксплуатация труда обреченных на голодную смерть военнопленных и насаждаемая «германизация» и «украинизация» оттолкнули от оккупантов подавляющую часть населения и вызвали нарастающую волну всеобщего народного сопротивления.

Источники и литература

1. Архив Министерства государственной безопасности Луганской Народной Республики (МГБ ЛНР). Ф. 56. Оп. 1. Т. 2.
2. *Загоруйко М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург». 3-е изд. М., 1990.
3. Красный Луч. Оккупация: 409 суток темной ночи. URL: [http:// https://redray-lnr-news.su/allnews/important_day/12778-krasnyu-luch-okkupaciya-409-sutok-temnoy-nochi.html](http://https://redray-lnr-news.su/allnews/important_day/12778-krasnyu-luch-okkupaciya-409-sutok-temnoy-nochi.html) (дата обращения: 14.03.2022).
4. *Медведев М.В., Перегудов А.В., Синицын Ф.Л.* Нацистская карательная политика на оккупированной территории Ростовской и Сталинградской областей в 1942–1943 гг. // Белорусский исторический обзор. 2020. № 1 (3). С. 158–168.
5. *Романько О.В.* Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму 1941–1944 гг. URL: [http:// https://booksafe.net/read/romanko_oleg-krym_pod_pyatoy_gitlera_nemeckaya_okkupacionnaya_politika_v_krymu_1941_1944_gg-212648.html#p17](http://https://booksafe.net/read/romanko_oleg-krym_pod_pyatoy_gitlera_nemeckaya_okkupacionnaya_politika_v_krymu_1941_1944_gg-212648.html#p17) (дата обращения: 29.03.2022).
6. *Чуев С.Г.* Спецслужбы Третьего Рейха. Кн. 2. URL: <https://history.wikireading.ru/122574> (дата обращения: 29.03.2022).

Г.В. Петров

СТАРИКИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Несмотря на значительное количество исследований по истории Великой Отечественной войны, определенные темы и проблемы до сих пор остаются крайне малоизученными. К таковым относится проблема положения стариков на оккупированных территориях РСФСР в годы Великой Отечественной войны и преступлений немецко-фашистских захватчиков в отношении этой социальной группы. В последнее время все чаще появляются работы исследователей о судьбах женщин, детей и молодежи в годы войны, однако проблема старости в контексте военного времени, преступления против стариков, а также их положение на оккупированных территориях практически не рассматриваются. Тем не менее, учитывая специфику данной социальной группы, преступления против стариков в годы Великой Отечественной войны должны квалифицироваться как особый аспект преступлений против человечности. В контексте возрастающего внимания общества к теме оккупационного режима данная проблема также представляется крайне важной, а исследование – значимым и своевременным.

Исследование нацистской оккупации и связанных с ней преступлений захватчиков и их пособников на территории Ростовской области во многом отражало общие тенденции в развитии отечественной историографии рассматриваемой проблемы [5: 27]. При этом на изучении данной проблемы серьезным образом отразилась специфика событий, происходивших непосредственно в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны. Специфика эта определялась тем, что части вермахта вторглись на территорию Ростовской области уже на четвертый месяц после начала войны. Однако в ходе советского контрнаступления к началу зимы 1941 г. войска противника впервые с начала войны оказались отброшены, а административный центр Ростовской области и часть районов были освобождены.

Это стало причиной того, что сбор информации и документирование последствий нацистской оккупации для Ростова-на-Дону, а также прилегающих районов были начаты одними из первых среди прочих

областей РСФСР. На тот момент еще не были выработаны нормативно-правовая основа и механизмы выявления и расследования нацистских преступлений против советского населения. В результате собранные сведения о злодеяниях и разрушениях в Ростове-на-Дону и в других населенных пунктах, а также рассказы жителей о зверствах оккупантов попадали сначала в сводки Совинформбюро, а затем стали появляться в нотах наркома иностранных дел В.М. Молотова. Помимо этого, часть информации публиковалась в различных статьях периодической печати и в небольших брошюрах [5: 27].

Если говорить об организованном процессе сбора и документирования преступлений фашистских захватчиков и последствий оккупации в целом, то здесь, конечно же, необходимо отметить деятельность Ростовской областной комиссии, которая проделала значительную работу в данной сфере. Достаточно сказать, что только к расследованию преступлений были привлечены 14,5 тыс. свидетелей. Был подготовлен специальный сборник документов и материалов «Следы фашистского зверя на Дону» [10; 11], в первом выпуске которого рассказывалось об уничтожении советских военнопленных и психически больных людей. Факты зверств захватчиков, зафиксированные в актах и воспоминаниях очевидцев, были неоднократно озвучены в сводках Совинформбюро и других публикациях. Документы о насилии над жителями и материальном ущербе от оккупации в Ростовской области, в том числе ранее опубликованные в печати, были представлены и в обобщающих сборниках документов. О них также рассказывали писатели и журналисты в небольших очерках пропагандистского характера. Ростовская областная комиссия готовила материалы и для Нюрнбергского судебного процесса над бывшими руководителями нацистской Германии, что говорит о высокой значимости собранного ею материала, а также масштабе преступлений, совершенных оккупантами на Дону [5: 28].

В настоящее время документы Ростовской областной комиссии остаются одним из главных комплексов источников в изучении рассматриваемой проблемы. Они содержатся в фондах трех государственных архивов: 1) в фонде Р-7021 ЧГК СССР в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) они составляют опись 40 – 862 дела, а также отдельные документы описи 125, в которой хранится переписка ЧГК

с областными, краевыми и республиканскими комиссиями содействия [7–9]; 2) в фонде Р-1886 Ростовской областной чрезвычайной комиссии по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам города Ростова-на-Дону и Ростовской области, в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) содержится 20 дел [16–25]; 3) в фонде Р-3613 комиссии при Ростовском облисполкоме по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам города Ростова и Ростовской области, в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) – 450 дел [10–12]. Кроме того, документы по отдельным районам хранятся в муниципальных архивах Ростовской области. Помимо уже указанных документов, информация о преступлениях оккупантов и их пособников из числа местных жителей в Ростовской области и их расследовании содержится в архиве Управления Федеральной службы безопасности России по Ростовской области [1–3], но доступ ко многим документам при этом по-прежнему ограничен в силу наличия в них значительного количества конфиденциальных сведений [5: 28].

Настоящее исследование было проведено на базе архивных материалов, опубликованных в рамках проектов «Без срока давности» [14] и «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [15]. Как было сказано выше, одним из главных комплексов источников в изучении рассматриваемой проблемы являются документы Ростовской областной ЧГК, которой была проделана колоссальная работа по поиску свидетелей и фиксации информации. Сборник документов «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ростовская область» [5] расширяет источниковую базу об оккупационной политике нацистов и их преступлениях против человечности, и в частности против стариков. В ходе работы было изучено более 250 документов по истории оккупации Ростовской области, часть из которых впервые введены в научный оборот. К ним относятся дела из фондов ГАРФ, ГАРО, ЦДНИРО, муниципальных архивов Ростовской области, а также архива УФСБ России по Ростовской области [5: 28].

Среди всего комплекса источников были выделены документы, в которых содержится информация о положении стариков и преступлениях фашистских захватчиков против данной социальной группы. К ним относятся: акты Ростовской областной ЧГК, акты районных и городских комиссий, комиссий хуторов и сельских советов, докладные записки начальников районных и городских отделов НКВД, справки по материалам районных отделений НКВД, а также показания жителей оккупированных территорий, ставших очевидцами тех ужасных событий [5: 29]. Всего было выявлено около 30 документов, относящихся к проблематике исследования, в 16 из которых содержатся упоминания конкретных граждан с указанием их фамилий и возраста.

Указанные документы содержат свидетельства того, что старики на оккупированных территориях подвергались безнаказанным репрессиям и насилию со стороны любой военной и полицейской структуры, армии, СС, айнзацкоманд либо гражданской администрации [4: 8]. Деятельность оккупантов на территории захваченных областей осуществлялась как согласно директивам в отношении населения восточных территорий, полученным от немецкого командования, так и с учетом индивидуальных поведенческих особенностей отдельных представителей нацистов, их союзников и коллаборационистов. В сборнике приводятся свидетельства крайне жестокого поведения, фактов насилия со стороны немецких, итальянских и румынских солдат в отношении стариков, в частности, в Ростове-на-Дону было зафиксировано использование мирных жителей, в том числе стариков, в качестве заградительного барьера против советских танков [13: 56–57].

Обычным делом были мародерство, грабежи, угон скота оккупантами [5: 31]. Грабежи квартир, как правило, производились немцами через полицию под видом обысков. За сопротивление мирных жителей избивали и расстреливали [16: 5, 6]. Подобный случай, в частности, описан в сочинении ученицы 7-го класса школы № 19 Сталинского района г. Ростова-на-Дону Е. Колошеиной «Зверства фашистов в Ростове», повествующем о грабежах и убийствах мирного населения города. Важно отметить, что сочинение датируется 4 апреля 1942 г. В нем Е. Колошеина пишет о том, как однажды «один немец снял у проходящего мимо него старика меховую шапку. Старик начал сопротивляться. Он не хотел отдать свою шапку, и озверевший немец убил его» [17: 3, 4].

Характерным примером также является судьба жителей хутора Весёлого Ростовской области, в котором в период оккупации с 27 июня 1942 г. по 22 января 1943 г. ежедневно у населения отбирали скот, хлеб, зерно, овощи, муку. В хуторе проводились массовые порки стариков плетьюми. Это отражено в акте комиссии хутора Весёлого о расстрелах и насилии над жителями хутора от 24 мая 1943 г.: «Фашистские варвары без всяких причин в хуторе Весёлом произвели массовые порки, избивали плетьюми стариков и детей, ни в чем не повинных» [19: 70]. К сожалению, поскольку в документе отсутствует указание района, к которому принадлежал упомянутый хутор, а на территории Ростовской области хуторов с таким названием несколько, не представляется возможным с точностью определить место указанных событий. Однако этот факт никоим образом не умаляет значимость и научный интерес данного документа, являющегося ярким доказательством бесчеловечных преступлений оккупантов на захваченных территориях Ростовской области.

Помимо прочего, оккупанты практиковали систему взятия заложников, а также жестокое наказание мирного населения за «проступки» их соседей или партизан. В акте № 20 Сальской районной комиссии о массовых расстрелах мирного населения в карьерах кирпичного завода г. Сальска Ростовской области содержится описание подобного случая [23: 85, 86]. В районе г. Сальска немецкий солдат, находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершил попытку изнасилования дочери железнодорожного кондуктора товарища Секирко (который упоминается как старик). Увидев происходящее, Секирко «схватил топор и убил насильника, а затем скрылся со всей своей семьей» [23: 85, 86]. После неудачных поисков захватчики применили следующую меру наказания: «...не найдя старика Секирко, взяли шесть стариков из соседних домов и затем расстреляли их» [23: 85, 86].

В ходе исследования были сделаны следующие выводы. Оккупационная политика немецко-фашистских захватчиков по отношению к незащитным старикам, проживавшим на занятых противником территориях в годы Великой Отечественной войны, и всему населению в целом носила бесчеловечный характер и была направлена на уничтожение и эксплуатацию советских граждан, в частности пожилых людей, в интересах Германии и ее союзников. Огромное

количество ни в чем не повинных стариков было зверски замучено, повешено, расстреляно, заживо сожжено по приказам командиров воинских частей и других представителей фашистских властей [5: 33]. Данные выводы подтверждаются корпусом архивных материалов, изученных в ходе исследования. Подобное бесчеловечное обращение с незащитными людьми пожилого возраста, без сомнения, не имеет никаких оправданий и не укладывается в восприятие адекватного и цивилизованного человека.

Однако нельзя оставлять без внимания тот факт, что и в настоящее время уязвимость людей пожилого возраста продолжает сохраняться, а степень виктимогенности в условиях стремительной трансформации социума – увеличиваться [6: 568]. Это обусловлено рядом тенденций, стимулируемых процессом глобализации населения планеты. Во-первых, человеческая личность в современном обществе все больше теряет свою социальную идентичность, что сопровождается параллельно идущим процессом крайней индивидуализации, рискующей перейти в полный отрыв от социума. Во-вторых, повсеместно наблюдается падение нравственно-правовых и моральных ценностей, в первую очередь семейных. Все это приводит к повышению уровня виктимизации и уязвимости стариков, степень безопасности которых в большей степени, чем для представителей других социальных групп, определяется стабильностью семьи как социального института. Кризис в этой сфере не только резко снижает защитный потенциал семейных отношений, но и нередко ведет к их прямой криминализации, жертвой которой в первую очередь становятся старики [6: 568].

Подводя итог вышесказанному, следует признать, что проблема преступлений против стариков не только в годы Великой Отечественной войны, но и в настоящее время является одной из острых и заслуживает повышенного внимания как со стороны общества, так и государственных структур. Необходимо воспитание в обществе уважительного отношения к пожилым людям, а также культивирование у молодого поколения чувства ответственности за поколение старшее. В этом, в числе прочего, может помочь обращение к истории нашей страны и тем бесчисленным примерам жестокости по отношению к незащитным старикам, которые нам оставил период Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Ростовской области (далее – АУФСБ России по РО). Ф. УКГБ СССР РО. Оп. 4. Д. 1.
2. АУФСБ России по РО. Ф. УКГБ СССР РО. Оп. 4. Д. 2.
3. АУФСБ России по РО. Ф. УМГБ СССР РО. Оп. 4. Д. 1.
4. *Астафьев П.Б.* Большевики Ростова-на-Дону в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1952.
5. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ростовская область. Сб. док. М., 2020.
6. *Вишневицкий К.В.* К вопросу о виктимизации людей преклонного возраста // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 565–568.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 40. Д. 3.
8. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 40. Д. 8.
9. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-165. Оп. 5. Д. 4.
10. ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 17.
11. ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 17а.
12. ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 444.
13. *Маркусенко И.С.* Дон в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д., 1977.
14. Проект «Без срока давности». URL: <https://безсрокадавности.рф> (дата обращения: 16.02.2022).
15. Проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». URL: <https://victims.rusarchives.ru> (дата обращения: 15.02.2022).
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 7.
17. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 3. Д. 7.
18. ЦДНИРО. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 73.
19. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1.
20. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 3.

21. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 4.
22. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 5.
23. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 8.
24. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 9.
25. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 106.

О.А. Шпрингер

СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИЗ «МАРГАНЦЕВЫХ КОМАНД»

Данное исследование опирается на многолетнюю работу по тематике плена, проводимую коллективом поисковиков – активистов форума «Авиация СВВ» (<https://www.sgvavia.ru/forum/73>). Отправной точкой и одним из основных источников информации о судьбах советских бойцов и командиров, пленённых в годы Великой Отечественной войны, являются персональные карты военнопленных, в частности “Personalkarte I” (Персональная карта I, далее ПК-1) [10]. Каждый из этих документов свидетельствует о трагедии конкретного человека. Вместе с тем сравнительный анализ ПК-1 между собой, а также привлечение других данных позволяет восстановить фрагменты истории лагерей (дулагов, шталагов), выявить закономерности системы порабощения и принудительного труда, обнажить экономическую подоплеку Второй мировой войны.

Гитлеровцы создали на оккупированной территории СССР обширную сеть пересыльных пунктов – для быстрой отправки военнопленных в рейх и иные подконтрольные ему владения вне советских границ. Но многим пленным, преимущественно красноармейцам (рядовым), была уготована иная участь. Их переводили в рабочие лагеря, развернутые в том числе в Днепропетровской области, в Донбассе и на прилегающих территориях: например, в шталаг 387 (г. Сталино), шталаг 385 (с изначальной дислокацией в г. Чистяково), шталаг 338 (г. Кривой Рог). Они составляли единую систему эксплуатации и принудительного труда, направленную на максимальное и быстрое извлечение материальной прибыли с оккупированных рейхом территорий.

Помимо восстановления угольных шахт, оккупанты уделяли особое внимание разработке месторождений марганца – незаменимой легирующей добавки к стали. «Эксплуатацию предприятий Никопольского марганцеворудного комплекса, как и каменноугольной, железорудной отраслей, осуществляла государственная монополия компания Берг-унд Хюттенверке Ост (БХО)... по сравнению с добычей марганцевой руды, которая должна была быть налажена в первую очередь, железорудные рудники Кривого Рога отходили на второй план... В Криворожском железорудном бассейне было демонтировано все оставшееся пригодное для использования оборудование и отправлено на марганцевые рудники Никополя. Часть недостающих агрегатов и материалов были доставлены из Германии... наиболее активная деятельность БХО на никопольских рудниках развернулась с середины 1942 г., чему способствовало частичное восстановление шахт и налаживание производства на обогатительной установке Шолохово» [1: 9, 21– 22].

Мы вводим условный термин «марганцевые команды» для обозначения Arbeitskommandos (рабочих команд советских военнопленных, далее АК), связанных с принудительным трудом по добыче и обогащению марганцевых руд Никопольского марганцеворудного бассейна. Анализ ПК-1 позволяет выявить минимум пять таких АК в трех пунктах дислокации: г. Марганец (АК Марганец-1 и АК Магранец-2) [15], расположенное неподалеку село Максимовка (АК Максимовка) [12], а также село Шолохово Никопольского района (АК Шолохово-1 и АК Шолохово-2) [13].

Шолохово находится на территории Западно-Никопольского месторождения (крупная Западная рудная залежь), окаймленного реками Соленая, Базавлук и Чертомлык [9: 363]. Немного восточнее, в районе г. Марганец, богаты рудой такие участки Никопольского бассейна, как Грушевско-Басанский, Коминтерн-Марьевский, Максимова-Тимошевский [9: 411, 450, 485].

Некоторые моменты истории «марганцевых команд» можно проследить по записям в ПК-1. Вот один из характерных примеров [5]. Красноармеец Новоселов Николай Сергеевич (1917 г.р.) пленен 18 мая 1942 г. в г. Керчь. Гражданская специальность – горный техник. Военнопленный прошел регистрацию в шталаге 338 (г. Кривой Рог)

и прибыл в АК Марганец 18 июня 1942 г. В марте – апреле 1943 г. эту рабочую команду (как и другие «марганцевые команды») вывели из подчинения шталагу 338 и переподчинили шталагу 385, о чем появились соответствующие пометки в ПК-1. Анализируя карты военнопленных, в 2011 г. поисковик Г.Ю. Кушелев предположил миграцию шталага 385 из Донбасса на запад [18]. Видимо, администрация шталага 385 перемещается из г. Чистяково (Донецкая область) в Днепропетровскую область – в города Никополь или Марганец [14: 836]. С весны 1943 г. по ПК-1 не прослеживается судьба «угольных рабочих команд» (г. Чистяково); не исключен вариант этапирования этих пленных в рейх (с перерегистрацией и оформлением новых ПК-1); о возможных причинах см.: [16: 45].

Формальные переподчинения едва ли что-то меняли в работе «марганцевых команд». Военнопленный Н.С. Новоселов по-прежнему находился в АК Марганец, а 18 мая 1943 г. его перевели в АК Шолохово-2. Осенью 1943 г. шталаг 385 прекратил существование как административная единица [14: 836], и «марганцевые команды» опять переподчинили шталагу 338, администрация которого в ноябре 1943 г. переместилась из Кривого Рога в западную часть Николаевской области – в г. Первомайск или г. Вознесенск [17; 14: 733]. Согласно записям в ПК-1, к 20 января 1944 г. пленных шталага 338 эвакуировали из рабочих команд («марганцевых» и других) в сборный пункт Арнаутовка (ныне Дорошовка Николаевской области) и отправили в рейх. В феврале 1944 г. Н.С. Новоселов прошел регистрацию в шталаге VIII F (318/ 344, Ламсдорф – ныне Ламбиновице, Польша), где 8 марта 1944 г. умер от гриппа [5].

Администратор форума «Авиация СГВ» А.И. Ваничкин выявил факты перемещения пленных из «марганцевых команд» в Ламсдорф [13], а поисковик В. Алексеев определил примерные границы этого этапа (этапов) [17] – минимальный диапазон присвоенных шталагом VIII F регистрационных номеров: 85885– 89955. Это более 4000 человек, предназначенных для принудительного труда на шахтах и других предприятиях Верхней Силезии.

Нещадная эксплуатация приводила к массовой смертности советских военнопленных и в рейхе, и на оккупированных территориях. Многие погибли в «марганцевых командах» на днепровпетровской земле.

Красноармеец Вартанян Егише Бегларович (1911 г.р.) пленен 12 июля 1942 г. в районе г. Моздок. Сначала прошел регистрацию в шталаге 345 (г. Смела Черкасской области), а 2 мая 1943 г. прибыл в АК Марганец-1, где через неделю (10 мая) скончался [2].

Красноармеец Зитохумбетов Урумбай Зитохумбетович (1908 г.р.) попал в плен 11 января 1943 г. в поселке Котельниково Сталинградской области. Сначала прошел регистрацию в шталаге 312, который летом 1942 г. переместился из рейха в Донбасс и дислоцировался в поселке Ханженково (ныне район г. Макеевка Донецкой области) [14: 664–665; 11]. 3 марта 1943 г. У.З. Зитохумбетов прибыл в АК Максимовка. Умер 18 мая 1943 г. в этой рабочей команде [4].

Красноармеец Гелашвили Георгий Константинович (1919 г.р.) 17 мая 1942 г. пленен в районе г. Славянск Донецкой области. Сначала был этапирован в г. Шепетовка Хмельницкой области, но 14 июля 1942 г. направлен в шталаг 338 (Кривой Рог) и уже через неделю прибыл в АК Шолохово. Погиб в плену 12 апреля 1943 г. [3].

Нам пока не удалось найти достоверных сведений о том, где похоронены пленные, умершие в АК Шолохово и АК Максимовка. Их имена не увековечены. В г. Марганец есть братская могила военнопленных на городском кладбище, по адресу ул. 40 лет Октября: в паспорте захоронения ВМЦ-ЗУ380-04-518 числятся 640 неизвестных [8]. Но эта «безымянность» во многом условна! В ОБД «Мемориал» по первичному месту захоронения «Марганец» проиндексированы 74 ПК-1, «Максимовка» – 53, «Шолохово» – 21. За каждым документом – судьба военнопленного и трагедия родных «пропавшего без вести». Списки могут быть дополнены в ходе исследований массива ПК-1, неизвестные погибшие обретают имена [12; 13; 15].

Источники и литература

1. Дятчин М.В. Эксплуатация Германией марганцеворудной промышленности оккупированных регионов СССР в 1941–1944 гг.: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2003. 26 с.
2. Информация о военнопленном: Вартанян Егише Бегларович // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=300770942&rp=1> (дата обращения: 27.03.2022).

3. Информация о военнопленном: Гелашвили Георгий Константинович // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=300791156> (дата обращения: 27.03.2022).
4. Информация о военнопленном: Зитохумбетов Урумбай Зитохумбетович // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=300704827> (дата обращения: 27.03.2022).
5. Информация о военнопленном: Новоселов Николай Сергеевич // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=300128635&page=2&p=1> (дата обращения: 27.03.2022).
6. Информация о захоронении: ЗУ380-04-518 // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=83522555> (дата обращения: 27.03.2022).
7. Никопольский марганцеворудный бассейн. М.: Недра, 1964. 535 с.
8. Персональная карточка № 1 // Центр документации Дрезден. URL: <https://ru.stsg.de/cms/dokstelle/content/vydacha-spravok/grazhdane-sssr/voennoplennye/dokumenty/personalnaya-kartochka-i/personalkart> (дата обращения: 28.03.2022).
9. Тайна шталага 312 на территории Донбасса. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/79-10835-1> (дата обращения: 29.03.2022).
10. Arbeitskommando in Maximowka. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/79-10673-1> (дата обращения: 27.03.2022).
11. Arbeitskommando in Scholochowo. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/79-6124-1> (дата обращения: 27.03.2022).
12. Encyclopedia of CAMPS AND GHETTOS, 1933–1945. Vol. IV. Indiana, 2022. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=qsRLEAAAQBAJ&pg=GBS.PP1&hl=ru&printsec=frontcover> (дата обращения: 27.03.2022).
13. Kgf. Lager in Marganez. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/79-1198-1> (дата обращения: 27.03.2022).
14. *Penter T. Kohle für Hitler. Der Donbass unter deutscher Besatzung. // Einsicht 06. Bulletin des Fritz Bauer Instituts. Frankfurt am Main, 2011. С. 40–47.* URL: https://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/18000/1/Einsicht-06_Penter.pdf (дата обращения: 27.03.2022).
15. Stalag 338. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/79-563-1> (дата обращения: 27.03.2022).
16. Stalag 385. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/79-1197-1> (дата обращения: 27.03.2022).

А.В. Венков**ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ВЕРМАХТА О КОЛЛАБОРАЦИОНИСТАХ**

Вопрос о количестве предателей напрямую связан с вопросом о количестве советских военнопленных. По немецким данным, в плен попало 5,7 млн советских граждан, по советским данным – 4 млн человек. На декабрь 1941 г. в немецком плену числилось 3350 тыс. советских граждан, т.е. подавляющее большинство попало в плен в 1941 г. 3,3 млн человек погибли в плену, из них около 2 млн – к весне 1942 г. К 1 января 1945 г., по немецким данным, в плену оставались 930 287 советских граждан. В ходе наступления советских войск были освобождены около 2 млн пленных. Сами немцы до мая 1944 г. освободили более 800 тыс. пленных из Украины, Белоруссии и Прибалтики [16: 313–314].

Военнопленные и стали основным контингентом, из которого набирались коллаборационисты. Условия для этого были созданы самими обстоятельствами 1941 г. Немцы, видимо, не были готовы к содержанию такого количества пленных. В октябре 1941 г. смертность среди пленных из-за отсутствия минимальных средств к существованию достигала 3 % в день. Во многих лагерях «имели также место случаи массового каннибализма» [10: 64, 65]. Были случаи массовых расстрелов немцами дезертиров из Красной армии, поскольку их нечем было кормить и нельзя было отпустить. «Гибель была уготована и многим раненым. Лишь высшие советские офицеры могли рассчитывать на квалифицированную медицинскую помощь» [10: 64].

Самой распространенной возможностью вырваться из плена являлось рекрутирование в германскую армию или полицию. Гагская и Женевская конвенции запрещали использовать пленных в войне против их собственной страны. Считалось, что все пленные, поступавшие в германские войска или полицию, делали это «добровольно»: «Судя по многочисленным воспоминаниям, главной побудительной причиной для большей части пленных становился именно голод и боязнь наказания... Необходимо также учитывать, что у части пленных немцы и не спрашивали согласия» [10: 65]. «Добровольность» зачастую оформлялась фиктивно. Немцы просто отбирали физически крепких пленных во вспомогательные формирования. «Подобная приказная практика применялась повсеместно на последнем этапе войны» [10: 65].

В мае 1945 г. генерал А. Йодль передал советским представителям справку о численности советских военнопленных, служивших в вермахте. Таковых набралось около 700 тыс. человек, причем власовская армия и казачьи части в вермахт организационно не входили [16: 320].

Первые «добровольные помощники» в вермахте появились на раннем этапе войны на тыловых должностях и без оружия. Одновременно начали формироваться «восточные войска» (не больше батальона на дивизию). С 1943 г. для таких формирований ввели обязательную присягу Гитлеру. В 1942 г. немцы начали формировать Русскую национальную народную армию, в штаб которой входил К.Г. Кромиади, а затем Г.Н. Жиленков, но в 1943 г. расформировали. Приказ о формировании Русской освободительной армии под командованием пресловутого генерала А.Н. Власова вышел уже в конце октября 1944 г. РОА состояла всего из трех дивизий.

Цель привлечения германским командованием коллаборационистов видна из докладной записки генерала восточных войск Г. Гельмиха от 22 марта 1943 г.:

«Последовательно была проведена подготовка местных жителей к использованию в целях:

- а) восполнения недостатка немецких частей в живой силе;
- б) умиротворения и обеспечения безопасности в занятых районах (борьба с бандами и т.д.);
- в) осуществление разведки на фронте.

Таким образом, создание восточных формирований явилось средством высвобождения немецких сил.

По мере необходимости местные жители и военнопленные (казачьи части, туркестанские легионы, равно как и добровольцы вспомогательной службы в войсках и на разведывательной службе) использовались в военных действиях. Этим они существенно способствовали сохранению немецких сил. Это есть, и это должно оставаться целью восточных формирований» [6: 389].

Немецкое командование относилось к проблеме коллаборационистов вполне утилитарно – за их счет сохранялись силы самих немцев.

Немецкие солдаты относились к коллаборационистам как к исполнителям грязной работы. Так, немецкий солдат увидел в Минске солдат в русской военной форме, но с белыми повязками. «Это были

русские перебежчики. Они сами вызвались караулить товарищей, что как нельзя лучше устраивало наших власти: кто еще может заставить русских пленников целый день трудиться?» [15: 32].

Большая часть формирований из пленных организовывалась непосредственно немцами и за пределами СССР.

Формировались и национальные части – литовские, эстонские, латышские и западноукраинские. Особо показательна в этом отношении ситуация в Прибалтике. «Прибалтийское население – за малым исключением – приветствовало вступление немецких войск. Местные власти сразу же были готовы к сотрудничеству», – отмечал немецкий офицер [17: 318]. Сразу же были сформированы местные полицейские батальоны – батальоны шуцманов. «До конца немецкой оккупации в батальонах шуцманов насчитывалось 9000 эстонцев и 15 644 латыша, которые по продолжении войны временами откомандировывались на фронт» [17: 331].

На эти подразделения зачастую возлагалось уничтожение евреев в Прибалтике. «Так, только в ночь на 26 июня в Ковно литовцами было уничтожено 1500 евреев... Литовская криминальная полиция безопасности пошла еще дальше того, чего желали германские заказчики» [17: 337].

Впрочем, прибалтийские формирования не отличались большой верностью на завершающем этапе войны. Так, в 1944 г. из латышей готовилось подразделение для прорыва в советский тыл. Однако «было замечено, что среди добровольцев большинство составляли дезертиры, которые хотели побыстрее оказаться на “той стороне”» [17: 343].

Вот галицийским полицаям немцы давали иногда довольно высокую оценку: «Они хорошие ребята, храбрые, отчаянные и полные ненависти. Как раз то, что нам нужно» [14: 25].

Привлечение представителей других наций в ряды германских войск массово началось в августе 1942 г. после приказа-инструкции за подписью Ф. Гальдера «О вспомогательных силах коренных народов на Востоке» [5: 490].

Уроженцы территорий, которые так и не были оккупированы немцами, шли на формирование «восточных легионов» – армянских, грузинских, азербайджанских, туркменских, волжско-татарских, крымско-татарских. Некоторые из них действовали в составе СС.

В составе СС оказались и части, сформированные из казаков на Дону, Кубани и Тереке. В целом эти национальные части и легионы, сформированные под руководством или под прикрытием «национальных комитетов», численно значительно уступали частям, сформированным самими немцами из пленных [6: 527].

Для диверсионной и разведывательной службы немцы тоже охотно отбирали иностранцев из числа военнопленных. Так, в специальное соединение «Бранденбург-800» сначала отбирали немцев, знающих языки, затем фольксдойче, потом стали добавлять добровольцев из военнопленных стран Европы и русских эмигрантов, затем советских перебежчиков и военнопленных (с ноября 1941 г.) [11: 241].

Для вспомогательных работ немцами привлекалась часть несовершеннолетних. Так, Н. Васильев вспоминал, как работал мальчишкой в штабе немецкой дивизии. «В мою и Анатолия обязанности входили: доставка обедов и продуктов питания, мытье котелков и посуды, чистка обуви офицеров нашего отдела и пастьба коней» [3: 36].

С 1942 г. особая ставка делалась оккупантами на казаков и население Северного Кавказа. В Ставрополе, где обосновался штаб группы армий «А», «с первых дней оккупации командование обратилось к солдатам и к населению с особым воззванием, подчеркивая, что войска здесь оказались в особо благоприятных условиях. Терские и кубанские казаки, горцы, ставропольские хлеборобы – потомки первых поселенцев Кавказа, изнемогавшие под гнетом колхозного строя, гонимые, преследуемые, истреблявшиеся искусственно создававшимся в 1933 г. голодом, в массе своей были рады приходу немцев... Фельдмаршал Клейст от своих солдат настоятельно требовал ни в коем разе не посягать на честь и достоинство женщины, уважать горские традиции и казачьи порядки и обычаи, бережно относиться к религиозным чувствам местного и горского населения, предоставлять свободу хозяйственной деятельности» [1: 117–118].

Германским войскам был отдан приказ о том, что кавказские народы – друзья. Началось формирование конных частей из кавказцев [9: 118]. Такое отношение к кавказцам отчасти объясняли словами Гитлера, сказанными 12 декабря 1942 г.: «Я считаю, что надежны только магометане. Не думаю, что прочим можно доверять» [2: 319].

Германские офицеры вспоминали, что к Э. фон Клейсту прибыла делегация калмыцких старейшин, которые после встречи приказали своим соотечественникам вернуться домой из армии и перейти к немцам [9: 123].

Итальянский генерал Дж. Мессе расценивал создание коллаборационистских частей как полумеры: «Было разрешено формирование отрядов с включением в их состав кавказцев, туркестанцев, казаков, татар, армян, грузин, но их создание умышленно сдерживалось, так как уточнялась политика Рейха на будущее этих народов» [13: 81–82].

Казачьи части из пленных появились в вермахте в конце 1941 г. Командующий тыловым районом армий «Юг» в приказе № 3571/42 от января 1942 г. отметил, «что казачьи эскадроны 231-й и 44-й охранных дивизий очень хорошо проявили себя под Новомосковском» [4: 201]. В Белоруссии еще летом 1942 г. воевал с партизанами 102-й казачий полк [7: 213]. С октября 1942 г. он получил название 600-й восточный батальон [7: 289]. Всего в конце 1943 г. «более чем 20 тысяч казаков, или, скорее, людей, заявлявших о себе, что они казаки, воевали в различных поддерживаемых немцами формированиях» [5: 276]. В 1943 г. их продолжали использовать против партизан, и 12 июля обергруппенфюрер СС и генерал полиции Э. Бах-Зелевский вынужден был обсуждать с командиром 1-й казачьей дивизии и вести «допрос свидетелей относительно террора казаков» [7: 293]. С другой стороны, поступали сведения о связях казаков с белорусскими партизанами [7: 246].

Немецкие военнослужащие в своих воспоминания практически единогласно подчеркивают высокую боеспособность казачьих войск вермахта. Э. Керн вспоминал, что севернее Моздока и Ачикулака «по соседству был расквартирован казачий полк, храбро сражавшийся на нашей стороне против общего врага» [9: 138].

Ф. фон Зенгер утверждал, что на Маныче «к штабу дивизии по собственной инициативе присоединился эскадрон казаков и взял на себя защиту квартир его личного состава, высвободив тем самым наши силы для фронта. Эти казаки оказались хорошими солдатами и первоклассными конюхами. Они пользовались уважением населения, которое принимало их как соотечественников, несмотря на то что теперь они воевали на стороне врага!» [8: 128].

К. Майер вспоминал о некоем казаке «Михеле»: «Мой маленький казак, русский доброволец, который сопровождал меня с Ростова и был мне предан» [12: 175]. Он с восхищением пишет о поведении «Михеля» в бою. У немцев подбили бронетранспортер. Во время попытки Майера спасти водителя «Михель потащил меня назад и крикнул: “Назад! Командир для подразделения важнее! Назад! Я доставлю товарища!” Казак прыгнул в горящую машину, вытащил водителя и покатил его в снегу» [12: 176].

Впрочем, немцы отдавали должное не только казакам. Вот что писал о русских добровольцах Г. Пабст: «Они присягнули без колебаний, связывая себя обязательством верно служить... Они знали, что это была неплохая сделка. За ними только нужно было присматривать... Находятся ли они теперь в равном положении с немецкими солдатами? – спрашивали некоторые из них. Они думали о норме выдачи шнапса: это нетрудно было прочесть по их лицам... Другие спрашивали, не могут ли они быть переданы армии Власова, и они настаивали на ответе на этот вопрос. Их было немного, но они были лучшими; они были людьми, на которых стоило посмотреть, их вопросы были четкими и ясными, а своими заскорузлыми руками они расписались бегло и с решительностью, которой никогда бы от них не ждали» [14: 101–102].

Таким образом, германское командование относилось к коллаборационистам вполне прагматично, стремясь за их счет сохранить жизни немецких солдат. Но при этом профессиональные военные из рядов вермахта отдавали должное солдатской выучке коллаборационистов.

Источники и литература

1. *Беликов Г.* Письма периода перестройки // *Война и судьбы. Невинномысск*, [б.д.]. С. 107–139.
2. *Варлимонт В.* В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. М., 2005.
3. *Васильев Н.* Записки юного казака // *Война и судьбы. Невинномысск*, [б.д.]. С. 4–63.
4. *Гессе Э.* Война в немецком тылу. Оккупационные власти против советских партизан. 1941–1944. М., 2021.

5. Даллин А. Захваченные территории СССР под контролем нацистов. Оккупационная политика Третьего рейха 1941–1945. М., 2019.
6. Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004.
7. Жуков Д.А., Ковтун И.И. Дневник карателя. Эрих фон дем Бах-Зелевский. М., 2021.
8. Зенгер Ф. фон. Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала. 1940–1945. М., 2003.
9. Керн Э. Пляска смерти. Воспоминания унтерштурмфюрера СС. 1941–1945. М., 2007.
10. Кудряшов С. «Чувство голода было подавляющим». Красноармейцы в немецком плену // Родина. 2004. № 7. С. 64–66.
11. Мадер Ю., Прохоров Д.П. Диверсанты Третьего рейха. М., 2003.
12. Майер К. Немецкие гренадеры. Воспоминания генерала СС. 1939–1945. М., 2007.
13. Мессе Дж. Война на русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р.). М., 2009.
14. Пабст Г. Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941–1943. М., 2004.
15. Сайер Г. Последний солдат Третьего рейха. М., 2003.
16. Семиряга М.И. Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов // Другая война: 1939–1945 / под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 313–339.
17. Хаунт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941–1944. М., 2005.

И.О. Тюменцев

**ПАРТИЗАНЫ И КОЛЛАБОРАНТЫ В АПШЕРОНСКОМ
И НЕФТЕГОРСКОМ РАЙОНАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
В 1942–1943 гг.: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Г.М. ГУНЬКО**

Нефтегорский куст (соединение) партизанских отрядов Кубани было сформировано осенью 1941 г., когда фашистские войска подходили к Ростову-на-Дону. Соединение состояло из шести партизанских отрядов, созданных из жителей четырех районов Краснодарского края: Апшеронского, Армянского, трех Нефтегорских и Рязанского. Летом

1942 г. после вторичного взятия Ростова-на-Дону фашистами и их прорыва на Кубань соединение было переформировано. Его возглавили командир Василий Иванович Хомяков – секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) по нефтяной промышленности, начальник штаба Фёдор Степанович Готьван, комиссар, заместитель комиссара по разведке Фёдор Иванович Рябинин [3: 16–18].

В августе 1942 г. после прорыва фашистами обороны наших войск по реке Белой, захвата Белореченской, Майкопа, Апшеронска, Хадыженска и Нефтегорска отряды соединения ушли в леса и горы. Костяк партизанских отрядов состоял из местного партийного и хозяйственного актива и органов милиции. В трех Нефтегорских и Апшеронском партизанских отрядах было много рабочих и пожарных нефтяных промыслов [1: 61–63; 3: 289–305]. Рязанский отряд из-за неподготовленности руководящего состава, халатности и увлечения митинговщиной его руководства был разгромлен в первые дни оккупации. 1-й и 2-й Нефтегорский отряды заняли свои заранее подготовленные базы на нейтральной полосе между советскими войсками и фашистами. Апшеронский отряд из-за бегства командира возглавил первый секретарь райкома С.С. Жуков. База отряда закладывалась «по ходу действия» и не в том месте, где ранее предполагалось. 3-й Нефтегорский партизанский отряд был сформирован из истребительного батальона, созданного из работников хадыженских нефтяных промыслов. Заранее подготовленной базы не имел и сразу же попал в тяжелое положение [3: 79–39; 10].

24 августа 1942 г. Ф.И. Рябинин погиб в бою у бывшего хутора Толоков. Его обязанности принял на себя его помощник по разведке лейтенант госбезопасности Гавриил Михайлович Гунько (1911–1971).

Г.М. Гунько и его младшая сестра Нина, по семейным преданиям, были детьми комиссара – адыгейца, который во время Гражданской войны возил их с собой. Комиссара тяжело ранили, и он был вынужден скрываться от белых в одном из станичных домов. Белоказаки его выследили и живым сожгли в доме, где он скрывался. Гавриила и Нину спас и вырастил батрак по фамилии Гунько, который дал им свою фамилию. В юности Г.М. Гунько вместе с ним батрачил [2]. Около 1930 г. окончил рабфак, отслужил в РККА. Женился на Надежде Ивановне (девичья фамилия не известна), которая родила ему двух сыновей Юрия (ок. 1935 г.), Геннадия (25.05.1938) и дочь Людмилу (29.12.1941) [2].

В органах госбезопасности служил, видимо, после 1939 г., так как в базе данных сотрудников НКВД до этого года он отсутствует [5]. В 1939 г. вступил в ВКП(б). Великая Отечественная война застала его в Нефтегорске в звании лейтенанта НКВД. Примечательно, что Ф.С. Готьван и В.С. Корсун в своих воспоминаниях называют его «Григорием» («Гришей») [3: 19, 26 и др.]. Видимо, это был его оперативный псевдоним. Семья была эвакуирована вместе с другими семьями партийно-хозяйственного актива Нефтегорского района в Среднюю Азию [2].

До конца сентября 1942 г. партизаны действовали успешно и серьезных потерь не понесли. Они сделали немало, чтобы вывести из окружения отступающие части и отдельных солдат РККА, выявляли предателей, дезертиров, громили отдельные группы противника. Все изменилось 26–28 сентября 1942 г., когда немцы перешли в наступление и отбросили наши войска от реки Гунайки сначала на Каратянский, а затем на Главный Кавказский хребет. Партизанские базы Нефтегорских отрядов оказались известны противнику и разгромлены. Нетронутой осталась лишь база Апшеронского отряда, который продолжил боевую работу в тылу врага во взаимодействии с передовыми регулярными частями РККА [1; 3: 39–146].

Трем нефтегорским партизанским отрядам с боями пришлось отступить за линию фронта, где они были переформированы в разведывательно-диверсионные группы по 10–12 человек и стали совершать рейды по ближайшему тылу противника, нарушая связь, взрывая дороги и мосты, ведя разведку. Армянский партизанский отряд во время выполнения первой боевой операции попал в засаду и был разбит [1; 3: 7].

В январе 1943 г., когда стал ясен исход Сталинградского сражения, фашисты начали отступление с Кавказа, отбиваясь от ударов наших войск и партизан. 27 января 1943 г. Апшеронский и Нефтегорский районы были освобождены. Оставшиеся в живых партизаны вернулись в свои дома победителями.

О дальнейшей служебной карьере до 1954 г. Г.М. Гунько можно судить только по его фото и наградам [3: 136–138]. Видимо, он был направлен на лечение в госпиталь. Ему было присвоено очередное воинское звание – старший лейтенант государственной безопасности.

20 сентября 1943 г. Г.М. Гунько был награжден орденом Красной Звезды, 15 ноября вместе с руководством Нефтегорского соединения – орденом Боевого Красного Знамени [6] и медалью «За оборону Кавказа». К концу Великой Отечественной войны он был капитаном государственной безопасности. Награжден медалями «За победу над Германией» (22 декабря 1943 г.), «За победу над Японией», «За боевые заслуги» (1 мая 1946 г.), «Партизану Отечественной войны» II степени и «30 лет Советской Армии и Флоту» (20 октября 1948 г.). В 1948 г. он уже майор государственной безопасности. Уже в мирное время 1 июня 1951 г. Г.М. Гунько получил второй орден Красной Звезды – награду, которая давалась и дается только за боевые заслуги, и произведен в подполковники. Возможно, он принимал участие в Корейской войне 1950–1953 гг. [2].

В 1954 г. Гавриил Михайлович вышел в отставку, осел в городе Темрюке, занимал ряд ответственных постов в рыбной промышленности и других учреждениях района. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. был награжден орденом Отечественной войны II степени. До самой смерти в 1971 г. работал начальником отдела кадров Темрюкского консервного завода. Умер после тяжелой и продолжительной болезни [2].

В 1950–1960-х гг. Гавриил Михайлович, по свидетельству родных, приводил в порядок свой архив, который занимал целый шкаф, и писал мемуары, которые успел закончить и отпечатать для публикации. Вскоре после похорон в доме Г.М. Гунько появился «корреспондент местной газеты», который уговорил вдову и детей дать ему почитать мемуары и ознакомиться с бумагами Г.М. Гунько. Больше их никто не видел. Единственным сохранившимся документом архива ветерана является тетрадь с краткими записями, сделанными Г.М. Гунько во время его службы в Нефтегорском соединении партизанских отрядов Кубани в августе 1942 – январе 1943 г., которая хранится в Темрюкском историко-археологическом музее. Это вырванные из простых 12-листовых ученических тетрадей листы без обложек: в линию (Л. 1–9) и в клетку (Л. 10–10об.), ранее прошитые по правому краю и, вероятно, опечатанные. Края листов потрепаны, а кое-где и надорваны. На первых листах имеются небольшие коричневые пятна [2].

Текст написан хорошо читаемым, каллиграфическим почерком сначала фиолетовыми чернилами перьевой ручкой (возможно,

автоматической), затем простым карандашом. Текст последнего листа написан перьевой ручкой очень бледными чернилами с большим количеством сокращений, которые с большим трудом поддаются расшифровке с помощью воспоминаний партизан Нефтегорского соединения. В тексте явно просматриваются три основных блока информации, имеются следующие разделы:

1. Список жителей Нефтегорского района, сотрудничавших с гитлеровцами (без начала, нет № 1–31). Л. 9–11.

2. Сводки оперативной работы за август – октябрь 1942 г. Л. 6–8об.

3. Сведения за август 1942 – январь 1943 г. о пропавших без вести (Л. 1–1об.), предателях (Л. 3), направленных в Особый отдел (Л. 4об.), и погибших (Л. 5).

В соответствии с Федеральным законом РФ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» мы не можем воспроизвести имена изменников Родины, поэтому ограничимся лишь общими замечаниями относительно этого списка. В своих мемуарах участник Гражданской войны, а затем боец отряда частей особого назначения Ф.С. Готьван был скор на обвинения местных казаков в коллаборационизме, что, казалось бы, подтверждает неоднократно высказываемую в периодической печати 90-х гг. XX в. мысль, что кровавое противостояние Гражданской войны, которое удалось погасить в Закубанье только к 1926 г., во время оккупации вспыхнуло с новой силой. В партизаны будто бы ушли в основном работники Майкопских нефтяных промыслов, а коллаборационистами стали местные кубанские казаки. В действительности фашисты, заняв ту или иную закубанскую станцию, записывали в полицейские все мужское население без разбора, а женщин и детей отправляли сразу на рытье окопов [8: 58–59]. Анализ списка Г.М. Гунько обнаруживает, что противостояния местных казаков и рабочих нефтяных промыслов не было. В списке практически нет старожилов Хадыженска, Апшеронска, Нефтегорска и Нефтяной. В записках в основном преобладают дезертиры – те, кто решил, что после Харьковской катастрофы и сдачи Ростова-на-Дону все кончено. Были и те, кто не выдержал жизни в зимнем кавказском лесу, а от дезертирства до предательства был один шаг. Предатели, дезертиры и трусы, оказалось, не имели классовой окраски. Были они и среди простых солдат, командиров, были они и среди партийно-

хозяйственного актива, что подтверждается фиксацией факта предательства в записках Г.М. Гунько.

18–19 августа 1942 г. в Нефтегорск, как следует из записи Г.М. Гунько, воспоминаний Ф.С. Готьвана и других партизан, была направлена разведка, чтобы украсть Николая Мазеева – бывшего белогвардейца, водовоза местной хлебопекарни, которого немцы назначили бургомистром станицы. В тот раз партизаны захватить его не смогли. «Воровать» бургомистра не пришлось. Он оказался патриотом и все полгода оккупации сотрудничал с партизанами, так же как помощник хадыженского атамана Константин Калинин [3: 48, 52, 81–82, 222, 279, 360, 363].

После гибели или исчезновения человека Г.М. Гунько проводил тщательное расследование и устанавливал факт гибели. На л. 5. он привел имена погибших партизан с точным указанием даты, если таковую удавалось установить:

Погибшие

1. Рябинин Фёдор Иванович 24.8.[19]42 г[ода].
2. Амилаев [Яков Павлович] 27.IX.[19]42 г[ода].
3. Тузов [Иосиф Панкратьевич] 29.IX.[19]42 г[ода].
4. Трифанов [Фёдор Кузьмич] 26.IX.[19]42 г[ода].
5. Кныш [Леонид Ильич] 26.IX.[19]42 г[ода].
6. Беликов [Александр Романович] 4.IX.[19]42 г[ода].
7. Уханев Михаил Фёдорович 5.IX.[19]42 г[ода].
8. Стаканов [Валентин Захарович].
9. Смирнова [Августа Евтропьевна].
10. Малько [Петр Павлович].
11. Михеев [Петр Николаевич].
12. Михайловский [Александр Варламович].
13. Ткаченко [Валентин Викторович] ([3 НПО им] Железняк[a]) 10.XII.[19]42 г[ода] у баз «К».
14. Емельянов Михаил Иванович.

В списке пропавших без вести установлена гибель командиров и бойцов партизанского отряда Армянского района:

1. Михалсян Андроник Мисропович (убит 2.X.[1942]);
2. Тарасов Михаил Васильевич (убит 21.11.[19]42);
3. Тулумджян Макар Аракелович (убит 21.11.[1942]).

Отмечал Г.М. Гунько попавших в плен:

1. Нарбекова Галина – ранена, взята в плен 21.11.[19]42.
2. Журавлев [Владимир Фёдорович] – [2 ПОНР им] «Кирова» взят в плен (декабрь [1942]).
3. Мишечкин [Алексей Иванович] – взят в плен.
4. Епимахин Степан Григоревич – плен.
5. Жуков Анатолий – плен.

Выжила только Галина Нарбекова. Она была направлена медсестрой в партизанский отряд Армянского района и во время его разгрома была ранена и попала в плен. Ей сильно повезло, так как скоро ее отбили бойцы регулярной армии. Она попала в госпиталь в Сочи. Вернулась в Хадыженск. После войны вышла замуж и уехала в Среднюю Азию. О своем пленении старалась не распространяться [1: 42, 44, 61, 76].

Трагичнее была судьба Веры Струцкой и Надежды Васильевой – медсестер хадыженской больницы. После ранения Веру Струцкую было решено направить из отряда в Хадыженск на лечение. Ее туда сопровождала Надежда Васильева, попросившая помощи у своей сестры. Из Хадыженска девушки уже не вернулись, так как были привлечены врачом хадыженской больницы к работе в немецком госпитале. После освобождения обе попали под суд военного трибунала и получили 10 лет лагерей [1: 45].

Особый интерес представляют краткие записи по оперативной работе, из которой можно узнать имена советских разведчиков и их связей: «Б[огомолу] и Ф[иалковскую на] связь с охотником Чернов[ым]. Фиалковская Н[ефтегорск]. Богомоллова 3 раза Н[ефтяная]. Христофоровым направлены: в Хадыжи – Червоный, Великодный, Игнатенко, Овчаренко, Селезнев, Коновалов, Евсева, Рябова, в Нефтяную направлены Жариков, Томилин внедрен[ы] в полицию».

Наиболее эффективной и известной разведчицей соединения была Вера Нестеровна Богомоллова – кандидат в члены ВКП(б) с 22.08 по 26.09.1941, партизанка-разведчица. Это она видела, как хоронили убитого партизанами генерала Хомбурга [9].

Евсева Александра (Шура) – партизанка комсомолка, боец 1-го взвода разведки 3-го Нефтегорского партизанского отряда им. Железняк. Будучи на задании в Хадыженске, смогла попасть

на офицерскую вечеринку, где пыталась убить немецкого офицера. Была разоблачена, схвачена и после жестоких пыток казнена в поселке Хадыженском [3: 21, 302].

Игнатенко Михаил до войны был командиром отделения пожарников в Хадыженске. Пулеметчик в 1-м взводе 2-го Нефтегорского партизанского отряда им. Кирова. Отличился в бою 12.09.1942. Пропал без вести [3: 235; 4: 37]. Рябова Валентина Семёновна (24.11.1918 – 09.04.2006), старший лейтенант медицинской службы, начальник медицинской части 2-го Нефтегорского партизанского отряда [1: 65]. Сведений о Чернове, Жарикове, Томилине, Червоном, Великодном, Овчаренко, Коновалове нам обнаружить не удалось.

Мы благодарны заведующему отделом научно-просветительской работы Темрюкского историко-археологического музея научному сотруднику Григорию Вячеславовичу Головки за предоставленную возможность познакомиться с уникальным документом и внуку Гавриила Михайловича Игорю Геннадиевичу Гунько, разместившему документы деда из семейного архива на сайте «Бессмертного полка» и оказавшему помощь в подготовке этого документа к печати. Без этой помощи данная публикация была бы невозможна.

Источники и литература

1. Воспоминания ветеранов 2-го Нефтегорского партизанского отряда о боевых действиях против фашистских оккупантов в 1942–1943 годах. Материалы по истории города Хадыженска. Вып. 8. Волгоград, 2021.
2. Гавриил Михайлович Гунько (некролог). URL: https://spacibodedu.ru/person/3135-gunbko_gavriil_mihaylovich/ (дата обращения: 12.01.2022).
3. *Готьван Ф.С.* Шумит Гунай. Волгоград, 2012.
4. *Иевлев В.К., Когитина А.В., Тюменцев И.О.* Город Хадыженск: списки погибших за Отечество и ветеранов боевых действий. Волгоград, 2015.
5. Кадровый состав НКВД 1935–1939 гг. URL: <http://nkvd.memo.ru/index.php> (дата обращения: 15.01.2022).
6. Красная Звезда. 1943. 16 ноября.
7. *Приходько Г.* Человек долга и чести // Кубанские новости. 1997. 2 октября.
8. Станица Нижегородская: из прошлого в будущее. Юбилейные очерки. Волгоград, 2013.

9. Центр документальных коллекций новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1387. Оп. 1. Кор. 31. № 68.
10. Documents and Memories by the Commander of the Apsheron Partisan Detachment of Neftegorsk Formation of Partisan Detachments, Sergey S. Zhukov. Preparation for publication, introduction and commentary Igor O. Tyumentsev // Russkii Arkhiv. 2016. Vol. 13. Iss. 3. P. 232–265.

А.А. Боголюбов

ПРОБЛЕМА КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ ГОРОДА ПЯТИГОРСКА

Находящийся на юге России город Пятигорск был оккупирован немецко-фашистскими войсками в течение 155 дней – с 9 августа 1942 г. по 11 января 1943 г. За относительно краткий период времени вскрылось отношение населения к «новому порядку». Сохранились свидетельства того трагического для нашей страны периода – воспоминания людей, сумевших пережить оккупацию.

Что касается отношения населения к оккупантам, то здесь следует привести следующее высказывание С.И. Линца: «Жители разделились на несколько категорий. Большая их часть, испытывая страх, притихла и послушно стала исполнять все распоряжения оккупационной власти. Другая группа населения с радостью встретила приход немцев, выражая готовность сотрудничать с новой властью. Наконец, еще одна часть граждан не смирилась с падением советской власти и вступила на путь борьбы с захватчиками» [2: 50]. Как яркий пример деятельности последних здесь можно привести подвиг партизанки и подпольщицы Нины Павловны Попцовой, героизм которой стал образцом самоотверженной борьбы с оккупантами [1: 2]. Также можно привести пример жителя Пятигорска П.И. Бережнова, снабжавшего укрывавшихся в окрестностях города летчиков сбитою фашистами советского бомбардировщика СБ продуктами и одеждой. Поскольку один из летчиков был ранен, им поставляла лекарства какая-то женщина, чье имя, к сожалению, осталось неизвестным. Так продолжалось, пока летчики не выздоровели и не ушли за линию фронта [2: 59].

Но были в Пятигорске примеры деятельности совсем иного рода. Отметим и откровенное предательство лейтенанта Красной армии А.А. Колесникова, перешедшего на службу к оккупантам [2: 111–112], и тот факт, что немецко-фашистским властям удалось довольно быстро набрать штат городской полиции, составлявший ни много ни мало 700(!) человек [2: 114].

В качестве тех, кто встал на путь активного сотрудничества с оккупационным режимом, можно привести, в частности, имя известного в городе врача Михаила Николаевича Орлова, ставшего в период немецко-фашистской оккупации бургомистром города [2: 54]. Всего же персонал городской управы, включая дворника и уборщицу, составлял 142 человека [2: 56]. Возникает вполне закономерный вопрос: можно ли всех этих сотрудников причислить к категории лиц, с радостью ожидавших прихода оккупантов? Скорее всего, большинство из них принадлежало к первой из перечисленных С.И. Линцом категорий жителей города. Можно добавить, что представители этой категории, испытывая страх за свою жизнь и за жизнь своих близких, просто стремились выжить в тех непростых условиях.

Но если работу дворника и уборщицы в городской управе трудно причислить к разряду сознательного коллаборационизма, то открытые с сентября 1942 г. в четырех районах города частными лицами курсы немецкого языка для взрослых и детей, занятия в которых проводились три раза в неделю по два часа, уже можно считать вызванными к жизни желанием выслужиться перед оккупантами. Впрочем, темы для этих курсов подбирались таким образом, чтобы в них не было никакой политической составляющей [2: 87]. Разумеется, ярким примером коллаборационизма следует считать открытие в Пятигорске 25 сентября 1942 г. школы, в которой занятия проводились только для детей немецкого происхождения и по полной программе, предусмотренной для школ Третьего рейха. В знак благосклонности оккупационных властей школе торжественно был вручен портрет Гитлера [2: 87].

Поскольку большинство рабочих и служащих остались в период оккупации в Пятигорске, уже к концу августа 1942 г. в городе открылись, например, предприятия торговли и общественного питания [2: 61–62]. 15 августа 1942 г. возобновил работу Пятигорский театр

оперетты. Правда, в конце концов звериная сущность оккупационного режима дала себя знать: накануне отступления немецко-фашистских войск из Пятигорска почти весь состав труппы, занятый в спектакле «Веселая вдова», был оккупантами расстрелян [2: 95]. А в самом начале оккупации – в августе – сентябре 1942 г. – в Пятигорске работали и кинотеатры, в которых наряду с обязательными немецкими киножурналами шли и советские фильмы, лишенные политического подтекста, например «Антон Иванович сердится». Возобновили работу и городские библиотеки, правда, на платной основе [2: 96].

В период оккупации ряд пятигорских врачей занимались частной практикой. Оккупационная газета «Пятигорское эхо» в номере за 29 сентября 1942 г. поместила объявления о приеме пациентов в городе 11 врачами по восьми различным направлениям [2: 92]. Вынуждены были «добровольно», т.е. по принудительной вербовке, записаться для вывоза в Германию 40 медработников города Пятигорска [2: 85]. Можно ли всю эту деятельность – сотрудников предприятий торговли и общественного питания, кинотеатров и библиотек, актеров театра – назвать сознательным коллаборационизмом? Как представляется автору статьи, за исключением показа немецких пропагандистских фильмов, деятельность этих людей носила характер вынужденного приспособления к сложившейся обстановке и считаться коллаборационистской никак не могла.

Пользуясь принесенными новым режимом послаблениями, возобновили работу после долгого перерыва пятигорские церкви, в том числе церковь Михаила Архангела близ железнодорожного вокзала, расположенная на улице Садовой (ныне улица имени П.М. Козлова) [2: 101].

В этой связи хотелось бы отметить, что дед автора статьи, А.Н. Боголюбов, будучи выпускником Санкт-Петербургской духовной академии, защитившим в августе 1917 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословских наук [3], стал преподавать Закон Божий в воскресной школе, открывшейся при этой церкви. Об этом свидетельствовала О.М. Александрова, 1922 г.р., близко знавшая нашу семью, воспоминания которой были записаны автором в городе Пятигорске в октябре 1984 г. [3].

В этой связи автор статьи провел весьма необычный эксперимент. Находясь в Республике Польша в сентябре 2003 г., автор получил

приглашение директора общеобразовательного лицея в городе Козеннице (Свентокшицкое воеводство, Республика Польша) господина Рышарда Зайонца прочитать 10 сентября 2003 г. его студентам лекцию на тему «Великая Отечественная война глазами советских людей». Во время лекции автор статьи, рассказав об оккупации города Пятигорска немецко-фашистскими войсками и о событиях в его семье, дал студентами лицея задание ответить на вопрос, был ли дед автора, А.Н. Боголюбов, коллаборационистом, сотрудничал ли он с оккупационными властями. Ответ был единодушным: «Нет, не был». Таким образом, потомки граждан иностранного государства, находившихся в свое время под немецко-фашистской оккупацией шесть лет, косвенно подтвердили версию о том, что простые люди вынуждены были в условиях оккупационного режима приспосабливаться к нему, причем далеко не всегда их деятельность носила коллаборационистский характер.

Приведенные в настоящей статье данные показывают, что в 1942 г. жители Пятигорска находились в таком же положении, как и десятки миллионов советских людей, оказавшихся на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории. Не все из них стали на путь борьбы с оккупантами, некоторые пошли на службу «новой власти». Большинство же, опасаясь за судьбу своих родных и близких, просто стремились выжить в тех непростых условиях. Далеко не всегда их деятельность носила коллаборационистский характер, многие просто приспосабливались к жизни в новых, весьма непростых условиях.

Источники и литература

1. *Кудряшов Б.* Комсомольцы Пятигорска в годы Великой Отечественной войны (Пятигорская правда, 29 октября 1957 г., с. 2) // Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 г.). Документы и материалы. Ставрополь, 2000. С. 158–160.
2. *Линец С.И.* Город во мгле (Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации, август 1942 г. – январь 1943 г.). Пятигорск, 2005.
3. Семейный архив семьи Боголюбовых.

А.Е. Епифанов, И.А. Сердюкова

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЮГА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Период Великой Отечественной войны является особо значимым как в отечественной, так и во всеобщей истории. Немалая доля испытаний выпала при этом на территории Юга России. Проблемы выявления, расследования и юридические последствия военных преступлений продолжают привлекать всеобщее внимание и являются крайне актуальными, несмотря на то что с момента анализируемых событий прошло много времени.

В период с октября 1942 по октябрь 1943 г. были оккупированы территории Ростовской и Сталинградской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, Калмыкии, Северной Осетии, а также Кабардино-Балкарии. Гитлеровцы нанесли им огромный ущерб, совершили многочисленные злодеяния: издевались над военнопленными, женщинами и детьми, насиловали, грабили, убивали, разрушали объекты культурного значения.

В годы войны и в послевоенное время проводилась активная работа по расследованию злодеяний, совершенных гитлеровцами. В 1942 г. была учреждена Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК). Согласно положению о комиссии, ее задачами являлись: учет злодейских преступлений немцев и их пособников, причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР; объединение и согласование проводимой советскими государственными органами работы по учету этих преступлений и причиненного захватчиками ущерба; определение ущерба, причиненного гражданам Советского Союза, и установление размеров возможного возмещения за него; определение на основе документальных данных размеров ущерба колхозам и общественным организациям; установление во всех случаях, где это представится

возможным, личностей немецко-фашистских преступников, виновных в организации или совершении злодеяний на оккупированной советской территории, с целью предания их суду и сурового наказания [4: 139–141].

ЧГК действовала на основании инструкции, согласно которой в ее актах учитывались факты убийств, насилий, издевательств, факты увода людей в рабство. Обличительные данные комиссии были основаны на показаниях, заявлениях советских граждан, врачей. Всюду, где это представлялось возможным, проводились осмотры места происшествия. Членам комиссии, занимающимся расследованием военных преступлений, было предписано выявлять всех лиц, причастных к совершению злодеяний, их персональные данные, служебное положение, а также способы совершения того или иного злодеяния.

Судебные процессы над военными преступниками и их пособниками Советским государством проводились уже с 1941 г. На фронте и в тылу нацистов карали военные трибуналы и военно-полевые суды. 19 апреля 1943 г. был принят Указ № 39 Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников», который первоначально послужил главным правовым основанием наказания гитлеровских военных преступников и их пособников [6].

Благодаря деятельности ЧГК и других правоохранительных органов было составлено множество обличительных документов, которые и поныне помогают осуществлять работу по исследованию связанных с военными преступлениями событий. Они стали важнейшими доказательствами злодеяний немецких оккупантов и позволили провести тысячи судебных процессов над военными преступниками как в годы войны, так и в послевоенное время. Проводившиеся судебные процессы не носили исчерпывающего характера и возобновлялись снова и снова по мере накопления и реализации обличительных материалов, выявления новых обвиняемых в массовых зверствах и злодеяниях. Характерным в этом отношении является пример Юга России, и в частности Краснодарского края. Так, рассмотрение уголовных дел о расправах и насилии над мирными жителями, пленными

красноармейцами, партизанами, подпольщиками было поручено военно-полевым судам Северо-Кавказского фронта. Приговоры этих судов утверждались командирами дивизий и должны были приводиться в исполнение незамедлительно и публично. Военно-полевые суды дивизий Северо-Кавказского фронта начали рассмотрение уголовных дел, подготовленных органами НКВД, НКГБ и прокуратурой в отношении предателей, перешедших на сторону врага и активно участвовавших в карательных акциях, одними из первых в годы войны [2: 93]. В мае 1943 г. среди первых казненных предателей на Кубани оказался полицейский совхоза «Пятилетка» Ф.М. Добровский, осужденный к повешению по приговору военно-полевого суда 32-й гвардейской стрелковой дивизии. Исполнение приговора состоялось 22 мая на центральной площади станицы Крымской в присутствии местных жителей. Военно-полевые суды над предателями состоялись также в г. Армавире, ауле Уляп Шовгеновского района, станице Терновской Тихорецкого района и других станицах края [11].

Широкую известность в 1943 г. приобрел Краснодарский процесс. Его принято считать первым открытым процессом над пособниками оккупантов, предшественником Международного военного трибунала в Нюрнберге. В Краснодаре трибунал Северо-Кавказского фронта провел тщательный анализ материалов, предоставленных следствием, заслушал прения сторон, показания подсудимых, выступления обвинителя и защитников. По итогам разбирательства трибунал признал доказанной вину всех 11 подсудимых [8].

Изменников Родины, сотрудничавших с гитлеровцами, в Краснодаре судили также в 1947, 1958, 1959 и 1962 гг. Через 20 лет после первого Краснодарского процесса в октябре 1963 г. начался судебный процесс, привлечший внимание всей страны. По своей значимости, количеству подсудимых, воздействию на общественное мнение он считается вторым Краснодарским процессом. На скамье подсудимых оказались 9 карателей. Процессы над военными преступниками имели место в Краснодаре в 1964, 1965 и 1967 гг. [7].

Работа по установлению и розыску лиц, причастных к убийствам мирного населения во время Великой Отечественной войны, никогда не прекращалась. Десятки тысяч военных преступников и их пособников были привлечены к уголовной ответственности в годы Великой

Отечественной войны и в первые послевоенные годы. С конца 50-х гг. прошлого века были осуждены еще несколько тысяч человек. Последний судебный процесс над нацистским преступником прошел в СССР по делу Ф.Д. Федоренко в июле 1986 г.

С течением времени выясняется все больше информации, способствующей расследованию злодеяний гитлеровских оккупантов. Становятся известными имена тех, кому удалось скрыться от следствия и суда. Следует отметить, что на оккупированных территориях Юга России гитлеровские злодеяния проявились особенно отчетливо. Это касается и Ростовской области. Руководитель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин в своем сообщении подтвердил имевшиеся данные о том, что в Ростовской области подразделения СС за одну карательную операцию уничтожили в районе поселка Змиевская Балка не менее 27 тыс. человек. В числе погибших – партийный актив и люди еврейской национальности. Массовые аресты советских граждан проводились в городе Шахты, где среди арестованных нацистами в основном были горняки и члены их семей. Людей вывозили в район шахты имени Красина, расстреливали, а тела сбрасывали в ствол шахты. Так было убито не менее 3,5 тыс. мирных граждан. Не щадили даже детей: имеется информация, что на территории Грузиновского сельсовета Морозовского района Ростовской области оккупантами наряду с 400 взрослыми убито 72 ребенка, а в Краснодарском крае жертвами одной из карательных операций стали 214 воспитанников Ейского детского дома, инвалидов, больных костным туберкулезом [1].

Следователи, криминалисты Следственного управления совместно с представителями Ростовского регионального отделения Общероссийского общественного движения по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» произвели экзугмацию мирных жителей Миллеровского района, погибших в годы Великой Отечественной войны, и обнаружили останки множества людей с признаками огнестрельных ранений, что явилось подтверждением их насильственной смерти. Чтобы установить личности жертв гитлеровских злодеяний, органы следствия назначили комплекс различных экспертиз. В ходе реализации федерального проекта «Без сроков давности» была рассекречена и изучена архивная документация, которая послужила основанием для судебного разбирательства.

Необходимо отметить, что в Уголовном кодексе РФ содержится норма об ответственности за преступления геноцида (ст. 357). По формальным основаниям она допускает применение обратной силы уголовного закона. В соответствии с Уставом Нюрнбергского трибунала убийства и истребление гражданского населения до или во время войны являются преступлениями против человечности. В ст. 1 Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. сроки давности на них не распространяются. В свою очередь, Россия как правопреемник СССР взяла на себя обязательства по уголовному преследованию нацистских преступников.

10 февраля 2022 г. Ростовский областной суд начал рассмотрение дела, возбужденного Главным следственным управлением Следственного комитета РФ, касающегося факта геноцида советского народа в Ростовской области в период Великой Отечественной войны, по ст. 357 УК РФ. 15 марта 2022 г. Ростовским областным судом было вынесено решение, согласно которому преступления, совершенные нацистами на территории Ростовской области, признаны военными преступлениями и преступлениями против человечества, геноцидом славян и иных национальных и этнических групп, представляющих собой население СССР.

Сталинградская (в настоящее время – Волгоградская) область подверглась оккупации с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г. Здесь также не обошлось без зверств и злодеяний гитлеровцев. За последнее время в ходе следствия было установлено, что на территории области имеется как минимум 15 мест захоронений около 1800 мирных жителей, убитых с особой жестокостью оккупантами во время Великой Отечественной войны. Следователями по этому поводу было опрошено множество свидетелей как в годы войны, так и в современный период. Один из них дал следующие показания о массовых злодеяниях гитлеровцев в Алексеевском лагере военнопленных № 205: «В этом лагере было 5000 человек военнопленных, и после отступления немцев осталось 700 человек. Это мне было известно со слов военнопленных, с которыми приходилось разговаривать. Свыше 4000 человек в этом лагере умерли от голода, т.к. последние 2 месяца немцы совершенно не кормили военнопленных, если не считать кружки воды и дохлой

конины, которой давали так мало, что умирали с голоду. В результате в лагере было развито людоедство» [5: 76].

Сама оккупация Сталинградской области была недолгой, однако ущерб, нанесенный немцами, составил 19 186 949 800 руб. [12: 2–7].

В июле 2020 г. Управление Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области по итогам изучения документации о многочисленных злодеяниях в отношении советского народа на территории Сталинградской области также возбудило уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ.

Верховным судом Крыма в аналогичном порядке было принято решение о возобновлении уголовного дела о массовом уничтожении гитлеровцами советского населения на его территории в период Великой Отечественной войны. Изначально данное дело возбуждалось еще в 1969 г. В рамках расследования проводились осмотры, опознания, допросы как свидетелей событий, так и обвиняемых лиц. Однако в итоге дело так и не получило своего завершения. Часть собранных материалов передали в Германию, чтобы уже там правоохранительные органы привлекли к ответственности виновных.

Одной из целей этого расследования являлся сбор доказательств виновности Пауля Цаппа – руководителя айнзацкоманд («эскадронов смерти») СД № 11а и 11б. Согласно справке Управления КГБ от 1975 г., под руководством Цаппа было произведено массовое уничтожение заключенных концлагеря, всего свыше полутора тысяч человек, в том числе женщин, стариков и детей. Впоследствии Цапп был осужден. В настоящее время были установлены новые обстоятельства, которые потребовали возобновления расследования [3].

На современном этапе активная работа по сохранению исторической правды, расследованию военных преступлений и установлению лиц, причастных к злодеяниям, в том числе и тех, которые находятся в других государствах, продолжается, несмотря на то что это является одной из сложностей следствия. Сотрудникам Следственного комитета в процессе тщательного изучения архивных материалов, останков людей, свидетельских показаний, показаний родственников пострадавших удалось сформировать доказательную базу, на основании данных которой продолжается поиск тех виновных, которым ранее удалось избежать наказания. По словам руководителя управления взаимодей-

ствия со СМИ Следственного комитета РФ С. Петренко, расследование поможет восполнить отдельные фрагменты злодеяний нацизма, показать системность уничтожения ни в чем не повинного населения на оккупированных захватчиками территориях. Ныне в центральном аппарате Следственного комитета РФ расследуются пять уголовных дел по факту преступных действий нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны. В частности, дела о геноциде и убийствах ведут следователи Волгоградской области, Ставрополя и ряда других регионов. При этом следствие основывается на нормах национального законодательства и международного права, в том числе и по названной статье Уголовного кодекса РФ о геноциде [9].

Как заявил глава Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин, находящиеся в производстве его ведомства уголовные дела касаются ранее не расследованных фактов военных преступлений либо злодеяний, за совершение которых не все лица были установлены и предстали перед судом. Таковые были выявлены после раскопок поисковых отрядов, а также анализа рассекреченных архивных документов. Подобные трагические события имели место, в частности, в Ростовской области и Краснодарском крае. В основном они были связаны с массовым убийством мирного населения оккупантами. По имеющимся данным, на территории РСФСР в годы оккупации было истреблено более 2 млн мирных жителей. В 2019 г. в Следственном комитете были возбуждены уголовные дела об уничтожении свыше 30 тыс. советских граждан. Поскольку не все детали этих преступлений, а также лица, причастные к их совершению, стали известны, в настоящее время задачей специалистов Следственного комитета является исследование всех обстоятельств содеянного и подготовка соответствующих выводов [1].

Правоохранительные органы РФ, основываясь на принципе неотвратимости наказания, занимаются уголовным преследованием военных преступников, активно сотрудничая со своими коллегами из других государств. В 2019 г. был принят закон о ратификации 2-го дополнительного протокола к Европейской конвенции о правовой помощи по уголовным делам, который призван облегчить работу специалистов в данном направлении. Теперь для более эффективного международного сотрудничества в рамках расследования аналогичных уголовных дел появилась возможность создавать соответствующие

следственные группы. Как представляется, это будет способствовать улучшению и ускорению расследования по изучаемой категории уголовных дел. Так, в феврале 2020 г. Следственным комитетом РФ было возбуждено уголовное дело по факту военных преступлений на основании ст. 357 УК РФ. В этой связи был направлен запрос в правоохранительные органы Канады с просьбой предоставить материалы судебных разбирательств в отношении их виновника бывшего сотрудника зондеркоманды 10а Г. Оберлендера. Сотрудники ФСБ РФ по Краснодарскому краю рассекретили архивные документы о работе комиссии содействия по установлению и расследованию гитлеровских злодеяний г. Ейска в 1943 г. по факту убийства зондеркомандой 10а в период 9–10 октября 1942 г. воспитанников детского дома. Жертвами преступления стали более 200 детей. Благодаря взаимодействию государств степень вины Г. Оберлендера в причастности к совершению названных военных преступлений против мирного населения была определена как «значительная» [10].

В 2020 г. Следственным комитетом РФ был образован штаб, который ныне координирует всю поисковую и архивную работу в изучаемой сфере. Штаб составляют представители Минобороны России, Общероссийского общественного движения «Поисковое движение России», Общественного совета Главного архивного управления города Москвы, а также руководители и сотрудники подразделений центрального аппарата и территориальных органов Следственного комитета России. Помимо этого, активную существенную помощь названному штабу оказывают органы ФСБ, МВД, МЧС, военные, эксперты, историки и исследователи.

Подводя итог, следует отметить, что органы следствия Российской Федерации имеют все необходимые данные для расследования военных преступлений на оккупированной территории СССР, в том числе и Юга России. Они основываются на нормах и принципах как отечественного законодательства, так и международного права. Злодеяния немецко-фашистских оккупантов являются преступлениями против человечества, и, соответственно, они не имеют срока давности. Необходимо установить все без исключения факты преступлений. Независимо от того, живы сейчас их виновники или нет, нужно установить имя каждого и предать гласности установленные факты их

злодеяний. Правоохранительные органы Российской Федерации предпринимают и предпримут все возможные меры для расследования военных преступлений, совершенных нацистами против советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Александр Бастрыкин: неизвестных преступлений нацистов еще очень много. URL: <https://ria.ru/20200703/1573843867.html> (дата обращения: 20.03.2022).
2. Архив Военной коллегии Верховного Суда РФ. Оп. 5. П. 35. Д. 18.
3. В Крыму возобновили расследование преступлений нацистов в годы войны. URL: https://tass.ru/obschestvo/8460363?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 20.03.2022).
4. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 2.
5. ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 365.
6. *Епифанов А.Е.* Реабилитация иностранцев, осужденных за военные преступления // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 21–22.
7. *Зайцев В.П.* Второй Краснодарский процесс над нацистами: кем притворялись предатели Родины. URL: <https://www.vkpress.ru/life/vtoroy-krasnodarskiy-protsess-nad-natsistami-kem-pritvoryalis-predateli-rodiny-/?id=122646> (дата обращения: 20.03.2022).
8. Краснодарский процесс 1943 года. URL: <https://nurnberg1945.ru/posts/krasnodarskiy-protsess> (дата обращения: 20.03.2022).
9. *Левин Е.* Без срока давности: Светлана Петренко о расследовании СКР преступлений фашистов во времена войны. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2020724193-fcZCC.html> (дата обращения: 20.03.2022).
10. *Михайлов Р.А.* Расследование военных преступлений, совершенных во время ВОВ на территории СССР. URL: <https://www.9111.ru/questions/7777777771496511> (дата обращения: 20.03.2022).
11. *Татаркин В.Н.* Возмездие. 75 лет Краснодарскому военному трибуналу 1943 года. URL: <https://www.vkpress.ru/articles/vozmezdie-75-letie-krasnodarskogo-sudebnogo-protsesta/?id=121166> (дата обращения: 20.03.2022).
12. Центр документов новейшей истории Волгоградской области. Ф. 113. Оп. 14. Д. 13.

С.М. Сивков, Е.В. Мирошниченко

**СТУПЕНИ ВОЗМЕЗДИЯ: КРАСНОДАРСКИЙ (1943),
КИЕВСКИЙ (1946), НЮРНБЕРГСКИЙ (1945–1946)
И ДРУГИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ**

В последнее время усилилось внимание российских и зарубежных исследователей к проблемам коллаборационизма. Среди подобных публикаций следует отметить работы крымского исследователя О.В. Романько [7], ростовского – В.А. Венкова [2], ставропольского – И.В. Карташева [4] и др.

Уже в апреле 1943 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [13: 25]. Почти 80 лет отделяет нас от начала судебных процессов, прокатившихся по территории СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Высшей ступенью этого явления стало заседание Международного трибунала в немецком городе Нюрнберге.

Начало этих открытых процессов юридической оценки преступлений немецко-фашистских оккупантов и их пособников из числа коллаборационистов было положено в г. Краснодаре 14 июля 1943 г. в здании кинотеатра Великан [5: 120]. Несколько ранее в ходе наступления Красной армии партизаны отряда Красногвардейского района г. Краснодара оказали помощь особому отделу 83-й дивизии по розыску изменников и предателей родины [3: 85].

Возглавил Военный трибунал Северо-Кавказского фронта полковник юстиции Майоров. В состав этого органа вошли заместитель председателя Закарьянц, а также член трибунала Костров [9]. В качестве обвиняемых в совершении военных преступлений предстали 11 граждан СССР: В.П. Тищенко, Н.С. Пушкарев, И.А. Речкалов, Г.Н. Мисан, И.Ф. Котомцев, Ю.М. Напцок, И.Ф. Кладов, М.П. Ластовина, Г.П. Тучков, В.С. Павлов и И.И. Парамонов. Им были предоставлены адвокаты. Четверо из них обвинялись по статье 58-1 «а» и семеро по статье 58-1 «б» Уголовного кодекса РСФСР [8: 2].

Сторона обвинения назвала в качестве руководителей совершенных преступлений командующего 17-й армии вермахта генерал-полковника Р. Руоффа и руководителя краснодарского гестапо полковника Кристмана, которые на судебном заседании не присутствовали в связи с отступлением германской армии с части территории Краснодарского края. Большинство обвиняемых служили в составе зондеркоманды при гестапо города. На суде присутствовали представители СМИ, известный советский писатель А.Н. Толстой, Герои Советского Союза А.И. Покрышкин и Д.Б. Глинка.

Задолго до судебного процесса в конце апреля 1943 г. была организована Краснодарская краевая чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, утвержденная постановлением бюро крайкома ВКП(б) в составе председателя П.И. Селезнева, первого секретаря крайкома, его заместителя П.Ф. Тюляева, председателя исполкома Краснодарского краевого совета, секретаря П.П. Пантикова, директора Всесоюзного научно-исследовательского института табака и махорки (ВИТИМ) и др. Результатами работы стали акты, составленные городскими районными комиссиями, которые в настоящее время находятся на хранении в Государственном архиве Краснодарского края в фонде Р-897 [8]. Эти документы стали основой для вынесения обвинительных приговоров по делам подозреваемых во время Краснодарского процесса. Подробно материалы этого судебного процесса освещались на страницах журнала «Большевик» [9]. Как установлено в материалах чрезвычайной комиссии, в Краснодарском крае для уничтожения жителей города активно использовались «газенвагены» (душегубки), а общее число потерь составило около 7 тыс. мирных жителей.

Сразу были допрошены обвиняемые, а впоследствии 22 свидетеля. Зачитано заключение судебно-медицинской экспертизы о проведении эксгумации. Всего было захоронено 623 тел (из них выявлено: 85 детей, 256 женщин, 282 мужчин и 198 стариков). 528 отравлены окисью углерода, вероятнее всего в душегубках, а 100 человек скончались от выстрелов в затылок. Все обвиняемые признали свою вину за совершенные преступления.

Оглашение приговора произошло 17 июля 1943 г. Трое подсудимых получили по 20 лет каторжных работ, а восемь приговаривались

к высшей мере наказания через повешение. После оглашения приговора в зале судебного заседания раздались аплодисменты. Уже на следующий день 18 июля 1943 г. приговор был приведен в исполнение на одной из площадей Краснодара при 50 тысячах жителей кубанской столицы.

Прошло более 20 лет, когда 22–24 октября 1963 г. в Краснодаре состоялся новый показательный суд над девятью другими функционерами зондеркоманды 10а. За зверства по отношению к мирным жителям были привлечены бывшие эсэсовцы А.К. Вейх, В.М. Скрипкин, М.Т. Еськов, А.У. Сухов, В.Д. Сургуладзе, Н.П. Жирухин, Е.А. Буглак, У.Т. Дзампаеви, Н.С. Псарёв. 24 октября им вынесен смертный приговор [10].

В соответствии с положениями Декларации глав трех держав антигитлеровской коалиции, опубликованной в октябре 1943 г., дела военных преступников должны были рассматриваться по местам совершения преступлений [6: 4]. По окончании Великой Отечественной войны в ряде советских городов прошел ряд показательных судебных процессов над нацистскими военными преступниками.

Одним из них стал Киевский процесс, проходивший в период с 17 по 28 января 1946 г. Слушания шли в здании Киевского окружного дома офицеров. В отличие от краснодарских процессов, среди обвиняемых были преимущественно представители вражеской стороны. Перед судом предстали 15 человек: П. Шеер, К. Буркхардт, Э.Г. фон Чаммер унд Остен, Г. Хейниш, Г. Труккенброд, О. Валлизер, Ф. Беккенгоф, Э.Ф. Иогшат, Э. Кноль, Г. Изенман, В. Геллерфорт, И.П. Лауэр, А. Шадель и Б. Драхенфельс-Кальювери [1: 31–32]. Оберштурмбанфюрер СС Георг Хейниш, гебитскомиссар Мелитопольского округа в составе рейхскомиссариата «Украина», заявил в ходе судебного заседания, что после захвата Украины там должны были расселиться немцы, часть местного населения предполагалось уничтожить, а оставшихся переселить в северные районы СССР [12: 27]. Приговор по этому делу оказался достаточно суровым, 12 первых обвиняемых были приговорены к повешению, Лауэр получил 20 лет каторжных работ, а Шадель и Драхенфельс-Кальювери по 15 лет [1: 32]. Смертный приговор был приведен в исполнение 29 января 1946 г. в Киеве в 17 часов на площади Калинина (ныне Майдан Незалежности) [12: 27].

Всего в СССР за годы Великой Отечественной войны и после нее состоялось 22 открытых судебных процесса над 254 военными преступниками, 79 осужденных приговорены к казни через повешение, трое – к расстрелу [13: 24].

Таблица 1. Количество открытых судебных процессов, состоявшихся в СССР в 1943–1949 гг. [11: 33–36]

№ п/п	Год	Количество процессов	Места проведения
1	1943	4	г. Краснодар; г. Краснодон; г. Харьков, г. Армавир
2	1944	0	–
3	1945	3	г. Смоленск; г. Ленинград (завершился 4 января 1946); г. Брянск
4	1946	5	г. Киев; г. Николаев; г. Минск; г. Великие Луки; г. Рига
5	1947	9	г. Сталино; г. Бобруйск; г. Севастополь; г. Полтава; г. Витебск; г. Новгород; г. Гомель; г. Чернигов; г. Кишинев
6	1948	0	–
7	1949	1	г. Хабаровск
8	Итого	22	

Вершиной правовой справедливости стали заседания Нюрнбергского Международного военного трибунала. Советское правительство потребовало его создания 14 октября 1942 г., что было подтверждено и президентом США Ф. Рузвельтом. Главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко указывал, что это первый случай, когда перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие само государство орудием своих чудовищных преступлений [11: 6].

В период от окончания Второй мировой войны до дня начала заседаний был разработан и утвержден 8 августа 1945 г. устав и правила процедуры Международного военного суда, собраны и систематизированы основные доказательства обвинения, составлено обвинительное заключение, налажена и скоординирована деятельность сложного

аппарата, представлявшего четыре союзные державы. Трибунал рассмотрел более 3 тыс. подлинных документов, допросил свыше 200 свидетелей, принял 300 тыс. письменных показаний. В результате этого судебного процесса, длившегося 316 дней, 3 человека были оправданы, 4 получили сроки от 10 до 20 лет, 3 – пожизненное заключение, а 12 приговорены к смертной казни через повешение, в отношении 10 из них приговор приведен в исполнение.

Таким образом, суровое возмездие за преступления против человечества настигло не только участников вероломного нападения на СССР в 1941 г., но и их пособников-коллаборационистов. Это в полной мере относится к территории юга современной России и к другим регионам бывшего СССР. Хочется надеяться, что эти уроки истории не будут забыты.

Источники и литература

1. *Башарова Ю.* Возмездие для двенадцати: каждый из казненных по приговору суда в Киеве с упоением выполнял приказ «уничтожать советское население» // *Родина*. 2021. № 1. С. 31–32.
2. *Венков В.А.* К вопросу о псевдоколлаборационизме (на примерах Ростовской области) // *Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы II Всерос. науч. конф., приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.)* / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. В 2 ч. Ч. 2. Ростов н/Д., 2021. С. 42–47.
3. *Иванцов И.Г. Сивков С.М.* Партизаны Красногвардейского района города Краснодара в тылу врага (1942–1943 гг.) // *Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы II Всерос. науч. конф., приуроч. к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.)* / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. В 2 ч. Ч. 2. Ростов н/Д., 2021. С. 80–87.
4. *Карташев И.В.* Коллаборационизм в медицинской сфере в период немецко-фашистской оккупации Северного Кавказа // *Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы II Всерос. науч. конф., приуроч. к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.)* / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. В 2 ч. Ч. 2. Ростов н/Д., 2021. С. 13–42.

5. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: рассекреченные документы. Хроника событий / Сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. Кн. 2. Ч. 1. Краснодар, 2003.
6. *Полторак А.И.* Нюрнбергский эпилог. М., 1969.
7. *Романько О.В.* Военный коллаборационизм на территории Крыма в период военной оккупации (1941–1944 гг.): структура, динамика, численность // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы II Всерос. науч. конф., приуроч. к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. В 2 ч. Ч. 2. Ростов н/Д., 2021. С. 5–16.
8. Списки военных преступников по Краснодарскому краю и их сообщников // Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 31а.
9. Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации // Большевик. 1943. 16 июля.
10. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 4373. Оп. 1. Д. 159.
11. *Экштут С.* Минск, Кишинев, Севастополь... Хроника еще 20 открытых судебных процессов в СССР над военными преступниками и их пособниками // Родина. 2021. № 1. С. 33–36.
12. *Экштут С.* Полторакасовой документальный фильм о Киевском процессе обращен к каждому из нас // Родина. 2021. № 1. С. 26–30.
13. *Экштут С.* Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года // Родина. 2021. № 1. С. 24–25.

В.А. Иванов

КРАСНОДАРСКИЙ И СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ 1959–1972 гг. В ОСВЕЩЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

По окончании Великой Отечественной войны стал актуальным вопрос розыска, поимки и проведения судебных процессов над нацистами и сотрудничавшими с ними гражданами – коллаборационистами. Первый такой судебный процесс состоялся еще в 1943 г. в Краснодаре, задолго до завершения войны [10]. В настоящей публикации

рассматривается вопрос освещения двух крупнейших судебных процессов – Краснодарского и Симферопольского 1959–1972 гг. – в материалах периодической печати. Несмотря на то обстоятельство, что первых пособников врага судили в Краснодаре, оба процесса были тесно связаны с Крымом. Подсудимые служили в нацистских вспомогательных военизированных структурах, осуществлявших карательные функции против партизан и подпольщиков Крыма, а также гражданского населения. На конкретных примерах рассмотрим ход и результаты деятельности советского суда в отношении коллаборационистов.

Краснодарский судебный процесс проходил 11–13 марта 1959 г. [2–6; 12]. На скамье подсудимых оказалось 6 коллаборационистов: З.Н. Оленченко, В.С. Зуб, А.Г. Михельсон, В.П. Дубогрей, В.А. Круглов и А.М. Василенко. З.Н. Оленченко и А.Г. Михельсон проживали на Ставропольщине (первый был уроженцем села Легокумка). Мобилизованные в Красную армию, они всячески старались избежать службы, в частности им удалось подделать документы и укрыться от призывной комиссии. После начала оккупации Оленченко и Михельсон, как гласят материалы судебного процесса, опубликованные в прессе, сблизились. Последний к тому времени уже начал работать на немцев переводчиком в гестапо. Оленченко же вступил в расстрельную команду и вскоре принял участие в казни 20 советских граждан. Завоевав таким образом доверие нацистов, он стал агентом тайной полевой полиции – ГФП-312, выполнявшей разведывательные и контрразведывательные функции [12]. За проявленное усердие нацистами Михельсон был назначен командиром и вскоре создал отряд, в который вошли каратели А. Василенко и В. Круглов [12].

Когда в 1943 г. немцы начали отступать с территории Северного Кавказа, команда Михельсона приняла участие в массовых расстрелах советских граждан в г. Армавире, станице Тихорецкой и других населенных пунктах. Эвакуировав войска с Северного Кавказа, немцы разместили ГФП-312 в Старом Крыму. Руководитель тайной полевой полиции В. Хюбнер создал разветвленную систему осведомителей и сотрудничавших с ГФП в Керчи, Семи Колодезях, Джанкое, Карасубазаре (Белогорске) и других местах. В Семи Колодезях команда Михельсона непосредственно подчинялась Р. Циммеру [22: 3].

Следует добавить, что уже в Крыму в состав команды Михельсона вошли дезертировавшие из рядов Красной армии Дубогрей и Зуб, а также П. Куприш [1: 110]. Его отец стал жертвой коллективизации, за что был выслан за пределы Крыма. Это вынудило Куприша отречься от него и внешне выражать лояльность советской власти. Когда началась Великая Отечественная война, он был мобилизован в Красную армию, однако при первом же удобном случае добровольно сдался в плен. Его определили в лагерь для военнопленных, где Куприш стал надзирателем и тайным агентом нацистской администрации. За проявленные услуги Куприша перевели в специальную команду воинской части «Штайнмарк», занимавшейся строительством военного аэродрома. Оттуда Куприш сбежал, подкупив офицера охраны, и обосновался в деревне Алексеевке, одном из мест действий Марфовской подпольной организации. Подпольщики, не проверив, кем является Куприш на самом деле, поручили ему задание убить старосту села. Опасаясь наказания со стороны подпольщиков за отказ выполнить задание и за возможность разоблачения, Куприш прямо обратился в штаб тайной полевой полиции. Он вступил в команду Михельсона, лично принимал участие в карательных акциях нацистов и их подручных [1: 111–127].

Материалы судебного процесса, опубликованные в периодической печати, свидетельствуют о том, что агенты тайной полевой полиции активно проявили себя в борьбе против движения Соппротивления, в частности:

- выдавали себя за советских разведчиков, сброшенных по воздуху, втирались в доверие к местным жителям, тем самым выявляя борцов с нацизмом;

- используя метод «подсадной утки» в помещениях керченской тюрьмы, разоблачали деятельность подпольных организаций (к примеру, как работала городская подпольная типография, каким образом была установлена связь с партизанскими отрядами, какими документами и пропусками снабжали народных мстителей, кто изготавливал печатную антифашистскую продукцию);

- лично принимали участие в обысках подпольщиков, изъятии листовок, газет и брошюр антигитлеровского содержания;

- осуществляли розыск, поимку, допросы, пытки и расстрелы советских патриотов (благодаря команде Михельсона были разгромлены

подпольно-патриотические организации в Марфовке («Молодая гвардия»), в Феодосии и в Старом Крыму [2–6; 12].

Во время проведения судебного процесса Оленченко и Зуб дали подробные показания, Круглов и Василенко заявили только, что выполняли приказы вышестоящего начальства, а Дубогрей и Михельсон старались уменьшить свою вину, давая уклончивые показания. На судебном процессе демонстрировались результаты работы оперативно-следственной группы сотрудников КГБ Краснодарского края. Следователи не только вели допрос подозреваемых, но вместе с ними проводили очную ставку: в первую очередь осматривали места их преступлений. Так, вследствие долгих и напряженных поисков удалось обнаружить блиндаж подпольщиков Марфовской подпольно-патриотической организации. Зуба и Дубогрея спросили, почему на глубине 2,5 метра выявлены толстые следы пепла: «Почему обуглена земля? – Перед отступлением мы жгли здесь документы... – Где же трупы? – Этого мы не знаем» [6: 4]. Проведя экспертизу, следователи выясняли, что пособники врага Зуб и Дубогрей в этом блиндаже подвергли арестованных девушек-подпольщиц чудовищным пыткам, а затем, чтобы скрыть следы своих преступлений, облили тела казненных горючей смесью и сожгли.

На судебном процессе 1959 г. в Краснодаре коллаборационистам напомнили о том, каким образом были обнаружены следы их деятельности в разных местах неподалеку от Семи Колодезей, в частности, на территории бывшей Семиколодезянской МТС: «Труп Александра Касьянова обнаружили в лесополосе. Молодой парень, он был совершенно седой, лицо обезображено побоями. Его расстреляли за 4 часа до прихода наших войск, 10 апреля 1944 года. В одной из могил лежали Шура Бауэр и Наташа Волкова. У Наташи изверги отрезали нос, ухо и несколько пальцев на правой руке. На голове – следы ожогов от раскаленных щипцов для завивки волос. Руки девушек были стянуты колючей проволокой. Юлю Чичерову и Андрея Наголова расстреляли тоже вместе. У Юли были отрублены руки. У Вали Нешевой – голова» [22: 3].

13 марта 1959 г. все подсудимые: Михельсон, Дубогрей, Оленченко, Зуб, Круглов и Василенко – были приговорены к высшей мере наказания [2–6; 12].

Симферопольский судебный процесс проходил с 29 мая по 11 июля 1972 г. в Доме культуры Симферопольского консервного завода имени С.М. Кирова. На скамье подсудимых в этот раз оказалось 6 человек – Т. Ходжаметов, Я. Куртвелиев, А. Абжелилов, Ш. Салаватов, С. Парасотченко и Н. Кулик, бывших подручных гитлеровцев из 152-го добровольческого батальона вспомогательной полиции порядка «Шума» [7–9; 11; 13–21; 23–25; 27]. Все указанные лица были преданы суду выездной сессии Военного трибунала по статье 56 части 1 Уголовного кодекса Украинской ССР («Действия, направленные на насильственное изменение или свержение конституционного строя или на захват государственной власти») [26]. Уголовное дело рассматривали представители Военного трибунала Краснознаменного Киевского военного округа – полковник юстиции А.Е. Бушуев (председатель), подполковник медицинской службы А.И. Шумило, майор юстиции Н.И. Прошкин (народные заседатели). От имени Советского государства обвинение выдвигал заместитель военного прокурора полковник юстиции П.И. Модленко. Общественными обвинителями были назначены: председатель рабочкома совхоза «Красный» Т.И. Третьяков, С.В. Мартынов – от имени партизан и подпольщиков Крыма, А.С. Бобенко, бывший узник Маутхаузена, – от имени советских граждан, ставших жертвами нацистского геноцида. Защиту подсудимых осуществляли члены Симферопольской городской коллегии адвокатов Н.М. Дугинец, А.Е. Шилко, М.В. Вишневецкий, Г.М. Фенько, Г.М. Шапшал и А.А. Булыгин [14: 3].

Согласно материалам судебного процесса, нацисты вербовали добровольцев в вспомогательные батальоны по трем категориям:

- из числа местных жителей, недовольных советским политическим режимом и проводимой властью экономической политикой насильственной коллективизации и индустриализации;
- сторонников воссоздания независимых национальных государств под эгидой нацистской Германии, ликвидированных в годы Гражданской войны Советской Россией;
- дезертиров из числа бывших военнослужащих Красной армии и военнопленных, арестованных немецкими властями и содержавшимися в местах принудительного содержания. Намереваясь спасти свою жизнь, они вступали в парамилитарные формирования, осуществлявшие карательные функции на службе у гитлеровской Германии [19: 4];

– гражданских лиц, оказавшихся в затруднительном положении в период оккупации и старавшихся подобной службой решить свои проблемы.

В конце сентября – начале октября 1943 г., согласно показаниям подсудимого Абжелилова, в балке, расположенной недалеко от концлагеря «Красный», охранники концлагеря «Красный» расстреляли примерно 70–80 человек. Сам Абжелилов в это время находился в оцеплении, чтобы узники не прорвали заслон и не попытались сбежать [8: 4]. В конце октября – начале ноября 1943 г. в урочище Дубки, тесно связанном с концлагерем «Красным», местом расправ над советскими гражданами, проводились массовые расстрелы. Абжелилов признал, что конвоировал узников от бараков к месту (бывшему гаражу на территории концлагеря, здание визуально напоминало внешне букву «Г»). Здесь заключенным скручивали проволокой руки, а затем погружали в машины. В Дубках Абжелилов входил в состав расстрельной команды из 8 человек, которые расстреляли 8 советских граждан [8]. Свидетель суда Н. Мензатов, 1913 г.р., рассказывал, что в дни массовых расправ в октябре – ноябре 1943 г. из концлагеря «Красный» в машины заталкивали стариков, женщин и детей. Всего было сделано 4–5 рейсов к расстрельным ямам. К началу октябрьских расстрелов в концлагере в живых из более 1 тыс. узников осталось менее 200 человек [8: 4].

В самом лагере узников подвергали беспощадному рабскому труду, цель которого состояла в том, чтобы сломить заключенного и подавить его волю к дальнейшему сопротивлению. Таким примером может служить допрос председателем военного трибунала А.В. Бушуевым свидетеля Х. Ниязиева, бывшего добровольца. На вопрос, был ли тот судим советской властью за измену Родине после войны, тот ответил, что не был. В «лагере смерти» на территории бывшего совхоза «Красный» он якобы просто убирал территорию и поливал цветы. Во время допроса подсудимого Куртвелиева выяснилось, что Ниязиев умолчал о том, что «сам впрягал в бричку людей и возил на них воду» [9].

Выяснилось, что добровольцы принимали активное участие в карательных операциях гестапо и СД против партизан и подпольщиков Крыма. В частности, свидетель В.Н. Рассказов утверждал, что накануне ликвидации «лагеря смерти» «Красный» Абжелилов вместе с братом Сервером в его присутствии упрашивали «немецкого коменданта

разрешить добровольцам устроить варфоломеевскую ночь в селе людям иной национальности» [11]. Так, в конце 1943 г. всех жителей сел Бахчисарайского района согнали вместе, а дома (в одном селе 200, в другом – 600) полностью сожгли. На вопрос П.И. Модленко о причине последовал ответ: «За связь с партизанами» [9]. Подсудимый Ш. Салаватов рассказал суду подробности проведения карательной операции: 29 ноября 1943 г. подразделение Салаватова выехало на четырех грузовиках. На одном из них был установлен четырехствольный крупнокалиберный пулемет. Впереди шла открытая легковая машина, в которой находилась немецкая администрация [15]. Каратели окружили деревню, заперли ее жителей в домах, облили горючим и подожгли. Тех, кто пытался вырваться из охваченных пламенем домов, беспощадно расстреливали автоматными очередями.

Государственный обвинитель полковник П.И. Модленко перечислил на заседании в начале июля 1972 г. причины, по которым бывших добровольцев привлекали по статье 56 части 1 Уголовного кодекса УССР:

- измена Родине;
- принятие присяги на верность нацистской Германии;
- личное участие в карательных операциях против советских граждан;
- личное участие в расстрелах, пытках и издевательствах советских граждан, совершенное в т. ч. в концлагере на территории бывшего совхоза «Красный» Симферопольского района Крымской области УССР.

Исходя из вышеизложенного материала государственный обвинитель просил военный трибунал определить всем подсудимым высшую меру наказания – расстрел с конфискацией имущества [25].

В итоге суд признал концлагерь на территории бывшего совхоза «Красный» «лагерем смерти», всех подсудимых – виновными и приговорил: Т. Ходжаметова, Я. Куртвелиева, А. Абжелилова, Ш. Салаватова, С. Парасотченко – к высшей мере наказания, а Н. Кулика – к 15 годам исправительно-трудовой колонии строгого режима с полной конфискацией имущества. Кроме того, выездная сессия Военного трибунала вынесла частное определение о возбуждении уголовного дела в отношении бывшего добровольца Ш. Асанова, который выступал на Симферопольском судебном процессе 1972 г. в качестве свидетеля [11: 4].

Источники и литература

1. *Лохманов Л.М.* Еще одна страница. Симферополь, 1964.
2. *Мешалкин П., Распевин К.* В логове врага // Труд. 1959. № 58 (11618). 10 марта. С. 3.
3. *Мешалкин П., Распевин К.* В логове врага // Труд. 1959. № 59 (11619). 11 марта. С. 4.
4. *Мешалкин П., Распевин К.* В логове врага // Труд. 1959. № 61 (11621). 13 марта. С. 4.
5. *Мешалкин П., Распевин К.* В логове врага // Труд. 1959. № 62 (11622). 14 марта. С. 4.
6. *Мешалкин П., Распевин К.* По следам врага // Труд. 1959. № 64 (11624). 16 марта. С. 4.
7. От расплаты не уйти // Крымский комсомолец. 1972. № 64 (4773). 31 мая. С. 3.
8. *Первомайская Е.* Нет пощады предателям! // Крымская правда. 1972. № 127 (14612). 1 июня. С. 4.
9. Показания под занавес // Крымский комсомолец. 1972. № 78 (4787). 2 июля. С. 4.
10. Послевоенные судебные процессы. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/war-crimes-trials> (дата обращения: 06.02.2021).
11. Приговор палачам вынесен // Крымский комсомолец. 1972. № 82 (4791). 12 июля. С. 4.
12. *Прилипка Ф.* Палачи. Суд // Крымская правда. 1959. № 54 (10743). 14 марта. С. 2.
13. *Соколов Г.* Адская кухня убийств. Из зала суда // Крымская правда. 1972. № 138 (14623). 14 июня. С. 4.
14. *Соколов Г.* Встать! Суд идет! // Крымская правда. 1972. № 125 (14610). 30 мая. С. 3.
15. *Соколов Г.* Когда кровоточит сердце // Крымская правда. 1972. № 135 (14620). 10 июня. С. 4.
16. *Соколов Г.* Когда кровоточит сердце // Крымский комсомолец. 1972. № 69 (4773). 11 июня. С. 4.
17. *Соколов Г.* На службе народа // Курортная газета. 1972. № 132 (7858). 7 июля. С. 3.
18. *Соколов Г.* Припертые к стенке // Крымский комсомолец. 1972. № 67 (4776). 7 июня. С. 3.
19. *Соколов Г.* Припертые к стенке. Из зала суда // Крымская правда. 1972. № 130 (14615). 4 июня. С. 4.

20. Соколов Г. Шакалы // Крымский комсомолец. 1972. № 66 (4775). 4 июня. С. 2, 4.
21. Соколов Г. Шакалы. Из зала суда // Крымская правда. 1972. № 129 (14614). 3 июня. С. 4.
22. Соколов Г., Лохманов Л. Во имя Родины, во имя партии они, бесстрашные, на подвиг шли. На встречу 40-летию Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Украины // Крымский комсомолец. 1959. № 65 (3334). С. 2–3.
23. Судьбы людские. Из зала суда // Крымский комсомолец. 1972. № 77 (4786). 30 июня. С. 4.
24. «Требую суровой кары» // Крымский комсомолец. 1972. № 72 (4781). 18 июня. С. 3.
25. «Так пусть постигнет...» // Крымский комсомолец. 1972. № 79 (4788). 5 июля. С. 3.
26. Уголовный кодекс Украины. Введен в действие с 1 апреля 1961 г. Законом РСФСР от 28 декабря 1960 года (Кримінальний кодекс України. Кодекс введено в дію з 1 квітня 1961 року Законом Української РСР від 28 грудня 1960 року). URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KD0006.html (дата обращения: 07.02.2022).
27. Факты обличают. Из зала суда // Крымский комсомолец. 1972. № 74 (4783). 23 июня. С. 3.

Е.А. Макарова

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ОККУПАЦИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

**(по материалам архивного уголовного дела
нацистского пособника А. Райха)**

Согласно сообщению краевой комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, подготовленному к 17 июня 1944 г. на основе 110 актов, в период оккупации на территории Ставропольского края гитлеровцами и их пособниками было истреблено 31 645 мирных советских граждан и 277 военнослужащих Красной армии [4: 5].

В основном о преступлениях нацистов и массовом истреблении гражданского населения в Петровском и соседних районах Ставропольского края было известно из упомянутых актов. В настоящее

время стал доступным для исследования еще один источник. Это архивные уголовные дела пособников нацистов, лично участвовавших в убийствах мирных жителей. Следственные дела осужденных в 1960-х гг. преступников позволяют уточнить детали совершавшихся злодеяний, первичные места захоронения погибших, а также оценить работу следствия по поиску и расследованию убийств еврейского населения в 1942–1943 гг. в Ставропольском крае. Цель представляемой работы – показать на основании материалов архивного уголовного дела А. Райха преступную деятельность полицейских из местных коллаборантов, участвовавших в акциях по уничтожению еврейского населения в селах Спицевке, Петровском, Благодатном, Кугульте. При цитировании из архивных документов текст воспроизводится нами с сохранением орфографии и пунктуации источника.

Оккупация Ставропольского края началась 3 августа 1942 г. и завершилась в конце января 1943 г., продлившись почти полгода. Практически в первые же ее дни здесь была создана сеть различных охранных, полицейских и карательных органов. Как правило, штаты полиции комплектовались «кадрами» коллаборационистов из местного населения, или добровольно предложивших свою службу, или взятых принудительно.

В марте 1961 г. военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа в городе Ставрополе был осужден Андрей Райх, один из многих преступников, участвовавших в 1942 г. в убийстве эвакуированного в край еврейского населения. Он был уроженцем колонии Либенталь Спицевского района Ставропольского края, по национальности немец. В 1945 г. уже приговаривался Военным трибуналом по ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР к 25 годам каторжных работ и 5 годам поражения в правах. Наказание отбывал в Воркуте в течение 10 лет 10 месяцев. Освобожден в 1955 г. по амнистии. Приговор военного трибунала отменен за сокрытие им ряда преступлений.

Арестованный 7 сентября 1960 г., А. Райх обвинялся в истязаниях и убийствах еврейского населения в Петровском, Спицевке и других окрестных селах. В ходе следствия было изучено множество документов, получены десятки показаний очевидцев, ставших свидетелями преступлений нацистского пособника. Признавая частично свое

участие в уничтожении мирного населения, подсудимый пытался оправдать собственные деяния: «Меня зарегистрировали в СД и оставили там работать в качестве переводчика. Я сперва отказывался, но меня заставили, и я вынужден был остаться работать в СД, где мне выдали полную немецкую форму. <...> Служить в СД меня заставили, бежать от немцев я боялся». Также А. Райх отрицал свое участие в массовых казнях «советских граждан в селе Петровском, в Кугульте и в убийстве граждан в с. Благодатном» [2: 52].

Суд над пособником и изменником проходил спустя 16 лет по окончании войны. Все акции, в которых А. Райх участвовал, направлялись в основном против конкретной национальности и поэтому являются одной из страниц Холокоста. При расправе с еврейским населением в октябре – декабре 1942 г. полицейские насильно заталкивали жертв в «душегубку», где все они погибали всего через несколько минут от удушья выхлопными газами.

При подготовке материалов данного суда и затем в ходе его работы следователи и судьи привлекали для дачи свидетельских показаний в том числе и бывших пособников немецких оккупантов – полицейских, ранее уже отбывших наказание за свои преступления. Они в 1942 г. также принимали участие в карательных акциях против советских граждан.

Одним из свидетелей был Н.В. Новосельцев, в период оккупации немцами села Петровского заместитель начальника районной полиции. Он рассказал, в частности, как «в ноябре 1942 года, из жандармерии поступило распоряжение собрать всех людей еврейской национальности, которые прибыли в село Петровское из разных областей». Еврейское население, среди которого были в основном женщины, старики и дети, согнали во двор жандармерии. «Через некоторое время из г. Ставрополя прибыло три автомашины, на которых приехали работники СД. Одна машина была легковая, вторая – грузовая, а третья душегубка. Автомшины заехали во двор, где находились люди, после чего людей еврейской национальности загнали в сарай. В сарай зашли три человека из числа приехавших из гор. Ставрополя. Они стали раздевать людей и грузить их в душегубку. <...> Людей вывозили к Бараничей горе. За эти три рейса было вывезено 300–303 человека еврейской национальности. <...> Райх

был в числе трех человек, которые зашли в сарай и раздевали людей и загоняли их в душегубку».

В начале ноября 1942 г. акция СД на Бараничей горе повторилась. «Расстреливали по два человека. Перед расстрелом людей раздевали. В числе расстрелянных были дети, женщины и старики. В момент расстрела я стоял в 10–15 м от ямы, куда падали расстрелянные люди. Я помню такой момент: одну женщину подвели к месту расстрела с двумя детьми лет 2 и 3. Перед расстрелом она прижала детей к своей груди и сказала: “Придут советские войска и за все вам отомстят!” В это время она была вместе с детьми расстреляна» [2: 70–72].

Бывший начальник петровской районной полиции М.И. Бибик дополнял своего подельника: «В октябре 1942 года по указанию бургомистра было арестовано около 300 человек советских граждан еврейской национальности, которые содержались в сарае. <...> Немецкий комендант приказал мне садиться в легковую автомашину и меня повезли в направлении Бараничей горы. Вместе со мной ехал и Райх. <...> Немцы и переводчики, в том числе и Райх, пошли в сарай, а я пошел в полицию. Когда я стоял на крыльце здания полиции, то из сарая доносились крики людей, плач женщин и детей. <...> После того, как душегубка уехала, я спросил у кого-то, что это такое и мне ответили, что душат евреев» [2: 76–77].

В качестве свидетеля давал показания и бывший «пассивный» коллаборант П. Мандров, не уличенный в совершении тяжелых преступлений: «Узнав, что из СД в село Петровское пойдут автомашина, я попросился у работника СД Ушакова, чтобы мне разрешили на этой машине доехать до с. Петровского. Придя к зданию СД, я увидел три автомашины – одна легковая “Опель кадет” и две грузовых, одна из них была душегубка. В легковую машину сел Райх, следователь Майер и двое немцев, а в грузовую машину сел я, Ушаков и другие. Когда мы прибыли в село Петровское, машины поставили во двор жандармерии, а сами пошли кушать. <...> Когда мы возвратились из столовой, то Райх с двумя немцами зашел в сарай. Он с немцами о чем-то разговаривал. В сарае людей раздевали, а затем грузили в душегубку. Когда людей погрузили в душегубку, то там были слышны стоны. Всего в сарае находилось человек 250 еврейской национальности, которые, как мне стало известно позже, все были умерщвлены» [2: 74–75].

Еще об одном эпизоде преступления в с. Петровском показывал бывший полицейский Н. Соснов: «В ноябре 1942 года в село Петровское прибыла команда СД в количестве 6–7 человек, в числе которой было два колониста. По распоряжению Новосельцева все граждане еврейской национальности, которые содержались под стражей, были выстроены в колонну, затем этих людей стали конвоировать в район Бараничей горы. Тех, кто не мог идти, и детей, везли на повозках. Когда колонна прибыла к горе, людей стали раздевать, а затем по 2–3 человека расстреливать. В момент расстрела одна женщина разорвала на себе кофту, взяла своих двух детей, прижала их к груди и сказала: “За нашу кровь и кровь детей советская власть отомстит!”, и она была в это время расстреляна. Всего в эту операцию было расстреляно около 100 человек, в числе которых были дети, женщины и старики» [2: 77–78].

В марте 1943 г. комиссией по расследованию злодеяний в одном из карьеров «было раскопано около 100 трупов, в том числе были трупы грудных детей, детей в возрасте 5–6 лет. Был обнаружен труп одной женщины, которая прижала к груди ребенка, а другой лежал рядом с ней. Всего было обнаружено на Бараничей горе более 800 трупов, из числа которых процентов 20–25 было трупов детей. Людей расстреливали в затылок, а многие трупы не имели сквозных пулевых ранений, а это означало, что эти люди были умерщвлены в душегубках. Трупы расстрелянных были очень слабо присыпаны землей, а некоторые даже не присыпаны и эти трупы растаскивались зверями и птицами» [2: 82].

После акции ее участники, полицейские получали часть имущества своих жертв и продукты питания. В тот раз из села Петровского в Ставрополь каратели вернулись загруженные корзинами с виноградом, ящиками с цыплятами, а «в узлах, которые были погружены в кузов автомашины, находились вещи расстрелянных советских граждан» [2: 81]. После массового убийства евреев в селе Спицевке подсудимый А. Райх возвратился к месту службы также не с пустыми руками. «Комендант приказал мне отпустить каждому немцу, участнику уничтожения людей, по 20 кг муки и однократно 2–3 кг сливочного масла на всю команду», – свидетельствовала бывшая переводчица коменданта с. Спицевки» [2: 92].

Там в начале зимы 1942 г. было убито более 100 советских граждан еврейской национальности, ранее эвакуированных на территорию

края. Жительница села Т. Подколзина, завуч сельской школы, уличавшая подсудимого в качестве палача, принимавшего участие в уничтожении еврейского населения, показывала: «10 или 11 декабря 1942 года в село Спицевку полицейские стали привозить советских граждан еврейской национальности, среди которых было много детей, стариков и женщин. Вечером всех этих граждан поместили в школу, где они и находились до следующего дня. Люди эти просили пить, но им воды не давали. Мать моя понесла в школу воды, но ее к школе не подпустили. На второй день я слышала в здании школы крики, стоны и вопли. Я видела, как этих людей, в том числе женщин и детей, прижавшихся к своим матерям, полураздетых, загнали в другой подъезд школы» [2: 92–93].

Очевидец происходившего, житель села Спицевки С.М. Куделько, рассказывал: «Во время оккупации немцами Спицевского района я работал в райфинотделе, здание которого находится рядом со школой райцентра. 18 декабря 1942 года я наблюдал, когда со всех концов района свозили людей, где большинство были старики, женщины, дети. Люди возили с собой мешочки и чемоданчики. Всех их сгружали в школе райцентра: повозки некоторых, где сидели люди, конвоировались полицейскими» [3: 3].

Ф. Рокенбауэр свидетельствовала: «В Спицевке я проживала в доме, находившемся рядом с зеленой школой. В эту школу было собрано несколько семей лиц еврейской национальности. На второй день утром я увидела через окно своей квартиры во дворе комендатуры крытую грузовую автомашину, окрашенную в черный цвет, которая была подогнана к дверям школы. Из помещения школы раздетые догола лица еврейской национальности загонялись в автомашину. Во время погрузки людей в автомашину я увидела Райха, который стоял около душегубки. Когда уехала машина из школы с людьми я не видела. Через непродолжительное время машины возвратились, и все лица, участвовавшие в уничтожении людей, заехали к коменданту обедать» [2: 92]

Шофер районного коменданта В. Денисов в ходе судебного заседания рассказывал: «Я не видел, как грузили людей в душегубку, но по рассказам женщин я узнал, что из школы вывели всех задержанных советских людей еврейской национальности и погрузили их

в душегубку. После погрузки людей в машину, я во дворе комендатуры в числе других немцев увидел и Райха, все немцы сели в машину и поехали за село» [2: 90].

То, что произошло далее, рассказывал суду уже лично А. Райх: «Я принимал участие в уничтожении советских людей еврейской национальности в селе Спицевке, уничтожено было более 100 человек. Я тогда служил в команде СД переводчиком. Перед погрузкой людей в душегубку я перевел распоряжение старшего команды, чтобы люди раздевались наголо. Умерщвленных людей в душегубке выгружали у горы Свистун, трупы выгружали оставленные нами для этой цели 8 человек еврейской национальности, трупы бросали в яму, а затем расстреляли 8 человек, которые разгружали машину» [2: 90–91].

Примечательно, что в ходе заседания во время допросов свидетелей из бывших полицейских некоторые из них свидетельствовали против своих прежних сослуживцев. Н. Новосельцев, давая показания, утверждал: «Я уже показал суду, что приходило три автомашины – одна грузовая, одна легковая и душегубка. Райх был в немецкой форме. Первый раз я автомата у него не видел, а во второй раз, когда он приезжал, у него был автомат» [2: 73].

Можно предполагать, что делались такие заявления в попытке переложить большую часть вины на подсудимого.

Изложенные выше факты позволяют выявить характерные признаки проведения акций по уничтожению мирного населения на территории Петровского и Спицевского (ныне Грачевского) районов Ставропольского края. Для массового истребления людей применялись спецмашины, приспособленные для удушения выхлопными газами двигателей, – «душегубки» [1: 39]. Жертв вывозили за пределы населенных пунктов. В основном к месту захоронения доставлялись трупы погибших от удушения окисью углерода. Тела замученных и расстрелянных людей сбрасывали в общие могилы. Уничтожению подвергались в том числе дети грудного возраста, их убивали на глазах матерей.

А. Райх отвечал на следствии: «Почему убивали детей, я объяснить не могу, но был приказ немцев расстреливать всех. Дети перед расстрелом плакали. Лиц еврейской национальности убивали всех, не обращая внимания на их возраст. Людей, которые разгружали трупы

из душегубки, убивали после того, как они засыпали землей трупы, их ложили на землю и стреляли в затылок. Стреляли в них немцы, а я закапывал трупы. Советских людей я убивал по указанию немцев. <...> Дети и старики мне ничего плохого не сделали. Они ничего плохого не сделали и для немцев. Но их расстреливали по указанию немцев, не считаясь ни с кем и ни с чем» [2: 116].

На основании вышеизложенного можно заключить, что и в Петровском, и в Спицевском районах в период оккупации Ставропольского края осуществлялась политика целенаправленного преследования и уничтожение людей по расовому и физическому признакам, в соответствии с идеологией нацистской Германии. В организации и осуществлении массовых убийств гражданского населения непосредственное участие принимали коллаборационисты из местных жителей, служащие полиции, сотрудники айнзацгруппы «D», дислоцировавшейся в г. Ставрополе, начальником которой был оберштурмфюрер Клебер. Известным местом массового захоронения жертв в Петровском районе можно считать захоронение на Бараничьей горе в г. Светлоград.

Убийство евреев (в основном эвакуированных) проводили нацисты и местная полиция. Карательные акции в Петровском и Спицевском районах осуществлялись в октябре – декабре 1942 г. В с. Спицевка 19 декабря 1942 г. было убито 174 человека. Всего на территории Петровского, Спицевского районов в период оккупации было уничтожено 1100 мирных граждан [4: 5об.]. Совершенные нацистами и их пособниками преступления против мирного населения и военнопленных на территории Ставропольского края в период оккупации являлись нарушением норм международного права и не имеют срока давности.

В связи с вышеизложенным актуальной является проблема коммеморации. Исследование «в поле» показало, что большинство жителей Грачевского района, в том числе и с. Спицевского, не имеют представления об истории села в период оккупации и массовом уничтожении мирных граждан. В школьном курсе истории, посвященном региональному компоненту, факт уничтожения в селе еврейского населения не упоминается. Практически утрачена память о самом событии и местонахождении захоронения жертв. Нами предпринята попытка донести полученную из ранее закрытых источников информацию о преступлении, совершенном в декабре 1942 г. в селе Спицевка, посредством сотрудничества

с журналистами газеты Грачевского района. Работа по увековечиванию памяти о жертвах оккупационного режима будет продолжена.

Источники и литература

1. Акт Ставропольской краевой комиссии ЧГК об истреблении мирного населения Ставропольского края немецко-фашистскими оккупантами. 3 июля 1943 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 269. Оп. 1. Д. 26.
2. Протокол заседания военного трибунала Северо-Кавказского военного округа в открытом судебном заседании в городе Ставрополе по рассмотрению уголовного дела по обвинению А.А. Райха. 15 марта 1961 г. // Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Ставропольскому краю (УФСБ РФ по СК). Ф. 71. Д. 2451. Т. 8.
3. Протокол опроса заведующего районной конторой связи села Спицевка С.М. Куделько о преступлениях немецко-фашистских захватчиков в Спицевском районе с. Спицевка. 28 июня 1943 г. // Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 171.
4. Сведения о количестве мирных советских граждан и военнослужащих, расстрелянных, замученных и отравленных немецко-фашистскими оккупантами в Ставропольском крае // ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 8.

А.Ю. Кудряков

ЭКСПЕДИЦИЯ «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ» В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2021 г.: МЕТОДЫ ПРОВЕДЕНИЯ, ЭТАПЫ РАБОТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Экспедиция «Без срока давности» была сформирована Ростовским региональным общественным поисковым отделением «Миус-фронт» в январе 2021 г. для сбора информации о геноциде мирного населения Донского края в годы Великой Отечественной войны и поиска неизвестных мест захоронения жертв гитлеровской оккупации. В структуру экспедиции вошли:

- архивный отдел (руководитель А.В. Нетесов);
- отдел социологии и опроса местного населения (руководитель Д.А. Абросимов);

– отдел массовых мероприятий, взаимоотношений с органами власти и СМИ (руководитель М.И. Ивантей);

– полевой поисковый отдел (руководитель С.А. Самойленко).

Общее руководство экспедицией осуществляет А.Ю. Кудряков.

В феврале 2021 г. началось системное изучение архивных источников в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) и архиве Управления Федеральной службы безопасности по Ростовской области (УФСБ РО). Параллельно с этим велась работа по организации серии круглых столов в Ростовской области. Эти мероприятия проводились для представителей органов власти, общественности, СМИ, ветеранских организаций с целью поиска очевидцев злодеяний фашистских карателей и локализации мест захоронения. Круглые столы были проведены в Ростове-на-Дону, Таганроге, Сальске. Кроме того, проводился набор добровольцев из числа участников поискового движения Ростовской области в полевой поисковый отдел для проведения работ по эксгумации жертв геноцида.

В апреле 2021 г. штабом экспедиции «Без срока давности» было принято решение начать полевые исследовательские работы в городе Сальске Ростовской области на территории глиняного карьера кирпичного завода. Там, по данным Чрезвычайной государственной комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям (ЧГК), в 1942–1943 гг. было расстреляно свыше 3,5 тыс. мирных жителей [3: 82]. Были выявлены и очевидцы событий 1942–1943 гг. в городе Сальске, в частности ныне покойный О.Г. Ткачев, чьи воспоминания помогли определить места массовых казней и расположение лагеря, где содержали захваченных в ходе облав жителей Сальска и окрестностей. Благодаря многолетней работе краеведа Сальского района А.А. Борщевского были установлены и обстоятельства расстрелов гражданского населения.

С мая 2021 г. начались поисковые разведки с целью локализовать расстрельные ямы, указанные в документах и в свидетельствах очевидцев. Но карьер в настоящее время представляет собой участок площадью более чем в 10 га, поэтому сразу обнаружить захоронения не удалось.

Помогли обнаруженные в архиве УФСБ РО материалы уголовного дела Гвоздецкого, который принимал личное участие в массовых казнях в Сальске. Будучи арестованным в 1974 г., он подробно показал на местности, где в карьере кирпичного завода проходили казни мирного населения, и описал в подробностях обстоятельства расстрелов. Эта схема, будучи рассекреченной, помогла экспедиции в конечном итоге найти расстрельные ямы.

В июне 2021 г. начались крупномасштабные эксгумационные работы. К ним, наряду с поисковиками-добровольцами, были привлечены следователи-криминалисты Следственного комитета РФ, судмедэксперты и специалисты-археологи. Несмотря на аномальную жару, ямы, где проводились расстрелы, изучались с применением методики археологических исследований. Места расстрелов делились на квадраты раскопов 4 × 4 м, и при необходимости их площадь увеличивалась. Это позволило детально изучить места массовых казней, получить подробную информацию о гибели людей. Также были собраны гильзы, личные вещи, пули, фрагменты одежды и обуви расстрелянных.

Первый этап работы экспедиции позволил обнаружить останки 67 расстрелянных мирных жителей, из которых 19, по свидетельствам судмедэкспертов, были детьми от 0 до 10 лет.

Вторым этапом полевых работ, который проходил в августе 2021 г., было обнаружение ям с остатками кремации человеческих тел. Среди частиц пепла в подобных ямах были зафиксированы костные останки людей. При этом определить точное количество сожженных и обстоятельства их гибели не представлялось возможным. Архивные источники и протоколы допроса карателя Гвоздецкого тоже не пролили свет на обстоятельства кремации мирных жителей.

В ходе проведения третьего этапа экспедиции в сентябре – октябре 2021 г. удалось обнаружить останки еще 91 расстрелянного мирного жителя, из которых 60 принадлежало несовершеннолетним. Судя по элементам зимней одежды и обуви, найденным в ходе третьего этапа, людей уничтожали зимой 1943 г. в спешке перед самым освобождением города частями Красной армии. Тела в ямах были разбросаны в беспорядке и не были ограблены. На женских останках имелись нательные православные кресты из серебра и традиционные для казачьего населения Дона серьги-лунницы. Завершился третий

этап захоронением всех найденных жертв геноцида. Церемония захоронения прошла в торжественной траурной обстановке со всеми гражданскими почестями и согласно религиозным традициям. Местом захоронения был избран сквер у проходной кирпичного завода, который сейчас носит название «Сквер памяти жертв геноцида».

Результаты проведения экспедиции «Без срока давности» легли в основу уголовного дела, которое рассматривалось в Ростовском-на-Дону областном суде с 15 февраля по 10 марта 2022 г. В результате судебного процесса был вынесен обвинительный приговор по статье 357 УК РФ «Геноцид». Помимо этого, результаты экспедиции в городе Сальске легли в основу документального фильма донского кинематографиста Юрия Мальцева «Сальск. Карьер смерти». Премьера фильма состоялась 24 февраля 2022 г. в Ростовском филиале ВГИК имени Герасимова [2]. Обобщенные данные экспедиции «Без срока давности» по Сальску и другим районам Ростовской области представлены в специальном выпуске альманаха «Геноцид», вышедшем 24 февраля 2022 г. [1].

В настоящее время экспедиция «Без срока давности» продолжает свою работу на территории Ростовской области.

Источники и литература

1. Без срока давности. Специальный выпуск альманаха «Атаманъ». Ростов н/Д., 2022.
2. Лукьянчикова С. Донские кинематографисты сняли документальный фильм о геноциде мирного населения. URL: <https://rostov-on-don.sm.news/donskie-kinematografisty-snyali-dokumentalnyj-film-o-genocide-mirnogo-naseleniya-30831-u3t5/> (дата обращения: 25.02.2022).
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 8.

Раздел 4

Власть и общество, экономика и культура в 1941–1945 гг.

К.К. Афанесян

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОВЕТСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Вопросы истории советской социальной политики на Дону и Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны не раз становились предметом изучения в работах различных исследователей. Разработка данной проблемы представителями отечественной исторической науки ранее уже рассматривалась в ряде обобщающих [16; 30 и др.] и специальных [17] исторических и историографических трудов. Однако появление новых публикаций обуславливает целесообразность осмысления их вклада в изучение советской социальной политики военного времени на Дону и Северном Кавказе в контексте анализа общих тенденций развития отечественной историографии проблемы. В ней можно выделить два основных этапа, условно обозначенные как советский и современный российский. Вследствие более высокой степени изученности советской историографии главное внимание в данной статье уделяется исследованиям современных российских историков.

Первые публикации о советской социальной политике на Дону и Северном Кавказе в 1941–1945 гг. вышли непосредственно в военные годы. Они представляли собой брошюры и статьи партийных,

советских и хозяйственных руководителей, писателей и публицистов, в большинстве своем носившие пропагандистский или прикладной характер. В основном авторы описывали заботу ВКП(б) и советского правительства о нуждах населения, ставили задачи улучшения работы по удовлетворению его потребностей. Наряду с этим, в них рассказывалось о мерах социальной защиты по отношению к матерям и детям, семьям фронтовиков, трудоустройстве инвалидов войны и других аспектах социальной политики [4; 6; 15; 20 и др.]. Оказание помощи семьям фронтовиков, детским учреждениям и другие конкретные вопросы реализации социальной политики на Дону и Северном Кавказе рассматривались в основном в статьях в местной периодической печати [2; 3; 11; 34 и др.]. Введение в научный оборот немалого количества фактов и их первые оценки позволяют включить указанные работы в историографию проблемы.

По окончании Великой Отечественной войны рассматриваемые вопросы стали предметом изучения в профессиональной историографии. В послевоенное десятилетие были защищены первые кандидатские диссертации по истории краев, областей и национальных автономий юга РСФСР в 1941–1945 гг. [5; 10; 19; 21; 32]. Характеризуя различные направления деятельности советских органов власти, партийных и комсомольских организаций Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, Адыгейской автономной области, Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики, авторы данных исследований обращались и к опыту решения ими социальных проблем в годы войны. Специальных работ по вопросам советской социальной политики на Дону и Северном Кавказе в послевоенное десятилетие не было издано.

Только в 1960–1980-х гг. советская социальная политика военного времени нашла отражение в специальных исследованиях, посвященных изменениям в фондах потребления, особенностям организации системы торговли и снабжения различных социальных слоев, в первую очередь рабочего класса, дифференцированному распределению продовольствия и товаров народного потребления, развитию подсобных хозяйств и личного огородничества горожан, политике в области заработной платы, жилищного строительства, в отношении инвалидов войны, семей фронтовиков, детей [1; 18; 30; 31 и др.]. Подчеркивая

заботу Советского государства о нуждах населения, историки раскрывали различные формы и направления советской социальной политики: выплату пособий и предоставление льгот семьям военнослужащих, инвалидам войны, устройство детей-сирот. Они также отметили негативные изменения в структуре питания советского населения, нехватку самых необходимых продуктов, одежды, обуви, ухудшение жилищных условий. На Дону и Северном Кавказе данные сюжеты рассматривались преимущественно в обобщающих коллективных трудах по истории отдельных регионов, выходявших во всех областях, краях и автономных республиках [12; 13; 22; 23; 26; 28], а также в очерках истории региональных партийных организаций и других исследованиях, посвященных деятельности организаций ВКП(б) и ВЛКСМ в годы Великой Отечественной войны [24; 25; 27 и др.]. Как правило, представленные в них положения соответствовали выводам обобщающих и специальных трудов, выполненных на общесоюзных материалах.

С 1990-х гг. в изучении советской социальной политики на Дону и Северном Кавказе произошли определенные изменения, связанные с рассекречиванием и активным введением в научный оборот архивных документов, изменением подходов, ликвидацией цензурных ограничений, а также появлением нового поколения исследователей. Уже вышедшие в начале 1990-х гг. монографии, диссертации и статьи Г.Г. Загвоздкина, М.С. Зинич, В.С. Кожурина и других авторов содержали более критические оценки эффективности функционирования систем нормированного распределения и оплаты труда, медицинского обслуживания, социального обеспечения, возможностей и результатов использования дополнительных ресурсов питания, удовлетворения жилищно-бытовых потребностей населения в годы Великой Отечественной войны [8; 9; 14 и др.].

Среди публикаций о советской социальной политике в 1941–1945 гг., выполненных на материалах Дона и Северного Кавказа, в первую очередь выделяется монография армавирского историка Е.В. Панариной. Опираясь на положение о многофакторном характере решения социальных проблем, автор рассматривает в ней достаточно широкий круг вопросов. Среди них реализация продовольственной политики и решение жилищно-бытовых проблем, организация

медицинского обслуживания населения и меры по преодолению демографического кризиса, вопросы функционирования школьного и профессионального образования, деятельность культурно-просветительских организаций в годы войны. Подобный подход позволил автору осуществить комплексный анализ реализации советской социальной политики военного времени с учетом принципов обеспечения гарантированного минимума потребительских нужд населения, с одной стороны, и дифференцированного характера распределения потребительских товаров и услуг, с другой [29].

Немало внимания уделяется реализации различных направлений советской социальной политики и в работах других российских историков. Так, Н.А. Чугунцова в монографии, посвященной деятельности Советов депутатов трудящихся Северного Кавказа, охарактеризовала работу местных властей по поддержанию необходимых социально-бытовых условий жизни населения данного региона [33].

Значительное внимание в последние десятилетия уделяется вопросам социальной защиты детства в годы Великой Отечественной войны, в том числе и участию органов внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью [7], условиям работы детских домов [18] и других детских учреждений, находившихся буквально на грани выживания. Немалый интерес в этом отношении представляет кандидатская диссертация И.В. Юрчук, предложившей комплексный анализ политики местных властей Краснодарского края по защите детства и ее практической реализации в годы Великой Отечественной войны на основе введения в научный оборот широкого комплекса документов [35].

Таким образом, изучение советской социальной политики на Дону и Северном Кавказе в 1941–1945 гг. началось еще в годы войны. В послевоенное время данная проблема нашла отражение в первых защищенных кандидатских диссертациях, а в последующие десятилетия – в работах общего характера и исследованиях, посвященных истории партийных и комсомольских организаций региона в годы войны. Однако содержащиеся в них знания носили фрагментарный характер, на изучение проблемы влияла идеология, основное внимание уделялось роли партийных организаций в оказании помощи нуждавшимся в ней слоям населения, недооценивались трудности

военных лет. В современной российской историографии проблемы предлагается отказаться от ряда прежних историографических стереотипов и расширить общий круг изучаемых вопросов за счет введения в научный оборот новых документальных комплексов.

Источники и литература

1. *Аверченко М.А.* Рабочее снабжение в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. экон. наук. М., 1988.
2. *Арбенина К., Семенова В.* В детских садах // Ставропольская правда. 1943. 31 июля.
3. *Вашев Т.* Помощь семьям фронтовиков // Ставропольская правда. 1943. 18 октября.
4. *Вержиловский П.П.* Трудовое устройство инвалидов Отечественной войны. М., 1943.
5. *Глухов В.М.* Адыгея в дни Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 1949.
6. *Гришкова Л.* Окружим вниманием и заботой семьи советских воинов. М., 1941.
7. *Ермаков Е.Г.* Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.). М., 2002.
8. *Загвоздкин Г.Г.* Социальная политика ВКП(б) и советского государства в годы Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991.
9. *Зинич М. С.* Будни военного лихолетья. 1941–1945. М., 1994. Вып. 1–2.
10. *Иванов Г.П.* Комсомол Кубани в Великой Отечественной войне (июнь 1941 – май 1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1948.
11. *Ильяшенко В., Песковатская А.* Берем шефство над детприемником // Пятигорская правда. 1943. 25 августа.
12. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2 т. М., 1967. Т. 1. История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней.
13. История Северо-Осетинской АССР. М., 1966. Т. 2: Советский период.
14. *Кожурин В.С.* Социальная политика Советского государства по отношению к рабочему классу в годы Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991.

15. Ковригина М.Д. Забота государства о матери и ребенке. М., 1945.
16. Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М., 2004.
17. Кринко Е.Ф. Социальная политика на Северо-Западном Кавказе в 1941–1945 годы: историография проблемы // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2004. № 1 (38). С. 31–36.
18. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Юрчук И.В. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941–1945 годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 35–59.
19. Маркусенко И.С. Колхозное крестьянство Ростовской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.
20. Митерев Г.А. Забота о матери и ребенке – важнейшая государственная задача. М., 1944.
21. Опишанская К.Я. Коммунистическая организация Ставропольского края в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1954.
22. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981.
23. Очерки истории Карачаево-Черкесии. В 2 т. Черкесск, 1972. Т. 2. Советский период.
24. Очерки истории Краснодарской организации КПСС. 2-е изд. Краснодар, 1976.
25. Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969.
26. Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. Ставрополь, 1986. Т. 2. С 1917 г. до наших дней.
27. Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970.
28. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 2: С древнейших времен до наших дней.
29. Панарина Е.В. Социальная политика советского государства и военная повседневность населения Северного Кавказа в 1941–1945 гг. Армавир, 2017.
30. Синицин А.М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 20–29.

31. Чернявский У.Г. Война и продовольствие: Снабжение городского населения в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 1964.
32. Чибиров Х.Т. Северо-Осетинская партийная организация в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 г.): дис. ... канд. ист. наук. Дзауджикау, 1953.
33. Чугунцова Н.А. Органы власти Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / изд. 2-е, доп. Краснодар, 2008.
34. Юрченко И. Что дал месячник помощи семьям фронтовиков // Красная Черкесия. 1944. 16 декабря.
35. Юрчук И.В. Политика местных властей Кубани по защите детства и ее практическая реализация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.

О.Л. Соколов

ПЕРЕСТРОЙКА РАБОТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом Великой Отечественной войны жизнь советского общества и система государственного управления перестраивались в соответствии с резко изменившимися реалиями. В первую очередь перестройка коснулась работы государственного аппарата для обеспечения возможностей решения им вопросов организации обороны страны. Госаппарат стал частью военного организма страны. 30 июня 1941 г. был образован Государственный комитет обороны СССР, в регионах стали действовать местные комитеты обороны и их уполномоченные. Они были призваны осуществлять мобилизацию всех сил и средств для достижения победы в войне.

23 июня 1941 г. в газете «Правда» были опубликованы указы Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и введении в 24 регионах европейской части страны военного положения. Фактически действие конституций СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. приостанавливалось, хотя официально об этом нигде не было сказано. В прифронтовых районах властные полномочия сосредоточились в руках командующих военными округами. Под охрану брались ключевые объекты и коммуникации, осуществлялась антикриминальная деятельность, вводился строжайший контроль над СМИ,

агитационной и пропагандистской работой. С 23 июня 1941 г. вводились в действие мобилизационные производственные планы. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР, на производстве все отпуска отменялись, вводились сверхурочные работы. 1 октября 1941 г. было введено в действие обязательное военное обучение граждан от 16 до 50 лет, а его организация возлагалась на Главное управление всеобщего Наркомата обороны СССР. Изменения вносились и в порядок работы органов военной юстиции.

На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. значительно расширялась подсудность военных трибуналов в районах, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, отменялось право подсудимых на кассационное обжалование. На время войны вводилось ограничение свободного передвижения граждан, для чего устанавливалась специальная пропускная система и особый порядок командировок для служащих.

Централизация стала осуществляться в основном по линии общесоюзных органов управления основными отраслями народного хозяйства. В госаппарате коллегиальность заменялась единоначалием, выборность – кооптацией, проверка исполнения принимала форму жесткого контроля с последующим применением санкций. Отраслевой принцип хозяйственного управления в условиях войны сохранялся: система наркоматов больших изменений не претерпела, за исключением оборонной отрасли, в которой создавались новые специальные ведомства. Усилилась централизация в фондировании и снабжении народного хозяйства сырьем, топливом и другими материалами. В результате перебазирования промышленных предприятий возникли новые промышленные центры, в основном на востоке страны. Перестройка государственного управления происходила в сложных условиях поражений первого периода войны, быстро менявшейся ситуации, отсутствия полной информированности руководства страны [4: 92].

22 июня 1941 г. на Юге России, как и в других регионах страны, прошло экстренное заседание бюро Ростовского обкома ВКП(б). С докладом о начале войны выступил первый секретарь обкома и горкома ВКП(б) Б.А. Двинский. Позднее в октябре 1941 г. он возглавил созданный Ростовский городской комитет обороны. Экономика

города перестраивалась на военный лад. Много сил этой работе отдавали председатели Ростовского городского исполкома Совета депутатов трудящихся: в апреле – ноябре К.Э. Кайданович и в ноябре – декабре 1941 г. С.И. Бурменский.

Уже к осени 1941 г. Ростов-на-Дону стал фактически прифронтовым городом. Перед его руководством остро встала задача эвакуации в короткие сроки промышленных предприятий, учреждений, институтов.

Органы внутренних дел также перестраивали свою деятельность на военный лад. Полномочия милиции значительно расширились. Помимо прочего, на нее возлагались поиск дезертиров и обеспечение эвакуации населения. Уголовный розыск перестраивал свою оперативную деятельность с учетом военного времени, оказывая помощь в выявлении вражеской агентуры, пресечении мародерства и кражи продуктов питания. В связи с хронической нехваткой хлеба и других продуктов были введены карточки и талоны, которые создали широкое поле для мошенничества и спекуляции. Сотрудники милиции регулярно проводили оперативные мероприятия по изъятию спекулятивного хлеба, устанавливали пути его поступления на базары. В годы войны расширилась сеть детских комнат милиции.

В условиях войны партийные и комсомольские структуры несли на себе ответственность практически за все направления работы, в том числе всеобщее военное обучение, учет военнообязанных, агитационно-пропагандистскую, оборонно-массовую работу и т.д. В клубах, избах-читальнях, парткабинетах проводились лекции о положении на фронтах, о международной ситуации, об экономической и политической ситуации в стране, собрания и разъяснительные беседы по докладом высшего руководства страны; организовывались массовые мероприятия по случаю празднования 7 Ноября, 1 Мая, Дня Конституции, а также митинги, массовые гуляния [3: 39].

В деле мотивации населения важная роль отводилась агитационно-массовой работе. Партийные структуры, которые переживали процесс перестройки из-за мобилизации на фронт партийного актива, занимались организацией политической работы на местах. Так, согласно постановлению бюро Калмыцкого райкома ВКП(б) от 25 июня 1941 г., они должны были «неустанно разъяснять рабочим, колхозникам, служащим, что самоотверженный труд должен сочетаться

с бдительностью зорко охранять социалистические предприятия, учреждения, беспощадно разоблачать болтунов, нытиков, малOVERов и лиц, стремящихся посеять панику среди населения» [3: 40].

Дальнейшее расширение и активизация агитационно-пропагандистской работы были продиктованы сложным положением на фронтах, необходимостью мотивации трудящегося населения, а также проведением политической работы среди эвакуированного в Калмыцкий район населения с оккупированных территорий, которое могло стать распространителем панических настроений. С этой целью бюро райкома постановило перестроить работу парткабинета в районный агитпункт и организовать при нем агитколлектив под руководством секретаря райкома Французова. В члены районного агитколлектива был включен также заведующий районо В.И. Шарапов. Он курировал работу колхозных и сельсоветских агитколлективов [2: 233].

Мобилизация коммунистов на фронт обуславливала необходимость пополнения районной партийной организации. Приоритет при приеме в партию отдавался представителям ведущих профессий – трактористам, комбайнерам, рабочим, специалистам сельского хозяйства. Однако темпы приема в партию в первые месяцы войны, как отмечалось на пленуме райкома в феврале 1942 г., оставались на невысоком уровне. Местные Советы и исполнительные органы, решая множество вопросов хозяйственно-социальной жизни области и оказывая помощь фронту, много внимания уделили улучшению работы аппаратов управления и управления [1: 27].

Власти занимались совершенствованием плановой и финансовой дисциплины подведомственных отделов. Повышенное требование предъявлялось председателям муниципальных районных и финансовых органов по вопросу выполнения планов мобилизации средств для своевременного и полного финансирования народнохозяйственной и оборонной деятельности.

Особое внимание было уделено вовлечению женщин в активную производственную и общественную работу. В городах и районах институт женских организаторов развивался на предприятиях, в колхозах, совхозах, где был создан широкий круг женских активов. Это способствовало значительному повышению уровня труда среди женщин в производстве и на местах жительства женщин. Многих

активистов и передовиков производства выдвинули на советские и хозяйственные работы. Первостепенной задачей партий и советов было восстановление хозяйства региона и оказание максимальной помощи фронту [1: 34].

На Дону действовало около 500 местных Советов депутатов трудящихся. Депутаты Советов или их представители-активисты посещали семьи, получавшие извещения о гибели своих близких. Граждане могли обращаться в Советы за помощью по разным вопросам.

Таким образом, в ходе мероприятий по перестройке государственных и местных органов власти на начальном этапе Великой Отечественной войны происходили большие изменения в структуре управленческого аппарата. Руководство Ростовской области, опираясь на городские и районные, поселковые и сельские Советы, объединило фронтовиков и тружеников, мобилизовало их и вместе с ними проводило очень трудную борьбу по преодолению возникшей неразберихи и разгрому захватчиков.

Источники и литература

1. *Емельяненко А.П.* Советы депутатов Дона в 1941–1945 гг. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 1. С. 24–36.
2. *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.: учеб. для вузов по специальности «История» / 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995.
3. *Морозов В.И.* Особенности государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Управленческое консультирование. 2005. № 1 (7). С. 32–46.
4. *Селюнина Н.В.* Управление водным транспортом Европейской части России в 1941–1942 гг. // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2006. Тематический выпуск. Гуманитарные науки в современном мире. № 2. С. 89–97.

М.В. Ходяков**РЕШЕНИЯ ГОРОДСКИХ ВЛАСТЕЙ ПО ЖИЛИЩНЫМ ВОПРОСАМ
В БЛОКИРОВАННОМ ЛЕНИНГРАДЕ. 1941–1943 гг.¹**

Война нанесла серьезный ущерб всему городскому хозяйству Ленинграда. По данным Плановой комиссии Ленинградского городского исполнительного комитета депутатов трудящихся, озвученным в ноябре 1945 г. в процессе обсуждения вопросов, связанных с подготовкой к новому жилищному строительству, за годы блокады в городе «выбыло полностью» почти 2,5 млн кв. м жилья, или 15 % жилого фонда. Примерно столько же было выстроено в городе с 1917 г. до момента начала Великой Отечественной войны [15: 106].

Вопросы изучения жилищного хозяйства блокадного Ленинграда на протяжении ряда лет находились на периферии внимания историков. По понятным причинам основное внимание уделялось масштабам потерь, которые понес советский народ, и тем героическим усилиям, которые приходилось предпринимать для восстановления мирной жизни. Несмотря на то что отдельные составляющие жилищной проблемы в той или иной мере освещались в исторических исследованиях [12], акцент как в отечественной, так и в зарубежной литературе [17; 18] всё же делался на изучении состояния промышленности, коммунальных служб, решении социальных вопросов послевоенного Ленинграда [10].

В настоящей статье автор рассматривает ряд ключевых решений, принимавшихся руководителями Ленинграда, направленных на упорядочение жилищных вопросов в наиболее сложный период советско-германского противостояния – с начала войны и до момента прорыва блокады в январе 1943 г.

К началу войны в Ленинграде на одного человека в среднем приходилось 5,7 кв. м жилой площади. В действительности в целом ряде рабочих районов города эти показатели были значительно ниже. Обеспеченность свыше 40 % горожан жилой площадью не превышала 3–4 кв. м на человека [15: 9].

¹ Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-28-00617 «“Запретный город”: жилищная политика в Ленинграде в 1940-е годы»; This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 22-28-00617 «“The Forbidden City”: Housing Policy in Leningrad in the 1940s».

В этих условиях особое значение приобретало максимально эффективное использование всех возможных строений, пригодных для проживания, включая общежития. Накануне войны, 24 апреля 1941 г., исполкомом Ленгорсовета было принято положение «Об управляющем домом», которое обязывало управляющих сохранять доверенный им государством жилой фонд, создавать лучшие условия «обслуживания для проживающего в доме населения». Управляющих домами назначали руководители районных жилищных управлений, а утверждали исполкомы районных советов по согласованию с начальниками отделений милиции [2: 5]. Повседневная жизнь в чрезвычайных условиях блокады вносила коррективы в действия управляющих. Обладая широкими полномочиями (единоличного распоряжения денежными средствами и имуществом домохозяйства, прав осмотра квартир «для служебных надобностей», предъявления исков жильцам за неплатежи квартплаты и т.д.), управляющие домами нередко пользовались своим положением в личных целях.

Ограничить наплыв беженцев и эвакуируемых, хлынувших в город летом 1941 г., должно было ужесточение паспортного режима и правил прописки. Паспортная служба Ленинграда состояла из паспортно-регистрационного отдела Управления рабоче-крестьянской милиции, а также 34 «столов прописки» при городских отделениях милиции [13: 8].

Принятое 30 июля 1941 г. решение исполкома Ленгорсовета обязывало управдомов, комендантов и домовладельцев «строго следить за лицами, вновь прибывшими на проживание в дом, требуя от них немедленной личной явки в отделение милиции для разрешения вопроса о прописке». Ответственные лица, допустившие проживание в доме людей без паспортов или без прописки, подвергались административному наказанию – штрафу в размере до 3000 руб. – или осуждались к лишению свободы сроком до 6 месяцев [3: 1].

Жилищная политика, реализовывавшаяся в Ленинграде, на начальном этапе войны «шла в ногу» с общесоюзными законодательными актами. В частности, постановление СНК СССР от 5 августа 1941 г. предусматривало сохранение жилплощади за всеми военнослужащими, находившимися в рядах Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД [5: 6]. Эта практика действовала и в Ленинграде, однако с некоторыми оговорками: жилье военнослужащих находилось

на особом учете, но при этом оно могло быть временно занято с разрешения районных или городских властей.

Как руководство к действию в городе было воспринято и другое решение правительства. 16 февраля 1942 г. СНК СССР принял постановление, в соответствии с которым рабочие и служащие, эвакуировавшиеся на восток страны с предприятиями, лишались своей жилплощади на старом месте проживания, поскольку должны были получить жилье уже на новом месте [6: 1]. В ряде случаев это приводило к отказу ленинградцев от эвакуации, стремившихся всеми возможными способами остаться в городе.

Одновременно с этим специфика города-фронта накладывала свой отпечаток на действия ленинградского руководства. Так, с 11 сентября 1941 г. в соответствии с решением исполкома Ленгорсовета разрешалась временная прописка в Ленинграде граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы и поселившихся у родственников или знакомых [4: 3]. А еще через две недели, 27 сентября, новым решением исполкома, принятым на «основании указания военных властей», допускалось вселение по временным ордерам в пригодные для жилья учебные и «учрежденческие помещения», а также «в порядке уплотнения» той части ленинградцев, которые были переселены из окраинных районов города, ставших зоной военных действий, в центральные районы [5: 1].

После первой блокадной зимы 1941/1942 г. и огромной смертности среди гражданского населения, составлявшей только в январе – марте 100 тыс. человек ежемесячно [14: 307], перед органами исполнительной власти встал вопрос учета жилья вследствие кончины съемщиков или их эвакуации. Упорядочить распределение освободившейся жилой площади было призвано решение от 2 марта 1942 г. за подписью председателя исполкома Ленгорсовета П.С. Попкова. В нем речь шла об учете жилплощади умерших, эвакуированных и военнослужащих. Выделение комнат и квартир нуждающимся должно было производиться по ордерам за подписью председателя исполкома районного совета [6: 5].

Решением исполкома Ленгорсовета от 19 мая 1942 г. жилищные отделы исполкомов районных советов получали дополнительные функции. Теперь на них возлагалась обязанность организовывать охрану и проверку сохранности имущества граждан, эвакуированных из Ленинграда, находящихся в РККА или умерших. Положение

о жилищных отделах исполкомов районных Советов депутатов трудящихся, разработанное Ленжилуправлением, предусматривало организацию учета жилищными отделами свободной жилой площади в домохозяйствах района: рассматривались заявления населения о предоставлении жилой площади и об улучшении жилищных условий. После чего вносили на рассмотрение исполкома районного совета проекты решений о предоставлении жилой площади на основе постоянных или временных ордеров [7: 12].

В соответствии с решением исполкома Ленгорсовета от 24 июня 1942 г. был начат единовременный учет текущих изменений, произошедших в муниципализированном жилом фонде. К началу войны этот фонд насчитывал в Ленинграде 19,6 тыс. строений, что составляло 95,9 % общего количества жилой площади города [11: 3].

«Блокадная муза» поэтесса О.Ф. Берггольц, подыскавшая себе в это время новую квартиру, записала в дневнике 9 июля 1942 г.: «...мы... переехали с нашего 7 этажа из “блиндажа” с небом – в пятый этаж, в отдельную квартирнку из 2-х комнат. Это, как и сотни квартир в Ленинграде, вымершая квартира. Ее хозяин, какой-то киноактер, убит на фронте, брат его умер зимой... Я разбирала и осваивала всё это, расставляла мебелишку, раскладывала наше белье со смутным многослойным чувством недоумения, иронии и печали. Мой быт накладывался на чей-то чужой, потухший, умерший быт. Меня не покидало ощущение, что это – чужая квартира, что хозяева еще могут вернуться, хотя я знаю, что этого не будет» [1: 242–243].

В складывавшихся условиях произвести точный учет муниципального жилья, как планировал Ленгорсовет, оказалось непросто, поскольку 25 августа 1942 г. был объявлен месячник (с 1 сентября по 1 октября) по заготовке дров [8: 1]. В ходе его проведения подверглись слому многие деревянные дома. По официальным данным, перед войной из 19,6 тыс. домов города 10,5 тыс. были деревянными [15: 30]. Один из ведущих архитекторов Ленинграда Н.В. Баранов, выступая на заседании Плановой комиссии в ноябре 1945 г., признавал, что в строительство и содержание бараков на протяжении длительного времени вкладывались колоссальные средства: «...миллионы рублей тратим на заплаточный ремонт, а люди живут в плохих условиях» [16: 11].

В ходе сноса деревянных домов решалась задача обеспечения топливом предприятий, учреждений и населения. Одновременно с этим ленинградцы, выселяемые из деревянных строений, получали постоянные ордера для вселения в пустующие квартиры и комнаты. Не подлежала заселению лишь жилплощадь видных деятелей искусства, культуры и науки, а также военнослужащих [8: 6].

Жилищный кризис ненадолго ослаб лишь осенью 1942 г. Уже 12 февраля 1943 г. исполком Ленгорсовета был вынужден принять постановление, которым запрещал руководителям всех предприятий, учреждений и организаций вызывать в Ленинград граждан, проживающих постоянно или временно в других краях или областях СССР. Управлению милиции запрещалось прописывать прибывающих в Ленинград с нарушением установленного порядка, то есть без разрешения исполкома Ленгорсовета. Их надлежало выселять «из города в административном порядке в течение 24 часов» [9: 6].

Таким образом, в годы блокады Ленинграда решения городских властей по жилищным вопросам отражали общесоюзные тенденции. Вместе с тем они были продиктованы и региональной спецификой – наличием большого количества деревянных домов, часть из которых находилась в аварийном состоянии и подлежала сносу. Громадная смертность населения в первую блокадную зиму, а также эвакуация сотен тысяч ленинградцев позволили городскому руководству заселить пустующие квартиры. Однако начавшаяся вскоре реэвакуация промышленных предприятий и населения привели к необходимости введения серьезных ограничений для въезжающих в Ленинград, превратив его на время в «закрытый город».

Источники и литература

1. *Берггольц О.Ф.* Блокадный дневник (1941–1945). СПб., 2015.
2. Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся (далее – Бюллетень ЛГС). 1941. № 21–22.
3. Бюллетень ЛГС. 1941. № 30.
4. Бюллетень ЛГС. 1941. № 36.
5. Бюллетень ЛГС. 1941. № 37.
6. Бюллетень ЛГС. 1942. № 5–6.
7. Бюллетень ЛГС. 1942. № 12.

8. Бюллетень ЛГС. 1942. № 16.
9. Бюллетень ЛГС. 1943. № 3–4.
10. *Ваксер А.З.* Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005.
11. Домовый фонд Ленинграда. Статистический сборник по материалам инвентаризации. Л., 1937.
12. *Иванов В.А., Иванов Д.В.* ЖКХ блокадного Ленинграда (организационные и правовые аспекты функционирования низовых структур в 1941–1943 гг.) // *Война и блокада: сб. памяти В.М. Ковальчука / отв. ред. А.Н. Чистиков.* СПб., 2016. С. 97–112.
13. Повседневные документы ленинградцев в годы войны и блокады 1941–1945 гг. / отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб., 2020.
14. *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // *Новейшая история России.* 2021. Т. 11. № 2. С. 294–323.
15. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 2076. Оп. 2. Д. 71.
16. ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 5. Д. 22.
17. *Filtzer D.* Standard of Living versus Quality of Life: Struggling with the Urban Environment in Russia during the Early Years of Post-War Reconstruction // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention / ed. by J. Fürst.* London; N. Y., 2006. P. 81–102.
18. *Manley R.* Where Should We Resettle the Comrades Next? The Adjudication of Housing Claims and the Construction of the Post-War Order // *Late Stalinist Russia: Society Between Reconstruction and Reinvention / ed. by J. Fürst.* London; N. Y., 2006. P. 233–246.

С.А. Хубулова, С.О. Кудзиева

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В ОТНОШЕНИИ НОВЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹**

Несмотря на солидную историографическую базу и сложившиеся в ней традиции, в изучении истории Великой Отечественной войны

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований проекта № 21-09-43008 СССР.

остаются лакуны. В настоящее время в стадии разработки находятся проблемы социальной политики государства, связанные с оказанием помощи тем категориям населения, которые появились в годы войны: раненые, беженцы, эвакуированные, беспризорники и т.д. Большой интерес представляет региональный срез этой важной составляющей Великой Отечественной войны, в частности изучение региональных особенностей социальной политики. Локализация проблемы на местных материалах поможет не только подняться над довлевшими многие десятилетия трактовками, но и выявить, насколько в действительности экстраординарной оказалась проблема эвакуированных в годы войны, составить объективную картину проведенных властями мероприятий. Включение в научный оборот рассекреченных архивных документов позволяет получить новое знание о проблемах беженцев и эвакуированных, организованной социальной помощи беспризорным и безнадзорным детям.

В отечественной историографии проблемы раненых, беженцев, эвакуированных, беспризорников в годы Великой Отечественной войны долгое время рассматривались в контексте других вопросов, связанных с работой тыла. И только в последнее время она получила самостоятельное развитие [1; 2; 7].

Большая часть документов, использованных для данного исследования, извлечена из фондов Государственного архива новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (ГАНИ РСО – А), Центрального государственного архива РСО – Алания (ЦГА РСО – А) и отражает ситуацию от начала войны до военных действий на территории Северо-Осетинской АССР осенью 1942 г.

Изменение структуры населения Северо-Осетинской АССР было связано не только с массовыми мобилизациями на фронт (из республики было призвано около 80 тыс. человек), но и разворачиванием в республике широкой сети военных госпиталей. Оставаясь до осени 1942 г. тыловым регионом, Северная Осетия стала удобной госпитальной базой.

Так как с фронта шел поток раненных бойцов, требовалось в кратчайшие сроки организовать их прием, размещение и лечение: «Возложить на комитет помощи раненым: а) организацию широкой общественной помощи органам здравоохранения в деле обслуживания

больных и раненых бойцов и командиров; б) организовать шефство предприятий, учреждений над госпиталями; в) оказание помощи органам здравоохранения в приеме на вокзале прибывающих в госпитали больных и раненых» [15: 30].

По прибытии с фронта железнодорожные составы сразу же разгружались, раненых отправляли через санпропускники в госпитали. Это делалось с целью недопущения завоза в республику разного рода инфекций (тифа, дизентерии, легочных заболеваний) [10: 94]. В госпитале 1640 для лечения таких острозаразных больных было сформировано инфекционное отделение на 200 коек.

В городах Ordжоникидзе и Алагир были развернуты госпитали первой очереди с возможностью приема 400 человек. Они были размещены в зданиях с водопроводом, центральным отоплением, в светлых помещениях. Обычно это были бывшие больницы и амбулатории. Много раненых принял республиканский военный госпиталь. Однако с увеличением количества нуждающихся в лечении поступающих раненых стали принимать госпитали, которые размещались в зданиях школ, техникумов. По архивным данным, всего на территории Северо-Осетинской АССР в период войны функционировало около 60 госпиталей, часть их была перенаправлена в Закавказье, республики Средней Азии, остальные надолго оставались в республике. Через них прошли лечение и реабилитацию свыше 70 тыс. больных и раненых. В местных госпиталях впервые в СССР было использовано комплексное лечение: талассотерапия, лечебно-физиотерапевтические занятия, трудотерапия и методы с элементами медикаментозного лечения [12: 80].

В госпиталях, размещенных на территории Алагирского района, наряду с указанными методами широко использовались возможности санаторно-курортного лечения (Цей, Фиагдон, Тамиск, Кармадон). В ноябре 1941 г. в Моздок стали поступать первые эшелоны с ранеными. Коллективы городских предприятий, школы № 2 взяли шефство над госпиталями. В оборудовании госпиталей приняли участие также жители города. Многие из них стали донорами [9: 166].

По мере продвижения Красной армии к западным границам СССР отпала нужда в содержании большого количества госпиталей, поэтому в Северо-Осетинской АССР оставили госпитали № 1640

и № 1642, а также госпиталь для инвалидов Великой Отечественной войны [6: 21].

Второй характерной чертой военного времени стали большие потоки беженцев и эвакуированных из западных регионов СССР. Согласно архивным документам, Северная Осетия за полгода войны приняла свыше 11 тыс. эвакуированных и беженцев. Среди них были выходцы из крупных городов (Москва, Ленинград, Киев и др.), небольших населенных пунктов Европейской части СССР, а также испанские политэмигранты (129 человек). Например, из Украины переехали в республику свыше 800 человек, из Донецка – 32 человека, Запорожья – 214 человек. Общее количество беженцев из этих районов превысило 4 тыс. человек: среди них были русские, украинцы, евреи [10: 38–40]. Также в Северную Осетию прибыли составы с сотрудниками и оборудованием ряда предприятий: Северо-Донецкой железной дороги (175 человек), военного склада Ростова-на-Дону (57 человек), вагоноремонтного завода им. Кагановича из Донбасса (954 человека), завода «Укрцинк» из Константиновки Сталинской (ныне Донецкой) области (120 человек). В Моздок нескончаемым потоком потянулись беженцы. До 5 тыс. эвакуированных из Тернополя, Киева, Ленинграда приняли жители города [8: 68]. Для координации приема эвакуированных при Северо-Осетинском обкоме ВКП(б) была введена должность уполномоченного по эвакуации.

Размещение эвакуированных осуществлялось как в городах Орджоникидзе и Алагир, так и окрестных селах. Выбор Алагира и Алагирского района был обусловлен, по всей видимости, не только имевшимися возможностями принятия большого количества людей (свыше 10 тыс. человек только до октября 1942 г.), но и близостью к Военно-Осетинской дороге, позволявшей в случае экстренной ситуации эвакуировать жителей из пределов района в Закавказье.

Сразу по прибытии по плану требовалось проводить тщательный учет и регистрацию прибывающего эвакуированного населения, создавать нормальные условия для расквартирования, трудоустройства на предприятиях и учреждениях, вести учет и выявление семей, которые не имеют трудоспособных и нуждаются в материальной помощи. Необходимо было не допускать передвижения эвакуированного населения и перехода из квартиры без ведома райисполкомов.

Главным вопросом, требующим незамедлительного решения, был жилищный. Первые группы эвакуированных вначале размещались в Доме колхозника, в клубе крахмального завода и в гостиницах города. Но эти помещения не всегда соответствовали элементарным нормам и вызывали недовольство жильцов.

Уполномоченные по эвакуации привлекали общественность для проведения всех мероприятий, связанных с размещением и трудоустройством эвакуированного из прифронтовой полосы населения, должны были обеспечивать нормальные условия расквартирования (как в части жилплощади, так и отопления), максимальное трудоустройство эвакуированных по предприятиям, учреждениям и в колхозах района, организацию бесперебойного снабжения хлебом за счет специально выделенных фондов Наркомата торговли по спискам, систематическую санобработку и медобслуживание всех прибывающих эвакуированных граждан, своевременную выдачу пособий семьям военнослужащих, а также зарплаты по аттестатам семьям командно-начальствующего состава [11: 94].

Еще одним важным вопросом было трудоустройство. Хотя точного учета числа эвакуированных, нуждающихся в работе, не было, принимались меры по устройству на работу в первую очередь эвакуированного населения как наиболее нуждающегося. Из общего числа эвакуированных (9,6 тыс. человек) были обеспечены работой райисполкомами республики, предприятиями и учреждениями 1902 человека, в том числе семьи военнослужащих, направленные на работу военкоматом, – 127 человек: «Правда, имеются случаи, когда предоставить работу по специальности не представляется возможным, как машинистки, делопроизводители, регистраторы и т.д.» [3: 9].

Топливом эвакуированное население обеспечивалось также в первую очередь, причем заявления эвакуированных и семей мобилизованных в РККА предварительно поступали в исполком, а затем направлялись в топливный отдел горисполкома для удовлетворения нужд. Обеспеченность хлебом производилась наравне с остальным населением городов по карточкам после прописки в домовых книгах. Тем гражданам, которые не прописались или же остановились проездом в городе, хлеб выдавался непосредственно из магазина из расчета 400 г на человека. Исключительно для снабжения

эвакуированного населения правительством республики было выделено 8 т хозяйственного мыла, 30 т крупы, 20 т сахарозаменителя, 3 тыс. пар детских чулок [17: 16].

До конца 1941 г. в республику прибыло свыше 4,5 тыс. детей. Кроме того, принято на учет 55 подростков, прибывших без родителей. Подростки направлены учениками на завод «Стеклотара», в Промсовет, 20 человек – в ремесленное училище. Из общего количества детей учтено и посещали школы 825 человек. Не посещали школы, главным образом, из-за отсутствия одежды и обуви, 121 человек.

Наиболее нуждавшиеся в материальной помощи эвакуированные (временно неработающие, многосемейные, престарелые и др.) получили в горисполкоме денежную помощь в сумме 94 230 руб., в том числе подростки, прибывшие без родителей, – 1200 руб. Для оказания помощи эвакуированным детям Наркомфин Северо-Осетинской АССР выделил Орджоникидзевскому райисполкому – 90 тыс. руб.; Ардонскому – 170 тыс. руб.; Алагирскому – 110 тыс. руб.; Садонскому – 100 тыс. руб.; Дигорскому – 170 тыс. руб.; Ирафскому – 40 тыс. руб.; Гизельдонскому – 100 тыс. руб.; Орджоникидзевскому горисполкому – 200 тыс. руб. [4: 155].

Требовал решения также вопрос о беспризорных детях, которые вместе со взрослыми прибывали в Осетию. До осадного положения в Северной Осетии было 7 детских домов, в которых размещалось 520 человек. В первые месяцы войны в республику прибыло около 800 детей из детских домов из Ленинграда, Ростова-на-Дону, Донецка, Макеевки. Но были и такие, кто перемещался без сопровождения, – беспризорные и оставшиеся без опеки. Так, из разных районов Украины в Осетию прибыло около 60 беспризорных детей, которые были размещены в детском приемнике НКВД республики [18: 6]. Ко времени эвакуации за пределы Северной Осетии в официальных документах указывалось количество воспитанников детских домов – 1120 человек [14: 16].

На ликвидацию детской беспризорности направлены были усилия партийно-государственных и общественных организаций. Так, на одном из заседаний комитета обороны было принято постановление: «Обязать исполкомы райсоветов к 5.01.42 г. выделить комнаты при каждом отделении милиции; организовать в этих комнатах дежурство

из представителей органов народного образования, ВЛКСМ, для проведения культурно-массовой работы с задержанными детьми и их родителями. Обратить внимание культурных и зрелищных предприятий города на недопустимость скопления детей в вечернее время в указанных местах и на необходимость организации обслуживания детей в дневное время. Считать необходимым установления дежурств в указанных местах из представителей органов народного образования, милиции и комсомола. В целях более успешной борьбы с детской безнадзорностью предложить гор- и районо по договоренности с отделами пропаганды и агитации горкома ВКП(б) и райкомов ВКП(б) и лекционным бюро СОАССР систематически проводить на предприятиях и учреждениях лекции и беседы по вопросам воспитания советских детей; привлечь к делу борьбы с детской безнадзорностью печать и радио» [13: 145]. Такой обстоятельный развернутый план является подтверждением того, что власть стремилась не допустить развития беспризорности и безнадзорности детей.

К сожалению, пока не удалось установить общее количество эвакуированных в Осетию граждан за все годы войны, предстоит кропотливая работа. Нужно учитывать тот факт, что перемещение эвакуированных происходило постоянно, часть оседала в Осетии, другие через некоторое время переводились на Урал, в Закавказье. Полный учет не велся, что усложняет всестороннее изучение темы.

Но даже имеющиеся сведения позволяют утверждать, что Северная Осетия до осени 1942 г. приняла свыше 13 тыс. человек. С августа 1942 г. Северо-Осетинская АССР, как и другие северокавказские республики, находилась на военном положении [16: 108], а в начале сентября того же года из Орджоникидзе (столицы республики) началась организованная эвакуация предприятий, организаций и населения: «В целях предотвращения больших жертв населения, особенно среди детей при налетах вражеской авиации на гор. Орджоникидзе и в связи с необходимостью разгрузки города, Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны постановляет:

1. Обязать председателя исполкома Орджоникидзевского горсовета депутатов трудящихся тов. Бзыкова и секретаря городского комитета ВКП(б) тов. Текиева произвести дополнительную эвакуацию женщин с детьми в количестве 60 тыс. чел., из них: в пределах республики

42 тыс. и за пределы – 18 тыс. Эвакуации подлежат все женщины с детьми и нетрудоспособное население. Эвакуацию начать с 10.09 и закончить к 15.09» [5: 103].

Вслед за этим комитет обороны постановил запретить въезд и выезд из столицы республики граждан, которые ранее были эвакуированы из Осетии и тех, кто прибывал из других регионов страны. В начале октября 1942 г. в республику прекратился поток эвакуированных в связи с обострившейся обстановкой на фронте.

Источники и литература

1. *Беленко М.П.* Эвакуация гражданского населения в среднеазиатские республики СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). С. 104–111.
2. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М., 2019.
3. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (далее – ГАНИ РСО – А). Ф. 1. Оп. 4. Д. 271.
4. ГАНИ РСО – А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15.
5. ГАНИ РСО – А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17.
6. АНИ РСО – А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18.
7. *Кошкина О.А.* Эвакуация населения в Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Марийский археографический вестник. 2015. № 25. С. 17–23.
8. *Ларина В., Бежанов И.* Город Моздок. Орджоникидзе, 1963.
9. Моздок: исторический очерк. Владикавказ, 1995.
10. Память о пережитом. Архивы Республики Северная Осетия – Алания – 75-летию Победы: сб. док. и мат-лов. Владикавказ, 2020.
11. *Хубулова С.А., Хаблиева Л.Ч.* Деятельность эвакуогоспиталей г. Орджоникидзе (Владикавказ) в годы Великой Отечественной войны // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2014. № 1. С. 93–97.
12. *Хубулова С.А., Хаблиева Л.Ч., Батыров А.Е.* Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны. Владикавказ, 2012.
13. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО – А). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
14. ЦГА РСО – А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 43.

15. ЦГА РСО – А. ФР. 580. Оп. 1. Д. 2.
16. ЦГА РСО – А. ФР. 629. Оп. 1. Д. 11.
17. ЦГА РСО – А. ФР. 629. Оп. 1. Д. 12.
18. ЦГА РСО – А. ФР. 629. Оп. 1. Д. 15.

Д.И. Состин

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО УПРАВЛЕНИЯ СССР В ПЕРИОД БИТВЫ ЗА КАВКАЗ

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – один из самых героических и трагических периодов нашей истории. Советское государство в это тяжелое для страны время решало много важнейших задач, среди которых мобилизация призывного состава в действующую армию, эвакуация промышленных предприятий, фабрик и заводов на восток и организация их работы. Проводилась грандиозная работа по переводу экономики на военные рельсы.

С началом боевых действий менялась структура государственного и правового управления и советского режима. Ее изменения были связаны с необходимостью более жесткого централизованного управления обществом. Это объяснялось не только опытом военного коммунизма и уже сложившимися к этому периоду карательными традициями ВЧК, ГПУ, НКВД. Во многом тенденция перехода к чрезвычайным мерам во внутренней политике диктовалась тяжелым экономическим положением страны, неудачами Красной армии (РККА) в начальный период войны, ростом преступности, а также активизацией националистических движений в отдельных районах Западной Украины, Белоруссии, в Прибалтике и на юге СССР, в частности на Кавказе.

Говоря о правовой политике советской власти на юге СССР, в частности на Кавказе, необходимо обратить внимание на следующее. По плану вермахта наступление должно было завершиться захватом группой армии «Юг» нефтепромыслов Грозного и Баку и выходом за Волгу. Немецкое военное командование реализовывало в регионе далеко идущие планы, ведь на долю этого региона, а также Закавказья приходилось 86,5 % общесоюзной добычи нефти, 65 % природного

газа, 56,5 % марганцевой руды. Один только «Грознефтекомбинат», несмотря на крайне тяжелые условия первого этапа войны, еще до наступления немецких войск в первом полугодии 1942 г. добыл 1 191 277 т нефти [1: 13].

Военно-политическая ситуация здесь стала угрожающей летом 1942 г. Именно здесь, когда летом 1942 г. РККА, стремительно отступая, вынуждена была оставить ряд территорий, актуализировалась уголовно-правовая политика советской власти. Она носила во многом вынужденный карательно-репрессивный характер. Примером был приказ народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 г., больше известный как «Ни шагу назад!». Он был подписан, когда 6-я немецкая армия генерала танковых войск Ф. Паулюса 25 июля форсировала Дон к западу от Сталинграда. Положение на южном фланге советско-германского фронта было для РККА чрезвычайно сложным. В связи с этим в сталинском приказе говорилось: «...отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования» [6: 20–21].

Одной из жестоких карательных мер в условиях лета 1942 г. стало введение в РККА штрафных рот и батальонов. Они действовали с 28 июля 1942 г. до конца войны. В 1943 г. насчитывалось 65 отдельных штрафных батальонов и 1048 отдельных штрафных рот [8: 104].

В жестком правовом режиме, соответствовавшем духу военного времени, власть вела борьбу против государственных преступлений в прифронтовой полосе и тыловых районах Кавказа. Оперативные мероприятия проводились подразделениями НКВД, НКГБ, внутренних войск Кавказского и Закавказского фронтов. В 1942 г. войска и органы НКВД провели на Северном Кавказе более 700 спецопераций, в ходе которых было уничтожено 2345 бандитов и коллаборационистов. Всего на Северном Кавказе в 1941–1943 гг. были ликвидированы 962 повстанческие группы, в первой половине 1944 г. пресечено действие 145 групп, что составило примерно треть бандформирований по всей стране [7: 95–96].

Во исполнение директивы НКВД СССР от 26 октября 1943 г. № 52/20468 Управлением НКВД Ставропольского края в ноябре 1943 г. была успешно проведена операция по изъятию и направлению

в штрафные части РККА добровольно явившихся дезертиров, а также бандитов, не совершивших тяжких преступлений [2: 529].

В рамках правовых норм и законов военного времени решались военно-боевые задачи, уточнялись формы работы НКВД, перераспределялись кадры, укреплялось взаимодействие с частями РККА.

Начавшееся в январе 1943 г. на Кавказе наступление советских войск и освобождение региона обуславливало необходимость правовой основы для решения целого комплекса новых задач. К ним относились «зачистка» ранее оккупированных районов, в первую очередь национальных автономий, от предателей, пособников фашистов, дезертиров, выявление «сомнительных элементов».

Реализация этих задач, которые осуществлялись в основном органами внутренних дел, опиралась на нормативно-правовые акты, которые были разработаны и приняты как в начале войны, так и позднее. Известно, что еще Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. вводилась мобилизация трудоспособного городского населения (мужчин от 16 до 55 лет, женщин от 16 до 45 лет) на период военного времени для работы на производстве и строительстве. От мобилизации освобождались учащиеся, поступавшие в школы ФЗО и ремесленные училища, а также матери грудных детей (или детей до 8 лет, если некому было за ними ухаживать). Для выполнения срочных неотложных работ допускалась трудовая повинность граждан сроком до двух месяцев. Соблюдая это трудовое законодательство НКВД, милиция в освобожденных районах осуществляла мероприятия по мобилизации трудоспособного населения, охране целевого имущества, борьбе с беспризорностью.

Нередко в освобожденных от немецко-фашистских оккупантов населенных пунктах сотрудникам правоохранительных органов приходилось выполнять функции представителей государственной власти, учитывая, что последние в этих районах по объективным причинам отсутствовали. В результате в 1943–1944 гг. были восстановлены многие промышленные предприятия, образовательные учреждения, объекты культуры, был собран неплохой урожай зерновых, для действующей армии заготавливалось продовольствие. В результате выполнения постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) Наркомату путей сообщения СССР от 16 августа 1941 г. в тяжелейших

условиях трудящимися Калмыкии была построена стратегически важная для фронта железнодорожная линия Кизляр – Астрахань, которая уже в период битвы за Сталинград обеспечивала переброску военных грузов, нефтепродуктов, войск, соединяя Закавказье с Поволжьем и Сибирью [5: 138].

В соответствии с постановлением ГКО от 22 сентября 1942 г., технический и управленческий персонал «Грознефтекомбината», «Орджэнерго» был переведен в состояние мобилизованных и эвакуирован вглубь страны. Оставшиеся на сохранившихся нефтяных скважинах рабочие продолжали производить бензин, масла для действующей армии [1: 13].

Вместе с тем правовая политика Советского государства на Кавказе имела трагические и глубоко негативные проявления. Негатив порождался самой природой сталинского режима. Политические цели, к сожалению, доминировали над нормами права. Такая традиция складывалась еще задолго до войны в период формирования командно-административной системы в СССР и культа личности И.В. Сталина.

На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 г., а также постановления СНК СССР от 14 октября 1943 г. переселению в Казахскую и Киргизскую ССР подлежали карачаевцы. На следующий день было принято постановление СНК СССР за подписью В.М. Молотова о депортации калмыков в восточные районы СССР – на Алтай, в Казахстан. Указы сопровождались инструкциями и распоряжениями центральных структур НКВД, МГБ СССР.

29 января 1944 г. глава НКВД Л.П. Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей». 31 января 1944 г. судьба этих народов была решена окончательно: согласно постановлению Государственного комитета обороны СССР № 5073 они подлежали депортации в Казахскую и Киргизскую ССР [3: 547]. 20 февраля того же года Л.П. Берией был подготовлен и проект указа Президиума Верховного Совета СССР «О передаче ряда районов бывшей Чечено-Ингушской АССР и организации Грозненского округа», а также разработан проект постановления СНК СССР «О порядке заселения освобожденных от местного населения районов». 26 февраля он издал приказ НКВД СССР «О мероприятиях по выселению

из Кабардино-Балкарской АССР балкарского населения». Решающими в судьбе балкарцев стали приказ НКВД СССР от 26 февраля и постановление ГКО СССР от 5 марта 1944 г.

Нарушением законности и элементарных норм права стала ликвидация существовавших в составе РСФСР автономий части северокавказских народов, изменение административно-политической картины Кавказа. Была ликвидирована Карачаевская автономная область. Она была разделена между Ставропольским и Краснодарским краями. Горный Карачай вошел в состав Грузинской ССР. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. прекратила существование Калмыцкая автономная область. Значительная часть ее территории вошла состав Астраханской, Ростовской, Сталинградской областей и Ставропольского края. Была упразднена Чечено-Ингушская АССР. Вместо нее была образована Грозненская область в составе РСФСР, а оставшиеся земли переданы Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР и Грузинской ССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 г. узаконил ликвидацию автономии балкарского народа и разделение его этнической территории. Пункт 4 указа, вопреки Конституциям РСФСР и Кабардино-Балкарской АССР, проводил новую границу между РСФСР и Грузинской ССР, которая расширялась за счет земель Балкарии [4: 109].

Таким образом, политика Советского государства на юге РСФСР, как и в целом в СССР, в годы Великой Отечественной войны носила чрезвычайный характер. Это неудивительно, ведь это была тотальная война на уничтожение. Она велась ожесточенно, с крайним напряжением сил. Безусловно, при всей вынужденной суровости режима военного времени деятельность государства и его репрессивных органов основывалась на действовавшем на тот момент советском законодательстве. Правомочия государственных структур СССР, включая армию и правоохранительные органы (НКВД, МГБ, военные трибуналы и т.д.), позволили организовать оборону и в конечном счете одержать победу над врагом. В то же время особенности правовой политики заключались в ее серьезных противоречиях, свойственных тоталитарному политическому режиму, господствовавшему в этот трагический период в нашей стране. Репрессии целых народов, несправедливо обвиненных сталинским руководством в массовом

предательстве и тотальном коллаборационизме, заслуживают самого сурового осуждения. Сама практика подобного способа правового решения политических задач должна быть исключена в будущем.

Источники и литература

1. Алисханова М.Х. «Всё для фронта, всё для победы»: подвиг тружеников тыла Чечни в годы Великой Отечественной войны // История и культура народов Юга России: мат-лы науч. симпозиума, посвященного 50-летию исторического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет» (Грозный, 18 декабря 2019 г.). Махачкала, 2019. С. 9–14.
2. Доклад начальника ОББ НКВД СССР А.М. Леонтьева на имя заместителя наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглова о результатах борьбы с бандитизмом, дезертирством и уклонением от службы в Красной Армии за три года Отечественной войны (с 01.07.41 по 01.07.44) // НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сб. док. М., 2008. С. 499–582.
3. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 2. История Чечни XX и начала XXI веков / отв. ред. Ш.Б. Ахмадов. Грозный, 2008.
4. Сабанчиев Х.-М.А. Депортация народов Северного Кавказа в 40-х гг. XX в. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 104–112.
5. Убушаев В.Б. Вклад тружеников Калмыкии в строительство железной дороги Астрахань – Кизляр (октябрь 1941 – август 1942 г.) // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 3. С. 136–141.
6. Фаулер У. Сталинград. 7 решающих дней. М., 2007.
7. Чугунцова Н.А. Деятельность органов власти Северного Кавказа по обеспечению правопорядка в условиях Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 92–98.
8. Шафранов Д.Н. Роль приказа № 227 в исходе Сталинградской битвы // Место и роль Сталинградской битвы и битвы за Кавказ во Второй мировой войне: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (26 апр. 2017 г.). Ставрополь, 2017. С. 104.

Л.В. Печалова

**ВКЛАД КООПЕРАТИВНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДОНА
В РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В годы Великой Отечественной войны наиболее ярко проявилась социальная направленность кооперации. Одной из главных целей кооперации, ее предназначением являлась социальная миссия.

В экстремальных условиях начавшейся войны особую значимость приобрела забота о детях, в том числе сиротах, родители которых погибли от рук немецко-фашистских оккупантов. Актуальность проблемы определялась тем, что согласно данным, полученным органами народного просвещения СССР, только за период 1941–1942 гг. полностью или частично потеряли связь с родителями более 200 тыс. детей [9: 85].

Увеличение количества детей-сирот требовало принятия срочных мер по стороны государственных и местных органов власти. В целях решения проблемы детской беспризорности был принят ряд законодательных актов. В январе 1942 г. вышло постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [5: 37]. Детей, оставшихся без попечения родителей, определяли в детские дома, подростков направляли для трудоустройства на предприятия местной и кооперативной промышленности.

В целях оказания помощи сиротам кооператоры приняли активное участие в сборе средств. Инициатором выступила газета «Комсомольская правда». Был открыт специальный банковский счет, на который зачислялись денежные средства, предназначенные для детских учреждений.

Другим значимым законодательным актом являлось принятое в августе 1943 г. постановление правительства СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», содержащее программу экстренных восстановительных работ.

Промысловая кооперация внесла свой вклад в реализацию государственной политики по оказанию помощи детям офицеров и солдат

Красной армии, а также детям участников партизанского движения и детям-сиротам.

В 1943 г. начались работы по организации суворовских училищ по образцу военных учебных заведений для кадетов на Ставрополье, в Краснодарском крае, а также в Воронежской, Ворошиловградской (ныне – Луганской), Калининской (ныне – Тверской), Курской, Орловской, Ростовской, Смоленской, Сталинградской (ныне – Волгоградской) и Харьковской областях. Всего было организовано 9 училищ, в которых могли проживать и обучаться по 500 «суворовцев». Для обучающихся были обустроены учебные комнаты, столовые, спальные помещения и т.п. Срок обучения составлял 7 лет.

Также для детей, оставшихся без попечения родителей, были организованы специализированные ремесленные училища, детдома и приемники-распределители. Всего было укомплектовано 23 училища. Каждое в среднем приняло по 400 обучающихся. Общее количество зачисленных составило 9200 человек. Срок учебы составлял 4 года [4]. Эти специальные учреждения содержались за счет государственных инвестиций. При этом свой вклад внесла и кооперация. Так, например, 21 августа 1943 г. на основании решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) в г. Ставрополе открылось Суворовское училище и два ремесленных училища для детей участников Отечественной войны [10: 297].

Предприятия кооперации Ставропольского края в сентябре 1943 г. получили госзаказ на изготовление мебели для Суворовского училища г. Ставрополя. Кооперативными предприятиями было изготовлено кроватей железных – 400 шт., тумбочек межкроватьных – 300 шт., табуреток – 1000 шт., столов обеденных – 50 шт., рамок портретных – 150 шт., классных досок – 30 шт., вешалок на 600 крючков – 600 шт., умывальников – 10 шт. [3: 66]. Хорошая работа артелей по выполнению госзаказа была отмечена на заседаниях местных органов власти.

В этом же году артели получили другой, не менее важный заказ на изготовление мебели, в соответствии с которым было изготовлено: тумбочек прикроватных – 400 шт., стульев столовых – 880 шт., шкафов платяных – 65 шт., медицинских – 2 шт., обеденных столов – 80 шт., письменных – 10 шт. [8: 130].

По своей инициативе кооператорами для Суворовского училища г. Ставрополя был изготовлен спортивный инвентарь: спортивные

маты, мячи (разных размеров), кольца, скакалки, канаты, кегли и т.д. Для других детских учебных учреждений южных регионов было изготовлено только в феврале 1943 г. по 2000 комплектов домино и шашек, 500 комплектов шахмат [9: 46].

Кооператоры Ростовской области внесли свой посильный вклад в возобновление деятельности детских учреждений. В 1943 г. артелями «Ростпромбыта» были проведены ремонтные работы учебных кабинетов 20 школ г. Ростова-на-Дону [2: 30б].

Для улучшения профориентационной работы среди школьников заведующим городским отделом народного образования (ГорОНО) и директорами школ Ростова-на-Дону было решено предоставить возможность обучающимся работать в производственных кооперативных мастерских: жестяных, столярных, игрушечных, пошивочных, ремонтных и т. д.

Анализ отчетов кооперативных союзов показал, что в годы Великой Отечественной войны образовательные учреждения прикреплялись к предприятиям местной и кооперативной промышленности, а также колхозам. Подшефным дошкольным учреждениям, школам и училищам оказывали помощь в ремонте помещений, оснащении инвентарем и оборудовании. Например, одной из задач для созданной осенью 1943 г. Майкопской фабрики по выработке изделий ширпотреба стало обеспечение школ Адыгейской автономной области Краснодарского края необходимым инвентарем [6: 330]. Фабрики края получили задание на производство школьной мебели. Потребность в ней составляла 50 тыс. парт, 10 тыс. столов, 20 тыс. стульев, 5 тыс. шкафов [1: 8–9]. За выполнение заказа взялись кооперативные фабрики и мастерские.

Большой проблемой для учреждений образования Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев было отопление помещений в холодное время года. Это следует из воспоминаний учащихся тех лет. Например, Г.А. Золотов, который в военные годы учился в средней школе станицы Филимоновской Изобильненского района Ставропольского края, вспоминал: «Помню, как сейчас, своих товарищей: голодные, худые, одетые кое-как. Зимой в школе был жуткий холод. Сидеть приходилось на ледяных партах, чернила замерзали. Писали на старых газетах, на каких-то довоенных бумагах» [6: 333]. Понимая, с какими трудностями была связана учеба в осенне-зимнее

время, кооператоры Северного Кавказа и Дона активно включились в процесс обеспечения подшефных учебных заведений дровами, а по возможности и углем.

Не менее значимой в военные годы была проблема организации питания для воспитанников образовательных учреждений. В этом направлении правительство СССР, местные органы власти, государственные и кооперативные предприятия, а также колхозы сделали соответствующие шаги. Для организации во всех школах горячих завтраков, а также бесперебойного обеспечения каждого воспитанника обязательным продовольственным пайком было решено привлечь не только государственные учреждения, но и кооперативные, в том числе коллективные хозяйства. В ежедневный рацион школьника в обязательном порядке включалось 50 г хлеба и 10 г сахара. Питание обеспечивалось за счет помощи со стороны колхозов, которые имели посевные площади картофеля, овощей и злаков, а также государственных учреждений и кооперативных предприятий, обладавших подсобными хозяйствами. Более того, кооператоры зачастую поставляли образовательным учреждениям не только овощи и фрукты, но и хлебобулочные, макаронные и кондитерские изделия, витаминизированные напитки, сухофрукты, производимые на собственных предприятиях [7: 86].

Исследование показало, что в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) все тяготы наравне с взрослыми переносили дети и подростки, сотни тысяч которых остались сиротами. Поэтому важнейшим направлением политики государственных и местных органов власти была проблема социальной защиты не только детей бойцов Красной армии и партизанского сопротивления, но и детей-сирот, чьи родители погибли от рук немецко-фашистских захватчиков на фронтах или на временно оккупированных фашистами территориях СССР.

Неоценимую роль наравне с государственными и общественными организациями сыграла кооперация. Работники кооперативных предприятий Северного Кавказа, Дона и Кубани снабжали детские учреждения одеждой и обувью, постельными принадлежностями, кухонной и столовой посудой, мебелью, бумагой, мелом, чернилами, спортивным инвентарем и т.д. В военное время кооперативные предприятия на добровольной основе брали шефство над учебными заведениями.

Своих подшефных кооператоры поддерживали не только промышленными товарами, но и продуктами питания. Значительный вклад внесли кооператоры и в трудоустройство подростков, что позволило выжить последним в сложнейших условиях войны.

Кооперация Юга РСФСР в годы Великой Отечественной войны способствовала решению проблемы сохранения молодого поколения страны, определения их будущего.

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 1.
2. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 9.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 1852. Оп. 12. Д. 57.
4. Известия. 1943. 22 августа.
5. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961). М., 1998.
6. *Панарина Е.В.* Реализация социальной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): на материалах Дона и Северного Кавказа): дис. ... д-ра ист. наук. Армавир, 2009.
7. *Печалова Л.В.* Кооперация в реализации государственной политики по восстановлению деятельности образовательных учреждений в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на материалах Северного Кавказа, Дона и Кубани) // Современная научная мысль. Вып. 4. М., 2018. С. 82–89.
8. *Печалова Л.В., Судацков Н.Д.* Кооперативная промышленность Ставрополья и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2010.
9. Российская педагогическая энциклопедия / в 2-х т.; гл. ред. В.В. Давыдов. Т. 1. М., 1983.
10. Ставрополь в документах и материалах (1777–2007 гг.). Ставрополь, 2007.

И.А. Лысенко

РОЛЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1941–1945 гг.)

Потребительская кооперация представляет собой вид кооперации, объединяющей потребителей для совместных закупок, производства товаров и последующей продажи их своим членам и населению. Она выполняет как хозяйственные функции, так и общественные, имеет свои принципы и ценности.

Основу системы потребительской кооперации составляют члены-пайщики. В рядах Сталинградской потребительской кооперации к 1941 г. насчитывалось 447,5 тыс. человек [1: 15]. Пайщики объединялись в потребительские общества (райпо, сельпо), районные союзы (райпотребсоюзы, РПС), работавшие под руководством областного союза потребительских обществ (облпотребсоюз, ОПС).

Деятельность кооперативных форм хозяйствования претерпела существенную трансформацию во время Великой Отечественной войны. В рамках мобилизационного народнохозяйственного плана все отрасли были перестроены на военный лад. Основные задачи, которые были поставлены перед потребкооперацией, заключались в следующем: организация снабжения лиц, не являющихся пайщиками, – эвакуированного населения, детей, сельского населения (не связанного с сельскохозяйственным производством – врачей, учителей и др.) – по карточкам; привлечение в оборот дополнительных товарных масс для улучшения снабжения населения, то есть расширение производственной деятельности, выработка товаров из местного сырья и отходов промышленности; организация общественного питания, развитие подсобного хозяйства для создания дополнительных источников получения продуктов, развитие заготовительной деятельности и организация поставок Красной армии. Торговля на селе товарами хозяйственного назначения должна была способствовать выполнению государственных задач по эффективной организации закупок продукции сельскохозяйственного производства и сырья. Продажа сдатчикам сельхозпродукции товаров производилась из фондов, специально предназначенных для этих целей.

Деятельность организаций потребительской кооперации и их союзов регламентировалась высшими органами управления СССР – решениями ЦК ВКП(б), СНК, ГКО, постановлениями Центросоюза СССР и РСФСР, а также документами местных организаций – обкома ВКП(б), исполкома облсовета депутатов трудящихся и Сталинградского облпотребсоюза. В условиях ведения военных действий Сталинградский и Астраханский городские комитеты обороны привлекали для обеспечения нужд обороны, в числе других организаций, потребительскую кооперацию.

В результате перестройки потребительской кооперации в военных условиях изменение претерпели все отрасли хозяйственной деятельности, а также ее функции, формы и методы работы, соответствовавшие условиям военного времени и дававшие возможность обеспечить выполнение поставленных правительством задач. В годы войны существенно изменился кадровый состав кооператоров, большинство их составляли женщины. В Сталинградской области особенно резко численность сотрудников снизилась в тот период, когда территория Нижнего Поволжья была охвачена военными действиями.

В 1942 г. деятельность потребительской кооперации Сталинградской области значительно изменилась. Летом 1942 г. враг стоял на подступах к городу, частично территория области была временно оккупирована, позже бои шли уже в г. Сталинграде. С одной стороны, по итогам года наблюдалось снижение оборотов по всем традиционным направлениям деятельности потребительской кооперации, что было обусловлено особенностями прифронтового региона, с другой – система быстро осваивала новые виды деятельности (развивала подсобное хозяйство, ловлю рыбы), производственная отрасль также значительно расширилась. Несмотря на значительные потери, потребительская кооперация продолжала свою работу. Даже во время частичной оккупации на территории Сталинградской области продолжали функционировать 55 районных союзов потребительских обществ (всего 1941–1943 гг. в системе Сталинградского облпотребсоюза числилось 69 РПС [3: 16], в декабре 1943 г. при образовании Астраханской области произошли структурные изменения).

В условиях нормированного снабжения возросло значение общественного питания. В годы Великой Отечественной войны оно стало

одной из основных форм распределения продуктов. Кооператоры помогали организовать питание рабочих и служащих, населения, эвакуированного из оккупированных территорий, раненых, больных, школьников, детей. На стройках, эвакуированных заводах, где не имелось собственных столовых, работали передвижные кухни. Для организации питания инвалидов Отечественной войны, детей фронтовиков, эвакуированного населения были организованы столовые закрытого типа. Для нуждавшихся в диетическом и усиленном питании также были организованы специальные столовые.

Особую остроту в военное время приобрели вопросы снабжения населения товарами первой необходимости. Вскоре после принятия постановлений, характеризующих становление экономики военного времени, в стране началось закрытое нормированное распределение продовольственных и промышленных товаров. На первом этапе войны население деревни, работавшее в сельском хозяйстве, на государственное довольствие не принималось. Гарантированные нормы снабжения хлебом устанавливались только для сельской интеллигенции (врачей, учителей, специалистов сельского хозяйства), инвалидов Отечественной войны, эвакуированных жителей, работников советского и партийного звена.

Для сельского населения большое значение приобретали товары промышленной группы – железоскобяные изделия, шорные и обозно-щепные, их можно было получить в обмен на сельхозпродукты.

Кроме данного направления деятельности в годы войны значительно расширился ассортимент закупаемой у населения продукции. Райпотребсоюзы должны были обеспечить выполнение плановых показателей, в первую очередь – поставки картофеля, капусты, других овощей и лекарственно-технического сырья для Красной армии.

Основой производственной деятельности потребкооперации в годы войны оставалось хлебопечение. Направлением переработки сельхозпродукции явилась получившая большое развитие сушка овощей. Сушеная продукция занимала значительное место в поставках армии и флоту. Однако возможности переработки были весьма ограничены. Мощность имевшихся заводов и сушилок кооперативной системы была использована полностью, однако ее не хватало. Поэтому

широкое распространение получила сушка картофеля и овощей в столовых, пекарнях и крестьянских печах. Кроме того, стала применяться солнечно-воздушная сушка.

Правительством перед кооперацией были поставлены задачи полного использования местного сырья и отходов, выпуска необходимых сельскому населению изделий, расширения действующего производства, открытия новых предприятий. В сельской местности производство потребкооперацией товаров широкого потребления до войны было развито незначительно. Этим в большей степени занималась кооперация промысловая. В годы войны, кроме производства продуктов питания, постепенно стали создаваться мелкие предприятия по изготовлению товаров широкого потребления: швейных, трикотажных и овчинно-шубных изделий, обуви, – к концу войны развитие получили предприятия бытового обслуживания населения, осуществлявшие починку обуви, швейных изделий, предоставлявшие парикмахерские и банные услуги.

Необходимость обеспечивать достойным ассортиментом предприятия общепита стимулировала создание собственных подсобных хозяйств, которые в годы войны работали при различных организациях. В потребительской кооперации развитие в военные годы получила организация небольших хозяйств при сельпо, рабочих кооперативах, райпотребсоюзах, при отдельных столовых и чайных. Обработка земли, уход за посевами, сбор урожая осуществлялись здесь, как правило, силами работников самих кооперативных организаций и предприятий.

Одним из направлений использования системой потребкооперации местных природных ресурсов явилась организация вылова рыбы. Райпотребсоюзы, расположенные на территории Астраханского округа, в связи с отсутствием военных действий, смогли в период Сталинградской битвы и сразу после нее эффективно осуществлять рыбную ловлю.

После победы в Сталинградской битве по мере освобождения районов области перестраивалась и система потребительской кооперации. В апреле 1943 г. Государственным комитетом обороны было принято постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Сталинграда и Сталинградской области». СНК СССР и ЦК ВКП(б) в постановлении от 21 августа 1943 г. «О неотложных

мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» предложили комплекс мер помощи населению, пережившему оккупацию, с учетом того что особые сложности представляла организация общественного питания и снабжения населения на освобождаемой территории. Были разрушены хлебозаводы, пекарни, столовые, торговая сеть.

Областным союзом потребительских обществ был принят ряд постановлений, регламентирующих работу системы в новых условиях, целью которых являлось скорейшее восстановление народного хозяйства. Освобожденным районам оказывал помощь Центросоюз. Сталинградский облпотребсоюз перераспределял имущество между райпотребсоюзами. Районам, пострадавшим в ходе военных действий, выделялись безвозмездные и долгосрочные кредиты и ссуды, оказывалась помощь товарами, семенным материалом, весоизмерительным оборудованием, кооперативными кадрами за счет других районов.

По мере освобождения оккупированных районов возрастала численность населения, находившегося на государственном снабжении, что было связано с общим истощением фондов, накопленных до войны.

Значительная часть промтоваров (тканей, обуви, швейных, трикотажных изделий), которая выделялась потребителю кооперации, направлялась по целевым фондам. Так, в 1943 г. из общего рыночного фонда, выделенного потребителю кооперации по этим товарам, примерно 40 % было предназначено на стимулирование заготовок шерсти, на закупку хлеба и других сельскохозяйственных продуктов и сырья, а также для снабжения детей и инвалидов.

На 1 января 1943 г. потребкооперация области снабжала продовольственными и промышленными товарами 405 694 человек (без учета данных по 11 районам, освобожденным от оккупантов). Из них 46 630 человек – рабочие 1-й и 2-й групп снабжения; 75 588 человек – эвакуированное население; 10 067 человек – госнаб (детские ясли, сады и лечебные учреждения); 1565 человек – контингент детских домов; 8616 человек – учителя, а также врачи, зоотехники, агрономы, члены семей военнослужащих и другие категории населения [2: 29].

В военные годы значительно увеличилось количество детей, оставшихся без родителей. В связи с этим были организованы

дополнительные детские дома, дома ребенка. Для их обеспечения целевым назначением в первую очередь осуществлялся отпуск продуктов питания.

В постановлениях Сталинградского облпотребсоюза «О мерах улучшения работы организаций потребительской кооперации по обслуживанию семей военнослужащих» от 23 марта 1943 г., «О снабжении детских домов фондовыми товарами» от 8 мая 1943 г. были намечены мероприятия, целью которых было прикрепить в первую очередь детей военнослужащих к детским столовым, открыть для этой цели специальные детские столовые; установить строгий контроль над правильностью реализации товаров, отпускаемых для детских домов.

Среди особенностей деятельности потребкооперации следует отметить, что в военные годы объем собственного производства значительно увеличился. Изменились формы организации работы [5: 104]. Так, для выпечки хлебобулочных изделий потребкооперация использовала различные формы сотрудничества с крестьянскими хозяйствами, например, выпечку хлеба в крестьянских печах в связи с разрушением значительной части хлебопекарен. Развитие получило производство товаров, обеспечивающих работу тружеников сельского хозяйства и колхозов – обозных и шорных изделий, веревки, строительных материалов. На 1 января 1945 г. в системе потребкооперации области числилось 65 райпотребсоюзов, 244 сельпо, 2 горпо, 1 райпо, 3 торговые базы, 425 тыс. членов-пайщиков [4: 19]. В большинстве районов области действовали хлебопекарни, предприятия общепита, магазины и лавки. С учетом членов семей пайщиков потребкооперация обслуживала более 1 млн жителей Сталинградской области.

Таким образом, потребкооперация в годы войны под руководством руководящих партийных и правительственных органов проводила не только большую хозяйственную работу, но и исполняла социальную миссию, вносила свой вклад в формирование системы жизнеобеспечения населения.

Источники и литература

1. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО).
2. ГАВО. Ф. 4179. Оп. 1. Д. 4.

3. ГАВО. Ф. 4179. Оп. 4. Д. 7.
4. ГАВО. Ф. 4179. Оп. 4. Д. 11.
5. *Лысенко И.А.* Социально-экономическая деятельность потребительской кооперации в годы Великой Отечественной войны. Ярославль; М., 2011.

М.В. Бадугинова

СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАЛМЫКИИ в 1941–1943 гг.¹

К началу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Калмыцкой АССР была создана прочная материальная база здравоохранения, появились учреждения охраны материнства и детства, учреждения специализированной медицинской помощи по борьбе с социальными болезнями. В эти годы выросли кадры медицинских работников [17: 588].

Большим достижением стало то, что республика вышла из списка неблагополучных по инфекционным заболеваниям, это отмечалось в отчете Противозидемического управления наркомата здравоохранения РСФСР за 1942 г. По данным на первое полугодие 1941 г., наиболее низкая заболеваемость была зарегистрирована в следующих АССР: Дагестанской, Чечено-Ингушской, Калмыцкой, Коми, Башкирской [1: 50]. Также в отчете зафиксировано, что целый ряд АССР, краев и областей (24 из 38) в большей или меньшей степени перевыполнили план по оспопрививанию. Из них наибольшее перевыполнение дали Бурят-Монгольская АССР, Приморский край, Калмыцкая АССР, Мордовская АССР, Читинская область, Орджоникидзевский край. Республика из запланированных на первое полугодие 1942 г. 10 тыс. прививок фактически выполнила 12 165 прививок [1: 75, 77об.].

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Красную армию призвали 45 % медицинских работников республики [19: 58]. По данным на 1940 г., в Калмыцкой АССР было зарегистрировано

---

¹ Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

160 врачей и 468 фельдшеров [16: 266]. Таким образом, республика отправила на фронт свыше 280 медработников. Это предполагаемые сведения, так как общее число медицинских работников Калмыкии дано на 1940 г. По данным К.Н. Максимова, «в последние три месяца 1941 г. из Калмыкии были направлены в действующую армию 8390 человек, 129 медицинских работников (47 врачей и 82 медсестры)» [4: 62]. Уже в первые военные годы в Калмыцкой АССР были подготовлены 97 медицинских сестер, 265 санитарных дружинниц; 14 лучших санитарных дружин добровольно выехали в действующую армию. На значок «Готов к санитарной обороне» сдали нормы 9955 человек, было организовано 404 санитарных поста, 34 санитарные дружины [20: 77–78]. В республике из-за дефицита кадров обком ВКП(б) 22 ноября 1941 г. принял специальное решение о выдвижении женщин на руководящую работу. Так, в январе 1942 г. на пост заместителя наркома здравоохранения была выдвинута К.Н. Варфоломеева [10: 17, 19]. Для помощи раненым бойцам и командирам городским комитетом российского общества Красного Креста и Красного Полумесяца были организованы медицинские курсы, в 1942 г. на них обучалось около 300 медсестер и более 500 сандружинниц [18: 252].

В октябре 1941 г. постановлением бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) был создан республиканский комитет помощи больным и раненым бойцам и командирам Красной армии. В соответствии с документом в г. Элисте, в санатории «Лола», в рабочих поселках Кануково и Башанта создавались госпитали, на комитет возлагалась организация шефства учреждений и предприятий над госпиталями, а также общественная помощь органам здравоохранения в обслуживании больных и раненых бойцов [8: 2–4]. К началу 1942 г. в республику прибыли 6488 эвакуированных, в том числе 1838 детей. За 11 месяцев 1941 г. были организованы профилактические прививки против брюшного тифа, дифтерии, малярии, оспы. Для предупреждения эпидемиологических заболеваний в регионе развернули восемь изоляторов для инфекционных больных, организовали семь передвижных врачебно-эпидемиологических и дезинфекционных отрядов, установили 72 дезокамеры, построили шесть вошебоев, работали 129 бань [17: 588].

В августе 1942 г. война пришла в Калмыцкую АССР. Красная армия отступала с большими потерями, с боями была сдана Элиста. Немцы,

продвигаясь по территории республики, оккупировали пять улусов из 13 полностью, еще три частично. Органы управления, многие учреждения и организации Калмыцкой АССР эвакуировались в поселок Кануково и разместились в нем. Согласно протоколу заседания исполкома Приволжского улусного совета депутатов трудящихся от 17 августа 1942 г. наркомату здравоохранения Калмыцкой АССР отдали здание средней школы [6: 123–124].

К 1 октября 1942 г. немецкая военная комендатура окончательно сформировала из числа коллаборационистов гражданскую администрацию – Элистинское городское управление (городскую управу), в структуру которой входили отделы городского хозяйства, строительства, жилищный, торгово-продовольственный, финансовый, просвещения, культуры, здравоохранения, местной промышленности, пригородного хозяйства. Деятельность всех отделов была подчинена интересам и нуждам вермахта. Основное назначение отдела здравоохранения состояло не столько в обслуживании гражданского населения, сколько в организации лечения фашистских солдат. В самом начале оккупации немецкое военное командование разрешило лечить тяжелораненых советских военнопленных, но питанием и одеждой они должны были обеспечиваться за счет пожертвований горожан. Начальником отдела здравоохранения был назначен И.Ф. Агеев, до оккупации заведовавший хирургическим отделением городской больницы, его заместителем – Г.Ш. Шакунов, бывший заведующий городской поликлиникой. При отделе здравоохранения была организована служба санитарного надзора во главе с врачом А.Н. Спириной.

Отдел здравоохранения, больница, поликлиника и остальные медицинские учреждения к 1 сентября 1942 г. были укомплектованы примерно на 60 % (71 человек, из них врачей – 17, медицинских сестер – 17, акушерок – 3, санитарок – 33, регистратор – один) и начали работать под руководством И.Ф. Агеева. К середине сентября в системе здравоохранения города работали 100 человек, четверо из них были калмыки (врач, акушер, санитар в морге, санитарка) [4: 173–176].

К началу третьей декады января 1943 г. временно оккупированная часть Калмыкии была полностью очищена от захватчиков. Нацисты при отступлении широко применяли тактику выжженной земли согласно директиве Генерального штаба сухопутных войск № 1736/41

от 21 декабря 1941 г., в которой указывалось, что все территории, оставляемые противнику при отступлении, должны быть бесполезными для него настолько, насколько это возможно. Все села и деревни подлежали сжиганию и уничтожению, превращению в мертвые зоны, в которых не должно было оставаться не только материальных, но и никаких пригодных людских ресурсов. Особенно сильно пострадала Элиста, поскольку фашисты при отступлении целенаправленно взрывали здания, промышленные и коммунальные предприятия. Спецотряды под командованием капитана Штерна, фельдфебеля Шульца и военного коменданта города Риттера сожгли городскую электростанцию, пять школьных зданий, три здания педучилища, учебный корпус пединститута, здания тубдиспансера, медицинского техникума, двух детских яслей, Дома пионеров, типографии, республиканской библиотеки, двух гостиниц; взорвали насосную станцию водопровода, баню, два кирпичных завода, 48 жилых домов на 325 квартир, магазины, столовые, пекарни и т.д. [5: 553, 557–558]. По информации секретаря Калмыцкого обкома ВКП(б) П. Касаткина от 29 января 1943 г.: «Гор. Элиста и улусные центры, хозяйства многих колхозов, совхозов и МТС, школы, больницы, клубы, избы-читальни, здания кустарно-промысловых артелей разрушены и уничтожены. Центральная часть города полностью сожжена немцами» [3: 377].

Медицинская сеть в оккупированных районах Калмыцкой АССР также подверглась разорению. Например, в Западном улусе разграбили больницу, аптеку и амбулаторию, вывезя медикаментов на сумму 41 тыс. рублей и оборудования – на 96 078 рублей, из медпункта – на 15 тыс. рублей [15: 14–17]. В Черноземельском и Сарпинском улусах были полностью разрушены больничные городки. Полностью уничтожены районные больницы Троицкого и Юстинского улусов, цаган-нурская, нарын-худукская, улан-эргинская и состинская участковые больницы [7: 55].

Невосполнимые потери были среди населения республики, по неполным данным, в шести улусах фашисты расстреляли более 1500 мирных жителей, а в Элисте – более 800 человек. В списке партизан и патриотов, расстрелянных немецкими оккупантами, находился заслуженный врач РСФСР М.Д. Колесников [13: 114], были убиты детский врач Дранова, заведующая врачебным участком села Красная

Михайловка врач Ф.М. Шульгина со своей семьей, медсестры Т. Аносова, Е. Антонова, санитарка К. Осипенко и многие другие [18: 260].

Медицинские работники Калмыкии, несмотря на тяжелейшие условия военных лет, не допустили распространения эпидемий и инфекционных заболеваний, сумели в целом обеспечить эпидемиологическое благополучие республики. За успешное проведение противоэпидемических мероприятий главного государственного санитарного врача Калмыцкой АССР Ц.К. Корсункиева наградили орденом «Знак Почета» [20: 78].

Однако в результате развертывания военных действий на отдельных участках Северо-Кавказского военного округа сотрудники военкоматов, начальники гарнизонов, а также представители гражданской власти использовали для военных нужд и спецстроительства врачей и специалистов противочумной и противотуляремийной организаций, а также принадлежащий им авто- и гужевой транспорт, что сделало противочумную организацию совершенно неработоспособной. В связи с нарастающей угрозой возникновения и распространения острозаразных заболеваний в ряде районов Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Ростовской области и Калмыцкой АССР, в декабре 1941 г. был дан приказ о возвращении на места всех врачей, зоологов, других специалистов, мобилизованных в армию из противоэпидемических организаций. По данным секретного письма наркома здравоохранения Э.Н. Лиджиева в адрес Калмыцкого обкома ВКП(б) и НКВД Калмыцкой АССР, только в первом квартале 1942 г. в республике было зарегистрировано и взято на спецлечение 146 заболевших сыпным тифом, 13 – брюшным тифом, два – дизентерией, 509 – корью [11: 10–10об.].

В результате фашистской оккупации эпидемическая обстановка на территории республики обострилась, поэтому после ее освобождения наркомату здравоохранения Калмыцкой АССР и улусным здравоохранения поручили в кратчайший срок развернуть лечебно-оздоровительную работу, открыть лечебные учреждения и обеспечить их медицинскими кадрами и медикаментами [12: 15–16]. В Малодербетовском и Сарпинском улусе выявили одну из разновидностей тифа: «В результате бесчинства немецких оккупантов население освобожденных улусов оказалось в исключительно тяжелом

экономическом и культурном положении, среди населения свирепствуют эпидемические болезни – брюшной тиф и др.» [9: 8]. Появились болезни, вызванные недостатком питания, минеральных и органических веществ. В секретном докладе секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву (июнь 1943 г.) сообщалось: «Население с. Тингуты Мало-Дербетовского улуса, освобожденные от немецко-фашистской оккупации в ноябре 1942 года, голодают, болеют цингой. Из 334 человек за февраль, март, апрель умерли 30 человек, а зарегистрировано 17 случаев смертности, главным образом дети, матери с грудными детьми, а также старики» [13: 64]. Кроме того, в секретных докладах отмечался рост числа эпидемических заболеваний в первой половине 1943 г.: «... из-за отсутствия серьезной борьбы с эпидемическими болезнями в республике процент эпидемических заболеваний в сравнении с прошлым годом возрос. Так, в прошлом полугодии 1943 г. было 583 случая заболевания тифом, 108 случаев дизентерии и 330 случаев заболевания корью» [13: 81].

Из-за тяжелого экономического положения процесс восстановления шел с большим трудом, остро стояли вопросы обеспечения транспортом, строительными материалами, горючим, продовольствием, многие городские отделы, в том числе и отдел здравоохранения, не имели заведующих. Уцелевшие помещения находились в антисанитарных условиях, из-за их переполненности появились проблемы с размещением раненых бойцов Красной армии. Город принял от военного ведомства госпиталь на 500 раненых и больных бойцов, но их оказалось около 800 человек. На предприятиях, в учреждениях и колхозах провели собрания по оказанию помощи госпиталю, по его очистке и наведению санитарного порядка. По данным на 20 февраля 1943 г., сеть лечебных учреждений была восстановлена: в Сарпинском улусе работали три врачебных участка, пять фельдшерских пунктов, районная больница и амбулатория. В Малодербетовском улусе функционировали три врачебных участка, три фельдшерских пункта. В районном центре открылась больница на 12 коек, пять детских коек и родильное отделение. В Кетченеровском улусе действовали два врачебных участка и один фельдшерский пункт. Дальнейшее развертывание лечебных учреждений задерживалось из-за недостатка медицинских работников. Например, в Малодербетовском улусе

недоставало восьми врачей, четырех фельдшеров, восьми медсестер, пяти акушерок, двух оспопрививателей. Медицинские учреждения района испытывали недостаток в медикаментах и перевязочных средствах. Недостаток медработников испытывал и Сарпинский улус [14: 7–8, 10, 74–79]. Состояние сети лечебно-санитарных учреждений республики до оккупации и масштаб восстановительных работ указаны в таблице 1.

Таблица 1. Сеть лечебно-санитарных учреждений республики до оккупации и после проведения восстановительных работ [13: 126–127]

Учреждения	Было на 1 июля 1942 г.	Осталось на 1 января 1943 г.	Имелось на 1 октября 1943 г.
Больницы	29	9	25
Вендиспансеры, венпункты, тубдиспансеры и тубпункты	18	6	14
Фельдшерские и акушерские пункты	95	47	90
Эпидемические станции и отряды	4	2	7
Родильные дома	8	3	5
Детские ясли	25	11	19
Аптеки и ларьки	15	5	13
Пункты скорой помощи	15	4	14
Малярийные станции	11	3	11
Женские и детские консультации	19	8	14
Трахоматозные пункты	24	4	13
Зубные кабинеты	5	2	2
Рентгеновские кабинеты	5	–	–

К октябрю – ноябрю 1943 г. большинство больниц, родильных домов, диспансеров, фельдшерских и акушерских пунктов, аптек, стоматологических кабинетов, за исключением пяти рентгеновских

кабинетов, отремонтировали и в них возобновились прием и лечение больных. В стадии капитального ремонта находились здания поликлиники, родильного дома, прачечной, малярной станции и других объектов здравоохранения Элисты, которые после депортации калмыков в декабре 1943 г. так и остались разрушенными до 1957 г. – возвращения калмыков и восстановления калмыцкой автономии. Лечебные учреждения испытывали большие трудности с лекарственными препаратами, медицинским оборудованием, твердым и мягким инвентарем, транспортными средствами, особенно для оказания населению неотложной помощи. Заявки, поданные в центр на лекарства в сумме 1800 тыс. рублей, остались невыполненными. Медицинские учреждения, несмотря на прибытие в 1943 г. в республику молодых специалистов – 30 врачей и 45 средних медицинских работников, – были укомплектованы наполовину: работали всего 117 врачей (50 % от всей потребности), из них 7 калмыков (6 %), 303 работника среднего медперсонала (59,6 %), из них 51 калмык (16,8 %) [4: 307].

В конце 1943 г. сеть учреждений здравоохранения Калмыцкой АССР состояла из 30 больниц на 540 коек. Большая цифра по больницам объясняется тем, что в некоторых населенных пунктах имелось по несколько больниц, состоящих всего из 10 койко-мест. По штату врачебный персонал республики насчитывал 205 человек, фактически был 101 врач, то есть укомплектованность составляла менее 50 % от положенного количества [2: 1–7 об.].

Созданная за годы пятилеток материальная база здравоохранения Калмыцкой АССР оказалась утрачена в первые годы Великой Отечественной войны. Самый большой урон ее системе был нанесен в период фашистской оккупации. Начавшийся после освобождения автономии восстановительный период прервался 28 декабря 1943 г., когда Калмыцкую АССР ликвидировали, вместе с ней упразднили все органы государственной власти, в том числе и здравоохранения. Впоследствии все медицинские учреждения, как и саму республику, поделили между соседними областями, а значительная часть людей, работавших в системе здравоохранения, разделила судьбу калмыцкого народа, высланного в Сибирь.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-8009. Оп. 3. Д. 217 а.
2. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 1775.
3. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы / сост. М.Л. Кичиков и др. Элиста, 2005.
4. *Максимов К.Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2007.
5. *Максимов К.Н.* Калмыкия в период оккупации (август 1942 – январь 1943 г.) // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 т. Т. 2. Элиста, 2009. С. 507–580.
6. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 72.
7. НАРК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 2.
8. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 588.
9. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 730.
10. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734.
11. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 742.
12. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 781.
13. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 839.
14. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 864.
15. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 888.
16. Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. Эпоха социализма. Элиста, 1970.
17. *Очиров У.Б., Сусеев П.Н.* Формирование советской системы здравоохранения в 1917–1943 годах // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста, 2009. С. 581–591.
18. *Сусеев П.Н.* Медицинские работники республики на фронтах войны // Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 2005. С. 251–278.
19. *Сусеев П.Н.* Народное здравоохранение // Элиста. 100 лет. Прошлое, настоящее, будущее. Элиста, 1965. С. 52–61.
20. *Сусеев П.Н.* Очерки истории здравоохранения Калмыкии (Воспоминания министра). Элиста, 2006.

М.И. Жбанникова**РАЙОННАЯ ПЕЧАТЬ 1941–1945 гг. О РАБОТЕ БИБЛИОТЕК
В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

С первого дня Великой Отечественной войны все материальные и духовные силы общества, все ресурсы Советского государства были мобилизованы для сокрушительного разгрома врага, для защиты свободы и независимости Родины. Деятельность всех научных, учебных и культурно-просветительных учреждений, в том числе и библиотек, была перестроена на военный лад. 26 июня 1941 г. Наркомпрос РСФСР и ЦК профсоюзов, работников политико-просветительных, учебных и научных учреждений опубликовал специальное обращение «Ко всем работникам просвещения РСФСР», в котором говорилось, что их деятельность должна быть полностью подчинена интересам обороны страны [15]. Следует отметить, что уже в первые месяцы войны с фашистской Германией на территории Ростовской области количество библиотек было сокращено, а часть библиотечных зданий была использована для размещения воинских частей, госпиталей, эвакуированных учреждений.

О работе библиотек в период военного времени сохранились документы в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственном архиве Ростовской области (ГАРО), районных архивах области. Большой пласт информации содержат и страницы районных газет периода Великой Отечественной войны. Небольшие по объему сообщения и статьи, представленные в номерах «районки», интересно и подробно доносили до своих читателей информацию о важной работе библиотекарей в условиях, когда область уже находилась частично под оккупацией и сразу же после освобождения территорий региона.

3 декабря 1941 г. газета «Донской коммуна», орган Базковского РК ВКП(б), напечатала статью М. Розова «В районной библиотеке». В ней рассказывалось о том, что за время войны Базковская библиотека заметно оживила свою работу. Значительно увеличилось число ее посетителей, возрос спрос на военно-оборонительную литературу, агитационные брошюры, пособия по противоздушной и противо-

химической обороне, санитарному делу. Постоянными читателями библиотеки были 250 пионеров и школьников. В статье говорилось, что районная библиотека «имеет все возможности еще больше улучшить свою работу». Автор статьи отмечает и трудности в работе учреждения: так, в читальном зале не хватало стульев, подчас отсутствовал свет [29].

В июле 1942 г. практически вся Ростовская область была захвачена немецко-фашистскими захватчиками и их сателлитами – румынами, итальянцами и венграми. За время оккупации Ростовской области ими были уничтожены практически все культурные учреждения и библиотеки. Так, в г. Ростове-на-Дону они сожгли центральную научную библиотеку имени Карла Маркса с книжным фондом около 3 000 000 томов, а все остальные библиотеки были свезены в три помещения, свалены в кучу и как библиотеки перестали существовать. Много уникальных книг, представляющих исключительную научную ценность, были уничтожены, сожжены или вывезены в Германию [37: 10].

В 1943 г. районные газеты на освобожденных территориях вновь обратились к теме работы библиотек. Так, газета «Большевицкий путь», орган Миллеровского ГК ВКП(б) и городского совета депутатов трудящихся, в период с июля по декабрь 1943 г. разместила 6 сообщений о поступлении новой художественной, политической и технической литературы в городскую библиотеку [24] и в библиотеку парткабинета ВКП(б). Среди них – книги «Сталин о Великой Отечественной войне», «Тихий Дон» М.А. Шолохова, «Смоленщина» А.Т. Твардовского, «Война» И. Эренбурга, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Морская душа» Л. Соболева, детская и учебная литература, книги зарубежных писателей, сборник статей и документов «Ясная Поляна» и др. [25] Отмечалось, что в городской библиотеке значительно возросло число читателей. В среднем в день библиотеку посещали 60–70 человек, проявлявших интерес к оперативной сводке Советского информбюро, к новым газетам и журналам. В статье «200 библиотек» говорилось о том, что областная контора Когиза заканчивает комплектование около 200 библиотек, предназначенных для партийных кабинетов и районных библиотек Ростовской области [1]. Комплектуемые библиотеки состояли из политической,

художественной и детской литературы. В состав библиотек вошло много новинок, среди них «Наука ненависти» М.А. Шолохова, «Сокрушение Миус-фронта» В.А. Величко, «Орловская битва» А.Я. Карпова и другие. Также сообщалось, что с каждым днем все новыми и новыми книгами пополняется библиотека парткабинета горкома ВКП(б), в которой насчитывается 650 книг общественно-политической и художественной литературы и около 400 различных брошюр [7].

11 ноября 1943 г. газета «Завет Ильича», орган Самарского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся, опубликовала информацию о работе районной библиотеки: «До оккупации в нашем районной библиотеке насчитывалось до 18 тысяч книг и она обслуживала 2000 читателей, после оккупации в библиотеке не осталось ни одной книги. С июня работники библиотеки приступили к ее восстановлению. Одна треть из имеющихся в настоящее время книг, собраны у населения, а остальные приобретены через Ростовский библиоколлектор. В начале июля библиотека была открыта. Хорошие и интересные книги привлекают читателя. В настоящее время мы имеем 300 читателей» [13].

Газета «Знамя коммуны» в августе и октябре 1943 г. представила два материала о работе центральной библиотеки г. Новочеркасска. В первой статье говорилось о том, что библиотека проводила большую культурно-массовую работу среди населения города. Передвижной отдел имел 40 передвижных библиотек на предприятиях, в учреждениях, в детских садах, а также обслуживал читателей на дому [9]. А во второй статье представлена информация о пополнении фондов городской библиотеки новой литературой – «Испытание» А.А. Первенцева, «Фронтовые дневники» и «От Черного до Баренцева моря» К.М. Симонова, «Люди простого сердца» Б.А. Лавренева, «Стихи о морях» В.И. Лебедева-Кумача, «Академики на Урале» М. Шагинян, роман И. Новикова о Пушкине [16].

В результате оккупации немецкими войсками Романовского района были разрушены все библиотеки. Но уже вскоре после освобождения районная газета «Колхозная правда» сообщила 26 августа 1943 г., что за последние полтора месяца в районную библиотеку поступило около 300 книг в порядке братской помощи [23].

О проблемах районной библиотеки в своем номере от 20 августа 1943 г. рассказывала газета «Советский Дон», орган Раздорского

ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. Автор статьи обращал внимание на то, что Раздорская районная библиотека была организована в начале июня, имела в своем фонде 724 книги. Однако, расположенная в одном из классов школы, она не имела необходимой мебели, и книги в беспорядке были разложены на подоконниках окон. Райисполком не подыскал для библиотеки подходящего дома, а промкомбинат не изготовил полки-стеллажи. Заканчивалась статья обращением: «Партийным и советским организациям нашей станицы нужно создать необходимые условия для нормальной работы этого важного и нужного для нас политпросветучреждения» [21].

В Аксайском районе одновременно с восстановлением хозяйства колхозов, совхозов, предприятий в 1943 г. была проведена значительная работа по восстановлению библиотек. Как отмечала газета «Сталинский путь», восстановлены и работают районная и три сельских библиотеки, собрано у населения и куплено до 4000 экземпляров книг политической, экономической, научной и художественной литературы [5].

Таганрог был освобожден от немецких оккупантов 30 августа 1943 г., а уже 12 сентября газета «Таганрогская правда», орган ГК Таганрогского ВКП(б) и городского совета депутатов трудящихся, представила информацию об открытии библиотеки имени А.П. Чехова: «Восстановлены и пополнены новой литературой абонементный отдел и хорошо оборудованный читальный зал. В библиотеке имеются свежие центральные и областные газеты и журналы. Число читателей растет с каждым днем. В коллекторе библиотеки идет разбор книг для комплектования библиотек, методического кабинета и железнодорожной библиотеки» [27].

О работе библиотек в 1943 г. в г. Ростове-на-Дону информировала газета «Молот», орган Ростовского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся. Менее чем через месяц после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков областная газета разместила статью «Огромный спрос на книги». В ней говорилось, что ростовские библиотеки начали нормальную работу: «Пока функционирует 7 библиотек, в ближайшее время начнут работать еще 9. С первых же дней открытия библиотек число читателей непрерывно растет. За короткий срок, например, только Центральная

библиотека имени М. Горького выдала для чтения 6 тысяч книг. В открытый недавно детский отдел записалось 500 читателей, юношеский отдел ежедневно посещают до 100 человек. Для пополнения книжного фонда библиотеки имени М. Горького организован сбор книг. За несколько дней поступило свыше пяти тысяч книг» [26].

По информации газеты «Красное Приазовье», органа Азовского РК ВПК(б), райсовета и горсовета депутатов трудящихся, от 5 января 1944 г., городская библиотека, разоренная во время немецкой оккупации, уже насчитывает 6500 книг, а число ее читателей составляет 1400 человек. При библиотеке была организована книжная передвижка, обслуживающая 17 сельских изб-читален [8].

О состоянии библиотек в Красносулинском районе после изгнания оккупантов рассказала небольшая статья «Клубная библиотека», напечатанная в газете «Красносулинская правда» 22 февраля 1944 г.: «Немецко-фашистские изверги, оккупировав город, уничтожили большой книжный фонд. Они выбросили все книги из библиотеки клуба “Металлург”. В помещении устроили лазарет. Из книжных стеллажей сделали уборную. В читальном зале устроили баню» [10]. После изгнания фашистских захватчиков библиотека восстановлена и насчитывает свыше 1000 читателей. В июне 1944 г. в этой библиотеке была размещена выставка об А.П. Чехове, организованная областной библиотекой им. К. Маркса [11].

Газета «Сталинский путь» в 1944 г. сообщала, что районная библиотека переведена в новое помещение, читальный зал хорошо оборудован, на стенах висят лозунги и плакаты, имеется фотогазета [32]. В парткабинете и библиотеках района организуются выставки и читательская конференция, посвященные творчеству А.П. Чехова. Книжный фонд районной библиотеки пополнялся сочинениями писателя [36]. В школьные библиотеки района направлены 1000 экземпляров художественной литературы [33].

Газета «Таганрогская правда» в 1944 г. представила сообщения о работе различных библиотек города. Библиотека им. А.П. Чехова на 1944 г. насчитывала 11 580 читателей. Им было выдано 30 258 книг. Кроме того, около 3000 книг получили передвижки госпиталей, воинских частей и учреждений [6]. Ежемесячно библиотека получала за счет госфонда 24 журнала и 10 газет. Первая партия в количестве

1151 книги была получена в 1943 г. сразу же после освобождения города от захватчиков [19].

Городскую детскую библиотеку им. М. Горького за четыре месяца 1943 г. посетили 24 057 детей и 300 педагогов, которым было выдано 57 808 книг для чтения и 1 700 учебников. В 1944 г. библиотека ежедневно обслуживала 350–370 читателей. Библиотека шефствовала над госпиталями, в действующую армию было отослано несколько библиотечек [2]. За шесть месяцев библиотеку посетили 42 664 человека [6].

Библиотека таганрогских железнодорожников до октября 1941 г. насчитывала более 20 000 книг. Захватчики полностью ее уничтожили, но после освобождения города с помощью семей железнодорожников было собрано 700 томов технической литературы [31].

Библиотека парткабинета Орджоникидзевского РК ВКП(б) была размещена в новом помещении и получила в феврале 1944 г. политическую и художественную литературу [20].

Часть газетной информации о работе библиотек в Ростовской области в 1944 г. носила критический характер. Так, например, статья «Нет условий для работы» за подписью заведующей библиотеки А. Рогальской была размещена 10 июня 1944 г. в газете «Сальский большевик», органе Сальского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. В ней говорилось, что городскими и районными организациями недооценивается значение библиотеки, которая не имеет своего помещения и необходимого оборудования. В результате книги лежат на полу, и читатели вынуждены рыться в грудe книг в поисках нужной. Заканчивается статья словами: «Не пора ли создать условия для работы библиотеки, чтобы читатель, придя в нее, мог почитать книги, журналы, газеты и культурно отдохнуть» [28].

Статья «На положении пасынка» была напечатана 15 декабря в газете «Советский Дон» и обращала внимание на то, что районная библиотека насчитывала 2600 книг и 350 читателей, но ютилась в двух полутемных не отапливаемых комнатках, где часть литературы лежала на полу [22].

Большой блок информации о работе библиотек в Ростовской области в 1944 г. содержится на страницах газеты «Молот». В мае на страницах газеты размещались сообщения о работе городской

библиотеки в г. Новочеркасске. Отмечалось, что ее книжный фонд составлял 50 665 книг, а число читателей возросло до 2000 человек. При библиотеке была организована книжная передвижка, обслуживающая предприятия города [18].

Районные и городские газеты 1945 г. в период до 9 Мая – Дня Победы над фашистской Германией – неоднократно обращались к теме работы местных библиотек. Среди сохранившихся номеров следует отметить следующие публикации: в газете «Завет Ильича» о передвижных библиотечках, созданных районной библиотекой для колхозов Самарского района [14], в газете «Красное Приазовье» ставится вопрос о ремонте и восстановлении городской библиотеки [35].

В газете «Сталинская искра», органе Киевского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся, был напечатан ряд критических материалов о работе библиотек в районе: «Библиотекарь-невидимка» [4], «Библиотеку закрыли» [30], «Супрунов обещает» [17], «Библиотека закрыта» [3; 12], а также заметка «Библиотека пополняется» [34], рассказывающая о том, что районная библиотека получила 214 экземпляров политической, художественной, сельскохозяйственной и детской литературы.

Представленный материал, напечатанный на страницах районных и городских газет Ростовской области в период Великой Отечественной войны, свидетельствует о том, что партийные и советские органы при участии населения сразу же после освобождения территории от немецко-фашистских захватчиков приступали к восстановлению библиотек и библиотечного книжного фонда. В условиях военного времени изыскивались средства на ремонт помещений и приобретение новых книг. Там же, где местное руководство уделяло недостаточно внимания этому виду культурных учреждений, газеты немедленно печатали критические материалы и тем самым помогали решать вопросы о благоустройстве помещений для библиотек и организации их работы. В условиях военного времени библиотеки становились центром получения информации и повышения образовательного и культурного уровня населения.

Источники и литература

1. 200 библиотек // Большеви́стский путь. 1943. 21 декабря. № 238. С. 2.
2. *Акимова З.* 24 тыс. читателей детской библиотеки // Таганрогская правда. 1944. 5 января. № 4. С. 2.
3. Библиотека закрыта // Сталинская искра. 1945. 5 апреля. № 9. С. 2.
4. Библиотекарь-невидимка // Сталинская искра. 11 января. № 4. С. 2.
5. Библиотека-читальня // Сталинский путь. 1943. 26 сентября. № 46. С. 1.
6. Библиотеки и музеи Таганрога // Таганрогская правда. 1944. 19 апреля. № 78. С. 2.
7. В библиотеке парткабинета // Большеви́стский путь. 1943. 23 ноября. № 218. С. 2.
8. В городской библиотеке // Красное Приазовье. 1944. 5 января. № 3. С. 1.
9. *Васильева А.* В центральной библиотеке // Знамя коммуны. 1943. 25 августа. № 150. С. 2.
10. *Вдовенко Е.* Клубная библиотека // Красносулинская правда. 1944. 22 февраля. № 36. С. 2.
11. Выставка о А.П. Чехове в Красном Сулине // Красносулинская правда. 1944. 17 июня. № 117. С. 2.
12. *Гончаров А.* Библиотека закрыта // Сталинская искра. 1945. 15 марта. № 22. С. 2.
13. *Домченко И.* О работе районной библиотеке // Завет Ильича. 1943. 11 ноября. № 56. С. 4.
14. *Дубогрызова Т.* Передвижные библиотечки направлены в колхозы // Завет Ильича. 1945. 26 апреля. № 34. С. 2.
15. *Есипов А.Л.* Деятельность Народного комиссариата просвещения РСФСР по реорганизации библиотечной системы в годы Великой Отечественной войны // Вестник МГУКИ. № 2. 2008. С. 154–256.
16. *Иванова В.* В центральной библиотеке // Знамя коммуны. 1943. 13 октября. № 185. С. 1.
17. *Ивановский И.* Супрунов обещает // Сталинская искра. 1945. 28 января. № 9. С. 2.
18. *Казимиров С.* В Новочеркасской библиотеке // Молот. 1944. 6 мая. № 90. С. 4.
19. Литература для библиотеки // Таганрогская правда. 1944. 8 июля. № 134. С. 12.
20. Литература для парткабинета // Таганрогская правда. 1944. 11 февраля. № 29. С. 2.

21. Н.К. В райбиблиотеке // Советский Дон. 1943. 20 августа. № 35. С. 4.
22. На положении пасынка // Советский Дон. 1944. 15 декабря. № 63. С. 1.
23. На пополнение библиотеки // Колхозная правда. 1943. 26 августа. № 18. С. 2.
24. Новые книги // Большевицкий путь. 1943. 17 июля. № 121. С. 2; 21 декабря. № 238. С. 2; 30 августа. № 154. С. 2; 25 июля. № 127. С. 2.
25. Новые книги в библиотеке парткабинета // Большевицкий путь. 1943. 29 сентября. № 178. С. 2.
26. Огромный спрос на книги // Молот. 1943. 11 марта. № 39. С. 2.
27. Открытие библиотеки и музея имени А.П. Чехова // Таганрогская правда. 1943. 12 сентября. № 10. С. 2.
28. *Рогальская А.* Нет условий для работы // Сальский большевик. 1944. 10 июня. № 115. С.2.
29. *Розов М.* В районной библиотеке // Донской коммунар. 1941. 3 декабря. № 147. С. 2.
30. *Самойлов П.* Библиотеку закрыли // Сталинская искра. 1945. 25 января. № 8. С. 2.
31. *Сукач А.* Железнодорожники восстановили свою техническую библиотеку // Таганрогская правда. 1944. 8 февраля. № 27. С. 2.
32. *Толстова И.* В библиотеке // Сталинский путь. 1944. 1 октября. № 76. С. 1.
33. *Толстова И.* Пополнение школьных библиотек // Сталинский путь. 1944. 14 мая. № 37. С. 3.
34. *Усимова О.* Библиотека пополняется // Сталинская искра. 1945. 1 февраля. № 10. С. 1.
35. *Харин А.* Когда восстановят библиотеку // Красное Приазовье. 1945. 21 апреля. № 78. С. 2.
36. *Харламова М.* Подготовка к чеховским дням // Сталинский путь. 1944. 25 июня. № 49. С.4.
37. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 9. Оп. 1. Д. 356а.

О.В. Семенова**РОСТОВСКИЙ ТЕАТР МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹**

Нет сомнения, что победа советского народа в Великой Отечественной войне была достигнута путем консолидации сил всех граждан, которые трудились на благо Отечества. Большой интерес представляет театральная жизнь СССР в годы войны. Отдельных научных исследований по военному периоду ростовских театров ранее не проводилось, поэтому актуальным будет осветить деятельность артистов Ростовского театра музыкальной комедии в военные годы, определить важность работы артистов и значение этого театра для истории Юга России.

Данное исследование основывалось на исторических источниках – документах Государственного архива Ростовской области (ГАРО), фондов Р-4144 (Ростовский государственный театр музыкальной комедии) и Р-4133 (Ростовский областной отдел по делам искусств комитета по делам искусств при Совете министров РСФСР). Комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР был создан в 1936 г. и являлся государственным органом СССР на правах союзно-республиканского министерства. Руководил всеми видами искусств, но в 1938 г. из его распоряжения выбыло кино, для руководства которым был создан отдельный Комитет по делам кинематографии при СНК СССР. В 1953 г. комитет ликвидирован, а его функции переданы Министерству культуры СССР. Предметом изучения стали приказы вышестоящих организаций, методические указания, письма, театральные афиши, личные дела сотрудников театра.

Ростовский-на-Дону театр музыкальной комедии (ныне Ростовский государственный музыкальный театр) имеет давнюю и славную историю. В 1869 г. в Ростове впервые были представлены и прошли с успехом оперетты Ж. Оффенбаха. Позднее, в 1892 г., появился оперный театр, где гастролеровали Ф. Шаляпин, Л. Собинов, С. Рахманинов, А. Скрябин. В 1919 г. открылся Театр музыкальной комедии.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ЮНЦ РАН «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)», № гр. 122020100347-2.

Статус государственного театр получил в 1931 г. До 1935 г. театр не имел постоянного здания. Спектакли давали в здании Мюзик-холла в городском саду (ныне парк им. А.М. Горького). Спектакли были только дневные. Также давали представления и в других театрах, но в основном в городских и ведомственных клубах. С 1935 по 1941 г. театр находился в здании бывшего Театра-цирка Машонкиных, рассчитанном на 1500 мест [11: 37–38]. Поскольку здание строилось для цирковых представлений, для оперных спектаклей оно не подходило из-за неблагоприятной акустики. Во время войны здание сильно пострадало, и его не стали восстанавливать.

Труппа имела замечательный состав, авторитетное руководство, она активно работала над советским репертуаром. Во главе коллектива стояли режиссеры М. Кригель, работавший до этого в Московской оперетте, Ф. Таганский, выпускник Ростовского музыкального училища. Среди актеров – Е. Неволлина, А. Сергиенко, Б. Хенкель, Б. Радов, Г. Капаницын.

В предвоенный сезон 1940/1941 гг. ростовчане увидели 8 новых постановок. В репертуаре того времени 11 классических оперетт и 17 советских (из них 10 принадлежало перу ростовчан) [11: 44].

С началом Великой Отечественной войны театр начал другую жизнь. Концертная деятельность была направлена на фронт, осуществлялась для госпиталей, формируемых частей. В 1941 г. музкомедия выступала четыре месяца в Армавире. В мае 1942 г. театр направляется в Сочи, где были развернуты госпитали и находились на излечении десятки тысяч раненых. Поскольку сам Сочи был под угрозой оккупации, в июне театр выехал в г. Орджоникидзе (ныне – Владикавказ). Эвакуация проходила непросто: через Беслан, Грозный, Баку, затем пароходом через Каспий в Ашхабад. А затем уже в Пензу. Здесь деятельность артистов не прекратилась, а стала еще более интенсивной [11: 44].

До эвакуации в Пензу артисты театра выезжали на передовые линии Южного фронта в район Таганрога (села Куйбышево, Синявское, поселок Матвеев Курган, станция Морская). В личных делах сотрудников театра говорится, что концерты проводились «для личного состава бронепоездов морской пехоты, моряков, работающих на катюшах. Концерты на передовых линиях Южного фронта проходили в исключительно тяжелых условиях. Не один раз концертной бригаде

приходилось выступать под артиллерийским огнем и бомбардировками с воздуха» [9: 6].

За годы войны коллектив, играя спектакли и разбиваясь на концертные бригады, провел более 6500 выступлений в гарнизонах, госпиталях, на передовой. Описан случай, когда выступать довелось перед единственным слушателем, снайпером-героем, в чудом уцелевшей хате, в 120 м от немецких позиций. Туда и обратно артисты пробирались ползком.

Часть концертов давалась в свободное от работы время. Сбор от них перечислялся в Фонд обороны. На собранные 1,5 млн рублей были построены три самолета-истребителя с надписью на фюзеляжах «Артист Ростовского театра музыкальной комедии». Собирали для бойцов в действующую армию теплые вещи; за счет концертов оборудованы два железнодорожных состава под передвижные бани. Перечислялись средства в помощь семьям фронтовиков [11: 44].

Осенью 1943 г. труппа вернулась в освобожденный Ростов. Война нанесла чудовищный ущерб городам и станицам Ростовской области. В Ростове-на-Дону, который дважды был оккупирован немецкими захватчиками, пострадали около 70 % зданий [2: 6]. Приведем данные комиссии о причиненном Ростовскому театру музыкальной комедии ущербе:

- восстановление здания – 5 139 474 руб.;
  - размер затрат на восстановление имущества – 744 380 руб.;
  - расходы на эвакуацию и реэвакуацию – 260 000 руб.
- Итого: 6 143 854 руб. [7: 110].

Восстановить довоенное здание театра не удалось. Театр музыкальной комедии разместился в бывшем клубе приказчиков на ул. Книжной (ранее ул. Казанской, впоследствии ул. Серафимовича, д. 88).

Обращаясь к истории Ростовского театра музыкальной комедии, мы знакомимся с документами и материалами военной эпохи. Они дают представление о развитии театрального образования в СССР в годы войны, о помощи провинциальным театрам (в том числе ростовским), о формах и методах организации работы фронтовых концертных бригад, таких как коллектив Ростовского театра музыкальной комедии. В этом смысле огромный интерес для исследователей представляет фонд Ростовского областного отдела по делам искусств

(Р-4133). В делах этого фонда сохранились копии приказов комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР за 1943 г.

Важнейшее значение имел приказ № 216 от 15 мая 1943 г. В нем анализируются недостатки в процессе обучения в театральных учебных заведениях (несоблюдение соотношения мужчин и женщин, недостаточное число лиц для ролей героического репертуара, сокращение подготовки режиссеров, неудовлетворительная работа театроведческого факультета ГИТИСа и Ленинградского театрального института) [3: 16–16 об.].

Здесь же наметились основные направления работы театральных учебных заведений. Планировалось начать подготовку к переизданию в 1944–1945 гг. ранее выпущенных учебников и издать учебники по истории русского дореволюционного и советского театра. Предполагалось увеличить контингент приема в 1943 г. на 120 человек, а также привлечь в театральные студии наиболее одаренных участников художественной самодеятельности. В 1943 г. намеревались восстановить театральные училища в Саратове, Новосибирске, Воронеже и увеличить число часов на производственную практику учащихся.

Особо в документах уделено внимание практике подготовки театральных режиссеров и художников. Было решено принимать на режиссерский факультет лиц, имеющих театральное образование. Ввести для театральных режиссеров специализацию (драмтеатр, оперный театр, театр музыкальной комедии, детский театр) [3: 17 об.]. Планировалось провести осенью 1943 г. семинар повышения квалификации режиссеров периферийных театров и провести во второй половине 1943 г. смотр спектаклей, поставленных молодыми режиссерами. Лучших молодых режиссеров направить на стажировки на 1–2 года в ведущие театры страны [3: 20 об.].

Отдельным пунктом рассматривался вопрос творчества театральных художников. Осенью 1943 г. в Московском художественном институте открывалась мастерская повышения квалификации театральных художников [3: 17].

Было принято решение об оказании помощи театрам освобожденных городов, в том числе г. Ростову-на-Дону. Из фондов Главснаба (Главное управление материально технического снабжения) комитета

по делам искусств при СНК РСФСР осенью выделялись материалы для оформления постановок. Речь шла о следующих товарах:

Хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей – на 280 тыс. рублей.

Трикотажа – на 40 тыс. руб.

Кожи мягкой и хромовой – на 50 тыс. руб.

Кожи подошвенной – 300 кг.

Красок, грима, вазелина – на 45 тыс. руб.

Провода электрические – 8 км.

Лампочек электрических – 6 тыс. шт. [3: 58об.].

Кроме того, из фондов Всероссийского театрального общества для ростовских театров выделяли материалы для гримирования:

Грима – 3 тыс. коробок.

Пасты для снятия грима – 9 тыс. коробок.

Карандашей гримировочных – 3 тыс. пеналов.

Лака для волос – 1 тыс. флаконов [3: 59].

Большой интерес представляет информация об организации концертных фронтовых бригад. В документах комитета по делам искусств имеется следующая информация:

Количественный состав бригады – не более 10–12 человек.

Репертуар всех участников должен быть завизирован просмотровой комиссией и местными органами Главреперткома (Главный комитет по контролю за репертуаром при Народном комиссариате по просвещению РСФСР).

При выезде бригада должна была иметь при себе:

а) персональные командировочные удостоверения сроком на 2 месяца;

б) протокол просмотровой комиссии;

в) приказ об утверждении состава бригады;

г) заверенные списки персонального состава бригады;

д) список репертуара театральной бригады, завизированный уполномоченным Главреперткома;

е) справки о получаемых артистами бригады расчетов суточных и проч.

Бригада должна была быть снабжена командировочными (рейсовыми) хлебными карточками и обеспечена соответствующим

обмундированием на срок фронтовой работы. О дне выезда бригады извещали телеграммой Комитет и Всесоюзное концертно-гастрольное объединение с указанием номера поезда и вагона, с которым выезжает бригада. Оплата железнодорожных билетов производилась Центральным домом Красной Армии в Москве в жестком вагоне с плацкартой. Артисты получали суточные в пути 1,5 % (не выше 13 рублей), а в Москве – 3 % (26 рублей). Суточные в Москве и гостиницу ЦДКА оплачивали артистам только 6 дней (3 дня до выезда на фронт и 3 дня по возвращении с фронта). По возвращении с фронта руководитель бригады предоставлял во Всесоюзное концертное объединение письменный рапорт-отчет с приложением всех имеющихся документов и делал устный отчет Комитету по делам искусств [3: 76об. – 77].

Отметим, что артисты не имели права самовольно оставлять работу. В деле приводится пример отдачи артиста Волхова под суд за несанкционированный переход из одного театра в другой и вынесение выговора директору театра [4: 17].

Командировки на фронт артистов театра чередовались с поездками по художественному обслуживанию колхозов, совхозов и МТС во время полевых работ. В приказе № 61 Комитета по делам искусств от 31 марта 1944 г. говорилось: «Весенняя посевная компания 1944 года проходит в обстановке всенародного патриотического подъема, вызванного героическим наступлением Красной армии. На работников советского искусства лежит почетная и ответственная задача высококачественного художественного обслуживания колхозов, совхозов и МТС во время весенних полевых работ» [5: 1].

Важное значение имело для Ростова-на-Дону празднование первой годовщины освобождения города от немецко-фашистских оккупантов. 12 февраля 1944 г. состоялось совещание областного комитета по делам искусств «О подготовке к празднованию первой годовщины освобождения Ростова» [6: 1–1об.]. На это совещание были приглашены директора театра музыкальной комедии Фомин и театра им. А.М. Горького Луковский. Артисты театра в эти дни давали концерты в детских домах, в Суворовской школе, в госпиталях, в театре. В феврале после сессии Горсовета в театре музыкальной комедии состоялась премьера спектакля «Раскинулось море широко». Артисты выступали для семей фронтовиков, а также в воинских частях [6: 1–1об.].

В сохранившихся документах театра музыкальной комедии в списках сотрудников театра послевоенных лет указано, что почти все служащие театра за работу в годы войны были награждены боевыми наградами или медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [8: 1–23]. Так Родина оценила вклад артистов театра в победу над немецким фашизмом.

Изучение архивных документов открывает исследователям новые события и имена. Для нас таким открытием стал художник театра музыкальной комедии Борис Петрович Дураков. В 1943 г. он указал в сведениях о себе: социальная принадлежность – «дворянин» [8: 4]. Б.П. Дураков более 20 лет прослужил в театре музыкальной комедии, в том числе и в годы войны. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [8: 4]. В результате исследования выяснилось, что Борис Дураков, блестящий профессиональный художник, член Союза художников Ростовской области [12: 152–153], является родным братом русского поэта Алексея Дуракова, дворянина, представителя русской эмиграции первой волны [10].

Каждый из братьев по-своему сражался с фашизмом. Алексей Дураков воевал в Соппротивлении и погиб, прикрывая отход партизанского отряда в Югославии в августе 1944 г. Он – один из немногих представителей русского зарубежья – был награжден посмертно Орденом Отечественной войны II степени [1: 308; 13: 62].

Занимаясь вопросами региональной истории, убеждаемся в очередной раз, что эта история неотделима от истории большой страны. А роль провинциального театра музыкальной комедии из Ростова-на-Дону в деле Победы не менее важна, чем ратный труд бойцов Красной армии.

Источники и литература

1. *Боровняк Дж.* Русская интеллигенция в Белграде и борьба против немецкой оккупации Югославии // *Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: мат-лы Междунар. науч. конф.* (г. Москва, 14–15 мая 2015 г.). М., 2015. С. 305–327.
2. Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф. Р-3737. Оп. 9. Д. 1263. Св. 115.

3. ГАРО. Ф. Р-4133. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАРО. Ф. Р-4133. Оп. 1. Д. 2.
5. ГАРО. Ф. Р-4133. Оп. 1. Д. 11.
6. ГАРО. Ф. Р-4133. Оп. 1. Д. 13.
7. ГАРО. Ф. Р-4133. Оп. 1. Д. 15. Св. 2.
8. ГАРО. Ф. Р-4144. Оп. 1. Д. 35. Св. 2.
9. ГАРО. Ф. Р-4144. Оп. 1 Д. 36.
10. Интервью с Мариной Юрьевной Сорокиной, заведующей отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. Интервьюер: О.В. Семенова. 14.01.2022. Продолжительность 29 мин. Место проведения: г. Москва, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.
11. Ростов и оперетта: 150 лет вместе. Ростов н/Д., 2019.
12. Семенова О.В. Деятельность Ростовского регионального отделения Союза советских художников в военные и первые послевоенные годы // Культурная жизнь Юга России. 2021. № 3 (82). С. 146–156.
13. Сорокина М.Ю. Антифашистское сопротивление на Балканах: к биографии поэта Алексея Дуракова (1898–1944) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2020. М. 2020. С. 61–78.

В.П. Мотревич

СОВНАРКОМ СССР И ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ в 1943–1945 гг.

Важной отраслью экономики Ростовской области было и остается сельское хозяйство. По данным за 1940 г., его валовая продукция в ценах 1926/1927 гг. составляла 2,6 % стоимости продукции сельского хозяйства страны (по видовой урожайности). Основными сельхозпроизводителями были колхозы (70 %), на долю госхозов приходилось 16,4 %, остальную сельхозпродукцию давали индивидуальные хозяйства рабочих и служащих, колхозников и единоличников [18: 1–4, 40]. Ценным источником для исследования сельского хозяйства СССР в годы войны, как в целом по стране, так и в отдельных ее субъектах, являются постановления Совета Народных комиссаров (СНК) СССР.

Комплекс оригиналов постановлений СНК СССР за годы Великой Отечественной войны находится на хранении в Государственном архиве Российской Федерации. В 2016 г. на сайте «Документы советской эпохи» портала «Архивы России» были размещены цифровые копии постановлений СНК СССР за июнь 1941 – май 1945 г. Всего за период с 24 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. в хронологическом порядке было выставлено 4317 электронных копий несекретных постановлений СНК СССР. В настоящее время этот комплекс документов начинает использоваться исследователями при разработке проблем истории Великой Отечественной войны [1: 545–568].

Значительная часть несекретных постановлений Совнаркома посвящены вопросам сельского хозяйства. Сплошное обследование комплекса выставленных материалов показывает, что за годы войны аграрной проблематике было посвящено свыше 1160 постановлений советского правительства. Это составляло более четверти из общего количества несекретных постановлений Совнаркома СССР этого периода. В данной работе предпринята попытка анализа постановлений высшего органа исполнительной власти – СНК СССР, посвященных сельскому хозяйству Ростовской области.

Обстановка первых военных месяцев диктовала тематику принимаемых СНК СССР решений по сельскому хозяйству. В сентябре 1941 г. в условиях быстрого наступления немецко-фашистских войск при выполнении колхозами обязательных поставок решениями правительства им разрешалось по установленным эквивалентам заменять недостающие виды продукции теми, которые в хозяйствах имелись. Делалось это с целью получить от производителей как можно больше сельхозпродукции. В начале сентября 1941 г. СНК СССР разрешил колхозам Ростовской области сдать в счет зернопоставок, натуроплаты за работы МТС и возврата ссуд из урожая 1941 г. по действующему эквиваленту замены рожь вместо 4 тыс. т пшеницы, просо вместо 2 тыс. т пшеницы и прочие зерновые культуры вместо 2 тыс. т пшеницы [2].

Война вступила на Донскую землю в начале октября 1941 г., а после контрнаступления РККА в ноябре 1941 г. и до середины 1942 г. фронт стабилизировался на рубеже р. Миус. В первой половине 1942 г. в отношении сельского хозяйства Ростовской области были приняты еще два постановления Правительства. В феврале 1942 г. Наркомату заготовок

было разрешено принять от колхозов области в счет выполнения планов хлебозаготовок 1941 г. 495 тыс. т зерна. Данное зерно должно было храниться в надежных помещениях непосредственно в колхозах, агентам Наркомзага вменялось в обязанность проверять сохранность принятого на месте хлеба не реже одного раза в 15 дней. При этом ответственность за хранение принятого Наркомзагом зерна возлагалась на правления колхозов [3]. А в июне 1942 г. было принято решение об изменении для колхозов области плана сельскохозяйственных работ, план ярового сева для них был уменьшен на 323 тыс. га [4].

23 января 1943 г. в обстановке успешного окончания Сталинградской битвы СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление, в котором были намечены мероприятия по восстановлению МТС и колхозов в освобожденных от оккупации районах [5]. В документе шла речь о мобилизации и возврате из эвакуации тракторов в Краснодарский и Ставропольский края, Воронежскую, Курскую, Орловскую, Сталинградскую (в настоящее время – Волгоградскую) и Ростовскую области, а также в освобожденные районы УССР. В Ростовскую область до 20 февраля планировалось вернуть 4 тыс. тракторов из Красноярского края, Башкирской АССР, Молотовской (в настоящее время – в составе Пермского края), Тамбовской, Челябинской и Чкаловской (в настоящее время – Оренбургская) областей. Кроме того, для Ростовской области планировалось передать 850 тракторов из Наркомата обороны и 100 тракторов из Наркомата среднего машиностроения. Помимо тракторов в освобожденные районы направлялись автомашины. Всего до 15 февраля 1943 г в Ростовскую область планировалось направить 350 автомашин, в том числе 150 из Алтайского края, 100 – из Челябинской области, по 50 из Куйбышевской (в настоящее время – Самарской) и Новосибирской областей. Помимо поставок техники, для работы в освобожденных районах планировалось направить 20 тыс. трактористов, 3 тыс. комбайнеров, 2,8 тыс. бригадиров тракторных бригад, 800 агрономов, а также значительное количество других руководителей и специалистов сельского хозяйства.

Необходимо отметить, что указанные в постановлении сроки едва ли были выполнимы, поскольку планируемую к возврату технику надо было отремонтировать, получив при этом необходимые и крайне дефицитные запасные части, перегнать к месту погрузки

на железнодорожные станции, погрузить в эшелоны и отправить на значительные расстояния. О срыве установленных сроков косвенно свидетельствует постановление СНК СССР от 6 апреля 1943 г. [7]. В нем указывалось, что поскольку часть эшелонов с тракторами, сельскохозяйственными машинами и кадрами находятся на большом расстоянии от пунктов назначения, то их можно разгрузить для использования на весенних полевых работах. Из 5313 находившихся на территории Казахстана, Урала и Поволжья вагонов с техникой и людьми Наркомату земледелия СССР было разрешено разгрузить 3435 вагонов. Таким образом, до места назначения была доставлена только незначительная часть направленной помощи. Так, в Ростовской области предполагалось разгрузить всего 50 вагонов, из них 32 – с тракторами.

При этом далеко не вся прибывшая в освобожденные районы техника находилась в удовлетворительном состоянии, что приводило к перерасходу горючего. В связи с этим в октябре 1943 г. СНК СССР в виде исключения разрешил повысить в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской и Сталинградской областях среднюю норму расхода горючего на молотье комбайнами и молотилками на 60 % и предоставил областным и краевым исполкомам право дифференцировать увеличение норм расхода горючего по отдельным МТС в зависимости от урожайности хлебов. Кроме того, разрешалось не взимать с бригадиров тракторных бригад штрафы за перерасход горючего [11].

Ростов-на-Дону был повторно освобожден от оккупации 14 февраля, а вся Ростовская область – только 30 августа 1943 г. Однако до освобождения областного центра, в январе, начинается восстановление органов по руководству сельским хозяйством. Для организации работы по восстановлению совхозов и руководству ими Совнарком разрешил Наркомату совхозов СССР создать в Ростовской области объединенный трест совхозов и поручил Государственной штатной комиссии утвердить штаты и ставки заработной платы его работникам [6].

В годы войны серьезной трудностью для сельхозпредприятий страны стала проблема недостатка семян. Еще сложнее с семенами было в освобожденных от оккупации районах. В июле 1943 г. в связи

с большим недосевом озимых культур во время оккупации и низкой урожайностью из-за плохой агротехники совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) было установлено, что находившиеся на временно оккупированной территории совхозы Наркомата совхозов и Наркомата пищевой промышленности могли производить засыпку семян озимых культур из урожая 1943 г. в размерах, обеспечивающих выполнение установленного для них плана озимого сева под урожай 1944 г. Была увеличена площадь семенных участков озимых культур и для колхозов прифронтовых и освобожденных от оккупации районов, для колхозов Ростовской области она составила 161 тыс. га [9]. Однако представляется, что на данный показатель колхозам выйти не удалось, поскольку в следующем 1944 г. СНК СССР разрешил колхозам Ростовской области в порядке исключения увеличить семенные участки яровых и озимых культур до 88 тыс. га [13]. Проблему семян зерновых культур колхозам области не удалось решить вплоть до окончания войны, поскольку в мае 1945 г. для весеннего сева из ресурсов Госсортфонда им была отпущена ссуда в 600 т пшеницы с начислением 10 ц на каждые 100 ц выданной ссуды [17].

В целях скорейшего восстановления хозяйства и оказания помощи населению освобожденных от оккупации районов СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли решение о возврате колхозам скота, эвакуированного в восточные районы страны. Совнаркомы и ЦК ВКП(б) Азербайджанской, Армянской и Казахской ССР, совнаркомы и обкомы ВКП(б) Дагестанской, Марийской и Мордовской АССР, облисполкомы и обкомы партии Вологодской, Горьковской (в настоящее время – Нижегородской), Кировской, Куйбышевской, Рязанской, Саратовской, Чкаловской и Ярославской областей обязывались возвратить эвакуированный скот в освобожденные районы, в том числе и на Донскую землю. В Ростовскую область из Азербайджанской и Казахской ССР, Дагестанской АССР, Саратовской и Чкаловской областей до 1 сентября 1943 г. планировалось вернуть 51,5 тыс. голов крупного рогатого скота, 143,2 тыс. овец и коз, 17,2 тыс. лошадей [10].

Для приемки и перегона принятого скота Ростовский облисполком и обком партии должны были направить в каждую из указанных республик и областей ответственных уполномоченных, а также

необходимое количество гуртоправов, доярок и колхозников – гонщиков скота. Для покрытия связанных с перегоном эвакуированного скота расходов Ростовскому облисполкому из резервного фонда СНК СССР был выделен 1 млн рублей. Наркомзагу СССР поручалось выделить для подкормки возвращающегося из эвакуации скота необходимое количество сена и концентратов, а Наркомат торговли СССР и Центросоюз СССР должны были обеспечить снабжение хлебом в пути следования сопровождающих скот колхозников и специалистов сельского хозяйства. Помимо возврата эвакуированного скота облисполкому Ростовской области был увеличен план контрактации скота у колхозников, рабочих и служащих. По телятам план контрактации составил 15 тыс. голов, ягнятам – 20 тыс. [10].

Несмотря на возврат эвакуированного скота, в колхозах его часто недоставало, особенно лошадей. Поэтому весной 1944 г. была организована перевозка и продажа завозимых в освобожденные от оккупации районы рабочих лошадей и племенных жеребцов. Для этого СНК СССР обязал Сбербанк обеспечить кредитование колхозов освобожденных от оккупации районов сроком на 3–4 года в размере их стоимости, оплачиваемой колхозами [12]. Для ускорения восстановления животноводства была повышена и материальная заинтересованность работавших на животноводческих фермах колхозников. Колхозам было рекомендовано начиная с 1945 г. за невыполнение заданий по выращиванию молодняка и сохранению взрослого скота сверх установленной оплаты в трудоднях выдавать дополнительно оплату натурой. В постановлении были подробно расписаны условия получения дополнительной оплаты на фермах крупного рогатого скота, а также овцеводческих, свиноводческих и коневодческих фермах [15].

В освобожденных от оккупации районах корректировалась и налоговая политика. В отношении колхозов и колхозников Ростовской области были списаны недоимки прошлых лет по обязательным поставкам зерна и семян масличных культур, натуроплате за работу МТС и возврату семенных ссуд. Однако при этом одновременно «идя навстречу пожеланиям колхозов и колхозников» в области был создан «Хлебный фонд Красной армии» в размере 12 млн пудов зерна и семян масличных культур урожая 1942 г. [7]. Было установлено, что колхозы,

колхозники и единоличники должны выполнить задания по сдаче зерна и семян масличных культур из урожая 1942 г. в этот фонд в целом не позднее 1 мая 1943 г., а 60 % указанных обязательств – к 1 апреля 1943 г. Вскоре аналогичное решение было принято и в отношении советских хозяйств. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечалось, что они принимают предложение Ростовского облисполкома и обкома партии о сдаче государству совхозами хлеба в количестве 1,5 млн пудов и устанавливают, что сдача хлеба государству совхозами должна быть полностью окончена к 1 июня 1943 г. [8]. Учитывая, что территория области была полностью освобождена от оккупации только 30 августа 1943 г., данное решение центральных и местных властей явно опережало ход военных действий на фронте.

Для восстановления нормальной работы коллективных хозяйств в освобожденных районах было необходимо урегулировать вопросы землепользования. СНК СССР обязал земельные органы этих районов не позднее 1 июня 1945 г. полностью восстановить внешние границы земель всех колхозов, а также привести приусадебные участки колхозников в соответствие нормам, предусмотренным Уставом сельскохозяйственной артели. Также предлагалось восстановить государственные акты на бессрочное (вечное) пользование землей, заполнить земельные шнуровые книги и государственные земельные книги регистрации земель во всех колхозах и районах. В Ростовской области все эти работы должны были быть завершены до 1 июня 1946 г. [15]. Важное значение для налаживания нормальной жизни сельчан сыграла помощь государства в восстановлении на селе жилых и производственных помещений. Начиная с 1 мая 1944 г. отпуск леса колхозам для восстановления производственных и хозяйственных построек мог производиться со скидкой в размере 50 % от установленной платы. Отпуск леса семьям партизан и инвалидам Великой Отечественной войны для восстановления жилых и хозяйственных построек производился бесплатно. Кроме того, Сбербанк обязывался выдавать колхозникам ссуды в размере до 500 руб. на хозяйство сроком до 4 лет [16].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны сельское хозяйство ставшей ареной ожесточенных сражений Ростовской области серьезно пострадало, в 1942 г. его валовая продукция в стоимостном

выражении составила лишь 9,3 % от уровня 1940 г. В связи с этим СНК СССР принял целый ряд постановлений в отношении сельского хозяйства края, направленных на его развитие. И действительно, по сравнению с 1942 г. оно быстро восстанавливалось. Если в 1942 г. валовая продукция сельского хозяйства Ростовской области в ценах 1926/1927 гг. составила 53,8 млн руб. (по «видовой» урожайности), то в 1943 г. – 127,3 млн, в 1944 г. – 254,1 млн, а в 1945 г. – 238,3 млн руб. Быстрее всего шло восстановление производства в индивидуальном секторе, колхозы и совхозы при этом заметно отставали. Однако, несмотря на принимаемые меры, в 1945 г. валовая продукция сельского хозяйства Ростовской области в стоимостном выражении составляла всего 41,1 % от довоенного уровня [18: 1–4, 40].

Источники и литература

1. *Мотревич В.П.* Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2021.
2. Постановление СНК СССР от 06 сентября 1941 г. № 2047 «О приеме от колхозов Ростовской области вместо одних других культур» // Документы советской эпохи. Документальные комплексы. Великая Отечественная война. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/> (дата обращения: 12.02.2022).
3. Постановление СНК СССР от 24 февраля 1942 г. № 246 «О хлебозаготовках в Ростовской области» // Там же (дата обращения: 12.02.2022).
4. Постановление СНК СССР от 23 июня 1942 г. № 1002 «Об изменении плана сельскохозяйственных работ в колхозах Ростовской области на 1942 г.» // Там же (дата обращения: 12.02.2022).
5. Постановление СНК СССР от 23 января 1943 г. № 89 «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов» // Там же (дата обращения: 12.02.2022).
6. Постановление СНК СССР от 25 января 1943 г. № 95 «О создании совхозных трестов в Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском краях» // Там же (дата обращения: 12.02.2022).
7. Постановление СНК СССР от 06 марта 1943 г. № 243 «О заготовке хлеба и семян масличных культур в Ростовской области» // Там же (дата обращения: 12.02.2022).

8. Постановление СНК СССР от 18 марта 1943 г. № 295 «О сдаче хлеба государству совхозами Ростовской области» // *Там же* (дата обращения: 12.02.2022).
9. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июля 1943 г. № 792 «О мероприятиях по обеспечению семенами посевов озимых культур под урожай 1944 г. в районах прифронтовых и освобожденных от немецко-фашистских оккупантов» // *Там же* (дата обращения: 12.02.2022).
10. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. № 901 «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» // Важнейшие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) по сельскому хозяйству за 1942–1944 годы. М., 1944. С. 129–182.
11. Постановление СНК СССР от 06 октября 1943 г. № 1088 «Об изменении норм расхода горючего и оплате труда работникам МТС в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской и Сталинградской областях» // Документы советской эпохи. Документальные комплексы. Великая Отечественная война. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/> (дата обращения: 12.02.2022).
12. Постановление СНК СССР от 07 мая 1944 г. № 513 «О порядке расчетов по продаже лошадей, завозимых для колхозов районов, освобожденных от немецкой оккупации» // *Там же* (дата обращения: 12.02.2022).
13. Постановление СНК СССР от 22 июля 1944 г. № 906 «Об увеличении в 1944 году размеров семенных участков по зерновым культурам в колхозах районов, освобожденных от немецкой оккупации, а также Саратовской и Тамбовской областей» // *Там же* (дата обращения: 14.02.2022).
14. Постановление СНК СССР от 24 декабря 1944 г. № 1725 «О дополнительной оплате труда колхозников за перевыполнение заданий по выращиванию молодняка и сохранению взрослого скота в колхозах Ростовской области» // *Там же* (дата обращения: 14.02.2022).
15. Постановление СНК СССР от 08 апреля 1945 г. № 698 «О восстановлении государственных актов на бессрочное (вечное) пользование землей колхозами, земельных шнуровых книг в колхозах районов, освобожденных от немецко-фашистской оккупации» // *Там же* (дата обращения: 14.02.2022).
16. Постановление СНК СССР от 30 апреля 1944 г. № 492 «О порядке отпуска леса колхозам и сельскому населению в освобожденных районах» // *Там же* (дата обращения: 14.02.2022).

17. Постановление СНК СССР от 07 мая 1945 г. № 1003 «О дополнительном отпуске колхозам Ростовской области семенной ссуды для весеннего сева 1945 года» // *Там же* (дата обращения: 14.02.2022).
18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-1562. Оп. 323. Д. 48.

Е.А. Фогель

**НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССАХ 1943–1945 гг.
(на материалах Ростовской области)**

Общемировой тенденцией в XX в. стало пристальное внимание к молодому поколению. Среди важных задач – всестороннее развитие, образование и формирование здорового во всех смыслах поколения для процветания страны в будущем. Советский Союз в этом отношении не был исключением. Несмотря на многочисленные трудности 1920–1930 х гг., к 1941 г. была сформирована система бесплатного начального, общего и профессионального образования, отработаны механизмы борьбы с беспризорностью и безнадзорностью, развивалась система заботы о материнстве и детстве. Включение детей и подростков в пионерскую и комсомольскую организации приобщало их к решению общегосударственных задач, демонстрировало значимость их труда для страны. Развивались также спорт и туризм, появились Осоавиахим и ГТО. Все меры поддержки и развития молодежи способствовали формированию поколения с выраженной гражданской позицией, готового к решению сложных задач во благо своей Родины.

В годы Великой Отечественной войны в условиях перестройки всех сфер жизни советского общества, сложной демографической и экономической ситуации сместились акценты государственной политики в отношении детей и подростков. В частности, снизился возрастной рубеж для трудоспособного населения. Обострившиеся проблемы беспризорности и безнадзорности потребовали повышенного внимания к детскому вопросу, особенно на территориях, оказавшихся в зонах боевых действий и освобожденных от оккупации.

Продовольственный дефицит, разрушение инфраструктуры городов и сёл, а также кадровый голод требовали от государства и системы образования, в частности, инновационных способов решения вставших перед ними проблем. Возросшая роль женщины в экономике страны потребовала расширения сети дошкольных учреждений, деятельность которых позволяла матерям работать на производстве и в сельском хозяйстве. Кроме того, актуализирована была деятельность комсомольской и пионерской организаций, обеспечивавших выполнение общественно-полезных работ молодежью по восстановлению мирной жизни. Перестройка всей системы, вплетавшей все социальные группы в единый механизм, деятельность которого была направлена на скорейшую победу над врагом, породила уникальную модель взаимодействия государства и его граждан. Дети и подростки стали не только объектом социальной политики, но и ее активными акторами.

Вопросы военного детства, роли комсомольской организации в годы Великой Отечественной войны, вклада молодежи в дело помощи фронту, работы системы образования, деятельности государства, направленной на социальную поддержку детей и подростков, достаточно хорошо изучены [7; 22; 2; 1; 20; 23; 31]. Однако неоднородность событий и процессов в стране, продиктованных характером боевых действий, экономическим потенциалом и географией отдельных республик и областей, делают актуальными региональные исследования, дополняющие общую картину обоюдного направленного взаимодействия государства и несовершеннолетних в годы войны и позволяющие сформировать собирательный портрет поколения детей войны.

Согласно переписи населения 1939 г., в Ростовской области численность детей до 14 лет составляла 975 598 человек [4: 28]. За 1940 г. появилось на свет 89 394. За первые 6 месяцев 1941 г. было рождено 41 199 детей, что говорит о сохранении динамики прироста населения в этот период [3: 316]. Таким образом, к началу войны возрастная группа детей до 16 лет составляла почти 40 % жителей области, что полностью соответствовало общей картине по РСФСР.

Однако структура и численность населения начала кардинально меняться с началом войны и в результате превращения Ростовской области в арену боевых действий. Из-за оккупации, которая в некоторых районах и городах длилась почти 2 года, одна часть

несовершеннолетнего населения была вывезена на работы в Германию и находилась там до лета 1945 г., другая – стала жертвой террора, реализованного нацистскими властями, многие погибли в результате боев, голода и иных причин. На этапе 1943–1945 гг., когда область превратилась в тыловую, на фоне восстановления хозяйства и социальных институтов шли два дополняющих и зависящих друг от друга процесса: организация системы заботы о детях и подростках и привлечение молодого поколения к общегосударственной цели – победе над врагом.

По мере освобождения области от оккупации в 1943 г. перед руководством встали вопросы возрождения системы образования и медицинского обслуживания, формирования трудового фронта за счет привлечения несовершеннолетних, организации их общественной работы, поддержки семей, оставшихся без кормильцев, в том числе военнослужащих РККА и погибших на фронте.

Уже в феврале, после освобождения большей части Ростовской области, в городах и районах принялись за решение вопросов беспризорности и безнадзорности. С апреля 1943 г. в городах и районах на основании постановлений СНК СССР № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» от 23 января 1942 г. и № 370 «Об утверждении Положения о комиссиях по устройству детей, оставшихся без родителей» от 14 апреля 1943 г. вышли постановления исполкома Ростовского областного Совета и бюро обкома ВКП(б) об организации комиссий по устройству детей. В Ростове-на-Дону в их состав входили начальник милиции, инспектор городского отдела народного образования (гороно) и секретари райкомов ВЛКСМ [19: 215]. На 1 января 1944 г. в Ростовской области насчитывалось 42 детских дома. Из них 27 общего типа, 1 – для глухонемых детей и 14 специальных с общей численностью воспитанников 3018 человек. К концу второго квартала число детей составило – 4365, таким образом, за полгода их количество увеличилось почти на 50 %.

В силу проблем с продовольствием и больших разрушений в городах многие детские дома открывались в сельских районах. К началу 1944 г. таких было уже 22. Большим подспорьем для сельских детских домов было наличие закрепленных за ними участков земли, которые обрабатывались в том числе воспитанниками и сотрудниками. Эти наделы сохранялись и в послевоенное время. Так, например,

в Маргаритовском детском доме Азовского района до 1953 г. надел составлял 181 га, из них 151 га – пахотной земли, 10 га – под огороды и бахчу, 1 га сада [21: 30]. Инструкции областного отдела народного образования предписывали перестроить режим в детском доме с учетом занятости детей на сельскохозяйственных работах в соответствии с их возрастными нормами: дети 10–12 лет должны были работать 4 часа, 12–14-летние – 6 часов. Дети 8–9 лет должны были привлекаться к легкой работе в детском доме [6: 77–77об.]. Согласно постановлению Ростовского обкома ВКП(б), разрешался беспрепятственный вылов рыбы для воспитанников [25: 31].

Надо отметить, что детские дома области испытывали многочисленные трудности. Не хватало самого необходимого – одежды, обуви, постельного белья, мебели и т.д. Были недостаточными или иной раз совсем отсутствовали поставки хлопчатобумажной, льняной и шерстяной ткани, чулок, носков, обуви и даже ниток [5: 56об.]. В ряде детских домов фиксировалось большое число побегов [6: 76], невыполнение закона о всеобуче [6: 78], имели место поставки недоброкачественных продуктов питания [6: 72], отмечались неудовлетворительные условия содержания детей – отсутствие стекол в детских комнатах, отопления, халатность со стороны врачей [28: 15об. – 16]. Эти и другие причины приводили к высокой смертности среди детей, особенно самых маленьких. Так, в Ростовском доме ребенка за 10 месяцев 1943 г. умерло 58 детей при среднем количестве детей не более 50 человек.

Со многими проблемами на восстановительном этапе столкнулась и система школьного образования. В марте 1943 г. в 20 районах и городах области уже работало 524 школы, где обучалось 48 700 человек. Это была лишь четвертая часть от довоенного уровня – в первой половине 1941 г. в области действовало 2676. Весной 1943 г. исполком Ростовского областного Совета и бюро обкома ВКП(б) поставил задачу исполкомам райсоветов и райкомам ВКП(б) ввести к апрелю не менее одной средней школы на район, одной неполной средней школы на район, одной неполной школы на сельсовет, остальные дети должны были быть охвачены обучением в начальных школах [25: 31]. Это была крайне сложная задача, так как многие школы серьезно пострадали. Так, например, в Алексеево-Лозовском районе

было разрушено и сожжено 32 школы, в Милютинском – 29, в городе Ростове-на-Дону – 55, в Константиновском районе – все.

По итогам 1942/1943 учебного года удалось восстановить 1919 школ в 64 районах области. Охват детей составил 155 500 детей. Однако в работе школ был выявлен ряд недостатков. Так, например, в Дубовском районе из 1906 учтенных детей обучалось лишь 1308, в Орловском из 3126 – лишь 2476 [25: 15об.]. Непосещение детьми школы было также следствием отсутствия у части семей с несовершеннолетними детьми одежды, обуви, лекарств и зачастую средств гигиены. Так, по итогам проведения месячника помощи семьям военнослужащих в феврале 1944 г. в Таганроге было выявлено 17 детей, не посещавших школу [24: 35об.].

В школах отмечалось низкое качество преподавания ряда дисциплин, таких как история, русский язык, конституция, география, математика, физика, иностранный язык. Причем отмечались случаи, когда квалифицированные педагоги вместо учительской работы выполняли иные функции. Так, например, в Обливском районе учитель истории занимал должность секретаря сельсовета. В силу серьезного ущерба зданий в период боев и оккупации многие здания школ не использовались по назначению. Так, в Базковском районе школа была занята прокуратурой, сельсоветом и правлением колхоза, в Песчанокопском районе в школе располагалась церковь. А в Шахтах в школе № 3 содержались румынские пленные [27: 16].

К недостаткам также относили слабую вовлеченность детей в комсомольские и пионерские организации в школах, что нарушало постановление бюро обкома ВКП(б) «Об организационном укреплении комсомольских организаций и политическом воспитании молодежи» от 4 апреля 1943 г. К июню 1943 г. в 48 районах Ростовской области, освобожденных от оккупации, в ряды комсомола было принято 1100 человек. Неудовлетворительной была названа работа райкомов и горкомов ВКП(б) по привлечению детей в ряды ВЛКСМ в Алексеево-Лозовском, Базковском, Белокалитвинском, Багаевском, Боковском, Веселовском, Зверевском, Каменском (сельском), Колушкинском, Мартыновском и Мигулинском районах. Отмечалось, что такая ситуация неблагоприятно сказывалась на темпах восстановительных работ в области [26: 15об.].

Наряду с традиционными способами помощи фронту, такими как сбор подарков для Красной армии, уход за ранеными бойцами и командирами, сбор трофейного имущества и металлолома, организация концертов силами ансамблей и кружков, комсомольцев использовали на строительных работах [30: 32, 33], восстановлении угледобывающей промышленности [9: 12, 13; 13: 61, 63–63об.], в сельском хозяйстве [14: 31]. Дети младшего возраста также участвовали в обеспечении работы школ: оборудовании военных кабинетов [27: 60], изготовлении наглядных пособий [27: 60об.], школьно-письменных принадлежностей [27: 16об.], заготовке топлива для школ и учителей [17: 51] и другим работам.

Дефицит рабочих рук в стране делал крайне востребованным труд несовершеннолетних. В области шла массовая мобилизация в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). С 1 по 15 июля 1942 г. она охватила не менее 1700 юношей с 14 и девушек с 15 лет [27: 103об. – 104]. Приоритетной группой для мобилизации были выпускники детских домов, дети инвалидов и военнослужащих РККА, подростки обеспечивались жильем, питанием и обмундированием. Все выпускники школ ФЗО и ремесленных училищ были крайне обходимы как составляющие единицы трудового фронта. Согласно указу Президиума Верховного Совета от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», «трудоспособным» назывались граждане обоих полов в возрасте с 16 лет. А к работам в колхозах и совхозах на основании постановления Совета народных комиссаров СССР от 13 апреля 1942 г. № 507 привлекались мужчины и женщины, начиная с 14-летнего возраста.

В силу тех же причин экономика страны в годы Великой Отечественной войны нуждалась в труде женщин на предприятиях в городах и сельских районах. Для обеспечения возможности работать за станком, на полях, в социальной сфере повсеместно открываются детские сады и ясли [18: 30, 33, 34; 11: 7]. Ясли содержались за счет предприятий и колхозов, причем обеспечение не только продовольствием, но и инвентарем часто становилось заботой родителей [10: 4об. – 5]. Председателям совхозов рекомендовалось вести разъяснительную работу с матерями о том, чтобы они заблаговременно

обеспечивали своих детей всем необходимым – бельем, посудой и т.д. [16: 34]. Примечательным является и то, что в период летних каникул к работе в яслях привлекались не только школьные учителя, но и старшекласники [29: 30–31]. Однако неудовлетворительные условия содержания детей отмечались во многих детских садах и яслях области. Так, к началу 1944 г. в Таганроге было выявлено отсутствие ремонта в помещениях, достаточного объема топлива, организованного режима и неудовлетворительная работа медперсонала, которая приводила к болезням и завшивленности детей [24: 36об.].

При отборе детей для детских садов приоритет отдавался детям военнотруженикам [12: 7]. Этот же принцип сохранялся и в случае обеспечения питанием детей в организованных столовых [11: 54], выделении обуви и одежды [13: 10, 11], предоставлении топлива и земли для огородов [15: 1–5].

В целом можно говорить о том, что в 1943–1945 гг. на территории Ростовской области, несмотря на многочисленные сложности, с которыми сталкивались население и руководство в условиях военного времени, были реализованы планомерные шаги по возрождению системы образования, включая сети детских домов, детских садов, яслей и системы профессионального обучения, готовившей рабочих для предприятий города и села. Уже к 1950 г. в области работало 2811 школ, на 135 больше, чем накануне войны. Прирост произошел за счет увеличения количества начальных и семилетних школ на фоне уменьшения количества средних [8: 98].

Значительно увеличилось количество обучающихся в средних специальных учреждениях. Если в 1940/1941 учебном году их насчитывалось 19 938 человек, то в 1950 г. – 28 663, причем 94,6% обучались на очной форме. Значительно увеличилась численность студентов, осваивавших программы высшего образования – на 44,4% за 10 лет – и составила 26,6 тыс. человек [8: 99–100]. Это были как выпускники школ, так и бывшие выпускники средних профессиональных учреждений, получившие образование и трудовой опыт в военное время.

К 1950 г. в области работало 342 сада и 236 яслей, однако их численность была ниже, чем до войны (726 всего), что вполне объяснимо в силу значительного снижения уровня рождаемости. В целом доля детей и подростков в возрасте 0–15 лет сократилась с 35,8% от общей

численности населения области в 1939 г. до 25,4 % по итогам переписи 1959 г.

Сложная комбинация нормативной базы, действовавшей в годы войны, жесткой управленческой системы, духовных ценностей, прививавшихся молодому поколению, ценой невероятных усилий и жертв сделали возможным восстановление страны. Немалый вклад был внесен и юными жителями Ростовской области, которым в дальнейшем выпала доля развития государства уже в мирное время.

Источники и литература

1. Агеева В.А. Общеобразовательная школа и трудовые резервы Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2006.
2. Ачмиз К.Г. Трудовой подвиг сельской молодежи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2006.
3. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: сб. док. и мат-лов. Ростов н/Д., 2019.
4. Всесоюзная перепись населения 1939: Основные итоги. М., 1992.
5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-4130. Оп. 1. Д. 6.
6. ГАРО. Ф. Р-4139. Оп. 1. Д. 12.
7. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М.А. Рыблова, Е.Ф. Кричко, Т.П. Хлынина [и др.]. Волгоград, 2015.
8. Донские статистики о родном крае: из века XIX – в XXI. Юбилейный статистический сборник: стат. сб. Ростов н/Д., 2019.
9. Муниципальный архив Белокалитвинского района. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 2.
10. Муниципальный архив г. Зверево. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 15.
11. Муниципальный архив г. Каменск-Шахтинский. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 2.
12. Муниципальный архив г. Новошахтинска. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3.
13. Муниципальный архив Красносулинского района. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2.
14. Муниципальный архив Неклиновского района. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 6.
15. Муниципальный архив Обливского района. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 2.
16. Муниципальный архив Тацинского района. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 6.
17. Муниципальный архив Усть-Донецкого района. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2.

18. Муниципальный архив Цимлянского района. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 3.
19. *Панарина Е.В.* Реализация социальной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): на материалах Дона и Северного Кавказа: дис. ... д-ра ист. наук. Армавир, 2009.
20. *Панарина Е.В.* Решение проблем детской беспризорности и безнадзорности на Дону и Северном Кавказе в 1943–1945 гг. // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д., 2015. С. 214–220.
21. *Попова Е.* Архивный документ откроем, и детский дом с почтением вспомним... // Азовский край. Литературно-краеведческий альманах. № 6, декабрь, 2015. Азов, 2015. С. 29–35.
22. *Романов Р.Е.* Рабочая молодежь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009.
23. Славный путь Ленинского комсомола. История ВЛКСМ / 2-е изд. М., 1978.
24. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. Р-165. Оп. 4. Д. 10.
25. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО) Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 368.
26. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 371.
27. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 392.
28. ЦДНИРО. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 68.
29. ЦДНИРО. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 134.
30. ЦДНИРО. Ф. Р-110. Оп. 3. Д. 4.
31. *Юрчук И.В.* Политика местных властей Кубани по защите детства и ее практическая реализация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.

Раздел 5

Военная повседневность: на фронте, в тылу и в оккупации

Б.У. Серазетдинов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ИЗ г. МОСКВЫ В ВЯЗЕМСКОМ КОТЛЕ

Вяземский котел 1941 г. – одна из катастроф Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны. В котле оказались 36 стрелковых дивизий из 58, все девять танковых бригад и половина арtpолков, в плен попали более 500 тыс. человек.

2 октября немцы перешли в наступление под Вязьмой, где 3-я танковая группа генерал-полковника Германа Гота нанесла удар от Духовщины одновременно с 4-й группой генерал-полковника Эриха Гепнера от Рославля. До Москвы оставалось около 200 км.

Но правда в том, что Вяземская оборонительная операция ослабила и затормозила удары противника, нацеленные на Москву, лишив его первоначальной наступательной силы и дав советским войскам время и возможность на организацию обороны на ближних подступах к Москве.

Военная повседневность в годы Великой Отечественной войны – это сложное, необычайно емкое и многогранное явление, которое состоит из различных матриц, которые подразделяются на блоки: служба, участие в боевых действиях, быт, отдых и т.д. для армии на фронте. Многочисленные матрицы, накладываемые друг на друга, дают более многомерную картину. Мы рассматриваем повседневную

жизнь личного состава дивизий народного ополчения (ДНО) Москвы, который оказался в октябре 1941 г. в вяземском котле.

В июле 1941 г. в Москве было сформировано и отправлено на наиболее угрожаемое столице направление – на Западный фронт лишь 12 ДНО: 1-я ДНО – в Ленинском районе; 2-я ДНО – в Сталинском районе; 4-я ДНО – в Куйбышевском районе; 5-я ДНО – во Фрунзенском районе; 6-я ДНО – в Дзержинском районе; 7-я ДНО – в Бауманском районе; 8-я ДНО – в Краснопресненском районе; 9-я ДНО – в Кировском районе; 13-я ДНО – в Ростокинском районе; 17-я ДНО – в Москворецком районе; 18-я ДНО – в Ленинградском районе; 21-я ДНО – в Киевском районе Москвы. Кроме того, добровольцы из 13 остальных столичных районов – Железнодорожного, Коминтерновского, Красногвардейского, Молотовского, Октябрьского, Первомайского, Пролетарского, Свердловского, Советского, Сокольнического, Таганского и Тимирязевского – пополнили перечисленные выше ДНО других районов Москвы, а также части регулярной Красной армии.

Кроме того, 12 перечисленных выше столичных ДНО комплектовались дивизиями из тогдашней Московской области. К июлю 1941 г. в составе Подмосковского региона РСФСР было 57 районов: Балашихинский, Боровский, Бронницкий, Верейский, Виноградовский, Волоколамский, Воскресенский, Высокинический, Высоковский, Дмитровский, Егорьевский, Загорский, Зарайский, Звенигородский, Истринский, Каширский, Клинский, Коломенский, Коммунистический, Константиновский, Коробовский, Красногорский, Красно-Пахорский, Красно-Полянский, Кривандинский, Кунцевский, Куровской, Ленинский, Лопасненский, Лотошинский, Луховицкий, Малинский, Малоярославецкий, Михневский, Можайский, Мытищинский, Наро-Фоминский, Новопетровский, Ногинский, Озёрский, Орехово-Зуевский, Осташёвский, Павлово-Посадский, Петушинский, Подольский, Пушкинский, Раменский, Рузский, Серпуховский, Солнечногорский, Талдомский, Угодско-Заводский, Ухтомский, Химкинский, Шаховской и Щёлковский.

В августе – сентябре 1941 г. все 12 ДНО как окончательно вошедшие в состав Красной армии были переименованы и переформированы по существующим армейским штатам.

Так, бывшие московские ополченческие дивизии стали теперь официально именоваться: 1-я ДНО Ленинского района – 60-я стрелковая дивизия (2-го формирования); 2-я ДНО Сталинского района – 2-я стрелковая дивизия (2-го формирования); 4-я ДНО Куйбышевского района – 110-я стрелковая дивизия (2-го формирования); 5-я ДНО Фрунзенского района – 113-я стрелковая дивизия (2-го формирования); 6-я ДНО Дзержинского района – 160-я стрелковая дивизия (2-го формирования); 7-я ДНО Бауманского района – 29-я стрелковая дивизия (1-го формирования); 8-я ДНО Краснопресненского района – 8-я стрелковая дивизия (2-го формирования); 9-я ДНО Кировского района – 139-я стрелковая дивизия (2-го формирования); 13-я ДНО Ростокинского района – 140-я стрелковая дивизия (2-го формирования); 17-я ДНО Москворецкого района – 17-я стрелковая дивизия (2-го формирования); 18-я ДНО Ленинградского района – 18-я стрелковая дивизия (2-го формирования); 21-я ДНО Киевского района – 173-я стрелковая дивизия (1-го формирования).

Вот такая сила была вовлечена в Вяземскую оборонительную операцию. Пять из них – 2, 8, 29, 139, 140-я – оказались в полном окружении. Частям некоторых дивизий, например, 2-й стрелковой дивизии, удалось пробиться и вырваться из кольца окружения, другие просачивались к своим соединениям отдельными группами и отрядами.

Основным источником информации о повседневной жизни солдата-ополченца в этот период будут воспоминания самих очевидцев. В статье использованы прежде всего архивные материалы Научного архива Института российской истории РАН. Матрицы, накладываемые друг на друга, позволят создать объемную картину попадания ополченцев в окружение, описать их взаимоотношения, когда они только прибыли и когда прорывались, их моральный дух и конкретные поступки, их быт в разные отрезки жизни – до окружения и во время него.

В первые дни прибытия в направлении Вязьмы ополченцы 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения вспоминают первые месяцы прибытия на прифронтовую полосу. Так, например, Дмитрий Иванович Старцев (старший экономист по себестоимости и финансированию тракторных работ наркомзема СССР) вспоминает, что под Вязьмой посылки от рабочих коллективов присылали

на дивизию, и дивизия распределяла эти посылки между лучшими бойцами. Сам он получил две посылки. Питание было налажено, как в военных частях. В составе полка было много агрономов, бухгалтеров, инженеров, экономистов, были преподаватели, учителя, рабочие из строительной организации. Инженер из геологоразведочной группы был секретарем партийной организации роты. «Здесь, кажется, получили наши отечественные винтовки. Шли всё время пешком в полном походном порядке, в полном военном обмундировании. К этому времени уже был значительный отсев, многие подавали на комиссию, комиссия их пропускала и отправляла обратно в Москву, но основной костяк остался. Штаб нашего полка стоял в д. Коробово. Батальоны и роты недалеко стояли от штаба. От Вязьмы Коробово километрах в тридцати. Наша часть стояла у шоссе, на стрельбу мы ходили через это шоссе. Помимо учебы и усиленной учебы, мы на посту стояли, несли караульную службу и рыли окопы, потому что были налеты авиации. Спать нам приходилось по четыре, по пять часов максимально. Жили мы в землянках в лесу» [5: 2об.].

Фёдор Поликарпович Тедди-Горшков, артист Московской государственной эстрады, вспоминал, что в его соединении было много стариков, которые не могли идти. Командование приказало Фёдору Поликарповичу пожилых людей, которые не могли идти вместе с обозом, везшим обмундирование, боеприпасы, посадить в поезд. Сам он был назначен старшим по этой группе. Боевое крещение группа получила, не доезжая 20–30 км от Вязьмы: «Поступил приказ выгружаться. Выгрузка производилась в быстрых темпах, потому что летали немецкие самолеты. Узнали, что Вязьму бомбили. Несколько эшелонов впереди было разбито. Все боеприпасы мы перетаскивали в лес. Я выстроил всю свою группу и пошли в направлении леса, куда мы выгрузили боеприпасы. Летят два немецких самолета, которые видимо, заметили идущий поезд с цистернами. Эти два самолета пытались бомбить этот эшелон, но не попало ни одной бомбы. Я дал команду людям рассыпаться в лесу и прилечь. Один из самолетов бросил две бомбы в нас, но точно так же все обошлось благополучно. В этом лесу пробыли мы дней шесть-восемь. Затем получили распоряжение, чтобы всё хозяйство перевести в расположение д. Черной за Вязьмой» [2: 4об.].

Интересны воспоминания Ивана Андреевича Ивина, бывшего комиссара 2-го батальона 37-й стрелковой дивизии 13-й Ростокинской ополченской дивизии, главного агронома в управлении Юга Наркомата земледелия СССР. Он рассказывает о том, что в составе ДНО были молодые офицеры – лейтенанты и старшие лейтенанты, возможно, из Рязанского пехотного училища: «Это были молодые товарищи, многие из них в комсомольском возрасте, многие вступили в партию уже в армии, которые еще не имели большого жизненного и военного опыта и в большинстве своем не закончили пехотного училища. Вместо положенных двух лет они пробыли там полтора года» [4: 2об.].

Среди ополченцев были люди в возрасте от 17 до 60 лет, разных профессий: батальон составили рабочие завода «Калибр», много было кустарей различных артелей, служащих учреждений, входящих в район формирования дивизии, в частности Народного комиссариата земледелия, соседнего с ним наркомата торговли и других наркоматов – специалисты, инженеры, агрономы, научные работники, экономисты, историки, работники искусства, артисты. «Были военные, но в большей части люди были слабо подкованы в военном деле. Надо отметить, что в момент формирования дивизии и полка у нас не было никаких медицинских комиссий и народ принимался без всякого медицинского осмотра. Это было существенным недостатком, который впоследствии привел к необходимости освобождения части ополченцев по состоянию здоровья. Были люди, которые имели большие грыжи, не имели зубов, имели плохое зрение и ряд других болезней, которые им не давали возможности быть полноценными бойцами. Они не отказывались идти, но, когда пришлось совершить первый переход от Москвы в первое месторасположение, затем из Волоколамска в Вязьму, многие товарищи сразу почувствовали, что им трудно. Они предполагали, что им придется нести только функции охраны, но впоследствии дело приняло иной оборот» [4: 2об. – 3].

Воспоминания показывают, что многие ополченцы не были готовы к бою, к встрече с противником. Но в рассказах появляется еще одна важная деталь – описание вооружения на первой линии обороны.

Так, например, И.А. Ивин вспоминает о том, что вооружение было очень пестрое и смешанное: «Вместо отечественных винтовок получили винтовки польские и, кажется, французские, вместо русских

пулеметов получили пулеметы бельгийские и французские, отечественных пулеметов у нас не было. Минометы тоже были иностранных фирм, вероятно трофейные. Наш командный состав не имел здесь даже револьверов, только несколько позже они были получены. Но этого вооружения было достаточно для того, чтобы начать военную учебу» [4: 30б.].

Д.И. Старцев отмечает, что, когда подошли к рубежу Вязьма – Днепр, они уже имели десятизарядные полуавтоматы [5: 3].

Н.А. Сусаров вспоминает, что оборонительным районом для них стал центр магистрали Москва – Минск. Он подчеркивает, что «здесь нас и вооружать стали. Вооружали нас в Жаворонках, а здесь меняли на отечественное вооружение. Дали много автоматов. Каждому командиру автомат дали, многие бойцы получили автоматы» [3: 10б.].

Таким образом, только в районе Вязьмы подразделения народного ополчения вошли в состав действующей армии и были вооружены не только личный состав, но и подразделения.

Ополченцы дошли до важного рубежа – Вязьмы. Настроение в начальный период на первой линии обороны было приподнятое, бойцы даже спрашивали командование, почему они тут задерживаются, когда получают сводки, быстро ли движется враг. Хотели скорее попасть на фронт для того, чтобы быть полноценными бойцами для защиты Москвы. Это настроение особенно проявилось в тот период, когда они были под Вязьмой.

Но вскоре в лексиконе ополченцев появились слова «окружение, ранение, плен». Боевая обстановка быстро менялась, и рядовым и даже младшим командирам оперативная информация приходила с опозданием. Многие командиры не знали, что делать. Окружение становилось реальностью, и ополченцам приходилось самостоятельно принимать решения и действовать по обстоятельствам. Многие проявляли лидерские качества, другие же совершали девиантные поступки.

Подробное описание боя дает И.А. Ивин. Он рассказывает, что бойцы заняли свои позиции рано утром, и, как только рассвело, немцы открыли сильный огонь с воздуха – посыпались бомбы. Противник открыл сильный ружейный и пулеметный огонь, но советские бойцы упорно дрались. Так, истребительный взвод, вооруженный только бутылками с горючей смесью, подбил пять немецких танков,

но остальные танки сумели продвинуться и пытались по луку обойти советские части с правого и левого флангов.

И.А. Ивин со своим взводом оказался почти в полукольце. Боеприпасы были на исходе, к тому же был ранен один из пулеметчиков. Иван Андреевич дал указание подносчику патронов связаться с командованием батальона или полка, доложить о положении и обеспечить подноску патронов к пулеметам. Но тот не успел выйти из пулеметного гнезда: прошел около сотни метров и был ранен в руку, вернулся обратно. Тогда И.А. Ивин послал своего связного – восемнадцатилетнего комсомольца, москвича Владимира. Рассказчик описывает его как замечательного бойца и верного патриота. Посланный был убит за 150 м от пулеметного гнезда «по-видимому немецкими кукушками – снайперами, даже ни одного звука не подал. Бросать окоп я не решался. Приказал командиру взвода Яковлеву – лейтенанту немедленно сообщить командованию об обеспечении нас патронами. Лейтенант Яковлев тоже был ранен в ногу по дороге недалеко от нашего гнезда. Выйдя из пулеметного гнезда, я увидел, что нас окружают эсесовские части, с левой и с правой стороны. Мы бросили гранаты, чтобы дать себе возможность выйти из пулеметного гнезда, пробраться в лощину и таким образом выйти. Это нам удалось сделать. Почти весь наш пулеметный взвод, кроме одного раненого, которого мы вытащили в лощину и о дальнейшей судьбе которого я не знаю, вышел, чтобы связаться со своими частями. Части наши к этому времени уже рассыпались и трудно было найти. Командование было дезорганизовано, все части смешались» [4: боб. – 7].

Ф.П. Тедди-Горшков вспоминает: «Среди командования были разговоры о том, что надо пробивать кольцо окружения, потому что в Вязьме немцы и уже за Вязьмой. Мы находимся в кольце. Подтянули танки, “катюши” и всякое другое вооружение. И три-четыре дня пробивали это кольцо. Бойня была большая. Кто возглавлял, сказать не могу. Моя деятельность там заключалась в том, что я собирал бойцов, сдавал и возвращался обратно. Пробить это кольцо не удалось, потеряли народу очень много» [2: 4об.].

Д.И. Старцев описывает обстановку так: «Это было шестого октября. Отступили на новую деревню... Весь день шестого мы простояли в этой деревне. Много народа было выведено из строя. Седьмого

отступили другие части. И в этот же день мы узнали, что мы в окружении, до этого мы не знали. Связи с руководством полка не было. Связались мы с артиллерийской батареей, командиром, кажется, был Егоров... восьмого ночью шли лесом, девятого мы приняли бой и прорвали кольцо [5: 4].

Немецкая разведка 5 октября писала, что «обрушиваются попытки обороняться всеми средствами и с привлечением всех имеющихся сил» [7: 224].

Ощущения безнадежности, безвыходности были в окружении у бойцов. Они не знали, что делать. Ф.П. Тедди-Горшков описывает обстановку так: «В лесу людей собралось много, разбились кучками человек по 10–15. У каждого свое настроение, кто сидит скучный и грустный, кто достал какой-то напиток и выпивает. Вот в таком положении были бойцы. Ходили-ходили, бродили-бродили. Словом, каждый сам по себе. Подошел к одной группе в 6–8 человек воды выпить. Идет разговор о том, что делать. Несколько офицеров там было. Никто не знал, что делать» [2: 4об.].

В воспоминаниях комиссара 37-го стрелкового полка Ростокинской дивизии 32-й армии М.В. Сулягина есть такой эпизод: «Но там была школа, каменное здание – это нас и погубило. Мы в это время болели боязнью разрушить наше родное. Как, наша школа и мы будем ее разрушать, будем по ней стрелять!.. А немцы засели в этой школе и никак к ним нельзя подобраться. Дождались ночи, делали вылазки, к рассвету подготовились к атаке. С рассветом пошли в атаку. У немцев был такой концентрированный огонь, что люди, как мухи падали. Были очень большие потери» [1: 12].

Личный состав народного ополчения стремился вырваться из окружения. Некоторым повезло, они вырвались, а большинству пришлось испытать плен, концлагеря, принудительные работы в Германии.

Таким образом, через матрицу воспоминаний личного состава только одной Ростокинской дивизии можно показать маленькие фрагменты повседневного бытия в вяземском котле. При всей трагедии событий эти люди не дали возможность захватить Москву. Они всю тяжесть обстоятельств – бестолковости, слабого управления и суеты военного командования в первые месяцы войны – взяли на себя и тем самым внесли огромный вклад в первую победу в битве под Москвой.

Изучение повседневной жизни личного состава народного ополчения из города Москвы в вяземском котле во всем ее многообразии и противоречивости позволяет разбить старый стереотип об окруженцах, глубже понять человеческий фактор на войне.

Подвиг народных ополченцев Москвы и Московской области в Вяземской оборонительной операции высоко оценил Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Он писал: «Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет должной оценки» [6: 20].

Источники и литература

1. Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 2. Раздел I. Оп. 67. Д. 4.
2. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 67. Д. 5.
3. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 67. Д. 6.
4. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 67. Д. 9.
5. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 67. Д. 11.
6. *Лопуховский Л.Н.* Вяземская катастрофа 41-го года. М., 2007.
7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 623.

А.Б. Стасева

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ К.Ф. ТАРАСОВА: ХРОНИКА ЧУВСТВ И ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

В суете сегодняшней жизни нам кажется, что Великая Отечественная война была так давно. И только когда рассматриваешь фотографии родных, перебираешь фронтовые письма, документы, начинаешь осознавать, что эта война никогда не будет забыта...

Наша семья из города Ростова-на-Дону наследовала фронтовые письма, документы, фотографии дедушки – К.Ф. Тарасова, выпускника

Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (в настоящее время – Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова) 1939 г.

Константин Федорович Тарасов родился в 1911 г. в семье крестьянина-бедняка в селе Григорьево Меленковского уезда Владимирской губернии (в настоящее время – Гусь-Хрустального района Владимирской области). Окончил 9 классов школы. Работал чернорабочим, столяром судоремонтных мастерских, корреспондентом. В возрасте 25 лет в 1936 г. поступил в Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова на торгово-экономический факультет, специальность – «экономика и планирование советской торговли», квалификация – «экономист советской торговли».

По окончании института К.Ф. Тарасов в октябре 1939 г. был призван Сокольническим районным военкоматом г. Москвы в кадры РККА и направлен старшим техником контрольной группы Центрального склада НКО № 160. Следует отметить, что еще 14 августа 1935 г. по приказу наркомата обороны (далее – НКО) СССР № 0145 Военно-хозяйственное управление Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА) было разделено на два самостоятельных управления – продовольственного снабжения и обочно-вещевого снабжения. На Управление продовольственного снабжения (далее – Упродснаб) возлагались следующие функции: обеспечение РККА продовольствием, питанием, фуражом, столовым и кухонным инвентарем, организация складского хозяйства, руководство подсобными хозяйствами войсковых частей. Первоначально Упродснаб подчинялся наркому обороны СССР, с октября 1939 г. – вновь созданному Управлению начальника снабжения, а в связи с реорганизацией последнего в Главное интендантское управление по приказу НКО № 0157 от 22 июля 1940 г. вошло в его состав.

Неблагоприятно сложившаяся обстановка в начальный период Великой Отечественной войны поставила продовольственное снабжение страны и Вооруженных сил СССР в тяжелые условия. В связи с вынужденным отступлением советских войск СССР лишился крупных запасов продовольствия на складах в оккупированных районах. Из западных приграничных областей не удалось вывезти свыше 70 % мобилизационных запасов. Если к началу войны

численность РККА не достигала 5 млн человек, то уже к марту 1942 г. в составе действующей армии находилось свыше 9 млн человек. Продовольственное снабжение такого воинского контингента измерялось несколькими сотнями тысяч тонн ежемесячно. Организация поставок подобного масштаба являлась серьезной задачей, а ее решение требовало огромных усилий [1; 5].

1 марта 1942 г. Государственный комитет обороны СССР принял постановление № 1358сс «Об улучшении доставки продовольствия и фуража частям действующей армии». В этом постановлении были указаны наиболее распространенные причины срывов продовольственного обеспечения войск, определены ответственные за это должностные лица и установлены меры наказания виновных (начальников железных дорог, комендантов станций, комиссаров складов и др.) [5: 78–79].

Из автобиографии К.Ф. Тарасова известно, что он «с 15 октября по 15 ноября 1941 года выполнял в ту пору имевший важное значение приказ главного интенданта по эвакуации Центрального склада НКО № 709, находящегося в то время в районе г. Можайска» [4]. В декабре 1941 г. был откомандирован в распоряжение интенданта Северо-Кавказского военного округа. Здесь он служил инспектором интендантского управления в г. Армавире. В автобиографии сообщалось: «...с 8 февраля по 22 мая 1942 г. по личной просьбе был откомандирован в распоряжение начальника тыла Крымского фронта, где был назначен на должность инспектора Упродснаба фронта. Занимался организацией транспортировки грузов из Новороссийского порта в Керчь и Севастополь <...> с 22 мая по 23 августа 1942 г. – старший инспектор Упродснаба штаба Крымского фронта. В этот период занимался организацией транспортировки продовольственных грузов для войск Отдельной Приморской армии в Севастополе <...> 24 июля 1942 г. эвакуировал фронтовые продовольственные базы станица Кавказская (Кропоткин) и станица Гулькевичи <...> с 23 августа 1942 г. по 1 января 1943 г. – старший инспектор Упродснаба Черноморской группы войск Закавказского фронта, занимался организацией питания переднего края войск группы» [4].

1 января 1943 г. Тарасов был назначен начальником инспекции группы особого назначения, а фактически исполнял обязанности заместителя командира по тылу 20-го десантно-стрелкового корпуса.

3 февраля 1943 г. вместе с десантом он высадился на Малую Землю близ Новороссийска. До 13 марта руководил снабжением десанта боеприпасами, продовольствием, интендантским имуществом, медико-санитарным имуществом и эвакуацией раненых. Десантники отбивали атаки противника с большими для него потерями, но и сами несли значительные потери.

Наградной лист от 24 февраля 1943 г. содержал следующее описание совершенного боевого подвига: «Тов. Тарасов, являясь единственным хозяйственником после высадки десанта на вражеский берег, в течение десяти суток обеспечивал действующие войска продовольствием и боеприпасами, непрерывно находясь под артиллерийским и минометным ружейно-пулеметным обстрелом на пристани, обеспечивал и руководил разгрузкой кораблей. Получил контузию 13.02.43 г., из строя не вышел и продолжал работу, был засыпан в блиндаже, после откопки остался в строю» [2]. На основании этого командир группы особого назначения полковник Гордеев представил Тарасова к награждению орденом Красного Знамени.

По ранению К.Ф. Тарасов был направлен в госпиталь в г. Краснодар, где познакомился с выпускницей школы 1941 г. Эммой Дмитриевной Брагиной. В нашем семейном архиве бережно хранятся все 53 письма, которые он написал ей во время войны.

Во время войны письма были самым распространенным средством общения между людьми, прежде всего между теми, кто воевал на фронтах и кто оставался в тылу. Война длилась долгих четыре года. И всё это время фронтовики были лишены непосредственного общения со своими родными. Поэтому в перерывах между боями бойцы в письмах делились с ними обстоятельствами своей повседневной жизни, мечтами о будущем, рассказывали о друзьях, происходивших событиях...

В короткие моменты затишья всегда вспоминалась мирная жизнь и накатывала тоска по ней: «С сегодняшнего дня я делаю так: где бы я ни был, пишу открытку. Прошу, умоляю, пиши чаще, – тоска...» [4].

Письма позволяют раскрыть историю любви двух молодых людей. 4 февраля 1944 г. К.Ф. Тарасов писал: «Эмма, получил письмо с подснежниками. Благодарю, моя милая девочка. Тебе трудно представить, какой эффект произвели эти три подснежника. Здесь, где метели в непрерывном концерте наводят тоску и могущественные силы

слепой стихии только по-настоящему показали, что зима вступила в свои права, твои цветы – шаг политического значения! У Никифора Ивановича на лице была изображена такая гамма чувств, что даже трудно описать и с присущей галантностью воспитанного человека, он пропел дифирамбы твоему эстетизму. Остальные члены нашего коллектива в один голос восхищались. А один сказал: “Черт возьми, моя жена только и знает мне писать про цены на картошку, хлеб и прочее”. Одним словом, моим благодарностям нет границ» [4].

На фронте офицер постоянно рисковал своей жизнью. Но всё это время хранил в своем сердце образ любимой, хотел, чтобы она была самой красивой, нарядной, мечтал о мирной жизни. 24 февраля 1944 г. Тарасов писал: «Я тебе забыл написать, чтобы ты, если еще не сшила платье, то шей его бальным (длинным и закрытым). Дело в том, что уже вышел в свет статус памятки офицера, где говорится, что женщина в коротком платье и с коротко постриженными волосами в офицерское собрание не допускается. Один наш офицер приехал из Свердловска, и его жену в коротком платье не пустили в офицерское собрание, несмотря на его просьбы и доказательства, что у его жены больше никакого платья, кроме того, что на ней, нет. Итак, моя девочка, шей платье, соответствующее требованиям этикета, принятого в офицерском обществе» [4].

Это письмо было написано в период, когда К.Ф. Тарасов организовывал продовольственное снабжение войск 3-й ударной армии под Невелем, принимал непосредственное участие в операции прорыва позиций противника частями 5-го танкового корпуса под станцией Эргли в Латвии. Смерть была рядом, а письмо сугубо личное, с пожеланиями на будущее в мирной жизни.

О том, как оценивало Тарасова командование, свидетельствует его характеристика из наградного листа от 14 мая 1945 г., подписанная начальником инспекции начальника тыла Ленинградского фронта полковником Мартыновым: «Тов. Тарасов К.Ф. работает в инспекции Начальника тыла фронта старшим инспектором. Показал себя как грамотный и культурный офицер, дисциплинированный и исполнительный работник. Требователен к себе и к подчиненным. Хорошо знает вопросы хоз. работы, часто бывал в войсках переднего края и тыловых учреждениях и частях, много уделял внимания вопросу

выполнения приказов НКО и фронта по обеспечению войск и заботе о бойце и офицере. Вскрывая недостатки в работе, он принимал решительные меры по их устранению и учил работников хоз. аппаратов, как надо правильно ставить работу. Решительный и смелый, он много помог работникам частей переднего края в их работе по обеспечению наступательных операций, а также и находящимся в обороне. Помимо плановой работы т. Тарасов часто выполнял отдельные задания члена Военсовета и начальника тыла фронта. Считаю, что своей работой т. Тарасов вполне заслуживает награждения его правительственной наградой орденом Отечественной войны II степени» [3].

С октября 1943 г. К.Ф. Тарасов по личной просьбе был направлен в действующую армию, на 2-й Прибалтийский фронт старшим инспектором интендантского управления фронта. В декабре 1944 г. был переведен в инспекцию начальника тыла 2-го Прибалтийского фронта, войска которого в апреле 1945 г. были переданы в состав Ленинградского фронта. В этой должности он и закончил войну [4].

Фронтные письма К.Ф. Тарасова – хроника глубоких чувств и подлинная история его военной службы. Одно из них – без даты: «Вчера вкратце коснулся землянки. Решил описать подробнее. Это помещение подвального типа, притулившееся у склона небольшой горы, размер землянки 4 × 4 метра, высота до 2-х метров, стены из пиленых досок, с деревянным полом и бревенчатым потолком. Есть окно, которое вчера было выбито воздухом от противотанковой мины, а сегодня его вставили. Внутренняя обстановка состоит из трех коек, одного стола, двух походных табуреток и импровизированного шкафа, на стене висит карта 25-километровка, на которой, кроме изменений линии фронта, отмечена пограничная точка – Краснодар» [4].

Находясь на Прибалтийском фронте, К.Ф. Тарасов дал понять, что близится победа, немцы бегут на запад. 27 июля 1944 г. он писал: «Мы уже давно вошли в пределы Латвийской республики, где уцелевшее население начало выходить из лесов. Быстрота продвижения не дает возможности немцам сжигать населенные пункты и угонять скот. Приятно и радостно видеть, что дело подходит к концу. Враг в Прибалтике может быть отрезанным от основных сил яростно сопротивляющихся, но думаю, что ему здесь придется попасть в “котел” небывалого разгрома» [4].

Совсем небольшое письмо К.Ф. Тарасов написал в день окончания войны – 9 мая 1945 г. Это даже не письмо, а, скорее, небольшая записка, написанная второпях на клочке бумаги и переданная с оказией. Узнав об окончании войны, он мечтает о скорой встрече с любимой. Переданные на бумаге эмоции захлестывают: «День Победы!!! День капитуляции врага! Любимая! Нахожусь в районе капитуляции немцев – принимаю пленных. Оказия к тебе пошлет эту записку. Рад несказанно. Ликуй, моя радость. Ещё до сих пор не могу прийти в себя от всех чувств. Слезы от счастья, наконец-то кончилось. Крепко целую всех. Костя. Теперь-то жди меня. Скоро нагряну. Твой Костя. Еще раз целую и люблю» [4].

Более подробно о том, как он встретил Победу, К.Ф. Тарасов рассказывает в письме от 23 мая 1945 г.: «В шутиливо написанной записке в дороге и телеграмме нельзя было выразить всего того, что я пережил в дни капитуляции немцев, а потому еще раз поздравляю, мои дорогие и бесконечно близкие, с Победой. Мы, армейцы, о капитуляции знали несколько раньше, а меня сообщение застало в войсках на переднем крае. В 2.15 по средневропейскому времени было услышано сообщение о безоговорочной капитуляции немцев. Я в то время сидел на “НП” одного командира соединения. За каких-нибудь 3–5 минут весь передний край уже знал об этом сообщении. Ночь выдалась темная и буквально весь передний край и тыл был оглушен стихийным салютом. Били-стреляли из всех видов оружия, начиная от пушки и кончая пистолетом. В небе было море огня от пуль и снарядов, прожекторные установки бороздили небо, солдаты вышли из траншей (подумать только, за 4 года впервые) и развели костры» [4]. К.Ф. Тарасов описывает общие чувства, охватившие советских военнослужащих, вне зависимости от званий и должностей: «Совершенно незнакомые люди обнимались, каждый угощал всех, кого встретил, чем-либо. Военные всех степеней и рангов садились за один стол и праздновали Победу» [4]. Радость этого дня огорчило только найденное у погибшего товарища письмо к матери примерно такого содержания: «Мама, я жив и скоро вернусь к тебе: твоя судьба будет обеспечена. Хотя я трижды ранен, но здоров и сумею тебя обеспечить». Тарасов не мог сдержать своих чувств: «Это письмо мы нашли у него уже мертвого. Он взорвался на mine в день Победы. Меня этот эпизод потряс больше всего. Я очень был расстроен, да и сейчас следы этого расстройства есть» [4].

Полковник К.Ф. Тарасов за боевые заслуги и безупречную службу Отечеству в годы войны был награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Кавказа», «За оборону Москвы», «За оборону Севастополя» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Источники и литература

1. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. Питание военнослужащих в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 39–54.
2. Наградной лист Тарасова Константина Федоровича от 24.02.1943 // Подвиг народа 1941–1945. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=17023292&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 13.03.2022).
3. Наградной лист Тарасова Константина Федоровича от 14.05.1945 // Подвиг народа 1941–1945. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=25058482&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 13.03.2022).
4. Семейный архив Стасевой Аллы Борисовны.
5. Филоненко С.И. Продовольственное обеспечение военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Известия ВГПУ. Педагогические науки. 2016. № 4 (273). С. 77–83.

Е.Ю. Третьякова, О.Е. Пересада

«ТАМ УЖ ПОГОВОРИМ ПРО ВЕСЬ ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ»: ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА СЕРЖАНТА ГВАРДИИ НИКОЛАЯ РОЩИНА¹

В память о тружениках войны и тыла на Ставрополье был составлен сборник писем времен Великой Отечественной войны [4], переиздававшийся с дополнениями [3]. Письма солдат, дневниковые записи, извещения о гибели и награждениях публиковались и в других местных изданиях [2; 5: 260], в том числе и в статье Т.А. Булыгиной о фронтовых письмах, хранящихся в Государственном архиве Ставропольского края [1].

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева» по теме «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности».

Работу по поиску и публикации писем с фронтов Великой Отечественной надо продолжать не только с целью анализа граней общего восприятия трагедии, не только для изучения психологии человека в военной обстановке. Такие письма, позволяют увидеть историю семьи, естественно слитую с историей Родины. С уходом поколений, которые имели возможность лично общаться с участниками Великой Отечественной войны, особенно важно сохранять память о войнах и членах их семей. Она не угаснет, если потомки будут ценить как семейную реликвию свидетельства грозовой эпохи – передавать эти реликвии и рассказывать своим детям о старших членах семьи, внесших свою лепту в завоевание Победы. В этом смысле письма с фронта должны прийти к внукам, правнукам. И находка, о которой мы расскажем в статье, показательна.

Марии Игнатьевне Рощиной (1910–2000), овдовевшей в 35 лет, пришлось самой поднимать на ноги маленьких сыновей. Муж Николай Семенович Роцин (1904–1945) участвовал во взятии Берлина, вернулся с немалым числом боевых наград, но до конца победного сорок пятого не дожил, умер в начале декабря, погребен на Успенском кладбище г. Ставрополя. Жена солдата выполнила материнский долг. Сыновья стали инженером-строителем (Евгений, 1938–2013) и врачом (Николай, 1943–2019), продлевая веточки рода, дали жизнь трем внукам (Сергей Евгеньевич, Алексей Николаевич, Роман Николаевич), двум внучкам (Ольга Евгеньевна и Елена Николаевна). Теперь растут шесть правнуков, есть даже малыш-праправнук.

Весной 2020 г. Ольга Евгеньевна разбирала бумаги, хранившиеся в доме ее бабушки. В старинном дубовом шкафу в двух небольших чемоданчиках хранились фотографии, семейные документы. Среди бумаг нашелся голубой конверт с датой: 1945 г. на почтовом штемпеле, пачка личных документов Н.С. Роцина (трудовая книжка, красноармейская книжка, военный билет, извещения о награждении орденами и медалями, благодарности и проч.), затем – еще несколько фронтовых писем. Не «солдатские треугольники», а в конвертах, написанные четко и разборчиво химическим карандашом либо перьевой ручкой чернилами на бумаге разного качества, от прозрачной, как калька, до напоминающей тонкий картон. Все 12 писем хорошо сохранились.

Чтобы внуки и правнуки знали об авторе этих писем и понимали взаимоотношения в семье, Ольга Евгеньевна решила восстановить биографию деда по документам, устным воспоминаниям, которые родственники слышали от Марии Игнатьевны, по данным военных архивов.

Николай Семенович родился 13 октября 1904 г. в Санкт-Петербурге. Кроме него, младшего, у купца Семена Федуловича Рощина были еще два сына и две дочери. Окончив в северной столице шесть классов гимназии, юноша в 1921 г. уехал в Ставрополь, под опеку родных братьев отца. С 16 лет работал в «Райконефти» конторщиком, затем в других организациях, по служебной лестнице дорос от делопроизводителя до старшего бухгалтера. Увлекался футболом. В архиве Ставропольского историко-культурного и природно-ландшафтного государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве хранится снятая в 1925 г. фотография футбольной команды «Шторм», среди участников команды – Николай Рощин.

В армию его призвали в 1926 г., свою военно-учетную специальность «писарь, чертежник, библиотекарь» Рощин освоил добросовестно и, даже по окончании срочной службы, через 10 лет (май 1936 г.), ему поручали при прохождении лагерных сборов работу по приведению в порядок учетно-воинских картотек. В мирной жизни был бухгалтером Пищевкускомбината, возглавлял бухгалтерию Ворошиловской артели «Пищепром» (в 1935–1943 гг. Ставрополь назывался Ворошиловском).

В 1936 г. женился на Марии Рощиной (1910–2000), в девичестве Сазоновой. Она родила ему двух сыновей. Великая Отечественная война застала семью в Ставрополе, до 3 августа 1942 г. Николай Семенович продолжал работать в артели (по состоянию здоровья имел отсрочку от призыва). Город заняли фашисты, оккупация продолжалась до 21 января 1943 г. И в середине апреля 1944 г. начался боевой путь Н.С. Рощина в рядах Красной армии. Он воевал на 1-м Белорусском фронте в составе 140-го гвардейского стрелкового Краснознаменного ордена Кутузова полка 47-й гвардейской стрелковой Нижнеднепровской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого дивизии. Начал службу 2 мая 1944 г. в должности писаря батальона (звание – гвардии старший сержант административной службы).

Первую награду – орден Славы III степени – получил за отвагу в боях 18 июля 1944 г. при прорыве обороны противника у села

Ольшанка [9: 2–5] и взятии села Окунин [9: 74]. В списке награжденных, опубликованном газетой «Красный воин» [6: 1], Н.С. Роцин значится под номером 29. Медаль «За отвагу» вручена за то, что он «на левом берегу реки Вислы при отражении ожесточенной контратаки противника в районе Дамбы Радомского воеводства 15 августа 1944 г. лично из своего автомата уничтожил пулеметный расчет, а пулемет доставил на КП» [10: 2–12]. Это документально подтверждают материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Орден Красной Звезды присужден 3 декабря 1944 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленное при этом доблесть и мужество» [7: 1–2, 14]. Также Н.С. Роцин 16 июня 1945 г. был представлен к награждению орденом Славы II степени [8: 1–19]. В наградном листе читаем: «При взятии Берлина 1.05.45 года тов. Роцин все время находился в боевых порядках нашей пехоты, он при любых обстоятельствах, какой бы не был огонь противника, выяснял потери своих бойцов. Во время штурма одного из укрепленных кварталов Берлина 01.05.45 года, дальнейший путь нашей пехоте преграждал пулеметный и автоматный огонь, который вел противник из одного укрепленного дома. В это время тов. Роцин находился в 1-й стрелковой роте, которой командовал гвардии старший лейтенант Мишин, его роте было приказано овладеть домом, в котором засели гитлеровцы. За отсутствием командиров взводов тов. Мишин поручил командование одной из групп тов. Роцину. Он с группой бойцов в количестве 8 человек, зашли в тыл противнику, ворвались в дом, в котором засели гитлеровцы и завязали рукопашный бой. Благодаря умению руководить боем и личной его отваге, дом полностью был очищен от гитлеровских захватчиков. Отважные гвардейцы истребили при этом 17 гитлеровцев и 14 взяли в плен»¹ [8: 183].

В его красноармейской книжке есть записи о правительственных благодарностях за прорыв обороны противника западнее Ковеля; за форсирование рек Буга и Вислы; за прорыв обороны при наступлении на Берлин, за пересечение германской границы и вторжение в пределы Бранденбургской провинции; за овладение Берлином. Выданные 23 июня 1945 г. справки свидетельствуют о праве

¹ Орфография и пунктуация оригинала здесь и далее сохранены.

на получение медалей «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Н.С. Рощин был уволен в запас по закону о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии, принятому 26 июня 1945 г., умер вскоре после возвращения из армии и эти медали не получил.

Найденные 12 писем Н.С. Рощина охватывают заключительный этап Великой Отечественной войны (сентябрь 1944 г. – апрель 1945 г.) и два месяца после Победы (9 мая – 14 июля 1945 г.). Приведем письмо из Берлина, датированное непосредственно 9 мая, фраза из которого была использована для заголовка статьи: «Здравствуйте дорогие Марусенька Женичка Количка. Поздравляю я Вас с победой над лютым врагом теперь можно надеяться на скорую встречу, там уже поговорим про весь пройденный путь. Привет Всем, всем. Пишите как с посылками, что-то долго нет сообщения о получении. Последнее письмо получил, где писал Женичка второй раз. Шлю свои благодарности, прошу хранить и сообщить получили ли ранее посланные мною еще 2 благодарности. В настоящее время живу в квартире, сплю на кровати, укрываюсь пуховым одеялом, но все это как-то не так, хочется в Россию, повидаться со всеми. Целую крепко Николай. Пишите».

В силу ограниченного объема статьи мы затронем лишь тему воинских будней и праздника Победы. А полную публикацию всех 12 писем с комментариями осуществим осенью 2022 г. в одном из сборников Южного филиала Института Наследия.

Хотя в корреспонденции требовалось быть сдержанными, за строками письма от 28 февраля стоит радость близкой Победы. Солдат пишет жене: «...я сейчас в Германии, где именно, писать не положено, но, конечно, не в тылу, а на передовой, на прежней должности, работы хватает, кушать хватает, начальство хорошее, я уважаю его, а за ребят и говорить не приходится, по-гвардейски расправляемся с немчурой, живем дружно».

Прогулялись по Польше, прошли немало по Германии, и теперь осталось немного до фашистской берлоги, трудный путь, далекий путь, но, когда вспомнишь, что близок час расплаты, так забываешь про усталость и рвешься вперед, скорей на последний удар по фашистской гадине.

Если останусь жив, то будет о чем поговорить при встрече...»

Сообщает в письме от 1 апреля: «... окружаем и уничтожаем немецких вояк, которые, чувствуя свою скорую гибель, крепко огрызаются, однако это им не помогает и вот на нашем пути, все их попытки переходов в контратаки разбивались вдребезги, в результате – море немецких трупов и разбитых танков, орудий и прочей техники. В последнее время среди пленных фрицев заметно много стариков и юношей, видимо чистокровные “арийцы” уже вышли, да и пора уже им, ведь сколько их бьют, а сколько берем в плен, ясно, что скоро Гитлеровской армии придет конец.

Сейчас здесь весна, цветут синие подснежники и кое-где встречал фиалки, поля покрываются зеленым ковром – уже нет возврата к зиме, чувствуется тепло. Между прочим, вот уже полтора месяца, находимся в Германии и погода можно сказать нас не обижала, а на Родине, писали ребятам, были холода, снег и прочее».

Ты Марусенька пишешь, что у Вас возле Д.К.А. написано “До Берлина осталось 60 км”, это точно и уже мы тут были еще полтора месяца тому назад».

Пишет 5 марта 1945 г. шестилетнему сыну: «Письмо твое получил, очень рад, что ты уже умеешь сам писать мне письма. Пиши почаще не ленись, буду отвечать тебе, также не буду лениться. Давно сынок я не видел тебя и очень по тебе соскучился. Вот скоро разобьем немцев, тогда кончится война и, если все будет благополучно со мной, приеду к тебе и снова по-прежнему заживем по-хорошему, будет и на нашей улице праздник».

На просьбу о подробном рассказе про День Победы отвечает: «Ты спрашиваешь, как провели день “Победы” 9 Мая – я отвечаю: Наша часть в тот момент находилась в Берлине, жили в генеральских квартирах, пили конечно лучшие напитки, кушали консервы рыбные, мясные, овощные и кроме того был хороший вкусный обед. Я со своими хлопцами также, как и все, немного подвыпил (мне по моей работе нельзя пить, как выпью так, как нарочно, срочная работа) и даже непьющие были выпивши. Кругом салюты, ракеты и прочее торжество, но все же бесконечно вспоминали нашу родную Москву, мысленно представляя торжество нашей столицы. Каждый, конечно, вспоминал свой пройденный боевой путь и как-то не верил, что больше нет стрельбы, что наступил мир в Европе.

Мы гвардейцы, первые вошли в центр Берлина еще 1 Мая, под сильным огнем фашистов форсировали реку Шпрее и ворвались в дома, где сидели фашисты, и там начали заканчивать счета, но к утру 2-го Мая фашисты начали пачками сдаваться в плен, стрельба стала стихать и мы торжественно шествовали по улицам Берлина, так в этот день кончилась наша фронтовая жизнь, нам больше воевать не пришлось. Теперь переходим на мирное положение, немного скучновато, привыкли к путешествиям по Польше, Германии не сидится на месте хочется объехать всю Европу. Вот интересно мне, как будут торжествовать наши хлопцы, когда возвратятся на Родину, видимо праздник будет длиться целый месяц».

Но не сообщения о себе в каждом письме – главное. На первом плане – сердечная забота о жене и детях, беспокойство о близких и родных людях, которые недоедают и испытывают нужду в самом необходимом. В Николае не ослабевает чувство старшего, сильна тревога за детей, которые еще малы и из-за холода подвержены болезням. Он болеет душой за свою жену Марусю, сожалеет о бытовых трудностях, легших на ее плечи. Роцин в курсе повседневных дел семьи, помогает советом и по мере возможности посылками (писчая бумага для сына, ткань на одежду и постельное белье).

Дышащая за каждой строкой этих писем человечность дорогого стоит. Мы видим личность не ожесточенную, чувствуем душу, не погрушающую в тяготах лихолетья. Сердце воина не выжжено огнем, слух не оглох от пальбы орудий. Таким был один из множества солдат Победы, старший сержант Николай Семенович Роцин, провоевавший около года и награжденный, помимо медалей, двумя орденами Славы и орденом Красной Звезды. Из-за войны он ушел очень рано, только перешагнув рубеж 40 лет. Оставил сиротами двухлетнего Колю и первоклассника Женю.

Утрата высветила вершинную точку семейно-родового предания, подчеркнула самые светлые и стойкие человеческие качества – то, чего остро не хватает нашим современникам, слишком привыкшим к потребительству, чересчур избалованным, выросшим в достатке.

Где и как вырабатывать эти качества теперь? Что упрочит в новых поколениях те душевные струны, сформирует те гражданские черты и свойства личности, совокупность которых называют патриотизмом?

Ответы на эти вопросы ясны. Социум в условиях «сытой жизни» под воздействием индивидуализма может меняться отнюдь не в лучшую сторону. Если такие перемены давят извне, главное спасение в культуре семьи – семейных традициях, на которых основано естественное сопротивление индивидуализму.

Находки писем, подобные той, о которой мы рассказали, не такая уж редкость. Молодежи полезно внимательнее относиться к семейным архивам и документам, сохранившимся со времен Великой Отечественной войны.

Семья вырабатывает и передает лучшие качества в цепочке поколений, если взрослые ее члены помнят, уважают и высоко чтут достойный пример предков. В этом смысле полноценная трансляция духовно-исторического наследия в его лучших образцах и есть противоядие от эгоизма и материально-денежного накопительства. Семья аккумулирует народные, общенациональные ценности и смыслы. Ее высшая миссия – хранить и без ущерба передавать культурное наследство от дедов и прадедов внукам и правнукам.

Источники и литература

1. Булыгина Т.А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополь: Правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 530–540.
2. Голоса из провинции. Жители Ставрополья в 1941–1964 гг.: сб. док. / отв. сост. В.В. Белоконь. Ставрополь, 2011.
3. Огненные строки: Письма с фронта и на фронт, 1941–1945 / сост. В.А. Водолажская и др.; изд. 2-е, доп. и перераб. Ставрополь, 1985.
4. Огненные строки: Сборник писем (1941–1945 гг.) / сост. В.А. Водолажская и др. Ставрополь, 1975.
5. «Получил Ваше письмо... Победа будет за нами!»: Письма с фронта и на фронт / сост. Н.И. Любимова и др. Ставрополь, 2020.
6. Слава отважным // Красный воин. 1944. № 97. 11 августа.
7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 686196. Д. 782.
8. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7143.
9. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 2821.
10. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3957.

А.Ю. Тимофеев**ИСКУПИТЬ КРОВЬЮ:
БЫВШИЕ СЕРБСКИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ
НА СОВЕТСКОЙ СЛУЖБЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В годы Второй мировой войны в «великом пространстве» (Grossraum) Юго-Востока нацистские аналитики видели свое законное «вспомогательное хозяйственное пространство», откуда было необходимо вытеснить «чуждые этому пространству государства» [15: 22–95]. После оккупации Югославии в апреле 1941 г. ее территория была разделена на несколько частей. На западе было создано Независимое Государство Хорватии, обладавшее полным набором институтов, характерных для самостоятельного государства (армия, университеты, правительство и в том числе министерство иностранных дел с сетью посольств). Это государство стало еще одним союзником рейха в Европе. Приграничные части бывшей Югославии были переданы верным союзникам Германии (Италии, Венгрии, Болгарии и Албании). На востоке страны была создана оккупационная область Сербия, не имевшая ни армии (только полицейские силы и аналоги жандармерии для борьбы с партизанами), ни министерства иностранных дел, ни системы высшего образования. Единственной функцией оккупационного аппарата военно-административной области Сербия было усмирение местного населения для обеспечения максимального извлечения ресурсов [19: 85–104]. Не ограничиваясь эксплуатацией продуктовых, сырьевых, промышленных и финансовых ресурсов, немцы прибегали и к эксплуатации трудовых ресурсов Сербии. С июня 1941 г. началась активная вербовка рабочих в Германию. На работы в Германию приглашались квалифицированные и неквалифицированные рабочие обоего пола, совершеннолетние или несовершеннолетние (старше 16 лет) в случае, если они следовали с родителями. Трудовой день совершеннолетнего рабочего длился 10 часов, причем из собственных средств он должен был заплатить за проживание и питание. После отчисления соответствующих процентов в различные страховые фонда и за пересылку денег, семья неквалифицированного рабочего в Сербии могла получить от своего кормильца около 17 рейхсмарок в неделю. В случае если речь шла

о квалифицированном рабочем, его семья в месяц могла получить до 100 рейхсмарок, а с 1943 г. – до 150 рейхсмарок. Билет в Германию, а также билет для поездки на родину во время ежегодного отпуска оплачивался немецким работодателем. Условия работы в Германии были тяжелыми, питание скудным, заработки неудовлетворительными. Это приводило к тому, что обычно сербские рабочие возвращались на родину и не продолжали ежегодный контракт. Послевоенная сербская историография пришла к выводу, что на работы в Германию съездило около 100 000 сербов, Пиком стал конец 1943 г., когда в Германии работало около 80 000 наемных сербских рабочих, при вербовке которых неизменно соблюдался принцип добровольности. Эта цифра выглядит весьма внушительной, по сравнению с цифрой в 200 000 военнопленных из Сербии, безвозмездно работавших в то время на предприятиях Третьего рейха [4: 64; 15: 263; 1: 316].

В годы Второй мировой войны сербы находились на одной из самых низких ступеней в иерархии народов оккупированной Третьим рейхом Европы. В отличие от соседних и близких по языку хорватов немцы не разрешили сербам создать армию и не формировали сербские части для Восточного фронта. В ходе освобождения Югославии РККА с боями прошла по восточной части страны (т.е. по Сербии) в сентябре – ноябре 1944 г. В это время боевые действия велись против немецких воинских и военно-полицейских формирований, а сербские коллаборационистские части (Сербская державная стража и Сербский добровольческий корпус) участия в боевых действиях не принимали и частично дезертировали, частично были эвакуированы немцами на Запад для использования в борьбе с партизанами [19: 261].

К концу лета 1944 г. сельские/горные районы Сербии находились под контролем местного антикоммунистического движения сопротивления Югославское войско в отечестве (ЮВвО) Д. Михайловича [21: 40–47]. Между двумя группами Сопротивления (четниками и партизанами) в Югославии, как и в Греции, в годы Второй мировой войны шла настоящая гражданская война [17: 136–150]. Узнав о выходе частей РККА на территорию Румынии, руководство ЮВвО отдало приказ командирам частей в восточной Сербии избегать вступления в бой с частями Красной армии (как они ее называли с «русской армией») и попытаться наладить боевое взаимодействие. Эти попытки имели

ограниченные результаты и отдельные локальные соглашения в ходе боевых действий в Крушевце и Чачке. Компромисс имел вынужденный и противоестественный характер, вышедшие из подполья партизанские командиры активно протестовали. Значительная часть рядового состава ЮВВо дезертировала и вступила в формирующиеся партизанские части, а другая часть покинула Сербию и отступила в Боснию для продолжения решающей битвы за судьбу Югославии в послевоенное время [20: 287–301].

Всего в советском плену на 26 июня 1945 г. оказалось 2176 сербов [6: 238]. Кроме определенного числа отфильтрованных на полях войны сербских полицейских и жандармов, среди этих людей собралась пестрая компания. Часть из них были бывшими хорватскими домобранами, которые в плену указали «более выгодную национальность» (таким же образом часть бывших военнослужащих вермахта и немецких союзников в советском плену указало свою национальность как поляки, цыгане и даже евреи, пытаясь таким образом получить некое снисхождение) [6: 1016]. Часть сербов в советском плену были бойцами и офицерами ЮВВо, пытавшимися вступить в переговоры с РККА в Восточной Сербии [18: 280–291]. В плену оказались и участники временной «городской охраны», формировавшейся после освобождения сербских городов службами военной комендатуры для поддержания порядка до подхода в город партизан, сразу же организовавшими собственную гражданскую администрацию. Наиболее задокументирован этот случай был в г. Ягодине. После ухода немцев в городе осталось несколько солдат и офицеров Сербской державной стражи (жандармерии), не желавших уходить из родных мест и отказавшихся эвакуироваться на Запад. Все они сразу же после вхождения частей РККА в город пришли на регистрацию к советскому военному коменданту в звании майора. Последний, расспросив горожан о поведении пришедших, приказал им патрулировать город с белыми повязками на рукавах с надписью «городская охрана». После трех дней патрулирования города в Ягодину вошла партизанская бригада, которая взяла охрану правопорядка на себя. Бывшие военнослужащие «городской охраны» были задержаны и оказались в советском лагере [3: 2]. Стоит при этом отметить, что как незадачливым переговорщикам ЮВВо [12: 126; 9: 378], так и бывшим жандармам несказанно повезло,

что они оказались в советском плену, где жизнь военнопленного охранял строгий, жесткий, но оставлявший шанс на выживание лагерный распорядок. Партизаны, ожесточенные гражданской войной, просто убивали своих политических противников без суда и следствия.

Идея о легализации частей ЮВвО вызвала активное сопротивление руководства Коммунистической партии Югославии (КПЮ). Сопротивление это выражалось не только в кляузах Маршалу Советского Союза Ф.И. Толбухину, командовавшему 3-м Украинским фронтом, но и в бессудных расстрелах, «когда к комдиву 93-й полковнику Салычеву приехали на переговоры два четнических офицера, присутствовавший при этом подполковник, комдив 23-й партизанской дивизии, в упор пристрелил обоих без объяснений при молчаливом неодобрении нашего штаба» [16: 63–64]. Советский плен для большинства четников и военнослужащих сербских коллаборационистских формирований был залогом их выживания [10: 84–124; 12: 130–184]. Уже в августе 1945 г. появился приказ НКВД СССР, в котором было предусмотрено освобождение военнопленных первой категории (чехи, словаки, русины, поляки, сербы, хорваты, словенцы, боснийцы), в количестве свыше 62 тыс. человек [6: 56]. Большинство военнослужащих было выслано из СССР в 1945 г., а оставшиеся – до конца 1946 г.

В советском плену оказалось и определенное количество сербов из Воеводины (северной Сербии), оккупированной в годы Второй мировой войны венграми. Венгры устроили на оккупированных территориях крайне жестокий режим. Проведенный регулярными войсками и полицией Венгрии антипартизанский рейд закончился кровавой резнёй в Новом Саде в январе 1942 г. Сотни сербов и евреев были убиты из огнестрельного оружия, штыками, ножами и сброшены под лед реки Дунай, протекающей через центр города [8]. Будапешт, обеспокоенный возможными демографическими сдвигами, решил перейти к мобилизации на оккупированных югославских территориях. Под жестким давлением со стороны полиции и жандармерии, которое оказывалось на всю семью мобилизуемого, часть сербских юношей, не успевших уклониться от насильственной мобилизации, оказались на фронте. Так как их лояльность была крайне низкой, равно как и желание воевать за венгров, было принято решение о формировании из призванных «трудовых батальонов», не участвовавших в боевых

действиях, не имевших оружия и несших тыловую, строительную и вспомогательную службу.

В результате большая часть этих «трудовых батальонов» пыталась сдать в плен при первой возможности. Именно эти сербсковоеннопленные стали одним из наиболее надежных элементов в 1-й югославской бригаде, сформированной в СССР [14: 240–248; 10; 11; 23]. Большинство ее солдат и офицеров были военнопленными из более многочисленных групп: хорваты из 369-го хорватского полка и словенцы, мобилизованные как новые граждане рейха в вермахт. Символом бригады была не красная звезда, а югославский триколор без звезды. В казармах висели портреты короля Петра Карагеоргиевича, использовались офицерские звания и погоны, запрещенные у партизан как символ классово-армии. Бригада официально праздновала религиозные праздники и организовала торжественный прием советских офицеров на православные Рождество и Пасху. В. Влахович и другие представители КПЮ были страшно возмущены, узнав о том, что в этой югославской части будут использоваться кокарды и погоны по образцу югославской королевской армии, и добились отмены этого решения. Но с тем, что в качестве герба будет использоваться не звезда, а двуглавый орел, представителям КПЮ в Москве всё-таки пришлось согласиться. При обращении к офицерам использовали слово «господин» и офицерское звание; командиры обращались к строю со старым сербским военным приветствием «Помози Бог, юнаци!», в ответ на что строй слаженно и так же традиционно отвечал: «Бог ти помого!»; утром и вечером, как и в королевской довоенной армии, читали молитву [10: 123]. Православная Пасха, по воспоминаниям бывших военнослужащих бригады и архивным материалам, считалась официальным праздником и торжественно отмечалась, несмотря на то что сербы не были в бригаде большинством. Присягу военнослужащие бригады приняли 12 марта 1944 г. четырьмя группами: православные (под руководством майора РККА протоиерея о. Дмитрия Цветкова, ставшего в бригаде референтом по вопросам религии), католики (под руководством капитана дон Анте Вайса, капеллана из состава захваченного в плен 369-го хорватского полка), мусульмане (присягу проводил подпоручик Ахмед Цилимджич, мулла) и самая маленькая группа – атеисты, которыми руководил политрук [10: 85–127; 11: 86–100].

Институт военных священников в югославской бригаде действовал по образцу чехословацких и польских добровольческих формирований [13]. Во внутренних пропагандистских материалах бригады отсутствовала критическая риторика в адрес Д. Михайловича, которого упускали из списка «народных врагов» – Павелича, Рупника и Недича [22: 56; 7].

После прибытия в Югославию бригада внезапно оказалась между двух огней – хорватско-словенское большинство не могло в достаточной мере вдохновиться идеей борьбы против недавних союзников, что вызвало падение боевого духа и появление множества дезертиров и перебежчиков из их рядов. Партизанское руководство сразу же взревновало и начало активно критиковать руководство бригады, «душить» ее снабжение и т.д. [16: 72–73]. После переброски бригады к Чачаку ее включили в состав 23-й дивизии Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), однако сделано это было достаточно формально. Советские офицеры выдвинули на переговорах с четниками предложение об объединении 1-й югославской бригады и корпуса П. Раковича. Но эта задача натолкнулась на непреодолимые сложности. Трудно было «перемостить» различия между четниками и бывшими усташами, между сербами и хорватами, между теми, кто хранил верность королевской присяге пять лет, и теми, кто за это время успел присягнуть еще несколько раз. Да и боевая мораль хорватских и словенских бойцов бригады в сочетании с амбициями офицеров ЮВвО вряд ли могла составить комбинацию, которая могла бы конкурировать с надежными и проверенными в боях союзниками из НОАЮ. В дальнейшем югославская бригада была окончательно влита в состав НОАЮ, что выразилось в передаче контроля над ее кадрами из рук НКВД титовской спецслужбе отделения защиты народа (ОЗНА). После этого, 10–13 ноября 1944 г. в руководстве бригады была проведена чистка, смена командного состава и ликвидация всех «вольностей» [10: 179].

Среди всех сербских коллаборационистов на службе СССР наиболее редкой, пожалуй, является судьба Савы Лесковаца, родившегося в 1922 г. в Новом Саде. Накануне войны он учился на юриста, но после оккупации вернулся в родной город. В октябре 1943 г. он по собственному призыванию «испугался дезертировать» и был мобилизован в трудовой отряд, прикомандированный к венгерской боевой части,

размещавшейся в селе Подполозье в Карпатах на стратегическом шоссе из Львова в Закарпатье. В увольнительных в соседнем селе Подполозье его в январе 1944 г. завербовал советский разведчик, работавший под позывным «Вася». Заданием был сбор информации «о частях немецкой и венгерской армии, их численности, вооружения, направлении движения при проходе по дорогам через Верецкий перевал из Венгрии на южную часть Восточного фронта» [2: 1]. Во время побывки в Новом Саде в мае – июне 1944 г. С. Лесковац был арестован вместе с членами семьи гестапо. Речь шла о доносе, который немцам доказать не удалось, и Сава вернулся в свою часть под присмотр батальонного офицера безопасности. Возвратившийся в Подполозье молодой человек продолжил работу с «Васей», но слежка становилась всё интенсивнее. Оказавшись на грани провала, Сава решил на переход линии фронта. Перед уходом он оповестил письмом семью (брат успел уйти к партизанам, а отец Славко попал в немецкий концлагерь) и взял рекомендательную записку-пароль на кусочке шелка от своего куратора «Васи». Выменяв за собственное золотое кольцо у немецкого солдата письмо и карту местности, Сава двинулся через Карпаты в направлении Станислава (освобожденного от немцев еще 27 июля 1944 г.), чтобы перейти линию фронта. Оказавшись в расположении советских войск, Сава предъявил офицеру Смерша записку от «Васи» и был доставлен в УНКГБ по Станиславской области для допроса о зафронтной деятельности и обстоятельствах выхода. Ему выдали советскую форму без знаков отличия и поселили в пансионат. С ним работал некий капитан госбезопасности Белоусов и еще один старший лейтенант, которые выдали ему деньги, водили в кино и в город, расспрашивали о личной жизни и семейном положении в довоенной Югославии. Общались они на русском и украинском, который Сава знал хорошо после службы в Карпатах.

В начале октября 1944 г. С. Лесковец подписал обязательство о сотрудничестве с НКГБ и получил позывной «Октябрьский». С тех пор он находился в непосредственном подчинении легендарного П. Форманчука и его помощника В. Белоусова. Во главе опергруппы 1-го отдела 4-го управления НКГБ УССР «Волыньцы», заброшенной в область в августе 1943 г., П. Форманчук активно разрабатывал ОУН, а также занимался разведывательно-диверсионной деятельностью в соединениях противника.

С осени 1944 г. он продолжил работу против бандподполья на территории освобожденной Западной Украины. в рамках группы НКГБ, легендированной под боёвку ОУН, в соответствии с практикой, применявшейся в то время для выявления сети сторонников бандподполья [5]. Форманчук приказал сдать личные документы (фотографии и зачетку юрфака) и выдал Сава несколько сотен рублей, документы и брошюры для ознакомления с организацией украинских националистических банд Степана Бандеры.

В начале зимы 1944/1945 г. Сава начал свою деятельность в отряде капитана Форманчука, который «специализировался на борьбе с украинскими националистическими бандами». Проявивший беззаветную преданность делу, оперативную смекалку и хорошую физическую форму, Сава с конца февраля 1945 г. руководил деятельностью опергруппы в полевых условиях, замещая отбывшего в Станиславский УНКГБ П. Форманчука. В отряд входили 20 молодых оперативников, в основном украинцев, некоторые из них ранее были активными бандеровцами, а также две девушки (санитарка и радистка) и шофер с грузовым автотранспортом. «Задача отряда состояла в том, чтобы разбить политическую организацию бандеровцев, лишить бандеровцев вооруженных отрядов, лишить их поддержки поставляющего их населения» в сотрудничестве с деятельностью войсковых сил. Они «действовали исключительно ночью (днем находились в райцентрах, где стояли советские гарнизоны), разделившись на группы по 4–8 человек, переодевшись бандеровцами, ходили по селам, связывались с бандеровцами местными, политическими деятелями, их хватали (под видом СБ ОУН якобы по подозрению в сотрудничестве с Советами)» или выявляли их и предоставляли задержание официальным органам госбезопасности [2: 2–3].

Главной трудностью в этой работе было установление начальной связи с организацией. Действия отряда зависели от конкретной ситуации, с которой знакомились по сетям и каналам НКГБ на местах. Основным условием успеха была скрытность и внезапность. Отряд внес значительный вклад в практически полную ликвидацию крупных местных бандеровских вооруженных формирований к июню – июлю 1945 г. и был расформирован в августе 1945 г., а самого С. Лесковца представили к государственной награде и на заседании станиславского месткома комсомола приняли в комсомол 10 сентября 1945 г., выдав

ему комсомольский билет с номером 26 660 300. Его уговаривали остаться и предлагали поехать учиться в Москву на юридический факультет. Однако Саву тянуло к родным. В конце октября 1944 г. ему вернули личные фотографии и зачетку, выдали справку об участии в боевых действиях против бандеровцев и отправили его 31 октября поездом в Новый Сад, куда он и добрался 18 ноября 1945 г.

В 1946–1947 гг. Сава несколько раз писал своим боевым товарищам – капитану Белоусову и майору Форманчуку, но ответа от них не получил. В переписку с ним вступила лишь бывшая радистка отряда, молоденькая Тамара Дмитриева, но и эта переписка личного характера оборвалась в 1947 г. На память о службе осталась лишь справка, выданная 18 сентября 1945 г. областным УНКГБ [2: 3–4].

Сербские коллаборационисты в трудовых частях венгерской армии на Восточном фронте и в полицейских формированиях на территории самой Сербии, несомненно, вносили общий вклад в военные усилия рейха. В то же время упоминаний о боевых действиях против РККА или советских тыловых структур со стороны сербских коллаборационистов или бойцов антикоммунистического движения сопротивления (ЮВВО) в архивах частей и соединений 3-го Украинского фронта, действовавших на территории Сербии, нет. Не только сербские партизаны, но и «перековавшиеся» сербские коллаборационисты стремились на заключительном этапе войны присоединиться к армии победителей или, по крайней мере, скрыться от нее.

Источники и литература

1. *Алексић Д.* Привреда Србије у Другом светском рату. Београд, 2002.
2. Архив Србије (далее – АС). Ф. БИА. Д. III-47. Изјава Лесковац Саве (Славка), 3. априла 1951.
3. АС. Ф. БИА. Д. V-60. Записник о саслушању окривљеног Даниловића М. Живојина, 7. септембра 1949.
4. *Борковић М.* Контрареволуција у Србији. Квислиншка управа 1941–1944, књ. 2. Београд, 1979.
5. *Веденеев Д., Колпакиди А., Чертопруд С.* Разведка Судоплатова. Зафронтная диверсионная работа НКВД – НКГБ в 1941–1945 гг. М., 2015.
6. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М.М. Загорюлько. М., 2000.

7. Војни архив. Ф. ПА. Д. 791. Бр. 37-3.
8. Голубовић З. Рација у Јужној Бачкој 1942. године. Нови Сад, 1992.
9. Зборник НОР. Т. XIV књ.4. Београд, 1985.
10. Лончаревић Ђ. Специјална мисија. Београд, 1991.
11. Паунић Ж. Сећања на ратне дане 1941–1945. Нови Сад, 1997.
12. Пилетић В. Судбина српског официра. Крагујевац, 2002.
13. Поплавский С.Г. Товарищи в борьбе. М., 1974.
14. Поповић Н. Југословенско-совјетски односи у Другом светском рату (1941–1945). Београд, 1988.
15. Ристовић М. Немачки «нови поредак» и југоисточна Европа: 1940/41–1944/45: планови о будућности и пракса. Београд, 1991.
16. Слуцкий Б. Записки о войне // О других и о себе. М., 2005. С. 17–162.
17. Тимофеев А.Ю. Корни исторического ревизионизма и сохранение исторической памяти о гражданской войне 1941–1945 гг. в современной Сербии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 5. С. 136–150.
18. Тимофеев А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010.
19. Тимофеев А.Ю. Сербские союзники Гитлера. М., 2011.
20. Тимофеев А.Ю. Четники. Королевская армия. М., 2012.
21. Тимофеев А.Ю., Тасич Д., Драгишич О. Война после войны. Движение сопротивления на Балканах 1945–1953 гг. М., 2020.
22. Убијени људски обзири. Злочинства црвеноармејаца у Југославији. Сарајево, 1953.
23. Vojna pot brigad, ustanovljenih v ZSSR. Maribor, 1984

И.Л. Жеребцов

**«МЫ МЕЧТАЛИ, КАК ВДОВОЛЬ НАЕДИМСЯ ХЛЕБА»:
К ВОПРОСУ О ПИТАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ТЫЛОВОГО ГОРОДА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Истории Коми Республики периода Великой Отечественной войны посвящено значительное количество публикаций [1–4; 6; 16–17; 19–25 и др.]. Основное внимание в них уделено перестройке экономики на военный лад и подвигам жителей региона на фронтах. Повседневная жизнь людей военного времени почти не исследовалась. В данной

работе на материалах воспоминаний жителей г. Сыктывкара и местной периодической печати рассматривается вопрос о питании горожан в годы Великой Отечественной войны.

В начале 1940-х гг. быт сыктывкарцев должен был заметно измениться к лучшему, повседневная жизнь горожанина – сделаться более комфортной. В 1941 г. из государственного бюджета были выделены средства на строительство в Сыктывкаре колбасно-холодильного цеха мясокомбината, молочного завода с цехом для производства мороженого, нового хлебозавода... Горисполком в первом полугодии 1941 г. обсуждал развитие пчеловодства в сыктывкарских колхозах (три пасеки, с которых планировали собрать 1725 кг меда), ежедневный выпуск (летом) более 10 тыс. л прохладительных напитков [9: 3, 5; 10: 36–37; 19: 394]. Все эти планы рухнули с началом войны.

Сыктывкарка Р.М. Леванова вспоминала: «С первых же дней войны возникла проблема с продуктами. Опять началось стояние в очередях, беготня по магазинам, только более энергичная: нужно было запастись крупой, сахаром, мылом. Во время войны мыло тоже было дефицитом. А стирального порошка тогда вообще не было» [11: 220]. В первую военную осень собранный в сельских районах урожай реализовывался на осенней ярмарке. Для доставки продуктов в город колхозникам предоставлялся бесплатный речной и автомобильный транспорт, поставщикам выделялись промышленные товары широкого потребления, дополнительные склады и торговые помещения [8].

Для экономии продуктов на предприятиях пищевой промышленности внедрялись различные рационализаторские предложения. На Сыктывкарском хлебозаводе, например, в целях экономии по предложению главного инженера Заостровского стали выпекать менее калорийный хлеб («Качество дрожжей от этого не только не пострадало, а, наоборот, улучшилось. Вкусовые, подъемные и ароматические качества стали выше» [15]), а для смазки форм вместо масла с 16 марта 1942 г. использовали специальную эмульсию. «Рецептура эмульсии, предложенная “Росглавхлебом”, несколько изменена инженером Заостровским. В результате применения эмульсии комбинат ежедневно экономит по 8–9 кг масла», – сообщала газета «За новый Север» [15]. «Уполномоченный главной хлебной инспекции тов. Вдовченко сконструировал барабан для глазировки пряников. Применение

этого барабана значительно облегчило труд рабочих, поднялась также и производительность труда» [15].

Жителям города власти выделяли пустующие земли под индивидуальные огороды (до 200 кв. м). Происходили и самозахваты земли (жители улицы Береговой сажали картофель на клумбах в парке культуры). Дырносский кирпичный завод, Республиканская ветеринарно-бактериологическая лаборатория и другие предприятия и организации организовывали подсобные хозяйства, чтобы помочь своим работникам с продовольствием [26].

В летний период питание горожан было лучше за счет даров леса – грибов и ягод. Газета «За новый Север» 28 июня 1942 г. призывала «организовать сбор грибов», приводя в пример «сотни трудящихся города Сыктывкара», которые «в выходной и последующие дни коллективно и индивидуально ходили в лес за грибами. ... Группа сотрудников НКВД Коми АССР также привезла большое количество грибов» [13].

Семьям фронтовиков выделяли семенной материал (не картофель, а пророщенные ростки) и пособие (по числу нетрудоспособных и малолетних) в размере от 100 до 200 рублей. Инвалидов войны, вернувшихся в Сыктывкар с фронта, закрепляли за столовыми, где их обеспечивали горячими обедами. Однако не всё обстояло гладко. Газета «За новый Север» в 1943 г. критиковала работу столовой № 6: «В столовой с утра и до вечера толкуются посторонние лица, не имеющие к ней никакого отношения. В зале грязь, в воздухе плавают облака табачного дыма. Меню однообразно, кушанья приготовлены плохо. Официантки невнимательны к столующимся. Полагающийся стакан чая они часто забывают подать к столу. Столовая почему-то отпускает хлеб на вынос, а под вечер столующиеся в ней раненные бывают вынуждены идти в магазин, чтобы купить себе хлеба к обеду» [27].

Все остальные горожане получали продовольствие по карточкам в специально отведенных для этого хлебных магазинах. Р.М. Леванова рассказывала: «Прошло немного времени, и продукты исчезли с полок магазинов. Начался поход с судками по столовым. Но настал день, когда в столовой “Октябрь”, куда мы ходили за скромным обедом, кроме перлового супа и перловой каши, ничего не было. В связи с этим событием кто-то сочинил каламбур: суп перловый, каша перловая и сам директор перловый. В столовой стали давать обеды только по талонам

(прямо на предприятиях для работающих на них). Можешь обед съесть сам, можешь поделиться с близкими: отнести им половину порции. Обед состоял из трех блюд: суп, каша, часто пшенная, стакан сладкого чая или компота из сухофруктов. Пшенная каша варилась на воде, но в каждой порции была ложка растительного масла. Она казалась нам очень вкусной. Об этом и сейчас вспоминают мои сверстники. С первых же месяцев войны хлеб стали выдавать по карточкам. Дети до 12 лет включительно получали по 400 граммов хлеба в день, старше 12 лет – по 300 гр. Они считались иждивенцами. Если бы были другие продукты, кроме хлеба, 400–300 гр. вполне хватало. Но никаких продуктов в магазине не продавали» [11: 220].

Школы и другие учебные заведения в решении вопроса с горячими обедами были переведены на самообеспечение за счет своих приусадебных участков. «Коллектив школы заботливо ухаживает за школьным земельным участком. На площади в 1800 квадратных метров выращиваются картофель, капуста, морковь. Зимой ребята будут обеспечены горячим завтраком», – радовалась за учащихся школы № 12 газета «За новый Север» [5].

Школьников, работавших на городских предприятиях, подкармливали в тамошних столовых, в колхозах выдавали продукты. Сыктывкарка С.В. Жеребцова рассказывала: «В 1942 и 1943 годах по решению Коми обкома ВКП(б) нас, школьников 8–9-х классов, с мая до конца сентября мобилизовали на лесосплавные работы в Трехозерную запань под Сыктывкаром. Там мы, шестнадцатилетние девчонки, заменили рабочих-мужчин, ушедших на фронт. <...> Кормили нас, как рабочих, в сплавной столовой. Меню было незатейливое: суп (водичка с капустой), овсяная, перловая, иногда пшенная каша с кружочком постного масла посредине, морковный чай без сахара (или с сахарином) или компот из сухофруктов, маленький ломтик черного хлеба. Порой с кашей давали рыбу. Иногда готовили кашу из муки. Те, кто сильно голодал, в выходной день специально приходили в Трехозерку из города, чтобы поесть – еда оставалась, поскольку рабочих в этот день было меньше. Из дому брали мы несколько вареных картофелин либо пареной репы, но обычно по дороге всё съедали» [7: 172–173].

Р.М. Леванова вспоминала: «В колхозе нас подкармливали: на обед давали похлёбку и кружку молока. Ели без хлеба, т.к. он выдавался

только по карточкам. В те годы с работниками колхоза рассчитывались не деньгами, а натурой. На заработанные трудодни выдавали те продукты, которые производил колхоз. В основном это были овощи и зерно. За все годы работы в колхозе нам дали один раз овощи, второй раз – молоко, третий раз – зерно. Кажется, это была рожь. Я получила 10 литров молока и почти полмешка зерна. Молоко дали летом. За ним пришлось идти за несколько километров, в Заречье, где паслись коровы. Туда мы ходили с мамой: одна бы я не донесла ведро молока. А зерно мы решили смолотить на мельнице. Однажды зимой с одноклассницей Ниной Боярченко, положив мешки на санки, мы отправились в Нижний Чов на мельницу, пройдя нелегкий путь туда и обратно» [11: 221].

С.В. Жеребцова вспоминала городскую «хлебную лавку»: «Там по карточкам выдавался хлеб: в сутки 400 грамм черного работающим и 300 грамм – детям и прочим “иждивенцам”; других продуктов не было. Нам с мамой этого вполне хватало (помогал “второй хлеб” – картофель), и поэтому я изредка даже позволяла себе “экономить” на хлебе и обменивала свой хлебный талон на красивые “заграничные” или старинные открытки, которые продавали на рынке (он находился на углу Первомайской и Коммунистической улиц) высланные литовцы, латыши, поляки и немцы. Одни мамин талон (на 400 грамм хлеба) я обменяла на прекрасное довоенное издание книги Дюма “Три мушкетера”. Белый хлеб выдавали только военнослужащим, мы его (как и сахар) не видели. За всю войну мне только один раз на пути из Княжпогоста в Сыктывкар удалось поесть досыта белого хлеба и сахарного песка благодаря щедрости моего случайного попутчика моряка Алеши» [7: 178–179]. Также С.В. Жеребцова рассказывала о том, что ее мать как врач и военнообязанная получала банку американской тушенки или 0,5 кг конской колбасы, 200 г рыбьего жира и американский сахарин. На еду в военные годы приходилось менять купленные до войны одежду и ткани. Жительница Сыктывкара описывала блюда военной кухни: капусту с картошкой и рыбьим жиром, которая «считалась чуть ли не царской едой», компот из сушеной репы или брюквы, чай из сушеной моркови. «Молоко покупали у частных по 120 рублей за полтора-двухлитровую кринку. Очень выручали нас дары леса: грибы и ягоды. Черника и брусника спасали от авитаминоза.

Никаких фруктов в Сыктывкаре мы не видели. Арбузы и яблоки были экзотикой. Но мы с мамой всё же жили относительно неплохо, не голодали (я уже рассказывала, что даже меняла хлебные талоны). Многим приходилось гораздо хуже. Мой будущий муж, Любомир Жеребцов, вспоминал позднее, что его мать стряпала лепешки из картофельной шелухи» [7: 179].

Сыктывкарка Р.Л. Попова тоже помнила про подобные «блюда»: «Дома у нас тоже было холодно, да еще и голодно – ведь нормы питания по карточкам были маленькие. Пойдешь бывало в магазин за хлебом, несешь небольшую часть буханки черного хлеба и думаешь только, как бы съесть хоть небольшой кусочек. Да нельзя... дома ждут такие же полуголодные мама и сестра. Всю войну я мечтала о том времени, когда можно будет поесть досыта хлеба! Вспоминается мне такой случай. Однажды моя преподавательница истории средних веков Михайлова Клавдия Георгиевна пригласила меня на ужин, сказав, что у нее сегодня будут котлеты из картофельных очистков, которые ей дали в институтской столовой. Я, конечно, пошла к ней, мы ели котлеты вместе с ее детьми и похваливали. Представьте, котлеты из очистков были очень вкусные!» [14: 111].

Р.М. Леванова рассказывала: «Во время Отечественной войны нам, как и всем людям, жившим в тылу, пришлось пройти через самое тяжелое испытание – испытание голодом. Не месяцы, а годы мы ежедневно испытывали чувство голода. Нам постоянно хотелось есть. Мы мечтали о том счастливом дне, когда вдоволь наедемся хлеба, напьемся сладкого чая. Мы мечтали не о каких-то деликатесах, а всего лишь о хлебе! Вспоминаю свое каждодневное меню в самые тяжелые годы войны – 1942–1943 гг. Утром уходила в школу без завтрака, так как есть было нечего. В школе на большой перемене давали полсайки, которая моментально съедалась всухомятку. После школы шла в магазин и покупала хлеб. Свой пай тоже моментально съедала. Вечером приходила с работы мама и приносила для меня полпорции овощного супа. Он был сварен из картошки и часто мерзлой капусты. На ужин варили картошку или запекали ее в печке. В другом виде картошку приготовить было невозможно, так как не было ни молока, ни масла. Правда, кто был непривередливым, жарил картошку на рыбьем жире, который продавался в аптеке. Почему картошку варили вечером?

Электрических плиток тогда в Сыктывкаре не было. Они появились позже. А печку топили один раз в сутки: нужно было экономить дрова, которые доставались дорогой ценой» [11: 222].

«Однажды к какому-то большому празднику выдали по карточкам полкилограмма селедки на каждого члена семьи. Это радостное событие осталось в памяти на всю жизнь. С 1944 г. время от времени нас стали снабжать американской тушенкой. Когда получили первую банку тушенки, мы с мамой устроили “королевский обед”: потушили с ней картошку и сразу съели половину кастрюли. Ведь одна картошка уже надоела, а с тушенкой она была очень вкусной. Такое тоже не забывается. В военные годы людей спасала картошка, которую называли вторым хлебом. Картошку садили почти все горожане. Иначе бы они не выжили. Не у всех были свои огороды, поэтому разделявали целину, кто где мог. Мы разработали участок земли возле железнодорожной насыпи. Поезда тогда еще не ходили. К сожалению, весной картошка кончилась. Тогда начался настоящий голод. Люди ели кору деревьев, щавель, крапиву, клевер и т.д. Весной, когда растает снег, на колхозных полях собирали полусгнившую, мерзлую картошку и пекли из нее оладьи, так как ее нельзя было варить: она была жидкой. Был еще один выход, чтобы не умереть с голоду: горожане шли в Кочпон, Чит, Вильгорт и разменивали на картошку часто самим нужные вещи. Мы разменяли швейную машину и еще кое-что из одежды» [12: 116].

Двадцатидвухлетняя М.Я. Суркина, эвакуированная в Сыктывкар в декабре 1942 г. из Ленинграда (где во время блокады «потеряла семью семь человек, мужа, полуторагодовалую дочь. Сама голодала, получала по 250 грамм в день»), писала в сыктывкарский военкомат: «Здесь в Сыктывкаре я встретилась с вторичным голодом, только хлеба я получала 600 грамм и больше ничего» [4: 144]. Семью Антиповых эвакуировали в Сыктывкар из Ленинградской области в 1941 г. Восьмиклассник Валентин Антипов в 1943 г. писал в городской военкомат: «Пятеро человек – мы на материнском иждивении и не может нас прокормить так, как надо. Мы живем очень плохо, одеть и обувь у нас нечего и желаю поступить в военную школу» [4: 144].

Только в конце войны ситуация несколько улучшилась и началась подготовка к возведению планировавшихся еще на 1941 г. объектов

пищевой промышленности. 25 октября 1944 г. газета «За новый Север» рапортовала: «В Сыктывкаре ведутся подготовительные работы к строительству механизированного хлебозавода мощностью 25 тонн хлебо-булочных изделий в сутки. При заводе будет оборудован макаронный цех. Нынешнее помещение хлебокомбината будет переоборудовано под кондитерскую фабрику» [18]. Однако отсутствие денег оттянуло введение в строй абсолютного большинства объектов более чем на десятилетие...

Источники и литература

1. 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Республика Коми в годы Великой Отечественной войны): мат-лы науч. конф. (г. Сыктывкар, 4–5 апр. 1995 г.). Сыктывкар, 1995.
2. Александров А.Н. Звезды отважных. Сыктывкар, 1991.
3. Бой ведет Невельская. Говорят ветераны 28-й стрелковой дивизии. Сыктывкар, 1981.
4. Боле Е.Н., Сметанин А.Ф. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 (на мат-лах Коми АССР). Сыктывкар, 2005.
5. Готовить школы к учебному году // За новый Север. 1944. 15 августа. С. 2.
6. Жеребцов И.Л. Проблемы индустриализации тыловых районов в годы войны (по материалам Коми АССР) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: мат-лы Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону; Таганрог, 28–29 апр. 2010 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2010. С. 91–94.
7. Жеребцова С.В. Своими глазами (зарисовки из жизни сыктывкарцев в военные годы) // Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX века. Сыктывкар, 2004. С. 171–179.
8. Зыков В. Осенний колхозный базар // За новый Север. 1941. 23 октября. С. 2.
9. Колегов Б.Р. Странная страна: Город Сыктывкар и его обитатели на страницах газеты «За новый Север». Сыктывкар, 2020. Ч. 2. 1941–1954 гг.
10. Лахтионова Т.И. Условия жизни населения города Сыктывкара в годы Великой Отечественной войны (по документам Национального

- архива Республики Коми) // Защита Отечества: история и современность: мат-лы науч.-практ. конф., посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сыктывкар, 2001. С. 36–44.
11. Леванова Р.М. Калейдоскоп жизни. (Воспоминания о Великой Отечественной войне) // Страницы истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (Тр. Коми отд. Академии военно-исторических наук (АВИН). Вып. 4) / отв. ред., сост. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2005. С. 214–228.
  12. Леванова Р.М. Мои воспоминания о Великой Отечественной войне // Повседневная жизнь Коми края. Вып. 2 / 2-е изд., доп. Сыктывкар, 2010. С. 105–118.
  13. Организовать сбор грибов // За новый Север. 1942. 27 июня. С. 2.
  14. Попова Р.Л. Из жизни семей служащих в годы войны // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2006. Вып. 1. С. 104–113.
  15. Рационализаторские мероприятия на хлебокомбинате // За новый Север. 1942. 28 марта. С. 2.
  16. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны (по материалам Коми АССР): сб. ст. / отв. ред. М.В. Таскаев. Сыктывкар, 2010.
  17. Страницы истории Великой Отечественной войны (1941–1945). (Тр. Коми отд. АВИН. Вып. 4) / отв. ред., сост. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2005.
  18. Строительство механизированного хлебозавода // За новый Север. 1944. 25 октября. С. 2.
  19. Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки). Сыктывкар, 2020.
  20. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Коми АССР в годы Второй мировой войны: хроника событий (1941–1942) // Тр. Коми отд. АВИН. Сыктывкар, 2009. Вып. 7. С. 79–97.
  21. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Коми АССР в годы Второй мировой войны (1943 г.) // Тр. Коми отд. АВИН. Сыктывкар; Вологда, 2012. Вып. 8. С. 153–163.
  22. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Коми АССР в годы Второй мировой войны (1944–1945 гг.) // Тр. Коми отд. АВИН. Сыктывкар; Вологда, 2012. Вып. 9. С. 205–229.
  23. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Коми ученые-гуманитарии – участники Великой Отечественной войны // Арт. 2015. № 2. С. 119–128.
  24. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л., Колегов Б.Р. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: хроника событий // Советский тыл в годы

- Великой Отечественной войны (по мат-лам Коми АССР). Сыктывкар, 2010. С. 168–222.
25. Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX века (Тр. Коми отд. АВИН. Вып. 2) / отв. ред., сост. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2004.
  26. Цивилева А. Каждому работнику – свой огород // За новый Север. 1942. 4 июня. С. 2.
  27. Шкрябин Л. Навести порядок в столовой № 6 // За новый Север. 1943. 6 августа. С. 2.

И.В. Карташев

УЧРЕЖДЕНИЯ ШКОЛЬНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ ТЕРРИТОРИИ СССР

Несмотря на прошедшие после окончания Великой Отечественной войны десятилетия, ее события и результаты продолжают привлекать внимание специалистов. Некоторые из происходивших процессов требуют переосмысления, другие предполагают более тщательное их исследование. Дополнительной проработке подлежат отдельные аспекты взаимодействия советского населения с германскими властями в период оккупации территории СССР. К ним относятся и вопросы, связанные с политикой оккупантов в сфере образования, особенностями деятельности в захваченных врагом регионах учреждений школьного и профессионального образования.

К началу войны становление советской системы образования фактически было завершено. В 1940/1941 учебном году в СССР действовало около 199 тыс. общеобразовательных школ, в которых обучалось более 35,5 млн детей. К этому времени было введено обязательное всеобщее обучение: в сельской местности в объеме 4-летней, в городах и рабочих поселках – в объеме 7-летней школы [2: 81]. Интенсивными темпами развивалась и система профессионального образования. В стране насчитывалось 3773 заведений среднего профессионального образования, в которых обучалось 974,8 тыс. учащихся, а также 817 высших учебных заведений, в которых обучались 811,7 тыс. студентов [3: 406]. Ежегодный выпуск из средних специальных учебных

заведений составлял 226 тыс. специалистов, из высших учебных заведений – 109,3 тыс. специалистов [17: 670, 688].

Нападение Германии на Советский Союз поставило под угрозу функционирование более 1000 средних специальных и 250 высших учебных заведений. Провести их эвакуацию в тыловые районы удалось далеко не во всех случаях. Среди эвакуированных учреждений было лишь 147 институтов и университетов [22: 33]. Большинство учебных заведений, в том числе учреждения школьного образования, остались на занятой врагом территории.

Рассчитывая на быструю победу, гитлеровское руководство не занималось глубокой проработкой вопросов социальной политики в отношении населения захваченных районов СССР. Обучение «ненемецкого населения» простому счету, умению расписываться, старанию и послушанию предлагалось осуществлять в 4-классных народных школах. Население должно было представлять собой «лишенную руководителей массу рабочей силы», способную трудиться в интересах Германии [5: 89].

С переходом войны в затяжную фазу оккупанты, вынужденные корректировать свою политику, пытались поставить систему образования на службу Германии, оказывая максимальное идеологическое воздействие на молодежь. В Пятигорске комендант указывал учителям, что необходимо «выкорчевывать из детских голов все советское», воспитывая ученика, «готового своим трудом отблагодарить фюрера» [7: 35]. Возобновление работы учебных заведений способствовало и повышению доверия населения к оккупантам. При этом молодые люди получали минимальные знания для выполнения требуемой работы и, находясь под присмотром, не пополняли ряды антисоциальных и опасных для немецких властей элементов.

Наиболее быстро изменения проявились в отношении учреждений школьного образования. В рейхскомиссариате «Остланд» уже осенью 1941 г. были открыты латышские, литовские и эстонские, а к концу года – и некоторые русские школы. Попытка введения обязательного школьного обучения для детей в возрасте от 7 до 14 лет была предпринята в Белоруссии. К концу 1941/42 учебного года на территории генерального округа «Беларусь» было открыто 3485 школ, в которых училось 346 тыс. учеников и работало 9716 учителей. В Минске

из действовавших до войны 49 школ работало лишь 12, в которых обучалось 6 тыс. детей [15: 41–42]. В целом же количество школ приближалось к показателям довоенного времени, но все они имели статус 4-классных начальных [23: 75–76], в то время как в прибалтийских республиках открылся и ряд средних школ.

Противоречивой была политика в сфере образования на территории рейхскомиссариата «Украина». Здесь в течение оккупации продолжался конфликт министерства оккупированных восточных областей во главе с А. Розенбергом и аппарата рейхскомиссара Украины Э. Коха. Ведомство Розенберга доверило решение ряда вопросов украинским гражданским администрациям, тесно связанным с националистическими организациями. В это время по инициативе местных общин открылось много образовательных учреждений. Ситуация начала меняться к концу 1941 г. Продолжая считать одной из главных целей борьбу с «большевистским наследием», оккупанты старались не допустить формирования местной национальной интеллигенции – «носителя нежелательных стремлений» [6: 62].

Учебный и воспитательный процесс в школах был направлен на онемечивание детей, прививание им послушания и трудолюбия. Осуществив выборочную проверку работы школ и оставшись в целом довольным ее результатами, 31 августа 1942 г. Кох, тем не менее, приказал закрыть все школы за исключением 4-летних народных и профессиональных. Во многих случаях открытые ранее с согласия Розенберга заведения продолжали свою работу. Но 24 октября 1942 г. Кох потребовал закрыть все школы, кроме 4-классных, и то с некоторыми оговорками. В Киеве, где в 57 школах обучалось 14 тыс. детей, на некоторое время закрылись все школы. Закрытие учебных заведений, снижение ряда качественных показателей, что наглядно демонстрируют, например, данные по Винницкой области, свидетельствуют о деградации системы школьного образования [9: 558–565].

Организованное открытие школ в оккупированных районах РСФСР началось после поражения германских войск под Москвой. В Орловской области первыми открылись начальные школы. К концу 1942 г. к обучению стали привлекать и более старших детей, так как трудовая повинность распространялась на подростков, начиная

с 14-летнего возраста. С декабря 1942 г. было разрешено открытие 7-летних школ, разрешалось обучение в 8-м классе, где вводились практические занятия [20: 93–94]. Открытие 7-летних школ началось и в оккупированном Брянске [24]. После принятия решения об обязательном посещении детьми начальных школ за пропуски занятий в отношении их родителей были введены штрафы. В большинстве районов РСФСР они составляли 100 руб., в Локотском округе – до 500 руб., в Белоруссии – до 1000 руб. Если и после штрафа родители препятствовали посещению школ детьми, они могли быть арестованы. Обеспечение деятельности учебных заведений возлагалось на созданные в составе большинства гражданских администраций отделы образования (отделы просвещения). Инспектора отделов контролировали состояние школ, сохранность имущества, укомплектование учителями, принимали участие в составлении учебных планов и программ, проверяли содержание учебников.

Подавляющее большинство школ были начальными. Меньшую часть составляли 7-летние школы, и совсем незначительное количество относилось к категории гимназий. В Харькове в августе 1942 г. действовали 2 гимназии [21: 141], также 2 гимназии открылись в Ржеве. Наибольшая их часть была открыта на Ставрополье – 15, преимущественно – в Кисловодске [7: 36]. При этом «курортному хозяйству освобожденного Кавказа» оккупанты уже в ближайшем будущем обещали «блестящие перспективы» [18: 2].

Финансирование учреждений образования осуществлялось из бюджетов управ, формировавшихся за счет отчислений предприятий и местных жителей, платы за обучение и штрафов за непосещение школ. Плата, в отличие от практики советского времени, была введена в отношении всех учреждений образования, в том числе начальных школ. Стоимость обучения в сельской местности составляла в 1-м классе 20, во 2-м – 30, в 3-м – 40, в 4-м – 50 рублей в месяц [16: 328]. Плата за обучение в гимназии составляла 300 рублей в год. Немалыми были и штрафы. В Брасовской волости Локотского округа в декабре 1942 г. за непосещение детьми школ было оштрафовано 45 семей на сумму 500 рублей каждая.

Единой школьной программы в подвергшихся оккупации районах не было. Учебные программы, как правило, составлялись

соответствующими отделами местных управ и утверждались немецким комендантом. Количество преподаваемых в школах предметов сократилось. На территории России программа начального образования, как правило, включала не более 7 дисциплин: русский язык, немецкий язык, арифметика, география, естествознание, труд или рукоделие, физкультура. Почасовая нагрузка была различной, возрастая в старших классах. В 7-летних школах к числу изучаемых предметов могли добавляться физика, химия, география [8: 72, 81]. На большинстве территорий вводилось преподавание Закона Божьего.

Несколько иная ситуация сложилась с функционированием учреждений профессионального образования. В отличие от начальных школ возможность подготовки на захваченных территориях специалистов различной направленности в техникумах и вузах первоначально даже не обсуждалась. Тем не менее, в оккупированных регионах действовали десятки учреждений профессионального образования. Провал блицкрига, трансформация оккупационной политики предопределили изменение отношения к вопросу подготовки кадров в разных отраслях хозяйства.

Продолжил свою работу с началом оккупации ряд учреждений профессионального образования в Литве, Латвии и Эстонии. В университете Вильнюса германские власти изменили программы обучения и уволили 98 «неблагонадежных» в политическом отношении и «расово неполноценных» сотрудников. В июне 1942 г. были запрещены выдача дипломов, защита диссертаций и присвоение ученых степеней. Статус вуза был понижен: он стал специальной школой, готовящей кадры для учреждений самоуправления, а ряд факультетов закрыт. Учебу продолжили учащиеся старших курсов нескольких специальностей. В марте 1943 г. работа вуза была прекращена [11: 151]. Одновременно был закрыт и университет в Каунасе. С началом оккупации он был переименован в университет Витаутаса Великого и имел в своем составе 5 факультетов. В Каунасе в период оккупации осуществляла выпуск учащихся Ветеринарная академия.

В Риге в период оккупации действовал Латвийский университет, переименованный властями в Рижский. Сотрудники-евреи были уничтожены нацистами, язык преподавания заменен на немецкий, а в число дисциплин включены предметы, связанные с историей

и развитием Германии. При отступлении немцев с ними выехало более половины преподавателей.

Университет в Тарту, несмотря на уничтожение нацистами ряда преподавателей, с началом оккупации продолжил работу. После заявления властей о закрытии высших учебных заведений республики университет был реорганизован. Но, несмотря на сложности оккупационного периода, учебное заведение функционировало вплоть до марта 1944 г. С приближением фронта вуз был закрыт и эвакуирован в Кенигсберг [1: 81–83].

Будущее Украины, по мнению Розенберга, не должно было тесно связываться с будущим России. Она должна была стать для Германии основной житницей и источником рабочей силы. При этом Украина могла прирасти территориями за счет России и даже получить некий относительно самостоятельный статус, став буферной зоной между цивилизованным и варварским миром. В планах Розенберга было открытие университетов и технических школ в ряде украинских городов. Сопровождаться подобное переустройство должно было пропагандой немецкой культуры, вытеснением русского языка, поддержкой националистических устремлений. Отчасти эти планы удалось реализовать. Свою роль в открытии учреждений профессионального образования, особенно в первые месяцы оккупации, играли «украинские патриотические силы». В Житомире и Виннице, Черкассах и Умани были открыты педагогические институты. В Днепропетровске начали работу университет и транспортный институт. Инициаторами возобновления функционирования учебных заведений во многом были местные активисты, в то время как германские власти на первых порах не проявляли к их деятельности большого внимания. Это способствовало проникновению в учреждения профессионального образования «украинского национального элемента» [6: 64].

Несмотря на эвакуацию Киевского и Харьковского университетов и образование в городе Кзыл-Орда объединенного вуза, с началом оккупации была предпринята попытка наладить работу университета в оккупированном Киеве. Его ректором стал профессор К.Ф. Штеппа, возглавлявший отдел народного образования в управе Киева. Позднее он был редактором в газетах местных коллаборантов, а при отступлении немцев выехал вместе с ними.

Однако, как уже отмечалось выше, с переходом войны в затяжную фазу оккупантами в конце 1941 – начале 1942 г. были очерчены контуры политики в сфере образования. Многие из открывшихся ранее образовательных учреждений были закрыты. В то же время в период с января по октябрь 1942 г. практически во всех 6 генеральных округах рейхскомиссариата «Украина» действовали промышленные и сельскохозяйственные школы и техникумы, ремесленные курсы, медицинские учебные заведения. Основанием для продолжения их работы послужило распоряжение А. Розенберга от 21 января 1942 г., требовавшее закрытия всех учебных заведений, за исключением тех, которые занимались подготовкой кадров по техническим, сельскохозяйственным, медицинским и ветеринарным специальностям. В октябре 1942 г. рейхскомиссар Украины Э. Кох своим приказом запретил обучение молодым людям в возрасте от 15 лет, подлежащим трудовой мобилизации и отправке в Германию. Это положило начало процессу массового закрытия учреждений профессионального образования на территории рейхскомиссариата.

В дальнейшем Розенберг неоднократно пытался переломить ситуацию, что выражалось в отмене приказа Коха и отправке дополнительных указаний подчиненным ведомств. Информация о нехватке на местах специалистов для определенных отраслей хозяйства доходила даже до Гитлера. Однако распоряжения об открытии отдельных учреждений профессионального образования исполнялись далеко не всегда. Это объяснялось приближением фронта, а также нежеланием генеральных комиссаров вступать в конфликт с ведомством Коха [6: 69–71]. В сложившейся обстановке нельзя говорить об устойчивой работе системы подготовки профессиональных кадров.

На территории республики, не входившей в состав рейхскомиссариата «Украина», наблюдалась похожая картина. Исключением можно считать территорию, вошедшую в состав Транснистрии. В Одессе в течение всего периода немецко-румынской оккупации функционировал Одесский университет. Несмотря на эвакуацию из Одессы государственного университета, в городе оставалось немало его сотрудников, а также преподавателей других вузов, все они составили вполне работоспособный коллектив. С февраля 1942 г. в вузе началось обучение на ряде факультетов, к которым позднее добавились еще

несколько. В начале 1943 г. в вузе был образован факультет по подготовке кадров для новой администрации, преимущественно из числа румын и молдаван [4: 21–22]. Деятельность вуза была направлена на решение идеологических и практических задач, связанных с необходимостью обеспечения губернаторства необходимыми специалистами.

Практической целесообразностью было продиктовано открытие в западно-белорусском городе Пинске нескольких ремесленных училищ и школ. По состоянию на сентябрь 1942 г. их было открыто 8. В них осуществлялась подготовка портных, сапожников, слесарей, токарей, кузнецов, столяров и специалистов других рабочих профессий [14: 157]. Что касается учреждений высшего профессионального образования на территории Белоруссии, следует отметить работу в течение непродолжительного времени медицинского института в Могилеве.

На оккупированной территории РСФСР также работал ряд учреждений профессионального образования. В Орловской области действовало 5 учебных заведений – педагогическое и ремесленные училища, курсы по подготовке агрономов. Курсы агрономов открылись в Смоленске на базе бывшего сельскохозяйственного института. Ряд учреждений среднего профессионального образования был открыт на юге России – мукомольно-элеваторный и зооветеринарный техникумы в Новочеркаске, медицинские училища и школы в городах Кавминвод [13: 96]. Учреждения высшего образования практически не функционировали, исключение составляли вузы в южных районах. В их числе были сельскохозяйственный и политехнический институты в Новочеркаске [10: 70], сельскохозяйственный институт в Ставрополе [19: 3], медицинские вузы в Кисловодске и Пятигорске [12: 76]. Оккупанты декларировали проведение «особой» политики в отношении населения региона, в котором были сильны традиции казачества и горских народов.

Подводя итог, отметим следующее. Система школьного образования в период оккупации претерпела существенные изменения, которые выражались в сокращении числа учебных заведений и снижении качества образования. Несмотря на открытие начальных школ, в целом система школьного образования в период оккупации деградировала. Практически полному демонтажу подверглась советская система профессиональной подготовки кадров. Попытки открытия

учреждений профессионального образования, носили местечковый характер, зачастую происходили по инициативе их коллективов и не находили должной поддержки германских властей. Наиболее активно гимназии, техникумы, институты открывались в южных районах России, а также на Украине, где особенно ярко проявилась непоследовательность образовательной политики германских властей.

Источники и литература

1. Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями, 1940–1991. Таллинн, 2005.
2. Большая советская энциклопедия. В 51 т. М., 1949–1957. Т. 48.
3. Большая советская энциклопедия. В 51 т. М., 1949–1957. Т. 50.
4. Вишневский С.А., Гуменюк А.Ю. Функционирование Одесского университета в годы немецко-румынской оккупации Юга УССР (1941–1944 гг.) // Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 20–24.
5. Генеральный план «Ост». Документ № 2 // Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 88–89.
6. Гинда В.В. Освітня політика нацистів в райхскомісаріаті Україна // Сторінки військової історії України. 2012. № 15. С. 61–75.
7. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-2174. Оп. 1. Д. 6.
8. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010.
9. Жизнь в оккупации. Винницкая область, 1941–1944. М., 2010.
10. Журавлев Е.И. Гражданский коллаборационизм в годы немецко-фашистской оккупации (1941–1943 годы): на материалах Юга России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16. С. 66–73.
11. Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб., 2011.
12. Карташев А.В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 73–80.
13. Карташев И.В. Курорты Северного Кавказа в планах гитлеровского командования (по материалам оккупационных газет) // Медицина и курорты Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. трудов. Ставрополь, 2020. С. 93–99.
14. Кривошей Д.А. Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944 г.). М., 2017.

15. *Кринко Е.Ф.* Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 40–50.
16. *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.): дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003.
17. Народное хозяйство СССР в 1968 г. Стат. ежегодн. М., 1969.
18. Освобожденный Кавказ // Кавказский вестник. 1943. 1 января.
19. Первый на Кавказе // Ставропольское слово. 1942. 9 октября.
20. *Селютин В.Н.* О системе образования на оккупированной территории Орловской области // Пространство и время. 2011. № 3. С. 93–95.
21. *Сорокина О.Л.* Школы в условиях войны и оккупации // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 2. С. 138–162.
22. *Сперанский А.В.* Высшая школа СССР в 1941–1945 гг.: экзамены войны // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 3. С. 33–38.
23. *Турунак Ю.* Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск, 1993.
24. *Черняков Д.И.* Состояние школьного образования в оккупированном Брянске (октябрь 1941 – сентябрь 1943 г.) // Наш край в судьбе Отечества. Брянск, 2008. С. 71–86.

А.П. Скорик

НОВОЧЕРКАССК ВО ВРЕМЯ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

В 1939 г., к началу Второй мировой войны, в Новочеркасске проживало 81 286 горожан, и по тем временам это был достаточно крупный город. Утрата статуса центра бывшей Области войска Донского, безусловно, в определенной степени сказалась на развитии города, хотя, будучи центром Новочеркасского района во второй половине 1920-х гг., Новочеркасск сохранял в 1926–1930 гг. важные административные функции.

С началом Великой Отечественной войны общее стратегическое значение Новочеркасска рассматривалось с точки зрения его промышленного и научно-образовательного потенциала. В 1941 г. в Новочеркасске действовало 50 промышленных предприятий, выпускавших продукцию на 160 млн рублей, но теперь появились новые оборонные

заказы. Так, паровозостроительный завод № 352, уже несколько лет производивший артиллерийские пушки, приступил к ремонту боевой техники, а также к выпуску аналогов немецких трофейных минометов и т.д. На заводе имени Никольского начали делать авиабомбы, корпуса мин, детали ракетного освещения. В конце лета и осенью 1941 г. город пережил глобальную эвакуацию, но немцев отбросили, а в июле 1942 г. в результате боев под городом попало в окружение до 10 тыс. советских солдат, но до сих пор существует другая версия событий [15: 231–232]. Это был, по мнению академика Г.Г. Матишова, фрагмент катастрофы для РККА, вызванной окружением четырех армий войск Юго-Западного фронта под командованием маршала С.К. Тимошенко [9: 344].

Большую известность получили строки: «Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором». Они приводятся в суровом приказе № 227 народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 г. Но всё же надо обратить внимание на действия истребительного батальона и отдельных групп красноармейцев, которые не могли сколь-нибудь долго противостоять хорошо вооруженному противнику, хотя вывели из строя четыре танка немцев. Силы оказались неравными, а сооруженные жителями уличные баррикады фашисты быстро снесли мощным огнем своих танков, которые легко проникли в город через сады и огороды горожан, используя его широкую планировку [7: 65].

С 25 июля 1942 г. началась 204-дневная оккупация Новочеркаска немцами и их союзниками-румынами. Именно румынам принадлежит самая «грязная» работа, включая ограбление горожан, в тяжелый оккупационный период. Когда же румынам приказали оборонять Новочеркасск в начале февраля 1943 г. от наступавших частей РККА, то пехотная дивизия Оринеску отказалась сражаться. А коллаборационистская сотня есаула М.Н. Сафронова шла в атаку с шашками на броневик под Новочеркасском с казачьим кличем «На славу и на смерть» [11: 127]. Первых освободителей-танкистов, ворвавшихся в Новочеркасск со стороны Хотунка, разбили утром 13 февраля 1943 г. именно казаки-коллаборационисты [12: 68].

Практически до последнего времени начало оккупации Новочеркаска описывалось однозначно в духе исключительного неприятия

населением вражеского присутствия в бывшей столице донского казачества. К примеру, В.И. Бочаров подчеркивает: «Немецкие захватчики рассчитывали, что бывшая столица Области войска Донского встретит их хлебом-солью. Но они ошиблись. Дон давно стал другим. В дни неволи смертельную борьбу с оккупантами вели подпольщики города» [4: 44].

Однако историческая правда оказалось гораздо более неприятной и трагичной. Да, речь шла только о части местных жителей, и тем не менее сотни горожан встречали оккупантов с улыбками на лицах, с букетами цветов в солнечный июльский день, с надеждами на новую, счастливую жизнь [5: 1]. Среди встречавших то и дело мелькали люди в казачьей форме, поскольку для них, как и для значительной части новочеркасцев, наступало время освобождения от большевистского политического режима, а вовсе не утраты национальной самостоятельности и исторической трагедии для своей Родины. С подачи германских цензоров Мюнца (заместителя начальника гестапо города Новочеркасска) и Рихарда (VII отдел полевой комендатуры № 245), некоего Гомона и городского головы Иванова позже журналист Т.Е. Лыткина будет подчеркивать в статьях оккупационного «Новочеркасского вестника»: «Кзаки, как и немецкие арийцы, – отдельная древняя раса, произошедшая напрямую от Адама и Евы» [10: 20, 21]. В торжественной встрече при захвате Новочеркасска фашистское руководство убеждал бывший атаман Всевеликого Войска Донского, русский генерал от кавалерии П.Н. Краснов [5: 1].

Дружелюбно встречавших оккупантов новочеркасцев, на наш взгляд, если учесть существующее описание этого противоречивого сюжета [6: 235], можно разделить на три основные социальные группы. Во-первых, это группа любопытствующих граждан, выразивших желание лично убедиться, что в город действительно вошла германская армия. Во-вторых, группа «освобожденных» лиц, считавших фашистскую оккупацию Новочеркасска долгожданным избавлением от «гнета» большевистского политического режима и «господства жидов». Именно они и встречали оккупантов цветами и улыбками. Прибывшим «освободителям» они от души наливали водку, предлагали попробовать домашнюю еду и пр. Так поступали сотни людей в расчете на германскую благосклонность. Например, в желании услужить оккупантам

инженер-механик В.П. Кучугуренко вскоре организовал «варьете» для «господ офицеров» [12: 66]. И оккупанты в листовках (одна из них выставлена в экспозиции Новочеркасского музея истории донского казачества) публично обещали: «Поддерживающие интересы германского командования будут пользоваться его защитой». В-третьих, вполне ожидаемо появление среди горожан ярых коллаборационистов. Оккупационная администрация ценила их настойчивое стремление доказать свою преданность фашистской Германии: назначала на различные должности, щедро оплачивала оказываемые услуги в виде денежного жалования и продовольственного пайка. Например, получалось, что ранее «совершенно неприметный до войны, со всеми, как правило, раскланивающийся бухгалтер, вдруг оказался заносчивым казачьим полковником, у которого в скором времени появился собственный экипаж, запряженный парой очень крупных, высоких и выносливых немецких лошадей» [6: 236]. Перечисленные три группы, безусловно, не составляли большинства населения Новочеркасска.

По настоянию местных казаков оккупационная администрация открыла для верующих Вознесенский войсковой кафедральный собор, а также еще ряд церквей. К началу Великой Отечественной войны действующей в городе оставалась одна Свято-Димитриевская церковь (на старом городском кладбище). Исчезли с лица города: Никольская церковь (ныне площадь Левски; на ее месте сооружена Николаевская часовня); церковь Святой Троицы (Троицкая площадь; в советское время – площадь Жертв Революции, площадь Революции); Успенская единоверческая церковь (Архангельская площадь; в советские времена – площадь Кирова); церковь Донской иконы Божией матери (бывшая Ратная площадь; место бывшей студенческой поликлиники ЮРГПУ (НПИ)); Николаевский старообрядческий храм (на ул. Почтовой; ныне ул. Пушкинская; на месте здания городской пожарной охраны); церковь преподобного Серафима Саровского (пер. Широкий) и др.

Возобновление немецкими оккупантами православного богослужения в Вознесенском войсковом кафедральном соборе уже через две недели после захвата города фашистами новочеркасцы встретили с искренним восторгом. 9 августа 1942 г. люди заполнили храм до отказа, многие присутствующие буквально плакали от радости. После благодарственного молебна первый немецкий комендант города

капитан Еллинг поздравил собравшихся горожан с вступлением немецкой армии в Новочеркасск, выразил надежду на сотрудничество жителей с властями, призвал к строгому исполнению всех распоряжений немецкого командования и бургомистра, чтобы обеспечить нормальные условия жизни в городе. С завершением богослужения к Атаманскому дворцу направилось торжественное шествие. Возглавляли многолюдную колонну представители немецкого командования, назначенные чиновники городского самоуправления, оркестр. У Атаманского дворца процессию встретил помощник городского головы Попель. Он в своей речи, произнесенной тут же с балкона дворца, темпераментно благодарил немецкое командование за освобождение «от ига большевиков» и настойчиво призывал горожан «к совместной и дружной работе» [6: 235].

Городскую управу (новый местный орган власти) в Новочеркасске 30 июля 1942 г. возглавил городской голова Д.С. Волков [6: 235] (позже был И. Иванов [10: 21]). Управление Новочеркасской городской полиции размещалось в центре города (ул. Московская, 31). В целях поддержания общественного порядка в городе действовали территориальные полицейские участки. Управления участков разместили по следующим адресам: 1-го – ул. Барочная, 46 (ныне улица Орджоникидзе); 2-го – ул. Кавказская, 183; 3-го – ул. Скородумовская, 139 (ныне ул. Просвещения); 4-го – ул. Покровская, 19 (ныне ул. Энгельса); 5-го – пр. Баклановский, 32. Управление 6-го участка отвечало за территорию бывшего Соцгородка; 7-го – за ст. Кривянскую.

Кроме того, при поддержке казаков оккупационная администрация сформировала станичные и хуторские казачьи правления с атаманами из числа казаков-коллаборационистов. В частности, атаманом внутригородской ст. Новочеркасской стал А.И. Кундрюцков, пригородного х. Татарского – П.Ф. Письменсков. Но истинными хозяевами в городе оставались фашисты, и они действовали жестоко: за каждого убитого в городе немецкого солдата могли без суда и следствия расстрелять 5–10 человек, а за погибшего офицера могли погубить до 50 ни в чем не повинных жителей.

Полицейские обеспечивались бесплатным питанием, квартирой и обмундированием. Денежное довольствие для холостого коллаборациониста составляло 8 рублей в день, а семейные полицейские

получали 18 руб. в день [6: 238]. За отличия при несении службы (например, поимку партизан) они могли также рассчитывать на повышение по службе и заметное улучшение материального положения. Скажем, за выдачу скрывавшегося советского офицера полицейский-коллаборационист получал единовременное вознаграждение 750 рублей и «документы за уничтожение партизан». Заметим, сигареты продавались тогда по 2 рубля за штуку. Полицейские участвовали в расстреле коммунистов и евреев во рву за нынешним зданием новочеркасской тюрьмы.

Населению доходчиво объясняли, от кого ему надо избавиться, в частности распространенным лозунгом тех дней стал призыв: «Бей жида, политрука, морда просит кирпича». По Новочеркаску новые власти развесили яркие пропагандистские листовки [6: 238–239], например, изображавшую шестиконечную звезду Давида с распятым на ней евреем. Другой массовой листовкой стал рисунок со свиноподобным лицом Сталина с большими усами, причем всё изображение перечеркивалось жирным красным крестом. Такая листовка однозначно призывала к борьбе с большевиками. Увы, часть горожан выдачу неугодных оккупантам лиц посчитали своим неперенным долгом в надежде на обещанную благосклонность оккупационных властей.

Установлены три места массовых убийств новочеркасцев во время фашистской оккупации. Во-первых, это Терновая балка в районе х. Мишкин: здесь производились расстрелы и сюда вывозили трупы людей, ставших жертвами зверств оккупантов на территории города. Во-вторых, противотанковый ров за зданием новочеркасской тюрьмы: здесь также расстреливали людей, а из гестапо сюда доставляли замученных жертв нацистского террора. В-третьих, буквально лишь за несколько дней до очевидного освобождения Новочеркасса массовый расстрел произошел на площади Революции (Троицкой), причем, из вскрытых позже 89 трупов 49 человек опознать не смогли, поскольку их тела и лица были изуродованы до неузнаваемости. Всего же за 204 дня оккупации гитлеровцы замучили и расстреляли в Новочеркаске 1070 человек, 1675 юношей и девушек угнали в германское рабство [10: 20]. Все пытки горожан велись в подвале гестапо, располагавшемся на улице Московской, в бывшем доходном доме купца 2-й гильдии П.Н. Кирюнина (дом № 47) [13: 2].

Состоявшийся в сентябре 1942 г. с согласия оккупационных властей в Новочеркасске расширенный совет атаманов объявил второй казачий Сполух (вторую войну против большевиков, после Гражданской войны на Дону) и избрал походным атаманом Войска Донского сотрудника отдела капитального строительства Паровозостроительного завода имени С.М. Будённого, бывшего штабс-капитана (а по другим источникам – войскового старшину) Сергея Васильевича Павлова (настоящее имя – Ерофей). Ему подчинялись как атаманы станиц и хуторов, так и строевые части казаков. Поступавшие на службу в германскую армию казаки принимали присягу, получали привилегии в пользовании землей, освобождались от принудительных работ, исключались из списков на отправку в Германию и проходили перепись в качестве отдельной категории граждан [9: 373].

Казаки-коллаборационисты на территории Новочеркаска несли конную караульную службу, обеспечивали немецкую законность на улицах города, постоянно искали и арестовывали активистов советской власти, в том числе, согласно спискам предателя Сухорученко [6: 239], сотрудничали с фашистами в вопросах поддержания в Новочеркасске «нового порядка».

Отдельной задачей для казаков-коллаборационистов являлась охрана небольших полевых концентрационных лагерей советских военнопленных. Фашистские оккупанты создавали такие лагеря на свободных местах по всему городу. Открытые участки местности огораживались рядами колючей проволоки, и туда доставлялись в летнее время военнопленные. Такие пункты для спешного размещения очень большого количества советских военнопленных фашисты организовали на участке возле мясокомбината (пр. Платовский, 129/40), на территории бывшего городского пустыря (за зданием нынешнего универсама) и во многих других местах. Размещавшихся прямо на земле военнопленных содержали в ужасных антисанитарных условиях, часто вообще не кормили. Голодным, оборванным людям, как могли, помогали новочеркасцы, в большинстве своем не очень обеспеченные продовольствием. Один такой концлагерь размещался на старой ростовской дороге (в начале нынешней улицы Ростовский выезд). Его охраняли бандеровцы, называемые горожанами «русские немцы», которые не давали жителям подкармливать голодных пленников [8: 10–11].

«Обещаю и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Евангелием в том, что буду Вождю Новой Европы и Германского народа Адольфу Гитлеру верно служить и буду бороться с большевизмом, не щадя своей жизни до последней капли крови» [14: 4], – с этих высокопарных слов заверения в личной преданности Гитлеру начинался официальный текст присяги казаков-коллаборационистов, под знаменами которых походный атаман Войска Донского С.В. Павлов собрал около 3 тыс. человек. Он сформировал к концу 1942 г. пластуночную сотню и 1-й Донской казачий полк. Сохранились сведения, что в Вознесенском войсковом казачьем соборе коллаборационисты освящали во второй половине октября 1942 г. свое знамя, а затем на Соборной площади рядом с памятником Ермаку публично конная сотня молодых казаков принимала присягу на верность Адольфу Гитлеру [8: 14]. Кстати, и оккупанты после неудачной попытки свержения Ермака с пьедестала (горожане смогли убедить немцев, что это стародавний казачий атаман в стальном шлеме и кольчуге, а вовсе не красный комиссар в суконной буденовке) стали проводить возле памятника награждения своих отличившихся вояк и другие строевые мероприятия [16: 19].

Фашистские оккупанты отдали в полное распоряжение казаков-коллаборационистов здание Атаманского дворца и разрешили разместить в историческом здании резиденцию по сути назначенного походного атамана. Казачий флаг из трех равновеликих горизонтальных полос (сверху вниз: синего, желтого и алого цвета) теперь развевался над крышей Атаманского дворца, но над главным входом в здание, и поныне располагающимся с левой стороны, красовался известный фашистский стяг с характерной свастикой. В Атаманском дворце функционировал Донской войсковой казачий штаб, и у главного входа круглосуточное дежурство нес почетный казачий караул.

У штаба имелось два внешних куратора: бывший писарь областного земельного управления Области войска Донского А.И. Сюсюкин, представлявший генерала от кавалерии П.Н. Краснова, и германский капитан Р. Кубош, который занимался включенным наблюдением и корректировкой деятельности штаба и являлся представителем Главного управления имперской безопасности. Ключевыми действующими лицами в штабе, помимо самого походного атамана С.В. Павлова, стали его помощник по административной части, войсковой старшина

П.М. Духопельников (бывший бухгалтер на заводе имени А.А. Никольского, перед оккупацией заведующий торговым отделом Новочеркасского горисполкома); помощник по пропаганде А.И. Сюсюкин; помощник по укомплектованию и обучению войсковых частей войсковой старшина А.В. Шумков; адъютант при походе атамана, сотник Плотников. Формирующийся отряд из казаков-коллаборационистов размещался на ул. Московской, в здании нынешнего управления внутренних дел по городу Новочеркаску.

Несмотря на усилия казачьих управленцев и поддержку оккупационных властей Донской войсковой казачий штаб не превратился в единый мощный центр казачьего антибольшевистского фронта, а авторитет походного атамана всё же оставался невелик. По справедливому замечанию руководителя и организатора казачьего освободительного движения против большевиков в г. Ростове-на-Дону и в Ростовском округе Н.А. Быкова: «В районах не было никакого плана и руководства. Некоторые районы даже не подчинялись Войсковому штабу. Каждый хуторской и станичный атаман старались действовать самостоятельно, не считаясь с распоряжениями Походного Атамана. Наладить же свою административную работу полковник С.В. Павлов сам не мог за недостатком времени, так как почти всё время проводил на фронте в боях с большевиками» [2: 38].

Страшные итоги оккупации обнаружались после освобождения Новочеркасска. Оккупанты сожгли и разрушили 1900 жилых домов, спилили рощу «Красная весна», сад бывшего городского клуба, множество деревьев в скверах и на улицах города, из 48 тыс. населения города оставшихся в живых мужчин насчитывалось только 7,5 тыс. человек. 661 воин погиб в боях на подступах за сам город и умер в госпиталях после тяжелых ранений. В освобожденном Новочеркасске выявили 15 тыс. дистрофиков, поэтому военное командование решило оставить горожанам 1,2 тыс. т зерна [15: 232]. Полная информация о последствиях оккупации города изложена в Акте о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов и о причиненном ими материальном ущербе городскому хозяйству [1: 1–2]. Однако акт не передает важных деталей о зверствах оккупантов, в частности в отношении детей. Так, в нем сообщается о расстреле гестапо 17 октября 1942 г. восьми детей из интерната увечного ребенка в возрасте 6–12 лет, которых эвакуировали

из города Черкассы Киевской области в 1941 г. По приказу немецкого офицера-садиста обреченных на смерть детей одели по-праздничному и только потом увезли. Исключительно благодаря освобождению Новочеркаска удалось избежать второй массовой расправы над детьми. Так, мальчик-сирота Володя Кабаненко подобрал красивую игрушку, сделанную руками немецкого убийцы. Игрушка разорвалась, и мальчик ослеп [3: 2].

Безусловно, в небольшой статье невозможно охватить все вопросы семимесячной оккупации Новочеркаска фашистскими захватчиками. Мы затронули лишь три исторических сюжета: вступление германских войск в Новочеркасск, отношение оккупантов к функционированию православных храмов в городе и организацию казачьего освободительного движения против большевиков. Однако поднятая проблема гораздо шире, и в осмыслении еще нуждаются следующие вопросы: выявление поименно всех коллаборационистов из числа новочеркасцев (мы должны знать наших антигероев, чтобы понять мотивы, приводящие к измене своей Родине); оборонительные бои на подступах к Новочеркасску и в самом городе; расположение полевых концлагерей на территории города и количество содержащихся в них советских военнопленных; коллизии повседневности городских жителей в дни оккупации; пребывание в Новочеркасске генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна и планирование деблокации окруженной немецкой группировки под Сталинградом; места захоронения погибших немецких солдат и сохранение о них памяти; повседневное поведение двух основных групп оккупантов: немцев и румын; деятельность в городе антифашистского подполья; уточнение биографий и списков жителей, погибших во время оккупации; отправка новочеркасцев на принудительные работы в Германию и их пребывание там; возобновление предпринимательской деятельности в городе; организация в новых условиях городского здравоохранения и просвещения, научных исследований; работа новочеркасских предприятий и участие новочеркасцев в снабжении германской армии; роль казачьей интеллигенции и чиновников бывшей Области войска Донского в консолидации антибольшевистских сил; описание материального ущерба, причиненного городскому хозяйству и местным жителям в дни оккупации.

Источники и литература

1. Акт о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов и о причиненном ими материальном ущербе городскому хозяйству // Знамя коммуны. 1943. 15 июня. № 99 (3774). С. 1–2.
2. *Быков Н.А.* Казачья трагедия (1940–1945 гг.). Нью-Йорк, 1959.
3. *Гаврилов П.* Дети интерната // Знамя коммуны. 1945. 20 мая. № 98 (4273). С. 2.
4. Деловые зори Новочеркаска: в 2 т. / В.А. Аверченко, В.И. Бочаров, И.И. Кондратко, Е.Е. Плотницкая. Т. 1. Ростов н/Д., 1996.
5. *Кирсанов Е.И.* Дни гитлеровской оккупации города // 21-й канал. Общественно-политический еженедельник. 2000. 14 апреля. № 15 (323). С. 1.
6. *Кирсанов Е.И.* Слава и трагедия Новочеркаска (История казачьей столицы). Т. I. Новочеркасск, 2005.
7. *Красулин Н.Н.* Что было, то было: сборник. Новочеркасск, 2008.
8. *Марченко Ю.В.* Мои воспоминания детских лет периода оккупации г. Новочеркаска (июнь 1942 г. – февраль 1943 г.). Новочеркасск, 2015.
9. *Матишов Г.Г.* Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма. На пути к возрождению. Ростов н/Д., 2022.
10. *Михеев В.Н.* На фронте и в тылу. Сборник очерков о новочеркасских ветеранах Великой Отечественной войны. Новочеркасск, 2000.
11. *Николаева Э.А.* Казачество в 1941–1945 годах: неизвестные страницы // Краеведческие записки. Сб. науч. трудов / Музей истории донского казачества. Вып. 7. Новочеркасск, 2005. С. 117–141.
12. *Николаева Э.А.* Новочеркасск в годы Великой Отечественной войны. Новые факты // Краеведческие записки. Сб. науч. трудов / Музей истории донского казачества. Вып. 9. Ростов н/Д., 2009. С. 64–69.
13. *Петров Ю.Б.* Оккупация, ополчение // Частная лавочка. 2008. 1 февраля. № 6. С. 2.
14. Присяга казаков на верность Адольфу Гитлеру // На казачьем посту. 1943. № 12. С. 4.
15. Ростовская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Энциклопедический словарь-справочник / авт.-сост. В.К. Щербakov. Ростов н/Д., 2010.
16. *Чернов П.Н.* Новочеркасск в период оккупации // Новочеркасские ведомости. 2015. 27 мая – 2 июня. № 20 (1300). С. 19.

М.П. Мерзляков

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ НИЖНЕГО ДОНА В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ 1942–1943 гг.

Великая Отечественная война стала трагическим периодом в истории нашей страны. Ее события подняли широкие массы населения Советского государства на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. История повседневной жизни как комбатантов, так и мирного населения в тылу, притягивает всё больше исследователей. На наш взгляд, важно обратить внимание на психологию поведения человека в условиях оккупации на примере Нижнего Дона, социально-экономические изменения в этих условиях и методы привлечения местного населения на свою сторону немецкой администрации.

Социально-хозяйственное устройство станиц и хуторов Нижнего Дона в условиях оккупационного режима имело свои особенности. В период оккупации 1942–1943 гг. произошли серьезные изменения в хозяйственной и повседневной жизни жителей донских станиц, появились новые формы управления и приемы агитации немецко-фашистских захватчиков в отношении местного населения средствами периодической печати, издаваемой на оккупированной территории.

В конце июля 1942 г. немецкие войска захватили все города и станицы Нижнего Дона. Однако линия фронта проходила от них в непосредственной близости, вследствие чего здесь была создана система военного управления с присущими ей элементами. Главными органами власти на оккупированной территории Нижнего Дона были немецкие военные комендатуры. Вместе с комендатурами и полицейскими участками появились и новые должности – бургомистры и старосты. Была возвращена традиционная казачья система самоуправления – атаманская власть (выборная и назначаемая). Так, в Романовском районе (сейчас – Волгодонской район Ростовской области) оккупационные власти назначили атаманом Семена Васильевича Арькова [2: 364]. В оккупационной периодической печати педалировалась идея возрождения былой славы казаков. Однако станицы и хутора не имели возможностей для демократического выбора своих кандидатов на эти должности. Во все станицы и хутора, входившие в Романовский район, оккупанты назначили атаманов, подчинив их

районному атаману Арькову. Сам же районный атаман был подчинен немецкому коменданту Тениссену. В документах отмечается: «Романовский район являлся центром округа, куда входили Мартыновский, Калмыцкий, Цымлянский и Романовский районы, которые были подчинены окружному сельхозкоменданту, он и был военный комендант, по национальности немец, в чине обер-лейтенанта, по фамилии ШУСТЕРАНТ-КУРТ (так в документе. – М.М.)» [2: 364]. Он совмещал как военную власть, так и гражданскую ввиду близости линии фронта.

В период оккупации продолжали действовать необходимые для нормального функционирования станиц и хуторов административно-хозяйственные структуры: финансовый и дорожный отделы, банк, земельное управление и т.д. Начали издаваться газеты, например, «Казачьи думы». Газета издавалась с разрешения окружного коменданта, который ставил визу на каждом номере, а в его отсутствие эти полномочия выполнял районный комендант. Немцы сохранили колхозы, назначив во главе каждого хозяйства по старосте, который подчинялся атаману. Любопытно, что немцы хотели перестроить колхозное хозяйство на общинное, являвшееся переходной формой к установлению единоличного хозяйства. Десять дворов с помощью тягла должны были обрабатывать землю сообща. В должностные обязанности старост входили не только организация работ в сельском хозяйстве, но и наведение порядка в станицах и хуторах, соблюдение режима военного времени, а также выявление партизан [1].

Для передвижения по оккупированной территории выдавали удостоверения на немецком языке, обладая которыми, представители коменданта и члены сельхозобщин могли разъезжать по тылам фронта для своих целей. Необходимо отметить, что в период оккупации в качестве иностранного языка изучался исключительно немецкий язык.

В первые дни оккупации вышли приказы о светомаскировке, запрете ночных хождений, ночлеге прохожих. В таком режиме теперь протекала жизнь всех населенных пунктов Ростовской области. Раздорский район, с входившими в него станицами Раздорской, Мелиховской, Верхнекундрюченской и Нижнекундрюченской, хуторами Апаринским, Бородиновским, Бронницким, Виноградным, Дубровским, Исаевским, Каныгиным, Кривая Лука, Кривым, Крымским, Ольховским, Пухляковским, Тереховым, Топилиным, Черни,

Чумаковским и другими, с первых дней испытал все тяготы новой оккупационной политики [10: 17]. Одной из первостепенных задач стояла перепись немецкой администрацией населения, которая и состоялась в августе 1942 г.

Как и на других оккупированных территориях СССР, в станицах и хуторах Дона с первых дней новая власть стала уничтожать советскую символику и литературу. В приказе № 47 от 10 октября 1942 г. с исходящим номером № 612 по Семикаракорскому району всем хуторским атаманам и квартальным предписывалось изъять у населения сочинения Ленина и Сталина – о Ленине, журналы «Пропагандист», «Спутник агитатора» и брошюры. «Все это сдать в станичное правление (комната № 3). Не сдавшие указанной литературы будут наказаны по законам военного времени» [8: 5]. Подписал приказ станичный атаман Кочконогов. Уже спустя всего 4 дня помощник атамана Елисеева в приказе № 627 запрашивал, что было сделано по приказу № 47. Помимо указанной литературы, он требовал изъять и «Краткий курс истории ВКП(б)» [8: 9].

Вместе с тем следует отметить, что оккупация региона имела свою ярко выраженную специфику. Именно в казачьих станицах немецко-фашистское командование рассчитывало найти массовую поддержку населения. Расчет был на актуализацию «обид» казаков в отношении советской власти. С первых дней установления советской власти на Дону последовали антирелигиозные акции, в том числе и разрушение храмов, а коллективизация и раскулачивание лишь усилили негативное восприятие всех мероприятий советской власти. Немецкая пропагандистская машина охотно воспользовалась ошибочной политикой большевиков в отношении казачества, стала беречь прошлые исторические травмы, умело разыгрывать казачью карту в установлении «нового порядка» на Дону. Немецко-фашистские власти, декларируя «идеи освобождения от колхозного сталинского рабства», взяли под контроль и заставили работать на нужды оккупантов бывшие колхозные хозяйства Дона. В бывших колхозах образовались общины. 8 августа, через 16 дней после захвата Раздорского района, новые власти начали вести журнал исходящих документов Раздорской районной сельскохозяйственной управы. Но работать на благо экономики рейха людей заставили практически сразу. Практика выживания

была проста с позиции немецко-фашистской администрации: хочешь жить – работай. Повседневный стереотип крестьянского менталитета во время голода не всегда гуманен, но всегда рационален. Чтобы жить и не умереть от голода, нужно было приспособливаться. Да и как иначе было выжить людям, оставшимся без крова, вещей на обмен. Причем процессы ведения хозяйственной деятельности централизовались и регламентировались оккупационными властями. Так, 17 августа 1942 г. был издан приказ: «Всем старостам р-на предложить перерабатывать овощи на заготпунктах» [9: 3].

Ответ на вопрос, какими были цены, как шло отоваривание, можно найти в приказе № 30. Приказ вступал в силу с 1 октября, им определялись цены для общественных рынков и магазинов Новочеркаска.

Таблица 1. Цены на продукты, установленные приказом № 30 Новочеркасской городской управы от 1 октября 1942 г. по г. Новочеркасску [3: 2]

Наименование продуктов	Цена за килограмм	Наименование продуктов	Цена за килограмм
Капуста	90 к.	Сладкий перец	1 р.
Свекла	60 к.	Красный перец	1 р. 60 к.
Морковь	1 р.	Подсолнух	3р. 50 к.
Чеснок	3р. 50 к.	Яблоки	7 р.
Свежие помидоры	1 р. 10 к.	Груши	7 р.
Соленые помидоры	2 р.	Рыба	3 р. 40 к.
Свежие огурцы	90 к.	Птица живая (гуси, утки, куры)	10 р.
Огурцы соленые	1 р. 50 к.	Птица битая (гуси, утки, куры)	15 р.
Тыква	1 р. 20 к.		
Арбузы	1 р. 40 к.		

Одними приказами жизнь было не наладить. Несмотря на приказ № 30, цены росли, и появилась продажа из-под полы. Возник дефицит продуктов. Полиция своими действиями по поиску нелегальной

торговли, считавшейся спекуляцией, только ухудшала ситуацию. Срыв торговли тяжело отразился на городском населении. Городская управа волевым решением установила цены только на продукты и товары, а расценки на труд были упущены. Они подгонялись под цену товара: «А сейчас парикмахер за 15 минут бриться берет 5 р., штамп к удостоверению в полиции 6 рублей, а номер газеты 1 рубль» [1: 1]. Крестьяне, естественно, не хотели продавать курицу за 10 рублей или кочан капусты за 90 копеек. Вакханалия с ценами на продукты и вещи обрушила рынок.

Советская власть, изъяв радиоприемники, оставила населению практически один источник информации – сводки Совинформбюро. Создался информационный вакуум, что породило состояние тревоги у населения. В свою очередь, немецкая оккупационная администрация усилила нажим на людей, изъяли даже телефоны: «до 5 сентября 1942 года все, находящиеся в их квартирах и конторах телефонные аппараты, не включенные до настоящего времени в русскую телефонную сеть» предлагалось сдать, за невыполнение этого приказа население «будет строго наказано» [5: 1]. Отсутствие информации порождало у людей панические настроения. Люди боялись германской армии. У них не было чувства личной и коллективной безопасности.

Информацию можно было получить из газет, которые издавались на оккупированной фашистами территории поселений и городов Нижнего Дона. Статьи носили пропагандистский характер, в них прославлялись Адольф Гитлер, немецкий вермахт и славная былая жизнь Войска Донского. Так, в газете «Новочеркасский вестник» 9 октября вышла хвалебная статья «Возвращение казаков из изгнания» [11: 2]. Автор с упоением рассказывал о том, как изменился уклад жизни казаков и что казаки-эмигранты не узнают свои станицы и хутора. В каждой казачьей станице были 2–3 хлебные ссыпки, 2–3 склада с керосином и нефтью, 5–6 мануфактурных магазинов, лесные биржи, несколько бакалейных магазинов, рыбные лавки. А остались по два колхозных магазина с перламутровыми пуговицами и ячменным кофе [11]. В статье «Станица Грушевская – сегодня» сообщались следующие интересные сведения: «В станице налаживается нормальная жизнь выбран станичный атаман г-н Садченков Е.Д. Ему помогают участвующие старосты. Работает больница и ветеринарный пункт, открыто

три парикмахерские, восстанавливаются Иоанно-Богословская и Варваринская церкви. В первой уже происходит богослужение» [6: 2].

Жители станиц и городов узнавали новости из радиоточек, которые работали в определенные часы. До начала работы трансляционной радиосети часы следовало проверять по станционным гудкам, которые продавались по европейскому времени в следующем порядке: первый гудок – в 5 часов утра, второй – (два гудка) – в 5 часов 30 минут, третий (три гудка) – в 6 часов. Днем: первый – в 11 часов, второй (два гудка) – в 13 часов. Вечером по окончании работ – в 17 часов – давался один протяжный гудок [4: 2].

Немецкие оккупационные власти, как и советское правительство, боролись за ресурсы. Так, в газете «Новочеркасский вестник» за 1942 г. в статье «Дополнительные ресурсы виноградно-винодельческих хозяйств» поднимался вопрос об отходах, остающихся в результате переработки винограда, – виноградных косточках и побегах виноградника (чубуках), удаленных при обрезке [7: 2]. Отмечалось, что в винограде содержится до 12 % жирного масла, которое использовали в питании и технических целях. С одного гектара виноградника получалось 50 кг виноградного масла. Доходность виноградарско-винодельческих хозяйств планировалось повышать за счет использования выпадающих материалов.

Для людей, проявивших свое несогласие с политикой оккупационных властей, были приготовлены разные средства наказания – от плетей и штрафов до расстрела. Самым страшным местом наказания стала шахта имени Красина в г. Шахты, где были казнены не менее 3,5 тыс. человек. В акте № 1103 Шахтинской городской комиссии по расследованию зверств и злодеяний немецко-фашистских захватчиков приводятся ужасные подробности того, как «гитлеровцы завели женщину с ребенком и приказали ей поднять ребенка над головой, женщина уронила ребенка на пол, когда немцы расстреляли ее, а ребенка вместе с трупом матери живым бросили в шахту» [2: 304].

Фашистская оккупация стала трагическим периодом в истории Нижнего Дона. В Шахтах, Новочеркасске, Новошахтинске и в других городах происходили массовые расстрелы местных жителей и советских военнопленных. В станицах и хуторах расстрелы не носили такого массового характера. Оккупанты стремились в своих целях

использовать «обиды», нанесенные советской властью казачьему населению. Некоторые жители по разным мотивам пошли на сотрудничество с оккупантами. Но большая часть населения всё-таки ждала освобождения своих станиц от захватчиков.

Источники и литература

1. А.М. Вахханалия цен // Новочеркасский вестник (далее – НВ). 1942. 26 октября. № 6.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ростовская область. М., 2020.
3. Городской голова И. Иванов // НВ. 1942. 4 окт. № 46.
4. Местный комендант. Вниманию населения города Новочеркаска // НВ. 1942. 19 августа. № 6.
5. Местный комендант. Приказ // НВ. 1942. 26 августа. № 12.
6. Петров Н. Станица Грушевская – сегодня // НВ. 1942. 19 августа. № 6.
7. Флеров А. Виноградарство и виноделие на Дону // НВ. 1942. 1 ноября. № 70.
8. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 446.
9. Центр хранения архивных документов в г. Шахты (далее – ЦХАД). Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 3.
10. ЦХАД. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 276.
11. Я.Р. Возвращение казаков из изгнания // НВ. 1942. 9 октября. № 50.

Е.Е. Красноженова

«МЫ СРАЗУ СТАЛИ ВЗРОСЛЫМИ»: ДЕТИ И ПОДРОСТКИ В УСЛОВИЯХ ОККУПАЦИИ (на материалах Ленинградской области)¹

Оккупация Северо-Запада России стала особым явлением в истории Великой Отечественной войны. Здесь она была длительной,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>. This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>.

продолжалась с лета 1941 г. до середины 1944 г. Гитлер планировал колонизировать Россию, заполнить ее германским населением. В одночасье, с того самого момента, когда в деревню или город входили, въезжали на своих машинах, велосипедах, мотоциклах завоеватели, у людей рушился привычный мир. Казалось, что только вчера праздновали 1 Мая, отправляли детей в пионерские лагеря, сажали картошку и ходили по выходным в кино. И вот уже ровным счетом ничего не осталось от прежней жизни. Два месяца войны многое изменили в сознании гражданского населения. Ушли на фронт мужья и братья, исчезли продукты из магазинов, и все понимали, что придется много работать, скудно есть, жить ожиданием и надеждой.

Война оставила неизгладимый след в памяти гражданского населения. Жутко было выйти из дома и увидеть виселицы, самоуверенных оккупантов, по-хозяйски распоряжавшихся на улицах, срывавших привычные вывески, вывешивавших безапелляционные приказы: «Явиться в комендатуру для регистрации!»; «Не выходить из домов после 17 часов!»; «Сообщать о коммунистах и евреях!»; «Бургомистрам и старостам! Сообщите еще раз населению, что все, у кого будут найдены партизаны или которые будут поддерживать партизан, будут строго наказаны вплоть до расстрела» [6: 4–11].

Особое значение имеют воспоминания о начале войны: «Родилась я в Ленинграде. Жили мы на углу Старо-Невского и Конной и каждое лето уезжали на дачу в Поповку. Были в Поповке и в 1941-м, когда началась война. То, что немцы совсем рядом, мы и не подозревали. Ведь нам все время говорили: “Не волнуйтесь, они наступают в новгородском направлении”» [2: 379]; «Я с родителями и 11-летней сестрой жила в Ленинграде, но в июне 41-го года папа привез нас на лето к бабушке и дедушке в деревню Сорокино на Псковщине» [2: 31]; «Мне было 4 года, когда началась война. Жили мы в деревне Луги Гатчинского района. Четырнадцатилетний брат Дима гостил у бабушки в Низовской. Вскоре туда пришли немцы и всех мужчин угнали в лагерь. Попал в неволю и Дима. Нашу деревню тоже заняли немцы. Отобрали корову, кур. Мы питались картошкой, травой, грибами. Летом сорок третьего года стало известно, что жителей будут угонять в Германию. Тогда мы всей деревней ушли в лес, к партизанам» [2: 536]; «В июне сорок первого года я поехал на каникулы в Новгород.

Там жила мамина двоюродная сестра. Она была старше мамы, и я звал ее бабушкой. Когда объявили войну, меня хотели отправить в Ленинград, но движение поездов вскоре прекратилось» [2: 67].

Трагедия жителей осажденного Ленинграда иногда несколько затмевает в нашей памяти судьбу населения региона, находившегося под оккупацией нацистов. Несколько десятков тысяч ленинградцев оказались на оккупированной врагом территории. В начале июля 1941 г., захватив города Остров и Псков, немецкие войска вторглись в пределы Ленинградской области. К осени 1941 г. из 72 районов области они полностью заняли 51 район и 12 районов частично. Кроме Острова и Пскова были оккупированы Новгород, Луга, Выборг, Гдов, Старая Русса, Порхов, Кингисепп, Красногвардейск (Гатчина), Пушкин, Слуцк (Павловск), Петергоф (Петродворец) и др. Оккупационная политика являлась частью борьбы за Ленинград, поскольку она была призвана обеспечить безопасность военных коммуникаций и порядок в тылу группы армий «Север».

Особенно острой для населения стала проблема обеспечения продовольствием. Дети и подростки, безработные, иждивенцы, инвалиды находились в самом низу системы обеспечения. В условиях оккупации в некоторых районах Северо-Запада России была введена карточная система распределения продуктов. Однако питанием по карточкам обеспечивались только дети работающих или безработных родителей, которые были зарегистрированы на бирже труда. Поиск еды стал самой массовой практикой выживания населения рассматриваемой территории, нашедшей свое место в воспоминаниях очевидцев событий оккупации: «У нас с мамой ничего не было. Зимой теплой одежды не было. То, что было на нас, в заплатках. На ногах – чуни, а то и лапти; летом – босиком. <...> Что мы ели в окопные годы? Помню только траву. Особенно вкусной была лебеда, но на второй окопный год ее находили редко. Не выращивали ничего: нечего было сажать, да и грядки выдали бы нас. В лесу живности не было; речка маленькая, без рыбы. Ели то, что росло в поле, в лесу. И зимой кору ели»; «К декабрю никаких продуктов у нас не осталось. В углу дома была крысиная нора. Однажды нам повезло – нашли в ней несколько картошек. Съели их вместе с кожурой. Ходили (часто под обстрелом) в Марьино, на бывшие колхозные

поля, где под полуметровым слоем снега иногда находили капустные кочерыжки. Охотились за убитыми лошадьми. <...> Жители умирали один за другим» [2: 21–22, 484].

В начале июня 1942 г. в ряде районов оккупированной Ленинградской области были введены карточки на хлеб. В разных областях нормы варьировались, но даже самые высокие из них не обеспечивали нормального существования. По данным отделений немецкой службы безопасности СД, одними из самых высоких были нормы выдачи хлеба в пос. Сиверском Гатчинского района Ленинградской области: для работающих они составляли 300 г хлеба или 225 г муки, а для неработающих – 150 г хлеба или 110 г муки [3: 385]. В среднем в захваченных районах Ленинградской области рабочим и служащим выдавалось по 200 г хлеба в день и изредка продавалась соль, являвшаяся большим дефицитом, по 100 руб. за кг. Зимой 1942 г. в некоторых городах прифронтовой полосы выдача хлеба была полностью прекращена.

Гражданскому населению, привлеченному оккупантами к выполнению различных работ, с конца 1942 г. выдавали продовольственные пайки в форме производственного питания. Однако за невыполнение заданий в качестве наказания люди могли лишиться и этого продовольствия. Так, жители поселка Вырица в возрасте от 13 до 70 лет работали на строительстве дорог, получая в качестве недельного пайка 1,6 кг хлеба с опилками, 70 г крупы, 70 г масла, 70 г кофе, 70 г сахара. На предприятиях Вырицы рабочим выделялось 300 г хлеба и выплачивалась зарплата до 8 руб. в день (причем стоимость хлеба – 2 руб. 10 коп. – вычиталась из заработной платы) [5: 2–3].

Снабжавшееся продуктами по карточкам городское население все три года оккупации терпело голод, что вынуждало многих горожан искать альтернативные источники получения продуктов питания путем обмена сохранившихся с довоенных времен промышленных товаров на еду или спекуляции на рынке. Горожане вынужденно практиковали огородничество и держали скот.

Работа рынков официально разрешалась, но продовольствие оккупанты конфисковывали. Поэтому процветала черная торговля продуктами питания по исключительно высоким ценам, недоступным подавляющему большинству населения. Существенное повышение цен было отмечено и в постановлении коменданта г. Красногвардейска

Вегенера, который указывал, что «спекулятивная торговля съестными продуктами и др. предметами первой необходимости привела к такому повышению цен, что широкие массы населения не в состоянии их приобрести» [6: 14].

О продовольственных трудностях вспоминали и сами дети: «Ели что придется. Помню “ландарики” – лепешки из черной картошки с щавелевой “крупой” (созревшими семенами щавеля)» [2: 35]; «Есть было нечего. Мы собирали на помойке у немецкой кухни картофельные очистки и по очереди жарили их на куске жести от разбитой снарядом железной бочки» [2: 379]; «В детдоме было очень голодно. Особенно страдали маленькие. Они всё время плакали и просили есть. Нас, старших, было человек семь. Мы старались найти на помойках что-либо съестное и накормить малышей» [2: 68].

Одной из стратегий выживания детей на оккупированных территориях стало выполнение хозяйственных работ для оккупационных властей. Так, В.В. Тихомирова, 1926 г. р., жительница д. Чауни, отмечала: «Мама совсем ослабла, даже почернела от голода. Я стала ходить в Рогавку – брала у немцев белье в стирку и носки в штопку. Настираю, прокипячу с карбидом – получалось чисто. Солдаты были довольны и платили продуктами. Потом меня взяли на кухню. Я убирала, мыла на морозе молочные бидоны» [2: 239].

В годы оккупации на Северо-Западе России продолжили работу некоторые детские больницы, детские отделения при больницах, кабинеты. Оказываемые в них услуги были платными. Так, с декабря 1942 г. на территории Волосовского района Ленинградской области посещение врача в амбулатории стоило от 10 до 20 рублей. За день пребывания в больнице нужно было платить 20 рублей. При этом медикаменты, продовольствие и белье больной должен был приобрести сам. Получение медикаментов стоило 5 рублей. Прием родов на дому – 25 рублей. Процедуры обходились в 2–3 рубля. [7: 2, 65]. Нечеловеческие лишения, голод, недоступность медицинской помощи подтачивали здоровье людей, что неизбежно вело к возникновению эпидемий. Всё это вызывало высокую смертность среди населения.

Социальная незащищенность, экстремальные условия военного времени, обнищание населения сказались на демографическом

положении. Уровень смертности в оккупированных районах Ленинградской области в 1942 г. почти в 3,5 раза превосходил уровень рождаемости. В начале 1943 г. 10 из 13 новорожденных умирали вскоре после появления на свет [3: 372].

Для очищения районов, насыщенных партизанскими отрядами, немецкое командование в течение всего периода оккупации систематически снаряжало особые карательные экспедиции из частей и подразделений регулярных войск, часто снимаемых с фронта. В ходе антипартизанских акций гитлеровцы рассматривали мирное население конкретного района как пособников партизан и исходили из принципа коллективной ответственности, уничтожая нетрудоспособных и тотально угоняя в Германию на работу трудоспособных граждан. Например, на территорию партизанского края, расположенного в Ленинградской области, в 1942 г. было направлено три карательные экспедиции численностью от 6 до 10 тыс. солдат и офицеров каждая, имевших на вооружении танки, тяжелые минометы, артиллерию и авиацию [4: 412]. Подростки и молодежь тоже набирались для угона в Германию при проведении карательных экспедиций против партизан. 31 января 1944 г. немецкие солдаты из части СС произвели облаву на мирных жителей поселка Заречье Ново-Порховского сельсовета. Группу задержанных в поселке граждан, престарелых и детей, численностью до 150 человек загнали в дом местной жительницы Бряковой, заколотили гвоздями все двери. В доме Бряковой сгорели: Петрова, девочка 5 лет, трое детей Ионовой Александры Ефимовны в возрасте 14 лет, 9 лет и 5 лет, Гаврилов Толя, 3 года [8: 2–9].

В результате фактически все жители партизанских зон вынуждены были (порой неоднократно и по многу месяцев) скрываться от карателей в лесах, проживая в семейных лагерях под охраной партизан или автономно. Следствием продолжительного нахождения людей в лесу стали перманентный голод, экстремальная гастрономия, педикулез, отсутствие возможности соблюдения гигиены, риск смерти от эпидемических заболеваний.

В начале 1942 г. на Северо-Западе России началась кампания по вывозу рабочей силы в Третий рейх, сначала добровольная, а потом принудительная. В 1942 г. вербовка в рейх затронула преимущественно детей старшего школьного возраста. В апреле 1942 г. вышел приказ

Заукеля о мобилизации гражданских квалифицированных работников и работниц в возрасте от 15 лет для использования их на работе в Германии. В сентябре 1942 г. проводилась акция по вербовке «восточных работниц», девушек и женщин от 15 лет. Агитацию среди подростков и молодежи в возрасте от 14 до 20 лет для последующей добровольной отправки в Германию проводили коллаборационистские силы. Таким образом, начиная с весны 1943 г., проводился целенаправленный вывоз детей старшего школьного возраста на принудительные работы в Германию наряду с взрослым населением. Так, в Волотовском районе среди 9572 угнанных граждан был 341 человек нетрудоспособного населения (дети, подростки, старики) [1: 11].

Таким образом, нацистская оккупационная политика была направлена на истребление местного населения, включая детей и подростков, на угон их на принудительные работы, в том числе в Германию, в качестве дешевой рабочей силы. Массовые преступления нацизма против детства не имеют срока давности.

Источники и литература

1. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-1793. Оп. 1. Д. 9.
2. За блокадным кольцом (Воспоминания) / авт.-сост. И.А. Иванова. СПб., 2010.
3. *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. СПб., 2002.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 625. Оп. 1. Д. 11.
5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-116Л. Оп. 9. Д. 236.
6. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 3355. Оп. 4. Д. 95.
7. ЦГА СПб. Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 67.
8. ЦГА СПб Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 105.

Д.А. Вычеров

**СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОЧНИКОВЕДЕСКИЙ АНАЛИЗ¹**

22 июня 1941 г. немецко-фашистские войска вторглись на территорию Советского Союза. Так началась Великая Отечественная война, которая по праву считается самым значимым событием в истории нашей страны в XX в. Несмотря на то, что с момента окончания войны прошло уже много лет, внимание историков, общественных деятелей и обычных граждан к событиям того периода не ослабевает. Регулярно публикуются монографии, статьи, сборники воспоминаний очевидцев и участников боевых действий и тружеников тыла, проводятся всероссийские и международные конференции. И надо сказать, что проделанная работа позволила узнать многое о событиях войны, однако и к настоящему времени неизученными остались некоторые сюжеты. К таковым можно отнести жизнь советских детей и подростков на оккупированной территории Северо-Запада России: материально-бытовые условия, участие в партизанских отрядах, детский коллаборационизм, политика нацистов в сфере образования, проводимая на захваченных территориях Ленинградской, Псковской и Новгородской областей и многие другие аспекты повседневности.

Почему же эти страницы прошлого до сих пор нам неизвестны? Прежде всего из-за особенностей политического режима Советского Союза. В советское время существовал запрет на изучение сюжетов, которые свидетельствовали о просчетах и ошибках советской власти, допущенных в годы войны, о различных формах взаимоотношений между мирным населением и оккупантами и мотивах поведения советских граждан (по мнению советской власти, сотрудничать с нацистами могли лишь изменники Родины, враги народа). Засекреченными оставались архивные документы, которые могли бы пролить свет на многие вопросы. Не могли получить доступ советские историки

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>. This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>.

и к зарубежным архивам, поскольку с 1946 г. «полыхала» холодная война, следствием чего стало установление железного занавеса.

События, произошедшие на рубеже 1980-х – 1990-х гг. в нашей стране, привели к либерализации режима. Появилась возможность ликвидировать «белые пятна» в истории Великой Отечественной войны, переосмыслить позиции советских историков по поводу тех или иных событий 1941–1945 гг. Появились и перспективы для изучения сюжетов, касающихся советского детства на оккупированной территории Северо-Запада России. В данной статье мы обратим свое внимание на имеющиеся источники, в которых содержится информация о буднях советских детей в период оккупации Новгородской, Ленинградской и Псковской областей. Большинство из них хранится в региональных архивах этих субъектов Российской Федерации.

Полезными для понимания внутреннего мира ребенка являются источники личного происхождения. К этой группе следует отнести, прежде всего, письма и дневники, написанные детьми и подростками. Уникальность этих источников заключается в том, что они созданы детьми, то есть в них описана окружающая действительность глазами ребенка, отражены его мысли и переживания. Большинство же источников, по которым историки изучают феномен «детства» (в том числе и военного), написано взрослыми, которым, несомненно, присущ свой взгляд на мотивы поведения детей и подростков, их поступки и особенности восприятия происходящего. Это снижает степень объективности таких источников при использовании их для изучения психологии ребенка. Дневники, письма, наоборот, позволяют заглянуть вглубь феномена «детства». Но и здесь исследователь должен быть осторожен, поскольку ребенок по-своему видит и воспринимает всё происходящее, выявляет свои причинно-следственные связи между событиями (порой ошибочные) и дает им оценку, исходя из собственного опыта. Это необходимо учитывать исследователю, если он нацелен на то, чтобы выстроить полноценную картину происходящих событий, поместив в центр ребенка.

К настоящему моменту было найдено всего несколько дневников, в которых содержится информация о жизни на оккупированной территории Северо-Запада России. Этому есть несколько объяснений. В условиях чрезвычайной ситуации, на грани жизни и смерти

у многих детей и подростков не было возможности вести дневники или писать письма: не хватало сил, времени, а также бумаги, газет, необходимых для растопки, и письменных принадлежностей. Те же, кто вел дневники, безусловно, боялись, что при обыске полицаи найдут эти документы и расстреляют всю семью. К сожалению, скорее всего, некоторые дети и подростки – авторы дневников и писем – были убиты, а их труды никто не сберег.

Ценным источником для изучения советского детства на оккупированной территории являются документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Члены комиссии скрупулезно записывали все факты преступлений нацистов и их пособников, оценивали масштабы ущерба, нанесенного стране. Во многих документах содержатся сведения об убийствах советских детей и подростков издевательствах над ними. Но в то же время необходимо понимать, что «никакая информация о гуманном отношении к мирным жителям не фиксировалась» [2: 89]. Эти материалы хранятся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (фонд Р-9421), большая подборка есть в базе данных «Без срока давности» [1].

Определенную информацию об участии детей в боевых действиях на оккупированной территории, материально-бытовых условиях их жизни, практиках выживания, фактах биографии содержат документы партизанских отрядов. Многие из них хранятся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб) – в фонде Ленинградского штаба партизанского движения [10; 11]. Эти документы представлены нормативно-правовыми актами, делопроизводственной документацией: отчетами, личными делами, списками, докладами, решениями. В некоторых партизанских отрядах выпускали собственные газеты и боевые листки. Часть из них отложилась в фондах архивов Санкт-Петербурга (см., например: [13–16; 18]). В фондах Российской национальной библиотеки хранятся выпуски газеты «Ленинградский партизан». В газетах публиковали сведения о действиях партизанских отрядов, борьбе с оккупантами, взаимоотношениях с местным населением, фотографии.

Факты биографии некоторых пионеров-героев, погибших от рук оккупантов, были опубликованы в номерах газеты «Пионерская правда», ориентированной на подрастающее поколение (детей школьного возраста). Так, были широко освещены подвиги Шуры Чекалина [6; 7], Маши Пыренко [5], Миши Давыдова [8], Кости Кравчука. Кто-то из них был казнен за убийство немецких солдат, кто-то за сотрудничество с партизанами. Костя Кравчук был награжден орденом Красного Знамени «за сохранение двух полковых знамен частей Красной Армии в период немецкой оккупации города Киева» [9]. На Северо-Западе России совершил свои подвиги Леня Голиков, который был членом партизанского отряда, терзавшего оккупантов постоянными рейдами. Однако в постсоветское время стало известно, что в Советском Союзе факты биографии пионера-героя, как и его подвиг, были «отретушированы» согласно советской идеологии [4]. Некоторая информация о нем сохранилась в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов [12; 17; 19].

Некоторые сведения о жизни на оккупированной территории, восстановлении народного хозяйства содержатся в документах горно и облоно, горкомов и обкомов, горисполкомов и облизполкомов. Необходимо учитывать и немецкие документы, которые также находятся в архивах Северо-Запада России. Так, материалы, касающиеся «временно оккупированной территории Ленинградской области, представлены в ЦГА СПб (фонды Р-3355 и Р-9788)» (цит. по: [3: 110]).

Таким образом, в настоящее время существует большое количество документов и материалов, в которых содержится информация о повседневной жизни советских детей и подростков, проживавших на оккупированной территории Северо-Запада России. Использование совокупности этих источников позволит историкам восполнить многие пробелы в исследуемой теме, а также переосмыслить сложившиеся практики трактовки военных сюжетов, что в конечном итоге позволит ученым воссоздать наиболее полную картину событий Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. «Без срока давности»: онлайн-версия базы данных «Без срока давности». URL: <https://бд.безсрокадавности.рф> (дата обращения: 28.03.2022).

2. Ковалев Б.Н. Акты ЧГК (Чрезвычайной государственной комиссии) о преступлениях Голубой дивизии под Новгородом (1941–1942 гг.) // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2013. № 73. Т. 1. С. 88–92.
3. Красноженова Е.Е., Кулинок С.В. Преступления нацизма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам архивов Северо-Запада России и Республики Беларусь // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 98–120.
4. Никитенко Н.В. Две фотографии, или правда и вымысел о Лёне Голликове // Псков. 2013. № 38. С. 89–100.
5. Пионерская правда. 1941. № 118 (2630). 4 октября.
6. Пионерская правда. 1942. № 12 (2666). 7 февраля.
7. Пионерская правда. 1942. № 18 (2672). 28 февраля.
8. Пионерская правда. 1942. № 19 (2673). 4 марта.
9. Пионерская правда. 1944. № 23 (2796). 6 июня.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 1-1. Д. 20.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 1-1. Д. 51.
12. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 1-2. Д. 524.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 1-2. Д. 1399.
14. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 1-2. Д. 1400.
15. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 1-2. Д. 1510.
16. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 1-2. Д. 1512.
17. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 1-2. Д. 1719.
18. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 1-2. Д. 1758.
19. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4788л. Оп. 1. Д. 51.

Е.А. Шкрибитько

**СОВЕТСКИЕ ОСТАРБАЙТЕРЫ
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)**

Советских граждан, принудительно вывезенных во время Великой Отечественной войны на работы в Германию, называли остарбайтерами или «восточными рабочими». Спектр использования труда «восточных рабочих» был довольно широким: они работали в частном секторе, сельском хозяйстве, на железнодорожных станциях, на строительстве оборонительных укреплений, барачных, в шахтах, а также приводили

в порядок улицы городов и сёл, которые подверглись разрушениям вследствие военных действий и т.д. Значительная часть оstarбайтеров была задействована в промышленности Германии.

Целью данной статьи является комплексное исследование особенностей принудительного использования труда советских подневольных рабочих в промышленности гитлеровской Германии. Для достижения поставленной цели были обозначены предприятия промышленного звена, на которых трудились оstarбайтеры; проанализированы соответствия между работой, которую выполняли восточные рабочие, ее оплатой и условиями труда; отображены меры наказания подневольных рабочих за акты сопротивления.

Кампания по вывозу советских граждан в Германию началась в конце 1941 г. и продолжалась до конца 1944 г. По данным немецкой стороны, в мае 1942 г. более 60 % «восточных рабочих», которые находились в Германии, работали в сельском хозяйстве, 5,7 % – в добывающей промышленности, 5,8 % – в металлургии, 11 % – в машиностроении, 2,3 % – в химической промышленности, 1,4 % – в электротехнической промышленности, 3,1 % – на железной дороге [8: 29].

Постепенно ситуация изменилась. Уже в июле 1942 г. в сельском хозяйстве Германии было задействовано 42,2 % оstarбайтеров, остальные работали в промышленности и на строительстве. В декабре 1944 г. из 2,1 млн зарегистрированных «восточных рабочих» в сельском хозяйстве работало 725 тыс. человек (35,8 %) [8: 29].

В подавляющем большинстве случаев работа оstarбайтеров была чрезвычайно тяжелой, изнурительной и низкооплачиваемой. Условия труда не соответствовали никаким стандартам. Однако людям, которые попали в такую ситуацию, пришлось смириться и приспособиться к ней.

В результате постоянных мобилизаций в немецкой экономике ощущалась постоянная нехватка рабочей силы, поэтому для замещения вакантных должностей, в основном низких рангов (частично этот факт можно объяснить тем, что оstarбайтеры преимущественно были молодого возраста и в редких случаях имели квалификацию), и выполнения различных работ в больших масштабах начали привлекать иностранных рабочих. На начальном этапе такое привлечение к труду было добровольным, поскольку люди, не зная реальной картины,

соглашались на отъезд в Германию. Однако постепенно ситуация изменилась и люди отказывались от добровольного вывоза. Поэтому на оккупированных территориях население силой, с помощью облав, отправляли на принудительные работы в Германию.

Сразу по прибытии рабочие с Востока попадали в распоряжение министерства труда и бюро по использованию рабочей силы во главе с Ф. Заукелем, а затем все заинтересованные в рабочей силе немецкие ведомства осуществляли распределение трудовых ресурсов в соответствии с потребностями промышленности и сельского хозяйства. В результате одних забирали помещики, других направляли на государственные или частные фабрики и заводы, а также на другие работы.

Основным документом, удостоверяющим личность остарбайтеров, была рабочая карта (Arbeitskarte), заверенная печатью учреждения труда. Она содержала основную информацию о лице, его фото и отпечатки пальцев [9: 134]. С 1 мая 1943 г. был введен новый вид удостоверений остарбайтеров и рабочих из оккупированных стран – трудовые книжки для иностранцев (Arbeitsbuch für Ausländer) в 38 страниц, где отмечались различные данные о рабочем, в частности фамилия, имя, страна происхождения, дата и место рождения, государственная принадлежность, национальность, семейное положение, знание немецкого языка и т.д. [9: 134–135].

По свидетельствам очевидцев, в сельском хозяйстве работать было несколько проще, поскольку здесь в основном всё зависело от межличностных отношений. В промышленном секторе человеческий фактор не играл весомой роли. Рабочее время остарбайтеров было строго регламентировано, и никаких послаблений быть не могло.

Советские подневольные рабочие трудились на различных промышленных предприятиях Германии, как на государственных, так и в частных. Где именно они были задействованы, можно проследить по архивным документам и их личным воспоминаниям. Среди предприятий указываются, например, кирпичный завод, фабрика по обработке железа, водопровод, литейный завод военной промышленности, автомобильный завод, плодоовощная консервная фабрика, химический завод, электрический завод, завод по ремонту поездов, завод по изготовлению удобрений, металлотрубный завод, угольная шахта, авиационный завод, цинковый завод, швейная артель, завод

по изготовлению деталей к подшипникам, сигаретная фабрика, металлургический завод, железнодорожное депо. Остарбайтеров привлекали к строительству жилых бараков для рабочих, уборке городов, в качестве чернорабочих в депо и т.д. [8: 30].

Таким образом, остарбайтеры работали во всех сферах промышленности, причем как мужчины, так и женщины вынуждены были выполнять сложную работу. В обмен на это они имели лишь условия, состоявшие из сплошных ограничений и наказаний. Так, на «восточного рабочего» № 326 Деденко за то, что он 23 марта 1944 г. без разрешения, ранее установленного времени оставил свое рабочее место и передал другому рабочему свою карточку, чтобы тот поставил штамп, был наложен штраф в размере 20 марок [4: 78]. Дмитрий Дренд, рабочий № 1115, за то, что уклонялся от работы в воскресенье 22 октября 1944 г., был оштрафован в размере 15 марок (штраф вычитали из зарплаты), а Иван Саввич Подонко за подобный же проступок – невыход на работу в воскресенье – на следующий день был арестован и направлен на 3 месяца в штрафлагерь [1: 223].

За попытки побега немцы беспощадно наказывали. Так, Надежду Степанюк за побег из лагеря гестапо отправило в штрафлагерь, где она пробыла 7 недель. Затем ее направили в концлагерь, где после допросов она предстала перед судом, который приговорил ее к 6 неделям тяжелого труда. К тому же ее жестоко избивали (по 25 резиновых палок в день) [4: 81]. Тарас Иванович Верес, который работал дворником в одном из немецких лагерей, где проживали иностранные рабочие, за попытку побега из лагеря был арестован на 7 суток [8: 31], Любови Яковлевне Иванюк (работнице литейного цеха одного из немецких заводов) за побег было присуждено 2 месяца тюремного заключения [5: 87].

Однако суровые наказания не останавливали иностранных рабочих, они неоднократно предпринимали новые попытки побега. Так, за трехкратный побег Семена Францевича трижды наказывали: за первый побег он 1 месяц просидел в тюрьме и еще месяц в концлагере, а за вторую и третью попытки – по месяцу провел в концлагерях [5: 88]. Аналогичных примеров можно привести множество.

Бывали случаи, когда подневольным рабочим удавалось скрыться с места работы. Однако они имели подозрительный внешний вид, и полиция их задерживала на улице, или при отсутствии документов

они не могли приобрести билеты. В обоих случаях бежавшие оказывались в полиции, где после допросов им назначали меры наказания. Так случилось и с Ефросинией Евпатий, которая со своей подружкой полькой Галиной Боленко сумели бежать с немецкого завода по изготовлению труб для водопроводов, однако на одной из станций, где они хотели приобрести билеты, их задержала полиция, и после допроса женщин отправили в концлагерь на 40 суток [5: 88].

О том, что уровень побегов в среде иностранных рабочих был довольно высоким, свидетельствуют данные, приведенные Т. Пастушенко. Начиная с 1943 г. в Германии ежемесячно совершали побег около 45 000 иностранных рабочих, то есть почти 500 000 в год, большую часть из которых составляли остарбайтеры [7: 57–58].

Шкала заработной платы ощутимо колебалась, однако совсем не соответствовала той работе, которую выполняли подневольные рабочие. При этом работать следовало добросовестно и преимущественно без выходных, потому что за любое сопротивление жестоко наказывали разнообразными способами (от предупреждений и штрафов до длительных заключений в концлагерях). Так, на одном из немецких предприятий по выплавке и обработке железа остарбайтер получал 30–35 марок в месяц, в г. Франкфурт на химическом заводе – от 12 до 20 марок, чернорабочие на электрическом заводе – 50 марок, упаковщики на заводе по изготовлению удобрения – 70 марок, уборщица цехов на металлотрубном заводе – 20–30 марок, грузчики на химическом заводе – 15–20 марок, на железнодорожном составе – в среднем по 10 марок, иностранный рабочий на металлургическом заводе – 30–40 марок [8: 31]. Это при условии, что рабочий день часто составлял 12 часов, а иногда и больше.

Неоднократно бывали случаи, когда остарбайтеров переводили с одного места работы на другое, не объясняя при этом причин. Например, Дмитрия Кузьмича Савчука после того, как он поработал около 7 месяцев упаковщиком на одном из немецких заводов по изготовлению деталей к подшипникам, по неизвестным причинам перевели работать в сельское хозяйство [2: 235]. Подобная судьба выпала и Григорию Климовичу Пилипчуку, который с начала пребывания в Германии почти год был чернорабочим на строительстве военных казарм, впоследствии почти месяц разгружал вагоны на одной

из железнодорожных станций, затем был задействован на земляных работах по прокладке кабеля на берегу реки Одер [4: 83]. Такая политика применялась, очевидно, чтобы люди не успели адаптироваться к среде, не завели друзей и знакомых, с помощью которых могли организовать диверсии.

Ярким проявлением дискриминации было введение для остарбайтеров приказом Г. Гимmlера от 20 февраля 1942 г. специального знака «OST», использовавшегося до 1944 г. [2: 236–237], и соответствующего номера. Номер присваивали даже новорожденным детям «восточных рабочих» [6: 224]. Тех, кто не хотел брать номер, могли наказать, как это сделали с Евгенией Картацкой, которой за проявление неповиновения пришлось отбыть 9 недель в концлагере [5: 115].

Немецкие власти контролировали наличие у иностранных рабочих опознавательных знаков. За выход без знака «OST» «восточного рабочего» могли задержать и наложить штраф, размер которого колебался. Так, за то, что Анна Николаевна Яценко вышла без указанного знака на работу, ее забрали в полицию, допросили, а потом оштрафовали на 15 марок, Николая Григорьевича Крупача за подобный инцидент оштрафовали на 20 марок, а Нину Федоровну Питаль – на 30 марок [8: 31]. Учитывая то, что иногда сама заработная плата составляла 20 марок, а то и меньше, это было довольно суровое наказание.

Остарбайтеры, которые работали на промышленных предприятиях, ежедневно могли стать жертвами производственных травм. Однако никаких социальных гарантий при несчастном случае, получении травмы, инвалидности, они не имели. Хотя в виде исключения руководители предприятий всё же предоставляли остарбайтерам отпуска. Например, Константина Оверковича Филоника, который работал на химическом заводе в Берлине, директор отпустил на 14 дней домой. За его пребыванием на Украине должны были следить местные органы власти, и после окончания срока отпуска местная управа должна была отправить его обратно в Германию [3: 641].

Проживали «восточные рабочие» в лагерях, огражденных колючей проволокой, без каких-либо отдельных удобств, но под охраной немецкой полиции. За пределы лагеря выходить им не разрешали, выпускали их только для производственных нужд. В основном лагерь располагались недалеко от места работы, однако были и такие,

которые находились в нескольких километрах от работы. Надлежащего питания не было (например, на лесопильном заводе, где рабочий день составлял 12 часов, а заработная плата 10 марок в месяц, суточный рацион питания составлял 250 г хлеба и борщ из брюквы, иногда хлеба выделяли только по 200 г) [1: 224].

Катастрофически не хватало одежды и обуви, поэтому остарбайтеры, имея в подавляющем большинстве убогий и жалкий внешний вид, значительно отличались от местных жителей. Это было связано с тем, что организация использования труда рабочих из СССР в Германии не предусматривала обеспечение их предметами одежды. Поэтому еще в объявлениях, призывавших к выезду, рабочим рекомендовали брать с собой в Германию сменную одежду (рабочую, праздничную и белье), зимние вещи, обувь, средства личной гигиены (мыло, полотенца), чашку, ложку и т.п. [1: 225–226]. Однако в большинстве случаев люди не имели никакой возможности собрать самые необходимые вещи, поскольку их в результате облав заставляли в том, что на них было, и отправляли за границу. В результате вещи, которые они имели, быстро изнашивались, а получить новые было непросто.

Антисанитарные условия немецких лагерей сочетались с дефицитом предметов индивидуальной гигиены. Всё это способствовало развитию различных инфекций и болезней (наиболее распространенными были туберкулез, общая сердечная недостаточность, истощение, плеврит, тиф и воспаление легких) и, соответственно, высокой смертности.

Таким образом, принудительный вывоз советских граждан на работы в Германию отличался методичностью, жестокостью, нарушением гражданских прав и свобод. Остарбайтеры часто выполняли непосильную и трудоемкую работу, однако рассматривались исключительно как бесплатная рабочая сила, желания и потребности которой не учитывались. Использование их труда в промышленности Германии характеризуют строгая регламентация рабочего дня, запрет покидать свое рабочее место, ограниченный рацион питания, низкая оплата и тяжелые условия труда, отлаженная система наказаний за проявление сопротивления, ограничения личных прав и свобод, запрет на удовлетворение культурных и духовных потребностей. Эти обстоятельства негативным образом повлияли на судьбы сотен тысяч людей.

Источники и литература

1. *Аристов С.В.* Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М., 2017.
2. *Гальчак С.Д.* На узбіччі суспільства: Доля українських «остарбайтерів» (Поділля, 1942–2007 рр.). Вінниця, 2009.
3. *Гальчак С., Пастушенко Т., Шевченко М.* Українські робітники нацистської Німеччини: вербування, примусова праця, репатриція // Україна в Другій світовій війні: погляд з ХХІ століття. Історичні нариси. Київ, 2011. Кн. 2. С. 44–92.
4. *Данчук А.* В обіймах пам'яті – омріяне та дійсне: щоденник остарбайтера (Саксонія 1943–1945 рр.). Монастирище, 2007.
5. Малолетние заложники бесчеловечной войны: живые свидетельства Беларуси. Минск, 2011.
6. Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні: збірник документів і матеріалів. Київ, 1963.
7. *Пастушенко Т.* «Остарбайтери» – українські примусові робітники нацистської Німеччини // Історія в школах України. 2004. № 9–10. С. 55–58.
8. *Потильчак О.* Трудові ресурси радянських військовополонених та «остарбайтерів» з України у нацистській військовій економіці в роки Другої світової війни. Київ, 1998.
9. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941–1944 гг.). М., 1985.

В.А. Агеева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ТАГАНРОГА НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ В ГЕРМАНИИ в 1942–1945 гг. (на материалах дневников, писем, устных источников)

В годы Великой Отечественной войны выкачивание ресурсов немецко-фашистскими захватчиками из оккупированных территорий означало в том числе и угон миллионов людей в рейх на принудительные работы. После провала блицкрига нехватка рабочей силы в Германии становилась всё ощутимее. С 1942 г. началась активная фаза вывоза советских граждан на принудительные работы.

В структуре бургомистра г. Таганрога, который был оккупирован 17 октября 1941 г., отдел труда (с 1942 г. – биржа труда) занимал особое место, и выполнял распоряжение Виртшафтсштаба ОСТ «О трудовой повинности». Сотрудники биржи проводили регистрацию трудоспособного населения города от 14 до 65 лет. В зависимости от возраста, состояния здоровья, семейного положения люди направлялись на работу в Германию, в тыловые районы восточной Европы, на предприятия города.

Оккупационные власти использовали любые средства, для того чтобы отправить в Германию как можно больше рабочей силы: от вербовки с помощью лживой пропаганды и обещаний до принудительной мобилизации и облав. Местная полиция – коллаборанты и немецкие военнослужащие – ежедневно охотились на горожан. Если при проверке документов отсутствовала справка о трудовой занятости на военно-значимых объектах города, таганрожец тут же получал «путевку» на принудительные работы в Третьем рейхе.

Первые партии остарбайтеров («восточных рабочих») из г. Таганрога стали отправляться с апреля 1942 г. Вместе с родителями в Германию вывозили детей разного возраста, а с весны 1943 г. стали преимущественно отправляться подростки. Страх попасть в облаву и быть угнанным стал неотъемлемой частью жизни таганрожцев в оккупации.

В ярких пропагандистских брошюрах и плакатах работа в Германии представлялась как возможность повысить квалификацию, выучить немецкий, ускорить строительство «справедливого» общества без большевиков и помочь родственникам в России и др. В реальности жизнь «остовца» не стоила ничего. Службы безопасности Третьего рейха использовали жестокие меры для принуждения «восточных рабочих» к соблюдению дисциплины и предотвращения запрещенных контактов представителей «низшей расы» с немецким населением. За «нерадивость», побеги с рабочего места и другие проступки «остовцам» грозили наказания, в том числе перевод с производства в исправительно-трудовые, концентрационные лагеря, тюрьмы, а также смертная казнь. Любая форма отстаивания своих прав и сопротивления для остарбайтеров была сопряжена с риском для жизни. Тысячи таганрожцев подорвали здоровье, умерли от непосильного труда, голода и болезней, погибли при авианалетах.

Многие оказались в лагерях уничтожения в Маутхаузене, Заксенхаузене, Равенсбрюке, Дахау и др.

Эго-источники позволяют посредством историй локального характера реконструировать общую историю принудительного труда при национал-социализме в Третьем рейхе, представить его расово-идеологические корни, показать труд как инструмент террора, раскрыть полнее темы коллаборационизма, унижения непосильным трудом, сюжеты повседневности и другое.

Уникальным и богатым источником, своеобразной летописью повседневной жизни жителей города г. Таганрога в немецко-фашистской оккупации с 17 октября 1941 г. по 30 августа 1943 г. является дневник-хроника Николая Саенко. Автор скрупулезно описывал события, фиксировал факты, происходившие как в городе, так и лично с ним, делился впечатлениями, личными трудностями и переживаниями. С одной стороны, тема угона соседей, знакомых и просто земляков в рабство Третьего рейха волновала Н. Саенко с моральной и нравственной точки зрения, как советского гражданина. Так, 10 мая 1942 г. он писал: «Сегодня была очередная отправка людей в Германию. Отправлялась исключительно молодежь, ребята, девки и юноши не семейные. Сколько плачущих, как уезжающих, так и провожающих, ибо запись производится без всякого разговора – нет семьи и без разговора, а если есть семья на иждивении, неси справку или метрическую выписку. Если нам, советским людям, всмотреться как следует в эти насильные отправки людей, то невольно воображаются старые времена рабовладельчества – стоят люди и дожидаются – вот подъедут, заберут их и увезут неизвестно куда, и что заставят делать – тоже неизвестно, и спрашивать не у кого, а будешь допрашиваться, то получишь плети или палки, а то и по морде заедет немец. А люди, стоявшие для отправки, сразу видно, что это невольники и рабы немецких магнатов»¹ [3: 91]. В этой записи отчетливо прослеживается ощущение беспомощности и незащитности населения захваченного немецко-фашистскими оккупантами Таганрога. Драматизм и отчаянье в отношении этого трагического сюжета у автора дневника усиливаются к весне 1943 г. когда начинается массовый вывоз таганрожцев

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены.

в Германию: «11 июня. По городу происходит ужасная беготня, люди мечутся по всем учреждениям, ищут, где бы поступить на работу. Ходят упорные слухи, что из города будут выселять всех неработающих, а останутся только те, кто работает и его иждивенцы, да у кого взяты из семьи в Германию. На бирже людей полно, не протолкнуться. Есть несчастные случаи – одна женщина повесилась, когда услышала, что её выселяют. Утром отправлена первая партия – 72 машины с людьми» [3: 131–132]. Следует отметить, что и самому Н. Саенко 25 июня 1943 г. принесли повестку явиться на биржу труда для высылки из Таганрога. Он очень подробно описывает это в дневнике, как через свои эмоциональные переживания, так и через стратегии поведения, позволившие ему уберечься от трагической участи. К счастью, ему это удалось, в отличие от тысяч таганрожцев, разделивших горькую судьбу других оstarбайтеров.

Только за 40 дней, с 11 июня по 20 июля 1943 г., из г. Таганрога было отправлено на принудительные работы 6762 человек, из них 4043 детей [5: 12–13]. Всего за период оккупации около 27 тысяч таганрожцев было вывезено в Германию [1: 6].

Оставшиеся на родине члены семей, угнанных в рабство, были в отчаянии. Часто родители не знали, куда отправлены их сын или дочь, и в течение долгих месяцев ждали известий от них. Именно письма стали самым распространенным коммуникационным каналом для восточных рабочих. Писать их можно было только на специализированных открытках. Все послания проверяла нацистская цензура, и в них нельзя было написать ничего плохого о жизни в Германии, поэтому приходилось прибегать к иносказательной форме. В некоторых письмах заметно, что часть текста вымарана цензорами. В акте № 1 чрезвычайной комиссии от 1 сентября 1943 г. «Об установлении и расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в городе Таганроге» констатируется: «Свободные советские люди, превращенные немецкими палачами в рабов, обречены на голодное существование и медленное умирание от недоедания и непосильной работы, о чем свидетельствуют письма из Германии от угнанных советских граждан. ”Мы условились с дочкой и сыном писать письма так, чтобы они проходили через цензуру. Где написано хорошо, читай наоборот” – говорят все граждане...» [5: 13].

Таганроженка Лина Иванова 28 июня 1943 г. писала из Германии родителям: «В пятницу 25.06 зацепили краюшком и Лангендреер (фрагмент текста вымаранный цензором. – В.А.), а наша фабрика имеет еще счастье, нет не одного попадания <...> Один раз был налет – разбита была плотина, вода хлынула, затопила большую деревню. Последний раз в Бохуме горел русский лагерь из 2000 чел[овек], 4 барака со всем сгорело, но люди все остались живые, только одна раненая. Но налеты не такие как вообще, а прилетают сразу по 100 самолетов, так что даже после одного налета становится чувствительно. Уже несколько недель как эвакуируют из этих мест детей вглубь Германии, где нет налетов. Но мы никогда не думаем об этом и не подаем духом, вы тоже не беспокойтесь, потому что у нас кельи хорошие. Ну пока писать больше негде. Пишите адреса кого знаете. Привет всем вам и знакомым, с Ниной К. переписываюсь, если увидите мать Нинину, передайте привет и скажите, что Нина беспокоится почему нет писем из дому. Пишите ответ. Целуем крепко» [6: 2–3].

Помимо писем остарбайтеров, отправленных родным в годы военного лихолетья, в 90-х гг. XX в. появились другие письма-источники, написанные уже бывшими «восточными рабочими» в рамках компании выплат им немецкими властями материальной компенсации. Следует отметить, что память о жертвах принудительного труда в Третьем рейхе, по окончании войны, многие десятилетия не только была на периферии политики памяти СССР, но и считалась «забытой» в Германии. Изменение ситуации наблюдается в ФРГ в 1980-х гг., когда подневольные рабочие были признаны «жертвами покаяния» и активизировались процессы выплаты им материальной компенсации. В 1954 г. СССР отказался от репарационных претензий к ГДР, поэтому советские граждане фактически не смогли получить компенсаций за бесплатный труд и моральный ущерб в годы войны. Ситуация начала меняться в начале 1990-х гг., однако и тогда процесс распределения государственных компенсаций был непрозрачен, а суммы – невелики. Вторая волна компенсаций в 2000-х гг. была связана с деятельностью немецкого фонда «Память. Ответственность. Будущее» и австрийского фонда «Примирение, мир и сотрудничество». В 1993–2005 гг. компенсации были выданы всем, располагавшим соответствующими документами. В итоге за этот период в немецких

архивах отложился пласт писем, описывающих трагические судьбы советских граждан, побывавших в рабстве Третьего рейха. В них содержится подробная информация о механизмах организации принудительного труда, повседневности «восточных рабочих» в нацистской Германии и др. Например, в архиве г. Альтена (Германия) хранится письмо таганроженки Зинаиды Бобылёвой, в котором она повествует о своей трагической судьбе: «Вы попросили меня, чтобы я описала Вам свою жизнь в Германии во время войны. Я, <...> 1926 года рождения, родилась в городе Таганроге. Мне было в то время 16 лет. В мае месяце 1942 г. нас много молодежи взяли облавой немецкие солдаты и сказали прийти на биржу труда 1 июня. И вот нас выстроили в шеренгу и погнали, как скот, пешком около 200 км от Таганрога до Мариуполя. В городе Мариуполе нас посадили в товарные вагоны битком набитые и повезли в Германию. <...> И вот приехали в Лодзе, нас высадили из вагонов и повели в баню. Там были в бане молодые солдаты, которые смеялись над нами, а мы совершенно голые прятались друг за друга. Прожарили наше белье. Потом вывели нас во двор, и начали нас разбирать хозяева. Я попала в Шаксмюле на фабрику Карл Бер. Привезли нас 17 человек, все молодые девочки. На фабрике прямо во дворе стоял барак, где мы жили. Двухэтажные нары, соломенный матрац и подушка соломой набита <...> Работали мы по 12 часов с 6 часов утра до 6 часов вечера...» [4].

В фондах архива г. Люденшайда (Германия) отложились транскрипции нарративно-биографических интервью с жителями г. Таганрога, угнанными на принудительные работы. Документы составлены на немецком языке и записаны предположительно в конце 1990-х – начале 2000-х гг. К сожалению, мы не располагаем личными данными этих людей и можем только представить выдержки из нарративов под номерами. Всего их пятнадцать.

Во всех интервью содержится небольшая информация автобиографического характера, обстоятельства принуждения к отправке на рабские работы в Германию, в том числе причастность к этому процессу коллаборантов, совершенно бесчеловечная, в товарных вагонах депортация к месту назначения и дальнейшая череда унижений и горестей, выпавших на их долю. Например, информант № 2 вспоминает: «Я родился в Таганроге в 1925 году. Мой отец работал

на металлургическом заводе. Он был плавильщиком. В семье нас было пятеро детей. Моя мать была домохозяйкой. У нас был свой дом и свое хозяйство. В 1933 я пошел в школу. В 1941 я окончил школу. Я пошел в Таганрогский металлургический техникум. В октябре мы должны были рыть траншеи/окопы. Через несколько недель город Таганрог был оккупирован немцами. Тогда мне было 16 лет. В апреле нас отправили работать на фронт для немцев. Теперь мы должны были копать траншеи для немцев. С апреля молодых людей отправляли в Германию. Из-за этого в Таганроге почти не осталось людей. 20 июня к нам подошел русский полицейский и сказал, что 1 июля мы должны уехать в Германию на работу. Я был в группе из 150 человек: детей, молодых людей и взрослых. Нам пришлось пройти четыре дня до Мариуполя. Там мы сели на товарный поезд до Сталино (Донецк. – А.В.). <...> Нас было 50 человек в грузовом вагоне: мужчины, женщины и дети. Дорога в Германию заняла две недели. Во Львове нас впервые ударили палкой по голове. Поскольку я не понимал немецкий, я не знал, идти мне направо или налево. Затем нами управляли палкой...» [2].

В некоторых интервью отчетливо показывается отношение нацистского режима к советским гражданам в соответствии с расистской иерархией в нацистской Германии. В ней за представителями «высшей расы» – немцами-арийцами следовали жители Северной и Западной Европы, внизу этой иерархии находились поляки, затем граждане СССР (остарбайтеры), и на самой низшей ступени находились евреи, а также цыгане. Представители низших ступеней должны были носить на своей одежде специальные знаки. Для подневольных работников из Советского Союза это был знак «OST». Респондент № 3 отмечал: «Люди одной национальности жили вместе, разных национальностей – раздельно друг от друга в бараках. У других национальностей было больше свободы. По воскресеньям хорватам и французам было разрешено выходить без пропуска. Они были одеты в штатское. Мы должны носить знак восточного рабочего, чтобы нас можно было различать. Нам не разрешали покидать лагерь без этого знака. Также в лагере у меня завязались дружеские отношения, которые мы по сей день поддерживаем с таганрожцами. С другими у меня не было никаких связей, никакой дружбы» [2].

Таким образом, по теме угона и использования на принудительных работах в Германии жителей г. Таганрога сложилась широкая база письменных источников личного происхождения и устных источников. Их можно систематизировать по хронологии создания. Такие эго-источники, как письма-карточки остарбайтеров родным и дневник таганрожца Николая Саенко написаны непосредственно в годы Великой Отечественной войны. В 1990–2000-х гг. появляются источники, созданные таганрожцами в виде писем-описаний своих трагических судеб «остовцев», отправляемые в немецкие организации для выплат соответствующих компенсаций. Примерно в этот же период реализуется проект Института истории и биографии Заочного университета г. Хаген по интервьюированию бывших принудительных рабочих Третьего рейха. Учитывая географическую близость расположения института от г. Люденшайда, можно предположить, что отложившиеся в его городском архиве транскрипции интервью появились в ходе реализации указанного выше проекта.

Обобщая представленную в источниках информацию, следует констатировать, что самым травмирующим, запомнившимся на всю оставшуюся жизнь для большинства таганрожцев был момент «перехода в рабство», когда их отбирали на немецких биржах труда, устроенных по типу невольничьих рынков. Этот процесс был наиболее драматичным по эмоциональному накалу, так как глубоко задевал человеческое достоинство. Прикрепляемый к одежде восточных рабочих знак «OST» был в прямом смысле знаком случившейся с ними беды, свидетельством их второсортности и бесправия в Третьем рейхе.

Источники и литература

1. Агеева В.А. Отражение событий Великой Отечественной войны в экспозиции международной мобильной двуязычной выставки «Диалог памяти – путь к миру» // «Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия. XXXVII Адлерские чтения» // Сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. К 115-й годовщине рождения российского парламентаризма. Краснодар, 2021. С. 5–10.
2. Биографическая коллекция принудительных рабочих (перевод – В. Куликов) // Городской архив г. Люденшайда (Федеративная Республика Германия).

3. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 447.
4. Письмо Зинаиды Бобылёвой в архив Маркишского округа. 4 апреля 2000 г. // Архив Маркишского округа, Альтена (Федеративная Республика Германия).
5. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Ф. Р-165. Оп. 5. Д. 4.
6. ТФ ГАРО Ф. Р-513. Оп.1. Д. 23.

Вер.Ю. Мартыненко, С.И. Рясный

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА (по материалам семьи из г. Красный Сулин)

В жизни человека всегда есть право выбора. Даже в самые страшные минуты остаются как минимум два решения. Порой это выбор между жизнью и смертью: совестью, позволяющей сохранить честь и достоинство, и долгой жизнью в страхе, что когда-нибудь станет известно о том, какой ценой она куплена. В данной статье мы остановимся на истории одного предательства, случившегося в самой обычной, казалось бы, семье города Красный Сулин. Только время было не совсем обычное – осень 1942 г., война, оккупация Ростовской области немецко-фашистскими захватчиками. Правда, корни этого предательства уходят еще в довоенное время.

В далекие 1920-е гг. молодой и красивый Петр Пименов женился на любимой девушке Екатерине Сигачевой. В 1921 г. родился сын Павел, в 1926 г. – дочь Валентина. Семья жила в мире и согласии. Петр стал Петром Филипповичем, начальником отдела сбыта Красносулинского шахтоуправления [6: 45]. Но голод 1930-х гг. коснулся семьи своим черным крылом: жена Петра слегла и уже больше не встала.

Тяжело переживал Петр потерю жены. Печалился о детях – малы еще. Да и в дом нужна хозяйка. Вот тут-то и оказалась рядом, как бы невзначай, красивая, разбитная, словоохотливая Манечка Володина, работавшая кучером и возившая его на пролетке. Слово за слово – и она уже Мария Сергеевна Пименова, жена Петра Филипповича. В 1935 и 1937 гг. родились еще две дочери – Зоя и Нина [5: 334–340]. Да только, как в сказке о Золушке, невлюбила мачеха старших детей. Отца целыми днями не было дома – работа. А Павел и Валентина превратились

в прислугу: поручения раздавались постоянно, но кормили плохо или вообще не кормили, за всякие провинности наказывали. Своих же дочерей лелеяла и холила. Павел из-за постоянного недоедания дома начал воровать еду у соседей, в магазинах, за что попал в тюрьму. Отец очень сожалел, передавал передачи. Павел выходил и вновь из-за воровства попадал на нары.

Когда началась война, сестра Манечки – Прасковья – ушла на фронт. Павла тоже призвали на фронт. Манечка осталась дома с детьми. Петра Филипповича на фронт не взяли – «колченогий». Он продолжал работать. А потом в город вошли немцы. Как бы то ни было, но людям нужно было учиться жить в новых реалиях. Большинство работало по 14 часов в день, питаясь миской постного супа и 150–250 граммами хлеба в день. Причем стоимость такого обеда вычиталась из заработной платы. Детям и другим членам семьи, находившимся на иждивении, паек не выдавали. Обычные рабочие получали 200–400 рублей в месяц, специалисты около 800. Но это была мизерная сумма, ведь литр молока стоил 40 рублей, десяток яиц – 150, пуд муки можно было купить за 1000, а то и дороже, столько же картошки за 500 рублей.

Кроме того, мужчины 16–55 лет и женщины 16–45 лет вербовались для отправки в Германию на работы [4: 1–10б.]. Мобилизованному полагалась разовая выплата в 250 рублей и ежемесячное пособие в 800 рублей в ближайшие три месяца. Несмотря на это, родители всячески противились угону детей в Германию на работы. По воспоминаниям жителей Красного Сулина, подросткам, а особенно девочкам, расцарапывали лицо, ноги, обливали их уксусом, создавая тем самым незаживающие язвы. Фашисты, боявшиеся всякой заразы, не трогали такую молодежь.

Учитывая, что на оккупационных территориях было очень мало мужчин, большая часть тягот выпадала на плечи женщин и стариков. Но порой они, приспособливаясь к новым жизненным условиям, становились предателями. Так случилось и в семье Пименовых. Пока Петра Филипповича не было дома, Манечка сама зазвала немцев в избу и отдала им Валентину. По воспоминаниям Валентины и дочерей самой Марии Сергеевны, она чуть ли не за руку вместе с фашистами отволокла девушку к вагонам, куда сгоняли сулинскую молодежь для отправки в Германию. Вернувшемуся отцу правды никто не сказал.

Так Валентина оказалась в Германии. Долго в семье бытовало мнение, что девушка находилась в концлагере. Сомнения развеяла сама Валентина, впоследствии неоднократно приезжавшая сначала в СССР, а потом уже и в Россию. Попала она не в концлагерь: это были какие-то бараки при богатых немецких хозяевах. Несмотря на голод и наказания, условия все же были приемлемые. В Германии Валентина познакомилась с голландцем Яном ван Нимвегеном, который влюбился в красивую русскую девушку, постоянно подкармливал ее, отдавая свой паек, а когда пришло освобождение, предложил стать его женой. Со слов самой Валентины, на работах было очень много молодежи из разных стран, большая часть которой перезнакомилась и пережилась. Возвращаться в СССР было небезопасно, так как угнанные на работы автоматически получали клеймо врага. Валентина уехала вслед за мужем в Нидерланды, но до конца жизни тосковала по родине, вначале даже трижды сбежала, чтобы вернуться в Ростовскую область. Но Нидерланды – небольшое государство, Ян всегда находил и возвращал ее, тем более что у них уже были дети. Когда родился третий ребенок, побег прекратился. Поездку на родину Валентина смогла осуществить только в 1959 г. Она была в числе первых советских граждан, оставшихся после войны за границей, которые ездили в СССР. В Красном Сулине из-за этого у них с мужем возникли проблемы при регистрации своего приезда не только с органами госбезопасности, но и горисполкомом в связи с оформлением многочисленных документов. Потом приезжать стало проще.

У Валентины и Яна ван Нимвеген родилось восемь детей. Первая дочь, Любовь, умерла в младенчестве – сказались годы, проведенные матерью на принудительных работах, и голод. Остальные семеро: Пит, Паул, Алекс, Герман, Ренней, Йорш, Карла (которую всегда в честь бабушки называли Катей) – выросли достойными людьми. Сама Валентина, даже проживая в чужой стране, осталась русской: не сменила вероисповедания, хорошо говорила на родном языке, пела русские песни, готовила русские блюда, читала русскую классику. В комнате у Валентины были русские книги, православные иконы, даже русский национальный костюм. Своим детям ей тоже удалось привить любовь к России.

Ян работал слесарем в автомастерской, а Валентина всю жизнь была домохозяйкой, занималась детьми. Хозяин автомастерской,

в которой работал Ян, видя его усердие и трудолюбие, неоднократно предлагал выделить деньги на обзаведение своей автомастерской, но Ян отказался и до пенсии работал на одном месте.

Будучи в почтенном возрасте, супруги оставили имущество детям и поселились в доме престарелых. В Голландии так принято. При этом жили полноценной жизнью: общались с родственниками и друзьями, приезжали в Россию. Когда появилась возможность достаточно свободно приезжать в Нидерланды из России, Валентина приглашала родственников в гости, только всегда просила привезти что-нибудь русское.

Удивительно то, что никто, и прежде всего Манечка, не ожидал увидеть Валентину живой, да еще и замужем за иностранцем. Ведь Петру Филипповичу всегда ставилось в укор то, что его дети «непутевые»: сын – вор, а дочь – угнанная. Но в личной карточке формы Т-2 на Пименова Петра Филипповича, заведенной в 1943 г. в отделе кадров Красносулинского шахтоуправления и в настоящее время хранящейся в фондах ГКУ РО «Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области» (ЦХАД) в графе «находились ли родственники в Германии» указано «нет» [4: 46]. Но Красный Сулин – город маленький. Тогда о том, что произошло в семье Пименовых, много судачили. Да и сейчас еще живы люди, которые помнят эту историю. По соседству с Пименовыми жила Любовь, родная сестра Екатерины Сигачевой (матери Валентины). Она тоже молчала. Возможно, в те годы каждый хотел выжить. А где-то и власти закрывали глаза. Нужны были работники. Почти в каждой семье были темные пятна... Вот и молчали обоюдно.

В свой первый приезд в СССР Валентина еще застала отца живым. Правда восторжествовала. А мачехе Валентина всё простила. Да и брат Павел, несмотря на свое воровское прошлое, не подвел отца – достойно воевал, был награжден медалью «За оборону Москвы» [1: 1] и Орденом Отечественной войны II степени [3: 1]. Но, опять-таки, в той же личной карточке формы Т-2 на Пименова Петра Филипповича, заведенной в 1943 г. в отделе кадров Красносулинского шахтоуправления и в настоящее время хранящейся в фондах ЦХАД в г. Шахты Ростовской области, в графе «находились ли родственники в Красной Армии» указано «нет» [6: 46].

Как жилось Манечке после разоблачения? Мучила ли ее совесть? Этого мы никогда уже не узнаем. Ее родная сестра Прасковья тоже достойно воевала, дошла до Берлина, награждена орденами и медалями [2: 1].

На родине мужа Валентины, в Нидерландах, к участникам войны, пленным и угнанным на работы в Германию всегда было очень уважительное отношение. А о Вале с Яном всегда много говорили: о жизни, о любви. Даже сняли о них фильм и написали книгу. Бургомистр города Амерсфорд, в 6 км от которого они проживали, постоянно приглашал супругов на встречи с общественностью, организовывал праздничные посиделки в честь юбилейных годовщин их свадьбы. Немного не дожил Ян до 75-летия совместной жизни – в 2019 г. он умер. Последний раз Валентина приезжала в Россию в 2020 г. – проститься. 22 сентября 2020 г. ее не стало.

Источники и литература

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. (далее – ЦАМО РФ). Ф. Р-8491. Оп. 4557. Д. 13.
2. ЦАМО РФ. Ф. Р-51793. Оп. 16782. Д. 44.
3. ЦАМО РФ. Юбилейная картотека награждений. Шк. 47. Ящ. 8.
4. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 9-а.
5. Центр хранения архивных документов в г. Шахты (далее – ЦХАД). Ф. Р-7л. Оп. 2-л. Д. 272.
6. ЦХАД. Ф. Р-617л. Оп. 1. Д. 92.

Раздел 6

События и участники войны в культуре памяти России и стран ближнего зарубежья

В.Г. Кокоулин

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Битвы за интерпретацию Великой Отечественной войны начались уже в годы войны. Главными инструментами формирования массового сознания были газеты, радио и кинофильмы. Страшные картины поражений первых лет войны, показываемые с целью мобилизации советского народа на защиту Отечества, по мере приближения к окончанию войны сменялись картинами ее победоносного завершения. После окончания войны началось планомерное стирание из исторической памяти ряда проблемных страниц истории Великой Отечественной войны, в частности тем коллаборационизма, власовцев, штрафбатов и т.п.

В годы перестройки произошло переформатирование фундаментального мифа, который лежал в основе политики исторической памяти в советский период: «процветающий советский народ» превратился в «страдающий советский народ», а главным виновником «страданий» был объявлен И.В. Сталин и сталинский режим. В 1990-е гг. в этой роли выступали советский режим и коммунистическая партия. Все эти изменения привели к очередным трансформациям исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Изучение политики исторической памяти о Великой Отечественной войне в нашей стране активно началось в 2000-е гг., когда в журнале «Неприкосновенный запас» начали выходить статьи на эту тему, объединенные впоследствии в книгу «Память о войне. 60 лет спустя».

Поскольку тема исторической памяти оказалась в центре внимания в российской науке впервые, то наряду с изучением исторической памяти о конкретных событиях или периодах истории нашей страны, исследователи подробно рассказывали о возникновении данной тематики, особенностях разных видов памяти об исторических событиях и других теоретических аспектах темы, тем самым знакомя своих читателей с работками зарубежных коллег. Однако конкретного анализа в их публикациях было очень немного. Сыграло роль и то обстоятельство, что к этой теме обратились прежде всего социологи, политологи и культурологи, а профессиональные историки долгое время оставались в стороне.

Тем не менее эти работы заметно продвинули изучение исторической памяти в нашей стране. А поскольку самой значимой для массового сознания была тема Великой Отечественной войны, то именно из ее сюжетов и проблем аналитики черпали конкретные иллюстрации теоретических положений.

Обратим внимание на несколько публикаций из указанного сборника. Заведующий отделом социально-политических исследований Аналитического центра Юрия Левады социолог Лев Гудков в статье «“Память” о войне и массовая идентичность россиян» обратил внимание на то, что из массового сознания («коллективной памяти» в его терминологии) выпали многие аспекты прошедшей войны – «пласт переживаний будничной, беспросветной войны и послевоенного существования, подневольной работы, хронического голода и нищеты» [6]. В то же время основу памяти составляла Победа в войне. Автор статьи анализирует и те механизмы, которые использовались для формирования «нужного» представления о войне [6].

К другим аспектам исторической памяти о войне обращается культуролог Н. Зоркая. Она анализирует динамику политики памяти о войне и показывает, как при помощи средств советской кинематографии трансформировалась память о Великой Отечественной войне [8].

Как формируется историческая память о войне у школьников? На этот вопрос пытается найти ответ координатор проекта «Школьный

конкурс» И.Л. Щербакова. Она отмечает, что поскольку живых носителей коммуникативной памяти в начале 2000-х гг. практически не осталось, то историческая память формируется за счет восприятия официальной политики памяти о войне, в то время как семейная память постепенно уходит в прошлое и в этом смысле сближается с памятью, например, о революции и Гражданской войне [18].

Результаты социологического исследования памяти о войне в канун 65-летия Победы опубликовала О.В. Чернова в электронном журнале "Politpros" [16]. На основе анализа опроса 700 респондентов она показала отличие исторической памяти старшего поколения (заставшего Советский Союз) и подрастающего, которое состоит в том, что одни и те же источники (учебники, кинофильмы и песни) формируют совершенно различную память о войне и Победе. Однако констатация этого факта, увы, не сопровождалась попыткой выяснить причины данного явления.

Появление новых публикаций с анализом исторической памяти о войне было связано с очередными годовщинами Победы, когда возрастал общественный интерес к этой проблематике. Поэтому следующая порция аналитических статей появилась в год 70-летия Победы. В 2015 г. в журнале "Credo New" была опубликована статья двух социологов А. Покиды и Н. Зыбуновской «Историческая память россиян о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [12]. На базе исследований об историческом сознании школьников они сделали вывод о том, что память о войне всё более размывается, место фактов занимают мифы и художественный вымысел. Последнее явление они проиллюстрировали тем, что в ряду героев Великой Отечественной войны в представлении школьников оказались Василий Теркин и Штирлиц.

Память о Великой Отечественной войне стала одним из предметов изучения Уральской школы политической дискурсологии. Итогом исследований, которые проводились несколько лет в Институте философии и права УрО РАН стала статья доктора политических наук О.Ф. Русаковой и доктора философских наук В.М. Русакова [13]. Они детально разбирают мифы неолиберальной историографии Великой Отечественной и Второй мировой войн, которые активно используются в политике исторической памяти для оправдания предвоенной политики ряда стран Западной Европы и США

и дискредитации предвоенной политики СССР (в частности, муссируя «Пакт Молотова – Риббентропа», проводят линию на возложение равной ответственности сталинского СССР и гитлеровской Германии за развязывание войны в Европе). Помимо этого авторы делают ряд ценных наблюдений, отмечая в частности, что в постсоветских фильмах о Великой Отечественной войне основным в биографии главных героев становится не то, что они «родом из Октября» (как было в советское время), а невольные, чудом выжившие жертвы репрессий сталинского террора в 1930-е гг., что явно свидетельствует о том, что в фильмах на эту тему отчетливо звучит политический контекст времени создания киноленты.

Представляет интерес в контексте данной темы статья доцента Тамбовского государственного университета О.В. Головашиной [5]. Автор обращает внимание на то, что широкая доступность и популярность социальных сетей привели к тому, что количество акторов (агентов) политики исторической памяти о Великой Отечественной войне резко увеличилось, по сути, каждый россиянин может изложить собственную версию Великой Отечественной войны или отдельных ее эпизодов, и официальной политике исторической памяти предстоит конкурировать уже не только с общественными и политическими организациями, но и с российским сообществом в целом, которое воспроизводит советскую версию памяти о войне, ставя в ее центр Победу. Однако следует отметить, что имеются правовые запреты на распространение определенной информации о Великой Отечественной войне, что, конечно же, заставляет участников дискуссий в социальных сетях придерживаться одной из распространенных в современном российском обществе версий исторической памяти.

В 2020 г. в Санкт-Петербурге вышел сборник статей «Памятник и праздник: Этнография Дня Победы» [11], посвященный коммеморативным аспектам Великой Отечественной войны в России, СНГ и в других странах, а также анализу «войн памяти» относительно событий и итогов Великой Отечественной и Второй мировой войн. Статьи были написаны в 2013 г., но по ряду причин опубликованы позднее. Одной из тенденций, которую отмечают авторы статей, помещенных в данном сборнике, стала индивидуализация памяти о войне, одним из ярких проявлений которой стал «Бессмертный полк».

В эти же годы историческая память о Великой Отечественной войне стала предметом научных дискуссий на ряде конференций.

В сентябре 2021 г. в Ростове-на-Дону прошла уже вторая конференция «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы» [4]. Во второй части сборника исследуемой теме посвящены статьи двух разделов – «События и участники войны в мемориальной культуре Юга России» и «Великая Отечественная война в пространстве памяти советской и постсоветской России». Следует отметить три статьи из данного сборника.

А.С. Тимощук анализирует память о Великой Отечественной войне в широком историческом контексте войн, в которых участвовала Россия. Подобный прием позволил выявить специфику памяти о Великой Отечественной войне, показав устойчивые мифы, которые сопровождали каждую войну с участием России [15]. В.А. Бондарев, анализируя патриотическое воспитание в современном российском обществе, подчеркивает нескоординированность действий государства в этом направлении [2]. К.Г. Ачмиз показывает, как формируется официальная политика памяти о войне, приводя в качестве примера риторику российского президента и учебную литературу [1].

Характерным недостатком подхода, который представлен в двух последних статьях, является смешение патриотической риторики, собственной официальной политике исторической памяти в современной России, и реального воспитания подрастающего поколения, центром которого, к сожалению, является вовсе не Великая Отечественная война.

В ноябре 2021 г. в Саратове прошла международная научно-практическая конференция «Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия» [9]. Среди проблем, которые обсуждались на мероприятии, можно выделить философские и исторические аспекты политики памяти о войне. Так, А.Л. Бредихин отмечает, что память о войне является важнейшим идеологическим компонентом массового сознания, и анализирует те официальные документы, в которых юридически закреплялось место Победы в войне в официальной политике исторической памяти [3]. Всё это, по мнению исследователя, «должно обеспечить легитимацию действующей российской государственной власти как преемницы страны-победителя» [3: 45]. Не возражая в целом против подобного

подхода к анализу политики памяти, тем не менее позволим себе не согласиться с основным выводом автора. Подобное отношение к памяти о войне является, с одной стороны, своеобразной реакцией на нарастающую ностальгию по идеализированному советскому прошлому, а с другой – наилучшим образом иллюстрирует концепты «государственность» и «патриотизм», взятые в качестве рамочной конструкции официальной политики исторической памяти. В принципе, аналогичная критика может быть адресована и другим статьям, помещенным в этой книге [7; 10] и др.

«Войны памяти» с опорой на события Великой Отечественной войны – еще одна тема, которая представлена в данном сборнике ([17; 14] и др.). Кроме того, в нем представлено несколько статей, посвященных тому инструментарию, который используют акторы исторической памяти для ее формирования, а также коммеморативным практикам, связанным с памятью о Великой Отечественной войне.

Таким образом, изучение исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России хотя и охватывает большинство тем и сюжетов данной проблематики, но общая картина пока не складывается. Причинами является отсутствие монографических исследований по данной теме, а также то, что язык описания процессов у социологов, политологов и культурологов весьма отличается и плодотворный диалог в силу ряда причин пока не удастся установить.

Источники и литература

1. *Ачмиз К.Г.* Память о событиях Великой Отечественной войны как основа национальной безопасности России // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы II Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 23–24 сент. 2021 г.) / в 2 ч. Ростов н/Д., 2021. Ч. 2. С. 356–360.
2. *Бондарев В.А.* Представления о Великой Отечественной войне как показатель социального единства современного российского общества // Там же. С. 349–355.
3. *Бредихин А.Л.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в контексте идеологической функции государства // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 10–11 нояб. 2021 г.). СПб., 2022. С. 40–46.

4. Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы II Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 23–24 сент. 2021 г.) / в 2 ч. Ростов н/Д., 2021.
5. Головашина О.В. Репрезентация Великой Отечественной войны в сетевых сообществах // Дискурс-Пи. 2020. № 3 (40). С. 26–39.
6. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/pamyat-o-vojne-i-massovaya-identichnost-rossiyan.html> (дата обращения: 11.03.2022).
7. Ефимова Е.А. Историческая память как фактор консолидации российского общества // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия ... СПб., 2022. С. 47–56.
8. Зоркая Н. Визуальные образы войны // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vizualnye-obrazy-voyny.html> (дата обращения: 11.03.2022).
9. Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия ... СПб., 2022.
10. Митрохина Т.Н. Политика памяти как фактор формирования коллективной идентичности // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия ... СПб., 2022. С. 192–198.
11. Памятник и праздник: Этнография Дня Победы. СПб., 2020.
12. Покида А., Зыбуновская Н. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Журнальный клуб Интерпрос “Credo New”. 2015. № 4. URL: <http://credo-new.ru/archives/658> (дата обращения: 11.03.2022).
13. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Великая Отечественная война и политика исторической памяти // Дискурс-Пи. 2016. № 1 (22). С. 10–17; № 2 (23). С. 8–17.
14. Сулимин А.Н. События Великой Отечественной войны как арена современных «войн памяти» // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия ... СПб., 2022. С. 220–227.
15. Тимошук А.С. Война как фактор формирования национальной идентичности и детерминанта в политике памяти // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы ... / в 2 ч. Ростов н/Д., 2021. Ч. 2. С. 341–348.

16. Чернова О.В. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне // Политическое просвещение. 2011. № 1 (60). URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=138&> (дата обращения: 11.03.2022).
17. Шалаева Н.В., Лобачева Г.В. Социально-политическая мифология о Великой Отечественной войне и «войны памяти» // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия ... СПб., 2022. С. 212–219.
18. Щербакова И. Над картой памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/nad-kartoj-pamyati.html> (дата обращения: 11.03.2022).

В.В. Коровин

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

Исследовательский интерес к истории Великой Отечественной войны в современных условиях усиливается, несмотря на наличие фундаментальных трудов и массы публикаций, основанных на новейших достижениях военно-исторической науки. Одной из причин подобной активности следует признать особенности складывающейся геополитической ситуации, требующей поиска эффективных способов обеспечения национальной безопасности, и необходимости усиления роли патриотического воспитания в формировании социальной идентификации граждан, с учетом их растущей потребности в обращении к историческим корням и традиционным ценностям. Борьба против фальсификаций военной истории в этих условиях приобретает особое значение. Потоки лжи, извергаемые западными СМИ и некоторыми «независимыми» экспертами, приводят к необратимым последствиям. Противостоять им способно только правдивое освещение исторических событий, основанное на объективном анализе всего комплекса доступных источников.

Документальная база материалов, отражающих вопросы организации сопротивления на временно оккупированных немецкими

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

захватчиками территориях СССР, длительное время оставалась недоступной для основной части историков. Опубликованные в открытой печати директивные указания органов власти, официальные отчетные данные о результатах борьбы партизан и подпольщиков, а также воспоминания непосредственных участников событий, являлись основным источником проводимых тогда исследований.

Возможность обращения к закрытым ранее архивным фондам, доступ к которым исследователи в полной мере смогли получить лишь на рубеже XX–XXI вв., позволила на основе новых методологических подходов раскрыть во всем многообразии и взаимосвязи комплекс проблем, связанных с организацией противостояния оккупационному режиму в тылу немецко-фашистских войск. На основе открывшегося в эти годы массива источников были защищены докторские диссертации Н.Ф. Азяского [1] и С.В. Кулика [11], опубликованы монографии В.И. Боярского [2] и А.Ю. Попова [14]. История партизанского движения на территории отдельных областей СССР получила значительную разработку в исследованиях А.А. Волоковых [3], А.С. Линца [12], Ю.Л. Евтушенко [6], О.И. Кулагина [10], В.В. Коровина [8–9] и других авторов [4; 5; 15]. Появились фундаментальные издания обобщающего характера о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны [7; 13].

Отмечая особое значение документальных источников в исследовании заявленной темы, остановимся на краткой характеристике содержания фондов федеральных, региональных и ведомственных архивов, позволяющих раскрыть региональную специфику процесса организации сопротивления оккупантам в годы Великой Отечественной войны.

Наиболее ценную информацию, отражающую эффективность военно-политического руководства партизанским движением в масштабах страны, хранят фонды Российского государственного архива социально-политической истории. Так, комплекс директивных документов Государственного комитета обороны (ГКО) СССР содержит постановления и распоряжения, регламентировавшие отдельные аспекты организации сопротивления в тылу немецко-фашистских войск. Нормативные документы ГКО позволяют проследить как роль высших государственных структур, так и региональных партийно-советских органов в руководстве партизанским движением на временно

окупированных территориях СССР. Постановления ГКО по вопросам организации борьбы в тылу врага касаются формирования, кадрового состава Центрального и фронтовых штабов партизанского движения; финансирования и материального обеспечения партизанской борьбы; снабжения партизанских отрядов минами специального назначения. Указанная первичная информация существенно дополняет и уточняет сведения, которые могут быть почерпнуты из региональных источников.

В архивных материалах отдела партийных органов ЦК ВКП(б) хранятся наградные документы руководителей и участников партизанского движения, которые содержат достаточно полные характеристики о личном вкладе награжденных в борьбу с оккупантами. Документы финансово-бюджетного отдела Управления делами ЦК ВКП(б) отражают деятельность партийных и советских органов по материальному обеспечению семей партийных работников, выполнявших специальные задания в тылу противника. Среди документов сектора информации организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) значительное место занимают информационные сообщения, планы, сводки об организации партийного подполья и партизанского движения, результатах деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп, последствиях немецко-фашистской оккупации, направлявшиеся обкомами в ЦК ВКП(б). Указанные материалы, в основном, повторяют содержание информационных документов, хранящихся в региональных архивах, и лишь в отдельных случаях служат для уточнения фактов организации борьбы с оккупантами.

Сопrotивление в тылу врага на региональном уровне наиболее полно отражено в документах фонда «Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования» (ЦШПД). Это материалы, находящиеся в делах оперативного и разведывательного отделов, структурных подразделений ЦШПД, документы фронтовых штабов партизанского движения, осуществлявших руководство в регионах.

Архивный материал указанного фонда можно условно разделить на следующие категории:

– стенограмма встречи руководства ЦШПД с командованием партизанских отрядов, которая проводилась в конце августа – начале сентября 1942 г., позволяющая осветить участие представителей

отдельных регионов в работе совещания, сыгравшего важную роль в развитии партизанского движения осенью 1942 г.;

- директивные указания и приказы Центрального и фронтовых штабов партизанского движения, раскрывающие механизм управления партизанскими силами отдельных регионов;

- планы, отчеты, докладные записки по вопросам организации подполья и партизанской борьбы в регионе, характеризующие работу местных органов власти;

- учетные дела и карты дислокации партизанских отрядов, дающие представление об их командном составе, численности, результатах боевой деятельности;

- планы, распоряжения о проведении боевых и разведывательных операций, справки и донесения об их итогах, позволяющие определить степень эффективности централизованного руководства партизанским движением;

- директивы и доклады политических структур ЦШПД, РККА, партизанских соединений о партийно-политической работе с личным составом, показывающие роль морально-психологического состояния партизан при выполнении ими боевых задач и в повседневной жизни;

- заявки, ведомости, расчеты отдела материально-технического снабжения ЦШПД по снабжению партизан вооружением, боеприпасами, вещевым имуществом.

Таким образом, документы, находящиеся на хранении в этом фонде, позволяют проводить детальный анализ многоплановой деятельности органов управления партизанским движением.

О роли политорганов фронтового и армейского звена в организации сопротивления оккупантам, взаимодействии партизанских формирований с частями Красной армии можно судить по документам Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ).

Значительный интерес представляет документация 4 отделов политуправлений фронтов и 4 отделений политотделов армий, занимавшихся работой среди войск противника, личного состава партизанских отрядов и населения оккупированных районов. К сожалению, большая часть указанных материалов продолжает оставаться на секретном хранении. Так, на момент нашей работы в ЦАМО РФ закрытыми для изучения оказались документы Политуправления

Юго-Западного фронта, содержащие директивы, планы, докладные записки, отчеты политотделов армий о руководстве партизанским движением, донесения партизан и агентов политуправления о боевой деятельности и агентурной работе в тылу врага.

Архивные документы полевых управлений общевойсковых армий содержат отдельные сведения об организации и армейском руководстве партизанскими отрядами, о партийно-политической работе среди населения оккупированных районов, о политико-моральном состоянии войск противника. Анализ этой информации позволяет проследить направления организационной деятельности армейских политорганов по развертыванию борьбы в тылу противника до создания системы централизованного управления партизанскими силами, выяснить отношение к партизанскому движению со стороны немецких и венгерских оккупантов.

В приказах командования, оперативных сводках, политических донесениях ряда соединений можно обнаружить информацию о совместных боях партизанских отрядов и частей Красной армии против немецко-фашистских войск, передаче партизан в состав действующей армии.

Признавая роль документов ведущих архивохранилищ страны в исследовании истории партизанского движения, необходимо отметить, что наиболее полный массив документальных материалов, способствующих выявлению региональных особенностей организации сопротивления оккупантам, содержится в бывших партийных архивах, получивших общественно-политическую специализацию.

Применительно к территории Центрального Черноземья руководящая деятельность областных комитетов ВКП(б) по организации сопротивления врагу отражена в архивных материалах, хранящихся в соответствующих фондах региональных архивов общественно-политической истории. В них отложилась подробная информация о деятельности областных и районных партийных организаций по руководству сопротивлением оккупантам.

Стенограммы и протоколы заседаний бюро обкомов, райкомов ВКП(б), постановления и директивы партийных органов отражают весь спектр их разнообразной деятельности по созданию подполья и руководству партизанским движением. Различные справки,

информации, отчеты, планы, переписка во многом раскрывают стиль и методы деятельности партийных структур, позволяют проанализировать механизм принятия решений по организации борьбы в тылу врага и контроля за их выполнением, выяснить, с какими проблемами, трудностями объективного и субъективного порядка приходилось сталкиваться местным органам в своей работе.

Фонды указанных архивов содержат материалы не только о деятельности местных властных структур, но и копии постановлений, директив, приказов, указаний, поступавших из вышестоящих инстанций – ЦК ВКП(б), СНК СССР и РСФСР, наркоматов, ГлавПУ РККА, военных советов военных округов, фронтов, армий и т.д. При их сопоставлении с документами областных органов власти видно, что решения последних часто дублировали директивы центра, но при этом в постановлениях местного руководства намеченные мероприятия детализируются, определяется их организационное и материальное обеспечение применительно к конкретным условиям. Взятые в комплексе с местными материалами, указанные документы вышестоящих органов дают возможность проследить механизм функционирования властной «вертикали».

Многие постановления военного периода отличает краткость и вполне критический подход к анализу ситуации, складывавшейся в конкретных условиях. Протоколы заседаний бюро обкомов ВКП(б) свидетельствуют о том, что негативные явления, имевшие место в организации деятельности отдельных отрядов и партизанского движения в целом, оперативно и детально обсуждались, после чего выносились решения по их устранению.

Наряду с материалами деятельности партийных органов в фондах указанных архивов широко представлены документы общественных и других военизированных организаций. Так, в фонде «Штаб партизанского движения на Воронежском фронте» Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО) сосредоточена основная документальная база по организации партизанской борьбы в регионе. Фонд-коллекция «Штабы партизанских бригад и отрядов Курской области» Государственного архива общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО) насчитывает более 540 единиц хранения.

Представленные документы региональных партийных архивов можно разделить на несколько групп.

К первой из них относятся директивные указания центральных и местных органов власти по ведению партизанской борьбы в тылу противника; докладные записки, отчеты, справки, доклады о проделанной работе, составленные должностными лицами, отвечающими за выполнение принимаемых решений и направленные в 1941–1943 гг. руководству области и страны. Использование этих первичных источников позволяет раскрыть общие вопросы организации сопротивления оккупационному режиму на территории региона.

Вторая часть архивных дел указанных фондов содержит документальные материалы отдельных партизанских отрядов и бригад, включающие в себя списки личного состава, приказы командования, информацию о проведенных боевых операциях, что дает возможность осветить основные направления боевой деятельности курских и воронежских партизан и проанализировать ход вооруженной борьбы в тылу врага с позиций ее непосредственных участников.

Третья группа источников представлена материалами по формированию резервных партизанских отрядов в 1943 г., которым не пришлось действовать на оккупированной территории в силу изменившейся обстановки на фронте.

Специализированный партизанский фонд ГАОПИ КО содержит также материалы специальных проверок, данные о награждении и материально-бытовом обслуживании партизан, воспоминания ветеранов, публикации в периодических изданиях. Привлечение подобного рода документов существенно дополняет сведения о партизанском движении в регионе.

Документы, собранные в фонде «Брянский штаб партизанского движения» (БШПД) Центра документации новейшей истории Брянской области, позволяют получить информацию о руководстве партизанским движением на территории северо-западных районов Центрального Черноземья осенью 1942 – в начале 1943 г. Приказы по организации боевых действий и отчетная документация структурных подразделений БШПД раскрывают механизм управления партизанскими силами на заключительном этапе их деятельности в регионе.

Фонды областных чрезвычайных органов по установлению и расследованию злодеяния немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба содержат документы, подтверждающие преступную деятельность оккупантов, сведения об ущербе, нанесенном фашистами. Исследование подобных источников позволяет отразить неприятие местным населением оккупационной политики немецко-фашистских войск и раскрыть причины массового сопротивления врагу.

Большое значение для исследования темы имеют документы, хранящиеся в архивах региональных Управлений ФСБ РФ. Материалы фондов 4-го отделов областных Управлений НКВД, раскрывающие участие их сотрудников в организации вооруженной борьбы в тылу немецко-фашистских войск, позволяют детально изучить такие направления их деятельности, как работа по созданию партизанских отрядов в районах области до начала вражеской оккупации, формирование и руководство действиями разведывательно-диверсионной сети, подготовка кадров для выполнения специальных заданий в тылу противника, кроме того, показать роль УНКВД в выполнении директив партийных органов по развитию партизанского движения и взаимодействие их с партийными организациями различных уровней (от областного комитета до первичных организаций).

Многочисленные оперативные сводки, разведывательные бюллетени, отчеты и доклады, составленные сотрудниками УНКВД, содержат подробную информацию о развитии партизанского движения, а также о материально-правовом положении местного населения и состоянии оккупационных сил. Указанные документы в сопоставлении с другими источниками вносят необходимые коррективы в традиционные представления о партизанской борьбе на оккупированных территориях.

Таким образом, выявление, изучение и введение в научный оборот перечисленного выше комплекса архивных материалов способствует успешному проведению детального анализа организационных основ сопротивления немецко-фашистским захватчикам на региональном уровне, раскрытию важнейших факторов, влиявших на развертывание борьбы в тылу противника, а также объективной оценке эффективности форм и методов противостояния оккупационному режиму.

Источники и литература

1. *Азяский Н.Ф.* Опыт борьбы советских партизан на западном стратегическом направлении в 1941–1944 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.
2. *Боярский В.И.* Партизаны и армия (История упущенных возможностей) / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск; М., 2003.
3. *Волоковых А.А.* Объективный фактор в организации и развитии партизанского движения на Северо-Западе Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
4. *Дикий А.В.* Партизанское движение в Ленинградской области в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): историографические и источниковедческие аспекты: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
5. *Дюков А.Р.* Кто командовал советскими партизанами. Организационный хаос. М., 2012.
6. *Евтушенко Ю.Л.* Партизанское движение на Кубани в период Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2005.
7. История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Историографическое исследование партизанского движения на временно оккупированных территориях Российской Федерации во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под общ. ред. Б.Т. Шумилина. М., 2001.
8. *Коровин В.В.* Партизанское движение на территории Курской области в 1941–1943 гг. Курск, 2005.
9. *Коровин В.В.* Поднимались воины народа: сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941–1943 гг. Курск, 2007.
10. *Кулагин О.И.* Партизанское движение в Карелии и Мурманской области: объективные и субъективные факторы: 1941–1944 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005.
11. *Кулик С.В.* Антифашистское движение Сопротивления на оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007.
12. *Линец А.С.* Партизанское движение в Ставропольском крае в период немецко-фашистской оккупации: июль 1942 – январь 1943 г.: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2003.
13. Партизанское движение (по опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский; М., 2001.

14. Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003.
15. Ткаченко С.Н., Терехов С.А., Бутовский А.Ю. По линии 4-го отдела... Чекисты в подпольно-партизанском движении Крыма 1941–1944 гг. СПб., 2018.

Б.А. Оконов, Д.В. Очергоряева

**ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ КОМСОМОЛЬЦЕВ,
ОСТАВШИХСЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ,
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

(по материалам Национального архива Республики Калмыкия)

Летом 1942 г. немецкое командование овладело военно-стратегической инициативой на советско-германском фронте с целью уничтожения важнейших военно-экономических центров. На фронте в 600–650 км между Таганрогом и Курском вермахт прорвал советский фронт и быстро развивал наступление, стремясь окружить и уничтожить по частям советские войска. В результате наступления группы армий «Б» вермахта к городам Сталинграду (в настоящее время – Волгоград) и Астрахани часть территории Калмыцкой АССР была захвачена. Значительная часть населения оказалась на оккупированной территории. Как отмечал К.Н. Максимов, республиканские, районные органы власти не готовились к эвакуации, поэтому многие учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства, коммунисты и комсомольцы не имели возможности выехать, остались на оккупированной территории [5: 113–140]. Несмотря на террор оккупантов, многие комсомольцы вели борьбу с захватчиками. Вместе с тем были отмечены случаи сотрудничества комсомольцев с противником. Всё это впоследствии послужило основой для обвинения в коллаборационизме и оправдания депортации калмыцкого народа. Недостаток достоверной информации об этом периоде истории республики приводит к множественным спекуляциям, поэтому одна из задач исторической науки – ввод новых или малоизученных источников.

В советской и российской исторической науке имеется огромное количество литературы о Великой Отечественной войне – монографии, энциклопедии, сборники документов, воспоминания. Хорошо

освещена и история Калмыкии накануне и в годы Великой Отечественной войны. Необходимо отметить обобщающий коллективный фундаментальный труд «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [2] и научные труды проф. К.Н. Максимова [5; 6], коллективные монографии и сборники статей, выпущенные в Калмыцком институте гуманитарных исследований Российской академии наук [1; 3]. Кроме того, подробно исследована история формирования и боевой путь 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии [11]. Также объектом внимательного изучения историков стали вопросы мобилизации призывников и военнообязанных на фронт, привлечение материальных и иных ресурсов, участие калмыков в партизанском движении, роль советских органов во время войны, а также восстановление комсомольских организаций на территории Калмыкии после оккупации [4; 8–10].

Документы о деятельности Калмыцкой комсомольской организации в годы Великой Отечественной войны хранятся в фонде П-22 «Калмыцкий обком ВЛКСМ» Национального архива Республики Калмыкия. В деле № 13 содержатся две докладные записки на имя секретаря Центрального комитета ВЛКСМ Н.А. Михайлова: о работе Калмыцкого областного комитета с 1 августа по 25 сентября 1942 г., подписанная секретарем обкома ВЛКСМ Э. Лиджи-Гаряевым, и о работе Калмыцкой областной организации ВЛКСМ после освобождения республики от немецких оккупантов (январь – март 1943 г.), подписанная секретарем обкома ВЛКСМ П. Дементьевым. В этих документах отражены действия комсомольцев и молодежи в 1942–1943 гг. Как свидетельствуют документы, несмотря на сложную обстановку, угрозу полной потери территории и установления временного оккупационного режима, комсомольцы продолжали выполнять государственные обязательства, оказывать помощь в формировании и развертывании партизанских отрядов, в строительстве оборонных рубежей, снабжении продовольствием. После освобождения территории республики комсомольцы и молодежь приняли активное участие в восстановлении народного хозяйства. Несмотря на это, горком и улусные (районные) комитеты (улускомы, УК) ВЛКСМ относились с недоверием к комсомольцам, оставшимся на оккупированной территории, и осуществляли проверку их деятельности.

К октябрю 1942 г. из всех временно оккупированных районов удалось вывезти 3340 комсомольцев. В тылу врага осталось 1900 комсомольцев. Такое значительное количество оставшихся комсомольцев объяснялось тем, что большинство из них находилось на специальных работах и были отрезаны прорвавшейся группировкой врага, вследствие чего выехать не смогли. Из руководящих комсомольских работников остались в тылу врага секретарь Яшалтинского райкома ВЛКСМ Чекуров, инструкторы обкома Ясеновская и Дамбинов, помполиты Веткалова, Боджаева, Юхнова и Корнашев. Наиболее важные комсомольские документы обкома, горкома и райкомов комсомола были вывезены в безопасные места.

Вследствие того что немецкая армия спустя три дня после падения Ростова-на-Дону вступила на территорию нашей республики и стала продвигаться вперед, партийные и комсомольские органы не смогли организовать во временно оккупированных районах подпольные комсомольские организации и оставить комсомольцев-одиночек для ведения подпольной работы. Партизанские отряды также не были организованы из-за отсутствия вооружения.

В результате вторжения немецко-фашистских войск на территорию Калмыкии полностью оккупированными районами оказались: Западный, Яшалтинский, Приютненский, Троицкий, Сарпинский и г. Элиста. Кроме этого немецко-фашистские войска заняли часть Кетченеровского, Черноземельского и Малодербетовского районов.

Полностью свободными районами были Приволжский, Долбанский, Лаганский и Улан-Хольский. В этих районах оставалось 1600 комсомольцев.

В ноябре 1942 г. военные части Красной армии, начавшие свои наступательные операции, освободили от немецкой оккупации Малодербетовский и Сарпинский улусы, в декабре – Кетченеровский, в начале января – Черноземельский, Приютненский, Троицкий улусы, Элисту; а 29 января 1943 г. наступающие части Красной армии очистили территорию Яшалтинского и Западного улусов. Таким образом, к концу января 1943 г. Калмыкия была полностью освобождена.

Для восстановления комсомольской работы в освобожденных улусах обкома были утверждены бюро горкома и улускомов ВЛКСМ

из числа руководящих партийно-комсомольских работников, прибывших из эвакуации и партизанских отрядов.

Горком и улускомы ВЛКСМ с первых же дней работы приступили к регистрации комсомольцев, оставшихся на оккупированной немцами территории, и проверке их деятельности в тылу врага. Сведения обо всех таких комсомольцах независимо от того, сохранил или не нет каждый из них свой комсомольский документ, разбирались на заседаниях бюро горкома и улускомов ВЛКСМ, и решался вопрос о комсомольской принадлежности данного члена. Из числа восстановленных комсомольцев создавались первичные организации.

В освобожденных улусах и Элисте всего было выявлено 2283 комсомольца, из них 422 мужчины, 1861 женщина, с билетами – 496, без билетов – 1787, насильно увезено и добровольно уехало с немцами 218, прибыло из эвакуации 239. Рассмотрено горкомом и улускомом ВЛКСМ всего 1654 человек, из них восстановлены в рядах комсомола 1084 и исключены 570 человек, из них 129 человек как изменники Родины и 125 человек за прямую или косвенную связь с немцами. Обкомом ВЛКСМ рассмотрено 50 дел исключенных.

На сегодняшний день в фондах Национального архива Республики Калмыкия также отложились объяснительные комсомольцев, оставшихся на оккупированной территории, из Западного и Малодербетовского районов. Все они представляют собой особую группу источников, дополняющую официальные документы. Они включают более 300 анкет с данными комсомольцев – участников Великой Отечественной войны. Главными задачами проверки было выявить людей, которые в период оккупации оказывали помощь захватчикам. В результате проделанной работы были собраны не только анкеты, но и воспоминания участников войны. Воспоминания, приложенные к анкетам, различаются по объему.

Анализ этих документов говорит о причинах того, почему на оккупированной немцами территории осталось большое число комсомольцев. В период наступления немецких войск значительная часть комсомольцев находилась на спецработах по строительству аэродромов. Также многие работали на уборке урожая и прорвавшейся вражеской группировкой были отрезаны, вследствие чего не могли выехать. Также в анкетах зачастую отмечается тот факт, что районные органы

власти и военкоматы не готовились к эвакуации заранее, поэтому многие комсомольцы не имели возможности выехать: не имелось подвоз, транспорта, сельсоветы не выдавали эвакуационных документов.

Значительное число комсомольцев, особенно учащихся, осталось с родителями или престарелыми родственниками. Незначительная часть их в оккупации перешла на сторону врага. В их числе секретарь Яшалтинского райкома ВЛКСМ Чекуров, помполит по комсомолу Шебенеровской машинно-тракторной станции Кетченеровского улуса Керношев и другие комсомольцы, работавшие у немцев в качестве полицейских, старост и на других должностях.

При восстановлении членства в комсомоле отдельными улускомами комсомола были допущены перегибы и ошибки. Обсуждая комсомольцев, оставшихся на оккупированной территории, улускомы ВЛКСМ не занимались глубокой проверкой деятельности каждого комсомольца. В результате, как отмечается в документах, в ряде случаев из комсомола были исключены честные товарищи, в то же время оставлены люди, недостойные носить высокое звание ленинско-сталинского комсомола. Так, например, Черноземельским улускомом ВЛКСМ была восстановлена в комсомоле Б. Аршанова, у которой муж и брат служили полицейскими и уехали с немцами.

Троицким улускомом ВЛКСМ была восстановлена в комсомоле И. Бадмаева, которая при немецкой оккупации работала счетоводом при сельской управе и активно помогала немцам в сборе продовольствия и теплой одежды.

В Западном улуском ВЛКСМ была исключена из комсомола М. Алехина за связь с немцами, однако проверкой было установлено, что она помогала военнопленным и вела политмассовую работу среди населения в пользу советской власти.

Приютненский УК ВЛКСМ исключил из комсомола Т. Ковалеву из-за посещения танцевальных вечеров, проводимых немцами. Однако при проверке факты подтвердили иное, что Т. Ковалева неустанно рассказывала населению о скором приходе Красной армии и организовала побег семи пленным красноармейцам.

Факты неправильного подхода к разбору дел оставшихся комсомольцев, а порой медлительности в этом вопросе не единичны. Обком комсомола в этом отношении не имел установок со стороны

ЦК ВЛКСМ, а запрос в ЦК ВЛКСМ о высылке своего представителя на организационный период восстановления комсомольской работы в освобожденных районах Калмыцкой АССР не был удовлетворен, в силу чего были допущены отдельные ошибки.

Особый интерес также представляет дело № 12, состоящее из коллективного заявления исключенных из ВЛКСМ в Малодербетовском районе [7: 1–5]. В заявлении подробно рассказывается о положении комсомольцев на оккупированной территории у линии фронта в августе – декабре 1942 г.: «Мы были оккупированные, но почему не могли выехать? Когда началась эвакуация, наш Малодербетовский уисполком не заботился о том, чтобы обеспечить желающих подводами. До установления полиции и старосты местное население подверглось ограблению наступившими румынскими войсками. Из невывезенной шерсти местные должны были вязать теплые вещи под угрозой плети или палки 25 ударов. Когда немцам дали список комсомольцев, по селу были установлены патрули и слежка. Из-за слежки многие сожгли свои комсомольские билеты. Из-под винтовки молодежь гоняли на передовую рыть траншеи и блиндажи. Линия передовой переходила через озеро. Бойцы советской армии видели их со своей стороны и не стреляли. Ночью комсомольцы хотели перейти на сторону наших, но в темноте подверглись обстрелу с двух сторон и вынуждены были вернуться. Советские войска пошли в наступление и выгнали румынские своры. Когда собрали собрание, нам указали на факты, что мы копали траншеи, вязали носки, и исключили из комсомола. Так вот, дорогие товарищи, мы были комсомольцами и хотим быть комсомольцами, также выполнять задания, как и в 1942 г. в командировке в колхозе» [7: 1–5].

Таким образом, объяснительные комсомольцев, оставшихся на оккупированных территориях, дополняют официальные документы и воспоминания участников Великой Отечественной войны и являются уникальным документальным наследием, отражающим взгляд непосредственных свидетелей фронтовых будней и тружеников тыла. Без сомнения, к оценке данных, содержащихся в объяснительных, необходимо подходить критически. Но их изучение, сопоставление их с официальными документами дает возможность воссоздать более полную картину происходивших событий, дополнить ее эмоциональными переживаниями очевидцев.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война: события, люди, история. Сб. науч. статей. / отв. ред. К.Н. Максимов. Элиста, 2001.
2. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. Н.Г. Очирова. Элиста, 2009.
3. Калмыкия в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. К.Н. Максимов. Элиста, 2005.
4. *Лиджиева И.В.* Местные Советы Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы: сб. науч. статей. Элиста, 2014. С. 181–195.
5. *Максимов К.Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2010.
6. *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М., 2002.
7. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 99. Оп. 1. Д. 12.
8. *Оконов Б.А.* Деятельность комсомольской организации Калмыцкой АССР в 1941 году по материалам периодической печати (контент-анализ газеты «Ленинский путь») // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2018. № 1 (36). С. 65–72.
9. *Оконов Б.А., Алтан-Очир А.О.* Восстановление комсомольских организаций на оккупированных территориях Калмыкии после изгнания фашистских захватчиков // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. № 17. С. 170–184.
10. *Очиров У.Б.* Вклад калмыцкого народа в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Элиста, 2010. С. 173–264.
11. *Очиров У.Б., Заярный С.А.* Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии: в 3 т. Элиста, 2018.

С.А. Шпагин

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА 1948 г.: «ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ» В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО РЕВАНШИЗМА

Сегодня мы наблюдаем активное использование адаптированной под практические цели политики фальсификаций характера Второй

мировой войны, её итогов и роли в ней Советского Союза. Строго говоря, смена интерпретаций смыслов исторических процессов – явление закономерное. Использование исторического материала для мотивации к началу конфликта, последующее его сопровождение и закрепление в историческом нарративе победителей и побежденных – важная часть самого конфликта и политики исторической памяти.

Естественно, что история Второй мировой войны и весь комплекс исторических процессов до, во время и по ее окончании были адаптированы к мировой политике после 1945 г. в странах-победителях, а затем и в странах, проигравших войну. Новый этап ревизии истории Второй мировой войны и появление новых направлений ее фальсификаций связаны с исчезновением СССР и международной системы социалистических государств. Определенное время мир существовал одновременно в ситуации реанимации социальных систем национальных государств, обретших суверенитет и багаж прежних проблем, и давления «коллективного» евроатлантического центра мировой экономики и политики. Это привело к формированию системного реваншизма, как на уровне межгосударственных отношений, так и на уровнях новых негосударственных акторов. С событиями Второй мировой войны как структурообразующего исторического процесса оказались связаны травмы и претензии государств, регионов, этнических, религиозных, политических и социальных групп и организаций, оформившиеся в системный реваншизм. Иными словами, речь идет не о спорах историков или политиков, а об эффективном инструментарии проигравших потомков. Для стран Восточной и Центральной Европы такой системный реваншизм в антироссийской упаковке служил «входным билетом» в интегрированные структуры Европы.

При исследовании поставленной проблемы – фальсификации характера Второй мировой войны на стадии ее зарождения как последующей основы ревизионизма – важны следующие обстоятельства.

Системный реваншизм формируется у поколений, не связанных с непосредственным личным опытом трагедий, в которых их предки были преступниками или жертвами. Они подвергают ревизии опыт поколения своих родителей. В ФРГ это проявилось в «Споре историков» в 1980-е гг., направленном на преодоление вины немецкого народа за преступления нацизма [5]. И в 2011 г. уже в новых реалиях

смена печати вины на имидж жертвы предпринята в фильме «Наши матери, наши отцы» [7].

Об интересе к теме фальсификации истории Второй мировой войны свидетельствует статистка поисковых запросов по данной теме – 27 млн запросов на апрель 2022 г.

Анализ историографии по общей теме фальсификации фактов о Второй мировой войне не входит в задачи автора. Отметим лишь одну особенность – всплеск интереса к проблематике в связи с юбилейными датами. Поэтому отметим тематически знаковые работы юбилейного 2020 г.

Прежде всего, это работы военных историков. Так, генерал-майор, с.н.с. Института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ П.С. Казарин выделяет следующие направления фальсификации:

1. «Равная ответственность» Гитлера и Сталина за развязывание Второй мировой войны.

2. Приращение решающей роли СССР и его вооруженных сил в разгроме нацистской Германии и ее сателлитов.

3. Отрицание освободительной миссии советских вооруженных сил.

4. Героизация коллаборационистских формирований из числа украинских националистов (бандеровцев), Русской освободительной армии (власовцев), националистов прибалтийских республик («лесных братьев») и оправдание их деятельности [2].

Новым здесь выглядит пункт 4 (о коллаборационистах) – тема, ставшая востребованной в канун очередного юбилея с акцентом на Великую Отечественную, а не Вторую мировую войну.

Совпадающая систематизация дана в статье Е. Адамовой [1].

В коллективной монографии, изданной Научно-исследовательским центром проблем национальной безопасности, присутствует целый раздел, посвященный фальсификациям истории Великой Отечественной войны [4].

Выбивается из относительно стандартных работ юбилейного года статья А.С. Перевозной, посвященная фальсификациям истории войны в современных СМИ [3].

Общий подход к тематике фальсификаций спустя 75 лет после окончания Второй мировой войны не очень изменился по сравнению

с начальным этапом, зафиксированном в анализируемой брошюре «Фальсификаторы истории. Историческая справка», изданной Советским информационным бюро в 1948 г. [6]. Анализ данного документа как исторического источника позволяет выявить истоки превращения истории в инструментарий реванша в руках наметившегося союза США и Англии с проигравшей войну Германией. Антисоветская и тогда еще актуальная антикоммунистическая направленность позволяют говорить и об элементах социального реванша.

Первое, что важно отметить: история стала политикой и превратилась в инструмент холодной войны. В названии обвиненного в фальсификации американского сборника «Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг.» явно прослеживается тенденция подмены Второй мировой войны, в которой мы были союзниками, войной идеологий только двух стран. Сегодня это оформилось в концепцию одинаковой ответственности за преступления нацизма и советизма. Сохраняет свою актуальность метод сепаратного (США и Англия) и выборочного издания захваченных документов с обвинениями в нежелании СССР сотрудничать в подготовке сборника.

Публикация сборника сопровождалась «разнузданной клеветнической кампанией по поводу заключенного в 1939 году между СССР и Германией пакта о ненападении, якобы направленного против западных держав» [6: 5]. С учетом и сегодняшних обвинений России в «преступном» характере этого документа вывод авторов брошюры остается актуальным: цель публикации американского сборника – «исказить действительную картину событий, оболгать Советский Союз, оклеветать его и ослабить международное влияние Советского Союза» [6: 5]. При этом интересно использование словосочетания «англо-американские страны» как синонима сегодняшнего понятия «коллективный Запад». Смысл в том, что под этим понимается не мировой капитализм, а участник складывавшейся биполярной системы международных отношений.

Актуальным выглядит и указание на внутренний характер антисоветской риторики – предстоящие выборы президента США.

Важный и актуальный аспект – указание на происхождение документов, включенных в сборник. Тот факт, что они созданы нацистскими чиновниками Третьего рейха, избирательный, некритический

подход к ним, недоступность их для советской стороны позволяют говорить о цели публикации – фальсификация характера политики СССР и его дискредитация.

Актуальный момент – роль правительств США, Англии и Франции, использовавших метод фальсификации истории для давления на СССР. И соответственно, угроза зеркальных мер советского руководства.

В качестве ответа на обвинения СССР в подготовке войны дается пространный очерк роли западных стран в ремилитаризации Германии, вошедший во все советские учебники истории. Интересно упоминание о боязни частного капитала потерять свою собственность в Германии. Наряду с США, обвинения в восстановлении экономики Германии в 1920-е гг. выдвигаются и в адрес Англии. Приводя конкретные факты, сегодня вошедшие в учебники, авторы показывают главную цель фальсификации истории возрождения военного потенциала Германии: «Таким образом, нельзя забывать, что первой и важнейшей предпосылкой гитлеровской агрессии было возрождение и обновление тяжелой промышленности и военной индустрии Германии, что стало возможным лишь в силу прямой и широкой финансовой поддержки правящих кругов Соединенных Штатов Америки» [6: 13].

В анализе предвоенной политики западных стран выделяется деструктивная антисоветская политика Польши: «Вслед за тем в 1934 году Англия и Франция помогли Гитлеру использовать враждебную позицию союзной с ними панской Польши в отношении СССР, в результате чего был заключен германо-польский пакт о ненападении, явившийся одним из серьезных этапов в подготовке немецкой агрессии. Этот пакт нужен был Гитлеру для того, чтобы расстроить ряды сторонников коллективной безопасности и показать на этом примере, что Европа нуждается не в коллективной безопасности, а в двухсторонних соглашениях» [6: 14]. Тут важны два момента – негативная оценка Польши, которая исчезнет позже в период социализма и возобновится вновь. И намек на обусловленность советско-германских договоров сигналом из Берлина о том, что реальность за двусторонними соглашениями, а не за попытками СССР взаимодействовать с капиталистическим западом.

Упомянутые сюжеты противостояния СССР и Запада в Абиссинии и Испании можно сегодня рассматривать как признак будущей

биполярности. В тексте можно увидеть и другие признаки зарождающейся Ялтинской биполярной системы международных отношений.

При анализе межвоенных международных конфликтов делается актуальный для сегодняшних дискуссий вывод: мировая война зародилась за пределами Европы.

Отсылка к определению М. Литвиновым в 1933 г. агрессии, с возможными поправками, актуальна и сегодня.

С учетом сегодняшних проблем для России в ООН важно понимание опасности контроля над Лигой наций со стороны Англии и Франции. Этот опыт учтен при закреплении права вето у постоянных членов Совета Безопасности ООН.

В контексте разоблачений спекуляций по поводу замены М.М. Литвинова на В.М. Молотова симптоматично ее обоснование в брошюре: «... в сложной обстановке подготовки фашистскими агрессорами второй мировой войны... необходимо было иметь на таком ответственном посту, как пост Народного Комиссара Иностранных Дел, более опытного и более популярного в стране политического деятеля, чем М.М. Литвинов» [6: 18]. Принято считать, что истинная причина такой рокировки – еврейство смещенного наркома.

Актуально звучит и обвинение в адрес западных стран в том, что они занимались не предотвращением войны, а изоляцией СССР. В этой связи сформулированы претензии СССР к союзническим обязательствам и проблеме второго фронта. И тут надо отметить, что уровень дискуссий о роли второго фронта и поставок по ленд-лизу в Победе СССР сегодня неоправданно завышен. В анализируемой брошюре о фальсификаторах истории вопрос второго фронта затронут лишь в контексте союзнических обязательств.

Ключевая фраза о фальсификации причины развязывания «второй мировой войны», а следовательно, и ее характера, звучит актуально и сегодня в условиях обвинений в равной ответственности Германии и СССР: «историческая правда заключается в том, что гитлеровская агрессия стала возможной, во-первых, в силу того, что Соединенные Штаты Америки помогли немцам создать в короткий срок военно-экономическую базу германской агрессии и вооружили, таким образом, эту агрессию, и, во-вторых, в силу того, что отказ англо-французских правящих кругов от коллективной безопасности

расстроил ряды миролюбивых стран, разложил единый фронт этих стран против агрессии, очистил дорогу для немецкой агрессии и помог Гитлеру развязать вторую мировую войну» [6: 19].

В итоге можно сделать следующие выводы. Говорить о том, что аргументы 1948 г. устарели, не совсем корректно. Просто это начальный этап разрыва союзнических отношений и поэтому то, что позже вошло в учебники истории, тогда звучало вполне серьезно и ново.

Вынужденный и временный характер сотрудничества СССР с США и странами Европы подтверждают факты о межвоенной международной политике, имевшей антисоветскую направленность. С учетом снижения активности Коминтерна и ориентации на мировую революцию антисоветская направленность политики США и Европы носила не столько антикоммунистический, сколько антироссийский характер.

Если часть фальсификаций и, соответственно, их разоблачение не играют важной инструментальной роли в сегодняшнем противостоянии России со странами НАТО, то сюжет с советско-германским договором о ненападении, именуемом по-прежнему «пактом», используется и сегодня.

В любом случае для лучшего понимания роли фальсификаций характера Второй мировой войны в конфронтации стран НАТО с Россией важно знать их истоки. При всем своеобразии политического дискурса прошлого века и традиций уже несуществующего государства можно отметить, что в риторике политиков США и Европы особых изменений не произошло.

Фальсификации истории, и особенно истории Второй мировой войны, ведутся в продолжении проигранных войн новыми поколениями проигравших, потомками не наших союзников по борьбе с нацизмом, а потомками и правопреемниками противников, даже преступников.

Системный реваншизм в Германии направлен на снятие статуса нации преступников, если и не за преступления на территории СССР, то за Холокост, а реваншизм в странах Восточной и Центральной Европы носит комплексный характер. Это и попытка избавиться от комплекса вины в период войны на стороне нацистской Германии, и за свой антисемитизм, русофобию, дополненный социальным и националистическим реваншизмом. Симбиоз фальсификации и системного реваншизма на их основе – опасная и реальная угроза для России.

Источники и литература

1. *Адамова Е.* Попытки фальсификации истории Второй мировой войны // Мирмол. 26.10.2020. URL: <https://mirmol.ru/blogs/poputki-falsifikatsii-istorii-vtoroj-mirovoj-voyny/> (дата обращения: 13.02.2022).
2. *Казарин П.С.* Современные направления фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войны // Клуб военачальников Российской Федерации. URL: <http://kvrf.milportal.ru/sovremennye-napravleniya-falsifikatsii-istorii-vtoroj-mirovoj-i-velikoj-otechestvennoj-vojn/> (дата обращения: 13.02.2022).
3. *Перевознова А.С.* Фальсификация истории Второй мировой войны в современном медийном пространстве // Форум молодежной науки. 2020. Вып. 1. № 5. С. 45–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/falsifikatsiya-istorii-vtoroy-mirovoy-voyny-v-sovremennom-medijnom-prostranstve/viewer> (дата обращения: 13.02.2022).
4. Противдействие фальсификации истории Великой Отечественной войны. М., 2020.
5. *Рулинский В.В.* «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления // Вестник славянских культур. 2013. № 1 (27). С. 46–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spor-istorikov-v-germanii-problema-otvetstvennostiza-natsistskie-prestupleniya> (дата обращения: 13.02.2022).
6. Фальсификаторы истории. Историческая справка. М., 1948. URL: <https://sheba.spb.ru/shkola/falsifikatory-istorii-1948.htm> (дата обращения: 13.02.2022).
7. Unsere Mütter, unsere Väter // UFA. URL: http://www.ufa.de/produktionen/tv_movie/unsere_muetter_unsere_vaeter (дата обращения: 13.02.2022).

3. Милошевич

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СЕРБИИ: БОРЬБА НАТО ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ В СЕРБИИ НА ПРИМЕРАХ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ УЛИЦ В БЕЛГРАДЕ

Общее определение культуры памяти гласит, что это символическое наследие, представленное в текстах, церемониях, памятниках, празднованиях, средствах массовой информации, которые служат в качестве мнемотехнических инициаторов значений, относящихся

к тому, что произошло в прошлом. В качестве такого же понятия часто как синонимы используются и термины культура памяти, национальная память и культурная память. В Сербии политика памяти ставится в контекст политики (национальной и религиозной) идентичности, то есть строительства культурной идентичности [12]. Между тем государственный суверенитет Сербии, в том числе и в сфере культуры, значительно уменьшился после агрессии НАТО в Югославии (1999), оккупации Косово и Метохии и раскола единства Сербии и Черногории с помощью референдума в Черногории [3] и затем создания антисербской идентичности у части черногорцев, принявших новую реальность. Сегодня Сербия явно не суверенное государство, хотя является членом всех международных организаций, включая ООН, а правительство Сербии составляют члены различных западных организаций – сторонников глобализма – от Трехсторонней комиссии до Ордена Мальтийских рыцарей [10; 14; 15]. Хотя народ Сербии боролся за свободу, которую обеспечивали политические выборы (особенно во времена правительства Войислава Коштуницы), но Запад препятствовал этим процессам, навязывая «своих людей», которые контролировали сферы политики и культуры [8: 91–97].

Всё это повлияло на повседневную жизнь, а также на сферу культуры памяти в Сербии. Насколько серьезная борьба велась и ведется в области культуры памяти, показывает борьба за названия улиц в Белграде, прежде носивших имена советских генералов и маршалов: «Большинство восточноевропейских городов переименовали свои улицы после падения коммунизма, но в Белграде к этому подошли... радикально», – констатирует Леа Вилингхэм [16].

В 1990 г. из 150 улиц в старом Белграде 25, названия которых были связаны с социализмом или Второй мировой войной. После перемен, произошедших 5 октября 1999 г., и «цветной» революции, когда к власти пришли прозападно настроенные политики, белградские власти, пренебрегая памятью о некоторых исторических событиях, возвращали старые названия центральным улицам Белграда, не обращая внимания на то, что допускают историческую несправедливость. Комиссия по наименованию улиц и площадей Скупщины (Парламента) Белграда переименовала до 2004 г. почти 200 улиц, среди которых и носившие имена Иосипа Броза Тито, Карла Маркса и Красной армии,

советских вооруженных сил, которые помогли освободить Белград от нацистских оккупантов в 1944 г. Были переименованы даже улицы, носившие имена маршала Ф.И. Толбухина и генерала В.И. Жданова – освободителя Белграда. Таким образом, улицы остались без имен маршала и генерала, которые руководили освобождением Белграда 20 октября 1944 г. Правда, именем маршала Толбухина назвали улицу на периферии, в белградском пригороде Жарково. Сегодня всего четыре или пять улиц сохранили названия того времени.

«За прошедшие 20 лет, когда власть в Белграде принадлежала Сербскому движению обновления и Демократической партии, в ходе “войны за интерпретацию истории”, ссылаясь на антикоммунизм, с белградских улиц в несколько этапов убирали таблички с именами борцов против фашизма», – констатирует Таня Йованович [13]. Здесь следует добавить, что лидер Сербского движения обновления Вук Драшкович в какой-то момент был даже министром иностранных дел Сербии, лоббируя НАТО, за заслуги перед Западом Международным институтом безопасности он был провозглашен человеком года Еврoатлантического союза [5: 52–53], а также получал другие награды: «Вук Драшкович своей деятельностью и публичными выступлениями представлял общественности Сербии все преимущества участия в системе безопасности такой, как НАТО и в то же время граждан Сербии знакомил с евроатлантическими ценностями решительно и как можно более понятно, так что эту важную тему он перенес с эмоциональной на рациональную основу», – сказано в сообщении Института [1]. Среди этих ценностей – русофобия и антикоммунизм. Драшкович требовал, чтобы Сербия вступила в НАТО немедленно, поскольку без этого не может стать членом Европейского союза.

В 2016 г. власти Белграда решили переименовать улицы Похорскую и Гоцы Делчева в Новом Белграде и дать им имена советских военачальников. Так улица Гоцы Делчева стала бульваром маршала Толбухина, а Похорская – улицей генерала Жданова. «Сегодня, в 72-ю годовщину освобождения Белграда, мы отдаем долг и исправляем большую ошибку, допущенную перед героями, освободителями нашей столицы. Я извиняюсь и перед русским народом, и перед Российской Федерацией за одну такую ошибку, что улицы, которые действительно принадлежат этим великим и людям, внесшим большой вклад в то, чтобы мы сегодня были

свободными, не носят их имен. Я надеюсь, что жители Нового Белграда и Земуна, которые живут на этих улицах, смогут с гордостью сказать, что они живут на улицах маршала Толбухина и генерала Жданова», – заявил заместитель мэра Белграда А. Младенович [2].

Посол Российской Федерации в Белграде Александр Чепурин подчеркнул, что справедливость восторжествовала и героям возвращено то, что и принадлежит им по праву [4]. «Также хотелось бы вспомнить, в чем состоял подвиг этих героев. Когда советская армия подошла к Белграду, она смогла захватить город почти без потерь. Она могла уничтожить всё с помощью авиации и тяжелой артиллерии. Но в этом случае исторический центр Белграда не сохранился бы. В соответствии с договоренностью с югославской стороной маршал Толбухин принял решение разработать план захвата Белграда в рамках наземной операции совместно с югославскими партизанами. Благодаря этому было сохранено историческое лицо Белграда», – отметил А. Чепурин. «Цена такого решения – 4000 погибших и 14 000 раненых красноармейцев и партизан», – сказал он в заключение [2].

Празднование 72-й годовщины освобождения Белграда продолжилось мемориальной процессией по улице короля Милана и возложением венков на могилах освободителей на Новом кладбище, а вечером в Народном театре состоялось торжественное заседание, а в Сава-центре – концерт Академического ансамбля Национальной гвардии России [4].

Этой символичной победы над лоббистами НАТО в Сербии не было бы, если бы граждане Сербии не протестовали против переименования в духе Запада улиц в Белграде. Так, среди выступлений в защиту «русских улиц» можно было прочитать следующее: «Русская цивилизация – европейская цивилизация. Москва и Петроград европейские города не хуже Рима, Лондона, Мадрида... Основы современной Европы заложены в январе 1943 года около города, который назывался тогда Сталинград. Так и сегодня (вероятно) называется один из кварталов Парижа. Европа, да! Мы относимся к этому континенту. Европейский союз (НАТО) – нет, никогда» [11].

Понадобятся десятилетия, чтобы исправить все политические, культурные и другие ошибки сербской пятой колонны, совершенные с 1999 г. до того времени, когда она начала как-то освобождаться

от евроатлантической смирительной рубашки. Однако важно подчеркнуть, что благодаря усилиям российской стороны именами русских освободителей Белграда снова были названы улицы [2].

Понятно, что НАТО и весь Запад через сербскую пятую колонну устранил всё, что напоминало бы сербам о братстве и единстве с русскими. Это устранение проводилось радикально, потому что Запад хотел добиться кардинальной трансформации сербской культуры памяти. Кроме улиц, носивших имена советских и русских известных личностей, пострадал и русский язык [9: 260–269], который был устранен из сербской системы образования, а средствам массовой информации было строго запрещено писать о России что-то положительное.

Образование – это тоже площадка для политической, идеологической борьбы, борьбы за ценности. И здесь мы можем констатировать, что сербы терпят поражение. Не секрет, что после 1999 г. среди приоритетов Запада в Сербии был контроль над образованием. Реформы были начаты на всех уровнях, из учебников систематически убирали авторов и лекции, которые утверждали сербскую, славянскую и православную идентичность. Произошла так называемая «мондиализация» образования. Стало модно знать английский язык и как можно чаще использовать разные англицизмы, так что образованная молодежь сегодня говорит на смеси сербского с английским.

Между тем произошли и серьезные сдвиги в понимании культуры памяти среди молодых сербов. Запад через свою пятую колонну в сербском образовании начал фундаментальное переосмысление культуры памяти и превращение ее в культуру воспоминаний [7: 9–16].

В Сербии благодаря усилиям неправительственного сектора, известного в политическом сообществе как «другосербиянцы» (сербь, выступающие за НАТО, ЕС, либерализм и т.п.), под видом науки пустила корни идея о том, что истории нет, а значит, нет и культуры памяти. Есть только культура воспоминаний – того, что помнит живой человек. Всё остальное – фикция, ненадежная информация [6: 21–34].

Источники и литература

1. Вук Драшковић евроатланска личност године. URL: https://www.rtv.rs/sr_lat/politika/vuk-draskovic-evroatlanska-licnost-godine_327353.html (дата обращения: 19.01.2022).

2. *Јоксимовић Н.* Руски ослободиоци Београда поново добили своје улице. URL: <http://www.ambasadarusije.rs/sr/vesti/beograd-ispravio-nepravdu-prema-svojim-oslobodiocima> (дата обращения: 19.01.2022).
3. *Јушковић:* Референдум из 2006. био је фалсификован и неуставан. URL: <https://www.in4s.net/juskovic-referendum-iz-2006-bio-je-falsifikovan-i-neustavan/> (дата обращения: 19.01.2022).
4. *Лане К.* Руски ослободиоци Београда поново добили своје улице. URL: https://rs.rbth.com/politics/2016/10/20/ruski-oslobodioci-beograda-ponovo-dobili-svoje-ulice_640601 (дата обращения: 18.01.2022).
5. *Милошевић З.* Време европских антихероја // Печат. 2012. Бр. 249. 28. децембар. С. 52–53.
6. *Милошевич З.* Геополитическое положение православных народов и их перспективы // Православие в исторических судьбах славянских народов: материалы международной научной конференции. Горки, 2021. С. 21–35.
7. *Милошевич З.* Культура памяти или культура воспоминаний? // Проблемы истории и культуры славян в академическом дискурсе России, Белоруссии и Сербии: сб. мат-лов круглого слова. (г. Новозыбков, Брянская обл., 12 сент. 2020 г.) / под ред. В.В. Мищенко, Т.А. Мищенко, С.П. Куркиной. Брянск, 2020. С. 9–16.
8. *Милошевич З.* Православные славяне и их безопасность в XXI веке // Россия и славянские народы в XIX – XXI веке. Брянск, 2020. С. 91–97.
9. *Милошевич З.* Русский язык в демократической Сербии // Язык и идентичность: язык, литература и славянские идентичности в XVIII–XXI вв.: тематический сборник / ред. К. Шевченко. Белград; Минск, 2020. С. 260–269.
10. Министарка енергетике Зорана Михајловић члан озлоглашене Трилатералне комисије. URL: <https://www.srbijadanas.net/ministarka-energetike-zorana-mihajlovic-clan-ozloglasene-trilateralne-komisije/> (дата обращения: 18.01.2022).
11. «Руске» улице – српска брука. URL: http://www.nspm.rs/component/option,com_yvcomment/ArticleID,21515/url,aHR0cDovL3d3dy5uc3BtLnJzL2t2bHVtbnUtZGpvcmlRqYS12dWthZGlub3ZpY2EvcnVza2UtdWxpY2Utc3Jwc2thLWJydWthLmh0bWwjeXZDb21tZW50MjE1MTU=/view/comment/ (дата обращения: 18.01.2022).
12. *Asman J.* Kultura pamćenja. Beograd, 2011.
13. *Jovanović T.* Kakosu se Peko i Kočavratili u Beograd. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=1230566> (дата обращения: 18.01.2022).

14. Trilateralala u Srbiji: Profesor i opozicionar Jovo Bakić na Rokfelerovom platnom spisku? URL: <https://www.espreso.co.rs/vesti/politika/416715/trilateralala-u-srbiji-profesor-i-opozicionar-jovo-bakic-na-rokfelerovom-platnom-spisku> (дата обращения: 19.01.2022).
15. Vučićevi Članovi “Tajne Vlade u Sjenci”: Ana Brnabić, Zorana Mihajlović, Željko Mitrović, Miodrag Kostić. URL: <https://www.slobodna-bosna.ba/vijest/35974/vuchicevi-chlanovi-tajne-vlade-u-sjenci-ana-brnabic-zorana-mihajlovic-zeljko-mitrovic-miodrag-kostic.html> (дата обращения: 19.01.2022).
16. *Willingham L.* Promena naziva ulica u Beogradu odraz vremena. URL: <https://balkaninsight.com/sr/2016/07/26/promena-naziva-ulica-u-beogradu-odraz-vremena-07-26-2016/> (дата обращения: 19.01.2022).

В.А. Авксентьев

**ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В «НАДЭТНИЧЕСКИХ» И «ЭТНИЧЕСКИХ» СМИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(на материалах контент-анализа)¹**

Историческая память – один из столпов северокавказского социума, и содержательное наполнение исторической памяти объединяющими или этнотравмирующими сюжетами оказывает важнейшее влияние на этнополитические процессы в регионе, политизацию этничности, формирование общероссийской идентичности.

Цель настоящей статьи – определить место тематики Великой Отечественной войны как в «надэтнических», так и «этнических» информационных ресурсах на Северном Кавказе. Проблематика исследовалась в общем контексте влияния СМИ на процессы политизации / деполитизации этничности на Северном Кавказе, контент-анализ проводился по двадцати тематическим рубрикам, одна из которых – «историческая память (позитивные vs негативные образы)». В эмпирическом исследовании участвовали доктор философских наук Б.В. Аксюмов и доктор философских наук Г.Д. Гриценко.

Контент-анализ «надэтнических» СМИ выполнен за период с января по апрель 2021 г. По всем семи субъектам Российской Федерации,

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00132 «Тенденции этнизации / деэтнизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе».

расположенным на территории Северо-Кавказского федерального округа, было проанализировано 22 информационных источника (официальные и альтернативные СМИ, агрегаторы новостей) и отобрано 5393 материала. Результаты контент-анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Классификатор контент-анализа печатных и сетевых СМИ в семи регионах Северного Кавказа

Место в рейтинге	Тематические рубрики	Суммарное число упоминаний	% от общего числа публикаций
1	Историческая память (позитивные vs негативные образы)	1 342	24,9
2	Гражданская идентичность, общероссийские ценности	870	16,1
3	Конфессиональная идентичность (укрепление vs снижение)	789	14,6
4	Этническая идентичность (укрепление vs снижение)	634	11,7
5	Национальная политика региональной власти	362	6,7
6	Этнические традиции и ценности (укрепление vs снижение)	342	6,3
7	Модернизация / традиционализация экономики	296	5,5
8	Федерализм vs унитаризм	183	3,4
9	Знание / плохое знание / незнание родного языка	173	3,2
10	Этнические особенности гражданского общества	119	2,2
11	Этнические отношения	97	1,8
12	Этнические конфликты	79	1,58
13	Русский язык	32	0,6
14	Национальная политика государства	26	0,5
15	Зарубежные диаспоры	25	0,5

Окончание таблицы 1

16	Этническое разделение труда	16	0,3
17–18	Нация в этническом смысле (этнонация)	3	0,05
17–18	Этническая территория	3	0,05
19–20	Российская (гражданская) нация	1	0,01
19–20	Этническое представительство в органах власти, этническое соперничество за власть	1	0,01

Первое место в рейтинге с большим отрывом заняла рубрика «историческая память (позитивные vs негативные образы)» – 1342 материала (24,9 %). Материалы из данной рубрики получили большинство сразу в четырех регионах: Ставропольском крае, Дагестане, Кабардино-Балкарской Республике и Карачаево-Черкесской Республике. В республиканском рейтинге Северной Осетии публикации на тему исторической памяти заняли второе место, в Ингушетии – третье место, а в Чеченской Республике – четвертое. Победа в войне стабильно остается главным общегосударственным праздником, во всех российских регионах активно подключаются к общенациональным акциям вроде «Диктанта Победы» или «Сада памяти». При этом в каждом регионе существует своя специфика, связанная с особым вниманием к событиям, в которых выходцы из того или иного региона сыграли значимую роль.

В Республике Дагестан тематика исторической памяти раскрывается в материалах через два основных сюжета: о подготовке к празднованию 76-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне и праздновании 100-летия ДАССР. В СМИ Дагестана большое внимание уделено 77-й годовщине снятия блокады Ленинграда. СМИ информируют о всероссийской акции, посвященной 77-летию со дня полного снятия блокады Ленинграда, состоявшейся в махачкалинском Музее боевой славы имени В.В. Макаровой.

В Чеченской Республике рубрика «Историческая память» занимает четвертое место в классификаторе материалов и характеризуется преобладанием позитивных образов. Статьи направлены на сохранение памяти о людях, отстаивших независимость своего Отечества,

несмотря на трудности и несправедливые повороты в судьбе чеченского народа. Публикуются материалы о подготовке к проведению в республике всероссийских и международных акций «Диктант Победы», «Бессмертный полк», о ходе реализации различных проектов, связанных с Днем Победы.

Ярким примером освещения героизма чеченцев стала публикация, посвященная 79-летию со дня образования 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка, о солдатах которого говорили, как «хорошо с ними идти в наступление, ведь они дерутся храбро» [5]. Патриотический эмоционально-психологический настрой у читателей создается и с помощью существенного числа публикаций о доблестных сыновьях чеченского народа, уничтожавших фашистов на полях сражений, например, о Мавлиде Висаитове [1]. В то же время героическая эпоха для чеченского народа была наполнена и трагическими событиями, которым в материалах данной рубрики также было отведено заметное место. Однако и при описании таких перипетий судьбы прежде всего говорится о героизме людей, прошедших через депортацию [4].

В Республике Ингушетия тематика исторической памяти находится на втором месте, уступая первое – рубрике «Этническая идентичность». Главными историческими событиями, о которых напоминают читателю публикации, стали события 1940-х гг.: депортация, Великая Отечественная война. Средства массовой информации широко освещают мероприятия, приуроченные к очередной годовщине депортации ингушского народа 23 февраля 1944 г.: этой трагедии посвящаются научные семинары, открытые уроки в школах «Черная среда 1944 года», онлайн-флешмобы, онлайн-показ спектакля Ингушского государственного драматического театра имени И. Базоркина «Выжить, чтобы вернуться» и многое другое. Великая Отечественная война также освещается как период, заполненный трагическими событиями: это и акция «Блокадный хлеб», и акция «Мое детство – война», и выставка архивных документов «Без срока давности» и др.

В Республике Северная Осетия – Алания тематика исторической памяти также находится на втором месте, уступая первое рубрике «Этническая идентичность». В рамках этой рубрики можно выделить два основных сюжета: материалы, посвященные воспоминаниям

о Великой Отечественной войне, и публикации на тему аланского наследия. Как правило, публикации на тему войны имеют региональное звучание, в них подчеркивается участие осетин в различных событиях военной поры. Так, один из материалов посвящен очередной годовщине разгрома фашистских войск в Сталинградской битве. Автор публикации отмечает: «Велик и вклад сынов Осетии в эту победу. Уж не буду повторять известные всем цифры и даты, просто напомню, что многие Герои Советского Союза, генералы, уроженцы республики, сражались за Сталинград» [2]. На войну осетины уходили целыми семьями. «Среди них были и 4 брата Урумовы... Братья один за другим отдали жизнь за родину. Сельчане установили памятник братьям Урумовым во дворе црауской школы» [3].

Историческая память, связанная с вкладом осетин в общую победу советского народа над фашизмом, с одной стороны, укрепляет этническое самосознание осетинского народа, с другой – способствует восприятию осетинским обществом себя как части единой российской нации, основанной в том числе на единстве исторической памяти и идее общей истории.

В Кабардино-Балкарской Республике рубрика «Историческая память» занимает первое место. Тематическим ядром этой рубрики является Великая Отечественная война, ее герои, подготовка к празднованию очередной годовщины Великой Победы. Большинство публикаций, посвященных исторической памяти, 202 из 371, связаны именно с годовщиной Победы. Материалы о Великой Победе присутствуют в информационном пространстве республики постоянно, их частотность увеличивается по мере приближения 9 Мая, но публикационная активность нарастает также и в контексте других памятных военных дат, например, годовщины полного снятия блокады Ленинграда, годовщины окончания Сталинградской битвы. Вторая по частотности тематика в данной рубрике связана с этноисторической травмой. На анализируемый период приходятся две памятные даты: 8 Марта – годовщина депортации балкарского народа, 28 Марта – День возрождения балкарского народа, являющийся праздничным днем в Кабардино-Балкарии. Публикации, связанные с этими событиями, достаточно четко привязаны к датам. 24 материала связаны с депортацией, 36 – с Днем возрождения балкарского народа.

В Карачаево-Черкесской Республике проблематика исторической памяти стоит на первом месте в рубрикаторе. Сообщения, отнесенные к этой рубрике, четко распределились в две большие группы: во-первых, это сообщения о подготовке к празднованию очередного юбилея Великой Победы, имеющие выраженный позитивно-патриотический окрас, во-вторых, это этнотравмирующие сюжеты, связанные с памятными датами депортации народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, их возвращением на этническую родину, репрессиями. Разнообразная информация о подготовке ко Дню Победы свидетельствует о том, что эта тема присутствует в «надэтнических» СМИ постоянно, не привязана к 9 Мая, хотя плотность информации по мере приближения к празднику нарастает.

Издания сообщают о поздравлениях и торжествах, связанных с днем освобождения столицы республики г. Черкесска от немецко-фашистских захватчиков, полным снятием блокады Ленинграда, окончанием битвы за Кавказ. Глава республики или другие руководители поздравляют ветеранов войны с днем рождения, информация об этом присутствует в течение всего года. В тех случаях, когда пожилые люди, пережившие войну, не воевали, они идентифицируются как труженники тыла. Приводятся сообщения об участии главы республики Р.Б. Темрезова в памятных мероприятиях за пределами республики. Тема Победы присутствует практически в каждом номере официальной газеты Карачаево-Черкесии «День Республики», а также на сайтах агрегаторов новостей. Второй важнейший сюжет, отнесенный к категории «историческая память», – сообщения этнотравмирующего характера, связанные с памятными датами депортации народов Северного Кавказа.

На анализируемый период приходится две этнотравмирующие памятные даты: День памяти жертв политических репрессий против казачества, который получил достаточно широкое освещение, и День реабилитации казачества, также получивший освещение в «надэтнических» СМИ. Этим датам посвящено 17 материалов. Поскольку даты депортации и возрождения карачаевского народа находятся за пределами анализируемого периода, в СМИ присутствует информация о памятных датах других народов региона. Глава республики выразил соболезнования чеченскому, ингушскому, балкарскому народам.

Слово «депортация» встречается в анализируемых изданиях 12 раз, «репрессии» / «репрессированный» – 23 раза.

В Ставропольском крае сообщения, отнесенные к группе «историческая память», заняли первую позицию в рейтинге, составив 36,8 % от всего массива сообщений. Подавляющее большинство публикаций по теме «историческая память» связано с годовщиной Победы в Великой Отечественной войне, такие сообщения присутствуют в течение всего анализируемого периода, однако их частота существенно нарастает по мере приближения к празднику. Кроме многочисленных сообщений о готовившемся праздновании Дня Победы, привлекает внимание информация о праздновании 140-летия со дня рождения известного русского прозаика, драматурга, публициста, уроженца города Ставрополя, воспитанника Ставропольской духовной семинарии Ильи Сургучева (28 материалов, или более 10 % сообщений, отнесенных к рубрике «Историческая память (позитивные vs негативные образы)»). Особенность этой информации заключается в том, что отношение к фигуре И.Д. Сургучева неоднозначное. Писатель, не принявший Октябрьскую революцию, эмигрировал, а во время Второй мировой войны продолжал литературную деятельность в оккупированном немцами Париже, в том числе в изданиях, содержащих профашистскую пропаганду. В постсоветский период интерес к фигуре Сургучева вырос, в Ставрополе ежегодно проводились мероприятия (чтения, выставки), посвященные писателю. В конце марта 2021 г. поступила информация, что в Ставропольском крае отменили выставку, посвященную писателю и драматургу Илье Сургучеву. «Только вот странное дело – выставку отменили, а ежегодные Сургучевские чтения в Краевой библиотеке имени Лермонтова переименовали», – написал в соцсетях работающий в жанре исторического детектива писатель Любенко. Он уточнил, что мероприятие переименовали во встречу с профессором Фокиным, исследователем творчества Сургучева. Вместе с этим на сайте музея исчезли все упоминания о планируемой выставке. На сайте краевой библиотеки нет упоминаний о состоявшейся встрече с Фокиным [6]. Таким образом, историческая память присутствует в ставропольских «надэтнических» СМИ не только в виде позитивных образов, как это можно было предположить.

Также негативная информация, связанная с исторической памятью, представлена в сюжетах о детских играх у мемориала Вечного огня (г. Ессентуки), о том, что, вопреки решению суда, в одном из сел Ставрополья не восстановлен на прежнем месте памятник односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Однако подавляющее большинство материалов, отнесенных к рубрике «Историческая память (позитивные vs негативные образы)» формируют позитивные и героические образы прошлого народа России.

В «этнических» СМИ Северного Кавказа тематика исторической памяти занимает второе место, уступая рубрике «Этническая идентичность». В рамках исследования были проанализированы три сайта национально-культурных объединений: Конгресса карачаевского народа (ККН), Международной черкесской ассоциации (МЧА), Федеральной лезгинской национально-культурной автономии (ФЛНКА). Для анализа были отобраны сайты объединений, имеющие регулярное (не менее нескольких материалов в месяц) пополнение контента, а также получившие рекомендации экспертов, проживающих в республиках Северного Кавказа. Контент-анализ проведен за весь 2021 г.

Статистика и ориентация материалов по исторической памяти значительно варьируется у разных объединений. Сайт ККН уделяет весьма большое внимание теме исторического прошлого карачаевского и некоторых других тюркских народов. При этом на первый план в рецепции прошлого выходит тематика этноисторических травм. Из всего массива публикаций, отнесенных к рубрике «Историческая память», только два материала не апеллируют к депортации. Даже материал, посвященный 9 Мая, большей частью связан с этой травмирующей темой. На сайтах МЧА и ФЛНКА материалы по теме исторической памяти не занимают столь значимого положения. На сайте МЧА выделено только два материала, отнесенных к рубрике «Историческая память». Один из них посвящен этноисторической травме – мухаджирству, второй – празднованию Дня Победы. На сайте ФЛНКА 12 материалов отнесены к рубрике «Историческая память», из них восемь посвящены Дню Победы, один имеет этнотравмирующий характер (недифференцированный – память о жертвах политических репрессий).

Проведенный контент-анализ свидетельствует о том, что тема Великой Отечественной войны является ключевой в рубрике «Историческая

память» в «надэтнических» СМИ северокавказского региона. Это свидетельствует о том, что Великая Победа является опорным историческим событием в проводимой в регионе политике памяти. Этнотравмирующая проблематика депортации ряда народов в годы войны содержательно разведена с патриотическими публикациями о Великой Отечественной войне и ориентирована на сохранение памяти о пострадавших от репрессий. Распространенными являются сюжеты о том, как люди, прошедшие через депортацию, плодотворно трудились на благо родной республики и всей страны после возвращения на этническую родину.

В «этнических» информационных ресурсах ситуация различна, недостаточность информационной базы по данной категории источников не позволяет сделать обобщающих выводов.

Источники и литература

1. *Вазаралиев Б., Асаева Т.* Мавлид Висаитов первым из советских офицеров встретился на Эльбе с американскими союзниками // Вести Республики. 2021. 27 января. URL: <http://vesti95.ru/2021/01/mavlid-visaitov-pervym-iz-sovetskih-ofitserov-vstretilsya-na-elbe-s-amerikanskimi-soyuznikami/> (дата обращения: 25.03.2022).
2. *Гуржибекова И.* Память не сотрешь, не убьешь... // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. 2021. 1 февраля. URL: <http://sevosetia.ru/Article/Index/428751> (дата обращения: 25.03.2022).
3. *Дзодзиева А.* Сажены благодарности // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. 2021. 13 апреля. URL: <http://sevosetia.ru/Article/Index/448155> (дата обращения: 25.03.2022).
4. *Ледиев Ш.* Боевой путь Зиаудина Алаудинова // Вести Республики. 2021. 27 марта. URL: <http://vesti95.ru/2021/03/boevoj-put-ziaudinalaudinova/> (дата обращения: 25.03.2022).
5. *Ледиев Ш.* «Хорошо с чеченцами быть в наступлении, здесь они дерутся храбро» // Вести Республики. 2021. 31 марта. URL: <http://vesti95.ru/2021/03/horoshos-chechentsami-byt-v-nastuplenii-zdes-oni-derutsyahrabro/> (дата обращения: 25.03.2022).
6. *Ульянов И.* Выставку к 140-летию писателя Сургучева в Ставрополе отменили по «указанию сверху» // NewsTracker. Сетевое издание. 2021. 25 марта. URL: <https://newstracker.ru/news/society/25-03-2021/vystavkuk-140-letiyu-pisatelya-surgucheva-v-stavropole-otmetili-po-ukazaniyusverhu> (дата обращения: 25.03.2022).

Г.Д. Гриценко

**ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В НАУЧНОЙ СРЕДЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО СООБЩЕСТВА
(на примере Чеченской Республики)¹**

В современном обществе информационная среда играет огромную роль в формировании общественного сознания, нравственно-этической ориентации значительной массы людей и даже в переформатировании их мировоззрения. Одной из острых тем последнего времени стали оценки и интерпретации начала, хода и завершения Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Понимание роли исторического прошлого в жизни российского общества нашло отражение в актуализации вопросов исторической памяти даже на высшем политическом уровне, в частности во включении этих вопросов в «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (редакция 2018 г.), в которой одним из основных направлений национальной политики в сфере укрепления гражданского единства многонационального народа, сохранения и поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации утверждено «предупреждение попыток фальсификации истории России» [5]. Исследованиям Великой Отечественной войны уделяется особое внимание в академическом сообществе, исторические сюжеты о ней также популярны в средствах массовой информации, но особенно важно, что историческое знание используется в качестве аргумента для обоснования различных политических проектов, политических требований и претензий.

Для ряда народов Северного Кавказа годы Великой Отечественной войны – это не только героическая борьба с фашистской Германией, но и трагическое событие 1944 г. – депортация ряда народов Северного Кавказа, в том числе чеченцев.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН «Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе» (№ госрегистрации 121062800066-6) программы фундаментальных и прикладных научных исследований РАН «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности».

В этом контексте важно посмотреть, как в годы памятных дат: 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и 80-летия ее начала – в научной сфере трактуются, оцениваются, описываются события 1941–1945 гг. Сегодня Юг России представляет собой расколотое общество, при этом имеется несколько линий раскола: этнополитические, социально-экономические, собственно этнические, конфессиональные, социокультурные, в том числе и мировоззренческие. Известно, что роль представителей гуманитарных наук, как и профессиональных историков, в культурно-образовательном пространстве Северного Кавказа значительна. Выяснить, какую роль историческая наука, нашедшая выражение в публикациях в ведущих научных журналах, играет в формировании социально-психологического климата в северокавказском сообществе; насколько она содействует формированию и закреплению у граждан социально значимых патриотических ценностей, взглядов и убеждений, уважения к культурному и историческому прошлому, историческим святыням Отечества, его традициям; а также укреплению общероссийского гражданского единства – в этом и состоит цель настоящей статьи. Для ее решения был проведен дискурс-анализ научных статей, в которых рассматривается история Великой Отечественной войны. Использовались публикации, находящиеся в свободном доступе в национальной библиографической базе данных научного цитирования (РИНЦ) за период с 2020 по 2021 гг. Объем документальной базы составил шесть статей, опубликованных в ведущих научных журналах Чеченской Республики. Кроме этого вошла в документальную базу также одна публикация за 2015 г. Этот выбор обусловлен тем, что чеченский народ был среди подвергшихся депортации в 1944 г.

Тема Великой Отечественной войны относится к исследовательской проблематике, описанной чеченскими учеными, прежде всего, через консолидирующий тренд. Основным лейтмотивом всех публикаций является героизм, который проявляли как воины-чеченцы на полях сражения, так и мирное население в тылу. В статье «Вклад тружеников тыла в победу в Великой Отечественной войне» ее автор А.В. Тимаралиева утверждает, что «работники тыла – это такие же герои, как и солдаты. Их бесперебойный труд, кропотливая работа и неимоверные силы, потраченные в тылу, можно сравнить с храбростью

и мужеством воинов, сражавшихся на полях Великой Отечественной войны» [6: 75]. Однако лейтмотивом данной публикации выступает тезис, что победа в войне стала результатом сплоченности и дружбы народов Советского Союза, «далась ценой многомиллионных жизней самых мужественных и отважных патриотов Советского Союза» [6: 77]. Исследователь, ссылаясь на Х. Ошаева, указывает на основной просчет немецкого командования, который, в частности, не позволил им одержать победу над нашей Родиной: в немецком плане «молниеносной войны» с Советским Союзом – «Барбаросса», где с точки зрения военной стратегии всё было учтено, не был учтен один важнейший момент: «морально-политическое единство советского народа» [6: 77]. В качестве подтверждения единения людей, независимо от их этнической, религиозной принадлежности, автор статьи приводит развернувшиеся между предприятиями «соревнования на обгонку». Так, например, работники колхоза имени Ленина Сунженского района в 1941 г. вызвали на соревнование колхоз «Хлебороб». Члены этих колхозов (одного – чеченского, другого – казачьего) всегда первыми в районе проводили сев и уборку, первыми сдавали хлеб и продукты для фронта и страны. Такая же система была и между русскими колхозницами сельхозартели «Ударник» и женщинами-чеченками колхоза «Маяк Чечни» Староюртовского района. Обмен опытом, дружеские советы и взаимопомощь приводили к крепкой дружбе между людьми разных предприятий» [6: 76].

О трудовом подвиге рабочего класса Чечено-Ингушетии на завершающем этапе Великой Отечественной войны рассказывается в другой публикации [3]. Здесь обращается внимание на патриотическую инициативу «старогрозненцев» 1945 г. с призывом широко развернуть социалистическое соревнование в ознаменование XXVII годовщины Красной армии. Это начинание горячо поддержали другие нефтяники, а также машиностроители и железнодорожники. Его реализация привела к открытию и сдаче в эксплуатацию нового высокодебитного нефтяного района «Ташкаланефть», что «дало возможность выработать для фронта дополнительно сотни тысяч тонн нефтепродуктов, необходимых для армии и народного хозяйства страны, и полностью выполнить в 1945 г. правительственное задание по добыче и переработке нефти» [3: 60]. Кроме того, в статье делается значительный

акцент на успешном сотрудничестве трудящихся, имеющих различные этно-конфессиональные корни. О чем свидетельствует перечисление фамилий директоров заводов и бригадиров, коллективы которых стали победителями в социалистическом соревновании: Абасалиев, Абосалаев, Жовнер, Ивашкин, Киселев, Тесля, Чопихашвили, Шиякин, Якобсон и др. При этом, несмотря на трагические события февраля–марта 1944 г., государство высоко оценило героический труд нефтепереработчиков Чечено-Ингушетии: свыше 1300 человек были награждены орденами и медалями Советского Союза [3: 61].

Через биографии конкретных представителей чеченского народа было продемонстрировано, какой достойный вклад внесли жители Чечни в дело Победы в Великой Отечественной войне. Одним из героев войны был студент исторического факультета Чеченско-Ингушского государственного педагогического/учительского института А.Ч. Хасбулатов, призванный в Красную армию в декабре 1939 г., принявший участие в советско-финляндской войне, а затем и в Великой Отечественной. Победа застала майора А.Ч. Хасбулатова в Вене. За мужество и героизм он был награжден высокими наградами СССР – орденами Отечественной войны I и II степеней, орденом Красной Звезды и медалями [4: 25]. Значимым тезисом данной научной публикации является описание события, непосредственно связанного с депортацией. Автор пишет: «Как известно, почти все воины чеченской и ингушской национальности были демобилизованы из армии после выселения соплеменников в феврале 1944 г. Известны случаи, когда порядочные и мужественные командиры, рискуя быть наказанными, пытались сохранить чеченцев и ингушей, меняя их национальности в документах» [4: 28]. Однако А.Ч. Хасбулатов, подчеркивает автор статьи, не только остался в строю до конца войны, но и получил очередную награду, «причем в наградном листе А.Ч. Хасбулатова, который датирован 30 сентября 1944 г., в графе национальность указано, что он чеченец. Этот удивительный факт, – резюмирует исследователь, – свидетельствует о мужестве и героизме не только А.Ч. Хасбулатова, но и командира подполковника Харитонов» [4: 28]. Описывая героический путь одного из сыновей чеченского народа в крайне трагическое время, осложняемое депортацией, автор публикации концентрирует внимание на проявлениях дружбы и солидарности людей разных национальностей.

Рассказу о воинах-чеченцах, кавалерах ордена Александра Невского посвящена статья М.Х. Алисхановой. Были представлены описания подвигов В.Ю. Юсупова, У.А. Гереева, Л.И. Джамалова, А.Ю. Дотмурзиева, А.Ч. Хасбулатова. Все они были награждены орденами Александра Невского после февраля – марта 1944 г. [1].

Однако, сетует автор, были сыны и дочери чеченского народа, героически воевавшие и погибавшие на фронтах Великой Отечественной войны, «ковавшие Великую Победу вместе со всем советским народом», имена которых вычеркивали из списков награждения как представителей депортированного чеченского народа. К таким героям принадлежит Акаев Даша Ибрагимович, майор, командир 35-го штурмового авиаполка 9-й штурмовой авиационной Ропшинской дивизии ВВС Краснознаменного Балтийского флота. Уже в 1942 г. он «был награжден за образцовое выполнение боевых заданий орденом “Красная Звезда”, медалью “За оборону Ленинграда”». В течение 1944 г. «за умелое руководство боевыми действиями полка» и лично совершенные успешные боевые вылеты был представлен к награждению орденом Александра Невского и получил орден Красного Знамени». Выполняя приказ о нанесении ракетно-бомбового удара по аэродрому в окрестностях города Раквере, Д. Акаев и его семь боевых товарищей 26 февраля 1944 г. погибли. Майор посмертно был представлен к званию Героя Советского Союза, но вычеркнут из списка как представитель депортированного чеченского народа [1: 132].

В заключение автор публикации констатирует: «Не за ордена и медали воевали и погибали представители чеченского народа на фронтах Великой Отечественной войны», однако «следовало бы по достоинству оценить их вклад в Великую Победу» [1: 133].

Проявлениям героизма и мужества многонационального советского народа в Сталинградской битве посвящена статья «Воины из Чечено-Ингушетии на защите Сталинграда» [2]. В частности, сказано: «Высокие образцы героизма, отваги и боевого мастерства проявили в боях за Сталинград летчики из Чечено-Ингушетии И.М. Хрущев, И.М. Алексеев, Б.Н. Воловодов; артиллеристы И.Н. Гвенцадзе, И.Ф. Серегеев, комбат Ш.С. Абрамов, командир роты И.С. Харланов, связист П.М. Крутов, танкисты П.Я. Калашников, В.Т. Малиновский, сапер И.И. Виноградов. Все они за боевые подвиги были награждены

орденами и медалями. За храбрость и отвагу в боевых действиях на других фронтах минувшей войны им всем было присвоено звание Героя Советского Союза» [2: 95].

Касались чеченские исследователи и подвига тех, кто одновременно жил и работал и в тылу, и на фронте, – подвига грозненских и гудермесских железнодорожников, которые, находясь в непосредственной близости к линии фронта, под бомбами немецкой авиации снабжали Красную армию сотнями тысяч тонн оборудования, нефти и других грузов, обеспечивая связь фронта и тыла [7]. И вновь в этой публикации автор обращает внимание на героический подвиг жителей Чечено-Ингушетии, включающих представителей разных национальностей, о чем можно судить по фамилиям героев: «Многие железнодорожники были награждены орденами и медалями Союза ССР. Орденом Ленина были награждены тт. Лащепко, Маслов, Турченко, Непочатый и другие» [7: 122].

Итак, на основании вышеизложенного дискурс-анализа научных статей, опубликованных в ведущих журналах Чеченской Республики, можно сделать вывод о стремлении исследователей извлекать из исторической памяти сюжеты, которые наиболее востребованы в современной исторической обстановке – в условиях юбилейных дат, ревизии истории Великой Отечественной войны, актуализации исторических травм, раскола северокавказского общества по проблемам трактовки истории. Таким историческим сюжетом является история Великой Отечественной войны. При этом важно отметить ориентацию чеченских ученых в выборе проблематики, оценочных суждений на консолидирующие и интегративные ценности, что, безусловно, способствует формированию благоприятного социально-психологического климата в северокавказском сообществе, обеспечивающего чувство стабильности и защищенности; закреплению патриотических ценностей; росту уважения к культурно-историческому прошлому Родины, историческим святыням общего Отечества; а также укреплению общероссийской гражданской солидарности.

Источники и литература

1. Алисханова М.Х. Солдаты Победы: воины-чеченцы, кавалеры ордена Александра Невского на фронтах Великой Отечественной войны //

- Известия Чеченского государственного университета (далее – Известия ЧГУ). 2020. № 1 (17). С. 130–133.
2. *Магомаев В.Х.* Воины из Чечено-Ингушетии на защите Сталинграда // Известия ЧГУ. 2020. № 3 (19). С. 92–95.
  3. *Магомаев В.Х.* Трудовой подвиг рабочего класса Чечено-Ингушетии на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944–1945 гг.) // Известия ЧГУ. 2021. № 1 (21). С. 55–62.
  4. *Матагова Х.А., Гелаева З.А.* Со студенческой скамьи на фронт: А.Ч. Хасбулатов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 1 (48). С. 25–30.
  5. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями на 6 декабря 2018 года) // Консорциум «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 28.04.2022).
  6. *Тимаралиева А.В.* Вклад тружеников тыла в победу в Великой Отечественной войне // Вестник ЧГУ. 2015. № 2 (18). С. 75–78.
  7. *Эльбуздукаева Т.У.* Железнодорожный транспорт Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия ЧГУ. 2020. № 2 (18). С. 118–123.

Н.Г. Очирова

**ФРОНТОВИКИ-КАЛМЫКИ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ
ШИРОКОВСКОЙ ГЭС (1944–1945 гг.):
ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
И МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ КАЛМЫКИИ¹**

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. явилась одним из крайних проявлений цивилизационного кризиса. В этой тяжелой и кровопролитной войне советский народ сумел не только отстоять свою свободу и независимость, но и сыграл решающую роль в разгроме агрессора и спасении европейской и мировой цивилизации от уничтожения немецким нацизмом. Свой неоценимый вклад в Победу внесли все народы Советского Союза. Вместе с тем на современном этапе развития российского общества переосмысление исторического

¹ Исследование выполнено в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН, № гос. проекта 122020100347-2.

прошлого не обходится без противоречий, что вызвано коренными изменениями в политической и социально-экономической сферах страны, трансформацией идеологии и морально-нравственных ориентиров. В связи с этим особую актуальность приобретают современные направления исследований, связанные с изучением событий Великой Отечественной войны, проблемами исторической памяти российского и других постсоветских обществ, что имеет большую общественно-политическую значимость и является важной составляющей в формировании гражданской идентичности. Изучение истоков массового героизма в годы Великой Отечественной войны способствует воспитанию у молодежи патриотических чувств, любви к Родине.

Различным аспектам Великой Отечественной войны на Юге РСФСР посвящены труды отечественных ученых академика Г.Г. Матишова, Е.Ф. Кринко, В.И. Афанасенко, М.В. Медведева [5; 7; 8], Н.Ф. Бугая [2] и др. [9] Об узниках Широколага писала С.Э. Лиджи-Горяева [6].

Одной из трагических страниц в истории калмыцкого народа в период Великой Отечественной войны явился отзыв с фронтов в начале 1944 г. воинов-калмыков и отправка их на строительство Широковской ГЭС (Широколаг) в Молотовскую область (ныне Пермский край), что привело к гибели, по разным оценкам, свыше 2 тыс. человек. Случилось это сразу после ликвидации Калмыцкой АССР 28 декабря 1943 г. и насильственного переселения калмыцкого народа в восточные районы страны. В то время, когда первые эшелоны со ссылными находились еще в пути в места высылки, Генеральный штаб Красной армии и НКВД СССР издали ряд согласованных между ведомствами специальных распоряжений о находившихся на военной службе калмыках, которые свидетельствуют о продуманной и хорошо спланированной акции национальной репрессии калмыков-военнослужащих и военнообязанных. 8 января 1944 г. управление Генштаба Красной армии издало секретное распоряжение, на основании которого всех прибывших в служебные командировки военнообязанных калмыков снимали с воинского учета и передавали в органы НКВД, далее эти калмыки организованно под конвоем направлялись в места спецпоселения – Алтайский, Красноярский края, Новосибирскую и Омскую области. Эту участь разделили и калмыки, которых выписывали из госпиталей. Весной 1944 г. начался второй

этап депортации калмыцкого народа, коснувшийся уже командиров, политработников, представителей рядового и сержантского состава, служивших в армии как в довоенный период, так и во время Великой Отечественной войны. Следует отметить, что уроженцы Калмыкии воевали практически на всех фронтах Великой Отечественной, являлись участниками многих крупных военных операций. Этот этап репрессий характеризуется тем, что командиры и политработники были сняты с фронтов Великой Отечественной войны и собраны в Ташкенте и Новосибирске, после чего их демобилизовали и передали в органы НКВД, а затем направили по месту жительства их семей в Сибирь и республики Средней Азии. По прибытии они ставились на учет в местных спецкомендатурах и подвергались тем же ограничениям, что и все калмыки-спецпереселенцы. Поэтому многие из них так и не смогли найти родственников и встретились с ними только по возвращении в родную Калмыкию после 13-летней депортации.

Трагически сложилась судьба сержантского и рядового состава, а также курсантов военных учебных заведений калмыцкой национальности. Они не подверглись демобилизации. Под предлогом формирования национальной части, обманным путем, в обстановке строгой секретности, их направили в г. Кунгур Молотовской области (ныне Пермский край) в 7-ю запасную стрелковую бригаду. Это был еще один преступный акт, осуществленный сталинским режимом в отношении немногочисленного калмыцкого народа. По распоряжению бригадного командования прибывшие военнослужащие-калмыки в спешном порядке были зачислены в 1-й и 2-й строительные батальоны и переданы «для трудового использования» в Широковский исправительный лагерь НКВД СССР, за которым позже закрепилось официальное название «Широклаг». Калмыцкие батальоны были задействованы на одном из самых сложных объектов – сооружении Широковской ГЭС на р. Косьва. Как известно, в начале войны на Урал было эвакуировано большое количество промышленных предприятий. Они остро нуждались в электроэнергии. Одним из путей решения проблемы энергоснабжения руководство страны сочло использование гидроэнергетических ресурсов региона. 5 ноября 1942 г. было подписано постановление Государственного комитета обороны СССР № 2484-с «О строительстве средних и малых гидроэлектростанций

первой очереди на реках Урала», в числе которых значилось возведение Широковской ГЭС. В связи с этим в соответствии с приказом НКВД СССР № 002592 от 27 ноября 1942 г. был создан Широковский ИТЛ (Широкстрой, Широлаг). Репрессивная система сталинского НКВД тут же отзывается и начинает активно наполнять Широковский ИТЛ заключенными, постепенно наращивая их численность, в том числе за счет прибывших фронтовиков-калмыков, которых, по воспоминаниям широколаговцев, было около 4 тыс. человек. Среди них свыше 500 человек были членами и кандидатами в члены ВКП(б), 429 молодых военнослужащих состояли в рядах ВЛКСМ.

Большинство из фронтовиков-калмыков имели боевые награды, в том числе орден Красной Звезды – 47, орден Славы III степени – 13, орден Красного Знамени – 3, орден Отечественной войны II степени – 4 и др. Были награждены медалями: «За отвагу» – 140, «За боевые заслуги» – 91, «За оборону Сталинграда» – 105, «За оборону Ленинграда» – 34, «За оборону Кавказа» – 10 человек и др. К сожалению, не все награды были учтены в документах солдат-широклаговцев. Так, девушки-военнослужащие, делившие наравне с мужчинами участь широколаговцев, также имели боевые награды, однако в их личных делах это не было отражено. К счастью, все они выжили и имели возможность об этом поведать создателям книги «Широкстрой. Широлаг: сборник воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС» [11]. Репрессированные военнослужащие вспоминали, что по прибытии в Широлаг их разместили в бараках, где было очень холодно и одолевали полчища клопов, держали как преступников. Затем их разделили по бригадам и вывели на строительство электростанции. Труд был очень тяжелый. Приходилось выполнять различные земляные работы: долбили каменистый уральский грунт, копали траншеи, возили бетон и т.д. И всё это делали с помощью лома, лопаты, тачки. Огромными, тяжелыми кирками, которые в руках удержать было нелегко, они добывали каменную породу в карьере. Добытые глыбы камней на руках переносили к машинам. Изнуряющий, нечеловеческий труд с ежедневной нормой выработки с кубометра камней и скудный паек быстро доводили людей до полного истощения. Не выполнивших норму заставляли работать всю ночь или оставляли без пайка. Работы из-за отсутствия механизмов повсеместно велись вручную – земляные

работы, укладка бетона и железобетона. Особенно трудоемким было рытье котлована, во время которого при взрывных работах многие из бывших солдат погибали от того, что не успевали из-за слабого физического состояния отбежать на безопасное расстояние. Воины-калмыки работали также на лесоповале, в карьере, где добывали камень для котлована, на кирпичном заводе, строительстве железнодорожного участка до станции Половинка, Березниковском химическом комбинате, в угольных шахтах и на других объектах народного хозяйства региона. Вскоре их одежда износилась, и им выдали фуфайку и брюки, а обувь была у них из резиновой камеры на деревянной подошве. Эта работа требовала полноценного питания, которого не было. Э.И. Абушинов в своих воспоминаниях «Невозможно выразить словами» пишет: «Вначале ребята приходили купаться с шутками, прибаутками. Но через несколько недель они так были истощены, что не могли даже шайку с водой поднести. Я им помогал. Страшно было смотреть на них: одни кожа и кости. Посещение бани было обязательным. Кормили нас так отвратительно, что невозможно выразить словами. Ребята ходили по помойкам, собирали рыбы головы, варили суп. Собирали также картофельную кожуру» [1]. В строительстве Широковской ГЭС принимали участие военнослужащие-зенитчицы калмыцкой национальности, которые также были отозваны с фронта. В их обязанности входила работа в лазарете, на кухне, в прачечной, где до них доводились нормы стирки белья, которая осуществлялась вручную. Это был тяжелый физический труд для молодых девушек, но они выжили. А.А. Васьяева вспоминала: «В Широклаге я все время работала санитаркой. <...> Были такие тяжелобольные, у которых остались кожа да кости, работать они уже не могли. В этом случае составлялся акт и делалась запись: неспособен к физическому труду. Активированных отпускали домой. Доезжали они до своих родных или умирали по дороге – никому до этого дела не было. Много людей умерло в Широклаге. Через мои руки много бойцов ушло из жизни. <...> Питание было очень плохое. Я много раз видела, как молодые люди подбирали объедки из помойной ямы и варили их в своих котелках. Мы, девушки, тоже кушать хотели, но терпели, в помойку не лазили» [3].

О том, как хоронили умерших, свидетельствует другой участник строительства Широковской ГЭС Басанг Баринов: «Кладбища не было.

Трупы штабелями укладывали в траншеи, вечером сверху засыпали известкой, чтобы они разложились и впитались в землю. Я видел это своими глазами. Утром посмотрел – в траншее одна вода, голые черепа и кости» [4].

Очень много вчерашних фронтовиков раньше времени молодыми ушли из жизни на том строительстве. От заключенных пребывание военнослужащих-калмыков в Широклаге отличалось лишь тем, что их бараки не были огорожены колючей проволокой и их не охраняли немецкие овчарки. Постоянное угнетенное состояние, осознание творящейся несправедливости «без вины виноватых», чувство униженности, пребывание в исправительно-трудовом лагере рядом с заключенными, проживание в нечеловеческих условиях – всё это вызывало у многих протесты, выражавшиеся чаще всего в написании рапортов, заявлений командованию с просьбой о направлении на фронт. Военнослужащие-калмыки совершали и массовые побеги из Широклага, в том числе на фронт, но их задерживали, судили и оставляли на тех же работах, но уже в качестве заключенных. Лишь четверым удалось осуществить свой план побега из Широклага в действующую армию. Среди них Тюрба Лиджи-Гаряев, сумевший выправить документы на бурята, скрыть свое пребывание в ИТЛ и побег из Широклага. Как и другие «беглецы», он прошел всю войну, участвовал в освобождении Венгрии, Австрии, Вены, Будапешта и пр. За боевые заслуги бывший широклаговец Т. Л.-Г. Лиджи-Гаряев был награжден орденами Славы III степени, Красного Знамени, а также многими медалями. Осенью 1944 г. началось отчисление из лагеря награжденных боевыми орденами, что слабо утешало оставшихся, ведь условия их жизни и труда по-прежнему были каторжными. Лишь летом – осенью 1945 г. для каждого из них наступила долгожданная пора – получение разрешения воссоединиться со своими семьями, родственниками и выехать в сибирские регионы. Последней в 1946 г. выехала оставшаяся небольшая группа участников строительства ГЭС. По прибытии на места у них отбирались военные билеты и бывшие широкстроевцы становились спецпереселенцами с ограниченными гражданскими правами.

История воинов-калмыков, отозванных с фронтов Великой Отечественной войны и участвовавших в строительстве Широковской ГЭС в лагерях Широклага, долгие годы замалчивались. Не рассказывали

об этом и сами участники тех событий, сохраняя в памяти так и необъясненные причины пребывания в Широклаге. Благодаря начавшемуся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессу реабилитации репрессированных народов, в июле – августе 1991 г. поисковая группа в составе сотрудников КГБ (ФСБ), МВД, прокуратуры Калмыкии, Национального архива Республики Калмыкия выезжала в командировку и работала в архиве учреждения ВВ-201 МВД РФ г. Кизела Пермской области (ныне Пермского края). Члены группы выявили более 3 тыс. личных и учетно-статистических карточек военнослужащих Широκстро́я НКВД СССР с приложенными к некоторым из них документами официального и личного происхождения – письмами, заявлениями, справками, рапортами и т.д. Эти документы после изучения и скрупулезной сверки были положены в основу книги «Широκлаг. Широκстрой: списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг.», изданной в 2000 г. [10]. Впервые в исторической литературе правда о лишениях и невзгодах, испытанных калмыками-фронтовиками, порожденными режимом произвола властей в годы Великой Отечественной войны, была раскрыта в книге воспоминаний ветеранов Широκлага в 1994 г., в канун 50-летия Победы [11]. Через 50 лет из почти 4 тыс. строителей Широκовской ГЭС и тех, кто трудился на других промышленных объектах Пермского края, осталось чуть более 300 человек, через четыре года – 171 человек.

В целях политической реабилитации и социальной защиты военнослужащих-строителей Широκовской ГЭС при республиканском Совете ветеранов войны и труда Калмыкии была создана комиссия, которую возглавил бывший широколаговец, доктор исторических наук, профессор Калмыцкого госуниверситета М.П. Иванов. Во многом благодаря его активной деятельности при поддержке руководства Калмыкии и Совета ветеранов войны и труда были проведены республиканские встречи широколаговцев в Элисте в декабре 1992 г., в мае 1993 г. и в апреле 1994 г. Ветеранам Широκстро́я были предоставлены льготы, предусмотренные статьей 16 закона «О реабилитации жертв политических репрессий». В 1992 г. М.П. Иванов вместе с главным архитектором Республики Калмыкия С.И. Шалаевым побывали на Широκовской ГЭС. В центре Элисты в память о фронтовиках-широκстроевцах установлен огромный камень-валун,

привезенный ими с Урала. 30 апреля 1995 г. у Широковской ГЭС был открыт памятник фронтовикам-калмыкам, погибшим при ее строительстве в 1944–1945 гг. В его торжественном открытии приняла участие делегация во главе с заместителем председателя правительства Республики Калмыкия П.С. Перковским, в составе делегации были ветеран – широкстроевец С.Д. Эдняшев, представители СМИ Калмыкии и др. В 2013 г. был снят документальный фильм о военнослужащих-калмыках, участвовавших в возведении Широковской ГЭС [4]. Ныне эта тема широко исследуется в научных работах, обсуждается на конференциях, семинарах и других форумах.

Таким образом, одно из самых трагических событий в истории калмыцкого народа в годы Великой Отечественной войны, его осмысление и отражение в различных мемориальных формах стало возможным лишь в постсоветский период. Эта тема активно разрабатывается учеными, находит отражение в полотнах художников, постановках театров, музейных экспозициях. Всё это, несомненно, служит передаче знаний о Великой Отечественной войне, ее героических и трагических страницах, способствует сохранению исторической памяти у молодого поколения России.

Источники и литература

1. Абушинов Э.И. Невозможно выразить словами // Широкойстрой. Широкая: сборник воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС. Т. 3. Кн. 2 / сост. Р.В. Неяченко. Элиста, 1994. С. 12–14.
2. Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991.
3. Васьяева В.В. Не опуститься и выжить // Широкойстрой. Широкая: сборник воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС. Т. 3. Кн. 2 / сост. Р.В. Неяченко. Элиста, 1994. С. 41–42.
4. Документальный фильм «Преданные солдаты Широкойага». Элиста, 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A8yKG9sGWtw> (дата обращения: 05.02.2022).
5. Кричко Е.Ф. Проблемы изучения численности населения России в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2019. № 3. С. 18–28.

6. Лиджи-Горяева С.Э. Узники Широκлага // Репрессированные народы: история и современность: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 26–28 нояб. 2013 г.). Элиста, 2013. С. 125–130.
7. Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Афанасенко В.И., Медведев М.В. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.). Ростов н/Д., 2016.
8. Медведев М.В. Освобождение западных районов Ростовской области в 1943 г.: исторические события, тенденции и формы мемориализации: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2019.
9. Очирова Н.Г. Боевые действия на территории Калмыкии в историографии и исторической памяти народа // Боевые действия на территории Калмыкии: неизвестные страницы и новые подходы: сб. науч. статей. Элиста, 2014. С. 196–222.
10. Широκлаг. Широκстрой: списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. Т. III. Кн. 1 / сост. А.Б. Баирова, Т.Ч. Бембеева, С.Э. Лиджи-Горяева, Р.В. Неяченко. Элиста, 2000.
11. Широκстрой. Широκлаг: сборник воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широκовской ГЭС. Т. 3. Кн. 2 / сост. Р.В. Неяченко. Элиста, 1994.

Л.В. Намруева

ДОЛГАЯ ДОРОГА К ПРАВДЕ: О СУДЬБЕ ЗАЩИТНИКА ДОМА ПАВЛОВА

Василий Шакуев, известный калмыцкий журналист, публицист, свои поэтические произведения посвящает храбрым калмыцким воинам, мужественно защищавшим Родину от гитлеровских захватчиков. Анализ этих стихотворений дан нами в ряде научных статей [4; 6; 7]. Во время редакционной командировки в Лаганский район в музее Красинской средней школы были обнаружены материалы о судьбе Гари Хохолова, ветерана Великой Отечественной войны, участника Сталинградской битвы [5]. Гаря Бадмаевич Хохолов родился в селе Килька, Улан-Хольского района Калмыцкой автономной области. Когда началась война, Гаря трудился на рыбоконсервном заводе. Ветеран вспоминал: «...У меня была броня, а все мои

товарищи уходили на фронт. Что же, думаю, все воюют, а я буду карасей ловить? Не успел еще из Калмыкии выехать, меня развернули обратно – не подошел по состоянию здоровья. Со второй попытки все-таки прорвался на фронт» [3]. 18-летним пареньком уходит Гаря в армию. Попадает в учебный батальон 139-й стрелковой дивизии, располагавшейся в Астраханской области (Харабали). Полтора месяца он успел проучиться на минометчика. Недоучившихся новобранцев отправляют в пятисуточный марш-бросок (по ночам пешком), и молоденькие курсанты-минометчики оказываются на левом берегу Волги [3]. Хохолов описывал впоследствии: «В ночь на 20 сентября переправились на барже в горящий город. И сразу в бой. Затем остановились. Завели нас в подвал какого-то дома. Горела коптилка и при ее свете записывали пофамильно. Говорил я по-русски плохо, но до сих пор у меня хранится красноармейская книжка с личной подписью комроты-7 И.И. Наумова: 13-я ГСД, 42-й ГСП, 3-й ГСБ, 7-я стрелковая рота, дата – 20 сентября 1942 года. После недолгой канцелярской процедуры нас повели дальше – здесь уже свистели пули, вспыхивали ракеты, чувствовалась передовая... Собралось нас человек двадцать. Комвзвода объяснил – город почти весь у немцев, но мы будем держаться в этом доме» [3].

Двадцать четыре в доме было воина.
Состав бойцов весьма был многолик.
Они сражались с храбростью удвоенной.
Средь них был Гаря Хохолов – калмык.
Как вспоминал солдат в глубокой старости,
Войну сполна прошедший рядовым,
Фашисты от бессильной своей ярости
Не знали, что поделать с домом «злым».
Еще он говорил, что не забыл извѣстку ту,
Чья гарь так разъедала им глаза.
Как часто голод страшный мучил горстку ту,
И как они, едва его снося,
Под пулями у дома того лазали,
Чтобы зерно горелое добыть.

Поэма Василия Шакуева [8] достоверна до мельчайших деталей, в ней полно отражены многие стороны той героической обороны.

Земля от взрывов плакала и охала.
Там шли бои, и шла броня на бронь.
Защитник Сталинграда снайпер Хохолов
Прицельный по фашистам вел огонь.
В составе гарнизона Дома Павлова
С напарником врага бил наповал.
Худой, с глазами и щеками впалыми,
Он на НП дневал и ночевал.

Этот дом после войны стали именовать Домом Павлова, по фамилии Якова Федотовича Павлова, сержанта, руководившего его обороной. В течение сентября – ноября 1942 г. дом героически защищали воины 3-го батальона 42-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизии [2].

Особенно сложными были первые 30 дней обороны, когда фашисты стремились отбить здание, организовывая атаки по несколько раз в день. Каждый раз, когда гитлеровцы пытались вплотную приблизиться к дому, защитники дома встречали их шквальным огнем из подвала, окон и крыши; их поддерживали огнем с основных позиций полка. На верхнем этаже был оборудован корректировочный пункт артиллерии, куда ежесуточно приходила группа артиллерийских наблюдателей во главе с офицером [2].

По дому била немцев артиллерия.
И с воздуха бомбежек был их вал.
Атаки шли там серия за серией.
Но гарнизон их стойко отражал.
Все стены дома были сплошь искрошены.
Огонь шел с чердака, подвалов, крыш.
Фашистов было больше уничтожено,
Чем немцы потеряли за Париж.

Известный снайпер дивизии А.И. Чехов и вёл с чердака меткий огонь по врагу. А Хохолов в своем письме рассказывает, что Чехов в осажденном доме учил его снайперскому искусству, ученик не подвел учителя. Доказательством этому является запись в книжке красноармейца, особенно дорогая для ветерана: «Награжден наградным знаком “Отличный снайпер”». Дата вручения – 7 ноября 1942 г. [3]. У Василия Шакуева читаем [8]:

А снайпером Гаря был замечательным,
И далеко он видел, как орел.
И по натуре был всегда внимательным,
Вот потому и славу приобрел
Грозы врага. Своею он винтовкою,
Которую лелеял из всех сил,
С которой днями был под маскировкой,
Гаря десятки фрицев истребил.
На смену снайпер выходил с напарником.
Его НП был западный чердак.
Следил за степью, деревом, кустарником,
Не прячется ли там заклятый враг.
А на другом конце того строения
Дежурил украинец-балагур [8].

В своем последнем интервью Гаря Хохолов рассказывал: «В один из дней ротный вручил мне снайперскую винтовку и приказал стрелять по бензобакам машин противника и водителям, но не выдавать себя. Занял свой пост в северо-западной стороне дома. На другом наблюдательном пункте дежурил второй солдат. Я протянул к нему проволоку, чтобы таким образом держать связь. Когда один из нас делал передышку, второй выцеливал противника. Кого-то из нас должны были убить. Жив я» [3]. Это общение точно описано в поэме Шакуева [8]:

Меж ними шло беззвучное общение,
Лишь надо было потянуть за шнур.
Раз потянул – то было их приветствие.
Два дернул, означало «ну и ну!»
И было там «готовимся, друг, к бедствию»,
Там был сигнал «я, братец, отдохну!»
До контрнаступления два месяца,
Бойцы держались. И – в последний бой!

После Сталинграда Г. Хохолов воевал на Курской дуге, был дважды ранен. После тяжелых ранений разделил судьбу незаконно высланного калмыцкого народа. Эмоционально прочувствовав несправедливость по отношению к калмыку-воину, журналист написал поэму, посвятив ее Гаре Хохолову. Поэма была завершена в конце июня 2020 г., опубликована она 30 июля 2020 г. на страницах газеты «Хальмг унн». Василий Шакуев пишет [8]:

Унизили геройского бойца,
Которого и смерть частенько «трогала».
Который был достойным до конца.
Его за это окружить бы славою.
Но вот, поди ж ты, как народа враг
Он выслан был советскою державою...

В Калмыкии существуют два противоположных мнения относительно упоминания фамилии Гари Хохолова на барельефе, посвященном героизму защитников Дома Павлова. Одни утверждают, что он внесен в список, другие – что там его фамилия отсутствует. Автор статьи, приехав в Волгоград в сентябре 2020 г. и несколько раз перечитав, что написано на барельефе, убедилась, что наш земляк – защитник известного на весь мир дома – не значится в списках. Стоя у барельефа, я прочитала отрывки из поэмы Шакуева [8], реально ощутив переживания нашего героя:

Но слушал гида. Снова, с ее слов,
Он как бы очутился под бомбежкой,
Под свистом пуль, снарядов, воем мин.
Как с украинцем, другом своим Лешкою,
Выцеливали немцев среди руин.
Вот группа подошла та к Дому Павлова.
Забилось сердце и пошли круги
Перед глазами снайпера бывалого.
Боль ощутил он раненой ноги.
А было еще головокружение,
Его тошнило и бросало в жар.
А тут еще повысилось давление,
А в мыслях полыхал уже пожар...

Вместе с жительницей Волгограда Ильгизой Ким, которая прослушала поэму у барельефа, мы решили обратиться в музей-панораму, который располагается в 100 м от Дома Павлова. Заведующая отделом экспозиционно-выставочной работы музея-панорамы «Сталинградская битва» сказала, что барельеф является федеральной собственностью, поэтому здесь недопустимы никакие изменения, он должен быть сохранен в первоначальном виде. Музейный сотрудник сказала, что, кроме Хохолова, не внесены фамилии еще нескольких защитников

Дома. С мнением, что этническая принадлежность нашего земляка к депортированному народу стала причиной того, что он не был внесен в список, она не согласилась, сказав, что рядом с ним воевали представители других депортированных народов [7].

Причина ею видится в том, что Гари, в то время плохо знавший русский язык, практически ни с кем не общался из своих сослуживцев. Есть сведения об этнической принадлежности 24 защитников Дома Павлова. Среди них – 12 русских, 5 украинцев, 1 татарин, 1 казах, 1 узбек, 1 таджик, 1 еврей, 1 грузин, 1 калмык [2]. Как видим, только один человек относится к депортированным народам. Правда, еще один участник тех событий, впоследствии ставший бойцом Русской освободительной армии, не был внесен в список защитников.

Заведующая отделом музея показала документы Гари, разрешила сделать снимки. Автором был передан номер газеты «Хальмг унн», где опубликована поэма Василия Шакуева о калмыке – участнике обороны Дома Павлова. На экспозиционном стенде, посвященном защитникам легендарного дома, есть фото молодого Гари военных лет. На посетителей смотрит с фотографии молодой мужественный калмык.

В беседе с заведующим отделом музея-панорамы были получены ответы и на другие вопросы. Так, из всего состава защитников только Яков Федотович Павлов, сержант, командир отделения удостоился звания Героя Советского Союза. В справочной карточке, которая хранится в музее-панораме, рукой Гари Бадмаевича записано, что он награжден медалью «За оборону Сталинграда». Она вручена ему 12 декабря 1965 г. военкомом Черноземельского объединенного военкомата. У автора поэмы есть строчки [8]:

Доволен я, что правда есть воистину,
Спасибо, память, что не подвела!

Василий Шакуев рассказывал, что в той долгой борьбе за справедливость Гари назвал номер своей снайперской винтовки, чего не могли сделать другие 50 претендентов на звание неизвестного защитника Дома Павлова. Музейный сотрудник ответила, что снайпер за всю войну мог иметь несколько винтовок.

Ответ на вопрос, почему нашего земляка нет в списках, дает известный волгоградский журналист Ю. Беледин в книге «Осколок в сердце».

Когда в середине 1950-х гг. работники волгоградского музея решили собрать всех защитников Дома Павлова, выяснилось, что в списках значится калмык – представитель репрессированного народа. В дело вмешались органы государственной безопасности. Фамилию вычеркнули, со всех участников взяли подписку о неразглашении «тайны». Вполне может быть, что росчерк пера принадлежал не «нюхавшему» пороха. Хохолову, воевавшему, не жалея жизни, предстояло доказывать не одно десятилетие, что он один из тех, кто ковал Победу [1].

В 2002 г. О.А. Калюжная, заведующая Лаганским архивом, написала письмо министру обороны России С.Б. Иванову по поводу Г. Хохолова. Именно с его помощью, спустя 59 лет, истина в отношении 25-го защитника Дома Павлова, значившегося всё это время на мемориальной стене как «неизвестный солдат», была восстановлена. После долгих процедур, во время которых изучались архивные документы, записывались воспоминания самого Г. Хохолова, которые сверялись и сопоставлялись с воспоминаниями других защитников Дома, были получены неопровержимые доказательства того, что именно он и есть тот самый «неизвестный солдат», на звание которого претендовали еще около пятидесяти человек: «Чтобы доказать это, мне понадобились многие годы переписок, поисков архивных документов, тяжелых воспоминаний, в ходе которых буквально пошагово восстанавливал события тех суток. Спасибо, память не подвела, – со слезами на глазах рассказывал ветеран в интервью газете “Известия Калмыкии”. – Мои слова потом сравнили с записями других павловцев и документальными материалами из военных архивов и пришли к выводу, что я не лгу. Но если бы не активность и бескорыстная помощь лаганских музейных и архивных работников, поддержка земляков, я бы, наверное, оставил эту затею...» [3]. Признания Хохолова передают нам, какой нелегкой ценой далось старому ветерану восстановление истины.

Волгоградские телевизионщики, музейные работники, создавая фильм о защитниках Дома Павлова, встречались с Хохоловым в его родном поселке. Горя Бадмаевич оказался на редкость скромным человеком. Об этом есть строки в поэме:

И хоть судьба дала мне много горестей,
Не обозлился я на эту жизнь.
Я стар уже и не нуждаюсь в почестях.

И мне не надо никаких наград,
Хочу, чтоб внуки знали и не отчасти,
Что дед оборонял их Сталинград.

На просьбы волгоградского музейного работника передать личные вещи ветерана, военный билет, награды родственники ответили отказом. На наш взгляд, следует пересмотреть эту позицию. Потомки Павлова передали музею Золотую звезду Героя Советского Союза. Тысячи людей, посещающих город-герой, должны видеть документы, вещественные доказательства воинов, защитивших легендарный Дом, в том числе калмыцкого воина.

В целях увековечивания памяти славного сына Калмыкии по инициативе Волгоградской городской общественной организации – Союз «Калмыкия – Волгоград» одна из улиц Кировского района г. Волгограда названа в честь Гари Хохолова. Руководитель этой организации Геннадий Кошелев проводит огромную работу по развитию добрососедских отношений между двумя регионами, по увековечиванию памяти калмыцких воинов, популяризации калмыцкой культуры.

Василий Шакуев поэму о Гаре Хохолове считает одним из самых сильных своих произведений, в которой он не только с исторической точностью описывает многие детали защиты Дома солдатской славы (так иногда называют Дом Павлова), но и наполняет стихи глубоким психологизмом, раскрывая состояние старого ветерана, стоящего у стен того здания, которое он защищал с первых до последних дней его обороны. В социальных сетях есть отзывы о поэме Шакуева, которые передают значимость этого произведения: «Ваши сильные строки пробивают на эмоции. Талантливо до мурашек»; «Ваш литературный талант, справедливость, человечность, патриотизм создали замечательные произведения навека»; «Читая о подвигах Гари Хохолова, Эрдни Деликова, потомки будут гордо нести голову. Это очень важно. Дорогого стоит» [1].

Источники и литература

1. *Богаева С.* Библиотека – территория памяти. URL: <https://www.kalmgu.ru/news/biblioteka-territoriya-pamyati-uchitel-uchenyh/> (дата обращения: 02.02.2022).
2. Дом Павлова. URL: https://volfoto.ru/volgograd/ploschad_lenina/dom_pavlova/ (дата обращения: 19.03.2022).

3. *Кикеева Д. Хохолов Гаря Бадмаевич // Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». URL: <https://stalingrad-battle.ru/history/unknown-destinies/3640/> (дата обращения: 19.03.2022).*
4. *Намруева Л.В. Воины 110-й Калмыцкой кавдивизии в стихотворениях Василия Шакуева // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы II Всерос. науч. конф., приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону, 23–24 сент. 2021 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов / в 2 ч. Ч. 1. Ростов н/Д., 2021. С. 214–219.*
5. *Намруева Л.В. На барельефе нет имени Гари Хохолова // Хальмг унн. 2020. 18 сентября. С. 4.*
6. *Намруева Л.В. Образ воина-калмыка в поэзии Василия Шакуева // Военная история России: проблемы, поиски, решения: мат-лы Междунар. науч. конф., посв. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 3 ч. Волгоград, 2020. Т. 1. С. 290–296.*
7. *Намруева Л.В. Широκлаговцы в воспоминаниях и поэме «Солдаты Широκлага» Василия Шакуева // Астраханские петровские чтения: мат-лы V Междунар. научн. конф., посв. 75-летию Великой Победы / отв. ред. и сост. Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин. Астрахань, 2021. С. 272–274.*
8. *Шакуев В. Гаря Хохолов // Портал «Стихи.ру». URL: <https://stihi.ru/2020/06/28/3685> (дата обращения: 17.03.2022).*

Е.А. Захарина

АНАЛИЗ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ, ПОСВЯЩЕННЫХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ¹

Мемориальное пространство Юга России представлено большим количеством памятников, посвященных Великой Отечественной войне. В апреле 2020 г. в Ростовской области насчитывалось около 2000 мемориалов [29: 120], увековечивающих память о Великой Отечественной войне. Причем за последние два года количество таких

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43112 «Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование».

памятников в области возрастало. Только малая часть из этих памятников взята под охрану как объекты культурного наследия (ОКН). Статус объекта культурного наследия подразумевает под собой сохранение государством целостности и неизменного внешнего вида памятника, согласно охранному обязательству и паспорту ОКН [32].

На сегодняшний день остро стоит проблема учета и сохранности памятников на Юге России. Отсутствие защиты памятников приводит к их изменению облика, частичной или полной утрате информационных табличек, что может вызывать болезненные мемориальные конфликты. Количество ОКН, посвященных событиям Великой Отечественной войны, в различных регионах Российской Федерации варьируется. Например, в Ростовской области насчитывается 83 таких памятника, а на территории Республики Крым их насчитывается 1800. Такая разница в количестве ОКН говорит о региональном уровне решения таких вопросов.

В этом исследовании рассмотрены особенности возникновения, изменений и охраны памятников, связанных с Великой Отечественной войной, а также внесенных в реестр ОКН Ростовской области. Задача исследования – проследить основные этапы появления, изменений, а также постановки на государственную охрану ОКН, посвященных Великой Отечественной войне, в Ростовской области.

При работе были использованы материалы фондов архива Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области, представленные «охранными обязательствами собственника или иного законного владельца ОКН» (Охранными обязательствами). Охранные обязательства представляют собой документ, содержащий основные сведения об ОКН, включающие в себя время создания, фамилии архитектора и скульптора, дату постановки на учет, его вид, категорию, обязанности и запреты владельца, фотофиксацию памятника, часто к этим сведениям прикрепляется акт технического осмотра состояния ОКН, который содержит историческую справку о создании памятника.

В Ростовской области охрана памятников, относящихся к Великой Отечественной войне, регулируется в первую очередь двумя федеральными законами. Федеральный закон № 73 от 25.06.2002 г., в котором «объект культурного наследия (памятники истории и культуры) народов

Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия» [32]. Все объекты по своей значимости подразделяются на муниципальные (местные), региональные и федеральные ОКН. Кроме этого, закон выделяет такую категорию, как «выявленные», к которым относятся памятники, «обладающие признаками объекта культурного наследия, обнаруженные в ходе проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ» [32]. Также стоит отметить, что все воинские захоронения, к которым относят индивидуальные и братские захоронения, места захоронений в акваториях, находятся под охраной согласно закону Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14.01.1993 [28].

В послевоенное время в Ростовской области вопросами увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в мемориальном пространстве занимались различные государственные органы: отдел культпросветработы, городские отделы благоустройства, райисполкомы. Общую координацию их деятельности осуществляли отделы культуры местных советов, которые, в свою очередь, выполняли указы Совета Министров РСФСР, Министерства культуры РСФСР [26: 87]. В 1965 г. основано Ростовское областное отделение Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры, на которое во многом была возложена ответственность за создание и учет памятников [27: 1]. Объекты культурного наследия принимались на государственный учет постановлениями Совета Министров РСФСР, решениями Ростовского областного Совета народных депутатов, постановлениями главы администрации Ростовской области, приказами государственного учреждения «Областная инспекция по охране и эксплуатации памятников истории и культуры», постановлениями министерства культуры Ростовской области.

В своем первоначальном виде список ОКН включил бюсты героев СССР, которые появлялись в разных местах области с 1949 по 1960-е гг. Например, решение об установке бронзового бюста Д.Д. Лелюшенко на его родине было принято указом Президиума Верховного Совета СССР еще 6 апреля 1945 г., при награждении его второй медалью «Золотая звезда». Бронзовый бюст в 1949 г. был открыт в селе

Новокузнецовка Мечетинского (сегодня – зерноградского) района. В 1968 г. Исполнительным комитетом Областного Совета депутатов трудящихся было принято решение № 654 «О переносе бюста дважды Героя Советского Союза генерала армии Лелюшенко Д.Д. из села Новокузнецовка зерноградского района в г. Ростов-на-Дону» [2]. Такое же решение об установке бюста дважды Героя СССР было принято и в отношении П.Д. Гулаева [3].

В 1960-х гг. начинают появляться первые памятники в честь конкретных битв и освобожденных населенных пунктов, например, «Памятник на артиллерийском кургане в честь героев битвы за Ростов-на-Дону в 1941 г.» (1960 г.) [22] и «Памятник воинам-освободителям рабочего поселка Зимовники» (1967 г.) [15], где в качестве мемориала была использована реальная боевая техника – танк Т-34-85. Остальные 5 памятников из списка этого периода посвящены героям СССР. Три из них были установлены также в городах, где герои прожили часть своего детства и юности: бюсты Г.А. Сорокина [16], Л.В. Кондратьева [17], Н.И. Гулимова [18]. В охранном обязательстве на памятник Г.А. Сорокину указано, что памятник построен на средства, «заработанные пионерами Новочеркасска» [16]. Бюст Ц.Л. Куникова был установлен в 1969 г. в Азове, около школы № 3, ученики которой создавали экспозиции, посвященные боевому пути Азовской военной флотилии, в рядах которой сражался Ц.Л. Куников. До появления памятника, в 1965 г., азовской школе № 3 было присвоено имя Героя Советского Союза Ц.Л. Куникова, а прилегающий к ней переулок Межевой был переименован в переулок Куникова [31].

Объектом федерального значения в списке ОКН Ростовской области на сегодняшний день значится работа Е.В. Вучетича – бюст С.М. Буденного, установленный в 1966 г. на пересечении одноименного проспекта и улицы Пушкинской в Ростове-на-Дону. Решение об установке бюста так же, как и в случае с памятниками П.Д. Гулаева и Д.Д. Лелюшенко, было принято после награждения маршала второй медалью «Золотая звезда» в 1963 г. Пересмотр его категории – с ОКН регионального значения до федерального уровня – произошел, судя по составленным документам, в 2017 г. [4]. Возможно, внимание было обращено на тот факт, что создателем этого бюста является руководитель проектов по созданию скульптур «Воин-освободитель» в Берлине,

«Родина-мать зовет» в Волгограде и многих других работ, ставших сегодня настоящими культурными символами.

1970-е гг. стали временем масштабных мемориальных комплексов, которые появились на местах боев и воинских захоронений. К 30-летней годовщине Победы были открыты памятник Азовской военной флотилии в Азове, представленный торпедным катером на постаменте [11], мемориальный комплекс на братской могиле воинов, павших при защите и освобождении Новочеркаска [7], вечный огонь в парке им. Горького в Таганроге [24].

Ростов-на-Дону не был обойден юбилейным строительством крупных мемориалов. В 1973 г., к 30-летию освобождения города, в сквере имени Фрунзе, на месте погребения советских воинов и мирных жителей был возведен мемориальный комплекс «Павшим воинам» [8]. А в 1975 г. в западной части города появился мемориальный комплекс «Памяти жертв фашизма в Змиевской балке» [9]. Согласно Постановлению главы администрации (губернатора) Ростовской области от 9 октября 1998 г. № 411, мемориальный комплекс в Змиевской балке, расположенный на месте казни, происходившей в период оккупации Ростова-на-Дону в 1942 г., где было убито около 27 тыс. человек (мирные граждане, большая часть из которых была уничтожена из-за их еврейского происхождения, советские военнопленные), стоит на государственной охране [9]. Однако этот факт не спас памятник от мемориального конфликта, развернувшегося уже в 2010-е гг. Одна из сторон конфликта стремилась подчеркнуть интернациональный масштаб трагедии, заменив информационную табличку, где жертвами были указаны только евреи, на табличку, где упоминание о них исчезло вовсе. После долгих споров и суда стороны пришли к компромиссу, и теперь на табличке упомянуты и жертвы среди мирного населения, и советские военнопленные, а также указано, что это крупнейшее на территории Российской Федерации место массового уничтожения евреев в период Великой Отечественной войны [30].

В 1970-е гг. свою окончательную форму принимает мемориальный ансамбль, расположенный одновременно на братских могилах героев «Азовского сидения» 1641 г., Гражданской и Великой Отечественной войн. Останки бойцов и командиров 12-й стрелковой дивизии, погибших в 1920 г., были перезахоронены в этом месте в 1932 г., а в период

Великой Отечественной войны на территории мемориала были захоронены тела 11 погибших моряков канонерской лодки «Ростов-Дон». В 1958 г. на этом месте появился мемориал, увековечивающий память только погибших воинов 12-й стрелковой дивизии, в виде колена-преклоненного солдата, целующего полковое знамя. Только в 1974 г. по проекту И.В. Григора на Монастырском урочище был возведен мемориальный комплекс, в виде вертикального пилона, на котором написаны три даты: «1641, 1920, 1941», а также изображен православный крест и терновый венок [10].

Почти 30 % из всего списка ОКН, посвященных Великой Отечественной войне, были установлены в 1980-е гг. В это время усиливается и развивается традиция установки памятников к «круглым датам» Победы. Так, к 40-летию освобождения Ростова-на-Дону были открыты два крупных мемориальных комплекса: «Воинам-освободителям г. Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков» на Театральной площади [5] и «Кумженская роща» [6] в западной части города. 11 мемориальных комплексов в разных местах области были открыты к 1985 г.

Большую долю из массы памятников, установленных в 1980-е, представляла военная техника (10 памятников). Самыми популярными остаются танки Т-34 (4 памятника), которые появлялись в Ростовской области в виде памятников и в предыдущие годы. Также в качестве мемориального объекта в этот период стали использоваться: автомобили ЗИС-5 [23; 10], артиллерийские установки [13; 19], паровоз Л-0002 [25]. Памятники военным летчикам представлены самолетами МиГ-17 [20], МиГ-21 [21], которые начали использоваться уже после окончания Великой Отечественной войны.

В сравнении с 1970-ми гг., когда среди памятников из списка ОКН преобладал нарратив скорби (большинство мемориальных комплексов появились на братских могилах), большое количество памятников 1980-х гг., прославляющих мощь и силу советского оружия, его воинов, обращающихся к эпизодам решающих боевых операций, свидетельствует о преобладании героического аспекта в мемориальном пространстве области.

На излете существования СССР в 1990 и 1991 гг. появились два последних памятника из этого списка: «Памятник воинам, освободившим Егорлыкский район в 1943 году» [14] и «Бюст Героя Советского

Союза Мельника С.Ф.» [1] в Константиновском районе. Из этого следует, что сегодня под охраной государства как ОКН стоят только те памятники, что были созданы в советский период. И тот мемориальный ландшафт, который формировался на протяжении последних 30 лет и продолжает развиваться сегодня, не удостоился признания и охраны со стороны государства.

Если обратиться к общей статистике списка ОКН Ростовской области, можно отметить, что на март 2022 г. в нем значатся 83 ОКН, посвященных Великой Отечественной войне. Самая большая численность этих памятников в городах Ростове-на-Дону (23), Таганроге (16), Новошахтинске (15), Каменске-Шахтинском (11), а также в Каменском (7) и Мясниковском районах (7). Большинство из памятников принадлежат к ОКН регионального значения (71), также в списке 7 выявленных памятников и только 5 объектов федерального значения.

Подводя итог, можно сказать, что в списке памятников ОКН Ростовской области представлены исключительно мемориалы, открытые в советское время. Список включает в себя довольно ограниченную группу памятников, которые на протяжении советского и постсоветского периода были выбраны наиболее важными и ценными. 1950-е и 1960-е годы – время оформления некоторых братских могил, установки бюстов землякам-героям СССР. Основной «мемориальный бум» приходится на 1970-е и 1980-е гг., особенно 1980-е гг., ставшие периодом его наивысшего пика, а также обращения преимущественно к героической теме при выборе мемориальных сюжетов.

Источники и литература

1. Архив Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области. (далее – АК). Охранное обязательство на ОКН «Бюст Героя Советского Союза Мельника С.Ф.».
2. АК. Охр. обяз. на ОКН «Бюст дважды Героя Советского Союза Л.Д. Лелюшенко».
3. АК. Охр. обяз. на ОКН «Бюст дважды Героя Советского Союза П.Д. Гулаева 1949 г.».
4. АК. Охр. обяз. на ОКН «Бюст С.М. Буденного».
5. АК. Охр. обяз. на ОКН «Мемориальный комплекс “Воинам-освободителям г. Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков”».

- 1979–1983 гг., ск. Ю.М. Рукавишников, А.Н. Филиппова, арх. Н.Н. Миловидов».
6. АК. Охр. обяз. на ОКН «Мемориальный комплекс “Кумженская роща”, ск. Е.Ф. Лапко, Б.К. Лапко, арх. Р.И. Мурадян».
  7. АК. Охр. обяз. на ОКН «Мемориальный комплекс на братской могиле воинов, павших при защите и освобождении Новочеркасска».
  8. АК. Охр. обяз. на ОКН «Мемориальный комплекс “Павшим воинам”, 1969–1973 гг., ск. С.П. Васильев, Э.Г. Мирзоев, арх. А.В. Симоненко».
  9. АК. Охр. обяз. на ОКН «Мемориальный комплекс памяти жертв фашизма в Змиевской балке, 1975 г., ск. Н.В. Аведиков, Е.Ф. Лапко, Б.К. Лапко, арх. Р.И. Мурадян, Н.Н. Нерсесьянц».
  10. АК. Охр. обяз. на ОКН «Монастырское урочище: тополевая роща на месте казачьего городка; братская могила героев “Азовского сидения” 1641 г.; остатки фундамента памятника-часовни; братская могила воинов, погибших в годы Гражданской войны; братская могила воинов, погибших в годы Отечественной войны».
  11. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник Азовской военной флотилии».
  12. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник военным автомобилистам (автомобиль ЗИС-5)».
  13. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник воинам-артиллеристам».
  14. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник воинам, освободившим Егорлыкский район в 1943 году».
  15. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник воинам-освободителям рабочего поселка Зимовники (танк Т-34)».
  16. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник Герою Советского Союза Г.А. Со рокину».
  17. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник Герою Советского Союза Л.В. Кондратьеву».
  18. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник Герою Советского Союза Н.И. Гулимову».
  19. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник Герою Советского Союза Половинка (самоходная артиллерийская установка СУ-122)».
  20. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник летчикам».
  21. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник летчикам (самолет)».
  22. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник на артиллерийском кургане в честь героев битвы за Ростов-на-Дону в 1941 г.».
  23. АК. Охр. обяз. на ОКН «Памятник Переправа».

24. АК. Охр. обяз. на ОКН «Парк культуры и отдыха им. М. Горького (б. городской и аптекарский сады)».
25. АК. Охр. обяз. на ОКН «Паровоз серии Лебедянского Л-0002».
26. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО) Ф. Р-4156. Оп. 1. Д. 1423.
27. ГАРО Ф. Р-4420 Оп. 1. Д. 2.
28. Закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14.01.1993 N 4292-1 URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15556/b1814a618bcad4fd30fb8ace9004cbf4516a47de/ (дата обращения: 02.03.2022).
29. Семенова О.В., Афанасенко В.И. Новые памятники о прошлом: ростовские сюжеты о Великой Отечественной войне // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 3 (78). С. 118–128.
30. Увековечивание памяти убитых нацистами евреев в «Змиёвской Балке». История вопроса // Холокост. URL: <https://www.holocaust.su/memorial-plaque> (дата обращения: 02.03.2022).
31. Уголок Боевой Славы Ц.Л. Куникова // МБОУ СОШ № 3 г. Азова. URL: <http://school3.azobr.ru/ugolok-boevoj-slavy-cl-kunikova/> (дата обращения: 02.03.2022).
32. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 02.03.2022).

А.И. Корсак

**ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ 1941 г.
НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ И ВЕРИФИКАЦИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Участники Великой Отечественной войны уходят от нас, оставляя за собой обелиски. Сохранить память о них важно для нас – наследников Победы.

Период освобождения территории Беларуси, начиная с 1943 г., в сравнении с событиями 1941 г. – наиболее точный и полный в документальном плане по фиксации мест гибели погибших воинов

Красной армии, что позволяет исследователям увековечить их память. Тем не менее определенные проблемы возникают и здесь. Особенно это касается понимания действий местных органов власти в рамках процесса укрупнения первичных мест захоронения. В этой связи захоронения воинов Красной армии, погибших в 1941 г., вызывают много вопросов, начиная от выявления первичных мест захоронения до увековечения памяти о них.

В данной статье на основе архивных документов и материалов обобщенного банка данных «Мемориал» рассмотрим проблему идентификации и верификации данных воинских захоронений 1941 г. на современном этапе.

Отметим, что захоронения воинов Красной армии начального этапа военных действий Великой Отечественной войны не находились в фокусе внимания исследователей. Исключение составляют газетные статьи краеведческого характера локального уровня, которые не дают общего представления об объекте исследования.

Источники, использованные при раскрытии темы, представлены документами и материалами Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ) и Государственного архива Гродненской области (далее – ГАГрО), а также опубликованными данными Министерства обороны Республики Беларусь.

Неожиданным источником для выявления первичных мест захоронения воинов Красной армии явились материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК). Так, в документах ЧГК по Барановичской (ныне Брестской) области, а именно в протоколах допросов и опросов свидетелей, оказалась информация о местах захоронения красноармейцев, расстрелянных в июне – июле 1941 г. и погребенных местными жителями.

Документы ГАГрО представляют собой протоколы постановлений и решений областного, районного и городского уровня послевоенного периода, когда процесс увековечения имел особый размах в связи с принятием на уровне Совета народных комиссаров СССР в 1946 г. основного документа, регламентирующего весь процесс сохранения памяти о погибших воинах Красной армии.

Обобщенный банк данных «Мемориал» не нуждается в подробном освещении его содержания. В последние несколько лет представленные в нем документы стали не только объектом изучения профессионального сообщества, но и тех, кто ищет своих погибших родных и близких.

Не менее важным для Беларуси является автоматизированный банк данных «Книга памяти» – проект, инициированный Министерством обороны Республики Беларусь, с целью предоставления доступа к именным спискам захоронений, поставленных на государственный учет. Указанные ресурсы, несомненно, дают определенную возможность исследователю оперативно решать поставленные задачи в сфере изучения увековечения памяти.

Методологически исследование основано на принципах историзма и объективности. При анализе количественных показателей был использован метод математической статистики, а также выборочный метод для выявления захоронений, имеющих отношение непосредственно к 1941 г., из общей совокупности воинских захоронений.

Прежде чем перейти непосредственно к раскрытию поставленного вопроса, обратим внимание на используемую терминологию. Воинские захоронения, согласно законодательству Республики Беларусь, – места погребения военнослужащих Красной (Советской) армии и партизан [19]. Места массового захоронения мирного населения выделяются отдельно. Теоретико-методологические аспекты, связанные с типологизацией захоронений на территории Беларуси периода Великой Отечественной войны, автором ранее уже рассматривались [17].

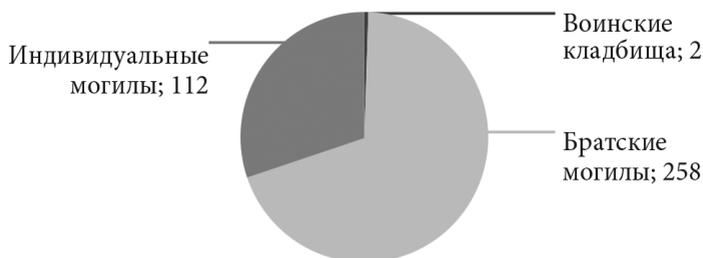
Выявить среди общей совокупности воинских захоронений могилы, относящиеся к 1941 г., довольно сложно. К сожалению, статистические данные по областям, опубликованные в 2014–2017 гг. [11–16] Управлением по увековечению Министерства обороны Республики Беларусь, не дают нам хронологическую разбивку по годам, обозначая в целом период Второй мировой войной.

Но в последнее десятилетие советского периода Академией наук БССР был запущен проект по изданию полного собрания памятников истории и культуры по областям, где в энциклопедическом формате представлены в том числе и памятники на могилах воинов Красной

армии и партизан с указанием конкретных дат гибели захороненных в них [6–10]. Благодаря чему имеется возможность выявить советские захоронения начального этапа военных действий 1941–1944 гг. на территории Беларуси. При этом отметим, что количественные данные носят условный характер со значительной долей погрешности. Информация, опубликованная в собраниях памятников истории и культуры по областям, основана на тех материалах, которые были предоставлены местными органами власти. Соответственно, на местах исполнение и отношение к полноте данных было разным.

Представим их в графическом виде для визуализации материала (диаграмма 1 составлена автором на основе работ [6–10]).

Диаграмма 1. Количество советских воинских захоронений 1941 г. на территории Республики Беларусь, выделенных по типологическому признаку, ед.

Исходя из представленных данных всего в Беларуси зафиксировано 372 воинских захоронения 1941 г. При этом обратим внимание на важный факт, что 63 места (17 %) из них носят смешанный характер: в одном месте захоронены останки военнослужащих, погибших как в 1941 г., так и период освобождения Беларуси 1943–1944 гг. Это следствие укрупнения первичных мест захоронения погибших воинов Красной армии и партизан в послевоенное время. Смешанный характер захоронения имеют не только в хронологическом плане, но и в разрезе «воинские захоронения – могилы жертв нацизма». Таковых автором выделено из общей совокупности 4 % [6–10].

В административно-территориальном (в современных границах) разрезе получается интересная картина, которая в том числе

свидетельствует, на наш взгляд, об интенсивности боевых действий на том или ином направлении. Так, большинство захоронений 1941 г. приходится на Минскую (177 мест) и Могилевскую (104 места) области, далее идут Гродненская (32 места) и Брестская (26 мест) области, заключительными являются Гомельская (17 мест) и Витебская (16 мест) области [6–10]. Согласно мнению автора монографии «Беларусь улетку 1941 года» [18: 80], наиболее активное сопротивление Красной армии с большими потерями фиксируется на пути центрального удара группы армий «Центр», что косвенно подтверждается наличием значительного количества захоронений на Минщине и Могилевщине.

Интересным является показатель внутренней градации типов воинских захоронений несмешанного типа. Так, большинство братских могил приходится на захоронения воинов Красной армии – 191. Классифицируются также могилы моряков – 1, пограничников – 5, летчиков – 6, милиции, ополченцев и активистов – 3, а также выявлены 3 братские могилы партизан [6–10].

Отдельно стоит обратить внимание на захоронения военнопленных – категория, которая, согласно законодательству Республики Беларусь, отнесена к воинским захоронениям. В случае 1941 г. выявлено 8 братских военнопленных общим количеством захороненных в них от 16 426 [6–10] до 17 723 [11–16] человек. В деревне Петришки Минского района имеется смешанное захоронение, где в общем количестве увековеченных (210 человек), большинство из которых составляют военнопленные 1941 г., выявлено 4 воина Красной армии, погибших летом 1944 г. [1]. Исполнительные комитеты на местах, которые курировали процесс сохранения памяти, перезахоранивали индивидуальные могилы или малочисленные братские могилы в более крупные уже существующие захоронения.

Таким образом, для того, чтобы представить общую картину по воинским захоронениям 1941 г., был использован фактологический материал 1980-х – 2010-х гг., а также данные управления по увековечению Министерства обороны Республики Беларусь.

К сожалению, не все документы, связанные с начальным этапом процесса увековечения памяти погибших воинов Красной армии и партизан, содержат в себе подробную информацию. В основном в них фиксировалось общее количество захоронений без уточнения

даты их образования. Тем не менее на примере Мостовского района Гродненской области в соотношении с современными данными можно верифицировать 1941 г. Так, из совокупности воинских захоронений 1941 г. по Мостовскому району по данным 1956 г. автором выделено несмешанного характера 36 мест, смешанного (1941 г., 1943–1944 гг.) – 7 [2: 10–41], из которых 28 братских могил, 15 индивидуальных. Общее количество захороненных без учета смешанных мест – 1 207 человек, и только 6 человек персонифицированы, остальные – неизвестные. При этом по состоянию на 1956 г. только 5 могил представляют собой «укрупненное захоронение» [2: 38–41], остальные соотносятся с первичным местом захоронения.

При сопоставлении данных 1956 г. с опубликованной информацией 1980-х – 2010-х гг. по Гродненской области из 36 мест, зафиксированных в учетных карточках захоронений, только по одной братской могиле указана дата – июнь 1941 г. [8; 12]. Это говорит о том, что оформление сопроводительных документов по учету воинских захоронений с каждым новым периодом в процессе сохранения памяти о погибших упрощалось.

Как уже отмечалось выше, самым неожиданным источником по воинским захоронениям 1941 г. оказались документы ЧГК. В частности, в специально составленном акте от 3 апреля 1945 г. по Городнищенскому сельсовету Ляховичского района указано, что «при отступлении частей Красной Армии в июне месяце в 1941 году были захвачены в плен два красноармейца: 1) Макаренков Иван Константинович, урож. Калининской обл. Лихославского (?) р-на п/о Вески, Губской с/совет д. Тепниха; 2) Некрасов Дмитрий Александрович, урож. Свердловской обл. <далее неразборчиво> ул. Советская 19, где проживает сестра его Некрасова Ксения Петровна»¹ [3: 93]. Оба воина были расстреляны 27 июня 1941 г. и похоронены в братской могиле в деревне Волька Ляховичского района [3: 93]. При верификации было обнаружено, что И.К. Макаренко не имеется в ОБД «Мемориал» (при условии правильного написания его фамилии в исходном документе), а Д.А. Некрасов пропал без вести [5]. На сегодняшний день в деревне Волька Ляховичского района не значится ни одного захоронения

¹ Орфография и пунктуация оригинала здесь и в последующих цитатах сохранена.

периода Великой Отечественной войны. В 1945 г. братская могила двух советских воинов была зафиксирована, но в последующем так и не поставлена на учет. Безусловно, данный вопрос требует своего решения местными органами власти в плане оформления соответствующих документов.

В указанном случае братская могила персонифицирована хотя бы на 1945 г. В документах, к примеру, Смолевичского района Минской области указано о факте расстрела 4 бойцов Красной армии: «... в июле месяце 1941 г., в праздничный день немцы демонстративно провели 4-х советских бойца по центральной улице, связанными всех вместе в 500 метрах от гор. Смолевичи на восток, на болоте против деревни Рябый Слуп расстреляли на глазах у мирных жителей» [4: 2–2об.]. При этом факт захоронения не указан. В г. Смолевичи по опубликованному данным имеется 5 братских могил, 3 из которых носят смешанный (1941–1944 гг.) характер. К большому сожалению, имена советских воинов, информация о которых автором была найдена в документах ЧГК, не увековечены ни в одном из пяти воинских захоронений. Вследствие того, что место погребения останков не указано, маловероятно, что его удастся установить по прошествии 80 лет.

Выше приведенные факты говорят о сложности фиксации, идентификации и персонификации захоронений начального этапа военных действий лета 1941 г. на территории Беларуси, что требует тщательной проработки каждого отдельно взятого случая. К сожалению, данные примеры являются «болезнью» всех воинских захоронений.

Фиксация потерь по 1941 г., исходя из документов, представленных в ОБД «Мемориал», велась в послевоенное время, многие из них основывались на опросе родственников. И фактически повсеместно указано «пропал без вести».

Таким образом, изучение проблемы идентификации и верификации воинских захоронений на территории Беларуси 1941 г. на современном этапе сопрягается с рядом проблем, ведущих свою историю с 1941 г. и имеющих продолжение в послевоенное время. На современном этапе всё-таки делается попытка в заполнении «белых» пятен, касающихся захоронений периода Великой Отечественной войны благодаря доступу к исходным документам.

Источники и литература

1. Автоматизированный банк данных «Книга памяти» Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/base/index.php> (дата обращения: 29.03.2022).
2. ГАГрО. Ф. 1162. Оп. 2. Д. 6.
3. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 81. Д. 102.
4. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 87. Д. 14.
5. Донесение Сысертского РВК Свердловской области от 29.12.1947 // ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 1016. Л. 2. URL: <https://obd-memorial.ru> (дата обращения: 01.04.2022).
6. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. (ЗПГК РБ). Віцебская вобл. Мн., 1985.
7. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобл. Мн., 1985.
8. (ЗПГК РБ). Гродзенская вобл. Мн., 1986.
9. (ЗПГК РБ). Магілёўская вобл. Мн., 1986.
10. (ЗПГК РБ). Мінская вобл. Мн., 1987.
11. Каталог воинских захоронений на территории Беларуси. Витебская обл. Мн., 2013.
12. Каталог воинских захоронений на территории Беларуси (далее – КВЗ РБ). Гродненская обл. Мн., 2015.
13. КВЗ РБ. Минская обл. Мн., 2016.
14. Каталог воинских захоронений на территории Беларуси. Могилевская обл. Мн., 2017.
15. КВЗ РБ. Брестская обл. Мн., 2012.
16. КВЗ РБ. Гомельская обл. Мн., 2014.
17. Корсак А.И. Захоронения на территории Беларуси периода Великой Отечественной войны: теоретико-методологические аспекты // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А: Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 88–93.
18. *Новікаў С.Я.* Беларусь улетку 1941 года. Смаленск, 2015.
19. Указ Президента Республики Беларусь № 109 от 24.03.2016 «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войны». URL: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-Президент%20РБ/тыре-Указ/109-24.03.2016.htm/ (дата обращения: 02.04.2022).

И.Е. Татаринов

**К ИСТОРИИ ОДНОГО ТАНКА.
СТРАНИЦЫ МОНУМЕНТАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Не так давно отмечался 75-летний юбилей Победы над нацизмом. Для большинства государств, образовавшихся после распада СССР, память о Победе в Великой Отечественной войне священна. Братские советские республики заплатили страшную цену: миллионы человеческих жизней унесла эта кровопролитная война. Сегодня на Украине и в ряде других восточноевропейских государств (например, в Польше, странах Прибалтики) мы видим не только попытки пересмотра итогов Второй мировой войны, но и реализацию государственной политики по героизации нацистских коллаборантов и убийц, запятнавших себя участием в массовых казнях мирного населения и признанных Нюрнбергским международным трибуналом военными преступниками. Небывалые масштабы в этих странах приобрела кампания по «десоветизации», в рамках которой происходит массовый демонтаж мест памяти о Великой Отечественной войне. Интенсивность этих процессов актуализирует проблему сохранения исторической памяти, заставляя задуматься о целях пересмотра итогов Второй мировой войны и мерах реагирования на эти преступные практики.

В XXI в. практически каждое государство обращается к своему историческому прошлому, формируя новую или продолжая старую политику памяти. Эта политика вызывает в обществе определенные рефлексии по осмыслению своего прошлого, прежде всего, на уровне коллективного опыта. В ряде стран постсоветского пространства активизировался процесс формирования новой матрицы исторической памяти в целях перевоспитания общества в «правильном» ключе. Оформленная специальными законами декоммунизация своего «тоталитарного прошлого» сопровождается санкционированным государством массовым демонтажем советских мест памяти на Украине, Польше, Чехии, прибалтийских странах и является ярким свидетельством реализации этих «новых» задач. Такая война с памятниками вызвана одним ложным, но устойчивым убеждением,

что сохранение советских мест памяти является угрозой национальной государственности.

Прошедший в 2014 г. государственный переворот на Украине привел к власти политические силы, взявшие антагонистический курс по отношению к иной политике памяти, который многие известные исследователи трактуют в качестве «войн памяти» (см., например, [1]). Агрессивность подобного нарратива и акцентирование внимания на проблемных моментах и событиях Второй мировой войны стали неотъемлемыми составляющими новой политики. Заметим, что процесс «вымывания» концепта «Великая Отечественная война» и его постепенного и сознательного замещения «Второй мировой войной» в сегодняшней Украине практически полностью завершен.

Активизация конструирования новой исторической памяти и внедрения ложных посылов и исторических / политических мифов на Украине спровоцировали демонтаж украинской государственности, не сумевшей предложить какой-либо консолидирующей идеологии. Попытки сплотить украинцев с помощью новых установок – представить Украину главной жертвой тоталитарного советского режима – дали противоположный эффект. Как результат, Крым вместе с г. Севастополем вернулись по результатам всенародного волеизъявления на референдуме в состав Российской Федерации, а на Донбассе возникли Луганская и Донецкая Народные Республики, официально признанные Российской Федерацией в феврале 2022 г.

В этой связи представляется весьма важным проследить политику памяти в молодых государствах Донбасса, которые четко обозначили антагонистический курс по отношению к попыткам пересмотра исторической памяти на Украине. В частности, интересно коснуться истории боевого пути одной боевой машины – танка Т-34-85, который украшает въезд в столицу Луганской Народной Республики – г. Луганск, а также некоторых особенностей монументализации исторической памяти о Великой Отечественной войне на этом конкретном примере.

Как отмечает историк В. Сергийчук, еще в октябре 1971 г. на специальном пьедестале в г. Ворошиловград (ныне – г. Луганск) в качестве памятника был установлен средний танк Т-34-85 под номером 4080297. На мемориальной табличке были выгравированы такие слова: «Советским воинам-танкистам, громившим немецко-фашистских

захватчиков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» [5]. Примечательно, что эта боевая машина относится к так называемым именованным, то есть приобретенным на средства конкретных граждан – жителей Советского Союза, собиравших и перечислявших средства в фонд обороны страны. Известны примеры «покупок» советскими гражданами самолетов, чаще всего – истребителей Як и Ла, штурмовиков Ил-2, танков, самоходных орудий и др. В нашем случае такой подарок фронту сделал председатель колхоза имени А.С. Пушкина Покровского района Днепропетровской области Яков Шульга для своего приемного сына, гвардии лейтенанта РККА Ивана Афанасьевича Кисенко [5]. Эта «тридцатьчетверка» с боями в составе 36-й гвардейской танковой бригады 4-го гвардейского механизированного корпуса 2-го Украинского фронта прошла Болгарию, Югославию, Венгрию, закончив свой славный боевой путь на Дальнем Востоке победой над милитаристской Японией.

Однако установка на пьедестал среднего танка Т-34-85 № 4080297 могла бы и не состояться, поскольку советские органы государственной безопасности ранее выяснили, что боевая машина была приобретена осужденным в конце войны за пособничество оккупантам Яковом Шульгой. В. Сергийчук приводит интересный документ, поступивший в свое время в ЦК Компартии Украины: «На ваш запрос в областной комитет КП Украины от начальника УКГБ при СМ УССР по Днепропетровской области тов. Мажара Н.К. поступило письмо, в котором он считает установку танка Т-34 на Острой Могиле в г. Ворошиловграде ошибочно(й) потому, что танк был приобретен на средства Шульги, осужденного в августе 1944 г. за пособничество немецко-фашистским захватчикам в период оккупации ими территории Днепропетровской области» [5]. Как известно, Днепропетровская область длительное время находилась под властью оккупантов, и многие жители вынуждены были работать на немцев ради элементарного выживания. Очевидно, не избежал этой участи и Я. Шульга, который после освобождения области был осужден за пособничество немецким оккупантам.

Интересно заметить, что в начале 1990-х гг. в рамках работы по исполнению закона УССР от 17 апреля 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий в Украине» органы прокуратуры изучили

многомиллионный архивный пласт уголовных дел на предмет последующей реабилитации репрессированных. В списке реабилитированных по Днепропетровской области, сведенных в двухтомник «Реабілітовані історією. Дніпропетровська область», Я. Шульга не значится [4: 1089]. Вероятно, что, проанализировав приговор Шульге, прокуратура пришла к выводу, что материалами уголовного дела его вина в пособничестве немецким оккупантам была доказана, поэтому он был осужден обоснованно и реабилитации не подлежал. Кроме того, в огромном массиве уголовных дел его дело могло просто затеряться либо вовсе не было рассмотрено.

В свое время Ворошиловградский обком КПУ внимательно изучал вопрос установки памятника, однако приговор председателю колхоза им. А.С. Пушкина Я. Шульге не был известен ни командованию 4-й мотострелковой дивизии, выступившей инициатором установки танка-памятника, ни партийным органам г. Ворошиловграда. Заметьте, что дислоцировавшуюся в Ворошиловграде 4-ю мотострелковую дивизию в апреле 1942 г. преобразовали в 4-й механизированный корпус. Это воинское соединение с боями прошло путь от Сталинграда до Белграда и Чехословакии, приняв участие в Сталинградской битве, в освобождении Донбасса и Ворошиловградской области от немецко-фашистских оккупантов. Успехи и победы корпуса были отмечены званиями «Гвардейский», «Сталинградский», получением на боевое знамя корпуса орденов Красного Знамени, Кутузова и Суворова. После Победы корпус возвратился в Ворошиловград и был реорганизован в 4-ю мотострелковую дивизию, сохранив наименования Гвардейского, Сталинградского Краснознаменного орденов Кутузова и Суворова [5].

Внимание к именному танку Т-34 под № 4080297 было привлечено еще в 1968 г., когда в газете «Красная звезда» от 14 февраля 1968 г. вышла статья «Танк имени лейтенанта Кисенко». Ее автор, лейтенант Пацай, отмечал, что «и сейчас именной танк находится в боевом строю» [6]. Как раз в это время командование расположенной в Ворошиловграде 4-й мотострелковой дивизии искало возможность в целях пропаганды боевых традиций и в качестве памятника бойцам, принимавшим активное участие в освобождении Донбасса от немецко-фашистских захватчиков, установить на специальном пьедестале боевой танк. Командующий Дальневосточным военным округом генерал армии

В.Ф. Толубко, в годы Великой Отечественной войны воевавший в составе 4-го механизированного корпуса, удовлетворил многочисленные просьбы ветеранов-танкистов [6]. Он распорядился отправить на Донбасс находившийся в то время на Дальнем Востоке и восстановленный после нескольких попаданий снарядов танк Т-34 85 № 4080297.

Отметим внушительный боевой опыт, который приобрел Т-34-85 № 4080297. Гвардии лейтенант И. Кисенко получил эту боевую машину в сентябре 1944 г., практически сразу приступив на ней к уничтожению врага в составе 36-й гвардейской танковой бригады 4-го гвардейского механизированного корпуса. Башню его танка украшала надпись: «От отца Шульги сыну Кисенко». В конце сентября корпус получил приказ к началу октября выйти в район югославского города Видин, совершив марш по Балканским горам [2]. 12 октября части корпуса подошли к подножью стратегической горы Авала, находясь в 15 км от Белграда и планируя решительной атакой овладеть немецкими оборонительными позициями. Уже 13 октября советские танки ворвались в Белград, в городе начались уличные бои, а к 20 октября Белград был освобожден от оккупантов. Упомянутый выше генерал армии В.Ф. Толубко, который был тогда полковником в штабе 4-го механизированного корпуса, принимал непосредственное участие в освобождении Югославии. Позднее он описал боевые действия советских танкистов в Белградской операции в своем историко-мемуарном очерке [7].

Непосредственный командир танка Т-34-85 под №4080297 гвардии лейтенант И.А. Кисенко в операции по освобождению Югославии в составе 1-го танкового батальона 36-й гвардейской танковой бригады 4-го гвардейского механизированного корпуса проявил мужество и героизм. За проявленную храбрость в этой кампании гвардии лейтенант И.А. Кисенко был награжден орденом Отечественной войны II степени. В представлении к наградному документу говорится, что «танк тов. Кисенко действовал смело и решительно, нанося врагу большой урон в живой силе и технике. 12 октября 1944 г. танк уничтожил: 4 автомашины с различными грузами, бронетранспортер с пехотой и пушками, до 25 повозок с различными военными грузами и до 100 солдат и офицеров. В уличных боях в гор. Белград экипаж дерзко громил врага и уничтожил до 200 гитлеровцев, 15 автомашин с грузами, 2 пушки, 9 огневых точек, 3 миномета и захватил 3 автомашины» [8: 4].

После стремительного освобождения Югославии боевой путь «тридцатьчетверки» лейтенанта И.А. Кисенко лежал в Венгрию, где помимо венгерских войск, занимали оборону элитные части вермахта и СС. В довольно длительной и кровопролитной операции по разгрому Венгрии как союзника Третьего рейха танк Т-34-85 гвардии лейтенанта И.А. Кисенко храбро сражался, за что командир был представлен к правительственной награде – ордену Красной Звезды. В описании совершенного подвига говорится, что «в боях на подступах к городу Хатван экипаж, где командир танка гвардии лейтенант Кисенко, проявил образцы мужества и отваги. Во время атак и отражения контратак пехоты и танков противника с 21.11.44 по 25.11.44 г. огнем и гусеницами своего танка уничтожил 3 противотанковые пушки, 3 миномета, 2 бронетранспортера, 1 самоходку и до 70 солдат и офицеров противника. За проявленные образцы мужества и отваги товарищ Кисенко достоин правительственной награды ордена “Красная Звезда”» [9: 199].

Журнал боевых действий 4-го гвардейского механизированного корпуса подтверждает ожесточенность боев у г. Хатван. Именной Т-34-85 под № 4080297, воевавший в составе 1-го танкового батальона 36-й гвардейской танковой бригады, и другие боевые машины с 19 по 22 ноября 1944 г. четыре дня отражали «контратаки противника, предприняли ряд атак, но не имели успеха, оставались на прежних рубежах» [10: 129]. Заметим, что за эти дни 1-й танковый батальон, где воевал гвардии лейтенант И. Кисенко, продвинулся всего на 1 км [10: 129]. Боевая обстановка изменилась 23 ноября, когда силы корпуса перешли «в решительное наступление, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, к 13.00 заняли» ряд стратегических высот у г. Хатван [10: 129]. А 25 ноября силы 36-й гвардейской танковой бригады вместе с остальными частями корпуса, «к 13.00 овладели (г.) Хатван... Противник, выбитый из Хатван, взорвав (так в документе. – И.Т.) все мосты» [10: 130].

В этих боях 36-я гвардейская танковая бригада понесла тяжелые потери. Среди полагавшихся по штату 46 танков, к концу дня 25 ноября 36-я бригада имела на ходу всего 2 исправных танка, и после овладения Хатван была выведена из боя [10: 130]. Очевидно, в числе этих значительных потерь бригады был и именной танк гвардии лейтенанта И. Кисенко. Вероятно, 25 ноября 1944 г. в одном из боев

Т-34-85 под его командованием попал в засаду, получил попадание броневой снарядом и был подбит. Погибли командир танкового орудия гвардии старший сержант Ю. Лепехин, которого посмертно наградили орденом Красной Звезды [9: 183], и стрелок-радист гвардии рядовой И. Владимиров [3]. Тяжелые ранения получили остальные члены экипажа – гвардии старший сержант В. Таринцев, гвардии старший сержант Н. Скорописцев, получивший медаль «За отвагу» [9: 184]. Был ранен и командир танка гвардии лейтенант И. Кисенко. При реставрации танка в 2013 г. были обнаружены следы фатального попадания снаряда в лоб башни Т-34. Вероятно, танк был поражен огнем немецкой САУ «Фердинанд» либо танка «Тигр», которые имели на вооружении мощные орудия, пробивавшие лобовую броню советских танков.

Позднее командование 4-го механизированного корпуса отмечало, что «противник, стремясь задержать продвижение наших частей, организовал жесткую оборону на рубежах, дающих ему преимущество в маневре и организации системы огня. Осенняя распутица давала противнику возможность вести оборонительные бои путем заслонов и засад на вероятных направлениях продвижения наших войск. С падением Хатван противник потерял важный узел шоссейных и ж.д. коммуникаций, связывающих Будапешт с севером и востоком» [10: 130–131].

До конца Великой Отечественной войны значительно поврежденный Т-34-85 под № 4080297 находился на капитальном ремонте сначала в Харькове, а потом на Урале в Нижнем Тагиле [3]. Эта боевая машина смогла вернуться в строй лишь к началу войны с Японией, приняв участие в боях при освобождении о. Сахалин. Командиром отремонтированного танка вновь стал гвардии лейтенант И. Кисенко, а его именной танк достойно закончил свой боевой путь на Дальнем Востоке. Во время капремонта танка в 1968 г. внутри башни была обнаружена покрашенная медная табличка с надписью «от отца Шульги сыну Кисенко, Сормовский завод» и номер танка 4080297. Находка заинтересовала командующего Дальневосточным военным округом генерала армии В.Ф. Толубко, который, наверняка знал боевой путь именной боевой машины [3]. До осени 1971 г. Т-34 находился на Дальнем Востоке, когда своим решением В.Ф. Толубко отправил танк в г. Ворошиловград, где в октябре того же года он, после выколачивания танкового орудия, своим ходом заехал на специально построенный пьедестал.

Важно отметить, что с 2013 г. Т-34 под № 4080297, пройдя необходимый ремонт, обрел новую жизнь. В Луганской Народной Республике эта боевая машина регулярно принимает участие во всех военных парадах к 9 Мая, двигаясь во главе праздничной колонны военной техники. Молодая республика Донбасса чтит совместное с Российской Федерацией историческое прошлое, возведя это в ранг высших государственных ценностей и символов. Бережное сохранение памяти о Великой Отечественной войне является в этом контексте неотъемлемым элементом государственной политики ЛНР.

В сегодняшних войнах памяти, развернувшихся на постсоветском пространстве, не следует искать нечто бессмысленное, стихийное и хаотичное. Происходящие события по героизации нацистских коллаборантов и военных преступников, снос памятников воинам-освободителям и вытравливание совместного советского прошлого из общественного и научного дискурса являются системными процессами. Это часть целенаправленной политики ряда восточноевропейских государств по конструированию и консолидации национальной идентичности с помощью искажения истории, насаждения русофобии и ненависти, созданию «нового гражданина», который был бы свободен от памяти о совместном историческом прошлом. В этой связи популяризация исторической памяти о Великой Победе, осознание принадлежности к тысячелетней русской цивилизации и убеждение в преемственности ключевых культурно-цивилизационных компонентов, проецированных на современность, придает республикам Донбасса оптимизм и уверенность в победе, в том числе и в «войнах памяти».

Источники и литература

1. *Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011.
2. *Коптева Е.* Именной танк: с постамента – на марш своим ходом? // Наша газета. 2013. 8 мая.
3. *Немченко В.* Легендарная тридцатьчетвёрка // Жизнь Луганска. 1995. № 7.
4. Реабілітовані історією: у 27 томах. Дніпропетровська область: у 2 кн. / Упорядники: Є.І. Бородин, В.В. Іваненко, Л.Л. Прокопенко, Р.К. Терещенко. Кн. 2. Дніпропетровськ, 2008.

5. *Сергийчук В.* И хлебом нашим насущным полнился украинский фонд обороны // Зеркало недели. 1995. № 17. 28 апреля – 5 мая.
6. *Снегирёв В.* А ныне – гранитные плиты // Наша газета. 2013. 12 февраля.
7. *Толубко В.Ф., Барышев Н.И.* От Видина до Белграда. Ист.-мемуарный очерк о боевых действиях советских танкистов в Белградской операции / под ред. и с предисл. В.Ф. Чижа. М., 1968.
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 690306. Д. 408.
9. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 923.
10. ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 2928. Д. 13.

Е.А. Горбатенко, А.М. Волгина

**РАЗРАБОТКА ПРОЕКТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРРИТОРИИ, ПРЕДМЕТА ОХРАНЫ
И ОХРАННОЙ ЗОНЫ ПАМЯТНИКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
(на примере могилы Ф.А. Гринкевича на территории г. Донецка,
Донецкая Народная Республика)**

Памятники истории и культуры являются объектами краеведческой деятельности. Они связаны с историческими событиями жизни края, развитием общества и государства, произведениями материального и духовного творчества, представляющими историческую, научную, художественную или иную культурную ценность [2: 3].

Каждый памятник истории и культуры, согласно Федеральному закону «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации (с изменениями на 11 июня 2021 года)», имеет территорию [5: 6], предмет охраны [5: 33] и охранную зону [5: 44]. Их четкое определение является неотъемлемой частью мероприятий по охране культурного наследия.

Актуальность данной темы не вызывает сомнения, поскольку, в реалиях нового государства – Донецкой Народной Республики (ДНР) – насущным является вопрос о сохранении культурного наследия. Такую задачу ставят перед собой научные сотрудники отдела научно-исследовательской и методической работы в сфере охраны

объектов культурного наследия. Практически эти задачи могут быть решены благодаря использованию российского законодательства в целях проведения экспериментальной работы по обозначению территории, предмета охраны и охранной зоны памятника истории и культуры.

Целью настоящей работы является решение вопросов обозначения территории, предмета охраны и охранной зоны памятника истории и культуры на примере памятника «Могила Ф.А. Гринкевича» на территории г. Донецка, ДНР. В работах исследователей И.А. Стрижова [7], С.М. Шестова [10], С. Чиокану [9] рассмотрена политика охраны памятников истории и культуры на современном этапе в географическом разрезе, административно-правовое регулирование охраны объектов культурного наследия.

В столице ДНР г. Донецке, у Донецкого государственного академического театра оперы и балета имени А.Б. Соловьяненко, расположен памятник «Могила Франца Андреевича Гринкевича», представляющий собой танк Т-34 на гранитном постаменте. Этот памятник появился на главной улице города в 1943 г., когда бойцы 32-й гвардейской отдельной танковой бригады увековечили память своего командира – полковника Ф.А. Гринкевича. Его бригада принимала активное участие в освобождении Донбасса. За стойкость и мужество в боях с фашистскими захватчиками бригаде Гринкевича было присвоено звание гвардейской, а командир удостоен орденов красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды [6].

Письма и подлинные фотографии, которые освещают жизнь гвардии полковника, были переданы Донецкому республиканскому краеведческому музею (ДРКМ) Анной Исааковной, вдовой Ф.А. Гринкевича, которая проживала в Москве. Содержание писем, а также фотографии были опубликованы в Музейном вестнике Республики [8: 147–148]. Похороны Франца Андреевича Гринкевича по ходатайству всего личного состава были произведены в г. Сталино (ныне г. Донецк, ДНР) 14 октября 1943 г. На открытии воздвигнутого памятника присутствовал личный состав части и трудящиеся г. Сталино [8: 151]. Могила Гринкевича была благоустроена к первой годовщине освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков. Она представляла собой постамент, сложенный из кирпича, оштукатуренный и побеленный. Через два года после освобождения г. Сталино на постамент с портретом Гринкевича был

водружен танк Т-34 выпуска 1942 г., его привезли из-под поселка Рутченково. Боевая машина с характерной шестигранной башней-«гайкой» принимала участие в боях за Донбасс в 1943 г. и получила попадание в моторный отсек и правый борт и отметины на маске пушки. В 1967 г. старый танк заменили более современным Т-34-85, послевоенного выпуска. Снятую с постамента «тридцатьчетвёрку» разместили во дворе Донецкой республиканской универсальной научной библиотеки имени Н.К. Крупской, а в начале 1970-х гг. танк «переехал» на новое место, ко входу в Донецкий республиканский краеведческий музей. 8 апреля 2010 г. был перенесен на открытую площадку Военно-исторического музея Великой Отечественной войны у монумента «Твоим освободителям, Донбасс!» [8: 154, 156].

Территория памятника «Могила Ф.А. Гринкевича», согласно словарю терминов по охране культурного наследия, составленному научными сотрудниками ДРКМ, представляет собой земельный участок, непосредственно занимаемый памятником и связанный с ним исторически и функционально [1: 29].

В законе РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» территорией объекта культурного наследия названа территория, непосредственно занятая данным объектом культурного наследия и (или) связанная с ним исторически и функционально, являющаяся его неотъемлемой частью [5: 6]. Таким образом, четко прослеживается связь между деятельностью ДНР и РФ в сфере охраны культурного наследия.

Для определения территории памятника необходимо собрать и проанализировать исходные данные, на их основе сформировать актуализированную информацию по существующему состоянию участка проектирования границ объекта культурного наследия [3: 13].

В Российской Федерации материалы исходных данных для установления границ объектов культурного наследия передаются исполнителю проектной документации заказчиком или официально запрашиваются исполнителем в государственных учреждениях, обладающих правом предоставления информации, согласно п. 5 состава работ по установлению границ территории объекта культурного наследия [3: 12].

Однако научные сотрудники ДРКМ не имеют полномочий запрашивать в государственных учреждениях исходные данные. Поэтому

при определении территории памятника авторы использовали сведения документальных фондов ДРКМ, такие как: паспорт, учетная карточка, натурное обследование территории в целях фиксации существующего состояния объекта культурного наследия, элементов комплекса застройки, границ владения и пр.

На основании проведенных исследований предлагается установить территорию объекта культурного наследия. Границы территории объекта культурного наследия памятника «Могила Ф.А. Гринкевича» включают в себя захоронение и танк Т-34 на постаменте, проходят по существующему бордюру (табл. 1).

Таблица 1. Границы территории объекта культурного наследия памятника «Могила Ф.А. Гринкевича»

Координаты поворотных точек границ территории объекта культурного наследия	Координаты поворотных точек во всемирной геодезической системе координат (WGS-84)	
	северной широты	восточной долготы
1	48.005371	37.803870
2	48.005230	37.803860
3	48.005307	37.803806
4	48.005307	37.803679

Текстовое описание границ территории объекта культурного наследия: граница территории объекта культурного наследия проходит на юг от точки 1 до начальной точки 2 протяженностью 16,4 м; далее поворот на запад от точки 2 до точки 3 протяженностью 15,38 м; далее продолжается на север от точки 3 до точки 4 протяженностью 11,32 м; далее поворот на восток от точки 4 до точки 1 протяженностью 17,15 м.

Предмет охраны памятника «Могила Ф.А. Гринкевича» можно определить на основе методических рекомендаций «Об определении предмета охраны объектов истории и монументального искусства как объектов культурного наследия» ДНР, где сказано, что предметом охраны объекта культурного наследия является его историко-культурная ценность, на основании которой этот объект признается памятником. Целью определения предмета охраны объекта

культурного наследия является выявление свойств объекта культурного наследия, нанесение вреда которым влечет за собой частичную или полную утрату его историко-культурной ценности [4: 2].

Предметом охраны объекта истории является материальное воплощение исторической памяти о важных исторических событиях или процессах, этапах развития истории и культуры народов, общественных явлениях, жизни и деятельности известных личностей.

Историческая память – совокупность знаний и представлений, являющихся неотъемлемой частью культуры, которые через традиции, устные, письменные источники и материальные объекты фиксируются в общественном сознании и позволяют хранить, воспроизводить, интерпретировать информацию о прошедших исторических событиях, жизни и деятельности известных личностей [4: 5].

Памятник связан с историческими событиями – свидетельствует о героизме гвардии полковника Ф.А. Гринкевича в Великой Отечественной войне. Предметом охраны памятника как объекта истории является захоронение Ф.А. Гринкевича, павшего в боях в период Великой Отечественной войны. Также предметом охраны памятника является материальное воплощение памяти о павших в боях советских воинах в виде боевой машины – танка Т-34 на постаменте.

В целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его исторической среде на сопряженной с ним территории устанавливаются зоны охраны объекта культурного наследия [5: 44]. Охранная зона объекта культурного наследия – территория, в пределах которой в целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его историческом ландшафтном окружении устанавливается особый режим использования земель и земельных участков, ограничивающий хозяйственную деятельность и запрещающий строительство, за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия.

На основании проведенных исследований и анализа визуального восприятия объекта культурного наследия, учитывая характер окружающей застройки, а также наличие в этом же сквере памятника «Могила К.А. Гурова», предлагается включить ее в границу охранной зоны. Объединение зон охраны объектов культурного наследия допускается

ст. 34 п. 1 ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [5: 44].

В ходе проектирования были изучены законодательство РФ, методические рекомендации ДНР, библиографические источники; выполнены натурные обследования памятника «Могила Ф.А. Гринкевича» и прилегающих территорий, обследован объект культурного наследия, расположенный на участке, определена территория объекта культурного наследия, проведена фотофиксация объекта, территории могилы, прилегающих территорий; определены основные точки зрительного восприятия объекта культурного наследия; выполнен анализ восприятия и фотофиксации объекта культурного наследия в целом. Все результаты исследования получены на основе законодательной базы РФ и существующей базы ДНР, что способствует интеграции ДНР в российское пространство.

Источники и литература

1. *Азарова С.И., Дегерменджи С.М.* Словарь терминов по охране культурного наследия. Донецк, 2019.
2. *Азарова С.И., Матченко А.Г.* Классификация объектов культурного наследия. Методические рекомендации. Донецк, 2017.
3. Методика установления границ территорий объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). М., 2008.
4. Методические рекомендации «Об определении предмета охраны объектов истории и монументального искусства как объектов культурного наследия», утвержденные приказом Министерства культуры Донецкой Народной Республики от 03.06.2020 г. № 244-ОД.
5. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ (с изменениями на 11 июня 2021 года): ФЗ от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ. М., 2002.
6. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Могила Ф.А. Гринкевича», охр. № 13 // Научная картотека научно-методического отдела охраны памятников истории и культуры ГБУ «ДРКМ».
7. *Стрижова И.А.* Из истории становления памятникоохранного дела на юге Украины // Наука. Релігія. Суспільство. 2005. № 2. С. 53–57.
8. *Черепяхина И.Г.* Последнее письмо Ф.А. Гринкевича // Музейный вестник Республики. 2018. № 2. С. 147–156.

9. Чиокану С. Охрана культурного наследия Республики Молдова на современном этапе // Праці Науково-дослідного інституту пам'яткоохоронних досліджень. 2012. Вип. 7. С. 336–344.
10. Шестова С.М. Российское законодательство об охране и использовании памятников истории и культуры // Обсерватория культуры. 2008. № 4. С. 56–61.

И.А. Шмыгаль

ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ ИМЕН ПОГИБШИХ СОВЕТСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА ПЛИТАХ МЕМОРИАЛОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На плитах воинских мемориалов во многих населенных пунктах Ростовской области нанесены фамилии воинов, погибших при их освобождении. Необходимо затронуть вопросы достоверности этих списков. В процессе уточнения сведений о погибших в Книгах Памяти Ростовской области всегда хочется найти подробную информацию о каждом защитнике Отечества. Но в сведениях встречается большое количество ошибок как в учетных карточках, так и на плитах памятников. Частые ошибки – это искажение фамилий, имен и отчеств, особенно старинных, ныне не употребляемых. На многих плитах нанесены только инициалы, а не полные имена и отчества. Часто это следствие неверного прочтения рукописного текста исходного документа. К сожалению, в этих вопросах отсутствует единый формат записи.

Иногда на плитах забывают указывать и воинские звания погибших воинов. Например, на Братском кладбище Ростова-на-Дону оказались лишены всех заслуг и званий похороненные там военачальники – освободители Ростовской области, погибшие в период Великой Отечественной войны: генерал-лейтенант Тимофей Тимофеевич Шапкин – командующий 4-м кавалерийским корпусом, генерал-майор Иосиф Иванович Губаревич – командир 34-й гвардейской стрелковой дивизии, освобождавшей Ростов-на-Дону, и другие.

Встречаются и топонимические ошибки, связанные с существованием нескольких населенных пунктов с одним и тем же названием. Например, только хуторов с названием Весёлый в Ростовской области

насчитывалось 24. И такая запись в донесении: «...место захоронения х. Весёлый Ростовской области» – может трактоваться свободно. Встречаются записи имен военнослужащих, умерших от ран в госпиталях города Ростов Ярославской области, в списках захоронений в Ростове-на-Дону.

Во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы все сведения о потерях были засекречены. В результате на плиты можно было нанести любые фамилии с инициалами. Никто не мог проверить их подлинность вследствие секретности сведений. Например, в поселке Сорговый (ранее село Манычское) Зерноградского района на памятнике приводится набор фамилий, среди которых есть даже фамилии осужденных военным трибуналом уроженцев этого села.

Ранее отсутствовала техническая возможность сопоставить одновременно несколько документов, чтобы выявить боевой путь воина. Очень часто числившиеся ранее пропавшими и даже убитыми оказывались живы, дошли до Берлина и некоторые были награждены юбилейными орденами. А их фамилии оказались нанесены на плиты воинских мемориалов. Современное развитие информационных технологий дает уникальную возможность сопоставить все записи на одного и того же воина в нескольких документах и исправить неточности.

Еще одна причина ошибок – некомпетентность сотрудников местных администраций, составлявших или отвечавших за эти списки. Например, погибшие в начале декабря 1941 г. воины 347-й стрелковой дивизии были похоронены в х. Екатериновка Неклиновского района, а их фамилии занесены на плиты в селе Екатериновке Сальского района. Однако в декабре 1941 г. в Сальском районе боевых действий не велось.

Во многих населенных пунктах решили увековечить на плитах воинских мемориалов рядом с фамилиями погибших освободителей фамилии не вернувшихся с фронта односельчан. Позже эти списки полностью перекечевали в паспорта захоронений как фамилии погибших и захороненных здесь военнослужащих.

Кроме того, ошибки связаны с необязательностью при представлении документов поисковыми отрядами в органы военного управления (районные военные комиссариаты) на останки воинов, обнаруженных в ходе поисковых работ и перезахороненных с установлением их имен. К актам перезахоронения необходимо прикладывать фотокопии

вещей и документов, на основании которых были установлены имена найденных воинов. Неисполнение этого положения закона ведет к тому, что их имена не вносятся сотрудниками местных администраций в учетные карточки и, как следствие, сведения на них либо отсутствуют в картотеке потерь Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, либо остаются недостоверными. А воин так и продолжает числиться в списках пропавших без вести.

Иногда у руководителей местных администраций возникает желание иметь красивый памятник за счет спонсоров. Например, на плите памятника в селе Синявском Неклиновского района указаны девять фамилий летчиков. Но на самом деле никто из них там не похоронен. Согласно донесениям о безвозвратных потерях, эти летчики погибли в разное время и в разных местах, не только Ростовской области.

Кроме того, местные власти идут навстречу действиям энтузиастов и наводят порядок в списках захоронений. Например, краевед А.В. Терехов, один из составителей Книги Памяти Дубовского района, составил новые, более точные, учетные карточки всех воинских захоронений в своем районе и добился изменений записей на плитах памятников. Но это – порыв души. А где те, кому следует по должности этим заниматься?

Недостоверные сведения о погибших и захороненных воинах в учетных карточках воинских захоронений и на плитах братских могил являются одной из форм искажения истории Великой Отечественной войны. Наверное, когда-нибудь будет дана юридическая оценка этим фактам и местные администрации внесут исправления на плитах памятников согласно поручению Президента Российской Федерации.

Кто-то должен отвечать за достоверность указываемых фамилий и нести за них ответственность. И кто-то должен исполнять свои обязанности и выполнять работу по сверке списков с реальными документами воинских частей.

Описанная ситуация существует не только в Ростовской области. Поисковики других регионов констатируют аналогичную ситуацию. Надо навести порядок в этом вопросе и увековечить всех воинов, погибших при защите Отечества, поименно.

Не за горами 100-летие Победы. Надо успеть.

Сведения об авторах

Аверьянов Антон Викторович – д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Авксентьев Виктор Анатольевич – д-р филос. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Агеева Валентина Анатольевна – канд. ист. наук (Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (Ростовского института народного хозяйства), г. Таганрог Ростовской области)

Афанасенко Владимир Иванович (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Афанасян Кристина Кареновна – канд. ист. наук (Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, г. Пятигорск Ставропольского края)

Бадугинова Маргарита Владимировна – канд. ист. наук (Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста)

Безугольный Алексей Юрьевич – д-р ист. наук (Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

Бесолов Владимир Бутусович (Международная академия архитектуры (отделение в Москве, Евразия), г. Владикавказ)

Боголюбов Александр Александрович – д-р гуманитар. наук в области новейшей истории (независимый исследователь, г. Пятигорск Ставропольского края)

Бородкин Леонид Иосифович – чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Броварь Александр Витальевич – д-р ист. наук (Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР)

Венков Андрей Вадимович – д-р ист. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Волгина Анастасия Максимовна (Донецкий республиканский краеведческий музей, г. Донецк, ДНР)

Воронин Константин Владимирович (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Воробьева Валентина Николаевна (Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста)

Вычеров Дмитрий Александрович (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Головина Евгения Леонидовна (Центр документации новейшей истории Волгоградской области, г. Волгоград)

Горбатенко Екатерина Александровна (Донецкий республиканский краеведческий музей, г. Донецк, ДНР)

Гриценко Галина Дмитриевна – д-р филос. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Дукин Алексей Александрович (Донецкий республиканский краеведческий музей, г. Донецк, ДНР)

Епифанов Александр Егорович – д-р юрид. наук (Московский городской педагогический университет, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС))

Жбанникова Марина Исмаевна (Филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону)

Жеребцов Игорь Любомирович – д-р ист. наук (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар)

Заблотский Александр Николаевич (Таганрогский авиационный научно-технический комплекс имени Г.М. Бериева, г. Таганрог Ростовской области)

Захарина Екатерина Александровна (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Иванов Вячеслав Александрович – канд. ист. наук (Центральный музей Тавриды, Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь)

Карташев Андрей Владимирович – д-р ист. наук (Ставропольский государственный медицинский университет, г. Ставрополь)

Карташев Игорь Владимирович – канд. ист. наук (Ставропольский государственный медицинский университет, г. Ставрополь)

Киндяков Сергей Александрович (Краснодарская региональная общественная поисково-исследовательская организация «Высота», ст. Куринская Краснодарского края)

Кокоулин Владислав Геннадьевич – д-р ист. наук (Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск)

Коровин Владимир Викторович – д-р ист. наук (Юго-Западный государственный университет, г. Курск)

Корсак Алеся Иосифовна – канд. ист. наук (Полоцкий государственный университет, г. Полоцк Витебской области, Республика Беларусь)

Красноженова Елена Евгеньевна – д-р ист. наук (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

Кринко Евгений Федорович – д-р ист. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Кропачев Сергей Александрович – д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, г. Москва)

Кудзиева София Олеговна (Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)

Кудряков Андрей Юрьевич (Поисковая экспедиция «Без срока давности»

в Ростовской области, Региональное отделение общероссийского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк России» в Ростовской области, г. Ростов-на-Дону)

Ларинцев Роман Иванович (Техникум судостроения и машиностроения, г. Северодвинск Архангельской области)

Леонтьева Надежда Ильинична (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Линец Сергей Иванович – д-р ист. наук (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск Ставропольского края)

Линец Александр Сергеевич – канд. ист. наук (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск Ставропольского края)

Литвин Алексей Михайлович – д-р ист. наук (Институт истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь)

Ломагин Никита Андреевич – д-р ист. наук (Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург)

Лысенко Ирина Альбертовна – канд. ист. наук (Центр по изучению Сталинградской битвы, Центр документации новейшей истории Волгоградской области, г. Волгоград)

Макарова Елена Александровна – канд. ист. наук (независимый исследователь, г. Ставрополь)

Мартыненко Виктория Юрьевна – канд. ист. наук (Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области)

Мартыненко Вероника Юрьевна (Средняя общеобразовательная школа № 5, г. Шахты Ростовской области)

Матишов Геннадий Григорьевич – академик РАН (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Медвенский Николай Игоревич (Государственный музей боевой славы

имени В.Г. Ардзинбы, г. Сухум, Республика Абхазия)

Мерзляков Михаил Петрович (Раздорский этнографический музей-заповедник, ст. Раздорская Ростовской области)

Милошевич Зоран – д-р соц. наук (Институт политических исследований, г. Белград, Республика Сербия)

Мирошниченко Екатерина Викторовна (Кубанский институт социологии и права (филиал) Академии труда и социальных отношений, г. Краснодар)

Мотревич Владимир Павлович – д-р ист. наук (Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

Мухаметов Павел Алексеевич – канд. ист. наук (Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел РФ, г. Уфа)

Намуева Людмила Васильевна – канд. социол. наук (Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста)

Оконов Баатр Андреевич – канд. ист. наук (Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста)

Очергоряева Джиргал Викторовна (Институт комплексных исследований аридных территорий, г. Элиста)

Очилов Уташ Борисович – д-р ист. наук (Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста)

Очирова Нина Гаряевна – канд. полит. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Пересада Ольга Евгеньевна (независимый исследователь, г. Ставрополь)

Петров Григорий Владимирович (Псковский государственный университет, г. Псков)

Печалова Лариса Викторовна – канд. ист. наук (Ставропольский строительный техникум, г. Ставрополь)

Приходько Сергей Александрович (Новозыбковский краеведческий музей, г. Новозыбков Брянской области)

Ревизская Юлия Александровна – канд. пед. наук (Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР)

Рясный Сергей Иванович – д-р техн. наук (Всероссийский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт атомного энергетического машиностроения, г. Москва)

Санин Дмитрий Николаевич (Егорлыкский историко-краеведческий музей, ст. Егорлыкская Ростовской области)

Сардалов Иса Алхазурович (Региональное отделение Общероссийского общественного движения по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» в Чеченской Республике, г. Грозный)

Семенова Ольга Валерьевна – канд. филос. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Серазетдинов Борис Узразбекович – канд. ист. наук (Институт российской истории РАН, г. Москва)

Сердюкова Ирина Анатольевна (Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Волгоград)

Сивков Сергей Михайлович – канд. ист. наук (Кубанский институт социологии и права (филиал) Академии труда и социальных отношений, г. Краснодар)

Скорик Александр Павлович – д-р ист. наук, д-р филос. наук (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск Ростовской области)

Соколов Олег Леонидович (Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону; средняя общеобразовательная школа № 26, г. Таганрог Ростовской области)

Сорокина Марина Юрьевна – канд. ист. наук (Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, г. Москва)

Состин Дмитрий Игоревич – канд. ист. наук (Филиал МИРЭА – Российского технологического университета в г. Ставрополе)

Стасева Алла Борисовна (независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону)

Судоргин Николай Геннадьевич – канд. хим. наук (Региональный общественный фонд содействия социально-экономическому развитию «Танаис», г. Ростов-на-Дону)

Султанбеков Рабадан Магомедович – канд. ист. наук (Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала)

Татаринов Игорь Евгеньевич – канд. ист. наук (Луганский национальный университет имени В. Даля, г. Луганск, ЛНР)

Терушкин Леонид Абрамович (Научно-просветительный центр «Холокост», г. Москва)

Тимофеев Алексей Юрьевич – д-р ист. наук (Университет Белграда, Республика Сербия)

Третьякова Елена Юрьевна – д-р филол. наук (Южный филиал Российского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, г. Краснодар)

Тюменцев Игорь Олегович – д-р ист. наук (Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Волгоград)

Тогель Елена Александровна (Народный военно-исторический музейный комплекс Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», Неклиновский район Ростовской области)

Хатуев Ислам Заутдинович – канд. ист. наук (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, г. Грозный)

Ходяков Михаил Викторович – д-р ист. наук (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург)

Хубулова Светлана Алексеевна – д-р ист. наук (Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)

Шевченко Кирилл Владимирович – д-р ист. наук (Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске, Республика Беларусь)

Шмыгаль Игорь Анатольевич (Ростовское региональное отделение Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», г. Ростов-на-Дону)

Шкрибтько Елена Александровна – канд. ист. наук (Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР)

Шпагин Сергей Алексеевич (Региональный общественный фонд содействия социально-экономическому развитию «Танаис», г. Ростов-на-Дону)

Шпрингер Ольга Александровна (независимый исследователь, г. Новокузнецк Кемеровской области)

Щербанов Владимир Кириллович (Ростовское региональное отделение Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», г. Ростов-на-Дону)

Содержание

Предисловие (академик Г.Г. Матишов)	5
Раздел 1. Вклад народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне	
<i>Бородкин Л.И., Кринко Е.Ф., Леонтьева Н.И.</i> Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: возможности использования статистических и военно-антропологических методов в современных исследованиях	7
<i>Очиров У.Б.</i> Командиры национальных кавалерийских дивизий Красной армии (1941–1945 гг.): просопографическое исследование	16
<i>Литвин А.М.</i> Жители Ростовской области – участники Советско-финляндской войны в партизанском движении Беларуси	26
<i>Ломагин Н.А.</i> О проблемах организации партизанского движения в Ленинградской области в 1941 г.	36
<i>Султанбеков Р.М.</i> Мобилизация сил и средств Дагестана на разгром врага (1941–1943 гг.)	45
<i>Хатуев И.З.</i> Добровольческое движение в Чечне в период Великой Отечественной войны	52
<i>Безугольный А.Ю.</i> Плоды «большой работы»: всермейское совещание агитаторов, работающих с бойцами нерусских национальностей (июль – август 1943 г.)	58
<i>Сардалов И.А. М.А. Висаитов:</i> судьба отважного командира полка	63
<i>Приходько С.А.</i> Вехи жизни Георгия Ивановича Гордеенко (1895–1989), выдающегося организатора партизанской борьбы в юго-западной части Орловской области	69
<i>Бесолов В.Б.</i> Судьба легендарной подпольщицы Великой Отечественной войны Разиат Камболовны Караевой	77
<i>Сорокина М.Ю.</i> Из белых в красные: Фёдор Высторопский и Союз советских патриотов в Югославии (1941–1944)	83
<i>Шевченко К.В.</i> Герой Советского Союза Ян Налепка: от офицера словацкой оккупационной армии до партизанского командира.	92
<i>Воробьева В.Н.</i> Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР в 1941–1945 гг. (по данным 3-го тома книги «Память. Санл»)	98
Раздел 2. Боевые действия на южном фланге советско-германского противостояния в 1941–1943 гг.	
<i>Аверьянов А.В.</i> Формирование истребительных батальонов на начальном этапе Великой Отечественной войны в Ростовской области (1941–1942 гг.): организационные аспекты	107
<i>Заблотский А.Н., Ларинцев Р.И.</i> На азовском льду. Боевые действия на Азовском море зимой 1941–1942 гг.	114
<i>Судоргин Н.Г.</i> Войска ПВО в сражениях за ростовское небо в 1941–1942 гг.	123
<i>Головина Е.Л.</i> Работа эвакогоспиталя № 1959 в 1941–1942 гг. в Астрахани	127
<i>Афанасенко В.И.</i> Морские бригады сражались насмерть! (К 80-летию битвы за Ростов-на-Дону в июле 1942 г.)	132
<i>Щербанов В.К.</i> 1942 год через призму времени	140

<i>Линец С.И., Линец А.С.</i> Топливный кризис в гитлеровской Германии и планы по захвату вермахтом кавказских нефтяных месторождений в период битвы за Кавказ в 1942–1943 гг.	149
<i>Киндяков С.А.</i> Участие Орловской (Майкопской) отдельной танковой бригады в Туапсинской оборонительной операции 1942 г.	158
<i>Карташев А.В.</i> Американские «бостоны» в небе Северного Кавказа в 1942–1943 гг.	162
<i>Санин Д.Н.</i> Боевые действия 28-й армии на Сальском направлении в январе 1943 г. и их значение в битве за Кавказ.	172
<i>Дукин А.А.</i> Участие 4-го гвардейского кавалерийского корпуса в освобождении Донбасса в 1943 г.	178
<i>Мухаметов П.А.</i> Участие 5-й воздушной армии 2-го Украинского фронта в Будапештской наступательной операции (29 октября 1944 г. – 13 февраля 1945 г.)	185
<i>Медвенский Н.И.</i> Деятельность военных госпиталей на территории Абхазии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	193
Раздел 3. Без срока давности: преступления нацистов и коллаборационистов на оккупированных территориях и их последствия	
<i>Кропачев С.А.</i> Отечественная историография Холокоста в СССР: демографический аспект	202
<i>Терушкин Л.А.</i> Свидетельства о преступлениях нацизма в тыловой и фронтовой переписке 1941–1945 гг.	210
<i>Броварь А.В., Ревизская Ю.А.</i> Геноцид народа СССР нацистской Германией на территории Сталинской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.)	220
<i>Мартыненко Вик.Ю.</i> «По немецкому времени...»: политика оккупантов на захваченной территории Ростовской области (по документам оккупационных властей)	228
<i>Воронин К.В.</i> Деятельность немецких жандармов на востоке Донбасса и в западных районах Ростовской области.	236
<i>Петров Г.В.</i> Старика на оккупированной территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны.	243
<i>Шпрингер О.А.</i> Судьбы советских военнопленных из «марганцевых команд».	250
<i>Венков А.В.</i> Военнослужащие вермахта о коллаборационистах.	255
<i>Тюменцев И.О.</i> Партизаны и коллаборанты в Апшеронском и Нефтегорском районах Краснодарского края в 1942–1943 гг.: по воспоминаниям Г.М. Гунько.	261
<i>Боголюбов А.А.</i> Проблема коллаборационизма в период немецко-фашистской оккупации города Пятигорска.	269
<i>Епифанов А.Е., Сердюкова И.А.</i> Военные преступления на оккупированной территории Юга России: проблемы выявления, расследования и юридические последствия.	273
<i>Сивков С.М., Мирошниченко Е.В.</i> Ступени возмездия: Краснодарский (1943), Киевский (1946), Нюрнбергский (1945–1946) и другие судебные процессы.	282
<i>Иванов В.А.</i> Краснодарский и Симферопольский судебные процессы 1959–1972 гг. в освещении периодической печати.	287
<i>Макарова Е.А.</i> Малоизвестные страницы оккупации Ставропольского края (по материалам архивного уголовного дела нацистского пособника А. Райха) ...	295

Кудряков А.Ю. Экспедиция «Без срока давности» в Ростовской области в 2021 г.: методы проведения, этапы работы и результаты	303
--	-----

Раздел 4. Власть и общество, экономика и культура в 1941–1945 гг.

Афанесян К.К. Социальная политика на Дону и Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: советская и современная российская историография	307
Соколов О.Л. Перестройка работы органов власти Ростовской области в начале Великой Отечественной войны.	313
Ходяков М.В. Решения городских властей по жилищным вопросам в блокированном Ленинграде. 1941–1943 гг.	318
Хубулова С.А., Кудзиева С.О. Государственная политика в отношении новых категорий населения на территории Северо-Осетинской АССР в годы Великой Отечественной войны	323
Состин Д.И. Особенности государственно-правового управления СССР в период битвы за Кавказ	331
Печалова Л.В. Вклад кооперативных объединений Северного Кавказа и Дона в решение проблем социальной защиты детей в годы Великой Отечественной войны	337
Лысенко И.А. Роль потребительской кооперации в формировании системы жизнеобеспечения населения Сталинградской области (1941–1945 гг.).	342
Бадугинова М.В. Система здравоохранения Калмыкии в 1941–1943 гг.	348
Жбанникова М.И. Районная печать 1941–1945 гг. о работе библиотек в условиях Великой Отечественной войны на территории Ростовской области.	357
Семенова О.В. Ростовский театр музыкальной комедии в годы Великой Отечественной войны	366
Мотревич В.П. Совнарком СССР и восстановление сельского хозяйства Ростовской области в 1943–1945 гг.	373
Фогель Е.А. Несовершеннолетние в социально-политических процессах 1943–1945 гг. (на материалах Ростовской области).	382

Раздел 5: Военная повседневность: на фронте, в тылу и в оккупации

Серзетдинов Б.У. Повседневная жизнь личного состава народного ополчения из г. Москвы в вяземском котле	391
Стасева А.Б. Фронтовые письма и документы К.Ф. Тарасова: хроника чувств и история военной службы	399
Третьякова Е.Ю., Пересада О.Е. «Там уж поговорим про весь пройденный путь»: фронтовые письма сержанта гвардии Николая Рощина	406
Тимофеев А.Ю. Искупить кровью: бывшие сербские коллаборационисты на советской службе в годы Второй мировой войны.	414
Жеребцов И.Л. «Мы мечтали, как вдоволь наедемся хлеба»: к вопросу о питании жителей тылового города в годы Великой Отечественной войны.	423
Карташев И.В. Учреждения школьного и профессионального образования в условиях немецко-фашистской оккупации территории СССР	432
Скорик А.П. Новочеркасск во время нацистской оккупации	441
Мерзляков М.П. Повседневная жизнь в казачьих станицах Нижнего Дона в период немецкой оккупации 1942–1943 гг.	452
Красноженова Е.Е. «Мы сразу стали взрослыми»: дети и подростки в условиях оккупации (на материалах Ленинградской области)	458

<i>Вычеров Д.А.</i> Советское детство на оккупированной территории Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны: источниковедческий анализ . . .	465
<i>Шкробитько Е.А.</i> Советские остарбайтеры в промышленности нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	469
<i>Агеева В.А.</i> Использование жителей г. Таганрога на принудительных работах в Германии в 1942–1945 гг. (на материалах дневников, писем, устных источников)	476
<i>Мартыненко Вер.Ю., Рясный С.И.</i> История одного предательства (по материалам семьи из г. Красный Сулин)	484
Раздел 6. События и участники войны в культуре памяти России и стран ближнего зарубежья	
<i>Кокоулин В.Г.</i> Изучение исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России	489
<i>Коровин В.В.</i> Документальные источники по истории партизанского движения: региональный аспект	496
<i>Оконов Б.А., Очергоряева Д.В.</i> Объяснительные комсомольцев, оставшихся на оккупированной территории, как исторический источник (по материалам Национального архива Республики Калмыкия)	505
<i>Шпагин С.А.</i> Историческая справка 1948 г. «Фальсификаторы истории» в контексте системного реваншизма	511
<i>Милошевич З.</i> Историческая память и политика памяти в Сербии: борьба НАТО против культуры памяти в Сербии на примерах переименования улиц в Белграде	518
<i>Авксентьев В.А.</i> Тема Великой Отечественной войны в «надэтнических» и «этнических» СМИ на Северном Кавказе (на материалах контент-анализа) . .	524
<i>Гриценко Г.Д.</i> Память о Великой Отечественной войне в научной среде северокавказского сообщества (на примере Чеченской Республики)	533
<i>Очирова Н.Г.</i> Фронтвики-калмыки на строительстве Широковской ГЭС (1944–1945 гг.): отражение в исторической памяти и мемориальной культуре Калмыкии	539
<i>Намуева Л.В.</i> Долгая дорога к правде: о судьбе защитника Дома Павлова	547
<i>Захарина Е.А.</i> Анализ объектов культурного наследия Ростовской области, посвященных Великой Отечественной войне	555
<i>Корсак А.И.</i> Воинские захоронения 1941 г. на территории Республики Беларусь: проблема идентификации и верификации на современном этапе.	563
<i>Татаринев И.Е.</i> К истории одного танка. Страницы монументализации исторической памяти о Великой Отечественной войне в Луганской Народной Республике	571
<i>Горбатенко Е.А., Волгина А.М.</i> Разработка проектных предложений по определению территории, предмета охраны и охранный зоны памятника истории и культуры (на примере могилы Ф.А. Гринкевича на территории г. Донецка, Донецкая Народная Республика)	579
<i>Шмыгаль И.А.</i> Проблемы достоверности имен погибших советских военнослужащих на плитах мемориалов Великой Отечественной войны.	585
Сведения об авторах	588

Table of contents

Foreword (Academician RAS G.G. Matishov)	5
Chapter 1. Contribution of the peoples of the USSR to the Victory in the Great Patriotic War	
<i>Borodkin, L.I., Krinko, E.F., Leont'yeva, N.I.</i> Peoples of the USSR at the fronts of the Great Patriotic War: possibilities to use statistical and military-anthropological methods in modern studies	7
<i>Ochirov, U.B.</i> Commanders of the ethnic cavalry divisions of the Red Army (1941–1945): a prosopographical study	16
<i>Litvin, A.M.</i> Dwellers of Rostov Region – participants of the Soviet-Finnish War (The Winter War) in the partisan movement in Belarus	26
<i>Lomagin, N.A.</i> On the problems of the partisan movement organization in Leningrad Region in 1941	36
<i>Sultanbekov, R.M.</i> Mobilization of forces and means in Dagestan to rout the enemy (1941–1943)	45
<i>Khatuev, I.Z.</i> Volunteer movement in Chechnya during the Great Patriotic War	52
<i>Bezugol'nyi, A.Yu.</i> Fruits of 'heavy work': the army-wide conference of propagandists, interacting with soldiers of the non-Russian nationalities (July – August 1943)	58
<i>Sardalov, I.A. Visaitov, M.A.:</i> the destiny of an audacious regiment commander	63
<i>Prikhod'ko, S.A.</i> Milestones of life of Georgiy Ivanovich Gordeenko (1895–1989), an outstanding organizer of the partisan struggle in the South-West of Orel Region	69
<i>Besolov, V.B.</i> Destiny of a legendary underground movement member of the Great Patriotic War – Raziat Kambolovna Karaeva	77
<i>Sorokina, M.Yu.</i> From the Whites into the Reds: Fyodor Vystoropskiy and the Union of the Soviet Patriots in Yugoslavia (1941–1944)	83
<i>Shevchenko, K.V.</i> Hero of the Soviet Union, Jan Nalepka: from an officer of the Slovak occupational army to a partisan commander	92
<i>Vorob'yova, V.N.</i> Irrecoverable losses of the Red Army military men, enlisted from the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941–1945 (according to data from Volume 3 of the book 'Memory. Sanl')	98
Chapter 2. Hostilities on the southern flank of the Soviet-German confrontation in 1941–1943	
<i>Aver'yanov, A.V.</i> Formation of destruction battalions in Rostov Region at the initial stage of the Great Patriotic War (1941–1942): organizational aspects	107
<i>Zablotskiy, A.N., Larintsev, R.I.</i> On the Sea of Azov ice. Hostilities in the Sea of Azov in the winter of 1941–1942	114
<i>Sudorgin, N.G.</i> Air defence troops in the battles for the sky over Rostov-on-Don in WW 1941–1942	123
<i>Golovina, E.L.</i> Activities of Evacuation Hospital No. 1959 in 1941–1942 in Astrakhan	127
<i>Afanasenko, V.I.</i> Naval infantry brigades fought to the death! (To the 80-year anniversary of the Battle for Rostov-on-Don in July 1942)	132
<i>Shcherbanov, V.K.</i> Year 1942 through the prism of time	140

<i>Linets, S.I., Linets, A.S.</i> Fuel crisis in Hitlerite Germany and the Wehrmacht's plans to seize the oil fields in the Caucasus during the Battle of the Caucasus in 1942–1943	149
<i>Kindyakov, S.A.</i> Participation of the Orel (Maikop) Separate Tank Brigade in the Tuapse Defensive Operation of 1942	158
<i>Kartashev, A.V.</i> American, the Boston, aircrafts in the sky over the Northern Caucasus in 1942–1943.	162
<i>Sanin, D.N.</i> Hostilities of the 28th Army in the Salks sector in January 1943 and their significance for the Battle of the Caucasus	172
<i>Dukin, A.A.</i> Participation of the 4th Guards Cavalry Corps in the liberation of the Donbass in 1943	178
<i>Mukhametov, P.A.</i> Participation of the 5th Air Army of the 2nd Ukrainian Front in the Budapest Offensive Operation (29 October 1944 – 13 February 1945)	185
<i>Medvenskiy, N.I.</i> Activities and operation of military hospitals on the territory of Abkhazia during the Great Patriotic War of 1941–1945	193
Chapter 3. Without the limitation period: the cries of the Nazi and collaborationists in the occupied territories and their consequences	
<i>Kropachev, S.A.</i> National historiography of the Holocaust in the USSR: a demographic aspect	202
<i>Terushkin, L.A.</i> Testimonies to the crimes of the Nazism in the rear and front correspondence of 1941–1945	210
<i>Brovar', A.V., Revizskaya, Yu.A.</i> Genocide of the USSR people by Nazi Germany on the territory of Stalino Region during the Great Patriotic War (1941–1943)	220
<i>Martynenko, Vik. Yu.</i> 'According to the German time...': the policy of invaders on the captured territory of Rostov Region (according to the documents of the occupation authorities)	228
<i>Voronin, K.V.</i> Activities of the German gendarmes in the Eastern Donbass and the western areas of Rostov Region	236
<i>Petrov, G.V.</i> Seniors and the elderly on the occupied territory of Rostov Region during the Great Patriotic War.	243
<i>Shpringer, O.A.</i> Destinies of the Soviet prisoners of war from 'the manganese squads'	250
<i>Venkov, A.V.</i> Wehrmacht's military men about collaborationists.	255
<i>Tyumentsev, I.O.</i> Partisans and collaborators in Apsheonsk and Neftegorskiy districts of Krasnodar Territory (Krai) in 1942–1943: according to the recollections and memoirs of G.M. Gun'ko.	261
<i>Bogolyubov, A.A.</i> Problem of collaborationism during the German fascist occupation of Pyatigorsk.	269
<i>Epifanov, A.E., Serdyukova, I.A.</i> War crimes on the occupied territory of the South of Russia: problems of detection, investigation, and legal consequences.	273
<i>Sivkov, S.M., Miroshnichenko, E.V.</i> Steps of retribution: the Krasnodar (1943), Kiev (1946), Nuremberg (1945–1946), and other trials	282
<i>Ivanov, V.A.</i> Krasnodar and Simferopol trials of 1959–1972 covered in the periodical press	287
<i>Makarova, E.A.</i> Little-known chapters of occupation of Stavropol Territory (Krai) (based on the materials of an archival criminal case of the Nazi accomplice, A. Reich)	295

<i>Kudryakov, A.Yu.</i> Expedition 'Without the Limitation Period' in Rostov Region in 2021: methods of realization, implementation stages, and results	303
--	-----

Chapter 4. Power and society, economy and culture in 1941–1945

<i>Afanasyan, K.K.</i> Social policy in the Don and Northern Caucasus regions during the Great Patriotic War: the Soviet and current Russian historiography	307
<i>Sokolov, O.L.</i> Restructuring of activities of the authorities of Rostov Region during the beginning of the Great Patriotic War	313
<i>Khodyakov, M.V.</i> Decisions of the city authorities on housing and dwelling issues in blockade Leningrad (1941–1943)	318
<i>Khubulova, S.A., Kudzieva, S.O.</i> State policy towards the new categories of population on the territory of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War.	323
<i>Sostin, D.I.</i> Specific features of the state-legal management of the USSR during the Battle for the Caucasus	331
<i>Pechalova, L.V.</i> Input of cooperative unions of the Northern Caucasus and Don regions to the solution of problems of social protection of children during the Great Patriotic War	337
<i>Lysenko, I.A.</i> Role of consumers' cooperative organizations in the formation of life-support system of population of Stalingrad Region (1941–1945)	342
<i>Baduginova, M.V.</i> Healthcare system in Kalmykia in 1941–1943	348
<i>Zhbannikova, M.I.</i> District press of 1941–1945 about the activities of libraries under the conditions of the Great Patriotic War on the territory of Rostov Region	357
<i>Semyonova, O.V.</i> Rostov-on-Don Musical Comedy Theatre during the Great Patriotic War	366
<i>Motrevich, V.P.</i> Sovnarkom (Council of People's Commissars) of the USSR and the restoration of agriculture in Rostov Region in 1943–1945	373
<i>Fogel, E.A.</i> Minors in social-political processes of 1943–1945 (the case of Rostov Region)	382

Chapter 5: War everyday life: at the front, in the rear, and under occupation

<i>Serazetdinov, B.U.</i> Everyday life of members of the people's emergency volunteer corps from Moscow in the Vyazma Pocket.	391
<i>Staseva, A.B.</i> Front letters and documents of K.F. Tarasov: the chronicle of feelings and the history of military service.	399
<i>Tret'yakova, E.Yu., Peresada, O.E.</i> 'Shall talk about the entire way gone then': letters by sergeant of the Guards Nikolai Roshchin from the front	406
<i>Timofeev, A.Yu.</i> Blood atonement: former Serbian collaborationists in the Soviet service during the Second World War	414
<i>Zherebtsov, I.L.</i> 'We were dreaming of having bread in plenty': on the diet and food supply issues in a city in the rear during the Great Patriotic War	423
<i>Kartashev, I.V.</i> School institutions and institutions of professional education under the conditions of the German fascist occupation of the USSR territories	432
<i>Skorik, A.P.</i> Novocherkassk during the Nazi occupation.	441
<i>Merzlyakov, M.P.</i> Everyday life in the Cossack stanitsas of the Lower Don Region during the German occupation of 1942–1943	452
<i>Krasnozhenova, E.E.</i> 'We had become adults at once': children and teenagers under the conditions of occupation (the case of Leningrad Region).	458

<i>Vycherov, D.A.</i> Soviet childhood on the occupied territory of the North-West of Russia/RFSFR during the Great Patriotic War: source study analysis	465
<i>Shkribit'ko, E.A.</i> Soviet Ostarbeiters in the industries of the Nazi Germany during the Great Patriotic War (1941–1945)	469
<i>Ageeva, V.A.</i> Dwellers of Taganrog at forced works in Germany in 1942–1945 (based on diaries, letters, oral sources)	476
<i>Martynenko, V.Yu., and Ryasnyi, S.I.</i> History of one treason (the case of a family from the town of Krasnyi Sulin).	484
Chapter 6. Events and participants of the war in the culture of memory in Russia and countries of the near abroad	
<i>Kokoulin, V.G.</i> Study of the historical memory of the Great Patriotic War in post-Soviet Russia	489
<i>Korovin, V.V.</i> Documentary sources covering the history of partisan movement: a regional aspect	496
<i>Okonov, B.A., Ochergoryaeva, D.V.</i> Explanatory notes of the members of the Komsomol, who remained on the occupied territory, as a historical source (based on materials from the National Archives of the Republic of Kalmykia)	505
<i>Shpagin, S.A.</i> Historical reference of 1948. 'Forgers of History' in the context of systemic revanchism	511
<i>Milossevich, Z.</i> Historical memory and the policy of memory in Serbia: struggle of the NATO against the culture of memory in Serbia (the case of renaming the streets in Belgrade)	518
<i>Avksentiev, V.A.</i> Theme of the Great Patriotic War in 'over-ethnic' and 'ethnic' mass media in the Northern Caucasus (based on materials of content analysis)	524
<i>Gritsenko, G.D.</i> Memory of the Great Patriotic War in a scientific milieu of the Northern Caucasus society (the case of the Chechen Republic)	533
<i>Ochirova, N.G.</i> Front-line soldiers of the Kalmyk origin at the construction of the Shirokovskaya Hydroelectric Power Station (1944–1945): reflection in the historical memory and memorial culture of Kalmykia	539
<i>Namrueva, L.V.</i> A long way to the truth: about the destiny of a defender of the Pavlov's House	547
<i>Zakharina, E.A.</i> Analysis of cultural heritage objects in Rostov Region dedicated to the Great Patriotic War.	555
<i>Korsak, A.I.</i> Military burial sites of 1941 on the territory of the Republic of Belarus: problems of identification and verification at the current stage	563
<i>Tatarinov, I.E.</i> On the history of one tank. The pages of monumentalization of historical memory of the Great Patriotic War in the Lugansk People's Republic	571
<i>Gorbatenko, E.A., Volgina, A.M.</i> Development of projected and design proposals to determine the territory, protection object, and protection zone of a monument of history and culture: the case of the grave of F.A. Grinkevich on the territory of Donetsk (the Donetsk People's Republic)	579
<i>Shmygal', I.A.</i> Problems of reliability and authenticity of names of the perished Soviet military men, indicated on the plates of the memorials dedicated to the Great Patriotic War.	585
Information about the authors	588

Научное издание

**Великая Отечественная война
в истории и памяти народов Юга России:
события, участники, символы:**

материалы III Всероссийской научной конференции
(г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.)

Редакторы:

А.А. Яковлева (разделы 1–3),

А.С. Бабаева (разделы 4–6)

Оригинал-макет Л.В. Безбородовой

Обложка А.В. Коржова

Перевод Р.Г. Михалюка

Подписано в печать 10.06.2022.

Формат 60 × 84/16. Усл. печ. л. 34,88.

Тираж 200 экз. Заказ № 376.

Издательство ЮНЦ РАН

344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

ssc-ras@ssc-ras.ru, ssc_ssc-ras@mail.ru

Отпечатано ИП Иванов Антон Валерьевич

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111

Тел. +7-918-570-30-30